

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

На правах рукописи

Земляков Михаил Вячеславович

**Эволюция рабства в германском мире в поздней Античности и
раннем Средневековье (сравнительный анализ франкского
законодательства VI – начала IX в. и англо-саксонских законов
VII – начала XI в.).**

Специальность 07.00.03 –
Всеобщая история (Средние века)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор И.С. Филиппов

Москва – 2015

Содержание:

Введение.....	5
§ 1. Источниковая база исследования.....	18
§ 2. Историография исследования.....	80
§ 2.1. Начальный этап изучения проблемы рабства. Выработка исследовательской проблематики.....	–
§ 2.2. Немецкая историография XIX–XX вв. и её основные направления.....	84
§ 2.3. Английская и англо-американская историография второй половины XIX – начала XXI в.	106
§ 2.4. Французская историография второй половины XIX – начала XX в. и франко–бельгийская историография XX – начала XXI в.	121
§ 2.5. Отечественная историография конца XIX – начала XXI в.	137
§ 2.6. Рабство как категория и как социально-правовой статус: постановка проблемы.....	153
Глава I. Рабство в Салической правде и меровингских капитуляриях в конце V–VI в.	160
§ 1. Источники пополнения прослойки рабов по материалам Салической правды и северогерманских правд в начале VI – начале IX в.	–
§ 1.1. Взятие в плен и захват в военных походах.....	163
§ 1.2. Обращение в рабство как наказание за преступления.....	172
§ 1.3. Долговое рабство и добровольный переход в зависимость.....	178
§ 1.4. Кража рабов или продажа свободных в рабство.....	180
§ 1.5. Передача рабского статуса по наследству.....	183
§ 2. Занятия рабов и лично зависимых людей во франкских правдах начала VI – начала VII в.	186
§ 3. Эволюция правового статуса рабов по материалам редакций Салической правды начала VI – начала IX в.	208

§ 3.1. Правовой статус привилегированных рабов и ответственность за преступления против них.....	210
§ 3.2. Правовой статус рабов в составе господского имущества и преступления против них.....	218
§ 3.3. Ответственность раба за его преступления и различные формы наказания рабов.....	242
§ 4. Изменение положения рабов в меровингских капитуляриях VI в.....	266
§ 5. Освобождение рабов в меровингских королевствах VI в. и статус вольноотпущенников.....	279

Глава II. Эволюция института рабства и статусов зависимости в восточно-франкских землях VII – начала VIII в. и в державе Каролингов середины VIII – начала IX в.	294
---	-----

§ 1. Динамика изменения путей попадания в рабство в VII – начале IX в.	298
§ 1.1. Взятие в плен и порабощение пленных. Работорговля.....	299
§ 1.2. Обращение в рабство как наказание за преступления.....	304
§ 1.3. Долговое рабство и добровольный переход в зависимость.....	306
§ 1.4. Передача рабского статуса по наследству.....	309
§ 2. Положение рабов и лично зависимого населения в Рипуарской правде в начале VII – начале VIII в.	312
§ 3. Отпуск рабов на волю и статус табуляриев в области рипуарских франков VII – начала VIII в.	349
§ 4. Правовой статус рабов и зависимого населения франкских поместий в VIII – начале IX в. (по материалам Правды франкской хамавов и каролингских капитуляриев).....	362
§ 5. Отпуск рабов на волю и положение вольноотпущенников в Правде франкской хамавов и каролингских капитуляриях середины VIII – начала IX в.	396

Глава III. Эволюция института рабства в англо-саксонском обществе начала VII – начала XI в.	403
§ 1. Источники рабства в англо-саксонском обществе начала VII – начала XI в. ... –	
§ 1.1. Взятие в плен и захват заложников.....	405
§ 1.2. Обращение в рабство в качестве наказания за преступление.....	414
§ 1.3. Долговое рабство.....	417
§ 1.4. Кража чужих рабов и продажа в рабство за пределы Англии.....	418
§ 1.5. Наследование рабского статуса.....	421
§ 2. Занятия зависимого населения и способы использования его труда.....	423
§ 3. Древнейший этап развития рабства в Британии: законы VII – конца IX в.	435
§ 3.1. Правовой статус привилегированных рабов в Кенте и ответственность за преступления против них.....	437
§ 3.2. Правовой статус кентских рабов VII в. (категории <i>þeow</i> и <i>esne</i>).....	443
§ 3.3. Рабы и лично зависимое население в законах Инэ конца VII в. Трансформация уэссекской традиции в судебнике Альфреда Великого конца IX в.	449
§ 4. Положение рабов и лично зависимого населения в англо-саксонском законодательстве первой половины X в.	469
§ 5. Проблема соотношения лично зависимого крестьянства и рабов в англо-саксонском поместье второй половины X – начала XI в. (по материалам трактата «Об обязанностях различных лиц» и законов королей Эдгара и Этельреда Нерешительного).....	485
§ 6. Отпуск англо-саксонских рабов на волю в начале VII – начале XI в. и его правовые последствия.....	516
Заключение.....	530
Список используемых сокращений.....	546
Литература и источники.....	548

Введение.

Проблема соотношения свободы и рабства, гражданского полноправия и бесправия, господства и подчинения является для европейской цивилизации одной из ключевых и наиболее древних. Начиная с древнегреческой философской традиции и вплоть до европейской мысли нашего времени эта проблема стоит в центре внимания историков, правоведов, социальных философов и постоянно присутствует в общественном дискурсе.

Несмотря на то, что в праве и общественной мысли Нового и Новейшего времени свобода признавалась органической частью личности¹, так было далеко не всегда. Для античной философии Древней Греции и Рима, а также для текстов Ветхого и Нового Завета, произведений отцов церкви естественным состоянием общества представлялась дихотомия рабства и свободы, объясняемая различными обстоятельствами (природными условиями, естественным порядком вещей, греховностью человека и т.д.)².

Подход античных философов полностью разделялся классическим римским правом. Согласно идее провинциального римского юриста Гая, автора «Институций» (середина II в.), «важнейшее разделение в праве лиц состоит в том, что все люди являются либо свободными, либо рабами»³. Это сформировало главную дихотомию римского права в эпоху поздней Римской империи «раб – свободный», в которой свобода носила негативный оттенок, будучи противопоставлена личной зависимости и полной несвободе.

¹ См. об этом, например: *Милль Дж.* О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26; *Монтескьё Ш.Л.* Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина. М., 1955. С. 288–289, 316–320 (о проявлении свободы в европейской правовой традиции), 361–375, 387–391 (отрицание естественного характера рабства в Европе); *Пухта Г.-Ф.* Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 425–429, 470.

² *Davis D.B.* The Problem of Slavery in Western Culture. Ithaca; London, 1966. P. 62–90; *Garnsey P.* Ideas of Slavery from Aristotle to Augustine. Cambridge, 1996.

³ Gai. 1, 9: Et quidem summa divisio de iure personarum haec est, quod omnes homini aut liberi sunt aut servi (Текст взят из издания: *The Institutes of Gaius and Rules of Ulpian: The former from Studemund's Apograph of the Verona Codex / With Transl. and Notes, Critical and Explanatory, and copious Alphabetical Digest by J. Muirhead.* Edinburgh, 1880).

Поскольку в раннесредневековых правовых источниках, записанных на латыни, категория «раб» долгое время обозначалась как *servus* или *mancipium*, в XIX – начале XX в. это нередко порождало представление о рабстве у германских племён как о прямом продолжении или подобии римского рабства.

Однако в действительности германское рабство в том виде, как оно было представлено в праве германских племён и народов V–XI в., завоевавших бывшую Западную Римскую империю, значительно отличалось от римского рабства и представляло собой особый феномен европейской социальной истории раннего Средневековья. Источники германского рабства во многом были отличны от источников римского; занятия германских рабов и уровень их квалификации также имели мало общего с занятиями рабов позднеантичного общества. Линия эволюции института германского рабства в сторону его слияния с другими лично и поземельно зависимыми категориями, имевшими ранее свободный статус, привела к формированию уникальной западноевропейской «крестьянской цивилизации». Продолжительность этой эволюции напрямую зависела от конкретно-исторических условий проживания германских племён, но тенденции развития рабства были примерно одинаковы на всём протяжении Западной Европы раннего Средневековья.

Особенно ярко характерные черты германского рабства можно проследить в раннесредневековых варварских королевствах, которые возникали на наименее романизованных территориях Римской империи или в непосредственной близости от её границ. Поэтому в качестве двух образцов для изучения институтов рабства у германцев автором диссертации выбраны франки, ядро племенного союза которых размещалось на территории Северной Галлии и Среднего Рейна, и англо-саксы, расселившиеся на территории современного королевства Англия и на некоторых прилегающих островах.

Актуальность исследования заключается в необходимости выработки общего определения германского рабства, с помощью которого можно было бы в описать характерные особенности этого института, и выделения его ключевых признаков в качестве правового статуса раннего Средневековья. Общность многих социальных институтов (таких как сходная организация родовых отношений, наличие практически идентичных по статусу общественных категорий) в среде германских племён в раннем Средневековье, отразившихся в варварских правдах, позволяет говорить о том, что рабство германцев также обладало общими чертами. Такое определение уже существует в отношении античного рабства, однако оно не передаёт многих особенностей рабства варварского общества.

Выработка дефиниции и признаков германского рабства (на материале законодательных источников франков и англо-саксов) должна помочь в определении места этого общественного явления в иерархии средневековых статусов. Это, в частности, является необходимым условием при анализе истоков и социально-правового статуса средневекового крестьянства. Данные проблемы активно дискутировались в зарубежной и отечественной науке XX в. и продолжают оставаться актуальными по сей день.

В последние десятилетия значительно активизировался интерес к проблемам взаимодействия пришлых варваров и бывших жителей Империи, влияния римского права и культуры на формирование социальных институтов в германских королевствах V–XI вв. Вопрос рецепции позднеимперского права в Галлии VI в. (в т.ч. в части, которая затрагивала вопросы рабского статуса) не является исключением. Немалую озабоченность на современном историческом этапе вызывает сохранение (а в отдельных регионах планеты – даже усугубление) проблемы работорговли и захвата людей в рабство; это, в свою очередь, требует обращения к историческому опыту, изучению специфики источников рабства и вопросов социальной адаптации вольноотпущенников в разные эпохи (в т.ч. в раннем Средневековье). Этой проблематике в диссертации уделено особое внимание.

Наконец, в последнее время происходит всплеск интереса к текстологическим исследованиям. Текстология как исследовательский метод в медиевистике применяется, прежде всего, к нарративным источникам. Материалы законодательства (континентальные варварские правды и англо-саксонские законы) хорошо исследованы во многих отношениях: нам известны их основные редакции и семьи, а также стеммы рукописей; эти результаты легли в основу критических изданий XIX–XX вв. Однако исследование проблем социальной истории, в особенности – эволюции правового статуса рабства у франкских и англо-саксонских племён, при помощи текстологического метода представлено крайне ограниченным числом работ. В этом отношении автор диссертации продолжает разработку этого относительно малоизученного направления истории германского рабства.

Предмет исследования составляет германское рабство во всём многообразии его терминологии и конкретных проявлений в племенных и раннегосударственных образованиях франков и англо-саксов. **Объектом исследования** выступает процесс эволюции социально-правового статуса рабов, а также механизмы его взаимодействия с другими категориями франкского и англо-саксонского раннесредневековых обществ в сравнительной перспективе.

Хронологические рамки исследования несколько отличаются для франкского и англо-саксонского рабства, отражая традиции развития местного германского законодательства. Верхней хронологической границей изучения проблемы эволюции статуса франкских рабов в данной работе принято начало VI в. (время правления Хлодвига и возникновения первого свода франкского права – *Pactus legis Salicae*), а нижней границей – начало IX в., или 830-е гг. (время выхода последней редакции Салической правды, совпавшее с окончанием правления императора Людовика Благочестивого и разделом каролингской империи).

Верхней хронологической границей изучения слоя рабов у англосаксов в данной диссертации принято начало VII в. (время фиксации первого памятника права на территории королевства Кент – законов Этельберта), а нижней – начало XI в., или 1016–1017 гг. (окончание правления англосаксонского короля Этельреда II Нерешительного и переход власти в королевстве Англия к Кнуту Великому и «англо-датской» династии).

Такая хронология объясняется периодизацией законодательных источников, содержащих сведения о рабах и других лично зависимых категориях варварского общества. Начальный этап их кодификации был отмечен появлением пространных сводов права и судебных книг (Салической и Рипуарской правд в VI–VII вв.; свода кентских законов VII в. и судебного Альфреда в конце IX в.).

Финальная стадия развития варварского законодательства приходится у франков на VIII – первую половину IX в., а у англосаксов на X – начало XI в. и связана с появлением каролингских капитуляриев и Правды франкской хамавов (долгое время также считавшейся капитулярием) в первом случае и отдельных законов и распоряжений англо-саксонских королей – во втором. По своему составу и функции эти распоряжения и капитулярии были сходны и отражали одну и ту же стадию развития законодательства в обществе франков и англосаксов, а именно – стадию дополнения и исправления правовых источников и установлений более раннего времени (таких как Салическая и Рипуарская правды, судебник Альфреда). Кроме того, стадильное сходство двух законодательных традиций подчёркивает появление именно в этот период источников, содержащих описание категорий зависимости в крупном светском поместье – «Капитулярия о поместьях» конца IX в. и трактата «Об обязанностях отдельных лиц» середины X – начала (или середины) XI в.

Более поздние памятники права также содержат сведения о рабстве, однако в силу развития новых политических процессов (разделение Каролингской империи на Западно- и Восточнофранкские королевства в 843

г., падение англо-саксонской королевской династии и включение Кнутом Великим англо-саксонских земель в свою империю в 1017 г.) они отражают новые реалии социальной истории. Каролингские капитулярии второй половины IX в. и законы Кнута 1027–1034 гг. являются самостоятельными памятниками и не могут рассматриваться как дополнения к франкскому и англо-саксонскому законодательству предыдущих веков; следовательно, рассмотрение их свидетельств об эволюции рабского статуса находится за пределами данной диссертации.

Тем не менее, в отдельных случаях автор работы всё же выходит за пределы верхней и нижней хронологических границ, чтобы отчётливее показать динамику процесса эволюции рабского статуса. Так, положение франкских рабов нередко сравнивается с положением позднеантичных рабов III–V вв. (в т.ч. рабов вестготских федератов Тулузского королевства, описанных в Кодексе Эйриха); англо-саксонские социальные институты находят своё отражение в латинском переводе начала XII в. (*Quadripartitus*), который нередко содержит записанные на древнеанглийском языке, но впоследствии утерянные правовые памятники X – начала XI в.

Цель исследования – комплексное изучение и сравнительный анализ процессов эволюции социально-правового статуса рабов в законодательных источниках франков VI – начала IX в. и англо-саксов VII – начала XI в. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие ***исследовательские задачи***:

- 1) Анализ источниковой базы исследования: изучение истории создания франкских правд и капитуляриев VI–IX вв. и англо-саксонского законодательства VII–XI вв., их рукописной традиции и языка фиксации.
- 2) Изучение предшествующей историографии франкского и англо-саксонского рабства. Выработка определения германского рабства, его характерных черт и отличий от других институтов личной и поземельной зависимости.

- 3) Анализ путей пополнения рабской прослойки и определение сферы занятости рабов во франкском обществе начала VI – начала VII в. Комплексное изучение правового статуса франкских рабов в редакциях Салической правды VI – начала IX в. и в меровингских капитуляриях VI в.
- 4) Исследование эволюции правового статуса рабов и их сближения с другими категориями лично зависимого населения в землях восточных франков VII – начала VIII в. (по материалам Рипуарской правды) и в державе Каролингов середины VIII – начала IX в. (по материалам каролингских капитуляриев и Правды франкской хамавов).
- 5) Изучение динамики складывания корпуса рабов и сферы применения рабского труда по материалам англо-саксонского законодательства начала VII – начала XI в.
- 6) Определение роли рабства в социальной структуре Англии начала VII – начала XI в.; сравнительный анализ общих черт и особенностей франкского и англо-саксонского рабства.

Для достижения исследовательских задач применяется соответствующая *методология исследования*, включающая в себя как общеисторические методы, так и методы смежных дисциплин.

Историко-сравнительный метод используется автором диссертации в качестве одного из основных. В первую очередь, привлечения этого метода требует сравнительный анализ эволюции рабства в праве двух союзов племён, двух государственных образований, сложившихся в Северной Галлии, на Среднем Рейне (область происхождения франкских правд и значительного числа капитуляриев VI–IX вв.) и на Британских островах (место расселения англо-саксонских племён и записи их права в VII–XI в.). Определив характеристики и составляющие компоненты рабского статуса для всех германских племён раннего Средневековья, можно проводить подробное сравнение сущности рабства как общественного явления и правового статуса у франков VI – начала IX в. и англо-саксов VII – начала IX в.

Историко-генетический метод также играет ключевую роль в раскрытии темы исследования. В названии работы присутствует термин «эволюция», что означает, что институт рабства у франкских и англосаксонских племён рассматривается в процессе своего органического развития (от момента зарождения германского рабства и его обособления от античного (классического) рабства через этап становления этого института и раскрытие его основных черт в законодательных и правовых источниках франков и англо-саксов к изживанию в итоге своих характерных черт и постепенному слиянию с прочими статусами и институтами личной и поземельной зависимости).

Историко-типологический метод используется в диссертационной работе неоднократно. С помощью этого метода автор проводит анализ всего пласта имеющейся в законодательных (а отчасти – и нарративных) франкских и англо-саксонских источниках терминологии рабства, формируя на основе сущностных критериев отдельные категории рабов. Так, на основе принадлежности различным по социальному статусу персонам выделяются рабы короля, церковей и монастырей, светских землевладельцев, рядовых свободных германцев; на основе их занятий – рабы-земледельцы, скотоводы, ремесленники, управляющие и т.д.

Текстологический анализ законодательных памятников на этапах их сбора, внутренней и внешней критики, публикации, не был новым явлением в науке XIX в⁴. Текстологический анализ применялся и продолжает применяться ко всему массиву изучаемых текстов в целом (Салической и

⁴ В германских истории права и источниковедении XIX – начала XX в. такой анализ источников было принято обозначать термином *Textkritik* (т.е. «критика текста»). В отечественных истории и литературоведении XIX–XX вв. за ним закрепились несколько иные названия: «историко-филологический метод», «сравнительно-текстологический метод», «историко-текстологический метод», «история текста»; однако и немецкий вариант – «критика текста», до сих пор присутствует в исторических трудах. См., например: *Данилевский И.Н.* Какая текстология нужна историкам? [Электронный документ. Адрес доступа: <http://www.worldhist.ru/Files/Danilevsky.Text.rtf>. Дата обращения: 15.03.2015]. Кроме того, текстологический подход был ключевым в издательских сериях правовых памятников немецкого исторического института *Monumenta Germaniae Historica* с момента его основания в начале XIX в.

Рипуарской правд, с одной стороны, и англо-саксонских законов – с другой) с целью выявления первоначальной их редакции, более поздних напластований, вставок и изъятий. Однако изучение истории и критика текста тех правовых норм и установлений, которые касались институтов рабства и личной зависимости, никогда не было в европейской науке XIX–XX вв. популярным направлением⁵.

Между тем, изменяясь на протяжении нескольких редакций, текст несёт на себе отпечаток социальной, политической и культурной действительности, в рамках которой он создавался и функционировал, и в свою очередь сам влияет на формирование этой среды. Таким образом, отражённые в отдельных установлениях франкских правд, меровингских и каролингских капитуляриев, англо-саксонских законов характерные черты рабского статуса могли усиливаться или ослабляться, видоизменяться или исчезать даже в двух смежных редакциях текста, происходящих одна от другой. Именно поэтому автор работы использует текстологический подход как один из основных при исследовании редакций текста Салической, Рипуарской правд и некоторых англо-саксонских законов (например, судебного Альфреда).

Текстология в широком смысле слова тесно смыкается с такими специальными историческими дисциплинами, как *палеография* и *кодикология*. Использование их методов способно пролить свет на историю

⁵ В этих условиях изучение эволюции отдельных социальных институтов и правовых статусов при помощи метода критики текста (Textkritik) начинает своё развитие только в конце XIX – начале XX в. и становится уделом относительно небольшого числа (не более десятка) немецких исследователей, непосредственно связанных с изданием франкских правд и англо-саксонских законов (Ф. Байерле, Р. Бухнер, Р. Зом, М. Краммер, Б. Круш, Ф. Либерман, К.А. Экхардт); в издании меровингских и каролингских капитуляриев конца XIX в. этот метод не выходит за рамки публикации в подстрочнике разночтений в различных рукописях. См. издание капитуляриев А. Борезия: *Capitularia regum Francorum* / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883 (MGH. Capit. 1); *Capitularia regum Francorum* / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897 (MGH. Capit. 2). Единственной полноценной работой, которая анализирует статус рабов в обществе франков с позиций текстологии, до нашего дня остаётся монография Х. Нельзена: *Nehlsen H. Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter. Germanisches und Römisches Recht in den germanischen Rechtsaufzeichnungen*. Göttingen; Frankfurt; Zurich, 1972. Bd. I. Ostgoten, Westgoten, Franken, Langobarden. S. 251–357.

бытования различных списков таких памятников, как Салическая и Рипуарская правды, каролингские капитулярии и Правда франкская хамавов, законы и юридические компиляции англо-саксов. В свою очередь, это помогает определить место и время происхождения конкретного фрагмента источника, решить проблему его аутентичности (содержался ли он в протографе рукописи либо был вставлен редактором) и практического применения (действовало ли правовое установление в эпоху создания данной редакции текста или оно было устаревшим).

Научная новизна диссертации заключается в следующем. Во-первых, автор вырабатывает определение германского рабства и перечисляет его признаки. Оно играет важнейшую роль в исследовании: собственно рабская зависимость на основе этих признаков отделяется от сходных с ней категорий личной зависимости.

Несмотря на то, что значительная часть признаков и характерных черт германского рабства была упомянута в трудах отечественных и зарубежных учёных, в подавляющем большинстве они давали этому институту слишком широкое толкование, под которое подпадали многие социальные феномены, кардинально отличающиеся от правового статуса рабов в раннем Средневековье. Новое определение, предложенное в диссертации, позволяет отличать германское рабство от таких общественных институтов, как рабство классического типа в Римской республике и Римской империи и средневековый серваж (состояние, которое также принято обозначать как крепостную или феодальную зависимость крестьянина).

Во-вторых, автор впервые в отечественной и зарубежной исторической науке применяет сравнительно-текстологический метод анализа по отношению к двум германским правовым традициям, в которых была отражена эволюция социально-правового статуса рабов и прочих категорий зависимого населения. Такой анализ ранее проводился только по отношению к франкским законодательным источникам. Благодаря сравнительному подходу к текстологическому анализу франкского и англо-саксонского

материала можно ещё более отчётливо, чем раньше, продемонстрировать конкретные изменения в статусе франкских и англо-саксонских рабов на протяжении длительных (до 100 лет) и более коротких (до нескольких десятков лет) временных отрезков.

В-третьих, новизной отмечен сравнительный анализ отдельных путей пополнения рабской прослойки в меровингских королевствах и державе Каролингов, в англо-саксонских королевствах и едином королевстве Англии. Автор подробно разбирает каждый из источников, показывая его удельный вес и значение в определённый исторический период для Северной Галлии, Среднего Рейна и Британских островов. Анализ источников рабства в отношении племенных союзов франков и англо-саксов, взятых по отдельности, в качестве обособленных центров государственности, не является совершенно новым для исторической науки XIX–XX вв.; однако ранее никогда не проводилось подробного сравнения источников рабской зависимости с поиском общих черт и отличий.

В-четвёртых, предпринятый в диссертации анализ отдельных черт и характеристик германского рабства в законодательных источниках раннего Средневековья позволяет создать более целостное представление об эволюции правового статуса рабов у франков и англо-саксов по сравнению с тем, которое имеется в исторической науке XIX – начала XXI в. Так, в данной диссертации поднимается проблема обретения рабом таких элементов полноправия, как участие в судебном заседании в качестве свидетеля, истца, ответчика (без посредничества своего господина); включение бесправных рабов в систему компенсации за телесные повреждения наряду со свободными и неполноправными членами германских племён и т.п. В своё время эти вопросы получили недостаточное отражение в отечественной исторической науке.

Практическое значение диссертации можно рассматривать в двух основных плоскостях. Во-первых, принятый в настоящей работе подход к источниковедческому исследованию рукописной традиции двух различных

по времени и условиям формирования германских традиций законодательства (франкские правды и капитулярии VI–IX вв.; англосаксонские законы и юридические компиляции VII–XI вв.), которые донесли до нас информацию об эволюции института рабства, может быть в дальнейшем полезен для анализа процессов складывания и бытования рукописных традиций других германских памятников права, в т.ч. варварских правд раннего Средневековья. В частности, таким образом могут быть сделаны выводы о принципах компоновки кодексов, в составе которых есть варварские правды; о соотношении германской правовой традиции с римскими юридическими памятниками и компиляциями; о предполагаемых областях действия и функциях отдельных германских законодательных памятников в составе одного рукописного собрания (кодекса) и т.д.⁶ Вторых, научные выводы и результаты исследовательского поиска, отражённые в данной диссертации, могут быть использованы при написании обобщающих работ и в учебных курсах по источниковедению, историографии и истории Средних веков, а также по специальным историческим дисциплинам (в частности, латинской палеографии, кодикологии, сравнительно-текстологическому анализу источников).

Результаты исследования прошли *апробацию* в виде ряда докладов и выступлений на конференциях и круглых столах, а также курса лекций:

- Научный доклад на заседании Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН (28 января 2015 г.);
- Спецкурс «Несвобода в Западной Европе в Средние века» в Университете Дмитрия Пожарского (I семестр 2014/2015 уч. года);

⁶ В качестве примера можно привести статью, в которой подобные исследовательские процедуры проведены в отношении одного из кодексов, содержащих в своём составе список Салической правды и ряд каролингских капитуляриев и хранящемся в Отделе рукописей РНБ: Земляков М.В. Рукопись Lat. Q. v. II. 11 из собрания Российской национальной библиотеки как сборник правовых текстов раннего Средневековья: принципы и этапы составления // История. Электронный научно-образовательный журнал. Вып. 11 (34) [Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840000962-7-1>. Дата обращения: 02.02.2015 г.].

- Выступления на международных и всероссийских научных конференциях:
- + Ноябрьские чтения на историческом факультете СПбГУ (Санкт-Петербург, 17-20 ноября 2008 г.);
- + Международная конференция «Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 23 сентября 2011 г.);
- + XXV Пашутинские чтения (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 17-19 апреля 2013 г.);
- + Чтения памяти О.А. Добиаш-Рождественской в Санкт-Петербургском Институте истории РАН (Санкт-Петербург, 27 июня 2013 г.);
- + II Всероссийская конференция «Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура» (Ижевск, Удмуртский госуниверситет, 2-3 декабря 2014 г.);
- + XXVII Пашутинские чтения (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 13-15 апреля 2015 г.);
- + Международная конференция «Власть и её пределы: к 800-летию Великой хартии вольностей» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 28-30 сентября 2015 г.);
- + II Межрегиональная научно-практическая конференция «Медиевистика: новые имена» (Тюменский госуниверситет, 27 октября 2015 г.);
- Выступления на круглых столах:
- + «Исторический факт как аргумент политической полемики» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 25 октября 2010 г.);
- + «Маргиналии в рукописях: практики чтения и культура текста в Средние века» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 22 октября 2014 г.);
- + «Источниковедение как инструмент сравнительно-исторического исследования» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 30 ноября 2015 г.).

§ 1. Источниковая база исследования.

Основной группой источников, которые привлекаются в данной диссертации для решения поставленных исследовательских задач, являются т.н. «варварские правды» (лат. *Leges barbarorum* и производные от этого слова в современных языках: *Stammesrechte*, *Volksrechte*, *Rechtsaufzeichnungen* в немецкой историко – юридической традиции XIX – XX вв., *barbarian laws* в англо-американской историографии) – первые правовые памятники германских племён, зафиксированные при переселении на территорию бывших римских провинций или же записанные представителями тех этнических объединений, которые остались на зарейнских землях.

Существенным моментом является то, что при формировании корпуса источников такого типа племя или союз племён испытывали влияние античной цивилизации в совершенно разной степени. Западная Римская империя оставила после себя богатейшее правовое наследие, которое по-разному было использовано германскими этническими группами. Причиной этого является разная степень романизации бывших провинций Империи, обитатели которых взаимодействовали с пришельцами. Так, англосаксонские племена, переселившиеся с континента на Британские острова в середине V в., встретились со слабороманизированным кельтским населением, поэтому их установления в области социальной организации отличались архаичностью. На континенте аналогичная ситуация была характерна для законов фризов и саксов, остававшихся в поздней Античности на периферии римского влияния. С другой стороны, бургунды, вестготы и (в меньшей степени) лангобарды в процессе создания собственных потестарных структур и при трансформации общественных институтов интегрировали в собственное законодательство значительное количество римских правовых обычаев, терминов и установлений.

Безусловно, нахождение на римской земле какого-либо племени, даже в течение длительного временного промежутка, вовсе не означало автоматического включения римских юридических норм и институтов в состав законодательства, которое принимали их предводители – основатели первых королевских династий в Западной Европе (как Хлодвиг салических франков). Именно поэтому законодательство салических и рипуарских франков в относительно небольшой степени задействует в практике правоприменения специфические римские институты, правовые нормы и представления, продолжая апеллировать прежде всего к архаическим порядкам и обычаям эпохи общинного строя, некоторые из которых сложились задолго до появления франков в пределах Галлии.

Нельзя не отметить и тот факт, что германская правовая традиция после вторжения варваров являлась на территории Галлии преобладающей, но не единственной, поскольку для римского населения Южной Галлии, помимо законодательства завоевавших их салических франков, сохраняли актуальность нормы римского права, содержащиеся в Бревиарии Алариха II (*Breviarium Alarici*, 506 г.) и Кодексе Эйриха (*Codex Euricianus*, согласно современной датировке – 476 г.⁷; согласно датировке конца XIX – начала XX в. – между 469 и 481 гг.⁸). В пределах всей Галлии продолжал сохранять значительное влияние в качестве свода римских правовых норм Кодекс Феодосия (источник Бревиария); римские юридические нормы и представления были широко распространены не только среди

⁷ *Ауров О.В.* Государство и право в Королевстве вестготов (Тулузский и Толедский периоды) // Вестготская «правда» (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 85 (со ссылкой на датировку А. д'Орса). Обзор историографии, подробный разбор времени создания этого памятника, проблемы его авторства вкупе с параллельным воспроизведением латинского текста и перевода на русский язык были осуществлены также О.В. Ауровым в публикации: Фрагменты эдикта короля Эвриха / Вступ. ст. и пер. О.В. Аунова // Древнее право. 2007. № 2 (20). С. 244–250 (вступ. ст.), 251–263 (пер.).

⁸ *Zeumer K.* *Leges Visigothorum [Praefatio]*. Hannover; Leipzig, 1902. (MGH. LL nat. Germ. 1). P. XIII.

преобладавшего по численности в V–VI вв. галло-римского населения, но и в среде завоевателей–германцев⁹.

Кроме того, мы имеем в своём распоряжении интересные свидетельства контактов в сфере правовой культуры германцев – завоевателей и исконных жителей Британии и Галлии – кельтов¹⁰. Несмотря на относительно позднюю фиксацию, континентальное и островное кельтское право должно было отражать довольно развитую систему юридических понятий и институтов, также отражавших архаические реалии развития общества кельтов. Кроме того, на Британских островах огромное влияние на развитие социально-экономической организации – в целом, и правовой культуры – в частности, оказали нашествия викингов, начало которых принято относить к 793 г¹¹.

Языковая ситуация в сфере фиксации права на континенте и на Британских островах в раннее Средневековье не была однородной. Если в англо-саксонских королевствах право изначально фиксировалось на народном, древнеанглийском языке, а латинский их перевод появился только в начале XII в., то на континенте, в области обитания салиев и рипуариев,

⁹ Самое подробное исследование на этот счёт представлено в коллективном труде французских историков, вышедшем в Париже в 2008 г. См. основные положения в статьях: *Chauvot A.* Approche juridique de la notion de barbare // *Le Bréviaire d'Alaric: Aux origines du Code civil / Dir. par M. Rouche et B. Dumézil.* Paris, 2008 (Cultures et civilisations médiévales. N 44 / Dirigée par C. Tomasset, M. Rouche, J. Verger et F. Joubert). P. 27–40; *Da Silva M.C.* Le prince, la Lex et la Iustitia: Le Bréviaire d'Alaric et l'Édit attribué à Clotaire II // *Ibid.* P. 199–212; *Guillot O.* Brèves remarques sur l'esprit de quelques interprétations fondamentales du Bréviaire d'Alaric et sur sa réception par les rois mérovingiens // *Ibid.* P. 179–198.

¹⁰ К такого рода примерам относится правовой памятник *Canones Wallici*. Подробнее о нём см.: *Nehlsen H.* Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter. S. 281–282; *Dumville D.N.* On the dating of the early Breton lawcodes // *Britons and Anglo-Saxons in the early Middle Ages.* Great Yarmouth, 1993. P. 207–221. В том же ряду можно упомянуть и *Dunsæte* – один из законодательных памятников X в., кодифицированные в результате соглашения «английских уитэнов» и «валлийских знатоков права (*Wealhðeode rædboran, plebis Wallie consiliarii*)» указанной в названии исторической области Уэльса. *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann.* Halle a. S., 1903. Bd. I. Text und Übersetzung. S. 374–379.

¹¹ *Two of the Saxon Chronicles with supplementary extracts from the others (787–1001 A.D.) / Ed. with introduction and glossary by Ch. Plummer and J. Earle.* Oxford, 1889. P. 6 (text F). P. 7 (text E). a. 793.

фризов, саксов и тюрингов, право с VI по IX вв. фиксировалось исключительно на латыни, а единственный перевод на древневерхненемецкий язык относился уже к периоду правления императора Людовика Благочестивого (814–840).

Для тех территорий континентальной Европы, которые были заняты германскими племенами и союзами племён, была до известной степени характерна языковая пестрота. Крупные союзы племён формировали свои собственные диалекты в рамках единой германской общности. Территория салических франков в языковом отношении делилась на носителей нижнефранкского, восточно-франкского и южнофранкского диалектов. Территория расселения рипуарского союза племён совпадала с зоной распространения рипуарского диалекта, соприкасаясь на юге с мозельско- и рейнско-франкским диалектами¹². Западные области расселения франков (бассейн рек Сена, Луара) были до конца V в. провинциями Римской империи, поэтому под влиянием галло-римского населения здесь происходила быстрая романизация пришлого германского населения¹³.

Преобладание бывших подданных Рима, а затем – большие усилия Римской церкви (при поддержке правителей франков) по массовому обращению завоевателей в истинную веру приводили к тому, что латинский язык становился официальным языком права и частной переписки¹⁴. Вместе с

¹² Подробнее о языковой классификации немецкого языка раннего Средневековья см.: *Bach A. История немецкого языка / Пер. с нем. Н.Н. Семенюк; ред., предисл. и примеч. М.М. Гухман. М., 1956. С. 69–75* (немецкое издание: *Bach A. Geschichte der deutschen Sprache / 5. überarb. Aufl. Heidelberg, 1953*).

¹³ О заимствованиях латинских терминов в общегерманской языковой общности (в области земледелия, военного дела, приготовления пищи и пр.) на рубеже двух эр подробнее см.: Там же. С. 45-50. О заимствованиях эпохи Меровингов и Каролингов см.: Там же. С. 80, 91-95; *Wolff Ph. Sprachen, die wir sprechen: ihre Entstehung aus dem Lateinischen und Germanischen: von 100 bis 1500 n. Chr. München, 1971. S. 74–76* (Издание на французском языке: *Idem. Les origines linguistiques de l'Europe occidentale. Paris, 1970. 256 p.*).

¹⁴ *Clement K.J. Die Lex Salica und die Text-Glossen in der Salischen Gesetzsammlung, germanisch, nicht keltisch; mit Beziehung auf die Schrift von Dr.H. Leo: "Die Malbergische Glosse, ein Rest altkeltischer Sprache und Rechtsauffassung". Ein Versuch. Mannheim, 1843. S. 17–18.* Тем не менее, Р. Райт писал в 80-х гг. XX в. о том, что «знатоки права» на основе фиксации юридических источников могли «устанавливать формулы, однако не нуждались

тем тот вариант латинского, который в отечественной исторической науке принято называть «вульгарной латынью», на территории расселения франков впитывал в себя многочисленные заимствованные слова из языка германцев¹⁵ и некоторые лексические единицы галльского языка¹⁶. Последний безоговорочно уступил роль языка повседневного общения латинскому языку только в IV–VI вв., по мере продвижения языка победителей из городов в сельскую местность, с юга на север, в бассейн Сены, Луары, Мозеля.

Французский лингвист А. Доза предполагал, что к моменту вторжения франкских племён в пределы Римской империи большинство колонов и других зависимых жителей римских поместий говорили на «вульгарной» (народной) латыни¹⁷. Этот народный язык, как показывают исследования современных лингвистов и историков, до известной степени уже к 800 г. являл собой самостоятельное явление по отношению к латыни литературных произведений, юридических кодексов и богословских трактатов¹⁸. Именно на

в [повседневном] употреблении того языка, который выражался в этих формулах, и не знали даже, что они означают буквально»: *Wright R. Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool, 1982. P. 62–66.* Нам, однако, последняя точка зрения кажется слишком упрощённой: к IX в. люди, кодифицировавшие Салическую и Рипуарскую правды, ещё были в состоянии понять и «перевести» древние германские обычаи на латынь.

¹⁵ См.: *Доза А. История французского языка. 4-е изд. М., 1956. С. 133–135* (французское издание: *Dauzat A. Histoire de la langue française. Paris, 1930*). Нам известна одна попытка дать общее представление о германских заимствованиях в письменной правовой латыни VI–IX вв.: *Гурычева М.С. Народная латынь: Учебное пособие. 2-е изд. М., 1959. С. 133–140.*

¹⁶ *Доза А. Указ. соч. С. 15–16, 32–34, 131.*

¹⁷ Там же. С. 15–16; см. также статью Й. Хермана, где этот вывод подтверждается на примере произведений отцов церкви IV – V вв.: *Herman J. Spoken and Written Latin in the last centuries of the Roman Empire. A contribution to the linguistic history of the western provinces // Latin and the Romance languages in the early Middle Ages / Ed. by R. Wright. London, N.Y., 1991. P. 29–43.* Само по себе представление о существовании единой, классической латыни в эпоху Империи во всех или большинстве её регионов, как пишет Райт, является абстракцией: даже на относительно единых в культурном отношении территории (например, в Галлии) социально-географическая дифференциация латинского устного языка была к моменту прихода варваров вполне ощутима: *Wright R. Op. cit. P. 47–54.*

¹⁸ О билингвизме в Западной Европе раннего Средневековья, в т.ч. на примере Галлии, дихотомии «тевтонский – латинский язык», «городская – простонародная речь», см. работы: *Janson T. Language change and metalinguistic change: Latin to Romans and other*

рубеже VIII–IX вв., с началом проведения реформы обучения и в особенности – деятельности Алкуина, советника Карла Великого, происходит чёткое разделение языка на «классическую» латынь (в том виде, как она была восстановлена Алкуином) и разговорный романский язык¹⁹.

При этом в письменной народной латыни, на которой писались варварские правды, также отражались ведущие процессы развития языка, порой совершенно разнонаправленные. Например, в Рипуарской правде по мере последовательной фиксации четырёх хронологических слоёв (с VI по VIII вв.) происходила унификация написания латинских слов, их очищение в результате отхода от передачи их повседневного произношения, тогда как различия в написании окончаний, примеры неверного согласования различных частей речи, по мере приближения к эпохе Каролингов численно только возрастали²⁰.

Развитие языковой ситуации в Меровингском государстве, а затем в Империи Каролингов не было линейным. По мнению А. Баха, в VII–IX вв. происходила активная борьба между группами галло–римлян и романизированных франков, использовавших в бытовом общении народную латынь, и франками районов Турне, Камбрэ, Суассона, продолжавшими говорить на своём родном языке. В областях между Триром и Ахеном (горы Айфель), в долине Мозеля, несмотря на их особую близость к немецкому миру, «латиноязычные островки» сохранялись очень долго; язык завоевателей не ассимилировал язык местного населения, в результате чего двуязычие в этом регионе сохранялось до IX в. С другой стороны,

cases // *Latin and the Romance languages in the early Middle Ages*. P. 19–28; *Lloyd P.M. On the name of languages (and other things)* // *Ibid.* P. 9–18; *McKitterick R. Latin and Romance: an historian's perspective* // *Ibid.* P. 130–145; *Van Uytvanghe M. The consciousness of a linguistic dichotomy (Latin–Romance) in Carolingian Gaul: the contradictions of the sources and of their interpretation* // *Ibid.* P. 114–129; *Wolff Ph. Sprachen, die wir sprechen...* S. 132–137; *Banniard M. Genèse culturelle de l'Europe V^e–VIIIe siècles*. Paris, 1989. P. 179–180, 190–191.

¹⁹ *Wright R. Op. cit.* P. 106–107, 112–118.

²⁰ Подробный анализ соответствующих разделов L. Rib. см.: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle und R. Buchner*. Hannover, 1954 (MGH. LL nat. Germ. 3,2). S. 30–32. Anm. 58–62.

окончательная романизация областей Северной Галлии, занятых франками в течение VI в., затянулась вплоть до IX–XIII вв.²¹.

Более того, невозможно было чётко разделить носителей языка по принципу социальной иерархии: первые Каролинги активно использовали рейнско–франкский диалект тех земель, откуда они были родом, в качестве языка повседневного общения «придворного» круга²², а Карл Великий закреплял за собой право изъясняться на покорённых им территориях бывшей Римской империи на одном из древненемецких диалектов, содействовал созданию переводов церковных текстов и записи германских героических песен (не сохранились)²³. Тем не менее, разделение латинского и романского языка на отдельные диалекты в IX в. только начиналось, поэтому термин *franciscus*, скорее всего, не обозначал чётко обособленный от письменной латыни и древненемецких диалектов самостоятельный язык²⁴.

Ряд германских слов и выражений, даже будучи латинизированными, были зафиксированы в двух франкских правовых источниках и капитуляриях, прибавленных к первоначальному тексту *L. Sal.* Сюда можно отнести обозначения должностей раннего Франкского государства (*sacebaro*, двн. *saca* – «судебный процесс»; *grafio* от двн. *grāvo*²⁵, ср. древнеангл *g(e)refa*; *thunginus* – «судья на тинге»²⁶; *rachineburgius*, возможно, от двн. *rehhôn* –

²¹ *Wolff Ph.* Op. cit. S. 69–71.

²² Там же. С. 91, 102. О любви Карла Великого к героическим повествованиям упоминает Эйнгард (*Einhard. Vita Karoli. 24: Inter caenandum aut aliquod acroama aut lectorem audiebat. Legebantur ei historiae et antiquorum res gestae; Ibid. 29: Item barbara et antiquissima carmina, quibus veterum regum actus et bella canebantur, scripsit memoriaeque mandavit. Inchoavit et grammaticam patrii sermonis*).

²³ Там же. С. 90–91, 97–98. Именно к IX в. Бах относит появление самого термина *theodiscus* «немецкий» в противовес *franciscus* «французский». См. также: *Kluge F.* *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 6. Aufl. Straßburg, 1899. S. 75–76.* Первое упоминание в виде имени сына Тассилона Теуда: *Annales Lauresh. a. 787* (Использовано следующее издание этого текста: *Annales Laureshamenses / Ed. G.H. Pertz. Hannover, 1826 (MGH. SS 1). P. 22–39.*).

²⁴ Например: *Janson T.* Op. cit. P. 22–23; *Wright R.* Op. cit. P. 47.

²⁵ *Schützeichel R.* *Althochdeutsches Wörterbuch. 3. Aufl. Tübingen, 1981. S. 71.*

²⁶ *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover, 1962 (MGH. LL nat. Germ. 4,1). S. 278.*

«говорить, разбирать дело, толковать», и *burgio* – «поручительство»²⁷) и различных судебных процедур ((*ad*)*mannire* от двн. *manan, manen, manon* – «призывать (на суд), распорядиться»; *mallus* от двн. *mahal, māl* – «судебное заседание», и производные от предыдущего – глагол *admallare*, причастие *admallatus*; *forbannitus, ferrebannitus* – «обвинённый в чём-либо» от двн. *gibannan* или *kirannan* – «вызывать в суд, созывать судебное заседание»²⁸). Обозначения некоторых штрафов и выплат (*achasius* – «выплата вдовы в отношении рода умершего мужа или короля при новом замужестве»; *fredus* – «королевский мир, выплата в пользу короля»; *liudis* или *leode* – «штраф за лишение жизни»; *reip(r)us* – «плата родственникам вдовы со стороны нового мужа»; *weregildus* – «вира за убийство человека»), патроната одного человека по отношению к другому (*mundburd* – от древневерхненем. *munt* – «рот», эвфемизм)²⁹ также происходят из общегерманского пласта лексики.

Помимо этого, нельзя не остановиться на столь интересном явлении в истории раннего континентального права, как мальбергская глосса (*malbergische Glossen*, в издании Экхардта – *fränkische Glossen*)³⁰. В латинском тексте они повсюду выделены стоящим впереди сокращением *mal.* или *malb.* (с титлом над последними буквами), которое в критических изданиях расшифровывают как *mallobergo*³¹. Кроме того, нередко в сочетании с сокращением *mal(b).* препозитивно и постпозитивно

²⁷ Ibid. S. 24, 147.

²⁸ Ibid. S. 12.

²⁹ Наиболее полный список германских слов, зафиксированных в *L. Sal.* и *L. Rib.*, опубликован в приложениях к этим памятникам, вышедшим в серии *MGH: Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle...* S. 195–201; *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt.* Hannover, 1962. S. 276–291; *Lex Salica / Hrsg. von K.A. Eckhardt.* Hannover, 1969. (*MGH. LL nat. Germ.* 4,2). S. 232–237.

³⁰ Её наличие или отсутствие в отдельных рукописях *Lex Salica* будет рассмотрено в соответствующем разделе, который напрямую касается рукописной традиции северогерманских варварских правд.

³¹ В ед.ч. им. п. – *mallobergus*, что переводится как «судебное разбирательство, место его проведения»; соответственно, *mallobergo* – наречие (К.А. Экхардт переводил его как *gerichtlich*, т.е. «по праву, по суду»). *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt.* Hannover, 1962. S. 307; *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt.* Göttingen, 1954. Bd. I. Einführung und 80-Titel Text (*Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Westgermanisches Recht.* Bd. 1). S. 184.

употребляется латинское указательное выражение *hoc est* или глагол *esse* в личной форме 3 лица мн. числа (в рукописях групп А и С). Встречаются также титулы, в которых слово *mallobergo* опускается³². Происхождение слов и выражений, которые включаются в состав мальбергской глоссы, до конца не выяснено³³. Дискуссия о датировке мальбергской глоссы очень обширна и относит время её возникновения к совершенно разным историческим периодам – от последних десятилетий V и начала VI вв.³⁴ до времени правления Людовика Благочестивого³⁵.

Есть определённые основания полагать, что мальбергская глосса являлась древним лексическим пластом³⁶, а ко времени начала Каролингской династии – и вовсе архаизмом. Во-первых, уже для переписчиков древнейшей группы рукописей L.Sal. (A) их происхождение, скорее всего, не было ясно: в рукописи München. Clm. 4115* после списка титулов L. Sal. стояло небольшое авторское пояснение относительно счёта солидов и денариев в тексте, а также о «греческих словах» (так он назвал франкские глоссы), которые были обнаружены переписчиком *in ipso libro* и, очевидно, отличались от современных ему выражений³⁷. Ряд глосс в рукописи A-1

³² Например, Cap. V. 127, 2.

³³ Обширную критическую литературу по этому вопросу см.: Pactus Legis Salicae. Göttingen, 1954. S. 178–179. Anm. 346. См. также: *Helten W., van.* Zu den malbergischen Glossen und den salfränkischen Formeln und Lehrwörtern in der Lex Salica // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle a. Saale, 1900. Bd. 25. S. 521–523.

³⁴ Ibid. S. 524; *Clement K.J.* Op. cit. S. 20, 25, 36–37 («Судебный процесс германцев происходит, как и собственно свободный франк..., с этого [правого] берега Рейна»).

³⁵ Например, X. Керн полагал, что франкские глоссы следует отнести к 600–800 гг., а местом их возникновения считать контактную зону франкского, нижненемецкого диалектов и древнесаксонского языка, находившуюся в современной Голландии, к юго-западу от устья Рейна: *Kern H.* Die Glossen in der Lex Salica und die Sprache der salischen Franken. Beitrag zur Geschichte der deutschen Sprachen. Haag, 1869. S. 8–11, 185–186.

³⁶ М. Баньяр утверждал, что в момент вторжения и оседания варваров на земли Империи «кодификация [права] была целиком устной» и резко противостояла письменной традиции римского права: *Banniard M.* Op. cit. P. 65–67. Возможно, что франкские глоссы являются архаическим отражением этого этапа «кодификации» L. Sal.; впрочем, столь жёсткое противопоставление писаного права и устной судебной процедуры должна была быть преодолена салическими франками уже к началу VI в.

³⁷ München. Clm. 4115*. F. 44 r, ln. 18–23. Sed nos propter prolixitatem voluminis vitandam, seu fastidio legentium vel propter utilitatem intellegendi, abstulimus hinc verba grecorum et numerorum dinariorum, quod in ipso libro crebre conscripta invenimus.

вообще не соотносятся с тем титулом или параграфом, в тексте которого они встречаются, что является результатом ошибки переписчика, возможно, связанной с тем, что изначально в протографе глосса стояла на полях (нем. *Randglosse*) напротив определённого правового казуса³⁸. Предположение о том, что переписчик München, Clm. 4115* плохо знал древненемецкий диалект, может быть опровергнуто тем, что в тексте L. Alam. той же рукописи он дважды³⁹ написал внизу листов современные ему немецкие слова (*morgengab* и *lande bunde*).

Во-вторых, такие глоссы возникли в тексте L. Sal. и меровингских капитуляриев не одновременно: та их часть, которая представляет собой перечень штрафов за правонарушения, «вербализацию и дополнение латинского текста посредством технических выражений в том виде, как они использовались на судебном заседании (*in mallobergo*)»⁴⁰, безусловно, является наиболее древней и может происходить из дохристианских времён; некоторая же часть глосс и слов германского происхождения (примерно 10 %) происходит из класса рукописей D⁴¹ и капитуляриев, которые не содержатся в классе A (*Edictum Chilperici* 561–584 гг., *Capitulare V*)⁴². Однако нам кажется, что отсутствие мальбергской глоссы в текстах класса E, K и S

³⁸ См. подробнее: *Helten W., van.* Op. cit. S. 236; *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt.* Göttingen, 1954. S. 179.

³⁹ Именно – на листах 31v, 37r.

⁴⁰ *Brunner H.* *Deutsche Rechtsgeschichte.* 2. Aufl. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 432–433. Ж.-П. Поли полагал, что франкская глосса напрямую касалась судебных прецедентов, на основе которых законоговорители–рахинбурги квалифицировали последующие правонарушения. См.: *Poly J.-P.* *La corde au cou. Les Francs, la France et la Loi salique // Gènesе de l'État moderne en Méditerranée. Approches historiques et anthropologiques des pratiques et des représentations. Actes des tables rondes internationales tenues à Paris (24–26 septembre 1987 et 18–19 mars 1988).* Rome, 1993. P. 316.

⁴¹ См. отдельное издание: *Lex Salica. 100-Titel Text / Hrsg. von K.A. Eckhardt.* Weimar, 1953. 318 S.

⁴² *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt.* Göttingen, 1954. S. 185–186. См. также обстоятельное источниковедческое обоснование разделения глосс на две группы по времени их происхождения в работе: *Helten W., van.* Op. cit. S. 229–231.

середины VIII – середины IX в. однозначно говорит в пользу её датировки временем не позднее середины VIII в. и вряд ли – ранее VI в.⁴³

Как было отмечено выше, древнейшие английские законы VII–XI вв. изначально были записаны на народном (древнеанглийском) языке. Их выборочный перевод на латынь, с сохранением значительного слоя германской лексики, местами непонятной переписчику, местами трудно переводимой на другой язык, был осуществлён уже после нормандского завоевания, в начале XII в. До сих пор ведутся споры о том, почему англосаксонское законодательство было зафиксировано на древнеанглийском языке германской языковой группы, а не на латыни. В числе наиболее вероятных причин называются противостояние англо-саксов местному кельтскому населению, особенно многочисленному на границе королевства Нортумбрии и современной Шотландии, а также на Западе Британии (королевство Уэссекс, земли Уэльса и Корнуолла); появление на Британских островах в конце VIII в. серьёзной угрозы существованию этнополитических союзов англо-саксов в лице данов и последующее объединение бывших англо-саксонских королевств под властью Альфреда Великого в конце IX в.; изначально тесные отношения между племенами англо-саксов и ютов, что также способствовало тесному межплеменному общению и малому различию диалектов; крайне слабая степень романизации Британии к началу V в.⁴⁴ Кроме того, применение законов на практике требовало особой социальной лексики, которая не могла быть передана латинским языком, использовавшимся в проповедях и при фиксации церковного права: при судебных разбирательствах требовалась конкретизация правового положения отдельных социальных категорий, которое уже в кентских законах VII в. значительно усложнилось и вышло за

⁴³ См. итоговые выводы Экхардта и Бэзекке к дискуссии о глоссе: *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 186. Anm. 359.*

⁴⁴ *Wolff Ph. Op. cit. S. 68.*

рамки простого противопоставления свободных и несвободных членов общества⁴⁵.

Хотя в донормандскую эпоху на Британских островах выделялись четыре локальных диалекта (нортумбрийский, мерсийский, уэссекский и кентский), они практически не отличались друг от друга лексическим составом; основным отличием являлось различное написание отдельных слов⁴⁶. Древнейшая часть законов – *domas* (до времени Альфреда) была записана в Кенте на местном диалекте; уэссекский диалект получает повсеместное признание в качестве литературного языка только с конца IX в. В годы правления Альфреда Великого начинается обширная работа по переводу латинских памятников на уэссекский диалект древнеанглийского⁴⁷. Примерно в то же самое время создаётся судебник (*domboc*) Альфреда, записанный также на уэссекском диалекте; остальные диалекты, очевидно, продолжали использоваться в качестве местных говоров, но в X в. перестали играть самостоятельную роль в фиксации письменных памятников.

Отношения между древнеанглийским языком и его соседями были также очень сложны. Несмотря на раннее обособление переселившихся англо-саксонских племён от континентальных германцев (начавшееся с середины V в.) и достаточно быстрое формирование у них общеплеменного самосознания⁴⁸, в раннем Средневековье существовала общность древнеанглийского и древнефризского языков, которые выделялись в особую

⁴⁵ На месте двух-трёх латинских терминов – *servus*, *puer* и *litus*, которыми выражали личную зависимость на континенте в варварских правдах, англосаксы употребляли гораздо более сложные понятия. Обоснование см.: *Wormald P.* In search of King's Offa 'Law-Code' // *Idem.* Legal Culture in the Early Medieval West: Law as Text, Image and Experience. London, Rio Grande, 1999. P. 219.

⁴⁶ См. подробнее: *Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык. М., 1998. С. 19-21, 28-31.

⁴⁷ Так. были переведены «*De consolatione philosophiae*» Северина Боэция, «*Historiarum adversus paganos libri VII*» Орозия, ряд книг Ветхого Завета. О причинах и итогах этой переводческой деятельности см. подробнее: Там же. С. 28–29; *Thijs Ch.B.* Early Old English Translation: Practice before Theory? // *Neophilologus.* 2007. No. 91. P. 149–173.

⁴⁸ Что выразилось в т.ч. в самоназвании жителей Британских островов – *englisca*. Там же. С. 21. Подробнее об этнической самоидентификации древних жителей Британии можно прочитать в монографии: *Шервуд Е.А.* От англо-саксов к англичанам. М., 1988.

подгруппу⁴⁹. По-видимому, языковая общность подкреплялась сохранением у англо-саксов некоторых общегерманских правовых и социальных институтов. Кроме того, некоторое количество фризов, занимавшихся морской торговлей, уже в VI–VIII вв. присутствовали в Лондоне⁵⁰. Этим можно объяснить определённое сходство в системе штрафов и взысканий, а также социальных категорий, которое выявляется при сравнении *L. Fris.* с англо-саксонским законодательством VII – начала IX в.⁵¹

Кроме того, при записи древнеанглийских законов происходил ряд заимствований из латыни и греческого языка (обычно – в латинизированной форме⁵²), из языка бриттов⁵³. В ходе вторжений скандинавов в IX–XI вв. их правовая лексика, а отчасти – и правовые представления, также отразилась в древнеанглийском праве, а завоевание Англии нормандцами в 1066 г. сделало их наречие – диалект старофранцузского языка, наряду с латынью, официальным языком двора и письменности вплоть до XIII в.⁵⁴ Это привело к упрощению древнеанглийского языка (перехода от синтетического к аналитическому строю языка)⁵⁵ и возрастанию нормандского влияния на все стороны письменной культуры (в т.ч. право и судопроизводство). В результате языковых и социально – политических трансформаций к началу

⁴⁹ Смирницкий А.И. Указ. соч. С. 12-13.

⁵⁰ См. об этом у Беды Достопочтенного: *Beda. Hist.* IV, 22 (20).

⁵¹ На подобное языковое родство в сфере права указывал ещё в XIX в. составитель словаря древнефризского языка барон фон Рихтхофен. *Lex Frisionum edente Karolo libero barone de Richthofen... [Praefatio] // Leges Alamannorum. Leges Baiuvariorum. Leges Burgundionum. Lex Frisionum.* Hannover, 1863 (MGH. LL. 3). P. 639. Ф. Вольф показала в своей работе, что из 3575 древнеанглийских слов 1769 принадлежат к общегерманскому слою лексики, а «своими», англосаксонскими словами являются лишь 16 % языковых единиц. *Wolff Ph. Op. cit.* S. 89–90.

⁵² Законы донесли до нас довольно много латинизмов из области мер и весов (*pund*, *ynse* – от лат. *uncia*, *munet* – от *moneta* и пр.), «учёной» лексики и церковной терминологии (*bisceop*, *munuc* – от лат. *monachus* и т.д.). Значительная их часть встречалась уже в общегерманском лексическом пласте – основе древнеанглийского. См. более подробно: Смирницкий А.И. Указ. соч. С. 175–176, 180–186.

⁵³ Примеры в законах английских королей – *ambiht* (из *ambactus*), *rice* (от *rix*), *wealh*, *aþ*, *ierfe*, *tun* и др.: Там же. С. 189–192.

⁵⁴ Там же. С. 23–24.

⁵⁵ Новое наречие, сформированное на основе синтеза нормандского диалекта старофранцузского и языка англо-саксов, филологи обычно называют *Anglo-Norman*. Оно явилось предшественником среднеанглийского языка.

XII в., т.е. к моменту перевода законов VII – XI вв. на латинский язык, знание об англо-саксонских общественных и правовых реалиях уже было во многом поверхностным и зачастую неполным.

В исторической науке XIX–XX вв. были приняты несколько **классификаций** законов германских племён. Большинство этих классификаций приведено в монументальной работе А.И. Неусыхина «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII вв.»⁵⁶. Первая классификация предполагала их разделение по хронологическому принципу – на законодательные памятники, созданные при Меровингах (V – середина VIII вв.) и при Каролингах (середина VIII – конец X вв.). Вторая классификация принимала в качестве классифицирующего признака территорию, на которой произошла кодификация правовых норм и обычаев племени или союза племён. По этому показателю принято выделять северогерманские (*Leges Saxonum*, *Lex Frisionum*, *Lex Thuringorum*) и южногерманские (*Leges Alamannorum*, *Lex Baiuvariorum*) «правды», а также франкские (*Lex Salica*, *Lex Ribuarum*, *Lex Francorum Chamavorum*⁵⁷), вестготские (*Leges Visigothorum*), бургундские (*Leges Burgundionum*), лангобардские (*Leges Langobardorum*) и англо-саксонские законы (в англо-саксонской традиции – *æ*, *dom*). Третий вариант классификации источников предполагает подразделение законов варваров на зафиксированные «в виде единовременной записи» (*Lex Salica*, *Lex Baiuvariorum*, *Leges Saxonum*, *Lex Thuringorum*, *Lex Francorum Chamavorum*, *Edictum Rothari* как составная часть *Leges Langobardorum*) и «путём ряда последовательных наслоений и прибавления новых текстов» (*Lex Ribuarum*, *Lex Frisionum*, *Leges*

⁵⁶ Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956. С. 48–50.

⁵⁷ Иногда *Lex Francorum Chamavorum* причисляют также к северогерманской группе законов. Там же. С. 53.

Langobardorum после Эдикта Ротари, Leges Alamannorum и англо-саксонские законы)⁵⁸.

Сам А.И. Неусыхин полагал, что ни один из типов классификации варварских правд не может быть признан универсальным и исчерпывающим⁵⁹. Наименее универсальным автор признавал хронологический принцип, поскольку он никак не коррелирует с архаичностью содержания конкретного источника. Наиболее поздние по времени возникновения каролингские правовые памятники – законы фризов, саксов, тюрингов и хамавов, – отражают более архаичные общественные отношения, чем Рипуарская правда, значительная часть постановлений которой восходит к эпохе Меровингов⁶⁰. Поскольку большинство древнейших редакций законов претерпевали неоднократные редакции, в ходе которых к ним были созданы весьма значительные по объёмам дополнения (капитулярии⁶¹ или небольшие постановления, разъясняющие конкретные казусы или правовые процедуры и дополняющие основной текст⁶²; прологи, эпилоги и т.п.), и третий вариант классификации не может быть признан всеобъемлющим. Второй вариант имеет большее значение, чем первые два, что признаёт сам А.И. Неусыхин⁶³.

Однако и в этом случае классифицирующий признак обладает определёнными недостатками, которые не позволяют признать его универсальность: он не даёт возможности с достаточной уверенностью определить интенсивность заимствования норм позднеримского частного права и описать его взаимодействие с архаичными германскими обычаями племенной общности на территории той или иной римской провинции. В качестве примера можно привести тот факт, что в законах алеманнов и

⁵⁸ Подробнее см.: Там же. С. 48–50.

⁵⁹ Там же. С. 48–49.

⁶⁰ Там же. С. 48.

⁶¹ Таков был путь пополнения состава законов салиев и рипуариев.

⁶² Именно так поступили с ходе кодификации Фризской «правды» (Additio sapientum) и англо-саксонских законов VII–X вв. (Ф. Либерман называл их Gesetze ohne Königsnamen, а П. Уормалд обозначал как Anonymous Codes).

⁶³ Там же. С. 49.

баваров, а также в англо-саксонских законах процессы социального расслоения и обращение свободных людей в зависимость находят значительно более полное отражение, чем в Эдикте Ротари, тем более – в Салической правде (по крайней мере, на уровне терминологии). Таким образом, само по себе поселение на территории римской провинции с большим числом бывших римских граждан не всегда напрямую коррелировало со скоростью развития социальных институтов от архаических форм к более развитым. На скорость общественного развития двух соседствующих племён всегда влияет множество факторов (например, военная угроза, миссионерская деятельность, развитие сети христианских приходов и монастырей), которые не сводятся к степени заимствования римских норм и правовых представлений.

Нам кажется вполне уместным объединение в одну группу, с одной стороны – двух франкских законов, с другой стороны – северогерманских «правд» вкупе с англо-саксонскими законами. Во-первых, они охватывают достаточно компактную по площади территорию на севере Западной Европы; Ла-Манш, если верить историческим хроникам и авторским сочинениям, совершенно не являлся препятствием для контактов Британских островов и континента в раннее Средневековье. Во-вторых, они возникают в сходных исторических обстоятельствах (т.е. в момент переходного периода от архаических форм социальной организации к более развитым общественным институтам, в т.ч. к новым формам легитимации королевских установлений, при значительном преобладании германской архаики в качестве отправной точки этого движения). В-третьих, ряд законов может быть сопоставлен напрямую по причине сходства структуры⁶⁴, социальной терминологии⁶⁵ и т.п.

⁶⁴ См. сравнительную таблицу для определения параллельных мест в континентальных правовых памятниках, предложенную английским исследователем П. Уормалдом (*Wormald P. The Making of English Law. Oxford, 1999. Vol. I. P. 98-99*).

⁶⁵ К сходным для данного круга источников можно отнести, например, категории зависимости (герм. *litus* / древнеангл. *læt*), свободы (герм. *frilingus* / древнеангл. *frigman, freoman, freolsdom*) знатности (герм. *adalingus* / древнеангл. *aðeling*).

Для решения задач научного исследования необходимо дать общее представление о **рукописной традиции**, связанной с фиксацией варварских правд в раннем Средневековье. *Салическая правда* представляет собой один из наиболее распространённых в этот исторический период правовых памятников: на сегодняшний день известно по меньшей мере 85 рукописей⁶⁶ этого памятника, представленных с той или иной степенью полноты. *Рипуарская правда* представлена меньшим количеством манускриптов – 35 сохранившимися копиями (одна из которых, находившаяся в Страсбуре, сгорела в 1870 г. и известна только по изданию Рудольфа Зомма⁶⁷), по меньшей мере 24 утерянными копиями (в 5 рукописях листы с текстом Рипуарской правды пропущены; упоминания 15 из них содержатся в средневековых каталогах IX – XIII вв.; 4 издателя L. Rib. также использовали не дошедшие до нас различные рукописи, в т.ч. страсбургскую)⁶⁸.

Говоря о безвозвратно утраченных, а также только гипотетически реконструируемых манускриптах, нельзя не упомянуть о том, что ряд рукописей содержит испорченные, нередко нечитаемые фрагменты двух «варварских правд». К таким рукописям можно отнести Ivrea. Biblioteca Capitolare, XXIII*, в которой листы с Рипуарской и Салической правдами практически нечитаемы⁶⁹. От рукописи Сба (Leiden, Universiteitsbibliotheek, V.P.L. 2005*) до нас дошёл только небольшое извлечение (т.н. «экцерпт») середины XVI в., представляющий собой копию пролога, список титулов с

⁶⁶ Согласно Карлу Августу Экхардту, который создал наиболее полный каталог рукописной традиции, в нашем распоряжении есть 4 манускрипта семьи А, 2 – семьи С, 3 – семьи D, 6 – семьи Е, 67 – семьи К, 2 – семьи S и одна – семьи V (фрагмент перевода латинского текста на древневерхненемецкий). Кроме того, доказано существование по меньшей мере трёх утерянных рукописей. См. подробнее: Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 20-39; Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover, 1962 (MGH. LL nat. Germ. 4,1). S. IX-XXVII.

⁶⁷ Lex Ribuarica ex editione Rudolphi Sohm [Praefatio] // Leges Saxonum. Lex Thuringorum. Edictum Theoderici regis. Remedii Curiensis episcopi capitula. Lex Ribuarica. Lex Francorum Chamavorum. Lex Romana Raetica Curiensis. Hannover, 1863 (MGH. LL. 5). P. 185–268.

⁶⁸ Наиболее полное описание рукописной традиции: Lex Ribuarica / Hrsg. von F. Beyerle... S. 32–40.

⁶⁹ MGH A 0350, 10-11*. Астериксом мы отмечаем те рукописи и их фото- и цифровые копии, с которыми нам довелось поработать de visu.

несколькими пояснениями и расшифровками, а также *Pactus pro tenore pacis* и *Decretio Chlotarii regis*⁷⁰. Ряд издателей раннего Нового времени (Ж. дю Тилле⁷¹, И. Герольд⁷²) также использовали рукописи, которые не были обнаружены впоследствии.

Классификации Салической правды создавались и предлагались издателями XIX–XX вв. по мере обнаружения и изучения всё новых рукописей. Наиболее полной классификацией до начала XX в. считалась классификация, представленная Гессельсом и Керном в критическом издании *L. Sal.*⁷³. На сегодня наиболее полной признана классификация Карла Августа Экхардта, отдавшего несколько десятилетий своей жизни источниковедческим проблемам изучения Салической правды. Она предполагает распределение всех известных рукописей по восьми семьям. Такое распределение он обосновывает в первую очередь потребностью в чётком хронологическом распределении тех вариантов текста, которые содержат в себе различные манускрипты.

Семья А вбирает в себя 4 рукописи второй половины VIII – IX в., которые ближе всего стоят к структуре протографа *L. Sal.*: *Pactus legis Salicae*, состоящий из 65 титулов, а также четыре (из шести известных) меровингских капитулярия VI в. Текстологический анализ, проведённый К.А.

⁷⁰ MGH 028,46.

⁷¹ *Tilius [du Tillet] J., episcopus Meldensis. Aurei venerandaeque antiquitatis libelli Salicam legem continentes, a Chlodoveo, Childeberto et Clotario Christianissimis Regibus prius editi et postremum a Carolo Magno emendati et aucti. Item Leges Burgundionum, Alamannorum, Saxonum, Baiuuariorum, Ripuariorum. Ex veteribus libris emendatiores et auctiores. Parisiis, 1573.* К сожалению, нам недоступен этот интереснейший источник, его описание заимствовано из каталога: *Pothast A. Bibliotheca historica medii aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500. Vollständiges Inhaltsverzeichnis zu "Acta sanctorum" Boll. – Bouquet – Migne – Monum. germ. hist. – Muratori – Rerum Brittan. scriptores etc. Anhang: Quellenkunde für die Geschichte der europäischen Staaten während des Mittelalters. 2. verbesserte und vermehrte Aufl. Berlin, 1896. Bd. I. S. CXLV.*

⁷² *Herold J.B. Originum ac Germanicarum antiquitatum libri, Leges videlicet, Salicae, Allemannorum, Saxonum, Angliorum, Thuringorum, Burgundionum, Francorum, Ripuariae, Boioariorum, Vuestphalorum, Vuerinorum, Frisionum, Langobardorum, Theutonum... Basileae, 1557. P. 1–38.*

⁷³ Её высоко оценивали практически все исследователи германского права (в т.ч. и Экхардт, и Неусыхин): *Lex Salica: The Ten Texts with the Glosses, and the Lex Emendata / Ed. by J.H. Hessels and H. Kern. London, 1880. P.XIV–XXII.*

Экхардтом, позволил ему сделать заключение о том, что манускрипт А-1 наиболее близок к протографу L. Sal. На основе текстологии он сделал вывод о том, что представленные в группе А рукописи связаны между собой попарно, т.е. А-1 и А-2, с одной стороны, и А-3 и А-4, с другой стороны, имели по одному общему «предку»; оба этих «предка» были напрямую связаны с протографом группы А. Помимо этого, некоторые общие для А-2 и А-3 чтения Экхардт объяснял тем, что они были перенесены в А-2 из их общего источника через посредство какой-то из несохранившихся рукописей группы В⁷⁴. Проблема датировки этой группы рукописей сложна и многогранна: при создании древнейшей редакции L. Sal. использовались многочисленные заимствования (как очевидные, так и гипотетически восстанавливаемые исследователями) из других правовых источников⁷⁵.

Несмотря на то, что мы не можем, как и в случае с прочими редакциями Салической правды, определить точные временные границы создания текста, имеются указания на рецепцию законов бургундов, с которыми салические франки имели теснейшие культурно-политические контакты ещё до момента завоевания Бургундии в 532 г. Экхардт не исключал возможности наличия в ближайшем окружении первого короля франков рукописи L. Burg., которая и могла побудить его к записи собственных установлений, переплетённых с народными обычаями салических франков⁷⁶. Если процесс фиксации L. Sal. обстоял именно так, то начало её складывания можно отнести ко времени не ранее 474 г. (начало правления Гундобада) и не позднее 3 сентября 501 г. (время записи первой

⁷⁴ Подробный текстологический анализ см.: *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 58-96.* Стемма рукописей представлена Экхардтом в том же издании: *Ibid. S. 164.*

⁷⁵ О влиянии на L.Sal. древнейшего вестготского права, представленного в *Codex Euricianus*, а затем оказавшего сильнейшее воздействие на L. Burg., L. Baiuv., L. Lang., см. подробнее: *Ibid. S. 194.* О вероятном текстологическом, смысловом и композиционном влиянии L. Burg. на L. Sal. см. подробнее: *Ibid. S. 195–198.* О текстологических параллелях между *Breviarium Alarici*, L. Rom. Vis. и L.Sal. см. далее: *Ibid. S. 199–200.*

⁷⁶ *Ibid. S. 198.*

конституции L. Burg.⁷⁷). Вопрос о времени окончания складывания *Pactus legis Salicae*, т.е. совокупности 65 титулов собственно Салической правды и примыкающих к ней меровингских капитуляриев, гораздо более сложный: согласно Экхардту, возникновение первой редакции (*Urfassung*) Салической правды в совокупности с капитуляриями следует относить к 520-м гг. – 557 г.⁷⁸, тогда как первоначальный текст *Lex Salica* (*Urtext*), не содержащий капитуляриев детей и внуков Хлодвига, с высокой долей вероятности был окончательно составлен уже в последние годы правления Хлодвига (507–511 гг.)⁷⁹. Последнее утверждение опирается на ряд фактов: отсутствие «специфических христианских норм» в *Urtext*; практически полное отсутствие намёков на существование отдельных королевств в составе титулов⁸⁰.

В последние десятилетия XX в. широкую известность приобрели работы Ж.-П. Поли, в которых он попытался привести альтернативную датировку *Urtext* Салической правды. В результате собственных просопографических, филологических и топографических штудий он пришёл к однозначному выводу о том, что *Lex Salica* – это плод деятельности одного из магистров армии Галлии (*magister militum Galliae*), Визогаста – Визо (казнён в 353 г.), и «трёх его молодых помощников», которые являлись одновременно «управляющими поселениями германских лэтов»⁸¹.

При этом Поли пытался опереться на сравнение имён, представленных в Коротком и Длинном прологе *Pactus legis Salicae*, с эпиграфическими и нарративными памятниками IV–V вв., в которых бы имелись упоминания о наёмниках Римской империи из числа франков и прочих варваров,

⁷⁷ Текст введения к книге законов Гундобада: *Burgundionum leges Gundobada et Papianus vulgo dictae edente Friderico Bluhme [Praefatio] // Leges Alamannorum. Leges Baiuvariorum. Leges Burgundionum. Lex Frisionum. Hannover, 1863 (MGH. LL. 3). P. 526–529* (“Prima constitutio, vulgo secunda praefatio dicta”). Текст первой конституции Гундобада см.: *Ibid.* P. 567 (L. Burg, LXXXI).

⁷⁸ *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S.201.* Такая датировка подтверждается также нумизматическими данными: *Ibid.* S. 186–192.

⁷⁹ *Ibid.* S. 207.

⁸⁰ *Ibid.* S. 204–207.

⁸¹ *Poly J.-P. Op. cit. P. 299, 316.*

обитавших за римским лимесом⁸². Подобные имена он нашёл – Фравитта (Видогаст), Салия (Салегаст), Арбогаст и Баутон (Бодегаст); ряд этих варваров занимали весьма высокие должности в римской военной иерархии (как Баутон и Видогаст, *magistri militum*). Даты их жизни укладывались во вторую половину IV в.⁸³, поэтому Поли считал возможным назвать в качестве даты провозглашения *Lex Salica* 350–353 гг.

Кроме того, Ж.-П. Поли полагал, что обозначенные в Прологах места собраний законоговорителей – римских наёмников, провозгласивших *Lex Salica*, могут быть идентифицированы с теми поселениями, которые зафиксированы в топонимике XII–XIV вв.: *Vodegem* (Бодехаме), *Zelhem* (Салехаме), *Wittem* (Видохаме). Он подчёркивал то, что эти названия могли сохраниться ещё со времени существования на территории современных Бельгии и Нидерландов поселений германских лэтов – тунгров, нервиев и салических франков⁸⁴.

Поли доказывал существование записи обычного права у франков уже в конце IV в. по типу римского писаного права⁸⁵. Многие современные историки, детально изучающие источниковедческие вопросы Салической правды, скептически относятся к его идеям (в частности, Х. Нельзен и Х. Зимс). Причиной этого является то, что он совершенно не обращается к истории рукописей и не ставит вопроса о том, в какой момент были записаны оба пролога и для какой цели, как они соотносятся с основным текстом.

Между тем, Короткий и Длинный пролог возникли относительно поздно, по мнению большинства исследователей – в 762–763 гг., и отражали тенденцию к легитимации королевской власти не только на основе

⁸² Более подробно о том, с какими историческими личностями Поли ассоциирует других «мудрых мужей» из Короткого и Длинного пролога – Арогаста, Бодегаста, Салегаста и Видогаста, см.: *Ibid.* P. 292–295.

⁸³ Подробное просопографическое исследование, касающееся высших военных чинов Империи варварского происхождения в IV в., принадлежит перу Р. Мак Маллена: *McMullen R. Corruption and the decline of Rome. New Haven [a.o.], 1988. Appendix A. P. 199–204.*

⁸⁴ *Ibid.* P. 295–296.

⁸⁵ *Ibid.* P. 305–306.

исторических событий, но и на основе цитат из других источников (например, Библии)⁸⁶.

Семья В представлена в издании К.А. Экхардта не сохранившимся до нашего времени, известным только по изданию Иоганна Герольда текстом и рядом интерполяций в рукописи А-2 (например, в L. Sal. 44), наличие которых дало Экхардту основания для её обозначения в качестве одного из источников А-2. Кроме того, ещё ряд чтений был взят Герольдом из рукописи, достаточно уверенно идентифицируемой Экхардтом с кодексом из Фульдской библиотеки под номером 507. Эти два гипотетически реконструируемых манускрипта он обозначил как В-2 и В-10⁸⁷. Второй особенностью этой группы рукописей является их происхождение из «региона с ещё не сломленным [преобладанием латыни] развитием франкского языка», поскольку один из писцов (возможно, составивший В-10) сохранил в тексте вариант мальбергской глоссы с *i* – умлаутом.

Сумма этих фактов говорит нам о том, что редактор протографа группы В либо составил его до вступления в силу (или принятия) *Pactus pro tenore pacis* Хильдеберта и Хлотаря, либо находился в той части Франкского государства, где они не использовались в правовой практике. Велика вероятность того, что он создал свою редакцию L. Sal. вскоре после смерти Хлодвига в Австразии, в правление его сына Теодериха (511–533), его сына Теодеберта (533–548) или внука Теодебальда (548–555).

⁸⁶ Подробнее см. нашу статью о легитимации королевской власти раннего Средневековья: Земляков М.В. «Варварские правды» как источник легитимации королевской власти V–IX вв.: соотношение исторического и мифологического контекстов // Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011. С. 55–57.

⁸⁷ *Pactus Legis Salicae* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 96–114, 121–122. См. также: Неусыхин А.И. Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк I // СВ. 1960. Вып. 17. С. 402. Безусловно, в действительности многие чтения в издании Герольда пересекаются с рукописями других семей, помимо А (например, из групп С, D, E и K), или их архетипами с более точными чтениями по сравнению с сохранившимися манускриптами; однако ни одно из них нельзя, в отличие от В-10, признать основополагающей (*Hauptvorlage*).

Семья С включает в себя две рукописи конца VIII – начала IX в., ныне хранящиеся в BNF. Кроме того, источник эксцерпта XVI в. оказывается достаточно близок к тем рукописям, с которых были произведены близкие по времени издания L. Sal. Жана дю Тилле и Иоганна Герольда⁸⁸. Сохранившиеся рукописи содержат по 65 титулов; в эксцерпте XVI в. указано на наличие в исходной рукописи 66 титулов. С-6 содержит мальбергскую глоссу в более полном виде, чем С-5; помимо этого, последняя опускает счёт сумм штрафов в денариях. На основании этого факта Экхардт делает основополагающий вывод о том, что рукопись С-6 в ряде случаев демонстрирует более раннюю редакцию семьи С, чем С-5. Важно и то, что одним из источников С явились рукописи и семьи А, и семьи В⁸⁹.

Это наводит на мысли о том, что автор редакции С пребывал в области, непосредственно граничившей или входившей в королевство Австразию, где семья В действовала в качестве нормативного правового текста (*Geltungsbereich der Textklasse В*). Возможно, это была область Санса, которую контролировал во второй половине VI в. король Гунтрамн.

Ещё одним источником заимствования правовых установлений в семье С видится Южная Галлия: титул 11,13 практически дословно повторяет фрагмент постановления L. Rom. Vis. о незаконнорожденных детях (С.Th. 3, 12, 3), сходным образом воспроизведённый в постановлениях Турского собора (*Concilium Turonense*) 18 ноября 567 г. Весьма вероятно, что редакция С складывалась начиная от этой даты и вплоть до фиксации *Decretio Childeberti* в 596 г. (где тот же самый титул о детях излагался совершенно по-другому и имел в своей основе другой источник)⁹⁰.

⁸⁸ *Неусыхин А.И.* Указ. соч. С. 405; *Он же.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 2 // СВ. 1962. Вып. 21. С. 212–214.

⁸⁹ *Ibid.* S. 126–129, 217–218.

⁹⁰ *Ibid.* S. 217.

*Семья D*⁹¹ представлена тремя рукописями (конец IX–X в.). Все три рукописи содержат мальбергскую глоссу. Все они делят L. Sal. на 100 титулов отчасти из-за стремления редактора разбить уже имеющиеся 65 титулов редакции А на большее количество частей⁹², отчасти из-за прибавления новых титулов.⁹³ Были и примеры объединения нескольких титулов в один. Протограф этой группы был создан в правление Пипина Короткого, поскольку его именем в рукописях семьи D заканчивается прибавленная к Lex Salica генеалогия франкских королей. В рукописи D-7 имеется прямое указание на 13 год правления этого короля (763 / 764 гг.). Указание же в D-9 на «26 год правления нашего господина Карла» Эххардт считал датировкой времени публичного обнародования рукописи, а не составления её протографа в канцелярии.⁹⁴ Однако точная дата создания Stammvorlage для этой семьи нам неизвестна: начало складывания этой редакции может относиться ко времени, когда сменилась династия Меровингов и на престол взошёл Пипин Короткий (в промежутке между 31 октября 751 и 23 января 752 гг.), а окончание – к указанному в D-7 рубежу – 763 / 764 гг.

Семья E (сокращение от лат. Emendata) представлена шестью рукописями конца VIII–X в., которые во многом повторяют текст

⁹¹ Марио Краммер в начале XX в. выдвинул гипотезу о первенстве по отношению к группе А группы D и присвоил роль древнейшей рукописи D-9 (т.е. предположил в качестве времени возникновения Urtext середины VIII в.). Свои идеи он обобщил в ряде статей: *Krammer M. Kritische Untersuchungen zur Lex Salica (Erster Theil) // NA. 1905. No. 30. S. 263–319; Idem. Forschungen zur Lex Salica (I) // NA. 1914. No. 39. S. 601–691; Idem. Zur Textproblem der Lex Salica (Eine Erwiderung) // NA. 1919. No. 41. S. 105–156.* Уже в 30-х – 50-х гг. его точка зрения была опровергнута. См. подробнее: *Lex Salica. 100 Titel-Text. Weimar, 1953. S. 15–16; Неусыхин А.И. Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк I. С. 395–396.*

⁹² *Lex Salica. 100 Titel-Text. Weimar, 1953. S. 16–17.* Нередко по той же самой причине новые титулы лишались названия в самом тексте (но не в списке титулов, где они получали наименование по первым словам, как правило – Si quis...): у них оставался только порядковый номер.

⁹³ Таковых Эххардт насчитал в этой группе рукописей четыре: три из них (D: 75, 97, 99) пришли из редакции класса В, а один (D: 98 = К:58) – из неизвестного источника, не связанного с предыдущими редакциями L. Sal: *Ibid. S. 17.*

⁹⁴ *Ibid. S. 43–55.*

манускриптов семьи D, но не заимствуют из них мальбергскую глоссу⁹⁵. Количество титулов при этом становится на один меньше. При этом К.А. Экхардт предполагал, что сходство текстов пар E-11 и E-12, E-13 и E-14 позволяет признать их близкородственными (Schwesterhandschriften), а E-16 он называл «дочерней рукописью» E15 (Tochterhandschrift); тем самым единая группа на основе различий в чтении и составе рукописей может быть разделена на две подгруппы⁹⁶. Поскольку эти рукописи представляли собой редакцию семьи D с исправлениями в написании латинских слов, их протограф не мог оформиться ранее 763 / 764 гг. Кроме того, рукописи новой семьи демонстрируют редакторскую правку списка франкских правителей в разделе генеалогий, которая отличает вариант генеалогий семьи рукописей E от варианта семьи D⁹⁷.

Экхардт предлагает в качестве датирующих признаков окончательного составления редакции E два определяющих показателя: первый – заимствование её редактором многих оборотов из письма Алкуина Карлу Великому (не позднее августа 798 г.)⁹⁸, и второй – упоминание в издании Жана дю Тилле (Иоанна Тилия), опиравшемся на ныне утерянную рукопись семьи E, той же датировки, которая встречается в ряде рукописей последующей семьи K (K-20, K-31, K-33 – K-35)⁹⁹. Немаловажно заметить, что в ряде случаев редактор протографа семьи E предлагал в качестве исправления вариант, который был основан на неправильном понимании исходного текста, либо же по какой-то причине предлагал собственную интерпретацию текста¹⁰⁰. Однако в пользу «придворного» происхождения

⁹⁵ Основные текстологические расхождения см.: Ibid. S. 33–41.

⁹⁶ Ibid. S. 39.

⁹⁷ Ibid. S. 60–61.

⁹⁸ Обоснование и примеры см.: Ibid. S. 61–65.

⁹⁹ Anno ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi DCCLXLVIII [798 г.], indictione sexta... (См. подробнее: Ibid. S. 65–74).

¹⁰⁰ См. примеры: Ibid. S. 56–58.

данной редакции говорит тот факт, что на автора огромное влияние оказывали современные ему формулировки каролингской канцелярии¹⁰¹.

Семья К (обозначение происходит от лат. *Karolina*, т.е. «закон Карла Великого») составляет множество рукописей, в которых за основу принято деление на 70 титулов. Такое число получилось при разделении нескольких существующих титулов редакции А (взятой за основу семьи К) и добавлении новых. При разделении титулов редактор Каролины зачастую руководствовался теми же принципами, что и редакторы групп D и E¹⁰². Редакторская правка в них также дают пример централизованной работы каролингской канцелярии над первоначальной редакцией (*amtliche Kanzleifassung*)¹⁰³.

Поскольку сохранилось очень много рукописей Каролины, К.А. Экхардту не удалось провести подробного текстологического анализа даже половины из них, не говоря уже о составлении подробной стеммы¹⁰⁴. На основе сравнения манускриптов К-17 и К-24 он установил тот факт, что создатель протографа семьи К обращался попеременно к чтениям семей С (с корректировкой чтений на основе редакций В и Е) и Е (с редактированием чтений с опорой на семьи В и С)¹⁰⁵. Кроме того, при переносе текста из

¹⁰¹ Подробнее об этом и о том, почему Экхардт считает возможным отождествить писца, а впоследствии (в 799–812 гг.) главу канцелярии Карла Великого Эركانбальда с редактором протографа группы Е, см.: *Ibid.* S. 76–78. Более осторожное высказывание об авторстве группы рукописей Е: *Неусыхин А.И.* Указ. соч. С. 406.

¹⁰² Кроме того, в ряде рукописей обнаруживаются титулы 71–72. Перечень рукописей с этими титулами см.: *Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 219. Anm. 473.* Тем не менее, они стоят после слов “*Explicit liber legis Salicae*”, что подчёркивает их более позднее происхождение.

¹⁰³ *Ibid.* S. 227–228. В этом отношении семью К Салической правды можно уподобить латинскому переводу англосаксонских законов – проявленный в рукописях в законченном виде только с начала XII в., он также имел основой единый протограф. Это явствует из текстологического анализа, который проводил Либерман над списками *Quadripartitus*.

¹⁰⁴ Об основных принципах систематизации рукописей этой группы: *Ibid.* S. 218–219. Текстологический анализ некоторых рукописей см.: *Ibid.* S. 221–227.

¹⁰⁵ Опровержение гипотезы о существовании двух исходных версий Каролины, вышедших из канцелярии Карла Великого: *Ibid.* S. 223–228.

множества рукописей, находившихся в руках редактора К, он мог механически пропускать небольшие фрагменты текста¹⁰⁶.

Не менее сложна и проблема датировки первоначальной редакции К. Вполне обоснованной выглядит дата, связанная с Ахенским собором (октябрь 802 г.), где была инициирована кодификация ряда варварских правд, в т.ч., возможно, Каролины и Рипуарской правды. Так или иначе, мы имеем два исторических свидетельства, синхронных этой дате: одно из них принадлежит перу официального придворного историографа Эйнхарда, второе – безымянному писцу, автору погодной статьи Лоршских анналов за 802 г. Эйнхард, находившийся при дворе Карла с 791 г., писал, что император взялся за реформирование законодательства после получения короны в Риме, однако ему удалось зафиксировать только законы подвластных ему народов (бавары, аламанны, саксы, фризы). В Салическую и Рипуарскую правды он якобы только внёс несколько новых глав, да и то неоконченных¹⁰⁷. Лоршские анналы предлагают несколько иную картину законотворческой деятельности Карла: помимо приглашения в октябре 802 г. в Ахен лиц духовного звания, «император в то же самое время, когда происходил этот собор, собрал герцогов, графов, и прочему христианскому народу вместе с законодателями положил прочитать все законы в своём королевстве и передать каждому свой закон, и улучшить [закон] в тех местах, где это требовалось, и записать улучшенный закон, и [приказал], чтобы судьи судили по писаному [закону] и не принимали даров...»¹⁰⁸. Несмотря на то, что здесь нет прямого указания на L. Sal. и L. Rib., нам известно, что в 802–803 гг. в Ахене был принят ряд капитуляриев (быть может, именно эти новые «главы» имел в виду Эйнхард), среди которых встречались и дополнения к двум упомянутым правдам.

¹⁰⁶ Ibid. S. 226.

¹⁰⁷ *Einhard. Vita Karoli. 29: Post susceptum imperiale nomen, cum adverteret multa legibus populi sui deesse — nam Franci duas habent leges, in plurimis locis valde diversas — cogitavit quae deerant addere et discrepantia unire, prava quoque ac perperam prolata corrigere, sed de his nihil aliud ab eo factum est, nisi quod pauca capitula, et ea imperfecta, legibus addidit. Omnium tamen nationum, quae sub eius dominatu erant, iura quae scripta non erant describere ac litteris mandari fecit.*

¹⁰⁸ *Annales Lauresh. a. 802.*

Кроме того, деятельность по упорядочению всех законов империи Карла Великого, проводимая в его императорской резиденции, в области, где были распространены франкские диалекты (в частности, рипуарский и восточно-франкский), неминуемо должна была коснуться обоих франкских сводов законов.

Семья S представлена 2 рукописями, в которых произведена «систематическая редакция Каролины». Из стихотворения, предваряющего редакцию, мы узнаём основные подробности о мотивах и обстоятельствах её создания. Автором являлся Луп, аббат Феррье, а первым владельцем рукописи – граф Фриуля Эверард, женатый на дочери императора Людовика Благочестивого. К сожалению, год и место создания можно восстановить лишь гипотетически; предполагается, что исходный текст был создан в Фульде до 836 г. (в этом году Луп удался из монастыря). В 863 / 864 гг. Эверард завещал рукопись своему сыну, Унроку¹⁰⁹.

Наконец, *семья V* была представлена одной – единственной рукописью, написанной на восточно-франкском диалекте древневерхнегерманского языка. До наших дней дошли всего 2 листа, хранящиеся в Трире (Trier, Stadtbibliothek, althochdeutsche und mittelhochdeutsche Fragmente, Nr. 4*, или Trier, Stadtbibliothek, Fragmentsammlung, X, 1*)¹¹⁰. На основе окончания списка титулов и первых сохранившихся титулов Экхардт делал предположения о содержании и объёме исходной рукописи (порядка 57 листов), а также её источнике. Время создания рукописи, состоявшей, подобно Каролине, из 70 титулов, он определял правлением Людовика Благочестивого (814–840), или точнее – периодом, прилегавшим к 830 г.¹¹¹

¹⁰⁹ Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 228-229.

¹¹⁰ Фотографическое воспроизведение этого источника, его критическое издание и комментарий см.: Simone G. LS vs. LF: La traduzione frammentaria in antico alto tedesco della “Lex Salica” e la sua base latina. Bologna, 1991. Автор исследования благодарит директора Трирского городского архива, д-ра Райнера Нолдена, за предоставление ксерокопий этой книги.

¹¹¹ Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 229-230.

Самым главным выводом, который можно сделать на основе текстологического анализа различных семей L. Sal., можно признать то утверждение, что ни одна из групп не происходит от другой непосредственно; между группами имелись некие промежуточные звенья, а отношения между отдельными рукописями различных групп не могут быть уподоблены линейной структуре¹¹². Подобные линейные схемы были широко распространены в немецкой исторической науке конца XIX – начала XX в.¹¹³. В дореволюционной России анализу истории рукописей не уделялось сколько-нибудь серьёзного внимания¹¹⁴. Среди советских учёных линейные схемы были открыто поддержаны только Г.М. Даниловой¹¹⁵. В отечественной историографии классификация, предложенная Экхардтом и многократно превосходящая по уровню обобщения и эмпирическому потенциалу все прочие (в т.ч. классификацию Гессельса), с подачи А.И. Неусыхина в середине XX в. получила наибольшее признание¹¹⁶.

Рипуарская правда не располагает таким же богатством рукописной традиции, как *Lex Salica*; сама её стемма может быть представлена посредством разделения исходного массива рукописей на 4 группы (А, В –

¹¹² Впервые в отечественной исторической науке к такому выводу пришёл А.И. Неусыхин: Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк I. С. 397, 399 (Прим. 13).

¹¹³ Например, именно так видели процесс эволюции рукописной традиции Гессельс и Керн, авторы критического издания, которое высоко оценивали исследователи на протяжении всего XX в. (в т.ч. Экхардт): *Lex Salica: The Ten Texts with the Glosses, and the Lex Emendata*. P.XIV–XXII.

¹¹⁴ Единственное издание, в котором присутствовал краткий очерк истории рукописей: Сборник законодательных памятников древнего западно-европейского права / Под ред. П.Г. Виноградова и Д.Н. Егорова. СПб., 1904. Вып. 1. *Lex Salica*. С. 5–7 (также имеется репринт 2011 г.).

¹¹⁵ См. подробнее: *Данилова Г.М.* О списках и редакциях «Салической правды» и описание рукописи “*Leninopolitanus*” // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 68. Кафедра истории древнего мира и кафедра истории средних веков (Сборник памяти А.Е. Кудрявцева / Отв. ред. А.М. Розенберг). С. 107–111. Используемая ей схема была напрямую заимствована из издания Егорова 1904 г.

¹¹⁶ Краткое источниковедческое исследование, основанное на осмыслении работ Экхардта, представлено в статье: *Неусыхин А.И.* Указ. соч. С. 394–409. Ещё одна критическая статья по поводу издания Салической правды в серии MGH, где также приводятся датировки отдельных групп рукописей и описываются их взаимные отношения, была опубликована Неусыхиным: *Он же.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 4 // СВ. 1967. Вып. 30. С. 41–51.

сохранившиеся, С, D – гипотетически реконструируемые или упомянутые в средневековых каталогах). Со времени первого издания Рипуарской правды в серии MGH, осуществлённого в конце XIX в., в список рукописей групп А и В были внесены лишь незначительные исправления¹¹⁷. Р. Бухнер составил в 50-х гг. прошлого века на основе дошедших до нас рукописей свою стемму, которая исходит из нескольких опорных положений: 1) Обе дошедшие до нас редакции восходят не к архетипу L. Rib., а к промежуточным вариантам – «ответвлениям» (Textast), обозначенным им как Y и Z (отдельные связи между рукописями семьи А и протографом на основе контаминаций невозможно установить со стопроцентной уверенностью); 2) Напрямую к Z восходит только рукопись А-4; рукописи А-1 – А-3, А-5 – А-7, А-9 и архетип рукописей семьи В (Vorlage des “reinen” В-Textes) восходят к Y; 3) Рукописи А-1 – А-3, А-5 – А-7, А-9 произошли от Y не напрямую, а через протограф «первой группы» (как её называл Бухнер), восходящий к Y, и таким образом представляют собой подгруппу «ответвления» Y (Untergruppe des Textastes Y); группа рукописей А8, А10-А13 произошла, скорее всего, напрямую от А (однозначно – от более раннего архетипа, чем протограф «первой группы»)¹¹⁸.

Различия в происхождении и развитии двух семей Рипуарской правды принято объяснять несколькими обстоятельствами. Языковая ситуация, сложившаяся на восточной границе проживания франков, привела к тому, что семья А сохранила в своём составе искажённые латинские слова и древнейшие германские глоссы (а следовательно, и самые древние правовые установления рипуаров), тогда как рукописи семьи В характеризуются «пурификацией» содержания большинства титулов и адаптацией текста к латинской грамматике, «насколько это было возможно»¹¹⁹.

¹¹⁷ Полное описание манускриптов L. Rib. можно найти в критических изданиях, вышедших в серии Monumenta Germaniae Historica: Lex Ribuarica ex editione Rudolphi Sohm (Praefatio). P. 193–203; Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle... S. 32–40, 47–48.

¹¹⁸ Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle... S. 47–48. См. также: Buchner R. Zu Text und Handschriftenstammbaum der Lex Ribvaria // ZSSR. GA. 1963. Bd. 80. S. 306–315.

¹¹⁹ Lex Ribuarica ex editione Rudolphi Sohm (Praefatio). P. 193–195.

Имеются также текстологические свидетельства, позволяющие произвести датировку двух редакций относительно друг друга. К примеру, на основе титула 40 (36),5¹²⁰ исследователи отмечают изменение роли духовенства и падение римского влияния в восточной части Франкского государства: в рукописях А-1 – А-8 вергельд за убийство клирика составлял «дважды по 50 солидов» и равнялся вергельду римлянина. Р. Зом утверждал, что это установление могло возникнуть только в VI в., когда основная масса духовенства была римского происхождения. В процессе эволюции франкского общества текст семьи В стал учитывать также увеличение доли варварского населения в составе клириков («Если кто-то убьёт клирика, смотря по тому, *какого происхождения* он будет, пусть искупают [свою вину]») ¹²¹. Соответственно, вариант текста, содержащийся в семье В, мог возникнуть только в более позднее время (возможно, не ранее середины VII – начала VIII в.).

При анализе отдельных титулов L. Rib. Р. Зом выделял четыре хронологических слоя. Древнейший слой он относил ко времени существования на Среднем Рейне этнополитического центра, концентрировавшего вокруг себя рипуарских франков и в известной мере противостоявшего собиранию Хлодвигом земель вокруг салиев. К середине VI в. (т.е. предполагаемому времени окончания кодификации редакций А и В закона салических франков) этот этап должен был быть завершён: размеры штрафов в L. Rib. отличаются от штрафов за соответствующие правонарушения L. Sal¹²².

Вторая часть законов рипуаров, напротив, сходна с Салической правдой не только по содержанию титулов, но и по штрафным санкциям¹²³.

¹²⁰ Двойная нумерация титулов относится к двум изданиям L. Rib.: Зома (в скобках) и Байерле–Бухнера (на первом месте).

¹²¹ Ibid. P. 188. См. сравнение двух редакций этого титула: Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle... S. 93.

¹²² Lex Ribuaria ex editione Rudolphi Sohm (Praefatio). P. 186. К этой древнейшей части относятся титулы 1–35 (31).

¹²³ Например, одинаковый штраф за непосещение судебного собрания предлагают L. Rib. 36 (32), 1–3 и L. Sal. 1, 1–2.

Кроме того, в древнейшей её редакции достаточно часто можно встретить обозначение штрафных санкций с помощью полного написания суммы (а не просто её цифрового обозначения, как в первой, третьей и четвёртой частях), а также удвоения и утроения первоначальной суммы штрафа. В этом особенность этой части по сравнению с другими слоями *L. Rib*¹²⁴. Этот слой памятника, содержащий титулы 36 (31) – 67 (64), Зом датировал второй половиной VI в., специально выделяя из него особую группу законодательных установлений – *constitutio regia* (титулы 60 (57) – 65 (62)), возникшую позднее¹²⁵.

Третий хронологический и тематический слой *Lex Ribuaria P.* Зом ограничивал титулами 66 (63) – 82 (79), касающимися публичного права и порядка наследования. Они не являются результатом заимствования из *L. Sal.* и не повторяют её правовые нормы. Зом предположительно датировал их VII в¹²⁶.

Четвёртая же часть, охватывающая собой титулы 83 (80) – 92 (89), частично содержит сходные с Салической правдой установления, а частично – нет. По мнению Зома, она возникла позднее всех, вероятно, в начале VIII в¹²⁷.

Отличия от прочих частей титулов *constitutio regia* («королевского установления», предположительно идентифицируемого с законодательством королей Австразии) Зом видел в том, что они по форме резко отличаются от всех прочих титулов второй части. Он полагал, что этот фрагмент был добавлен в готовую вторую часть Рипуарской правды неким писцом, который не идентифицируется с автором этой самой второй части¹²⁸. В отличие от «основного» писца второй части, автор этой вставки чаще пользовался порядковыми числительными при обозначении размера штрафов (кроме титула 61 (58), 6).

¹²⁴ *Lex Ribuaria ex editione Rudolphi Sohm (Praefatio)*. P. 187–188.

¹²⁵ *Ibid.* P. 192. См. также примечание 116.

¹²⁶ *Ibid.*

¹²⁷ *Ibid.*

¹²⁸ Подробную аргументацию см.: *Ibid.* P. 190–191.

Сами титулы рассматривают достаточно широкий круг казусов, связанный с отпуском на волю зависимых людей и их последующим правовым статусом, брачными отношениями между различными категориями зависимых и свободных, а также отношениями купли – продажи, дарения, владения и использования имущества¹²⁹. Р. Зом особо подчёркивал тот факт, что в этом фрагменте гораздо чаще, чем в основном тексте, встречаются обороты и выражения, выражающие более активное участие короля в процессе кодификации отдельных правовых норм¹³⁰.

Ряд установлений позволяет произвести относительную датировку этих нескольких титулов. Значительное количество вольноотпущенников может говорить о том, что в регионе уже был начат процесс развития крупного землевладения; по всем признакам, он не мог начаться на Среднем Рейне раньше, чем во второй половине VI в. Подчёркнутое родство Декрета Хильдеберта 596 г. и того фрагмента текста L. Rib., которые касались проблемы участия либертинов в суде, и несходство текста законов рипуаров с Эдиктом Хильперика II 614 г. в этом вопросе¹³¹ даёт основания предполагать то, что эти правовые установления с высокой долей вероятности могли возникнуть до правления Хильперика, т.е. при австразийской правителе Хильдеберте II (575–596).

Однако на фоне общепринятой периодизации и разделения титулов на хронологические слои вопрос о том, когда и в каком объёме были зафиксированы соответствующие титулы, касавшиеся социально-правового положения той или иной категории лично зависимого населения, сохраняет свою актуальность до наших дней. Дело в том, что распределение данных о рабах (и шире – лично зависимых людях в целом) в массе текста Lex Ribvaria было крайне неравномерным и вряд ли может напрямую коррелировать с периодизацией Р. Зома. Так, в древнейшей части количество титулов,

¹²⁹ Ibid. P. 191.

¹³⁰ Соответствующие примеры см.: Ibid. P. 191 (для *constitutio regia*), 192 (для прочих хронологических слоёв L. Rib.).

¹³¹ Ibid. P. 191–192. Rem. 34–37.

касавшихся рабской зависимости, составляло 18¹³², во второй части – 6¹³³, в третьей – 1¹³⁴, тогда как в четвёртой (самой поздней) части такие титулы отсутствовали полностью. Приблизительно такое же неравномерное распределение будет наблюдаться, если рассматривать титулы о других категориях зависимого населения в тех же самых четырёх частях Рипуарской правды.

Означает ли это, что различные стороны статуса рабов и других категорий зависимого населения были также зафиксированы постепенно, на протяжении 150–200 лет? Схема Р. Зома предполагает именно такой ход событий. С другой стороны, нам неизвестны подобные примеры из других варварских правд V–IX вв. Законодатели каждого из германских племён раннего Средневековья, несмотря на стремление зафиксировать наиболее актуальные для данного общества казусы, в социальной сфере стремились к максимально широкому охвату юридического материала и возможно более полному отражению всех социальных статусов (знатности, свободы и полусвободы, несвободы) в варварских правдах.

Случаи, когда составитель или редактор свода законов совмещал разновременные правовые обычаи и установления, принятые разными королями независимо друг от друга и отличавшиеся по составу или положению социальных категорий, были единичны. К таким исключениям относится, например, судебник Альфреда, где подавляющая масса правового материала о рабстве содержится не в законах Альфреда конца IX в., а в законах Инэ конца VII в.¹³⁵.

¹³² L. Rib. 8; 19; 20–34a.

¹³³ Ibid. 38; 40; 60–61; 64–65.

¹³⁴ Ibid. 77.

¹³⁵ При этом в прологе к судебнику имеется важнейшее указание Альфреда на то, что он санкционирует упомянутые в его судебнике законы и установления в силу их разумности. Можно сделать вывод о том, что законы Инэ составляют органическое единство с законами Альфреда. Следовательно, практически полное отсутствие указаний на рабов в альфредовской части судебного кодекса совершенно не означало потери значения данного института; напротив, в рамках установки Альфреда на дополнение законов Этельберта, Оффы и Инэ собственными законами, размещение основной массы сведений о социально-правовом статусе рабов в законах Инэ означало то, что социальный облик рабства и его

Тем не менее, общая тенденция такова: тексты континентальных варварских правд даже в случае поэтапной фиксации оставались однородными с точки зрения терминологии зависимых статусов конкретного племени. Исключением не стала и *Lex Ribvaria*. Не вызывает никаких сомнений то, что, подобно *Pactus legis Salicae*, текст редакции А Рипуарской правды отразил строго определённый этап развития рабства и личной зависимости середины VI – начала VII в., несмотря на наличие более поздних каролингских интерполяций VIII – начала IX в. в данный текст. Так, выглядело бы странно, если бы запрет на осуществление торговых операций с рабами (*L. Rib. 77*), встречающийся только в третьей части правды, значительно (почти на целый век) отстоял от смертной казни за кражу рабом свободной женщины из второй части: оба правовых положения описывали практически идентичное положение раба в обществе среднерейнских франков.

На позиции единовременной фиксации источника стоял известный источниковед и исследователь *Lex Ribvaria* Э. Майер. Однако в последнем случае возникает резонный вопрос: к какому времени относится сведение различных сторон социально-правового статуса рабов в Рипуарской правде? Ко времени правления Дагоберта (629–639) или к законотворческим инициативам Карла Великого (802–803)? Э. Майер отдаёт предпочтение первому варианту¹³⁶, и это выглядит обоснованным: многие нормы и процедуры германского права, активно применяемые вплоть до начала VIII в. и отражённые в тексте Рипуарской правды (например, освобождение «через денарий» по примеру Салической правды и формул Маркульфа; перечисление возмещений за телесные повреждения, причинённые рабам или рабами), в каролингских капитуляриях (в первую очередь – *Capitula legi Ribvariae addita*) уже не упоминаются. Следовательно, представления о

терминология в конце IX в. (время кодификации судебника Альфредом) значительно совпадали с описанием лично зависимого населения в конце VII в. См. об этом подробнее в главе III диссертационного исследования.

¹³⁶ Mayer E. Zur Entstehung der Lex Ribuariorum. Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. München, 1886. S. 170, 173–176.

статусе раба и о его изменениях были сформированы и сформулированы в письменной форме к середине VII в., а по мнению Э. Майера – в 633–639 гг. Кодификация Карла Великого 802–803 гг. также внесла свой вклад в описание социального статуса лично зависимого населения на Среднем Рейне VI–VII вв., однако это был пример *позднейшей* редакторской правки текста, ядро которого было уже сформировано за столетие до того.

Большой интерес с точки зрения датировки и понимания содержания Рипуарской правды представляет собой пролог к Баварской правде (*Lex Baiuvariorum*)¹³⁷. Дело в том, что этот памятник встречается не только в кодексах с Баварской правдой; его бытование в раннее Средневековье, судя по дошедшим до нас рукописям и изданию Герольда, было гораздо шире и не ограничивалось легитимацией права только южных германцев¹³⁸. Сама «программа», заявленная в этом прологе, предполагала кодификацию меровингским правителем Теодерихом I законов всех подвластных ему племён, в первую очередь – франков, алеманнов и баваров, и последующее развитие текста Рипуарской правды при Меровингах в VI – первой половине VII в.:

«Теодерих, король франков [511–533], в то время, как был в области каталавнов¹³⁹, выбрал 7 мужей премудрых, которые были сведущи в законах его королевства. Их же речениями постановил записать *закон франков¹⁴⁰, и алеманнов, и баваров, и всех племён, которые были в его власти*, [то же

¹³⁷ Новейшая критическая работа, которая подвергает всестороннему анализу содержащиеся в нём исторические сведения: *Landau P.* Die Lex Baiuvariorum. Entstehungszeit, Entstehungsort und Character von Bayerns ältester Rechtsbuch und Geschichtsquelle. München, 2004. P. 30–34; *Nehlsen H.* Bayern und die Langobarden – zugleich ein Beitrag zur Genese der Lex Baiuvariorum // *Idem.* Bayerische Rechtsgeschichte vom frühen Mittelalter bis zum 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M. [u.a.], 2011. S. 11–28.

¹³⁸ Например, в рукописях Modena. Biblioteca Capitolare. Ord. I. 2*. F. 9r-v [Bibliothek der MGH. Fotoabzüge. Signature: MGH K 028,44], Gotha. Forschungsbibliothek. Membran. I. 84* [Bibliothek der MGH. Fotoabzüge. Signature: MGH K 028,45] этот пролог всегда стоял *перед* прологами Салической правды, а в издании Герольда середины XVI в. – сразу *после* пролога Салической правды, перед самим текстом *Pactus*.

¹³⁹ Историческая область Шампань.

¹⁴⁰ Под «франкскими законами», скорее всего, подразумевались «рипуарские законы», поскольку Теодерих был правителем Австразии, в т.ч. территорий, заселённых рипуарами. Салическая правда в VIII–IX вв. уже прочно ассоциировалась с именем Хлодвига.

сделал] *по обычаям своим [т.е. франкским]*, добавил то, что следовало добавить, и отсёк ненужное и нескладное; и [те законы], что были по обычаям языческим, изменились по закону христианскому. По этой причине каждый древнейший обычай король Теодерих не смог очистить; после этого король Хильдеберт [Хильдеберт II, 575–596] положил начало [очищению], однако король Лотарь [Хлотарь II Великий, 613–629] усовершенствовал. Всё это обновил король наиславнейший Дагоберт [629–639] с помощью мужей знатных Клавдия, Хадуинда, Магна и Агилульфа, и все древние законы перенёс в более хорошее [состояние], и всем племенам дал писанный [закон], что они и поныне сохраняют»¹⁴¹.

Безусловно, все представленные даты правления могли иметь прямую связь с первым и вторым этапами кодификации (по Р. Зому). В частности, первая и вторая части *Lex Ribvaria* были действительно созданы, как показывает текстологический анализ, до конца VI в., т.е. в дни жизни Теодериха I и Хильдеберта II; *constitutio regia* явно демонстрирует некоторое сходство с текстом декрета Хильдеберта. Однако есть и явные противоречия в истории кодификации, записанной редакторами *Lex Baiuvariorum*: так, в ней нет даже намёка на четвертую часть Рипуарской правды (VIII в.); наличие писаного права у всех без исключения покорённых франками племён противоречит словам Эйнхарда о том, что до момента законодательных реформ Карла Великого таких записей не существовало, и т.д. Значит, хронология создания *L. Rib.*, представленная в прологе

¹⁴¹ Theodericum rex Francorum, cum esset Catalaunis, elegit viros sapientes, qui in regno suo legibus antiquis eruditi erant. Ipso autem dictante iussit conscribere legem Francorum et Alamannorum et Baioariorum unicuique genti, quae in eius potestate erant, secundum consuetudinem suam, addidit quae addenda erant, et improvisa et inconposita desecavit; et quae erant secundum consuetudinem paganorum, mutandum secundum legem christianorum. Et quicquid Theodericus rex propter vetustissimam paganorum consuetudinem emendare non potuit, post haec Hildebertus rex inchoavit, sed Lotharius rex perfecit. Haec omnia Dagobertus rex gloriosissimus per viros illustres Claudio, Chadoindo, Magno et Agilulfo renovavit, et omnia vetera legum in melius transtulit, et unicuique genti scriptam tradidit, quae usque hodie perseverant. Factae sunt autem leges, ut earum metu humana coherceretur audacia, tutaque sit inter improbos innocentia, et in ipsis improbis formido supplicia, et refrenetur nocendi facultas (В квадратных скобках мы отметили годы правления этих королей).

Баварской правды, может быть с достаточным основанием подвергнута сомнению и критике¹⁴².

Наличие явных противоречий, разновременных хронологических слоёв и наслоений в Рипуарской правде ставит под сомнение саму возможность абсолютных датировок. Возможно, именно это побудило Р. Бухнера и Ф. Байерле в середине прошлого века прийти к тому мнению, что два подхода – Р. Зомы и Э. Майера, можно совместить. По мнению Р. Бухнера, на протяжении VI – начала VII в. возникали те правовые установления, которые были включены Р. Зомом в три первых хронологических слоя. Именно они были положены в основу текста, записанного и провозглашённого в качестве австразийского законодательства в первой половине VII в. королём Дагобертом. Впоследствии, после прихода к власти Пипинидов и династии Каролингов, они были несколько переработаны; кроме того, к ним в VIII в. был добавлен четвёртый хронологический слой. В окончательном виде Рипуарская правда, по-видимому, была зафиксирована только в правление Карла Великого, т.е. не ранее начала IX в¹⁴³. Таким образом, два исследовательских подхода (о постепенном накоплении правовых установлений в VI–VIII вв. и о двух королях, кодифицировавших их в законченном виде) не противоречили, а как бы дополняли друг друга.

Наконец, одним из наименее исследованных памятников франкского права до сего дня остаётся *Lex Francorum Chamavorum* (Франкская правда хамавов)¹⁴⁴. Датировка этой правды даже более гипотетична, чем датировка

¹⁴² Латинский текст пролога: *Lex Baiwariorum* / Ed. E. de Schwind. Hannover, 1926 (MGH. LL nat. Germ. 5,2). P. 201-203. Наш перевод был представлен в издании: *Земляков М.В.* Указ. соч. С. 49–70.

¹⁴³ *Lex Ribvaria* / Hrsg. von F. Beyerle... S. 17–22.

¹⁴⁴ По сути, нет более ни одного критического издания, кроме издания Р. Зомы, воспроизведённого в пятом томе секции «Leges» *Monumenta Germaniae Historica* и небольшого конволюта, где вместе были соединены Рипуарская правда и Франкская правда хамавов (при этом оба памятника представляли собой репринт издания Зомы, опубликованного в пятом томе): *Lex Francorum Chamavorum ex editione Rudolphi Sohm [Praefatio] // Leges Saxonum. Lex Thuringorum. Edictum Theoderici regis. Remedii Curiensis episcopi capitula. Lex Ribuarica. Lex Francorum Chamavorum. Lex Romana Raetica Curiensis.* P. 271–276; *Lex Ribuarica et Lex Francorum Chamavorum ex Monumentis Germaniae Historicis recusae* / Ed. R. Sohm. Hannover, 1883. P. 113–123.

большинства северогерманских правд. Автор предисловия к первому изданию этой правды, Р. Зом, отмечает тот факт, что этот текст можно рассматривать как составленный по приказу Карла Великого капитулярий, титулы которого распространялись, подобно титулам прочих капитуляриев, по распоряжению императора и дополняли собой уже имеющиеся местные судебники и правовые обычаи. В случае с правдой хамавов такой капитулярий мог быть добавлен Карлом Великим только к одной из ранее записанных правд, а именно – Рипуарской. Это становится ясно исходя из того, что в начале IX в. земля, обозначенная в рубрике к этому капитулярию и в самом тексте как *in Amore / ad Amorem*¹⁴⁵, соотносилась с областью *Namarland* («земля хамавов»), находившейся под властью рипуарских франков¹⁴⁶. Причём, исходя из содержания некоторых титулов, Зом прямо заявляет о том, что данный текст стал результатом записи устной правовой традиции жителей этой области, произведённой посланниками Карла Великого (*missi dominici*)¹⁴⁷.

Сама правда сохранилась в трёх рукописях, но лишь в одной она была представлена наряду с Рипуарской правдой (Paris, BNF, lat. 9654 – список В3); в двух других (Paris, BNF, lat. 4628 А и Paris, BNF, lat. 4631; последний кодекс, как заметил Мордек, представляет собой почти полную копию Paris, BNF, lat. 4628 А, в т.ч. и в части воспроизведения текста *L. Cham.*¹⁴⁸) она встречается вместе с Салической правдой (списки *L. Sal.* К-35 и К-36 соответственно).

Помимо подробно рассмотренных выше трёх варварских правд, для изучения социальной истории территории расселения франков в Северной

¹⁴⁵ *L. Franc. Chamav. Insc.: Notitia vel commemoratio de illa euua, quae se ad Amorem habet; Ibid.* 26; 28.

¹⁴⁶ Подробное обоснование этого мнения на основе актового материала IX в. и Бертинских анналов см.: *Lex Francorum Chamavorum ex editione Rudolphi Sohm [Praefatio]*. P. 269. Rem. 1–3.

¹⁴⁷ *Ibid.* P. 270. Также *missus dominicus* упоминается в титуле 9 *L. Franc. Chamav.*

¹⁴⁸ *Mordek H. Bibliotheca capitularium regum Francorum manuscripta: Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse. München, 1995 (MGH. Hilfsmittel. 15). S. 489, 508.*

Галлии и по Нижнему Рейну очень большое значение имеют северогерманские правды, сравнение с которыми даёт нам возможность проследить эволюцию статусов зависимости в архаических обществах германских племён Севера континентальной Европы. Многие из этих источников при том, что они были зафиксированы только после прихода к власти Каролингов и начала формирования государства Карла Великого, описывают гораздо более архаичные отношения господства и зависимости по сравнению с синхронными им историческими источниками (например, франкскими юридическими формулами и каролингскими капитуляриями).

Одной из наиболее исследованных на данный момент является *Фризская правда*. Единственный сохранившийся до наших дней вариант¹⁴⁹ так же, как и *Lex Salica*, и *Lex Ribuaría*, создавался в несколько этапов. В раннем Средневековье существовали три основных племенных территории, заселённых фризами: Восточная Фризия – между реками Синкфал и Фли, Средняя Фризия – между реками Фли и Лаубах (совр. *Laveke*), Западная Фризия – между реками Лаубах и Везер. До момента вхождения в орбиту влияния салических франков в конце VII в., у фризов различных исторических областей выработались несколько отличающиеся друг от друга правовые установления, что отразилось в тексте *Lex Frisionum*¹⁵⁰. Первая часть, наиболее архаическая, вероятно, могла быть зафиксирована после присоединения к Австразии Карлом Мартеллом западных и средних фризов; вторая – после покорения территории всей Фризии Карлом Великим в 785 г.; третья же могла явиться результатом правки и «очищения» фризских установлений от архаизмов тем же Карлом Великим во время его правления и быть связанной со знаменитым Ахенским собором 802 г., на котором фиксации подверглись многие племенные обычаи германских народов¹⁵¹.

¹⁴⁹ Он дошёл до нас в публикации Иоханна Герольда: *Herold J.B.* Op. cit. P. 131–148.

¹⁵⁰ *Lex Frisionum edende Karolo libero barone de Richthofen [Praefatio]...* P. 632.

¹⁵¹ *Ibid.* P. 641, 645–647, 651–653. Rem. 48 (с подробным перечислением титулов, относящихся к части I и II).

«Установления мудрых» (*Additio sapientum*) были составлены из двенадцати титулов, в прямом смысле слова дополнявших собой правовые казусы и предусмотренные за них санкции в основном тексте *Lex Frisionum*. Как полагал барон фон Рихтхофен, они примерно совпадали по времени создания с пиком законотворческой деятельности Карла Великого (802–804 гг.) и отражали архаическую традицию «законоговорения» на тингах¹⁵².

По количеству исследований *Саксонская правда* немного уступает Фризской. Тем не менее, на материале этой правды также нередко восстанавливают социальную историю (в т.ч. и историю рабства и личной зависимости) древнегерманских племён. Собственно, тот памятник, который в отечественной науке принято называть Саксонской правдой, состоит из трёх частей: *Capitula de partibus Saxoniae* (34 титула), *Lex Saxonum* (66 титула) и *Capitulare Saxonicum* (11 титулов). Датировка третьей части не вызывает никаких сомнений, поскольку датировка и место опубликования капитулярия приводится в тексте (Ахен, 28 ноября 797 г.)¹⁵³. Датировка же двух оставшихся вызывает горячие споры, начиная с середины XIX в.

Текст *Capitula de partibus Saxoniae* был создан после 775–776 гг. (первые успехи Карла Великого в подчинении и христианизации жителей Саксонии), но гораздо ранее 785 г. (покорение Карлом всей Саксонии и капитуляция вождя саксонского восстания Видукинда)¹⁵⁴. Относительно датировки *Lex Saxonum* М. Линцель обосновал следующий тезис: титулы 1–

¹⁵² В традиции фризов такой судья носил имя *asega*. См., например, сборник архаических правовых установлений фризов XIII–XV вв. с соответствующим наименованием: *Asega-Buch, ein altfriesisches Gesetzbuch der Rüstringer / Hrsg. von T.D. Wiarda. Berlin, Stettin, 1805*. Выводы барона фон Рихтхофена в целом подтверждаются подробнейшим источниковедческим исследованием Х. Зимса, в котором подробно проанализирована роль Вулемара и Саксмунда: *Siems H. Studien zur Lex Frisionum. Ebelsbach, 1980. S. 144–173 (besond. 166–168)*.

¹⁵³ *Cap. 27. 1. P. 71: Anno ab incarnatione Domini nostri Iesu Christi DCCXCVII et XXX ac XXV regnante domno Carolo praecellentissimo rege, convenientibus in unum Aquis palatii in eius obsequio venerabilibus episcopis et abbatibus seu inlustris viris comitibus, V Kalendas Novembris, simulque congregatis Saxonibus de diversis pagis, tam de Westfalabis et Angariis quam et de Oostfalabis, omnes unianimiter consenserunt et artificaverunt...*

¹⁵⁴ *Lintzel M. Die Capitulatio de partibus Saxoniae // Idem. Ausgewählte Schriften. Bd. I. Zur altsächsischen Stammesgeschichte. Berlin, 1961. S. 387.*

60 возникли в качестве единого текста не ранее октября 802 г., а титулы 61–66 – не ранее начала 803 г.; таким образом, весь массив текста окончательно сложился только в 803 г.¹⁵⁵

Одним из важнейших памятников для понимания социальных отношений у северогерманских племён (в т.ч. проблемы рабства) является *Правда тюрингов (Тюрингская правда)*. На сегодня сохранился только один кодекс, содержащий этот памятник – Codex Corbeiensis. Кроме этого кодекса, ещё два списка текста (или близкородственных к ним текста) дошли до нас в составе собрания законов германских племён раннего Средневековья И. Герольда и Ф. Линденброга (Линденбруха)¹⁵⁶. К. фон Рихтхофен, датируя памятник, предполагал наличие у тюрингов отличного от салических франков обычного права в середине VI в.¹⁵⁷; однако запись правды была произведена не ранее начала IX в. Он настаивал на том, что писаное право тюрингам даровал Карл Великий; в конечном счёте, его датировка не слишком значительно отличалась от даты знаменитого Ахенского собора 802 г., с которым Лоршские анналы связывали фиксацию и провозглашение всех северогерманских правд¹⁵⁸.

* * *

Одной из наиболее важных групп правовых памятников, которая позволяет нам понять историю социальных институтов Франкского государства VI–VIII вв., а впоследствии – Империи Каролингов, являются

¹⁵⁵ Ibid. S. 169–173.

¹⁵⁶ Herold J.B. Op. cit. P. 127–130; Lindenbrogius F. Codex legum antiquarum in quo continentur Leges Wisigothorum, Edictum Theodorici, Lex Burgundionum, Lex Allamannorum, Lex Bayuvariorum, Decretum Tassilonis, Lex Ripuariorum, Lex Saxonum, Lex Angliorum, Lex Frisionum, Lex Langobardorum... Francofurti, 1613. P. 481–486.

¹⁵⁷ Исследователи отмечают некоторые моменты в Тюрингской правде (упоминания о литах, отсутствие римских посессоров, дополнение солидов тремиссами при исчислении штрафов), которые придавали ей сходство с правом средних фризов и южногерманскими правдами и резко отличали её от права салиев и рипуаров. Lex Thuringorum edente Karolo Friderico de Richthofen [Praefatio]... P. 107–108; Landau P. Die Lex Thuringorum – Karls des Großen Gesetz für die Thüringer // ZSSR. GA. 2001. Bd. 118. S. 26.

¹⁵⁸ Ibid. P. 115–116. Мнение фон Рихтхофена о территории и времени формирования Тюрингской правды в 30-х гг. подтвердил Ф. Лютге: Lütge F. Die Agrarverfassung des frühen Mittelalters im mitteldeutschen Raum vornehmlich in der Karolingerzeit. Jena, 1937. S. 130–133.

законодательные установления Меровингов и Каролингов, как правило, по отдельности охватывающие относительно небольшой круг правовых казусов, обобщённо именуемые **капитуляриями** (лат. capitulare, мн. ч. capitularia, нем. Kapitularien от capitulum – «глава, отдел»)¹⁵⁹. За последние 50 лет интерес к систематизации и анализу различных капитуляриев, а также рукописной традиции, непосредственно с ними связанной, значительно возрос¹⁶⁰.

Для решения исследовательских задач данной работы особый интерес представляют те капитулярии и их фрагменты, которые непосредственно содержатся в рукописях вместе с L. Rib. и L. Sal. Прежде всего, это относится к меровингским капитуляриям, которые были пронумерованы по порядку Карлом Августом Экхардтом (Capitulare I–VI)¹⁶¹. Надо заметить, что нет ни

¹⁵⁹ Наиболее полные собрания капитуляриев представлены в следующих изданиях: Capitularia regum Francorum: Additae sunt Marculfi Monachi & aliorum Formulae veteres & Notae doctissimorum Virorum / Ed. S. Baluzius. Paris, 1780. Т. I–II; Corpus iuris Germanici antiqui / Ed. F. Walter. Berlin, 1824. Т. II. Capitularia regum Francorum usque ad Ludovicum Pium continens; Т. III. Capitularia regum Francorum et imperatorum post Ludovicum Pium continens...; Capitularia regum Francorum / Ed. G.H. Pertz. Hannover, 1835 (MGH. LL. 1); Constitutiones regum Germaniae / Ed. G.H. Pertz. Hannover, 1837 (MGH. LL. 1); Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883 (MGH. Capit. 1); Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897 (MGH. Capit. 2). Также существует новейшее издание коллекции капитуляриев (Quattuor libri capitularium regum Francorum), собранной аббатом монастыря в Фонтенеле Ансегизом в 827 г.: Die Kapitulariensammlung des Ansegis / Hrsg. von G. Schmitz. Hannover, 1996 (MGH. Capit. N. S. 1). В наши дни, несмотря на критику, самым авторитетным изданием капитуляриев периода правления Меровингов и Каролингов остаются два тома Альфреда Бореция. Об отличии функции капитуляриев как «временного распоряжения» от собственно Leges Barbarorum писал ещё Г. Вайтц: Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1860. Bd. III. S. 511–514.

¹⁶⁰ Упомянем только некоторые из исследований и сборников, которые наиболее широко освещают источниковедческие и исследовательские проблемы, связанные с капитуляриями VI–IX вв.: Ganshof F.L. Was waren die Kapitularien? Weimar, 1961; Charlemagne's Heir. New perspectives on the Reign of Louis the Pious (814–840) / Ed. P. Godman and R. Collins. Oxford, 1990; Mordek H. Op. cit.; Wormald P. Op. cit. P. 30–92; Airlie St. "For it is written in the law": Ansegis and the writing of Carolingian royal authority // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. by St. Baxter etc. Farnham, 2009. P. 219–235.

¹⁶¹ В издании 50-х гг. XX в. К.А. Экхардт называл Capitularia legi Salicae addita седьмым капитулярием Pactus legis Salicae, однако в издании MGH он отказался от такого обозначения. Помимо шести капитуляриев, также имеется правовой источник начала IX в., озаглавленный издателем как «Итальянский фрагмент». Как полагают, он происходит из Северной Италии (рукопись K-77), с территории, перешедшей после смерти Людовика Благочестивого под власть Лотаря. Несмотря на небольшой объём (12 глав), он содержит

одного списка *Pactus legis Salicae*, в котором они встречались бы в комплексе, кроме Лейденской рукописи (К-17¹⁶²). Поскольку они рассматриваются как логическое продолжение текста *Lex Salica* семьи А, нумерация данных титулов в критических изданиях начинается с цифры 66.

Capitulare I (титулы 66–78) полностью представлены только в рукописи А-1¹⁶³, частично – в А-2 и К-17 (в последней под номерами 2, 95–103¹⁶⁴). Кроме того, в двух рукописях встречается «удвоение» титулов: 76–78 в А-1, 74 в А-2. *Capitulare II* (титулы 79–93), также именуемый *Pactus pro tenore pacis domnorum Childeberti et Chlotarii regum*, содержится в манускриптах А-1 – А-3, С-6, К-17, с частично удвоенными титулами – в К-33 – К-35, частично в неполном виде – К-65 – К-67¹⁶⁵. *Capitulare III* (титулы 94–105) представлен в рукописях наиболее неравномерно: титулы 94–97 содержатся только в А-1 (изначально титул 94 присутствовал также в К-17, как следует из индекса титулов), титулы 98–105 присутствуют в А-1 и К-17, а титулы 102–105 – также в А-2. *Capitulare IV* (титулы 106–116), или *Edictum Chilperici*, сохранился только в К-17, однако он присутствовал и в протографе А-1, что следует из индекса титулов, содержащегося в этой рукописи¹⁶⁶. *Capitulare V* (титулы 117–133) также присутствует только в К-17. *Capitulare VI*, также известный как *Decretus Childeberto rege 596 года*, встречается во множестве рукописей, причём в двух редакциях – меровингской (А-1 и К-17) и каролингской (С-6 и рукописи семьи D, E и K)¹⁶⁷.

Роль меровингских капитуляриев в структуре текста *L. Sal.* была различна. Если первые пять капитуляриев являются дополнением к уже

достаточно много информации о зависимых людях своей эпохи, способах их освобождения и причинах порабощения. См. издание: *Pactus legis Salicae* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, Berlin, Frankfurt, 1957. Bd. I, 2. Systematischer Text. S. 363–373.

¹⁶² Эта рукопись доступна нам в виде дипломатического издания кон. XIX в.: *Lex Salica emendata nach dem Codex Vossianus Q. 119* / Hrsg. von A. Holder. Leipzig, 1879.

¹⁶³ *Pactus legis Salicae* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 151.

¹⁶⁴ Включение глав капитуляриев в текст собственно *Pactus legis Salicae* – явление, также характерное для рукописи семьи В, которой пользовался Иоганн Герольд.

¹⁶⁵ Подробнее о разночтениях в списках *Capitulare II*: *Ibid.* S. 136–139.

¹⁶⁶ *Ibid.* S. 151.

¹⁶⁷ *Ibid.* S. 129–130.

существующему первоначальному тексту, ссылаясь на его установления, то Декрет Хильдеберта II представляет собой «самостоятельный закон для королевства Австразии, который был впервые прибавлен к побочной линии [рукописей] семьи А, а затем – к тексту Салической правды, состоявшему из 100 титулов»¹⁶⁸. Большие споры в своё время вызывали датировки различных капитуляриев, поскольку часто мы имеем дело с неполной передачей того или иного капитулярия в отдельно взятой рукописи или же его отсутствием.

Тем не менее, на сегодня общепризнанными датировками являются те, которые были предложены К.А. Экхардтом в издании *Lex Salica* 1953–1957 гг. Внимательно сопоставив тексты двух первых капитуляриев в различных редакциях, а также проанализировав эпилог, в котором кратко представлена история создания различных частей Салической правды вплоть до середины VI в. (т.е. вплоть до окончания правления двух братьев – королей, Хильдеберта и Хлотаря), он доказал, что через некоторое время после создания первоначального текста *Lex Salica*, состоявшего из 65 титулов, «первый король франков [т.е. Хлодвиг] ... добавил вместе со своими оптиматами титулы с 63 по 78» (т.е. собственно текст *Capitulare I*); после этого Хильдеберт «таким образом создал титулы с 78 по 83... и так отослал своему брату Хлотарю эту рукопись», который «после всего этого вместе со своим королевством [т.е. с подданными] обдумал, что необходимо туда добавить... [и] установил соблюдать титулы с 84 по 93»¹⁶⁹. Таким образом, первый капитулярий он датировал временем до 511 г., а второй – временным промежутком с 511 по 558 гг.¹⁷⁰ Экхардт предполагал создание *Capitulare III*

¹⁶⁸ Ibid. S. 139. Такой вывод Экхардта подтверждает даже тот факт, что Декрет Хильдеберта, в отличие от прочих капитуляриев, начинал нумерацию своих титулов сначала, а не брал за основу нумерации последний титул *L. Sal.*

¹⁶⁹ Экхардт исправлял числа LXII–LXIII на LXV–LXVI, считая первые результатом описки. Сравнение латинских текстов см.: *Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover, 1962 (MGH. LL nat. Germ. 4,1). P. 253.* Мы цитируем текст эпилога по рукописи А-2; в рукописи К17 изложение несколько более пространное, но в целом повторяет А-2.

¹⁷⁰ Обоснование см.: *Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 155-159.*

в последние годы правления королей Хильдеберта и Хлотаря¹⁷¹. *Capitulare IV*, т.е. Эдикт Хильперика, датируется в целом временем правления этого короля (561–584). *Capitulare V*, возможно, был чуть «моложе» Эдикта Хильперика и возник во времена правления того же короля, поскольку в нём отражена глосса из утраченной рукописи семьи В¹⁷². Кроме того, в самой рукописи титулы имеют нумерацию, отличную от критического издания Экхардта (LXXVIII – XCIV). Декрет Хильдеберта II, или *Capitulare VI*, в ряду прочих меровингских капитуляриев может быть датирован наиболее точно: дело в том, что промульгация отдельных его частей происходила на «мартовских полях», а последняя, третья часть была утверждена «в день мартовских календ, на 22-й год нашего правления в Кёльне» (*Data sub die Kalendas Martias anno XX(II) regno nostro, Colonia, feliciter*), т.е. 1 марта 596 г¹⁷³.

Также важнейшей подгруппой капитуляриев, без которой планомерное решение задач исследования невозможно, являются т.н. «ахенские» капитулярии Карла Великого, принятые им в 802–803 гг. в рамках той законотворческой деятельности, которая была отмечена в *Annales Laureshamenses*. Для целей нашего исследования наибольшую важность представляют те из них, что напрямую соотносятся Карлом с соответствующими варварскими правдами – Салической¹⁷⁴ и Рипуарской¹⁷⁵, дополняя и развивая некоторые их положения о рабах и зависимых людях и помогая (наряду с редакцией К Салической правды и В – Рипуарской) проследить эволюцию социально-правового статуса последних от начала VI

¹⁷¹ Дискуссию об этом см.: *Ibid.* S. 160.

¹⁷² Ср. Н : 2,1 (*Si quis porcellum lactantem furaverit, de rhanne prima...*) и *Cap. V. 119, 4* (*Si quis quis porcellum lactantem furaverit de rane...*); *Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954.*

¹⁷³ В латинском тексте вновь описка: двадцатым годом правления датируется первая часть *Decretio Childeberti*, провозглашённая в Андернахе. *Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover, 1962. P. 267, 269.*

¹⁷⁴ *Cap. 142 (Capitula legi Salicae addita. a. 819)*. Текст воспроизведён в издании: *Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883 (MGH. Capit. 1). P. 292–293.*

¹⁷⁵ *Cap. 41 (Cap. legi Ribuariae additum a. 803)*. Текст в издании А. Бореция: *Capitularia regum Francorum. P. 117–118.*

до начала IX в. Некоторые каролингские капитулярии конца VIII – начала IX в. также соотносятся с темой социальной истории, хотя основными сферами их применения было государственное строительство, администрация и уголовное право¹⁷⁶.

Наконец, непреходящее значение для исследователей Франкского государства (и западноевропейского раннего Средневековья в целом) до наших дней сохраняет знаменитый «Капитулярий о поместьях»¹⁷⁷. Датировка этого памятника долго была предметом спора в европейской исторической науке. В изданиях XIX в. в качестве даты его провозглашения назывался и 800 г., и более раннее время¹⁷⁸, даже конец правления императора Карла (812–814)¹⁷⁹. В начале XX в. Альфонсу Допшу удалось оспорить традиционное для немецкой *Wirtschaftsgeschichte* XIX в. убеждение в принадлежности этого документа Карлу Великому¹⁸⁰. Более того, его последователь, Т. Майер, доказал, что этот документ был составлен по приказу его сына Людовика (будущего императора Людовика Благочестивого) в 794 г. и имел в своей основе собрание предписаний северного и южного регионов Франкского государства¹⁸¹. Этот текст представлял собой, как пишет Майер, попытку предотвратить «неразбериху в управлении королевской собственностью» с целью пресечения

¹⁷⁶ См. подробнее о различиях содержания капитуляриев, добавленных к Салической и Рипуарской правдам, и прочих каролингских капитуляриев: *Ganshof F.L.* Op. cit. S. 147–153.

¹⁷⁷ Cap. 32 (Cap. de villis. 800 vel ante). Воспроизведён в издании капитуляриев А. Борреция: *Capitularia regum Francorum*. P. 82–91.

¹⁷⁸ *Ibid.* P. 82–83. При этом Борреций не выражал никаких сомнений относительно авторства капитулярия.

¹⁷⁹ *Die Landgüterordnung Kaiser Karls des Grossen (Capitulare de villis vel curtis imperii)*. Text – Ausgabe mit Einleitung und Anmerkungen / Hrsg. von K. Gareis. Berlin, 1895. S. 10–12.

¹⁸⁰ Основные работы, касающиеся вопроса датировки и происхождения этого капитулярия: *Dopsch A.* Die Wirtschaftsentwicklung in der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland. 2. veränd. u. erweit. Aufl. Bd. I. Weimar, 1921. S. 28–74; *Bloch M.* L'origine et la date du Capitulare de villis // *Revue historique*. 1923. T. 143. Fasc. 1. P. 40–56; *Mayer Th.* Das Capitulare de villis // *ZSSR. GA*. 1962. Bd. 79. S. 1–31. Точку зрения Допша в отечественной науке разделял ещё Д.М. Петрушевский: *Очерки из истории средневекового общества и государства*. 6-е изд. М., 2003. С. 241–242.

¹⁸¹ *Mayer Th.* Op. cit. S. 9.

хозяйственного упадка в рамках отдельно взятой территории Франкского государства, подвластной Людовику – Аквитании¹⁸².

Тем не менее, для нас наиболее важным является тот факт, что его положения отражают всю пестроту социальных статусов зависимости, которые встречались на землях королевских поместий конца VIII – начала IX в. В силу этого сложно переоценить его значение для цели реконструкции картины развития и эволюции рабства и зависимости в империи Каролингов.

* * *

Что касается **классификации** правовых памятников на **территории расселения англо-саксонских племён в Англии** раннего средневековья, то первый известный нам пример строгого разделения правовых источников на отличные друг от друга категории обнаруживается в трёхтомном издании Феликса Либермана¹⁸³. Он выделил и тщательнейшим образом проанализировал несколько групп правовых источников, существовавших до нормандского завоевания:

1. Англо-саксонские законодательные сборники:
 - 1.1. Законы королей Кента: Этельберта, Хлотхере, Эадрика, Уитреда;
 - 1.2. Судебник (Gesetzbuch) королей Альфреда – Инэ;
 - 1.3. Законы королей Эдварда I, Этельстана, Эдмунда I, Эдгара и Этельреда;
2. Два постановления (Erlasse) и судебник Кнута Датского;
3. Законы Вильгельма I и постановления Генриха I;
4. Англо-латинские правовые сборники (Rechtsbücher):
 - 4.1. Редактор латинских законов Кнута Датского (Quadripartitus¹⁸⁴, Leges Henrici, Instituta Cnuti, Consiliatio Cnuti);
 - 4.2. Законы Эдуарда Исповедника;
 - 4.3. Законы и обычаи города Лондона (Libertas Londoniensis);
5. Договоры королей Альфреда и Эдварда I с данами;

¹⁸² Ibid. S. 4.

¹⁸³ Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I. S. IX–X.

¹⁸⁴ В действительности, указание на четырёхчастное деление этого памятника является неточным: он состоит из двух книг, но по традиции, восходящей к антикварам XVI в., назван «Квадрипартитой».

6. Юридические компиляции X–XI вв.¹⁸⁵, или англо-саксонские законы без указания имени короля (*Angelsächsische Gesetze ohne Königsnamen*);

7. Ритуальные формулы (процедуры клятвы, Божьего суда, экскоммуникации);

8. Отдельные работы на юридические и канонические темы.

Категории 6–8 у Либермана оказались наименее однородными. Достаточно сказать, что туда на равных включены (без специальных пояснений) и установления местных этнополитических образований (*Mircna Laga, Nordleoda Laga, Dunsæte*), и процедуры конкретных судебных процедур и наказаний (*Wergeld, Swerian*). Тем не менее, классификации, представленные в предшествующих изданиях, кажутся нам ещё менее удачными. Во введении к изданию Райнхольда Шмита 1858 г. все памятники из категорий 4, 6, 7 и 8 оказались записаны в разряд *Anhänge* («Дополнения»)¹⁸⁶. Французский исследователь середины XIX в. Г. Даву-Оглу, распределяя все известные ему на тот момент законодательные памятники по датам правления конкретных королей (всего он насчитывал 14 групп источников), приписывал отдельным королям *Gesetze ohne Königsnamen* только на основе гипотетической реконструкции их даты создания¹⁸⁷.

В отличие от Салической правды, рукописи законов англо-саксонских королей невозможно распределить по семьям или хотя бы группам. Отсюда возникают сложности в поиске протографа отдельных фрагментов королевского законодательства VII–X вв.¹⁸⁸. Тем не менее, определённые

¹⁸⁵ Под таким названием выдержки из этих правовых источников приводятся в издании: Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. I. Раннее средневековье. С. 627–636.

¹⁸⁶ *Die Gesetze der Angelsachsen in der Ursprache mit Übersetzung, Erläuterungen und einem antiquarischen Glossar* / Hrsg. von R. Schmid. 2. Aufl. Leipzig, 1858. S. XXXVII–XLIII.

¹⁸⁷ *Davoud-Oghlou G.A. Histoire de la législation des anciens germains*. Т. II. Langobards, thuringiens, frisions, saxons, anglo-saxons. Berlin, 1845. P. 277–283.

¹⁸⁸ Подробную историю создания различных рукописей, а также их стемму составил более века назад Феликс Либерман: *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Halle a. S., 1916. Bd. III. Einleitung zu jedem Stück; Erklärungen zu einzelnen Stellen. S. 31–32. Его основные тезисы сохраняют актуальность до сих пор.

выводы на основе особенностей воспроизведения англо-саксонских законов в отдельных рукописях сделать всё же возможно.

Кентские законы VII в. включены только в один кодекс – *Textus Roffensis* (Strood. Medway Archives and Local Studies Centre. MS DRc/R1*)¹⁸⁹. Палеографические и кодикологические особенности воспроизведения *Textus Roffensis* первых трёх законодательных памятников Англии (значительно меньшее по сравнению с законами Альфреда – Инэ количество исправлений, приходящееся на один лист; компактное расположение в пределах 8 листов¹⁹⁰), а также лингвистический анализ (наличие архаизмов в раннем англо-саксонском законодательстве, более не встречающихся нигде в рукописи; особая передача корневых гласных в некоторых словах; свобода «от актовой или церковной терминологии»¹⁹¹) дают нам достаточно оснований для выделения их протографа в отдельный кодекс, независимый от судебного Альфреда – Инэ¹⁹².

¹⁸⁹ Полнотекстовая версия Рочестерского кодекса доступна на сайте: http://enriqueta.man.ac.uk/luna/servlet/media/book/showBook/Man4MedievalVC-4-4-990378~1427_29 (дата обращения: 21.02.2015). Подробное описание кодекса см.: *Ker N.R. Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford, 1957. P. 443–447.* Дипломатическое воспроизведение f. 1r–8v: *Oliver L. The beginnings of English Law. Toronto, Buffalo, London, 2002 (Toronto medieval texts and translations. Vol. 14). P. 183–194.*

¹⁹⁰ Для того, чтобы точно уместить эти три древнейших закона вкупе с генеалогией англо-саксонских королей в рамках первой тетради рукописи, писцу даже пришлось увеличить на последнем листе количество строк до 27 (Strood. Medway Archives and Local Studies Centre. MS DRc/R1*. f. 8v, ln. 25–27). Кроме того, сами законы оканчивались строго на 24 строке листа 6v, не переходя на следующий лист.

¹⁹¹ Ср. *ƿeow* в большинстве англо-саксонских памятников и *ƿeuw* в законах Вихтрета (Wi. 13, 15, 23, 27); исправление -i- на -y- (Hl. Prol. (ðissum-ðyssum), Hl. 10 (nille-nylle), Aet. 54,5 (litlan-lytlan), Aet. 70, 72 (micle-mycclan). В некоторых случаях можно предполагать замену корневого -i-/-e- лишь гипотетически, как в случае с глаг. *sy* (конъюнктив глагола *beon* – «быть»), притяж. мест. *hy* (совр. *he*), глаг. *sellan-syllan* (совр. *sell*). Впрочем, различное написание не всегда свидетельствовало об архаизме, оно также могло быть признаком неустоявшейся лексической нормы (см. написание слова *ceorl* – *cyrlic man*: Af. 10–11; *cierlic man*: Af. 18,1; 35; 39, 2; Ine. 30; 54; *ciorl*, *ciorlic man*: Af. 31, 39; Ine. 18; 37–38; 40; 42; 57; 60).

¹⁹² Феликс Либерман предполагал, что протограф Рочестерского кодекса мог храниться Кентербери, по крайней мере, к моменту его копирования (начало XI в.): *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 2.* См. также нашу работу, в которой доказывается единство композиции всего кентского законодательства VII в.: *Земляков М.В. Законы кентских королей VII в. в Рочестерском кодексе (Textus Roffensis): обстоятельства появления и структура // История. Электронный научно-образовательный журнал. Вып. 6 (39) [Электронный документ. Режим доступа:*

При этом датировка отдельных королевских установлений англо-саксов оказывается на порядок более точной, чем в случае с континентальными варварскими правдами¹⁹³. Каждая из датировок может быть с достаточной степенью уверенности подтверждена как с помощью прямых отсылок в тексте (в виде упоминания королей, установивших эти законы, или представителей светской и духовной власти, участвовавших в их обсуждении и принятии), так и за счёт привлечения свидетельств синхронных по времени источников. Законы Этельберта рубрикой были ограничены «временем жизни Августина»¹⁹⁴. Последний – это Августин Кентерберийский, первый архиепископ Англии, «апостол Англии», отправленный к англо-саксам по приказу папы Григория Великого с миссией христианизации в 595 г. Как следует из «Церковной истории народа англосаксов» Беда Достопочтенного, Августин умер 26 мая 604 г¹⁹⁵. За три года до этого он обратился к папе Григорию с просьбой разъяснить ему некоторые вопросы церковного устройства и веры, и папское предписание возвращать украденное в церкви имущество оказалось в первом же титуле законов¹⁹⁶. Соответственно, время создания законов необходимо ограничить 601–604 гг¹⁹⁷.

Законы королей Хлотхере и Эдрика оказываются единственными среди англо-саксонских юридических памятников, которые относятся к законотворчеству сразу двух королей. Время правления обоих королей известно. Хлотхере наследовал своему брату Экберту в 673 г.¹⁹⁸ и правил до собственной смерти 6 февраля 685 г. в бою против южных саксов¹⁹⁹. К

<http://history.jes.su/s207987840001198-6-1>. Дата обращения: 06.10.2015 г.]. О хронологии и структуре англо-саксонских законов подробнее см.: *Он же*. Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII века // Средние века. 2014. Вып. 75 (1–2). С. 262–270.

¹⁹³ Такая датировка представлена и обоснована в издании Либермана: *Ibid.* S. 2–3; 18; 23.

¹⁹⁴ *Abt. Insc.*

¹⁹⁵ Об Августине Кентерберийском см. у Беда: *Veda. Hist.* I, 23–33; II, 2–3.

¹⁹⁶ *Ibid.* I, 27.

¹⁹⁷ Либерман также предлагал более точную датировку – 602/603 гг.

¹⁹⁸ *Veda. Hist.* IV, 5.

¹⁹⁹ *Ibid.* IV, 26; V, 24.

нападению саксов подстрекал его племянник – Эдрик, который и занял кентский престол и правил до своей смерти 31 августа 686 г. Таким образом, пролог мог быть написан только после гибели Хлотхере (поскольку короли не являлись соправителями) его племянником. Поскольку роль обоих пролог обозначал как добавление правовых норм к уже существующим, утверждённым их предками²⁰⁰, логично было бы предположить то, что Хлотхере создал первоначальную редакцию законов, а Эдрик утвердил, дополнил и отредактировал их²⁰¹.

Законы Вихтреда (Уитреда) завершают древнейшую часть *Textus Roffensis*. К сожалению, Беда Достопочтенный не упоминает об этих законах. Тем не менее, их пролог – наиболее протяжённый среди всех прологов доальфредовского законодательства, содержит относительно точную датировку и точное место обсуждения законов («На пятый год его [Вихтреда] правления, в девятый индикт, шестой день Ругерна [т.е. во время полевых работ], тогда же в месте, которое называется Берстэд, было созвано собрание могущественных [людей Кента]»²⁰²).

Следующим по хронологии создания вслед за этим кодексом должен был быть рукописный памятник, представляющий собой законы Оффы, короля восточных саксов (757–794). Однако не сохранилось не только ни одного листа из списка этих законов, но даже переложения правовых

²⁰⁰ Hl. Prol.: «Хлотхере и Эадрик, короли народа Кента, дополнили те законы, которые их предки ранее сотворили, теми установлениями, которые провозглашены здесь ниже» (Hlophære 7 Eadric Cantwara cyningas ecton þa æ, þa ðe heora aldoras ær geworhton, ðyssum domum þe hyr efter sægeþ).

²⁰¹ Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 18. Ещё одним аргументом в пользу того, что Эдрик не являлся единоличным автором законов, может служить свидетельство Беды о том, что после его смерти королевство было опустошаемо иноземцами и узурпаторами. Beda. Hist. IV, 26.

²⁰² Wi. Prol.: ... þe fiftan wintra his rices, þy nigudan gebanne, sextan dæge Rugernes, in þære stowe þy hatte Berghamstye, ðær wæs gesamnad eadigra geheahendlic umcume... Пятый год правления Вихтреда – 695/696 гг. (для англо-саксонских анналистов новый год начинался с 1 сентября). Poleмику по поводу точного определения месяца издания законов и года см.: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 24.

установлений этого короля в прочих источниках. Скорее всего, списки законов Оффы не «пережили» времени правления Альфреда Великого²⁰³.

Вслед за древнейшей частью англо-саксонских законов (*domas*) появился судебник (*Domboc*), принятый в правление Альфреда Великого, первого короля, объединившего под своей властью большую часть Англии и противостоявшего экспансии норманнов в Восточной Англии. Законы короля Уэссекса Инэ, правившего в конце VII в., включены в альфредовское законодательство как его органическая часть; неизвестно ни одного отдельного списка уэссекских законов на древнеанглийском языке.

Законы Инэ и Альфреда, равно как и законы королей Кента, образуют собой смысловое и композиционное единство: титулы в них редко повторяют друг друга по содержанию и размеру санкций²⁰⁴. Альфред Великий, зафиксировавший эти установления, особенно подчёркивал то, что он пользовался законами королей Этельберта, Инэ и Оффы лишь в той мере, насколько он считал это возможным в отношении окружавших его правовых реалий. Те же нормы, которые казались ему устаревшими или вредными, он опускал²⁰⁵. Сами законы Альфред предварял изложением (в собственном переводе на древнеанглийский язык) Моисеева Десятисловия, а также выдержками из «Исхода» (*Exodus*) и «Деяний апостолов» (*Acta Apostolorum*). Либерман отмечал, что эти фрагменты были предназначены для демонстрации милосердия и сострадания Альфреда Великого как правителя и творца законов: жестокие наказания времён Моисея противопоставлялись

²⁰³ См. работу П. Уормалда о его законах: *Wormald P. In search of King's Offa 'Law-Code'*. P. 201–223 (besond. 203–204 – гипотеза о возможном заимствовании в законы Альфреда-Инэ правовой нормы о получении боклендов из мерсийских законов, современных Оффе).

²⁰⁴ Например, раздел о наказании за различные телесные повреждения мы встречаем только в законах Альфреда; он не повторяется в законах Инэ. См. сравнение у Либермана: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 35–36*.

²⁰⁵ *Af. El. 49, 9* (Ic ða Ælfred cyning þas togædere gegaderode 7 awritan het, monege þara þe ure forengan heoldon, ða ðe me licodon... Ac ða ðe ic gemette awðer oððe on Ines dæge, mines mæges, oððe on Offan Mercna cyninges oððe on Æþelbryhtes, þe ærest fulluhte onfeng on Angelcynne, þa ðe me ryhtoste ðuhton, ic þa heron gegaderode, 7 þa oðre forlet). Либерман полагал, что законы Инэ были присоединены к данному кодексу без всяких изменений и исключений (*Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 33*); однако исходя из вышенаписанного, мы имеем основания предполагать обратное.

санкциям короля Англии IX в., который практически не применял лишение жизни человека какого-либо статуса в качестве возмездия. Либерман даже сравнивает суровое наказание Альфреда за измену господину с проклятием за «иудино лобызание» в Евангелии²⁰⁶.

Альфредовская часть этих законов может быть датирована лишь очень приблизительно. Проблема более точной датировки связана с событиями правления Альфреда, но она трудноразрешима. Например, на основе того, что в законах Альфреда не обнаруживается никакого влияния датчан – завоевателей, обосновавшихся в восточной части Англии, Либерман делал вывод о том, что законы могли возникнуть скорее после второй войны с данами (892–896), чем после первой (окончившейся миром 878 г.), когда положение короля Альфреда было более шатким по сравнению с 890-ми гг.²⁰⁷ Также Либерман пытался сравнить стиль других переводов, приписываемых Альфреду, с переводом части «Исхода» и выдержками из «Деяний апостолов»²⁰⁸. Некоторые особенности древнеанглийского перевода, представленного в *Dombo* Альфреда (стиль, образованность автора и высокое мастерство переводчика в целом), он связывает со знакомством и общением короля с Ассером, которое произошло около 887 г.; сами эти особенности могли проявиться лишь через 2-3 года (т.е. не ранее нач. 890-х гг.). Первым из переводов Альфреда, в котором встречались библейские фрагменты и цитаты, Ф. Либерман полагал произведение Григория Великого *Cura Pastoralis* (после 890 г.); возможно, именно это произведение натолкнуло его на мысль о необходимости перевода части «Исхода» и

²⁰⁶ Ibid. S. 35–36. Мы не считаем, как однажды замечает Либерман, что значение этого интереснейшего текста можно свести по большей части к этическому и политическому обоснованию самих законов (*Der Zweck der Einleitung ist halb ethisch, halb politisch, nicht legislativ*), поскольку перевод Альфреда – это «более проповедь, нежели закон» (*mehr Predigt, als Gesetz*) (Ibid. S. 36). В действительности, перевод Альфреда даёт большой материал для анализа и сравнения социальных категорий IX – начала X вв., в т.ч. и зависимых категорий.

²⁰⁷ Ibid. S. 34.

²⁰⁸ Ibid.

«Деяний» для своего судебника²⁰⁹. Вместе с тем, стиль переводчика «Утешения философией» Северина Боэция (до 898 г.) Либерману кажется более чистым, а его язык – более искусным по части передачи абстрактных выражений и оборотов, чем стиль переводчика Десятисловия. Однако метод литературной критики он полагал ненадёжным в деле определения точной даты создания законов Альфреда: стиль альфредовских переводов мог меняться в зависимости от скорости работы, знаний и умений самого переводчика и вклада его помощников в общее дело.

История возникновения рукописной традиции судебника Альфреда – один из наиболее сложных сюжетов англо-саксонского периода истории Англии. В первую очередь, необходимо заметить, что большинство рукописей (в т.ч. древнейшая – Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 173*, по классификации Либермана E) не являются копиями одна с другой или же с одного протографа (исключение – рукопись London. British Library. Ms. Cotton Otho B. XI*, скопированная в XVI в. антикваром Л. Ноуэллом; копия известна как London. British Library. Additional Ms. 43703*). Законы Альфреда встречаются в 12 рукописях²¹⁰. К сожалению, многие из них в значительной мере повреждены: так, от рукописи London. British Library. Ms. Burney 277* сохранился лишь очень небольшой фрагмент размером в один лист in quarta, содержащий только начало законов Инэ; в рукописи London. British Library. Ms. Cotton Nero A. I (A)* окончание законов Альфреда и все титулы законов Инэ были написаны почерком XVI в.

Правовые памятники могли оказаться неполными в составах кодексов по причинам, связанным с деятельностью также переплётчиков: так, законы Альфреда – Инэ в British Library. Ms. Cotton Domitian A. VIII* сохранился лишь небольшой фрагмент на 4 листа (пролог законов Альфреда и титулы до

²⁰⁹ Также он указывал на то, что главы 21 и 33 «Исхода» в судебнике были переданы более точно, чем в переводе *Cura pastoralis* (*weniger frei als im Gregor wiedergegeben ist*). Ibid.

²¹⁰ Факсимильное воспроизведение всех англо-саксонских рукописей с правом раннего средневековья (вплоть до времени Вильгельма Завоевателя) можно найти по ссылке: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/XXX/> (дата обращения: 01.09.2013), где XXX – сокращённое буквенное обозначение соответствующего кодекса.

Af. 1,8). В переплётё рукописи Manchester. John Rylands University Library. Lat. 420* не оказалось начала и окончания законов Инэ, а законов Альфреда вообще не оказалось в составе кодекса²¹¹.

Судебник Альфреда складывался поэтапно. Индекс титулов (общий для королевских законов Альфреда и Инэ) вместе с самими номерами титулов в тексте появился чуть позже, в рукописи, созданной примерно в 910 г.²¹². От неё в начале X в. (около 925–930 гг.) произошла рукопись E. Эта рукопись отличается архаичностью языка. Впоследствии, в результате «модернизации» языка в 950–1100 гг. различными писцами, стемма рукописей становится весьма разветвлённой. Тем не менее, в отдельных случаях можно по наличию одинаковых «модернизаций» в двух разных рукописях доказать, что два переписчика пользовались одной и той же рукописью (или списками, восходящими к ней)²¹³.

Почти все рукописи (возможно, кроме Ot) происходят не от E, а от этого протографа – «рукописи 910 г.», нередко – через посредство сразу нескольких других редакций. В частности, стемма Феликса Либермана предполагала наличие общей редакции (hbq, ок. 920–1080 гг.) для промежуточной рукописи (hb, ок. 1020–1090 гг.) – основы для Textus Roffensis (H) и Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 383* (B), а также редакции англо-саксонских законов на латыни – Quadripartitus (протограф – XI в.). Такая же промежуточная рукопись (или несколько рукописей), возникшая в 920–1060 гг. (gls), предположительно существовала для London. British Library. Ms. Cotton Nero A. I (A)* (G), списка XVII в. У. Сомнера (So)

²¹¹ О некоторых особенностях, связанных с индексом титулов и содержанием рукописей Quadripartitus, подробнее см. работы: *Wormald P. 'Quadripartitus' // Idem. Legal Culture in the Early Medieval West. Law as Text, Image and Experience. London; Rio Grande, 1999. P. 81–114; Idem. The Making of English Law. P. 236–244.*

²¹² Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить тот факт, что нумерация титулов в тексте B отсутствовала (Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 383*. F. 16r–30v). Кроме того, в рукописи Cambridge. Corpus Christi College*. Ms. 173 индекс титулов, содержащийся в четвёртой тетради, был размещён отдельно от вступления к законам Альфреда (начинается на первом листе новой, пятой тетради): низ лицевой стороны и обратная сторона листа 35 оказались незаполненными.

²¹³ *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 31.*

и рукописи, ставшей основой для издания У. Ламберта (издана в Лондоне в 1568 г. на основе нескольких ныне утерянных рукописей под названием *Archaionomia*)²¹⁴.

Вслед за судебником короля Альфреда – Инэ, сформированным в первой трети X в., были изданы также законы королей Эдварда I (899–924), Этельстана (924–939), Эдмунда I (939–946), Эдгара (959–975) и Этельреда II (978 – 1016). Все они в той или иной степени касаются социального статуса представителей английского общества начала X – начала XI в., в т.ч. в них присутствуют титулы о рабстве и зависимом населении. К сожалению, общий объём и число этих законов столь велики, что они не поддаются даже простому перечислению. По сути, большая часть данных правовых источников представляет собой аналог меровингских и каролингских капитуляриев, т.е. королевских постановлений по отдельным судебным казусам и прецедентам.

По отношению к этим источникам в нашей работе мы избрали хронологический и тематический принципы систематизации. Первый принцип используется с целью создания единой и непрерывной картины развития отношений рабства и зависимости на основе обсуждения отдельных аспектов правового, социального и экономического положения рабов. Второй принцип привлекается нами для того, чтобы распределить информацию о рабах и зависимом населении, встречающуюся в законодательстве англосаксонских королей начала X – начала XI в., по отдельным темам и категориям, таким как правоспособность раба и его повинности, наличие у него собственности, ответственность раба и его господина за преступления первого.

Что касается текстологического анализа и анализа рукописной традиции отдельных памятников королевского законодательства начала X – начала XI в., то эта тема будет подниматься нами в нескольких случаях в тексте параграфов, посвящённых этим памятникам. К сожалению, крайняя

²¹⁴ Ibid. S. 32.

ограниченность числа рукописей, в которых присутствуют значительные объёмы законодательства начала X – начала XI в., часто – единичность и уникальность списка источника, затрудняет работу по сравнению и текстологическому анализу различных рукописей и списков.

Совершенно особое место в системе правовых источников англо-саксонской Англии занимает памятник, называемый *Rectitudines singularum personarum* (в русском переводе – «Об обязанностях различных лиц», в современной англо-американской историографии – также RSP, у Либермана – *Rect.*). Время создания этой юридической компиляции – очень сложный вопрос; Феликс Либерман определяет его как 960–1060 гг., возможно, около 1025–1060 гг. Он же предположил (на основе отсутствия указаний в источнике на датские вторжения и терминологию зависимости, сходную с более поздними норвежскими источниками), что местом создания *Rect.* был Запад или Юго-Запад Англии (но, по-видимому, это не могло быть королевство Кент)²¹⁵. Богатство понятийного аппарата RSP, сравнимое с континентальным «Капитулярием о поместьях» Карла Великого, даёт нам огромный материал для изучения категорий зависимых людей раннесредневекового поместья (манора) в Англии X – начала XI в., их правового положения и обязанностей в системе господского хозяйства.

Также уникальным для англо-саксонского и английского права является памятник, названный *Quadripartitus*²¹⁶. Этот правовой источник представляет собой попытку создания всеобъемлющего компендиума права от времени уэссекского короля Инэ вплоть до начала XII в., т.е. до времени правления английского короля Генриха I. При этом своё название он получил

²¹⁵ Подробное обоснование см.: *Ibid.* S. 245. Также в 90-х гг. вышла статья, посвящённая RSP и тематически примыкающему к нему памятнику – *Gerefa* (однако без обсуждения времени и места создания): *Harvey P.D.A. Rectitudines singularum personarum and Gerefa // The English Historical Review.* 1993. January. No. 426. P. 1–22.

²¹⁶ Огромную работу по изданию, критике и исследованию этого памятника проделал на рубеже веков Ф. Либерман. Ему принадлежат два его издания: *Quadripartitus, ein Englisches Rechtsbuch, nachgewiesen und soweit bisher ungedruckt / Hrsg. von F. Liebermann.* Halle a. S., 1892; *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann.* Bd. I. S. 529–546 (в сокращённом варианте, с отсылками к соответствующим страницам в издании 1892 г. или со ссылкой на параллельный древнеанглийский и латинский тексты в этом же томе).

позднее, в эпоху собирания рукописных коллекций англо-саксонского права, повсеместного развития в западноевропейских странах движения гуманизма и эрудитских изысканий²¹⁷.

К сожалению, в разделах *Dedicatio* («Посвящение»)²¹⁸ и *Argumentum huius operis* («Обоснование этого труда»)²¹⁹ не упомянуты ни имя составителя *Quadripartitus*, ни имена тех, кому предназначался данный кодекс. Предположение о причине этого делает Ф. Либерман: возможно, что их просто забыли вписать при рубрикации текста. Очевидно, что древнеанглийский язык не являлся родным для составителя данного правового компендиума. Как предполагал Либерман, он мог родиться в период между 1050–1070 гг. Судя по наличию латинизмов, построенных на основе бытовавшего во Франции XI–XII вв. варианта латинского языка, редактор этого текста родился в Нормандии или сопредельных северных или северо-восточных землях Французского королевства; он мог получить церковное образование на континенте, а затем переселиться в Англию в 1088–1098 гг.²²⁰ Предположительно, после переезда в Англию автор и составитель *Quadripartitus* поступил на службу к архиепископу Йоркскому Герхарду (ум. 1108), занимаясь его делами и выполняя его поручения; он также мог состоять в числе судей королевской курии или быть судьёй манориального суда²²¹.

Название всего класса рукописей происходит из записи редактора XII в., который описывает свою программную установку непосредственно во вводной части, обозначенной красными буквами как *Argumentum (Arg.)*. Звучит она следующим образом: «Первая книга включает в себе английские

²¹⁷ Первым своим упоминанием заголовка *Quadripartitus* обязан неизвестной руке XVI в., который впервые встречается в рукописи М англо-саксонских законов. К сожалению, изображения fly-leaf, где должна быть эта надпись (в составе общего оглавления), мы не располагаем. Соответствующую ссылку на источник см.: *Ibid.* S. 529. Anm. ,b'; *Quadripartitus* / Hrsg. von F. Liebermann. S. 5.

²¹⁸ London. British Library. Ms. Cotton Domitian VIII*. F. 95r, col. 1, ln. 1 – 97r, col. 2, ln. 28.

²¹⁹ *Ibid.* F. 97r, col. 2, ln. 18 – 98v, col. 2, ln. 18.

²²⁰ *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 308, 301.

²²¹ *Ibid.* Bd. III. S. 308–309.

законы, переведённые на латынь. Вторая отражает некоторые нужды, предписанные нашим временем. Третья – о состоянии и отправлении правосудия по [различным] тяжбам. Четвёртая – о кражах и их разновидностях»²²².

Из упомянутого плана составителю и редактору *Quadripartitus* удалось выполнить только половину задуманного – он собрал в первой части своей работы воедино все имеющиеся в его распоряжении латинские переводы законов англо-саксонских королей от Инэ (конец VII в.) до Вильгельма Завоевателя (вторая половина XI в.), а также юридических компиляций X–XI вв., авторы которых неизвестны, и двух договоров с данами; во второй книге были помещены различные источники, подавляющее большинство которых составляла переписка архиепископа Йоркского Герхарда, а также коронационная грамота, «Письмо ко всем своим верным» Генриха I, материалы двух соборов (в Лондоне и Винчестере 1102 и 1108 гг.) и некоторые другие произведения. Оставшиеся две части, скорее всего, не были им реализованы²²³.

По причине того, что язык англо-саксов был для составителя *Quadripartitus* не родным, он допускал немало ошибок при переводе отдельных терминов и целых пассажей; слабое знание древнеанглийского выразилось в переводе «по слогам», «по буквам» или сохранении германского корня слова с присоединением окончания на латинский манер (обычно *-us* или *-um*) и его склонением по парадигме 2 склонения. Кроме того, он активно пользовался глоссами на полях и в самом тексте, объясняя с их помощью вышедшие из употребления и непонятные (в т.ч. нередко для

²²² London. British Library. Ms. Cotton Domitian VIII*. F. 98v, col. 2, ln. 12–18. *Primus liber continet leges anglicas in latinum translatas. S(e)c(un)d(u)s habet quedam scripta temporis nostri necessaria. Tertius est de statu et agendis causarum. Quartus est de furto et partib(us) ei(us)*. Критическое издание: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I. S. 535*. Эта «программа» встречается и в других рукописях *Quadripartitus* (например, T, R), являясь при этом текстуальной копией Dm и восходя к общему протографу.

²²³ *Ibid.* Bd. III. S. 309.

него самого) реалии англо-саксонского общества²²⁴. Однако в ошибках автора не было злонамеренности, напротив, излишняя буквальность многих его переводов даёт основания предполагать, что для латинских законов X–XI вв., у которых не сохранились оригиналы на древнеанглийском языке, эти оригиналы всё же существовали²²⁵.

Одним из наиболее сложных до наших дней остаётся вопрос о времени создания редакции *Quadripartitus*. Ни протограф, ни самая первая рукопись этого собрания до нас не дошли; отсюда встаёт также проблема источников, которыми пользовался его составитель. Ясно только то, что он многократно перерабатывал своё собрание на основе нескольких кодексов, содержащих неодинаковый состав правовых памятников. Тем не менее, некоторые упомянутые в *Dedic.* и *Arg.* факты позволяли Либерману датировать первую книгу временем до 1114 г. Прежде всего, речь о триумфе Генриха I во Франции и получении сюзеренитета над некоторыми из её областей (Анжу, Фландрия, Нормандия) в марте 1113 г. Вместе с тем, *Dedic.* и *Arg.* не упоминает столь важное завоевание Генриха I, как валлийские земли (лето 1114 г.)²²⁶. Вторая книга, как полагал Ф. Либерман, была написана не ранее 1114 г., однако не позднее 1118 г.: материалы этой книги уже использовались в *Leges Henrici*, которые он датировал тем же самым промежутком времени. Кроме того, в *Praefatio* ко второй книге упоминается здравствующая королева Матильда, умершая в 1118 г.²²⁷.

Текстологический анализ показывает, что после возникновения авторской редакции *Quadripartitus* появилось как минимум три различных её редакции (включая первоначальный вариант)²²⁸. Этот факт делает данное собрание текстов по правовой и смежной тематике незаменимым для текстологического анализа латинского текста англо-саксонского права. При

²²⁴ *Ibid.* Bd. III. S. 309; *Quadripartitus* / Hrsg. von F. Liebermann. S. 10–11, 17–27 (примеры из самого текста).

²²⁵ *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I. S. 310.

²²⁶ *Quadripartitus* / Hrsg. von F. Liebermann. S. 41.

²²⁷ *Ibid.* S. 41–42.

²²⁸ *Ibid.* S. 43.

этом необходимо помнить о том, что, хотя протограф *Quadripartitus* не сохранился, его редактор пользовался для перевода на латынь не сохранившимися до наших дней рукописями, бытовавшими в Англии за десятилетия до начала XII в. В этом заключается огромная ценность данного собрания для реконструкции истории права и социального устройства в Англии XI в.

§ 2. *Историография исследования.*

§ 2.1. *Начальный этап изучения проблемы рабства. Выработка исследовательской проблематики:*

Историография вопроса эволюции социального, экономического и правового статуса рабов в Северной Галлии и Англии раннего Средневековья по материалам памятников континентального обычного права, которые мы определили как франкские правды, и корпуса англо-саксонских законов невелика и ограничивается всего тремя не слишком объёмными работами, по-настоящему широко применяющими сравнительно-исторический подход к данному материалу. Первая из них увидела свет в императорской типографии Парижа 60-х гг. XIX в.²²⁹, вторая – в Германской империи последней четверти XIX в.²³⁰, третья – в Чикаго в начале XX в.²³¹.

Тем не менее, первая попытка определить сущность рабства в государстве Меровингов и Каролингов, дать его определение и выделить его характерные черты была предпринята во Франции задолго до начала XIX в. Первым опытом по синтезированию понятий *servus* и *servitium* на основе широкого отбора и анализа различных источников (не только варварских законов, но и агиографических произведений, материалов капитуляриев, завещаний, собраний формул, римских законодательных памятников и средневековых юридических трактатов) по праву считается «Глоссарий к памятникам средней и обыденной латинской словесности» Ш. дю Канжа

²²⁹ *Yanovsky J.* De l'abolition de l'esclavage ancien du Moyen Âge et sa transformation en servitude de la glébe. Paris, 1860.

²³⁰ *Jastrow I.* Zur strafrechtlichen Stellung der Sklaven bei Deutschen und Angelsachsen. Breslau, 1878. (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte / Hrsg. von Otto Gierke. Bd. II).

²³¹ *Wergeland A.M.* Slavery in Germanic Society during the Middle Ages. Chicago, 1916. А.М. Вергеланд одновременно была профессором в университете Вайоминга, однако по происхождению она была норвежкой, а степень доктора наук получила в университете Цюриха. Поэтому Вергеланд можно в равной степени отнести и к американской, и к немецкой исторической науке.

(1610–1688)²³². В данный момент многие его выводы и положения можно признать несовершенными и даже устаревшими, однако словарь дю Канжа является серьёзным подспорьем в работе со средневековыми категориями и лингвистическими конструкциями не только VI–IX вв., но и более поздних эпох европейской истории.

С одной стороны, Ш. дю Канж впервые показал всё многообразие категорий личной и поземельной зависимости, встречающихся в источниках. Ему принадлежит первая известная нам классификация различных статусов рабов и зависимого населения раннего Средневековья. В неё входят группы, образованные по принципу прирождённой зависимости от другого лица; впадения в долговую зависимость или приписанные к своему участку; получившие участок земли и другие блага за свою службу господину или за выплаты в его пользу; обращённые за правонарушения; завещанные. Наконец, два десятка категорий (с подробным перечнем соответствующих мест из германских законов) упомянуты в числе лично зависимых слуг, обозначенных у дю Канжа общей дефиницией – *manuales* или *ministeriales*²³³. С другой стороны, он полностью опускает источники Англии раннего Средневековья (даже написанные на латыни); кроме того, дю Канж злоупотребляет цитатами из различных по происхождению и жанру источников, что значительно затрудняет синтезирование общей картины.

Тем не менее, ряд положений дю Канжа становятся для науки XIX–XX вв. основополагающими для выработки понятия рабства в целом. Рабы признавались им самым бесправным элементом во всех без исключения варварских королевствах; они не обладали статусом юридического лица и являлись собственностью, «т.к. они могли быть проданы господами»²³⁴.

²³² *Du Cange, Ch. du Fresne. Glossarium Ad Scriptores Mediae et Infimae Latinitatis: in quo Latina Vocabula novatae Significationis, aut Usus rarioris, Barbara et Exotica explicantur, eorum Notiones et Originiones reteguntur...* Parisiis, 1678. Vol. 1–3. Мы в своих поисках обращались к следующему переизданию этого монументального словника: *Glossarium mediae et infimae latinitatis / Conditum a Carolo Dufesne Domino du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis S. Benedicti.* Parisiis, 1844. Т. III. P. 215–225.

²³³ *Ibid.* P. 224–225.

²³⁴ *Ibid.* P. 221.

Согласно дю Канжу, они были лишены самых элементарных прав: права выбора супруга; права приобретать в свою пользу материальные блага или продавать их; права носить оружие и участвовать в войске; права свидетельствовать по собственному делу в судебном заседании²³⁵.

Что же касается отпуска рабов на волю, то здесь автор «Словаря» гораздо менее пространен. Он рассматривает варианты отпуска *pro remedio animae suae* (в знак отпущения грехов господина) или по завещанию, а также с целью ухода бывшего зависимого человека в монастырь²³⁶. В своём анализе института вольноотпущенников он практически не касается материала не только Салической, но и других варварских правд. Нетрудно заметить то, что анализ положения рабов в относительно статье «Глоссария» недостаточно соответствовал потребностям исторического исследования в силу слабой жанровой и хронологической дифференциации источников, проведённой дю Канжем при написании этой статьи. Кроме того, стремление к исключительной подробности при перечислении отдельных категорий лично зависимого населения раннего Средневековья у него явно превалировало по отношению к необходимости дать общую дефиницию для всей их совокупности и наметить общий путь эволюции их социально-правового положения на протяжении VI–IX вв., т.е. с момента создания государства Хлодвига до окончания правления Карла Великого.

К сожалению, в Англии после торжества славной Революции не выходило даже сжатых очерков, посвящённых проблеме рабства англосаксов. Единственное исключение – это «Полная история Англии» Р. Брэди²³⁷. Однако он давал лишь самые общие сведения об институте рабства у англо-саксов; при этом он анализировал только одну группу среди лично зависимого населения англо-саксонской Англии – *servants* или *servi*; другие латинские категории (как *villani*) анализировались им уже на основе

²³⁵ Ibid. P. 223.

²³⁶ Впоследствии этот вопрос будет подробно разработан Я. Гриммом и Н.Д. Фюстель де Куланжем.

²³⁷ *Brady R. A Complete History of England from the First Entrance of the Romans under the Conduct of Julius Caesar, unto the End of the Reigh of King Henry III... London, 1685.*

Domesday Book (Книги Страшного суда) нормандского времени²³⁸. Описание источников рабства ничем не отличалось от статьи дю Канжа. При этом Брэди не ссылаясь на источники, послужившие основой его выводам. Тем не менее, долгое время ни английские, ни германские, ни французские авторы XVIII в. вообще не анализировали тему рабства в Западной Европе и Англии.

Огромным достижением для английской историографии начала XIX в. стало появление работы С. Хейвуда. Впервые рабству в Англии VII–XII вв. была посвящена целая глава²³⁹. Такой подробный анализ источников различного жанра (жития, грамоты, нарративные источники, законы), проведённый автором с целью выявления основных характеристик англо-саксонского рабства, был произведён впервые.

На основе древнеанглийских законов Хейвуд определил основные источники рабства (попадание в плен, наследование статуса родителей, продажа и замозаклад, долговое рабство и обращение в наказание за преступления)²⁴⁰, немало места уделил уникальной структуре занятий отдельных категорий рабов (в частности, рабынь, занимавшихся господским хозяйством)²⁴¹ и первым проанализировал терминологию англо-саксонского законодательства, придя к выводу о том, что понятия *þeow*, *esne* и *þræl* обозначали один и тот же социальный статус, имея отношения друг к другу как общее (*þeow*) к частному, отразившему узкую специализацию (*esne*) или этническую специфику (*þræl*)²⁴². Автор разобрал различные варианты освобождения рабов и роль церкви в этом процессе²⁴³. Важнейшим достижением Хейвуда явился анализ правового положения раба, в результате

²³⁸ Ibid. P. LXVI–LXVII.

²³⁹ Heywood S. A Dissertation upon the Distinction in Society, and Ranks of the People, under the Anglo-Saxon Government. London, 1818. P. 355–425. Вопреки названию, автор не ограничился источниками только англо-саксонского времени и активно использовал также законы Вильгельма Завоевателя, Генриха I и Книгу Страшного суда.

²⁴⁰ Ibid. P. 355–367, 382 ff.

²⁴¹ Ibid. P. 389–394.

²⁴² Ibid. P. 368–373.

²⁴³ Ibid. P. 412–418.

которого он пришёл к выводу о невозможности его признания безраздельной собственностью господина²⁴⁴.

Ряд исследовательских подходов автора, тем не менее, уже к середине XIX в. были устаревшими. В частности, последующие авторы выступали против некритического использования альфредовского перевода «Исхода» (Exodus) как источника по истории рабства. Недостаточно чётко Хейвуд разграничивал и две исторических эпохи, которые разделило нормандское завоевание; это выражалось в частом смешивании и прямом сравнении статуса и общественного положения рабов и лично зависимого населения поместий Англии, встреченных им в англо-саксонских законах и законах первых королей нормандской династии.

§ 2.2. Немецкая историография XIX–XX вв. и её основные направления:

В начале XIX в. выдающуюся роль в изучении прошлого немецкого народа сыграли исследования братьев Вильгельма и Якоба Гримма. Книга историка, филолога, юриста Якоба Гримма «Немецкие правовые древности»²⁴⁵ была тем фундаментом, на котором в 20-х гг. XIX в. выросло новое исследовательское направление в германоязычной историографии, а именно – сравнительную историю права германских народов. Гримм анализирует уже гораздо более широкий круг источников, в число которых наравне с варварскими правдами и англо-саксонскими законами входят эпические произведения германских народов, древненемецкие поэтические произведения и переводы библейских текстов (Евангелие Отфрида, готский перевод Библии), германские глоссы и т.д.

²⁴⁴ В частности, он говорил о возможности рабов отвечать лично за некоторые преступления, быть свидетелем на суде и участвовать в ордалии, а также «тех немногих прочих правах, которые были общими у свободных [и рабов]». Ibid. P. 395, 401–408.

²⁴⁵ *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen, 1828.* Позднее вышло четыре переиздания этого монументального труда. Нами использовано факсимиле четвёртого издания, вышедшее в 1956 г. (*Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. Berlin, 1956. Bd. I–II.*)

Большим шагом вперёд явилось разграничение (не всегда последовательное, однако полностью отсутствовавшее у дю Канжа) категорий полностью зависимых людей (Unfreie, Knechte) и не полностью свободных членов варварского общества (Liten, Halbfreie), одинаково фигурировавших в источниках в качестве исполнителей *servitium* и *obsequium* (т.е. имевших определённые обязательства по отношению к другим лицам, церкви и королю), но имевших абсолютно разные положение в обществе и степень правоспособности.

Анализ категорий личной зависимости с применением достижений в области истории языка и филологии получился исключительно представительным и детальным²⁴⁶. Важным моментом, который сближает работу Я. Гримма с диссертацией С. Хейвуда, было систематическое описание различных сторон феномена германского рабства, таких как источники рабства²⁴⁷, процесс освобождения лично зависимого населения и роль церкви в нём²⁴⁸. Пожалуй, самым большим недостатком в этой работе является отсутствие анализа социально-экономического и правового положения рабов, а также занятий значительной части зависимого населения поместий (ремесленников, низшей администрации). Кроме того, Гримм включил в общеродовое понятие *Knecht* огромное число немецких категорий зависимости, просто противопоставив их свободным в связи с отсутствием у них определённых прав (ношения оружия, возмещения *вергельда* за их жизнь и др.)²⁴⁹. До известной степени работа Я. Гримма осталась в истории науки своего рода энциклопедией, подобной «Глоссарию» Дю Канжа, где в отдельных словарных статьях были представлены самые общие выводы о предмете, соединённые с примерами из различных источников и эпох.

Тем не менее, фактически до конца XIX в. приёмы работы Гримма были образцом для исследователей немецких правовых древностей (в т.ч.

²⁴⁶ Ibid. S. 418–443.

²⁴⁷ Ibid. S. 443–457.

²⁴⁸ Ibid. S. 458–465.

²⁴⁹ Ibid. S. 311, 468–472.

социальной структуры различных германских племён) и породили в немецкой науке целое научное направление, которое можно назвать *Rechts- und Verfassungsgeschichte* – история права и конституционного устройства²⁵⁰. Такое название носили многие капитальные монографии вплоть до середины XX в., т.е. до появления классического учебника Х. Конрада²⁵¹. К сожалению, эти работы в большинстве заимствовали также один из основных недостатков работы Гримма – отсутствие дифференциации различных варварских правд и описание социальной истории германских племён *в целом*. Однако они сосредоточились именно на изучении эволюции общественных статусов в варварском обществе, в т.ч. статуса рабов, лично и поземельно зависимого населения Западной Европы раннего Средневековья.

Классическими трудами по истории германского права в раннем и развитом Средневековье являются фундаментальные труды Г. Вайтца²⁵² и Х. Бруннера²⁵³. Более обширный материал был представлен Вайтцем – проблеме рабства он посвятил раздел 3 второго тома (первая часть) более чем на треть²⁵⁴; Бруннер ограничился двумя относительно сжатыми параграфами²⁵⁵. Помимо этого, необходимо отметить прекрасную осведомлённость обоих авторов во всех вопросах, которые касаются законодательных источников. Разделы, представляющие собой анализ происхождения и состава варварских правд, каролингских и меровингских капитуляриев, присутствуют у обоих авторов²⁵⁶.

²⁵⁰ Это направление является прямой параллелью к английским работам, которые в XIX–XX вв. выходили под заголовками «History of Law» или «Constitutional History».

²⁵¹ *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Ein Lehrbuch. Karlsruhe, 1954. Bd. 1. Frühzeit und Mittelalter.

²⁵² *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1844–1878. Bd. 1–8; 2. Aufl. Kiel, 1865–1896. Bd. 1–6.

²⁵³ *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Berlin, 1887–1892. Bd. 1–2; 2. Aufl. Berlin, 1906–1928.

²⁵⁴ *Waitz G.* Op. cit. Kiel, 1847. Bd. 2. S. 149–174.

²⁵⁵ *Brunner H.* Op. cit. 2. Aufl. Berlin, 1906. Bd. 1. S. 140–146, 368–376.

²⁵⁶ *Ibid.* S. 417–563. Кроме того, Вайтц был автором большой работы по источниковедению Салической правды (которую он изначально рассматривал как приложение к своему многотомному труду), где давал о франкских рабах и других зависимых категориях Северной Галлии (лэты, колонны) самые общие сведения: *Waitz G.*

Оба автора писали историю права и конституционного устройства раннего Средневековья по сходной трёхчастностной периодизации: время германских племён (*die germanische Zeit*) – меровингская династия (*die merowingische Zeit, die fränkische Zeit*) – правление Каролингов (*die karolingische Zeit*). Тем не менее, основные сведения о рабах (*Knechte*) как общественном слое в целом анализируются Вайтцем и Бруннером в первых двух частях; применительно ко времени первых Каролингов они говорят лишь об отдельных категориях рабского населения.

В оценке социального положения рабов «германского» времени (которое относится к промежутку между первым описанием статуса рабов у Тацита и обоснованием германских племён на территории Западной Римской империи в V–VI вв.) Вайтц и Бруннер сходятся: раб в этот период у всех германских племён был лишён, выражаясь современным языком, правосубъектности, более того, не мог обладать никаким имуществом и сам приравнивался к имуществу²⁵⁷; господин нёс полную ответственность за его проступки.

Вместе с тем, в V–VI вв. происходили значительные перемены в положении до того бесправных рабов: у них появилась ограниченная возможность на обладание личным имуществом и право представительства в суде (под контролем господина), а штраф за их жизнь принимает характер вергельда²⁵⁸. Кроме того, со времени начала Великого переселения народов происходит расширение прав прослойки вольноотпущенников (*liberti*) и литов (*liti*), которых и Вайтц, и Бруннер полагали в качестве слоя с едиными правами и обязанностями, заключавшимися прежде всего в повинностях в

Das alte Recht der Salischen Franken. Eine Beilage zur Deutschen Verfassungsgeschichte. Kiel, 1846. S. 99–103, 106.

²⁵⁷ Т.е. рабы, которые выполняли работы на участках земли, были фактически недвижимостью; те же, которые выполняли работы по хозяйству и могли быть проданы без земли, расценивались как движимость (в т.ч. в древнейшей части Салической правды приравнивались к скоту). Однако большая часть рабов всё же была движимостью. *Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 1. S. 182–184; Bd. 2. S. 149–150; Brunner H. Op. cit. S. 140–146, 370–371.*

²⁵⁸ *Ibid.* S. 369.

пользу патрона (бывшего владельца). В работах подробно разбираются различные способы отпуска рабов на волю и статус различных категорий вольноотпущенников. Именно эти два классика немецкой науки XIX в. окончательно закрепили оценку литов как полусвободных (*Halbfreie*), обладавших промежуточным положением между свободой и несвободой²⁵⁹.

Кроме того, по мнению обоих, правоспособность и социальный статус отдельных категорий рабов был неодинаковым и зависел от их профессиональных навыков и выполняемых ими работ в хозяйстве господина. Особое внимание уделено описанию статуса «привилегированных» категорий рабов, зависимых от церкви и короля (*pueri regis, homines ecclesiastici, ministeriales* и др.)²⁶⁰.

Фундаментальные труды Г. Вайтца и Х. Бруннера не лишены недостатков. В отличие от своего предшественника, Я. Гримма, оба автора очень мало писали об источниках рабства. Фактически, некоторые пути порабощения (самозаклад, война, продажа в рабство) встречаются лишь у Х. Бруннера²⁶¹. При описании «германского» периода истории оба нередко используют данные варварских правд V–IX вв. в ретроспективном плане; это иногда приводит к созданию обобщённой картины немецких правовых древностей (как у Я. Гримма), из которой сложно вычленить сведения об отдельных племенах I–V вв. Тот же приём в меньшем масштабе используется по отношению к королевствам Меровингов VI–VIII вв. и империи Карла Великого. При анализе правового положения рабов в государстве франков VI в. авторы постоянно привлекают без особых оговорок материалы варварских правд германских племён, завоёванных франками не ранее VIII в. (Лангобардской, Алеманнской, Баварской).

На основе достижений немецкой исторической и юридической наук первой половины XIX в. выходит небольшая, но крайне информативная работа И. Ястрова «О уголовно–правовом статусе рабов у германцев и англо–

²⁵⁹ *Waitz G. Op. cit. Bd. 1. S. 179–184; Bd. 2. S. 158–163; Brunner H. Op.cit. S. 146–150.*

²⁶⁰ *Waitz G. Op. cit. Bd. 2. S. 150–157; Brunner H. Op.cit. S. 371–376.*

²⁶¹ *Ibid. Bd. 1. S. 141–142; Bd. 2. S. 479–480.*

саксов». По сути, это единственная для XIX в. работа, представляющая собой детальный сравнительный анализ социально-правового положения лично зависимых групп населения в Северной Галлии VI–IX вв. и Англии VII–XI вв. на основе правовых источников (варварских правд, капитуляриев Каролингов и Меровингов, законов англо-саксов). Ястров проанализировал в сравнительном аспекте титулы о рабах во всех без исключения северогерманских (Тюрингской, Саксонской, Фризской) и франкских (Салической, Рипуарской, Хамавской) правдах. На основе разделения всего содержания германского права в отношении рабов на четыре тематических блока (наличие / отсутствие вергельда у раба; преступления раба против других категорий; преступления против рабов; степень участия рабов в судебном процессе) он проиллюстрировал своё ключевое положение: по мере развития варварского общества в Англии и Северной Галлии раб от полностью бесправного состояния, подобного другому движимому имуществу своего господина, переходил к постепенному обретению права представительства в суде в качестве потерпевшего, ответчика, свидетеля по делу, к самостоятельному возмещению ущерба от своих действий в отношении господина и третьих лиц²⁶².

Наиболее архаичным (и приближенным к имуществу) Ястров полагал положение рабов у тюрингов, саксов и фризов; близко к ним по статусу находились рабы салических франков начала VI в²⁶³. Однако уже со времени правления сыновей Хлодвига, т.е. в момент появления первых меровингских капитуляриев, рабы приобретают некоторую долю ответственности за свои преступления; развитие данной тенденции в Рипуарской правде, по мнению Ястрова, поднимает их из разряда имущества (*Sache*) в разряд «персон ограниченной правоспособности» (*Person des geringeren Rechts*)²⁶⁴. Наиболее высоким статусом обладали рабы англо-саксов в судебнике Альфреда: если в Кенте они ещё являли собой «людей ограниченной правоспособности», то в

²⁶² *Jastrow I. Op. cit. S. 47–50.*

²⁶³ *Ibid. S. 13–19.*

²⁶⁴ *Ibid. S. 20–27.*

Уэссексе времён Инэ они были подняты (по величине компенсации за жизнь, по возможности участия в суде) на одну ступень с теми «свободными» людьми, которые уже попадали в зависимость к какому-либо крупному землевладельцу²⁶⁵.

Несмотря на некоторый схематизм представленной Ястровом концепции, в целом линия движения рабов к повышению социального и правового статуса, их сближение с попадавшими в поземельную и личную зависимость бывшими свободными людьми и в конечном счёте – слияние в один слой средневекового крестьянства, аргументирована у него последовательно и чётко.

Однако работа не лишена недостатков. В частности, спорным видится заявление автора о том, что Салическая правда не даёт сведений о более позднем этапе развития рабства в государстве Меровингов, нежели правление Хлодвига²⁶⁶, т.к. более поздние редакции *Lex Salica* повторяют *Urtext* (те самые 65 титулов, зафиксированные при короле Хлодвиге). Это утверждение проистекает из того, что сам Ястров не занимался текстологическим анализом Салической правды²⁶⁷ и потому не обратил внимание на те казусы в тексте памятника, которые свидетельствовали об изменении роли и социального значения рабства у салических франков на протяжении середины VI – начала IX в.

Однако в известной мере Ястров всё же стал предшественником исследовательского направления, занимавшегося текстологическим анализом и сравнением титулов различных варварских правд. С помощью данных исследовательских процедур немецким учёным XX – начала XXI в. удалось во многих случаях установить разновременность фиксации некоторых слоёв *Pactus legis Salicae*, различные конъектуры и заимствования из других источников в этом правовом тексте. На основе определения абсолютной и

²⁶⁵ Ibid. S. 39–46.

²⁶⁶ Этот пробел, по словам самого Ястрова, восполняют только меровингские капитулярии и Рипуарская правда. См. подробнее: Ibid. S. 8.

²⁶⁷ При том, что ему принадлежит блестящий очерк, включающий в себя перевод и толкование соответствующих мест в англо-саксонских законах VII–XI вв.: Ibid. S. 51–83.

относительной хронологии различных семей рукописей, первоначального текста различных редакций и более поздних правок его составителей и переписчиков стало возможным говорить об отражении во многих титулах Салической правды, посвящённых отношениям рабства и личной зависимости, эволюции отдельных социально-правовых статусов.

В том же русле *Rechtsgeschichte* проводил свои исследования Э. Майер²⁶⁸. Основное внимание он сосредоточил на сравнительном исследовании франкских правд. Он посвятил источниковедению Рипуарской правды объёмную работу, уделив в ней внимание также проблемам социального устройства рипуарских франков в VI–VIII вв. Особое внимание он сосредоточил на таких лично зависимых категориях, как вольноотпущенники короля и церкви, отделив их от прослойки собственно рабов короля, церкви и частных лиц, а также проанализировав их права и обязанности в рамках варварского общества²⁶⁹.

Очень большую ценность для европейской науки второй трети XIX в. заключают в себе работы Э.Т. Гаупа²⁷⁰. В первую очередь, ему принадлежит тщательный источниковедческий анализ различных варварских правд, в результате которого удалось установить родство или сходство некоторых из них, впоследствии подтверждённое немецкими историками и источниковедами начала – середины XX в. Речь идёт, прежде всего, о Салической, Рипуарской и Тюрингской правдах, а равно и Фризской, Саксонской и Лангобардской правдах и законах англо-саксов²⁷¹.

На основе условного подразделения германских племён на две группы – «свевских» и «не свевских», он приходит к выводу о различиях в генезисе слоя несвободных, лично зависимых членов племени в таких племенах ещё

²⁶⁸ *Mayer E. Op. cit.*

²⁶⁹ *Ibid. S. 131–157.*

²⁷⁰ *Gaupp E. Th. Das alte Gesetz der Thüringer oder die Lex Angliorum et Werinorum, hoc est, Thuringorum, in ihrer Verwandtschaft mit der Lex Salica und Lex Ripuaria dargestellt und mit erklärenden Anmerkungen herausgegeben. Breslau, 1834; Idem. Lex Francorum Chamavorum oder das vermeintliche Xantener Gaurecht. Breslau, 1855; Idem. Recht und Verfassung der alten Sachsen. In Verbindung mit einer kritischen Ausgabe der Lex Saxonum. Breslau, 1937.*

²⁷¹ *Idem. Das alte Gesetz der Thüringer... S. 19–24.*

до момента переселения на бывшие территории Империи. Так, в законах «свевских» племён (например, части тюрингов, вестготов, бургундов) происходит формирование только одного слоя несвободных – рабов (*servi*), тогда как у «не свевских» народов (например, саксов, фризов, салических и рипуарских франков) встречаются сразу две категории зависимых людей – рабы и полусвободные (*liti, aldi*)²⁷². Хотя некоторые исторические факты не подтверждают этого построения²⁷³, само по себе оно достаточно остроумно. Кроме того, заслуга Э.Т. Гаупа заключается в подробном комментировании титулов, где упоминаются различные статусы зависимости многих правд (Тюрингской правды²⁷⁴, Правды Франкской хамавов²⁷⁵, Саксонской правды²⁷⁶).

Некоторые статьи историков права конца XIX в. были посвящены отдельным аспектам статуса рабов и литов. Например, Г. Майер подробно рассматривал такие аспекты личной зависимости, как ответственность господина за его правонарушения и степень участия в судебных собраниях, различия видов наказания по отношению к рабам и литам и пр²⁷⁷.

Помимо исследовательского направления, представленного историей права и конституционного устройства, в Германии второй половины XIX – начала XX в. очень активно развивается *Wirtschaftsgeschichte* – история хозяйства в Средние века. Исследователи хозяйственной жизни германских племён также касаются в своих работах проблем рабства и личной

²⁷² Ibid. S. 144–160.

²⁷³ Например, утверждение о том, что изначально прослойка литов пополнялась за счёт военнопленных, и поэтому они были отделены у «свевских» народов от рабов: Ibid. S. 148–149.

²⁷⁴ Ibid. S. 315–316; 410–413.

²⁷⁵ *Idem.* Lex Francorum Chamavorum... S. 53–68.

²⁷⁶ *Idem.* Recht und Verfassung der alten Sachsen. S. 104–106, 119–123, 194–196, 217–222.

²⁷⁷ *Meyer G.* Die Gerichtsbarkeit über Unfreie und Hintersassen nach ältestem Recht // ZSSR. GA. 1880. Bd. 1. S. 83–114; *Idem.* Die Gerichtsbarkeit über Unfreie und Hintersassen nach ältestem Recht (Schluss) // ZSSR. GA. 1882. Bd. 3. S. 102–126. Выводы Г. Майера, касающиеся эволюции статусов зависимости в варварских правдах, во многом совпадают с изложением И. Ястрова.

зависимости. Достаточно назвать имена К. фон Маурера²⁷⁸, К. Лампрехта²⁷⁹ и К.Т. фон Инама-Штернега²⁸⁰.

Основной упор фон Маурер делал на состояние свободной немецкой общины, противопоставляя ему несвободу; именно поэтому в его работе проблема рабства занимает крайне незначительное место – он перечисляет лишь самые общие положения о статусе рабов и вольноотпущенников²⁸¹. Лампрехт и Инама-Штернег оказываются более подробными авторами. По мнению этих немецких историков конца XIX – начала XX в., арендные отношения позднеримского времени (колонат) в очень значительной мере повлияли на формирование прослойки рабов (*unfreie Knechte*) в рамках франкского общества VI в., а затем – меровингских королевств и Империи Карла Великого²⁸².

Оба автора (Лампрехт – очень сжато, Инама-Штернег – довольно подробно) пишут о постепенном повышении статуса рабов во франкском обществе VI–VIII вв.: от состояния имущества до ограниченной правоспособности (право участия в суде, наличие «подобия» вергельда и т.п.)²⁸³. Инама-Штернег принимает во внимание и соглашается почти со всеми положениями, выдвинутыми буквально за 1 год до него И. Ястровом: и о принципиальном разделении правового положения рабов в северогерманских и франкских правдах²⁸⁴, и об общем улучшении к началу Каролингской династии положения посаженных на землю рабов и их

²⁷⁸ *Maurer K., von. Über das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme in seiner Verhältniß zur gemeiner Freiheit. München, 1846.*

²⁷⁹ *Lamprecht K. Deutsche Geschichte. Berlin, 1891–1909. Bd. 1–12 (частичный русский перевод, которым мы пользуемся: Лампрехт К. История германского народа. СПб., 1894. Т. I. Ч. 1–2); Idem. Deutsche Wirtschaftsleben im Mittelalter. Untersuchungen über die Entwicklung der materiellen Kultur des platten Landes aus Grund der Quellen zunächst des Mosellandes. Leipzig, 1886. Bd. I, 1. Darstellung.*

²⁸⁰ *Inama-Sternegg K. Th., von. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. I: Bis zum Schluß der Karolingerperiode. 2. Aufl. Leipzig, 1909 (первое издание – 1879 г.).*

²⁸¹ *Maurer K., von. Op. cit. S. 73–75, 81–83.*

²⁸² *Lamprecht K. Указ. соч. Т. 1. С. 251–252, 363–369; Inama-Sternegg K. Th., von. Op. cit. S. 164–168, 300–303.*

²⁸³ *Lamprecht K. Deutsche Wirtschaftsleben im Mittelalter. S. 51–57; Inama-Sternegg K. Th., von. Op. cit. S. 88.*

²⁸⁴ *Ibid. S. 83–88.*

приближении к литам (которых он относит к слою *Halbfreie*)²⁸⁵; а также он упоминает о привилегированном положении рабов и лично зависимых слуг короля и церкви²⁸⁶.

Однако в одном отношении К. фон Лампрехт и К.Т. фон Инама – Штернег опередили немецких историков права: они впервые в Германской империи ввели в научный оборот и проанализировали *Capitulare de villis* конца VIII в., тем самым связав между собой сведения грамот и капитуляриев VI–VIII вв. о зависимых людях с описанием внутреннего устройства поместья. В результате этого вотчинная теория рубежа XIX–XX вв. приобретает законченный вид: в рамках королевского поместья конца VIII – начала IX в. различные категории лично зависимого населения (*homines ecclesiastici et regii*; *servi casati*, т.е. посаженные на землю рабы, и *mancipia*; *ministeriales*, т.е. квалифицированные ремесленники и члены администрации; *liti*, *liberti* и *coloni*, т.е. вольноотпущенники) сливаются в «единый сельскохозяйственный класс», который выступает предпосылкой средневекового крепостного крестьянства²⁸⁷. Причём такой процесс происходит во всех без исключения поместьях времени правления Карла Великого, что побуждает его бороться в своих капитуляриях с произвольным «обращением в личную зависимость крупными землевладельцами бывших свободных»²⁸⁸.

Таким образом, представители немецкой исторической науки к началу XX в. формулируют тезис, ставший впоследствии основой для социально-экономических исследований отечественных историков: законодательные источники Северной Галлии (франкские правды, капитулярии) и англосаксонские законы фиксируют постепенное повышение статуса рабов и его

²⁸⁵ *Ibid.* S. 93–94.

²⁸⁶ *Ibid.* S. 75–77, 88–89. Соответствующую оговорку в отношении квалифицированных ремесленников делает также Лампрехт: *Lamprecht K. Op. cit.* S. 54.

²⁸⁷ *Lamprecht K. Op. cit.* S. 1146–1152; *Inama-Sternegg K. Th., von. Op. cit.* S. 300–303, 356–365, 444–449, 493–496.

²⁸⁸ *Ibid.* S. 77–79, 95 (данные северогерманских правд об обращении в зависимость бывших свободных), 335 (капитулярии Карла Великого).

сближение со статусом других зависимых категорий (в частности, обладавших некоторыми правами свободных литов и вольноотпущенников) при одновременном падении социального статуса бывших свободных членов варварского общества. На основе этих двух групп происходит формирование крестьянства, находящегося в крепостной (личной и поземельной) зависимости и обязанного выполнением различных повинностей своим господам. В общих чертах этот процесс завершается на северных землях Империи Карла Великого к середине – концу X в., а в королевстве Англии – после нормандского завоевания.

В немецкой исторической науке после Первой мировой войны продолжали развиваться две основных исследовательских традиции. Первая была представлена работами общего характера, восходившими к традициям *Deutsche Rechts- und Wirtschaftsgeschichte*, а вторая – к заложенному в работе Ястрова исследовательскому подходу, позволявшему критически анализировать и сравнивать тексты различных раннесредневековых законодательных памятников на предмет получения информации о правовом статусе раба и его постепенной эволюции в раннем Средневековье.

Одним из наиболее развитых в 20-х – 60-х гг. XX в. исследовательских направлений в рамках немецкой историографии является история социальных и аграрных отношений (*Sozial- und Agrargeschichte*) и хозяйства, т.е. традиция исторического исследования, восходящая к *Wirtschaftsgeschichte*. В этом отношении рубеж, который положила в середине прошлого века Вторая мировая война и который разделил Германию на две страны – ГДР и ФРГ, практически не отразился на развитии этого направления – аграрные отношения Средневековья вплоть до начала 70-х гг. вызывали жгучий интерес и самые оживлённые дискуссии у западно- и восточногерманских историков²⁸⁹.

²⁸⁹ Наиболее полную историографию аграрных исследований в Германии XIX – начала XXI вв. можно найти в статьях: *Rösener W. Agrargeschichte an die deutschen Universitäten // Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 1999. Bd. 47. Heft 2. S. 111–122; Idem.*

К сожалению, значительная часть таких работ, сосредоточив своё внимание на проблеме формирования средневекового крестьянства как института феодального общества, практически ничего не говорила о тех слоях варварского общества, которые составили это многочисленное сословие. Соответственно, в работах по Sozial- und Agrargeschichte статус рабов в рамках раннесредневекового общества не ставился как отдельная исследовательская проблема. Тем не менее, ряд немецких авторов органично смогли вписать рабство эпохи Меровингов и Каролингов в контекст формирования средневекового крестьянства.

Прежде всего, в межвоенный период и первые послевоенные годы появляются, а затем переиздаются весьма репрезентативные работы Г. фон Белова²⁹⁰ и Ф. Лютге²⁹¹; во второй половине XX в. продолжают выходить работы Ф. Лютге, а также появляются новые имена в рамках Landwirtschaftsgeschichte – В. Абель²⁹² и В. Рёзенер²⁹³. Однако в целом межвоенный период и в особенности – 50-е – 60-е гг., знаменуют собой отход немецких историков от общих описаний социальных и хозяйственных процессов на франкских землях в раннем Средневековье; эта тенденция проявляется уже в работах Ф. Лютге, а в дальнейшем лишь находит своё наиболее полное выражение в появлении огромного количества работ, рассматривавших ранее недостаточно изученные документы по социальной и

Landwirtschaft im Mittelalter // Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: Arbeitsgebiete – Probleme – Perspektiven / Hrsg. von G. Schulz u.a. München, 2005. S. 19–39.

²⁹⁰ Below G., von. Probleme der Wirtschaftsgeschichte: eine Einführung in das Studium der Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1920. S. 27–39, 51–59; *Idem.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft des Mittelalters in ihren Grundzügen / Aus dem hinterlassenen Manuskript hrsg. von F. Lütge. 2. Aufl. Jena, 1937. S. 35–40 (время до эпохи Великого переселения народов); 66–71 (эпоха Каролингов и немецкие земли до конца Средневековья).

²⁹¹ Lütge F. Die Agrarverfassung des frühen Mittelalters im mitteldeutschen Raum vornehmlich in der Karolingerzeit. Jena, 1937. S. 81–85, 97–129, 189–217; *Idem.* Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Ein Überblick. Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1952. S. 17–62; *Idem.* Geschichte der deutschen Agrarverfassung. Stuttgart, 1963. S. 32–34.

²⁹² Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1962. S. 41–45.

²⁹³ Rösener W. Agrarwirtschaft, Agrarverfassung und ländische Gesellschaft im Mittelalter. München, 1992. S. 8–16.

хозяйственной истории отдельных регионов Каролингской империи (таких, как земли баваров и алеманнов).

Помимо развития в Германии XX в. исследовательского направления, которое называют *Landwirtschaftsgeschichte*, в межвоенный период и первые десятилетия после Второй мировой войны сохраняется устойчивый интерес к истории права и германских правовых институтов, представленных в т.ч. рабством в варварских королевствах. Прежде всего, необходимо упомянуть о монографии Х. Конрада, которая, хотя и построена по традиционной для *Rechts- und Verfassungsgeschichte* XIX в. схеме, представляет собой рубежное исследование для истории права Германии середины XX в. В главе 3 данной работы Конрад суммировал основные подходы к теме, которые были выработаны немецкой историей права по отношению к социальной истории раннего Средневековья на протяжении XIX – начала XX в.; он ранжировал общество Салической правды (которая были основой для его исследовательских выводов) и других правд ровно по тому же самому критерию, что и Вайтц с Бруннером – знатности, полусвободы и несвободы. Он кратко говорил о своей солидарности с традиционной для немецкой *Rechtsgeschichte* точкой зрения о постепенном повышении статуса рабов от момента поселения германцев на территории Римской империи до прихода к власти Карла Великого; он упоминал также и о министералах варварских правд, подтверждая их изначальную несвободу и личную зависимость, тем самым вступая в заочный спор с представителями концепции «королевских свободных» (о взглядах которых речь пойдёт ниже)²⁹⁴.

К сожалению, крайне ограниченный объём соответствующего раздела не позволил автору сделать какие-либо дополнения к положениям, которые уже стали классическими для немецкой науки XIX в. Тем не менее, работа Конрада остаётся для второй половины прошлого века единственным представителем некогда очень развитого направления *Rechtsgeschichte*,

²⁹⁴ *Conrad H.* Op. cit. S. 156–161.

одновременно являясь как бы его вершиной и логическим подведением итогов.

Отчасти к направлению истории права, испытавшему сильнейшее влияние этнологии, можно отнести работу польского историка К. Модзелевского «Варварская Европа»²⁹⁵. Он посвящает в ней анализу рабов и литов в варварском обществе большой раздел, не ограничиваясь сравнением варварских правд, но привлекая к исследованию нарративные источники и даже Правду Русскую. Таким образом, он добивается построения обширной картины раннесредневековой зависимости в Западной Европе.

Основным отличием его позиции от позиции Конрада является признание полного юридического бесправия раба: отсутствия у него вергельда и родичей (обусловленное происхождением большинства рабов от пленных), права выступать свидетелем в суде, в VI в. – даже права иметь семью. Как считает Модзелевский, это положение практически не меняется на протяжении VI–IX вв., т.е. вплоть до создания державы Карла Великого²⁹⁶.

Напротив, при описании литов он отходит от немецкого термина *Halbfreie* и подчёркивает тот факт, что большинство литов не обладали элементами свободы, как её понимали в немецкой науке XIX – начала XX в. (т.е. не были членами общины). Их правосубъектность была значительно ограничена их господином, который располагал над ними властью, подобной его же власти над собственными домочадцами. По сути, литы представляли собой вольноотпущенников, получивших неполную правовую и имущественную свободу при освобождении и составивших одну из наиболее значительных фракций при формировании средневекового крестьянства в IX–XI вв. (в первую очередь – в Северной Галлии)²⁹⁷.

²⁹⁵ *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.* Монография К. Модзелевского рассматривается в контексте немецкой историографии в силу её близости к германской школе истории права и отчасти – Венской школе исторической этнографии. Автор благодарит к.и.н. А.М. Шпирта за помощь в переводе этого раздела с польского языка.

²⁹⁶ *Ibid. S. 173–186.*

²⁹⁷ *Ibid. S. 186–205.*

Ещё одним важным исследовательским направлением в немецкой исторической мысли XX в. явилось изучение истории министриалитета. Однако эта проблема в конце 30-х – начале 40-х гг. рассматривалась сквозь призму новой концепции «королевских свободных», в рамках которой отрицалась традиционная точка зрения историков XIX в. на древнегерманское общество как на общество преимущественно свободных людей, образовавших основу для общинных отношений в рамках варварских королевств (нем. *Gemeinfreien, alte Freien* – «свободные общего права, старосвободные»). Основоположниками данного исследовательского направления принято считать Э. Ф. Отто²⁹⁸ и А. Вааса²⁹⁹, впервые заявивших о привилегированном характере свободы у германских племён раннего Средневековья и об опосредовании свободы степенью близости к королю или крупным светским и церковным землевладельцам.

В литературе середины прошлого века тема зависимых людей, занимавших важные должности в системе королевского, церковного или светского крупного землевладения раннего и развитого Средневековья, занимала очень важное место. Этой категории были посвящены фундаментальные статьи Т. Майера³⁰⁰, К. Бозля³⁰¹, Х. Данненбауэра³⁰².

²⁹⁸ *Otto E.F. Adel und Freiheit im deutschen Staat des frühen Mittelalters. Studien über Nobiles und Ministerialen. Berlin, 1937.* К сожалению, данная работа не доступна нам в оригинале, поэтому мы цитируем её содержание по статье: *Неусыхин А.И., Данилов А.И. О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиевистике ФРГ // СВ. 1960. Вып. 18. С. 117. Прим. 17.*

²⁹⁹ *Waas A. Die alte deutsche Freiheit. Ihr Wesen und ihre Geschichte. München; Berlin, 1939. S. 39–42.*

³⁰⁰ *Mayer Th. Königtum und Gemeinfreiheit im frühen Mittelalter // Idem. Mittelalterliche Studien. Gesammelte Aufsätze. Konstanz, 1959. S. 139–163; Idem. Bemerkungen und Nachträge zum Problem der freien Bauern // Idem. Mittelalterliche Studien. S. 164–186; Idem. Die Königsfreien und der Staat des frühen Mittelalters // Vorträge und Forschungen / Hg. vom Institut für geschichtliche Landesforschung des Bodenseegebietes in Konstanz, geleit. von Theodor Mayer. Lindau, Konstanz, 1955. Bd. II. S. 7–56 (по причине недоступности данного сборника, библиографическое описание представлено на основе подробной рецензии из журнала: *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1957. Bd. 7. Heft 2. S. 222–225.*)*

³⁰¹ *Bosl K. Anfänge und Ansatzpunkte deutscher Gesellschaftsentwicklung. Eine Strukturanalyse // Idem. Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa: Ausgewählte Beiträge zu einer Strukturanalyse des mittelalterlichen Welt. München; Wien, 1964. S. 11–61; Idem. Über soziale Mobilität in der mittelalterlichen «Gesellschaft». Dienst, Freiheit, Freizügigkeit als Motive sozialen Aufstiegs // Idem. Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. S. 156–*

Несмотря на то, что многие идеи, высказанные историками права в середине XX в., на сегодняшний день устарели и активно критикуются³⁰³, закрепление ими точки зрения Бруннера на министриалов как на «рабов высшей категории», особый статус которых был опосредован их близостью к королю, анализ специфики и эволюции их социально-правового положения и занятий в рамках государства Меровингов, Каролингов, Франции и Германии X–XIII вв. был выполнен очень квалифицированно, с привлечением многочисленных правовых и нарративных источников и сохраняет своё научное значение до сей поры.

Наконец, немецкая историческая наука XX в. подарила миру такое интереснейшее направление, которое обратилось к текстологическому изучению раннесредневековых правовых памятников. Изучение рукописной традиции, связанной с варварскими правдами и англо-саксонскими законами, восходит ещё к XIX в.; на основе достижений текстологии, например, Ф. Либерманом было составлено трёхтомное издание законов англо-саксов (1903–1916) с подробными комментариями и глоссарием, анализом стеммы рукописей различных законов, а также с параллельной печатью основных вариантов законов в различных рукописях и разночтениями в манускриптах, обнаруживающих между собой родство. Такую же самую работу для двух континентальных варварских правд, отличающихся наибольшим богатством рукописной традиции – Салической и Рипуарской, почти полвека спустя

179; *Idem.* Freiheit und Unfreiheit. Zur Entwicklung der Unterschichten in Deutschland und Frankreich während des Mittelalters // *Idem.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. S. 180–203; *Idem.* Das “ius ministerialium”. Dienstrecht und Lehnrecht im deutschen Mittelalter // *Idem.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. S. 277–326; *Idem.* Eine Geschichte der deutschen Landgemeinde // *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie.* 1961. Jg. 9. Heft 2. S. 129–142; *Idem.* Die Gesellschaft in der Geschichte des Mittelalters. 3-e erw. Aufl. Göttingen, 1975. S. 44–84.

³⁰² *Dannenbauer H.* Königsfreie und Ministerialen // *Idem.* Grundlagen der mittelalterlichen Welt. Skizzen und Studien. Stuttgart, 1958. S. 329–353.

³⁰³ Например, наиболее уязвимым для критики как советской, так и зарубежной наукой оказалось положение немецких сторонников концепции Königsfreie о том, что «выросшие» из зависимости в свободное положение министриалы составили основную массу крупных землевладельцев в период IX–XI вв.: *Неусыхин А.И., Данилов А.И.* Указ. соч. С. 114–137; *Modzelewski K.* Op. cit. S. 207–213.

проделали К.А. Экхардт (1953–1957, 1962–1969 – два критических издания *Lex Salica*; 1959–1966 – критическое издание *Lex Ribuarica*), Ф. Байерле и Р. Бухнер (1954 – критическое издание *Lex Ribuarica*).

Важнейшими достижениями критических изданий начала XX в. были: развитие сравнительного источниковедения в области истории права (начатки которого мы можем наблюдать уже в с середины XIX в. в трудах немецкой школы *Rechts- und Verfassungsgeschichte*); использование новейших достижений лингвистики и её отдельных областей второй половины XIX – первой половины XX в. (сравнительно-исторического языкознания, этимологии, топонимики, антропонимики) при изучении правовых текстов раннего Средневековья; составление подробных стемм рукописей и их семей, анализ сходств и различий в них; сбор и систематизация различных понятий и словарных форм, представляющих трудность при описании и исследовании³⁰⁴, в глоссариях и их интерпретация.

Таким образом, текстологическое изучение варварских правд и англосаксонских законов к середине XX в. было передовым направлением, и его применение по отношению к источникам, которые содержат сведения по истории германского рабства, выглядело вполне логичным и продуктивным. Работ по этой тематике было написано не слишком много, однако требования, которые они предъявляли к авторам (прекрасное знание средневековой латыни и нескольких языков и диалектов германской группы; общая эрудиция в отношении исторических источников различных жанров помимо правовых, которые могли послужить основой для реминисценций или прямых цитат в правовом тексте), в определённой мере гарантировало высокое качество конечного результата.

³⁰⁴ Прежде всего, имеются в виду франкские глоссы Салической правды, а также латинизмы, произошедшие от германских слов, вошедшие в состав всех трёх памятников и имеющие неоднозначную этимологию.

Прежде всего, необходимо указать на статьи М. Краммера, которые выходили в начале XX в³⁰⁵. В них он, используя весь накопленный к тому моменту опыт источниковедческого анализа Салической правды, анализирует источники отдельных правовых казусов и положений в её составе, в т.ч. обращаясь к теме правового статуса раба. Именно Краммеру принадлежит заслуга в объяснении положения рабов и рабынь в титуле 10, которые в случае кражи приравнивались к различным видам животных, как интерполяции из южногерманского права. Кроме того, влияние вестготского права (Кодекса Эйриха), Баварской и Бургундской правды Краммер обнаружил и в титуле 39, который касался переманивания рабов и их последующей перепродажи за море. Эти выводы также были подтверждены одним из оппонентов Краммера – Э. Хейманом в его критическом разборе по поводу проекта издания Салической правды, который представил в MGH сам Краммер³⁰⁶.

Ряд авторов 20-х – 30-х гг., разделявших точку зрения Экхардта на построение стеммы рукописей *Lex Salica* и поддерживавшие его источниковедческие выводы, также писали о статусе рабов в этом правовом памятнике. Прежде всего, речь идёт о Ф. Байерле³⁰⁷ и Б. Круше³⁰⁸. Например, Байерле выявил в древнейшей редакции *Lex Salica* как минимум четыре разновременных слоя, из которых только один он относил к *Volksrecht*, т.е. возникшему до 507–511 гг. и зафиксированному Хлодвигом обычному праву. К этому слою он относил прежде всего «каталог штрафов» за различные кражи в отношении скота. Все прочие слои (начиная с титула 9) он считал более поздними. Таким образом, статус рабов и литов в рамках Салической

³⁰⁵ *Krammer M.* Kritische Untersuchungen zur Lex Salica (Theil I) // NA. 1905. Bd. 30. S. 263–318; *Idem.* Forschungen zur Lex Salica (I) // NA. 1914. Bd. 39. S. 601–691; *Idem.* Zum Textproblem der Lex Salica (Eine Erwiderung) // NA. 1919. Bd. 41. S. 107–156.

³⁰⁶ *Heymann E.* Zur Textkritik der Lex Salica (Aufsätze A und B) // NA. Bd. 41. 1919. S. 476–480.

³⁰⁷ *Beyerle F.* Über Normtypen und Erweiterungen der Lex Salica // ZSSR. GA. 1924. Bd. 44. S. 216–261.

³⁰⁸ *Krusch B.* Die Lex Salica: Textkritik, Entstehung, Münzsystem // Historische Vierteljahrschrift. 1937–1939. Bd. 31. S. 417–437.

правды у него не совпадали с древнейшим их состоянием, имевшим место до начала VI в.; так, Байерле полагал, что L. Sal. 25 (De adulteriis ancillarum) возник на протяжении VI в. только в результате укоренения католической веры сначала в рядах элиты, а затем – всего народа. Поздним (не ранее правления сыновей Хлодвига) он полагал и появление «рабов высшей категории», в частности – рабов короля³⁰⁹. Обращение в рабство за женитьбу / замужество, одной из сторон которого был лично несвободный – ещё позднее, возможно, даже при Каролингах³¹⁰.

Кроме того, Байерле являлся автором очень внушительного по объёмам текстологического раздела по истории текста Lex Ribvaria³¹¹, в котором он анализировал титулы, содержавшие в себе сведения об основных категориях лично зависимых людей (homo ecclesiasticus, homo regius, tabularius), стоявших по своему статусу выше рабов Салической правды. Основным выводом, к которому он пришёл, стало то, что табулярии (как происходившие от галло-римских институтов освобождения люди) присутствовали в тексте правды в качестве промежуточного звена между свободой и несвободой изначально, тогда как многочисленная прослойка зависимых от короля и церкви людей только появлялась в VII–VIII вв. Окончательную фиксацию статуса последней и их «добавление» в Lex Ribvaria в те самые казусы, где упоминаются табулярии (что нередко приводило к противоречиям в тексте), он относит ко времени не ранее начала правления Пипина, т.е. к середине VIII в.³¹²

Многие выводы Байерле в отношении рабов Салической правды и лично зависимых людей Рипуарской правды оказались впоследствии оспорены. Тем не менее, его приёмы работы (выявление «ошибок чтения» при переписке памятника и восстановление исходного текста путем его «очищения» от поздних наслоений; определение относительной или

³⁰⁹ Ibid. S. 241–249.

³¹⁰ Ibid. S. 251–255.

³¹¹ *Beyerle F.* Das Gesetzbuch Ribvariens. Volksrechtliche Studien III // ZSSR. GA. 1935. Bd. 55. S. 1–80.

³¹² Ibid. S. 27–37.

абсолютной датировки фиксации отдельных правовых казусов; поиск текстуальных заимствований в других правовых источниках и пр.) в значительной мере способствовали новому всплеску интереса к праву салических франков как источнику по социальной истории раннего Средневековья.

Непревзойдённым до наших дней считается текстологическое исследование проблем рабства, проведённое на материале Салической правды профессором университета имени Людвига и Максимилиана (Мюнхен) Х. Нельзеном. В монографии, которая первоначально задумывалась им как исследование проблемы рабства на основе всех дошедших до нас варварских правд, а также законов позднеимского времени и вульгаризированного римского права, записанного германцами (в настоящее время свет увидел только первый том этого труда, посвящённый рабству в постклассическом римском праве, у франков, лангобардов, вестготов и остготов), он подходит к Салической правде одновременно и с позиций источниковеда, и с позиций историка права.

Первый подход выражается во внимательном анализе рукописной традиции *Lex Salica* и меровингских капитуляриев VI в.³¹³, выявлении в дошедших до нас семьях рукописей различных хронологических слоёв. Помимо этого, Нельзен очень убедительно аргументирует появление многих неясных мест в этом источнике, объясняя их не только заимствованиями из римского или вестготского права, но и выдвигая гипотезы о влиянии на *Lex Salica* источников, которые просто не рассматривались и не могли рассматриваться в рамках традиционной *Rechtsgeschichte* XIX–XX вв.³¹⁴.

Второй подход выражен в том, что на основе подробного изучения текста Салической правды и её сравнения с многочисленными правовыми (южногерманские варварские правды, постановления церковных соборов VI–

³¹³ *Nehlsen H. Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter. S. 253–259.*

³¹⁴ Например, Нельзен подробно пишет о библейских мотивах, а также о влиянии *Canones Wallici* – кельтского права в титуле 35,1, где предлагалось делить раба, убившего чужого человека своего статуса, между двумя господами, в тексте *Lex Salica*. См. подробнее: *Ibid. S. 280–284.*

VIII вв., меровингские юридические формулы) и нарративными (в первую очередь, «Церковная история франков» Григория Турского) источниками Нельзен создаёт последовательную картину эволюции рабского статуса в обществе салических франков от полного бесправия до ограниченной правоспособности. Во многом он повторяет выводы И. Ястрова. К сожалению, Нельзен ничего не писал о статусе такой важной категории в обществе германских племён, как литы, и не рассматривал некоторые другие важные проблемы рабства во франкском обществе (например, посвятив отдельный раздел численности рабов, путям пополнения рабской прослойки и типичным занятиям рабов³¹⁵, он фактически не упоминает об отпуске на волю и статусе вольноотпущенников).

Таким образом, текстологическое направление в изучении Салической и Рипуарской правды, заявившее о себе в Германии начала XX в., к концу века достигает заметных научных результатов. Его представителям удаётся показать многослойность права Северной Галлии в раннем Средневековье, уточнить относительную датировку отдельных титулов варварских правд и проследить на основе последней эволюцию статуса рабов более подробно. К сожалению, успехи текстологии практически не применяются в современных немецких исследованиях истории рабства на территории Северной Галлии; к результатам, полученным на основе исследований М. Краммера, Ф. Байерле, Х. Нельзена, не обращаются также и французские и англо-американские исследователи. Полностью отсутствует в современной западноевропейской науке исследовательское направление, в рамках которого текстологический анализ применялся бы по отношению к законодательным источникам англосаксонского времени (в первую очередь – кентским законам VII в. и судебнику Альфреда конца IX в.).

³¹⁵ Ibid. S. 260–265.

§ 2.3. *Английская и англо-американская историография второй половины XIX – начала XXI в.:*

Английская и англоязычная историография середины XIX – начала XX в., в отличие от немецкой, сосредоточила своё внимание прежде всего на англо-саксонской истории рабства. Как правило, континентальные сюжеты рассматривались в ней в тесной связи с английским материалом, выступая не в самостоятельной роли, а в качестве иллюстрации к общественным институтам англо-саксов VII–XI вв.

Первым капитальным исследованием середины XIX в., где рабство англо-саксонских племён (в сравнении с германским рабством в целом) анализируется в качестве сложной системы, является двухтомный труд Джона Митчелла Кембля «Саксы в Англии. История английского государства вплоть до периода нормандского завоевания»³¹⁶. Восьмая глава первого тома³¹⁷ полностью была посвящена рабству и несвободным людям в англо-саксонском обществе; эти социальные структуры автор очень удачно вписывал в общегерманские реалии и сравнивал с синхронными им по времени общественными институтами на континенте (т.е. с варварскими королевствами), в отличие от Хейвуда, избегая смешения данных англо-саксонских источников и более поздних по времени данных Domesday Book.

Заслуга Кембля состоит в обобщении и структурировании множества видов источников (законов, актового материала, Англо–Саксонской хроники и др.); данная работа, пожалуй, первая выходит на уровень теоретических обобщений в отношении рабства в Англии раннего Средневековья. В этой монографии были систематизированы различные пути пополнения рабской прослойки в раннесредневековой Англии; в частности, принципиально были разведены *servi casu* (рабы, приобретённые «в результате удачной войны, заключения брачного союза и сожительства, поселения [на подвластной

³¹⁶ *Kemble J.M.* The Saxons in England. A History of the English Commonwealth till the period of the Norman Conquest. London, 1849. Vol. I–II.

³¹⁷ *Ibid.* Vol. I. P. 185–227.

крупному землевладельцу территории – Прим. авт.], добровольной отдачи под покровительство, совершения преступления, применения верховной [королевской] власти и при незаконном, силовом, несправедливом захвате»)³¹⁸ и *servi natura* («рабы, рождённые в зависимости или переданные по наследству»)³¹⁹. Также Кембль подробно касался проблемы социального статуса и занятий рабов³²⁰, подробно обсуждал степень их правоспособности (возможность выступления в суде³²¹, вопросы вступления в законный брак³²², стимуляция церковью и королевской властью милосердия и смягчения нравов в среде владельцев зависимых людей, а также поощрение отпуска рабов по волю или выкупа³²³).

Некоторые положения Кембля выглядят устаревшими. Например, к таковым относится разделение рабов и зависимых людей раннесредневековой Англии на два рода: лэтов («род среднего класса среди несвободных») и полностью бесправных рабов (*freow*)³²⁴. В ряде случаев (в особенности – при скудости собственно англо-саксонских правовых источников) он делал довольно широкие обобщения на основе континентального германского материала, пытаясь напрямую приложить его к раннесредневековой Англии. И всё же Дж. М. Кембль внёс неоценимый вклад в дело изучения англо-саксонского рабства, впервые проследив его становление и развитие от самых истоков (т.е. со времени проживания англов, саксов и ютов на континенте) вплоть до правления Вильгельма Завоевателя и Генриха I. На протяжении 50 лет в английской историографии не выходило работ, где уровень обобщений и глубина анализа приближались бы к исследованию Кембля³²⁵.

³¹⁸ Ibid. P. 194–203.

³¹⁹ Ibid. P. 203–208.

³²⁰ Ibid. P. 209–210, 215–216, 219 etc.

³²¹ Ibid. P. 208.

³²² Ibid. P. 205–206.

³²³ Ibid. P. 209–213.

³²⁴ Ibid. P. 193.

³²⁵ Спустя 10 лет вышла статья Дж. Райта, посвящённая, как уверял её автор, рабству в англо-саксонскую эпоху: *Wright J. On slavery as it existed in England during the Saxon era,*

Для Англии второй половины XIX – начала XX в. было характерно создание обобщённых трудов по истории права, общественных и государственных институтов. Эти работы, нередко состоявшие из нескольких томов, охватывали историю англо-саксов и англичан на протяжении обширных временных промежутков – от их появления на Британских островах до конца Средневековья, т.е. до XVI–XVII вв. (тем самым продолжая традиции исторической науки XVII–XVIII вв.). Наиболее яркими и фундаментальными исследованиями в этом направлении до сих пор считаются монографии У. Стаббса³²⁶ (в отечественной историографии он также известен как Стеббс) в трёх томах, Ф. Сибома³²⁷ и П.Г. Виноградова³²⁸.

Стаббс рассматривал приблизительно тот же круг вопросов, который был затронут в книге Кембля, в более сжатом виде и не всегда так же систематично, как его предшественник. Ряд важных моментов (источники рабства англо-саксонского периода и их удельный вес; влияние церкви на облегчение положения лично зависимого населения; получение рабами ограниченной правоспособности) были им опущены в силу небольшого объёма очерка, посвящённого рабству. Источники его анализа (особенно законодательные) были сильно ограничены; он гораздо чаще Кембля

and the substitution of villenage after the Norman conquest, until its gradual extinction // Transactions of the Historic Society of Lancashire and Cheshire. 1857/1858. Vol. 10. P. 207–230. Однако собственно рабству VII–XI вв. автор посвятил всего 3 страницы (р. 209–211), ничего нового не добавив к выводам Кембля; остальное изложение представляет собой не слишком систематичное изложение истории вилланов и крепостных крестьян высокого и позднего Средневековья.

³²⁶ *Stubbs W.* The Constitutional History of England in its origin and development. 2nd ed. Oxford, 1875. Vol. I. P. 69–81 (издание всего трехтомника было осуществлено в 1874–1878 гг.).

³²⁷ *Seebohm F.* The English Village Community examined in its Relations to the Manorial and Tribal Systems and to the Common or Open Field System on Husbandry. An Essay in Economic History. London [a.o], 1915. P. 125–126, 405–409.

³²⁸ *Vinogradoff P.* The Growth of the Manor. 3rd ed. London, N.Y., 1920 (первое издание – 1904 г.); *Idem.* Villainage in England. Essays in English Medieval History. N.Y., 1967 (первое издание – 1892 г.). См. также дореволюционное издание аграрных трудов П.Г. Виноградова на русском языке: Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887. Взгляды Виноградова будут изложены в разделе, который посвящён отечественной историографии.

опирался на исследовательскую литературу без привлечения текста самих источников.

К сожалению, многие выводы Стаббса с позиций современной исторической науки выглядят спорными и требуют серьёзной критики. Пассаж автора, в котором он прямо пишет о том, что подданные англо-саксонских королей к 1066 г. «одновременно были и свободными, исключая рабов... и несвободными, исключая наиболее высоко оцененных свободных, владельцев земли, с которой они не несли никаких повинностей в пользу другого»³²⁹, совершенно сбивает исследователя с толку.

Вклад Ф. Сибома в изучение вопроса рабства в Англии раннего Средневековья кажется с позиций сегодняшнего дня гораздо более весомым. Во-первых, он анализирует и переводит слабо изученный до него источник по истории англо-саксонского (т.е. донормандского) поместья – *Rectitudines singularum personarum*, сопоставляя его с Книгой Страшного суда. Категории зависимых земледельцев, упомянутые в этом документе – генитов, гебуров, котсетлов, он однозначно относил к предшественникам вилланов, основной части поземельно и лично зависимого населения английских маноров после 1066 г.³³⁰. Во-вторых, Сибом чётко отделял эти категории от более низких по статусу рабов³³¹: последние были изначально частью имущества в составе поместья, тогда как гениты, гебуры и котсетлы в донормандский период были свободными людьми.

Однако Сибом практически ни слова не говорил о повышении правового статуса собственно рабов в законодательных источниках X – начала XI в., поскольку рассматривал их ретроспективно и избирательно. Отдельные выводы автора (о складывании английского манора непосредственно на основе крупных землевладений VII в.³³² и даже прямой

³²⁹ Ibid. P. 78.

³³⁰ См. подробнее: Ibid. P. 134, 137–138, 141–142, 146, 164.

³³¹ Ibid. P. 165.

³³² Ibid. P. 173–175, 179.

преимущества между манором и римскими виллами³³³) даже в глазах его современников выглядели неверными и подвергались обоснованной критике.

Наряду с работами, в которых рабство различных германских племён и народов рассматривалось как обособленная исследовательская проблема (преимущественно на основе законов), во второй половине XIX – начале XX вв. появляются исследования, представляющие собой обобщение данных о рабстве, накопленных различными научными дисциплинами (история, этнография, социология, отчасти – социальная философия), и делающие попытку осмысления феномена рабства на протяжении значительной части человеческой истории в различных по уровню развития и культуры обществах. Пожалуй, на рубеже двух веков происходит настоящий «бум» такого рода работ в Англии и Франции; более такая историографическая ситуация, несмотря на единичные примеры подобных исследований в XX в., не повторялась.

К сожалению, большая часть таких синтетических работ касалась рабства в раннесредневековой Англии, а также в меровингских королевствах и Империи Карла Великого, в крайне недостаточном объёме. Ряд авторов (например, Нибур), не будучи специалистами по социальной и правовой истории Средних веков, заимствовали свой материал из исследовательской литературы. Тем не менее, сама идея проследить эволюцию института рабства с древности вплоть до начала XX в. привела к очень важному научному результату: в историографии начало вырабатываться понятие «рабства» (англ. slavery, serfdom, франц. esclavage), общее для различных исторических эпох и общностей. Иными словами, эти работы ознаменовали собой *появление индуктивного подхода* при определении «рабства».

Важное место в англоязычной историографии конца XIX в. занимают фундаментальные труды Дж. К. Ингрэма³³⁴ и Г. Нибура (голландца по

³³³ Ibid. P. 263, 267–268 ff., 330–331.

³³⁴ *Ingram J.K. A History of Slavery and Serfdom. L., 1895* (репринт осуществлён в 2007). Русский перевод: *Ингрэм Дж. К. История рабства от древнейших до новых времён с*

происхождению)³³⁵. Несмотря на краткость описания ими истории рабства в раннесредневековой Англии и Северной Галлии, недостаточную источниковую базу в отношении франков и англо-саксов и противоречивость многих выводов, они окончательно подвели историческую науку XX в. к необходимости вписывания феномена раннесредневекового рабства Западной Европы в общеисторический контекст, к поиску общих черт и различий, с одной стороны, между пережитками античного рабства и колоната и германским институтам личной зависимости на территории Галлии и Англии, с другой стороны – между германским рабством и серважом высокого Средневековья.

Авторы полагали, что самое главное, сущностное содержание термина «раб» в собственном смысле слова – это то, что названный рабом человек «является собственностью (possession, property) другого, политически и социально находится на более низком уровне, нежели основная масса граждан, и исполняет принудительную работу»³³⁶, что «господин владеет личностью своего раба, хотя права, вытекающие из такого владения, могут подвергаться разнообразнейшим ограничениям»³³⁷.

Исходя из имеющихся данных о рабстве у различных народов и в различные исторические эпохи, Г. Нибур предложил три основных аспекта рабства, отличающих его от состояния свободы: «наличие господина, которому раб подчинён; и это – подчинение частного порядка»; «более низкое [социально-политическое] состояние раба по сравнению со

дополнениями их трудов Валлона, Турманя, Рамбо и Лависса. СПб., 1896 (Репринтное издание (со 2-го издания) 2011 г.). С. 137–142 (Франция), 142–146 (Англия).

³³⁵ Nieboer H.J. Slavery as an industrial system. Ethnological researches. The Hague, 1900. P. 348–364 (Западная Европа в целом), 364–376 (Англия), 376–384 (Северная Галлия и немецкие земли).

³³⁶ Ibid. P. 4.

³³⁷ Ингрэм Дж. К. Указ. соч. С. 270.

свободным»; «идея рабства всегда связана с идеей принудительного труда»³³⁸.

Фактически, Нибура подвёл историческую науку рубежа XIX–XX вв. к очень важной проблеме: хотя он не анализировал отдельные категории рабов и их общественное положение, их стоимость или размер штрафа за их жизнь, он стремился доказать, что «рабство – это орган общественного тела, исполняющий определённую функцию», и стремился выяснить, «как этот орган развивался и как в продолжение различных стадий своего развития он выполнял свою функцию»³³⁹.

Вслед за работами Нибура и Ингрэма появилась работа профессора университета Вайоминга (США) А.М. Вергеланд, норвежки по происхождению. Общая линия развития и эволюции института рабства германских племён, намеченная в работе А.М. Вергеланд, совпадает с выдвинутой И. Ястровом за 30 лет до неё концепцией: от бесправия к получению отдельных прав свободных людей и включению в общий слой лично и поземельно зависимых земледельцев, сидящих на землях короля, крупных магнатов или церкви и обязанных им податями и отработками³⁴⁰. В отличие от Ястрова, она соединяет воедино множество источников по истории раннесредневекового рабства: варварские правды и законы англосаксов; капитулярии; нарративные источники (хроники, истории); саги и мифы. Некоторые разделы книги представляют собой очень подробное описание институтов личной зависимости в Скандинавских странах (в первую очередь – на основе данных законов Гулатинга) с их последующим сравнением с социальной историей германских племён Западной Европы и англо-саксов.

Наибольшее количество отсылок Вергеланд делает к *Lex Salica* и *Lex Ribvaria*, однако работа не представляет собой систематического изложения и

³³⁸ *Nieboer H.J.* Op. cit. P. 3–4. Сжатая критика предыдущей историографической традиции, в частности, исключительного внимания к первому аспекту рабства и слабое внимание к остальным, также была представлена у Нибура (*Ibid.* P. 4–5).

³³⁹ *Ibid.* P. 6.

³⁴⁰ *Wergeland A.M.* Op. cit. P. 2–5.

анализа содержания франкских правд в части рабского статуса франкских племён. Автор тщательно анализирует пути попадания в рабство в различных источниках³⁴¹, приводит четыре основных признака рабства (принадлежность к имуществу, отсутствие прав, отсутствие общественного статуса вне отношений со своим господином и обоснование самого существования раба существованием его господина)³⁴². В отличие от большинства немецких авторов, она видела истоки сравнения раба со скотом в римском, а не германском праве³⁴³.

А.М. Вергеланд поэтапно описывает ситуации повышения правового статуса рабов, поначалу – «неявные и спорадические»³⁴⁴, но затем обретающие всё более отчётливые черты: появление имущества у раба (*peculium*)³⁴⁵, участие в судебных заседаниях и лишение господина ответственности за деяния раба³⁴⁶, возможность денежной компенсации правонарушения господином, а затем – самим рабом взамен телесного наказания³⁴⁷. Наконец, Вергеланд подробно обсуждает различные способы освобождения рабов на континенте и в Северной Европе³⁴⁸.

В XX в. в англо-американской историографии были созданы несколько фундаментальных монографий по истории общества и права, подобных «конституционным историям» и «историям права» XIX в. Они принадлежат перу У. Холдсуорта, Ф. Поллока и Ф. Мэтланда (в других источниках – Мейтленд), Д. Уайтлок, Б. Лайона и Б. Йорк; все эти авторы – англичане по происхождению³⁴⁹. Большинство этих обобщающих работ останавливались на

³⁴¹ Ibid. P. 6–21.

³⁴² Ibid. P. 26–33.

³⁴³ Ibid. P. 39–40.

³⁴⁴ Ibid. P. 59.

³⁴⁵ Ibid. P. 91–98.

³⁴⁶ Ibid. P. 68–69, 86–88.

³⁴⁷ Ibid. P. 84–86.

³⁴⁸ Ibid. P. 101–113.

³⁴⁹ *Holdsworth W.* A History of English Law. 5th ed. London, 1936. Vol. II. P. 40–43 (первое издание – 1903 г.); *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law before the Time of Edward I. 2nd ed. Cambridge, 1911. Vol. I. P. 35–37; *Whitelock D.* The Beginnings of English Society (The Anglo-Saxon Period). Harmondsworth, 1952. P. 108–114; *Lyon B. D. A.* A Constitutional and legal History of Medieval England. N.Y.; London, 1980 (первое издание –

самых общих характеристиках рабства в донормандской Англии, а именно: отсутствие вергельда, личного имущества и других прав у раба; способы попадания в личную зависимость и различные пути освобождения из неё; роль церкви в улучшении положения рабов и их личном освобождении.

За редким исключением, в этих работах обобщающего характера не проводилось аналогий между континентальными и островными источниками; следовательно, анализ этимологии различных категорий рабов не проводился. Кроме того, в сжатых очерках, посвящённых рабству, практически ничего не говорилось о внутреннем разделении рабской прослойки на основе разделения труда и функций в господском хозяйстве лично и поземельно зависимыми людьми³⁵⁰, а также по признаку подчинения того или иного раба господам из различных социальных слоёв.

Очень важное значение для понимания института рабства в целом и его специфики в племенном мире германцев – в частности, играет такое направление исследования, как социальная антропология. Она активно изучает механизмы коммуникации и межкультурного взаимодействия, которые имеют место между членами отдельно взятого общества или государства; при этом многие явления и процессы общественного развития анализируются социальными антропологами и с точки зрения историко-генетического, и с точки зрения сравнительного подходов. Это значит, что определённое явление социальной жизни (в т.ч. класс, страта, группа, семья) изучается от момента своего возникновения до современного состояния (либо до момента прекращения своего развития) во всём многообразии проявлений. При этом материалом для сравнения могут быть данные совершенно разных эпох, стран и даже континентов; зачастую сравниваемые

1960 г.). Р. 90–91; *Yorke B. Wessex in the Early Middle Ages*. London [a.o], 1995. Р. 256–263 (работа доступна нам не полностью).

³⁵⁰ Некоторое исключение составляет собой монография Б. Йорк (*Ibid.* Р. 256–260), где в лучших традициях аграрных исследований рубежа XIX–XX вв. по истории английского манора анализируются категории зависимого населения, встречающиеся в *Rectitudines Singularum Personarum*, их правовой статус и повинности.

между собой племена и народы находятся на разных уровнях стадийного развития.

Именно к такого рода сравнительным исследованиям обратились в середине XX в. американские социальные антропологи в попытке представить целостную картину эволюции рабства на протяжении длительных временных промежутков и у самых разных народов. К работам такого рода относятся труды М. Финли³⁵¹, О. Паттерсона³⁵², У. Филлипса³⁵³.

М. Финли уделил в своей работе значительное внимание именно рефлексии отдельных сторон рабства и формированию образа раба в современном нам обществе³⁵⁴. Подчёркивая тот момент, что античное рабство имело много общего с более современными типами личной зависимости (например, плантационным рабством в США XVIII–XIX вв. или рабством на Ямайке), он всё же в гораздо большей степени останавливался на правовом положении раба в Римской республике и Римской империи. Отдельно он сфокусировал своё внимание на проблеме обладания личностью раба³⁵⁵, составе его «семьи» и пекулия³⁵⁶, а также процессе отпуска на волю и сближения с колонами³⁵⁷. В целом, Финли придерживался то же мнения относительно проблемы преемственности позднеантичных и раннесредневековых институтов зависимости, что и Н.Д. Фюстель де Куланж веком ранее.

О. Паттерсон начинал главу своего труда, касавшегося восприятия рабства и свободы в западноевропейской культуре от Античности до наших дней, словами о том, что заявления о незначительной роли рабов в современных немецких землях, странах Скандинавии и Англии – не более

³⁵¹ *Finley M.I. Ancient Slavery and Modern Ideology. N.Y., 1980.*

³⁵² *Patterson O. Slavery and Social Death: A comparative study. Cambridge (Mass.); London, 1982; Idem. Freedom in the making of Western Culture. N.Y., 1991.*

³⁵³ *Phillips W. D. Jr. Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade. Minneapolis, 1985. Idem. Slavery in Medieval and Early Modern Iberia. Philadelphia, 2014.*

³⁵⁴ *Finley M. I. Op. cit. P. 11–66.*

³⁵⁵ *Ibid. P. 69–75.*

³⁵⁶ *Ibid. P. 76–77.*

³⁵⁷ *Ibid. P. 82–83, 138.*

чем миф историографии XIX – начала XX вв. Как заявлял автор, даже в составе английских вилланов XIII в. можно видеть значительное число бывших англо-саксонских рабов, посаженных на землю и занятых сельскохозяйственным трудом³⁵⁸. При этом он подчёркивал то, что длительное время собственно рабство (slavery) и серваж, или крепостное состояние (serfdom), сосуществовали в Западной Европе, и второй социальный статус не являлся простой рекомбинацией признаков первого. Всего же на протяжении IV–XIX вв., по мнению Паттерсона, друг друга сменили три типа крепостной зависимости: конвергентный (375–975), феодальный (1025–1325) и собственнический (1325 – 1789 на Западе, 1400–1861 на Востоке Европы)³⁵⁹.

Каждый из этих типов характеризовался различной динамикой развития рабства и серважа, которая в итоге была им сведена к эволюции трёх основных показателей социального статуса: отсутствие у человека власти над своей личностью (т.е. мунда); его отчуждение от общества при рождении; бесчестие зависимого человека. Со временем одни из показателей выходили на передний план, а другие теряли свою актуальность³⁶⁰. Так, для рабов в 375–975 гг. было характерно выраженное наличие всех трёх признаков, тогда как для сервов и вилланов – только двух первых; при этом в статусе раба упор обществом делался на его бесчестие, а в статусе серва – на отсутствие у него мунда³⁶¹. Напротив, начиная с XI в., как полагал Паттерсон, для рабов на первое место выходило их бесправное происхождение и наследование статуса, тогда как сервы могли быть свободнорожденными, но при этом опустившимися до уровня лично зависимых крестьян людьми³⁶². Ещё одним важнейшим признаком перехода от отношений патроната к полной крепостной зависимости и прикрепления к своему поместью,

³⁵⁸ *Patterson O. Op. cit. P. 348–350.*

³⁵⁹ *Ibid. P. 351–352.*

³⁶⁰ Данные были организованы О. Паттерсоном в таблицу, представленную вместе с диаграммами колебаний степени личной зависимости рабов и сервов: *Ibid. P. 353.*

³⁶¹ *Ibid. P. 354–356.*

³⁶² *Ibid. P. 356–359.*

отмеченным в Каролингской империи X в., Паттерсон называл трансформацию прав обладания сервами. Если до этого власть над зависимым человеком базировалась прежде всего на могуществе его патрона и обладании землёй, на которой сидел человек, то приблизительно к 1000 г. произошла «феодалная революция», в ходе которой власть господина над ним стала сугубо персональной³⁶³.

Работа О. Паттерсона «Рабство и социальная смерть: компаративное исследование» является обобщающим трудом по истории рабства в человеческом обществе в целом, органично продолжая подход Дж. К. Ингрэма и Г. Нибура начала XX в. В ней он определял рабство «как одну из наиболее экстремальных форм отношений господства–подчинения, приближающихся к границам полного обладания со стороны господина и полного бесправия – со стороны раба». При этом Паттерсон видел три основных аспекта рабства: социальный (угроза насилия или его применение для сохранения контроля над рабом), психологический (возможность регулирования жизненных стратегий другого человека), культурный (трансформация силы в право и обязательств – в долженствование)³⁶⁴. Признаки рабства, перечисленные Паттерсоном в этой и предыдущей монографиях, позволяли ему говорить о «картине [социальной] смерти раба»: он не был членом общества, не обладал семьёй и родственниками, не распоряжался имуществом и своими детьми³⁶⁵. Много внимания уделено автором визуальной символике рабства и порабощения, торговле рабами в средневековой Европе³⁶⁶, а также различным видам отпуска на волю³⁶⁷.

В целом, ему удалось найти органичное место германского рабства среди огромного количества категорий личной зависимости других народов и исторических эпох; однако при этом Паттерсон не ставил своей целью досконально проанализировать его признаки, поэтому некоторые его

³⁶³ Ibid. P. 356–357.

³⁶⁴ Patterson O. Slavery and Social Death: A comparative study. P. 1–2.

³⁶⁵ Ibid. P. 5–7, 10–12, 38–39.

³⁶⁶ Ibid. P. 8–9, 51–53, 152–157.

³⁶⁷ Ibid. P. 217–218, 226.

заклучения оказываются теоретическим, отвлечённым взглядом на рабство в Западной Европе. Кроме того, он недостаточно использовал правовые источники раннего Средневековья.

Важными с точки зрения анализа средневекового феномена рабства являются работы У. Филлипса. Помимо собственно анализа положения рабов в средневековой Западной Европе, он много внимания уделяет анализу пополнения прослойки рабов³⁶⁸, работорговле³⁶⁹ и сфере занятости рабов³⁷⁰, а также процессу их отпуска на волю³⁷¹ на территории Пиренейского полуострова. Основные критерии определения рабского статуса Филлипс заимствовал из работ О. Паттерсона³⁷²; однако большой заслугой первого является анализ изменчивости основных признаков рабства в Западной Европе, Африке и на Ближнем Востоке, а также основных путей работорговли в длительной временной перспективе.

Наконец, в самом конце XX в. происходит новый всплеск интереса к тематике рабства в раннесредневековой Западной Европе. Во-первых, появляется аннотированный библиографический указатель, в котором представлены все эпохи развития рабства. Несколько страниц в нём отведены и для Северной Галлии VI–IX вв., и для Англии VII–XI вв.³⁷³. Во-вторых, выходит по-настоящему новаторская, обеспеченная внушительной источниковой базой работа Д. Пелтрэ «Рабство в средневековой Англии от правления Альфреда до XII в.». При том, что Пелтрэ избрал для себя вполне традиционную сферу исследовательского интереса – сравнение социальной истории англо-саксонской Англии с общественными отношениями после нормандского завоевания, категорий личной зависимости и рабства в древнеанглийских законах и *Domesday Book*, его подход к этому

³⁶⁸ *Phillips W.D. Jr.* Op. cit. P. 28–53.

³⁶⁹ *Ibid.* P. 54–78.

³⁷⁰ *Ibid.* P. 103–121.

³⁷¹ *Ibid.* P. 122–145.

³⁷² Например: *Phillips W.D. Jr.* *Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade*. P. 7.

³⁷³ *Miller J.C.* *Slavery and Slaving in World History. A Bibliography*. N.Y., 1999. Vol. I.: 1900–1991. Vol. II: 1992–1996. P. 417–419, 498–500 (в издании сквозная пагинация).

историческому материалу оказался совершенно новым. В первую очередь, автор обращается для описания англо-саксонского общества к популярной во второй половине XX в. теории *chiefdom*, переводя отношения господства – подчинения в плоскость отношений вооружённых, привилегированных членов племени, свободных земледельцев и рабов, в т.ч. завоёванных в результате военных стычек³⁷⁴. При этом более выпуклой становится социальная мобильность, которая была обусловлена постоянной сменой статусов отдельных персон (в т.ч. переходом рабов в ранг лэтов–вольнотпущенников или их возвращением в статус свободных людей).

Д. Пелтрэ разделил сведения о рабах, содержащиеся в источниках, на несколько групп: лингвистические, литературные, законы королей и пенитенциалии, грамоты об отпуске на волю, описи и обычаи поместий и пр. Каждая из них предоставляет в руки исследователя самостоятельный пласт данных, которые зачастую не дублируются в других группах. Так, лингвистика позволяет Пелтрэ выстроить категориальный ряд, касающийся рабства и личной зависимости в Англии VII–XI вв., и определить значение тех или иных категорий в языке (описание занятий, половозрастных особенностей, степени зависимости и т.д.)³⁷⁵. На основе литературных источников он анализирует очень важную категорию «чужого» и его образа в англо-саксонском обществе, что перекликается с проблематикой статуса категории *wealh* («уилов» или «валлийцев») в законодательстве Кента и Уэссекса VII–IX вв.³⁷⁶ Помимо отражения роли кельтского населения в процессе формирования англо-саксонского общества, Д. Пелтрэ уделяет особое внимание норвежским правовым источникам и влиянию представленных в них категорий зависимых людей на представления англосаксов о рабстве³⁷⁷.

³⁷⁴ *Pelletter D.A.E. Slavery in the early Medieval England from the Reign of Alfred until the Twelfth Century. Woodbridge, 1995. P. 29–34.*

³⁷⁵ *Ibid. P. 41–46.*

³⁷⁶ *Ibid. P. 51–54.*

³⁷⁷ В особенности см. его статьи: *Idem. The Image of the Slave in Some Anglo-Saxon and Norse Sources // Slavery and Abolition: A Journal of Slave and Post-Slave Studies. 2002. Vol.*

Очень пристально анализируется законодательство конца IX – начала XI в. Прежде всего, новаторство Д. Пелтрэ видится в отказе от сравнения статуса раба с бесправием и со статусом скота уже в законах Инэ (возможность замены телесного наказания на штраф, участия в ордалии наряду со свободными)³⁷⁸; в подробном анализе фрагментов перевода Exodus о рабстве, на основе текстологического анализа которого был сделан вывод о неполной правоспособности рабов в конце IX в. (наличие жены и имущества)³⁷⁹. Одновременно на примере законов X–XI вв. и RSP он показывает то, что происходит сближение статуса бывших свободных и рабов в рамках манора³⁸⁰.

Большое внимание в работе уделено проблеме освобождения рабов и роли церкви в этом процессе. Д. Пелтрэ составил наиболее полный на сегодняшний день список рукописей, содержащих англо-саксонские завещания с упоминанием отпускаемых на волю лично зависимых людей, и проанализировал в сравнительном разрезе различные способы отпуска на волю в позднегерманском праве, континентальных варварских правдах и англо-саксонском законодательстве³⁸¹. Ещё одним достижением Пелтрэ является составление на основе рассмотренных им источников «Словаря древнеанглийской терминологии зависимости и свободы»³⁸², который органично включает в себя категории рабской зависимости законов англо-саксонского времени.

Таким образом, англо-американская историческая наука конца XX – начала XXI в., как и немецкая, опирается при исследовании правового статуса раба у англо-саксов на максимально широкий круг достижений смежных с ней дисциплин (языкознания, религиоведения и др.). Отказ от

23. Issue 2. P. 75–88; *Idem.* Slavery in the Danelaw // *Social Approaches to Viking Studies* / Ed. R. Samson. Glasgow, 1991. P. 179–188.

³⁷⁸ *Idem.* Slavery in the early Medieval England... P. 85, 87.

³⁷⁹ *Ibid.* P. 81–83.

³⁸⁰ *Ibid.* P. 87–89, 172–179.

³⁸¹ *Ibid.* P. XIII–XVI (каталог), 109–163, 255–256 (описательная часть).

³⁸² *Ibid.* P. 261–330 (Appendix II).

простого сравнения раба со скотом, которое имело место в XIX в. в некоторых работах, привёл к подробной разработке данных законодательства VII–XI вв. на предмет наличия в нём признаков правоспособности рабов. Кроме того, англоязычные исследования в целом подтверждают выработанную немецкой наукой линию на сближение правового статуса рабов и основной массы занимавшихся сельским хозяйством бывших свободных людей в рамках поместного устройства; для этой цели ещё с конца XIX в. к анализу активно привлекается источник под названием *Rectitudines singularum personarum*.

§ 2.4. Французская историография второй половины XIX – начала XX в. и франко–бельгийская историография XX – начала XXI в.:

Середина XIX в. стала для французской исторической науки временем, когда начали появляться первые систематические работы по истории античного и раннесредневекового рабства. К первому разделу относится трёхтомное исследование А. Валлона «История античного рабства». Последние два тома, выпущенные в 1847 г.³⁸³, были посвящены рабству в Римской республике и в Римской империи эпохи принципата и домината. Несмотря на то, что в них не были упомянуты рабы германских народов, Валлон провёл подробный анализ классического типа рабства (в т.ч. положения раба в семье и его прав на пекулий³⁸⁴, его занятий и ответственности перед господином³⁸⁵), а также способов освобождения рабов и положения вольноотпущенников³⁸⁶, статуса колонов и процесса их постепенного прикрепления к земле и сближения с рабами³⁸⁷. Последний процесс становится для многих французских исследователей последующего

³⁸³ Wallon H. L'Histoire de l'esclavage dans l'Antiquité. Paris, 1847. Т. II–III. Первый том Валлон целиком посвятил рабству в Древней Греции.

³⁸⁴ Ibid. Т. II. Р. 204–218.

³⁸⁵ Ibid. Т. II. Р. 218–251.

³⁸⁶ Ibid. Т. II. Р. 394–447.

³⁸⁷ Ibid. Т. III. Р. 51–92, 298–313.

времени прообразом перехода от франкского рабства VI–IX вв. к средневековому серважу.

Особое место в числе французских исследований XIX в. по истории рабства и крепостной зависимости в раннем Средневековье по праву занимает книга Ж. Яновски «Об упразднении античного рабства в Средние века и о его переходе в крепостную зависимость» (1860). Как уже было отмечено, данная работа представляет собой первую попытку французской исторической науки XIX в. создать обобщающее исследование процесса эволюции рабской зависимости в сторону средневекового серважа на материале истории германских племён раннего Средневековья. В поле зрения автора попали практически все племена, которые основали королевства на территории бывших провинций Западной Римской империи и оставили после себя варварские правды – франки, вестготы, бургунды, лангобарды.

Подобно немецкой школе истории права, Яновски начал свой анализ с описания социального устройства германцев времён Корнелия Тацита. Несмотря на то, что «мягкость нравов» последних не сделала из германских рабов колоннов (как это пытался показать Тацит), она непосредственно повлияла на изменение их правового статуса позднее, в процессе перехода к средневековому серважу. Более того, Ж. Яновски первым высказал мысль о том, что с I в. н.э. основной массой рабов у германцев являлись не домашние слуги, а именно рабы, возделывавшие землю. Появление многочисленных домашних слуг, которые занимались виноградарством, ремёслами и выполняли престижные обязанности в рамках поместья, он связывает именно с римским влиянием, а точнее – с занятием германцами Галлии и сопредельных римских провинций с развитой сетью вилл³⁸⁸.

Положение рабов у франков времени правления Хлодвига Ж. Яновски описывает примерно так же, как и представители немецкой школы истории права. В древнейшей редакции Салической правды раб являлся вещью, движимым имуществом (подобно скоту), а граница между его статусом и

³⁸⁸ Yanovsky J. Op. cit. P. 2–7.

статусом свободных франков была в VI в. непреодолима. Раб не мог обладать никаким имуществом и совершать операции купли–продажи; также в отношении него применялись жестокие телесные наказания³⁸⁹. Некоторые статьи Салической правды о рабах (например, о невозможности выкупа рабом своей личности с помощью пекулия и о запрете наследования детьми рабыни господского имущества) автор иллюстрирует при помощи привлечения параллелей из других варварских правд (Алеманнской, Баварской, Вестготской)³⁹⁰. Яновски также кратко перечисляет основные профессии рабов, которые встречаются у франков в законодательстве VI в.

Вторая и третья главы работы Яновски полностью посвящены такой проблеме, как влияние христианского вероучения на положение рабов у германских племён V–X вв. Для анализа связанных с этим вопросов он привлёк материалы франкских соборов, юридических формул и житий святых³⁹¹. При этом основные результаты распространения христианской морали в позднеантичном, а затем – раннесредневековом обществе, и утверждения церковной организации в германском обществе Ж. Яновски видел, с одной стороны, в отпуске на волю пленников и бывших церковных рабов под влиянием проповеди милосердия, а с другой стороны, во всё возрастающем масштабе королевских пожалований церкви крупных земельных массивов вместе с сидевшими на этой земле свободными и рабами. Последствия второго процесса, отражённые в законодательстве VI–IX вв., выразились в прикреплении рабов и поземельно зависимых крестьян к земельным владениям церкви и светских магнатов (согласно капитулярию Карла Великого 806 г.) и в трансформации рабов из движимого имущества в крепостных, или сервов (*serfs de la glèbe*)³⁹². Это привело к тому, что в

³⁸⁹ Ibid. P. 8–11.

³⁹⁰ Ibid. P. 12–15.

³⁹¹ Ibid. P. 33–50, 81–82.

³⁹² Ibid. P. 86–92.

капитуляриях IX в. число рабов, не прикрепленных к земле, становилось всё меньше³⁹³.

Заключение работы Ж. Яновски частично было посвящено рабам и лично зависимым людям в обществе англо-саксов. В первую очередь, в нём были кратко перечислены основные источники пополнения рабской прослойки: покорение соседних племён; самозаклад, продажа в рабство свободных соплеменников; наказание за преступления. При этом Яновски, проведя критический анализ нарративных источников и сообщений по истории англо-саксов V–VI вв., подчёркивал то, что порабощение кельтов после заселения Британии англо-саксами не было поголовным³⁹⁴. Обращая внимание на некоторые особенности положения рабов в англо-саксонском обществе VII–X вв., он отметил отсутствие у них судебных прав, а также наличие у господ прав на телесные наказания рабов, отрубание мизинца и даже смертную казнь в качестве кары за побег и кражу. Этим он обосновывал свой вывод о том, что раб был приравнен к движимому имуществу (*res, resunia viva*)³⁹⁵.

Несколько страниц автор посвятил улучшению положения англо-саксонских рабов в конце IX в. Тщательно проанализировав законы Альфреда, в частности – древнеанглийский перевод «Исхода», он пришёл к выводу о появлении у рабов ограниченных прав на своё имущество (пекулий), на выкуп своей личности у господина, на право иметь семью и т.п.³⁹⁶ Причём процессы смягчения участи рабов отмечены им как в светском, так и в церковном праве; уделено особое внимание запрету на их продажу за море и поощрению отпуска рабов на волю богатыми землевладельцами в результате их завещания церквям и монастырям на помин души (*pro remedio animae suae*). Подводя краткие итоги развитию англо-саксонского и континентального институтов рабства, Яновски писал о том, что

³⁹³ Ibid. P. 100–101.

³⁹⁴ Ibid. P. 115–117.

³⁹⁵ Ibid. P. 118–120.

³⁹⁶ Ibid. P. 121–124.

«христианское» рабство IX–X вв. резко противостояло рабству «языческому» и уже не являлось по своей сути рабством в собственном смысле слова³⁹⁷.

Недостатки исследования Ж. Яновски весьма значительны. В первую очередь, к ним относится недостаточная системность приводимых в работе цитат и выдержек из Салической правды и других законодательных памятников: при обзоре правового статуса раба он ограничивался в основном описательным методом и переводом отдельных пассажей. Это приводило к отсутствию чёткой структуры при описании и сравнении положения рабов франкских и англо-саксонских племён VI–XI вв. Например, в отношении франков Яновски не упоминал об удельном весе такого источника рабства, как пленение представителей соседних племён, тогда как в отношении англо-саксонских рабов такая информация приводится. Памятники церковного права англо-саксов привлекались по сравнению с обширными материалами франкских соборов VI–VII вв. крайне скупо.

Несмотря на то, что книга Ж. Яновски явилась первым исследованием во французской историографии середины XIX в., где приводились линии эволюции правового статуса рабов у франков и англо-саксов, в ней недостаточно проявился историко-сравнительный метод в отношении социальной истории двух этих племенных союзов. В целом, его работа продолжала находиться в русле исследовательской традиции, заданной в работе А. Валлона о классическом рабстве: Ж. Яновски также начал анализ линии развития института рабства во Франкском королевстве VI в. с анализа правового положения позднеантичных рабов, особенно подчёркнув роль римской церкви в эволюции этого положения.

Французская историческая наука, как и немецкая, и английская, во второй половине XIX в. обрела фундаментальную работу по социальной и политической истории – шеститомное сочинение Н.Д. Фюстель де Куланжа

³⁹⁷ Ibid. P. 124.

«История общественного строя древней Франции»³⁹⁸. Четвёртый том был полностью посвящён эпохе Меровингов в истории Галлии, и органической его частью является анализ состояния рабства в V–VIII вв.³⁹⁹. Являясь приверженцем романистической концепции формирования феодализма, Фюстель де Куланж на равных использовал в своём исследовании как источники германского общества (Салическую, Рипуарскую и другие варварские правды), так и источники римской культуры (Кодексы Феодосия и Юстиниана, юридические формулы, произведения языческих авторов V–VI вв.).

Основу крупного землевладения периода Меровингов он видел в античных виллах и поместьях, которые «покрывали большую часть земли»⁴⁰⁰. Основным занятием рабов как в Античности, так и в Средневековье, автор полагал земледельческие работы; причём те категории лично зависимых земледельцев и институты зависимости (например, предоставление рабу пекулия – земельного надела, развитие колоната), которые присутствовали в Западной Римской империи, по мнению Фюстель де Куланжа, стали основой для формирования раннесредневекового рабства, а впоследствии – и системы крепостной зависимости⁴⁰¹. Он полагал, что сформировавшийся в IX–X вв. класс лично зависимых земледельцев восходит также прямоком к античным рабам и колонам⁴⁰².

³⁹⁸ *Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. I–VI. Paris, 1875–1892. Перевод на русский язык был предпринят выдающимся учёным – антиковедом И.М. Гревсом в 1901–1916 гг. Далее мы будем ссылаться только на этот перевод в качестве основы для наших выводов.

³⁹⁹ *Ibid.* T. IV. La monarchie franque. Paris, 1890.

⁴⁰⁰ *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. Т. 4: Аллод и сельское поместье в меровингскую эпоху. СПб., 1907. С. 49. Подробное описание устройства галло-римской виллы и положения в ней отдельных зависимых категорий он представил в том же томе: Там же. С. 1–114.

⁴⁰¹ Там же. С. 59–63: «Из ... земледельческого рабства выросло крепостное держание... Этот вид рабской зависимости, который должен был получить преобладание в средние века, не остался неизвестен и в древности... По общественному своему положению эти люди были рабами, по наследственному занятию они становились крепостными крестьянами – сервами...».

⁴⁰² Там же. С. 103: «Такое условие [одновременная обработка своего надела и господской земли), присущее средневековому серважу и чуждое германскому рабству, объясняется

Тем не менее, вклад французского учёного в дело изучения германского рабства в раннесредневековой Галлии весьма значителен: он кратко проанализировал различные категории рабов, разделив их по роду занятий и степени правоспособности⁴⁰³, пути попадания в рабство⁴⁰⁴, подробно рассказал о церковной политике смягчения гнёта по отношению к рабам⁴⁰⁵ и положении вольноотпущенников⁴⁰⁶. В ходе этого анализа Фюстель де Куланж, единственный среди своих соотечественников, привлекал к анализу материалы Рипуарской правды с целью продемонстрировать специфический статус отдельных категорий вольноотпущенников и лично зависимых людей (*homines ecclesiastici et regii, liti, pueri regii*).

Несмотря на оспаривание в XX в. ключевых тезисов работ Фюстеля де Куланжа – происхождение феодализма из античных общественных порядков и прямое сопоставление институтов античного и раннесредневекового рабства, его методы и приёмы работы (сравнительно-исторический анализ германских и римских правовых источников, сравнительный анализ широкого круга правовых и нарративных источников по истории рабства) послужили отправной точкой для многих исследователей конца XIX – начала XX в. при анализе ими отдельных категорий рабов германских племён Северной Галлии и Британских островов.

Очень важной работой для французской исторической науки 1880-х гг. явилась большая статья П. Лезёра 1888 г.⁴⁰⁷, которая год спустя была выпущена под отдельной обложкой, в качестве монографии. Дело в том, что Лезёр поставил ту же самую проблему, что и Ястров, однако ограничился только преступлениями, которые совершали сами рабы и за которые они или их господа несли какую-либо ответственность.

характером рабской аренды в Римской империи... пожалованием, которое не уничтожало прирождённых обязательств раба»

⁴⁰³ Там же. С. 347–360.

⁴⁰⁴ Там же. С. 329–345.

⁴⁰⁵ Там же. С. 361–366.

⁴⁰⁶ Там же. С. 366–429.

⁴⁰⁷ *Leseur P. Des conséquences du délit de l'esclave dans les "leges barbarorum" et dans les capitulaires. Paris, 1889.*

Вместе с тем, исследовательское поле в данной работе весьма широко – французский автор не только проанализировал все имеющиеся в распоряжении науки варварские правды (включая северогерманские и франкские без Правды франкской хамавов)⁴⁰⁸, но и посвятил специальный раздел правовому статусу рабов в меровингских и каролингских капитуляриях⁴⁰⁹. В результате, в его работе получилась стройная картина эволюционного развития института рабства по материалам законодательства Северной Галлии VI–IX вв.

Выводы о статусе раба в северогерманских и франкских правдах у П. Лезёра в основных чертах совпали с выводами И. Ястрова. Положительным моментом в работе Лезёра также представляются обширные цитаты из источников, на основе перевода которых автор строит собственные рассуждения о постепенном отказе от полной ответственности господина за своего раба, появлении у последнего в течение VI–VIII вв. ограниченной возможности участвовать в суде (например, на ордалии) и других атрибутов франкской свободы V–VI вв. (вергельда, возможности замены телесного наказания на денежное и пр.).

Как и в англоязычной историографии, во Франции рубежа XIX–XX вв. появляются работы о рабстве обобщающего характера, в которых прослеживается его эволюция на протяжении длительных исторических промежутков и на основе различных по своему характеру источников. Для французской историографии 80–90-х гг. XIX в. выдающимся достижением стал выход двух фундаментальных исследований – книг А. Турманя⁴¹⁰ и Ш. Летурно⁴¹¹. Сравнивая между собой рабство в различные эпохи и у различных народов, они также анализируют рабство в Северной Галлии, Англии и на зарейнских землях раннего и высокого Средневековья⁴¹². Ш.

⁴⁰⁸ Ibid. P. 1–88.

⁴⁰⁹ Ibid. P. 88–127.

⁴¹⁰ *Tourmagne A.* Histoire de l'esclavage ancien et moderne. Paris, 1880.

⁴¹¹ *Letourneau Ch.* L'Évolution de l'esclavage dans les diverses races humaines. Paris, 1897.

⁴¹² *Tourmagne A.* Op. cit. P. 170–215 (Галлия и зарейнские земли), 224–239 (Англия); *Letourneau Ch.* Op. cit. P. 454–473 (Галлия и королевство Франция).

Летурно, сообразуясь с романистической концепцией истории, даже говорит о едином феномене «германо-латинского рабства», т.е. явлении римского континуитета в социальных отношениях германских королевств раннего Средневековья⁴¹³, чем отчасти повторяет идеи труда Фюстель де Куланжа.

Однако строго научного анализа понятия рабства в Античности и Средневековье в этих трудах нет; в основном авторы прибегают к описанию конкретных прав и обязанностей рабов и лично зависимых людей различных исторических эпох, нередко смешивая между собой различные по происхождению и функциям институты личной зависимости и несвободы в варварском обществе (как Летурно – институт литства и отпуска на волю, так и Турмань – институты заложничества, взятия в плен и рабскую зависимость).

К сожалению, как и упомянутые представители англоязычной историографии рабства конца XIX в., своё основное внимание они сосредоточили на периоде развития рабства и его характерных чертах после X–XI вв.

По сути, к анализу правового и социального положения рабов на материале *Leges barbarorum* обращался в своей работе только один из них – Ш. Летурно⁴¹⁴. Однако у него данный раздел практически лишён аналитической части и сводится к пересказу видов преступлений и наказаний за них. Он не видел особой разницы не только между отдельными категориями рабов, но даже предполагал, что их статус в различных континентальных варварских правдах VI–IX вв. был эквивалентен, а сами рабы делились только на домашних и сельскохозяйственных.

Тем не менее, огромной заслугой Ш. Летурно, А. Турманя, Г. Нибура, Дж. Ингрэма долгое время оставалось именно теоретическое осмысление самого феномена рабства, широкое применение сравнительно- исторического и историко-генетического подходов к изучению этого общественного

⁴¹³ Ibid. P. 461–466.

⁴¹⁴ *Letourneau Ch. Op. cit.* P. 463–466.

явления (рассмотрение истории рабства в различные исторические эпохи и в разных обществах и племенах). Несмотря на это, недостаточное обращение этих авторов к проблемам рабства в раннем Средневековье, весьма избирательное освещение источников (особенно варварских правд), привело к устареванию большинства выдвинутых ими положений уже к 20-м гг. XX в.

Также в этот период появляются работы по такой проблеме истории средневекового рабства, как освобождение лично зависимого населения и оформление статуса вольноотпущенников. Следует упомянуть прежде всего о работах М. Фурнье⁴¹⁵, которые представляют подробный анализ различных источников по этой проблеме. Монография Фурнье примечательна в плане чёткого разграничения различных способов освобождения рабов – «римских» (применявшихся в поздней Римской империи или в раннем Средневековье, но по отношению к галло – римлянам) и «германских» (бытовавших в среде германских племён со времени Тацита)⁴¹⁶. Постепенно, как пишет автор, «этническая» специфика освобождения от рабства отступает на второй план, и в VIII–X вв. происходит смешение форм и их элементов в законодательных источниках и грамотах⁴¹⁷.

Основной характеристикой обобщающих работ по социально-экономической истории раннего Средневековья на французском языке после 1914 г. было то, что их авторы не стремились к всеобъемлющему анализу всех законодательных источников, начиная анализ социальных категорий от эпохи правления Карла Великого и его детей. Соответственно, история рабства для многих классиков французской социальной истории «начиналась» с IX в.; в области источниковедения это привело к отходу от

⁴¹⁵ *Fournier M.* Essai sur les formes et les effets de l'affranchissement dans le droit gallo-franc. Paris, 1885; *Idem.* Les affranchissement du Ve au XIIIe siècle influence de l'église, de la royauté et des particuliers sur la condition des affranchis du Ve au XIIIe siècle // *Revue Historique.* 1883. T. 21. Fasc. 1. P. 1–58.

⁴¹⁶ См. подробнее: *Fournier M.* Essai sur les formes et les effets de l'affranchissement... P. 41–91. Автор приводит многочисленные примеры не только из франкских, но и из южных правд, а также юридических формул, постановлений соборов и др.

⁴¹⁷ *Ibid.* P. 92–96.

анализа казусов Салической правды и повышению внимания к другим законодательным источникам (каролингским капитуляриям IX–XI вв., описям церковных и светских поместий – полиптикам).

В качестве примера можно привести фундаментальные работы выдающихся французских историков М. Блока⁴¹⁸, Ж. Дюби⁴¹⁹, Р. Фоссье⁴²⁰, голландки Р. Духар⁴²¹, а также бельгийского историка А. Верхульста⁴²². Каждый из них по отдельности сделал в своих исследованиях очень важные выводы относительно социальной и аграрной истории Западной Европы IX–XV вв. Однако сведений о раннесредневековом рабстве в Северной Галлии и на Среднем Рейне (как и их предшественники, авторы почти не касались англо-саксонской истории Британии, исключение составляет лишь Фоссье) в этих работах содержится очень немного.

Например, большая работа М. Блока «Феодальное общество» (написанная им в 1939–1940 гг. и впервые изданная только в 1968 г.) касается развития понятий *colonus*, *servus* и *servitium* в поздней Античности и раннем Средневековье⁴²³, постепенного перехода к новому виду зависимости (серважу) и формированию сеньорий высокого Средневековья и отношений

⁴¹⁸ Bloch M. Les caracteres originaux de l'histoire rurale française. Oslo, 1931 (русский перевод: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957); *Idem*. Rois et serfs: un chapitre d'histoire capétienne. Paris, 1920; *Idem*. Seigneurie française et manoir anglais. Paris, 1960 (Cahiers des annales: Publ. avec de concours de Centre national de la recherche scientifique. Vol. 16); *Idem*. La société féodale. Paris, 1968 (русский перевод: Блок М. Феодальное общество. М., 2003).

⁴¹⁹ Duby G. L'Économie rurale et la vie des campagnes dans l'occident médiéval (France, Angleterre, Empire, IX – XV siècles). Essai de synthèse et perspectives de recherches. Paris, 1962 (дополненная версия этой работы на английском языке: *Idem*. Rural Economy and Country Life in the Medieval West / Trans. by C. Postan, foreword by P. Freedman. Philadelphia, 1998).

⁴²⁰ Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiévale. Paris, 1970.

⁴²¹ Doehaerd R. Le Haut Moyen Âge occidental. Économies et sociétés. Paris, 1971. (Англ. пер.: The early Middle Ages in the West: Economy and Society. Amsterdam [a.o.], 1978). Р. Духар – профессор свободного университета в Брюсселе, однако значительную часть своих работ она написала на французском языке. Это позволяет нам относить её к кругу французской историографии.

⁴²² Verhulst A. The Carolingian Economy. Cambridge, 2004. Будучи рождён во Фландрии, А. Верхульст был профессором в университете Гента и одинаково хорошо писал на трёх официальных языках Бельгии: нидерландском, французском и немецком.

⁴²³ Блок М. Феодальное общество. С. 143–154.

господства–подчинения на основе падения статуса ранее свободных земледельцев и их обращения в зависимых крестьян⁴²⁴, а также посвящает небольшой раздел министралиам⁴²⁵. В целом, его выводы о социальном и правовом положении рабов в Галлии V–IX вв. совпадают с идеями, высказанными в конце XIX – начале XX в. немецкими историками права и хозяйства (такими, как Х. Бруннер, К. Лампрехт и К.Т. фон Инама – Штернег).

Помимо общей капитальной монографии, Блок являлся автором нескольких исследовательских статей по проблемам раннесредневекового рабства и серважа, в т.ч. на материале меровингского и каролингского законодательства. Им были написаны обстоятельные статьи по следующим вопросам: переход от античного понятия раба как «говорящего орудия» и от института колонов к рабству в тех формах, как оно существовало в варварских королевствах, а в IX–XIII вв. – к серважу и новому типу зависимости⁴²⁶; появления и развития министралитета на землях Франции и Германии⁴²⁷. Именно М. Блоку удалось окончательно отделить рабов франкских правд и англо-саксонских законов от французских и немецких сервов и английских вилланов, сравнив последних скорее с римскими колонами и зависимыми земледельцами, приписанными к землям короля, церкви и магнатов (*adscripticii, servi glebae*)⁴²⁸. Если первые для него оставались порождением варварского общества, на которое в известной мере

⁴²⁴ Там же. С. 248–270.

⁴²⁵ Там же. С. 330–338.

⁴²⁶ *Bloch M.* Serf de la glebe. Histoire d'une expression toute faire // *Revue historique*. 1921. Т. 136. Fasc. 2. P. 220–242; *Idem.* Les "Colliberti". Essai sur la formation de la classe servile // *Revue historique*. 1928. Т. 157. Fasc. 1. P. 1–48; *Idem.* Comment et pourquoi finit l'esclavage antique? // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1947. Vol. 2. No 1. P. 33–40.

⁴²⁷ *Idem.* Une probleme d'histoire comparée: la ministerialite en France et en Allemagne // *Revue historique du droit français et étranger*. 1928. Année 7-ème. P. 46–91. К сожалению, статья Блока обладает тем же недостатком, что и работы немецких историков министралитета 40-х–60-х гг.: он сосредотачивается на источниках X–XIII вв., совершенно упуская из виду сведения о *ministeriales* в варварских правдах и лишь однажды отсылая читателя к *Capitulare de villis*.

⁴²⁸ *Idem.* Les "Colliberti". P. 237–238, 241–242.

воздействовали римские институты личной зависимости, то последние уже были представителями феодального общества.

При описании поместного землевладения IX–XI вв. представитель «второго поколения» школы «Анналов», Ж. Дюби, и бельгийский учёный А. Верхульст обращали своё внимание прежде всего не на варварские правды и капитулярии как источник по истории рабства, а на материалы картуляриев (сборников грамот) и полиптиков⁴²⁹. Р. Фоссье, напротив, наряду с изучением материала грамот и полиптиков вернулся к анализу законодательных источников германских племён, имея в виду прежде всего Баварскую, Алеманнскую, Бургундскую правды и законы англо-саксов. Однако состояние рабов в период до нормандского завоевания в Англии 1066 г. и до начала правления Карла Великого по материалам законодательства в их работах оставалось освещённым слишком фрагментарно, а их выводы в основном повторяли результаты исследования, которых достигли немецкие исследователи аграрной истории в первой половине XX в. и наиболее выдающийся историк рабства в рамках школы «Анналов» – М. Блок⁴³⁰.

Наряду с написанием обширных трудов и объёмных статей по общим проблемам аграрной истории и социального устройства, в которых, как было показано выше, сведения законодательных источников раннего Средневековья о рабстве занимали относительно скромное место, во второй половине XX в. вышли сразу две фундаментальных монографии, посвящённые исключительно этой проблематике и задействовавшие обширный пласт источников (законодательство поздней Империи и раннесредневековых королевств Западной Европы, агиография, постановления церковных соборов, нарративные и документальные источники, франкские юридические формулы). Речь идёт о работах

⁴²⁹ Отчасти то же самое замечание можно распространить на сборник статей М. Блока, вышедший ещё в 1920 г.: *Idem. Rois et serfs*. P. 21–44.

⁴³⁰ См., например, соответствующие разделы в работах: *Duby G. Rural Economy and Country...* P. 37–38; *Doehaerd R. The early Middle Ages in the West*. P. 168–204; *Fossier R. Op. cit.* P. 51–67, 159–168; *Verhulst A. Op. cit.* P. 23–60.

бельгийца Ш. Верлиндена и француза Д. Бондю, заслуги которых в изучении института рабства IV–XI вв. являются общепризнанными.

Оба вписывают институт рабства германских племён в широкий исторический контекст. Так, Верлинден в первом томе предлагает свою схему эволюции рабства в Испании и во Франции от момента образования на этих территориях германских королевств до XV в., а во втором – в период раннего и развитого Средневековья в средиземноморском мире (Италия, Византия и Левант)⁴³¹; Бондю же вписывает рабство IV–X вв. в социальный контекст перехода от позднеримского времени к германским королевствам и далее – Империи Каролингов, тем самым разделяя идею Фюстель де Куланжа об унаследовании многих черт античного рабства в социально-правовом положении рабов варварских королевств⁴³². Итогом постепенного изменения статуса зависимого населения раннесредневековых поместий авторы видят возникновение классического средневекового серважа в XII–XIII вв. Впрочем, по ходу анализа раннесредневекового рабства и Ш. Верлинден, и Д. Бондю делают важнейшую оговорку о том, что многие черты серважа появляются у рабов меровингской эпохи и находят своё полное выражение уже в IX–X вв.⁴³³.

Вместе с тем, оба автора отчётливо показывают различия в социальных статусах лично зависимых людей в позднеримском и меровингском обществах, которые заключаются в наличии признаваемых Салической правдой и франкскими документами полусвободных категорий (германских вольноотпущенников, литов, колонов и пр.), тогда как классическое римское

⁴³¹ *Verlinden Ch.* L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955–1977. T. I: Péninsule Ibérique – France; T. II. Italie, colonies italienne du Levant, Levant latin, Empire byzantin.

⁴³² *Bondue D.* De servus à sclavus: La fin de l'esclavage antique (371–918). Paris, 2011.

⁴³³ Основные черты серважа кратко перечисляют Ш. Верлинден и Д. Бондю: наличие у серва личного хозяйства и обязанности по внесению в пользу господина определённых натуральных и денежных платежей и наследственном прикреплении к земле; право вступления в законный брак и представительства своих интересов с сеньориальном суде; принадлежность к числу домочадцев своего господина. *Verlinden Ch.* Op. cit. T. I. P. 729–747; *Bondue D.* Op. cit. P. 487–494.

право знало только два противоположных состояния – свобода и несвобода⁴³⁴.

Верлинден и Бондю особенно при этом подчёркивали тот факт, что и для бургундского и вестготского обществ конца V – начала VI в., и для Северной Галлии VI–IX вв. даже при некоторых изменениях в их структуре сами пути попадания в рабство в целом остаются сходными⁴³⁵. Кроме того, у Бондю изложению механизмов пополнения рабской прослойки у северогерманских племён предпосланы замечания об источниках рабства в позднеантичном законодательстве IV в. (Кодексе Феодосия), в котором он также находит много общего с положением дел в Северной Галлии VI–VIII вв⁴³⁶. Одновременно Ш. Верлинден и Д. Бондю обстоятельно пишут об изменении состояния рынка рабов при переходе от Античности к Средневековью: в отличие от Римской империи, каролингские государи столкнулись с новой серьёзной угрозой на восточных границах своих владений – со славянскими племенами; это приводит к наименованию всей массы рабов понятием, имеющим в современных европейских языках прямое родство со славянством как этнической общностью (нем. Sklave, англ. slave, итал. schiavo, исп. esclavo, франц. esclave, араб. sakāliba).

Именно Верлинден был первым из историков, пишущих на французском языке, кто обратил внимание на этнический компонент в составе рабов⁴³⁷, на упадок института рабства при Каролингах и постепенный переход к серважу в результате иссякания этого источника⁴³⁸, а также новое

⁴³⁴ См. об этом, например, у Верлиндена: *Verlinden Ch. Op. cit. P. 700.*

⁴³⁵ *Verlinden Ch. Op. cit. P. 62–80 (L. Vis.), 642–644 (L. Burg), 663–678 (Lex Salica); Bondue D. Op. cit. P. 145–194 (L. Vis.), 205–206 (Lex Salica), 329–340 (сравнительный анализ сведений о самозакладе, продаже рабов и обращении в наказание по материалам Вестготской правды и франкских формул).*

⁴³⁶ *Ibid. P. 39–51.*

⁴³⁷ *Idem. L'origine de sclavus = esclave // Bulletin du Cange. Archivum Latinitatis Medii Aevi. 1942. Vol. 17. P. 97–128; Idem. Wo, wann und warum gab es einen Großhandel mit Sklaven während des Mittelalters? // Kölner Vorträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Köln, 1970. Heft 11. S. 3–26; также см.: Idem. L'esclavage dans l'Europe médiévale. P. 713–717; Bondue D. Op. cit. P. 478–484.*

⁴³⁸ Например: *Verlinden Ch. Op. cit. P. 732.*

обозначение лично зависимых людей во Франции и Германии XI–XIII вв. (esclave – serf; Sklave – Eigenleute).

Отдельные разделы были посвящены занятиям рабов и связанными с ними различиями в социальном статусе (в частности, в размерах штрафов и возмещений за лишение жизни рабов)⁴³⁹, правовому статусу рабов согласно Салической правде⁴⁴⁰ и постепенному улучшению положения рабов в VI–IX вв. на основании постановлений церковных соборов. Авторами особенно подробно рассмотрена роль церкви в формировании новых общественных отношений той эпохи: регулярная практика освобождения в храме, церковная проповедь смягчения нравов по отношению к рабам вкупе с постепенным подчинением духовными лицами земельных наделов и их обитателей приводили к возникновению в VI–VIII вв. новых общественных слоёв, основы для будущего крестьянства Западной Европы⁴⁴¹.

Выдающийся французский историк второй половины прошлого столетия, П. Бонасси⁴⁴², не являясь автором капитального труда по истории рабства в Западной Европе раннего Средневековья в целом (основная сфера его исследовательского интереса лежит в области рабства в Юго–Западной Европе, в частности, Испании и Южной Галлии), тем не менее, остаётся прекрасным знатоком историографии по данному вопросу.

В обзоре, посвящённом проблемам рабства в Западной Европе IV–XI вв., им уделяется небольшое место анализу социального и правового статуса рабов в варварских правдах⁴⁴³. По сути, он повторяет то, что было написано за полвека до этого Ш. Верлинденом; однако этот материал он делает более

⁴³⁹ Ibid. P. 639–643 (L. Burg.), 656–657 (Lex Salica); *Bondué D.* Op. cit. P. 115–122 (L. Burg.), 200–203 (Lex Salica).

⁴⁴⁰ *Verlinden Ch.* Op. cit. P. 657–663.

⁴⁴¹ См. подробнее: *Verlinden Ch.* Op. cit. P. 678–691; *Bondué D.* Op. cit. P. 255 – 271, 341–342 (материалы церковных соборов франков VI–VII вв. и юридических формул).

⁴⁴² *Bonnassie P.* Marc Bloch, historien de la servitude. Réflexions sur le concept de la „classe servile“ // *Idem.* Les sociétés de l'an mil: Un monde entre deux âges. Bruxelles, 2001. P. 23–50 (впервые опубликовано в 1990 г.); *Idem.* Survie et extinction du régime esclavagiste dans l'Occident du Haut Moyen Âge // *Idem.* Les sociétés de l'an mil. P. 85–142 (впервые опубликовано в 1985 г.).

⁴⁴³ *Bonnassie P.* Survie et extinction du régime esclavagiste... P. 99–107.

глубоким, сравнивая рабов в Салической правде с рабами у вестготов, социальное положение которых было описано в Книге приговоров (или Вестготской правде). Вместе с тем, он значительно углубляет исследование последнего по части анализа источников рабства⁴⁴⁴, церковной политики по отношению к рабству в раннем Средневековье и отпуска рабов на волю⁴⁴⁵.

К сожалению, Верлинден, Бонасси и Бондю совершенно не обращаются к проблеме текстологии, к анализу времени и причин появления тех или иных законодательных установлений в отношении рабов в Салической правде и других варварских правдах. Подход Верлиндена и Бондю к текстам юридических формул и церковных соборов разительно отличается от подхода Х. Нельзена. Если немецкий автор использовал их анализ как *дополнение* к текстологическому анализу Lex Salica, делая упор на законодательстве начала VI – начала IX вв. как на основном источнике для изучения эволюции социально-правового статуса раба в обществе Меровингов и Каролингов, то для французских исследователей уже варварские правды служили своего рода дополнением к обширному материалу различного рода – данным полиптиков, картуляриев, юридических формул, нарративных источников, на основе которых они делали выводы об изменении положения раба в германских королевствах на протяжении V–IX вв.

§ 2.5. Отечественная историография конца XIX – начала XXI в.:

Наличие в отечественной исторической науке XIX в. мощного исследовательского направления, которое изучало социально-экономическую историю, привело к появлению на рубеже XIX–XX в. нескольких фундаментальных работ по общим проблемам социальной, правовой и аграрной истории Англии и Франции раннего Средневековья. Интерес

⁴⁴⁴ Ibid. P. 115–118.

⁴⁴⁵ Ibid. P. 108–114, 132–137.

исследователей западноевропейского Средневековья к законодательным источникам, в частности – варварским правдам, уже в этот период сформировал устойчивое и влиятельное направление, изучавшее на основе этих источников общинное устройство германских королевств, экономические, политические и социальные институты различных племён.

Методологической основой для изучения раннесредневекового права некоторые медиевисты рубежа XIX–XX вв. называли неокантианство (Д.М. Петрушевский), другие же – исторический материализм, основанный преимущественно на взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса (Н.П. Грацианский). После прихода к власти в России большевиков в 1917 г. методологическое многообразие сначала осторожно, а затем (к середине и концу 20-х гг.) – всё более настойчиво сворачивается; единственной и господствующей схемой исторического процесса, в которую было необходимо вписывать любые социальные феномены Средних веков, вплоть до середины 50-х гг. становится марксистское учение об общественных отношениях в том виде, в каком оно сформировалось в «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 г. Непременным атрибутом этой схемы становится признание развития мирового порядка посредством перехода от одной ступени развития, называемой общественно-экономической формацией, к другой; в этой схеме существовало пять формаций, через которые непременно должны были пройти все исторические народы мира (в т.ч. германские племена и королевства, ставшие основой многих современных государств Западной Европы): первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм. Все формации, кроме первой и последней, отличались наличием двух антагонистических классов, которые вели между собой постоянную борьбу.

Поскольку Средние века от самого падения Рима были отнесены к феодальной формации, проблема рабства в варварских королевствах многими советскими учёными первой половины XX в. просто не ставилась; развитие институтов личной зависимости они прослеживали не на примере многообразия категорий Салической правды или англо-саксонского

законодательства, однако в рамках формирования слоя крестьян, лишившихся своих собственности и личных прав и вступивших в антагонистические противоречия со своими хозяевами – крупными светскими или церковными землевладельцами.

Тем самым, проблема изучения германского рабства и его категорий как феномена социальной истории поздней Античности и раннего Средневековья была искусственно разорвана на две части: общинные распорядки германцев времени Тацита предполагали наличие рабов, но они не играли видимой роли в производительных силах первобытного общества; германские рабы и имеющие сходство с рабством социальные категории VI–IX вв. рассматривались в лучшем случае как «строительный материал» для класса феодально зависимого крестьянства (вилланов, сервов), составившего основу несвободы в высоком и позднем Средневековье.

Пионером в области изучения истории рабства и личной зависимости в Англии в Российской империи стал П.Г. Виноградов. Вклад П.Г. Виноградова в отечественное и зарубежное англоведение сложно переоценить. Значительную часть своих работ он опубликовал на английском языке; его позиция по вопросам эволюции статуса различных зависимых категорий англо-саксонского общества, наряду со взглядами его ученика, Д.М. Петрушевского, в начале XX в. была наиболее авторитетной не только в кругу российских учёных, но и за рубежом.

Несмотря на то, что Виноградов небольшое место уделял англо-саксонским законам как источнику для изучения лично зависимых статусов в раннесредневековой Англии, явно отдавая предпочтение Книге Страшного суда, многие из его выводов по истории рабства VII – начала XI в. сохраняют свою научную ценность. Так, Виноградов рассматривал кентские законы VII в. прежде всего в контексте северогерманских варварских правд, подчёркивая родство многих общественных категорий в континентальных и островных правовых источниках. Также огромной заслугой Виноградова является обращение (впервые в английской историографии) к латинскому

переводу древнеанглийских законов – *Quadripartitus*, и трактовка статуса отдельных социальных категорий раннесредневековой Англии при помощи сопоставления древнеанглийской терминологии и её латинского перевода⁴⁴⁶.

Он одним из первых среди авторов, писавших в XIX в. на английском языке, верно определил категорию лэтов как общегерманский институт личной зависимости, «податной зависимости местных жителей от завоевателя». Также местными жителями кельтского происхождения, попавшими в податную зависимость от короля Уэссекса или крупных землевладельцев, Виноградов считал и уилов (*wealh*); однако он подчёркивал то, что в судебных памятниках их статус был значительно выше статуса простых рабов (*þeow*)⁴⁴⁷. Особую сложность рабской прослойки VII–XI вв., по его представлениям, придавала множественность путей попадания в рабство (закабаление за долги и преступления, покупка на рынке, пленение в ходе войны, наследование статуса раба)⁴⁴⁸.

В отличие от Ф. Сибоба, Виноградов резко выступил против сравнения категории *ministeriales* (министерялы), содержащейся в континентальных правовых источниках, с квалифицированными слугами англо-саксонского и нормандского периода, подчёркивая бóльшую социальную пестроту последних (поскольку они были как свободными, так и рабами, могли иметь или не иметь земельные держания) и невозможность свести их статус к статусу раба⁴⁴⁹.

Резко расходился Виноградов с английской наукой XIX в. и в оценке положения населения поместий в англо-саксонский период. Гораздо большее внимание, чем его предшественники, он уделял участию бывших свободных, известных в раннем Средневековье как кэрл (*ceorl*), в формировании класса поземельно зависимого крестьянства. По мнению Виноградова, уже в X–XI вв. этот термин потерял первоначальное значение свободы как

⁴⁴⁶ Ibid. P. 332–340.

⁴⁴⁷ *Vinogradoff P. The Growth of the Manor. P. 122–126; Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 229.*

⁴⁴⁸ Ibid. P. 202–204, 229.

⁴⁴⁹ Ibid. P. 359.

экономической независимости от другого, более богатого человека⁴⁵⁰. Эта часть англо-саксонского общества, наряду с изначально свободными генитами, гебурами и котсетлами⁴⁵¹, отмеченными в RSP, постепенно теряла свои социальные позиции и к началу XI в. попадала в зависимость к крупным светским и церковным землевладельцам. Напротив, рабы англо-саксонского времени к моменту нормандского (а нередко – и датского) завоевания получают ряд прав, ранее ассоциировавшихся со свободными людьми⁴⁵², и составляют вместе с вышеупомянутыми категориями класс лично и поземельно зависимого крестьянства⁴⁵³.

Д.М. Петрушевский, изучая проблемы средневекового общественного устройства, также уделял большое внимание рабам германских племён⁴⁵⁴. Будучи последовательным сторонником теории общинного устройства, распространённой в трудах немецких историков, Петрушевский рассматривал проблему рабства в Западной Европе раннего Средневековья через призму отсутствия у рабов и других внеобщинных категорий (литов, вольноотпущенников и лично зависимых слуг крупных землевладельцев) определённых прав и обязанностей, которые были характерны для германских общинников.

Наряду с немецкими историками права и хозяйства, Д.М. Петрушевский начинал анализ правового статуса рабов и вольноотпущенников со времени Тацита. В отличие от историков права из

⁴⁵⁰ Ibid. P. 129–131.

⁴⁵¹ Ibid. P. 232–235.

⁴⁵² П.Г. Виноградов отмечает то, что этот процесс не в последнюю очередь был связан с необходимостью повысить эффективность труда лично зависимых людей в крупных хозяйствах. Среди освобождённых от рабской зависимости (в обмен на фиксированные повинности) людей он называет также упоминаемых в договорах данов с королями Альфредом и Эдвардом категорию *lysinga*. Ibid. P. 203–204. Rem. 39.

⁴⁵³ Ibid. P. 202–204, 229. В работе «Исследования по социальной истории Англии в средние века» (С. 243, 257–259) он прямо пишет о «вырождении понятия свобода и переходе свободных в разряд вилланов» в X–XI вв.

⁴⁵⁴ *Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века.* М., 1903; 4-е изд. М., 1930 (репринт 2003 г. – 5-е изд.); *Он же. Очерки из истории средневекового общества и государства.* М., 1907; 4-е изд. М., 1917 (репринт 2003 г. – 6-е изд.).

Германии, он полагал статус рабов не просто подобным римским колонам, но радикально отличным от статуса античного или франкского раба – статуса господского имущества (*res*): по его мнению, они имели даже некоторые личные права, такие как распоряжение собственным участком и резкое ограничение телесных наказаний⁴⁵⁵. Такая идеализация положения раба была в целом нехарактерна даже для зарубежной науки XIX в., поскольку, согласно классическому учению об общине, исключение раба из родовой организации автоматически лишало его всяких прав; признавая первый пункт, Петрушевский, тем не менее, отвергал его прямое следствие.

Несколько противоречивым поэтому выглядит оценка положения раба (*freow* в Англии, *servus* в меровингском и каролингском обществе) в обществе англо-саксов и салических франков, где он как раз выступает как человек, не имеющий никаких прав и приравненный к имуществу своего господина. В этом отношении его статус, описанный Д.М. Петрушевским, приближается к описанию социального статуса германского раба у Вайтца и Бруннера с тем отличием, что отечественный исследователь не признавал за бесправным рабом возможности возмещения *вергельда*. К сожалению, основной упор при описании франкского рабства исследователь сделал не на Салическую правду, а на «Капитулярий о поместьях»; тем самым раб в описании Петрушевского превратился в ближайшего предшественника средневекового *серва*, который нес оброчную и барщинную повинности по отношению к господину (в *Pactus legis Salicae* об этом нет ни слова)⁴⁵⁶.

Определённые противоречия присутствуют у Петрушевского в описании положения *литов* (*laets* в Англии, *liti* на континенте). С одной стороны, он говорил об их приближении к свободным германцам (в силу наличия ограниченной правоспособности на суде, *вергельда* и участия в ополчении). С другой стороны, он же писал о близости их статуса к

⁴⁵⁵ Там же. С. 161–163.

⁴⁵⁶ Там же. С. 240–245.

патриархальным рабам времени Тацита⁴⁵⁷. В целом, необходимо признать тот факт, что категория литов в начале XX в. в России ещё не была достаточно хорошо изучена в силу ограниченности источниковой базы и ограниченного доступа к иностранной литературе; понятие «полусвобода» (опирающееся на традицию немецкой истории права) получает более или менее широкое распространение лишь со второй половины XX в. Тем не менее, институт литства на континенте Петрушевский связывал с неполным освобождением раба из его несвободного состояния⁴⁵⁸.

Говоря о другом полюсе личной зависимости, на котором постепенно накапливались ранее свободные члены германской общины, становившиеся в результате королевских пожалований, добровольной отдачи под покровительство и защиту (*mundium, commendatio*) или прямого подчинения небольших земельных наделов крупными землевладельцами, Петрушевский ограничивался описанием общих для Западной Европы тенденций возникновения феодальных поместий⁴⁵⁹. К сожалению, при этом он практически ничего не говорил о сближении роли германских рабов и бывших свободных представителей германских племён, попадающих в зависимость от короля, церкви и крупных светских землевладельцев; образование класса феодально зависимого крестьянства у Петрушевского выглядит преимущественно как процесс обременения новыми повинностями и лишения свободы бывших общинников, лишившихся земельных наделов или защиты традиционных институтов германской общины.

Несмотря на очевидные недостатки работ Петрушевского, именно он является родоначальником сравнительного подхода при изучении франкских и англо-саксонских институтов личной зависимости в отечественной исторической науке.

⁴⁵⁷ Там же. С. 182–183, 240; *Он же*. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. С. 32–34.

⁴⁵⁸ *Он же*. Очерки из истории средневекового общества и государства. С. 245–246.

⁴⁵⁹ Там же. С. 184–202, 242–254; *Он же*. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. С. 39–53.

Большой вклад в изучение социальной истории раннего Средневековья на материале варварских правд внёс ученик Д.М. Петрушевского, А.И. Неусыхин. Ещё в своей ранней работе, которая трактовала общественный строй времени Тацита как приближавшийся в некотором отношении к классовому⁴⁶⁰, он обратился к внимательному анализу варварских правд, а в 40-х – 60-х гг. предложил считать отражённые в них социальные реалии признаком особого типа переходного общества – уже не первобытного, но ещё не феодального⁴⁶¹. Тем самым Неусыхин поддержал тех исследователей истории Древней Руси и Западной Европы, которые уже в 30-х гг. боролись с повсеместным засилием в исторической науке т.н. «пятичленки» и пытались ввести понимание «дофеодального» (переходного) периода в отношении славянских и германских племён Западной, Центральной и Восточной Европы и их исторического пути на рубеже Античности и Средневековья⁴⁶².

В первую очередь, в отличие от Петрушевского, Неусыхин обращает внимание на незначительную роль рабского труда в варварских правдах (и в первую очередь – Салической правде). Свобода в обществе салических франков не носила негативный характер, т.е. не являлась статусом,

⁴⁶⁰ Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М., 1929. В ней, в частности, Неусыхин активно поддерживал идею Петрушевского о наличии уже в древнегерманском обществе частной собственности на землю и, следовательно, складывании ко времени эпохи Великого переселения народов предпосылок для возникновения крупных землевладельческих хозяйств с большими массами зависимого населения и рабов в своём составе (С. 151–153).

⁴⁶¹ Основные работы А.И. Неусыхина по данной тематике: Неусыхин А.И. Собственность и свобода в варварских правдах (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V–VIII вв. (1946)) // *Он же*. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974. С. 35–210; *Он же*. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества... С. 3–43; *Он же*. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // ВИ. 1967. № 1. С. 75–88; тезисы выступления и дискуссия опубликованы в сборнике: СВ. 1968. Вып. 31. С. 45–63; расширенный вариант данной статьи опубликован в сборнике: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1. С. 596–616.

⁴⁶² Более подробно о «дофеодальном» периоде, сущности концепции А.И. Неусыхина и её оценках см.: Земляков М.В. А.И. Неусыхин и его концепция переходного периода: восприятие и интерпретации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. 1 (56). С. 113–136.

противостоящим только рабству и личной зависимости (как это произошло при становлении средневекового серважа); более того, свобода в варварских правдах носила градуированный характер⁴⁶³. В силу этого для А.И. Неусыхина очень важными темами было обсуждение статуса литов⁴⁶⁴ и вольноотпущенников⁴⁶⁵ в северогерманских и франкских правдах, а также в англо-саксонских и скандинавских законах. И если его выводы о правовом статусе раба не слишком отличались от выводов Д.М. Петрушевского (полное бесправие на протяжении VI – VIII вв. и отсутствие вергельда), то анализ положения литов Неусыхиним представляет собой блестящий образец работы с текстом Салической, Саксонской, Фризской правд. Главный вывод, который он сделал на основе этого анализа – это промежуточное положение литства, которое можно приравнять к немецкой категории *Halbfreie* и даже назвать «несвободной свободой»⁴⁶⁶.

Анализ правового статуса литов, в котором отмечены его ограниченные имущественные и судебные права, дополнен анализом его хозяйственной деятельности: Неусыхин сделал ключевой вывод о том, что литы составляли значительную для раннесредневекового общества прослойку лично зависимых земледельцев, которая в перспективе вливается в общую прослойку феодально зависимых держателей. Тем самым подтверждается вывод А.И. Неусыхина о происхождении многих северогерманских литов от попавших в долговую зависимость или отдавшихся под покровительство свободных членов племён⁴⁶⁷, а не только от

⁴⁶³ *Он же*. Собственность и свобода в варварских правдах. С. 36–38; *Он же*. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. Формирование феодально – зависимого крестьянства. С. 153–154.

⁴⁶⁴ *Он же*. Собственность и свобода в варварских правдах. С. 42–47, 106–121, 159–166; *Он же*. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества... С. 174–181, 213–224.

⁴⁶⁵ *Он же*. Собственность и свобода в варварских правдах. С. 124–140; *Он же*. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества... С. 182–187.

⁴⁶⁶ Там же. С. 135–139, 219–220; *Он же*. Собственность и свобода в варварских правдах. С. 42–47.

⁴⁶⁷ Там же. С. 46, 165.

завоёванных франками при переселении в Галлию местных жителей (тем более, саксы и фризы не завоёвывали территорий римских провинций).

Ещё более важным для отечественной исторической науки явился анализ Неусыхиним социально-правового положения раба в обществе салических франков VI–IX вв. Несмотря на то, что он повторил многие тезисы, уже выдвинутые до него Вайтцем, Ястровом, Бруннером и Вергеланд, это был первый для советской исторической науки пример глубокого анализа Салической правды на предмет эволюции состояния рабства в обществе салических франков. Ему впервые удалось показать, как из полностью бесправного объекта приложения права, который входил в состав имущества господина, мог быть им завещан другому лицу или передан в наказание а проступок, раб превращается в «персону ограниченного права» с наличием ограниченных судебных прав (указание в суде на своего похитителя; смягчение формы наказания и т.д.)⁴⁶⁸. Тем не менее, Неусыхин выступал категорически против механического отнесения франкских, саксонских или фризских рабов и литов к закрепощаемым категориям, формировавшим массу эксплуатируемого населения; для раннего Средневековья это была лишь одна из многих прослоек, впоследствии вошедших в состав лично и поземельно зависимого крестьянства⁴⁶⁹.

Во второй половине XX в. продолжает развиваться исследовательская тематика, связанная с англо-саксонских рабством. Для 50-х – 70-х гг. значительным достижением в области изучения общины донормандской Англии стали работы А.Я. Гуревича⁴⁷⁰, М.Н. Соколовой⁴⁷¹, К.Ф. Савело⁴⁷².

⁴⁶⁸ *Он же*. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества... С.105, 122–123, 139–149.

⁴⁶⁹ Там же. С. 134–135.

⁴⁷⁰ *Гуревич А.Я.* Королевские пожалования и феодальное подчинение английского крестьянства // СВ. 1953. Вып. 4. С. 49–73; *Он же*. Английское крестьянство в X – начале XI вв. // СВ. 1957. Вып. 9. С. 69–131. Некоторые свои выводы А.Я. Гуревич повторил в более поздней статье для коллективной монографии по истории крестьянства: *Он же*. Становление английского крестьянства в донормандский период // История крестьянства в

Тем не менее, они дают немного сведений о статусе рабов в законах VII–XI вв. Основным движущим мотивом развития общественных отношений в Англии англо-саксонского периода они называют закрепощение бывших свободных земледельцев, появление на протяжении VII–X вв. у них господ – крупных землевладельцев, земельные владения которых формируют манориальную систему. В рамках такого анализа любые проявления понижения статуса простых свободных, обращение некоторых из них в долговое рабство рассматривались как предвестник будущего торжества феодальной формации⁴⁷³. Крайне сжатый очерк состояния рабов в Кенте и Уэссексе VII в. даёт только А.Я. Гуревич⁴⁷⁴.

Вместе с тем, его же перу принадлежат крайне интересные очерки о *Rectitudines singularum personarum*, в которых он анализирует различные категории зависимого населения англо-саксонского поместья, их обязанности и службы и приходит к выводу о сближении статуса господских рабов, лично и поземельно зависимых людей (гениты, гебуры, котсетлы) и постепенном формировании единого слоя крестьянства⁴⁷⁵.

Большое значение для анализа тематики рабства в западноевропейском обществе раннего Средневековья имеют работы, прибегавшие к компаративному анализу сведений нарративных и правовых источников Восточной и Западной Европы. К числу последних относятся труды А.П. Новосельцева, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто⁴⁷⁶, М.Б. Свердлова⁴⁷⁷, И.Я.

Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 276–295 (особ. 280–283, 290–292)

⁴⁷¹ Соколова М.Н. Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII–X вв. // СВ. 1955. № 6. С. 34–55.

⁴⁷² Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 20–23.

⁴⁷³ Например: Соколова М.Н. Свободная община и процесс закрепощения крестьян... С. 46–48; Гуревич А.Я. Королевские пожалования и феодальное подчинение английского крестьянства. С. 72–73; Он же. Английское крестьянство в X – начале XI вв. С. 128–129.

⁴⁷⁴ Там же. С. 70–71.

⁴⁷⁵ Там же. С. 85–93; Он же. Королевские пожалования и феодальное подчинение английского крестьянства. С. 69–70.

⁴⁷⁶ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.

⁴⁷⁷ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; Он же. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

Фроянова⁴⁷⁸. Несмотря на то, что они были посвящены социальной истории Восточной Европы, авторы обнаруживали в славянских источниках IX–XIII вв. интересные параллели к западноевропейским памятникам VI–XI вв.

Так, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин писали об общности путей пополнения прослойки рабов в Западной и Восточной Европе⁴⁷⁹; более того, речь шла не только о сравнении германцев и восточных славян, но также привлечении данных о работорговле в землях прибалтийских народов (эсты, латыши, курши)⁴⁸⁰.

Значительное сходство путей попадания в зависимость (в результате военных действий антов и склавинов с Византийской империей, а затем – восточных славян со своими соседями) демонстрирует исследование И.Я. Фроянова⁴⁸¹.

Особое значение для понимания категорий рабства и личной зависимости в Западной Европе имеет проведённый М.Б. Свердловым анализ терминологии Правды Русской и летописных источников⁴⁸². Сходство некоторых разрядов рабов в западноевропейских и восточноевропейских источниках, равно как и правового статуса их представителей («рабов высшей категории» – участников поместной администрации; челяди – домашней прислуги; долговых рабов), свидетельствовало о наличии общих черт в эволюции социальных статусов архаических обществ Европы.

Конец XX и начало XXI вв. ознаменовались появлением в России внушительной школы англо-саксонских исследований, один из центров которой находится в Воронеже. Прекрасными образцами анализа социальной истории Англии раннего Средневековья являются труды двух воронежских учёных, А.Г. Глебова⁴⁸³ и А.Ю. Золотарёва⁴⁸⁴. И если А.Г. Глебов пишет о

⁴⁷⁸ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996.

⁴⁷⁹ См., например: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 170–175, 185–186.

⁴⁸⁰ Там же. С. 280.

⁴⁸¹ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 28–104.

⁴⁸² Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества. С. 147–182.

⁴⁸³ Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007. С. 124–150.

рабах англо-саксов в целом, вписывая их в контекст социальной истории VII–XI вв., то А.Ю. Золотарёв специально останавливается на правовом положении рабов и его эволюции в различных источниках (в т.ч. законодательных).

По мнению А.Г. Глебова, англо-саксонское общество в VII–X вв. поэтапно продвигается к формированию эксплуатации и отношений господства–подчинения; при Альфреде Великом происходит формирование раннеклассовых отношений⁴⁸⁵. В рамках этого подхода рассматриваются различные категории лично зависимого населения Кента и Уэссекса (*freow, esne, læts*), которые изначально различаются по своей роли в хозяйственной жизни и правам, но ко времени Альфреда (конец IX в.) сближаются между собой и образуют единый слой бесправного, лично зависимого населения⁴⁸⁶. Отдельно оговаривается тот факт, что во многих поместьях X – начала XI в. труд прежних рабов и полусвободных сохраняет своё значение; это выражалось в суровых телесных наказаниях этих категорий несвободного населения за бегство (вплоть до побивания камнями)⁴⁸⁷.

Некоторые расхождения между двумя исследователями намечаются при описании правового статуса и ответственности раба: если А.Г. Глебов говорит об отсутствии у раба вергельда и практически всяких прав⁴⁸⁸, то А.Ю. Золотарёв находит в англо-саксонском законодательстве признаки сохранения за рабами ограниченной правоспособности. Так, порабощённые

⁴⁸⁴ Золотарёв А.Ю. Правовой статус раба в раннесредневековой Англии // Известия Саратовского университета. Научный журнал. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения. Вып. 3. С. 3–9; *Он же*. К вопросу об источниках рабства и характере эксплуатации рабов в раннесредневековой Англии // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. Мат-лы конф. М., 2013. С. 113–119.

⁴⁸⁵ Глебов А.Г. Указ. соч. С. 134–140.

⁴⁸⁶ Там же. С. 129–133. Взгляды автора на происхождение зависимых категорий поместного хозяйства и их сближение с бывшими рабами близки к позиции А.Я. Гуревича: Там же. С. 142–144.

⁴⁸⁷ Там же. С. 148–150. См. также: Золотарёв А.Ю. Правовой статус раба в раннесредневековой Англии. С. 4–5.

⁴⁸⁸ Глебов А.Г. Указ. соч. С. 124.

за преступления (*witeþeow*) или должники сохраняли связь с родственниками и могли быть выкуплены величиной своего вергельда; рабы могли иметь имущество; они были ограждены от прямого произвола господина наряду со свободными, находившимися под патронатом богатых землевладельцев (в частности, рабы не должны были по его приказу работать в воскресенье). С другой стороны, многие нарушения раба предусматривали телесные взыскания; эти наказания, как полагает А.Ю. Золотарёв, носили особый, «подчёркнуто унижительный» характер, в отличие от наказаний свободных⁴⁸⁹.

Таким образом, следует признать тот факт, что тема изучения социально-правового статуса раба и его эволюции в Англии и Северной Галлии на материале законодательных источников была очень популярной для России на протяжении конца XIX – второй трети XX в. В рамках учения исторического материализма были выработаны основные исследовательские подходы к теме. Некоторые из исследовательских подходов советского времени (например, изучение уровня эксплуатации рабов) были продолжены современными англо-саксонистами.

Согласно устоявшемуся мнению, распространённому в наши дни, германское рабство в Англии и на континенте имело вспомогательное хозяйственное значение и приближалось к патриархальному варианту, описанному Тацитом в его «Германии». Постепенное формирование феодальных институтов (покровительство, иммунитеты, королевские пожалования и т.п.) и попадание в личную и поземельную зависимость многих рядовых свободных предопределило формирование общего класса феодально зависимого крестьянства (сервов во Франции, вилланов в Англии); прослойка германских рабов была включена в них как органическая часть, в результате постепенного повышения её правового статуса и приобретения ею ограниченной правоспособности.

К сожалению, для России второй половины XX в. наблюдается значительный отход от тематики исследования рабства Салической правды и

⁴⁸⁹ Золотарёв А.Ю. Указ. соч. С. 4.

франкских капитуляриев; можно говорить о том, что во многом именно англо-саксонские исследования активно поддерживают интерес к теме германского рабства VI–XI вв. При этом часть документов (например, «Капитулярий о поместьях», многие меровингские и каролингские капитулярии) остаются практически не изученными отечественной медиевистикой на предмет получения информации о различных категориях лично зависимого населения. Также в России, как и на Западе, в настоящее время крайне мало внимания уделяется самой дефиниции рабства.

Исключение из данной тенденции составляет монография И.С. Филиппова «Средиземноморская Франция в раннее средневековье: проблема становления феодализма», вышедшая в 2000 году. Шестая глава этой фундаментальной работы специально посвящена социальной истории южногалльских земель в VI–XII вв.⁴⁹⁰ Уделяя большое внимание формированию системы вассалитета, автор в равной степени подробно освещает общественные процессы в южногалльском обществе, приведшие к формированию феодально зависимого крестьянства. Для этого И.С. Филиппов привлекает огромный пласт источников самых разных жанров – библейские тексты, гомилетику, произведения отцов церкви, завещания, юридические формулы, грамоты, дипломы, капитулярии, полиптики.

Крайне важными представляются, прежде всего, выводы исследователя в отношении состава населения южногалльских поместий и удельного веса различных его категорий. Грамоты и полиптики IX–X вв., как определяет И.С. Филиппов, не знают разделения рабов на движимое и недвижимое имущество, как это можно видеть в северогалльских капитуляриях того же времени. Соответственно, термины *servus* и *mancipium* (последнее – в

⁴⁹⁰ Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье: проблема становления феодализма. М., 2000. С. 457–549. Также см. статью: *Он же*. От раба к работнику: история слова *mancipium* и имени *mancip* в Средние века // Именослов: история языка, история культуры. Труды центра славяно-германских исследований / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 64–98; *Filippov I.* La naissance du servage russe. Un survol de l'historiographie contemporaine // Nouveaux servages et société en Europe (XIIIe–XXe siècle). Actes du colloque de Besançon, 4–6 octobre 2007 / Ed. N. Carrier. Caen, 2010 (Bibliothèque d' Histoire Rurale. Vol. 11). P. 333–382.

качестве общеродового понятия, означающего всю совокупность бесправного населения светских и духовных поместий) выступают в них в качестве синонимов⁴⁹¹. Также он много пишет о колонах и других зависимых категориях, являвшихся наследием позднеимперского общества, подчёркивая, подобно Н.Д. Фюстель де Куланжу, невозможность их механического противопоставления как зависимого населения галло-римского происхождения рабам–германцам⁴⁹².

Согласно мнению И.С. Филиппова, постепенно формирующиеся отношения крепостной зависимости в Южной Галлии VI–XI вв. достаточно ярко проявляются в прикреплении всех лично зависимых категорий населения к землям определённого поместья. Это выражается, например, в придании бывшим членам рабской фамилии, обозначенным в текстах полиптиков как *cottidiani* и *triduani*, земельных участков и исполнении ими различных натуральных повинностей в пользу своего господина (на протяжении 6 и 3 дней в неделю соответственно)⁴⁹³. Постепенно оппозиция «*servi et ingenui*», имевшая определяющее значение для позднеимперского общества, заменяется на другие (например, «*servi et coloni*») или вовсе исчезает; о населении же отдельных монастырских поместий источники упоминают как о людях (*homines*) без конкретизации их социального статуса⁴⁹⁴.

Ключевой вывод И.С. Филиппова заключается в том, что унификация социально-правового положения крестьян приводит к тому, что к XI в. и в Средиземноморье, и в Германии, и в Северной Франции из большинства полиптиков исчезает описание статуса отдельных крестьян и их держаний, которое заменяется на описание большой группы дворов и роспись их хозяйственных функций в рамках поместий. Различные зависимые категории (и бывшие рабы, посаженные на землю, и бывшие свободные, потерявшие

⁴⁹¹ *Он же*. Средиземноморская Франция. С. 511–514.

⁴⁹² Там же. С. 517–521, 530.

⁴⁹³ Подробный перечень повинностей также представлен в монографии: Там же. С. 522–524, 547–549.

⁴⁹⁴ Там же. С. 531–533.

своё полноправие) в рамках светских и церковных поместий, таким образом, по своему социальному статусу, судебным правам, тяжести платежей и повинностей сливаются в «далеко не однородный, но обладающий определённым единством класс зависимых крестьян»⁴⁹⁵.

Важные выводы относительно статуса вольноотпущенников в вестготском обществе VI–VII вв. содержатся в работах Е.С. Марей (Криницыной)⁴⁹⁶. Рассматривая постановления Толедских соборов, она фактически вводит в оборот новый для отечественной науки источник по истории рабства. Многие её выводы относительно их юридического и социального статуса (например, о большей степени зависимости по сравнению с вольноотпущенниками римского времени), а также глубокий анализ отдельных правовых казусов могут служить отправной точкой для возрождения в России историко-сравнительных исследований, построенных на основе варварских правд. Так, многие черты статуса вольноотпущенников вестготов и франков в VI–VII вв. оказываются, согласно выводам Е.С. Марей, сходными: например, те и другие часто оказывались под патронатом бывших владельцев (монастырей), были ограничены в перемещениях за пределами епархии и распоряжении своим имуществом.

§ 2.6. Рабство как категория и как социально-правовой статус: постановка проблемы:

Для более углублённого понимания проблемы рабства в раннесредневековой Западной Европе необходимо отдельно остановиться на конкретной дефиниции, которая позволит проанализировать в ходе дальнейшего исследования содержание тех правовых источников, которые имеются в нашем распоряжении.

⁴⁹⁵ Там же. С. 526–527, 530, 549.

⁴⁹⁶ Криницына Е.С. Вольноотпущенники Церкви в соборном законодательстве Толедского королевства // Древнее право. Вып. 1 (26). С. 126–142.

С точки зрения простого обывателя, «рабство» – это состояние, противостоящее свободе и полноправию, следовательно, означающее несвободу и определённую степень бесправия. Однако, строго говоря, под это определение подходит множество различных социально-правовых статусов: и нахождение в плену, и прикрепление к земле зависимого человека и его потомков, и принудительное исполнение отработок в пользу богатого соплеменника для получения недоступных ранее ресурсов (пропитания, сельскохозяйственного инвентаря, скота и построек), и некоторые другие неравноправные отношения между индивидами.

Для того, чтобы избежать такой путаницы и возможно более рельефно очертить границы личной зависимости и рабства, зарубежная наука XIX–XX вв. потратила не один десяток лет. Свои определения рабства и его составляющие выдвигали и историки права, и представители социальной истории, и этнологи, и антропологи, и источниковеды.

Некоторые из этих определений были слишком широки и по хронологическому, и по географическому охвату и не отвечали задачам анализа правового материала германских племён и народов VI–XI вв. К такого рода дефинициям следует прежде всего отнести те, которые были предложены европейскими учёными–этнологами или теми исследователями, которые ставили своей задачей охват как можно более широкого материала различных эпох и континентов (яркие представители – Дж. К. Ингрэм, Г. Нибур, О. Паттерсон) или же принадлежали к т.н. «романистическому направлению историографии» XIX в. (Ш. Летурно, Н.Д. Фюстель де Куланж)⁴⁹⁷. Дж. К. Ингрэм, Г. Нибур и О. Паттерсон выводили наиболее расплывчатую дефиницию рабства, совокупность элементов которой максимально широко встречалась у всех племён и народностей (от рабов науру до российских крепостных крестьян), что размывало само понятие

⁴⁹⁷ Под некоторым влиянием идей «романистического направления» в области истории аграрных отношений отчасти находился и М. Блок. Это отразилось в сравнении такой категории латинских источников Западной Европы IX–XI вв., как *colliberti*, с колоннами позднеантичной Римской империи.

рабства как социально-правового института⁴⁹⁸ и делало его непригодным для целей анализа общественной структуры раннесредневековой Европы.

Вместе с тем, «романисты», несмотря на наличие чёткого критерия для описания института франкского рабства – его подобие позднеантичным институтам личной зависимости (в частности, колонату), также не смогли чётко сформулировать специфику перехода от рабства античного и раннесредневекового типа в Западной Европе к средневековым типам личной и поземельной зависимости. В первую очередь, их попытки механического переноса особенностей римского (классического) рабства на рабство германских племён терпели неудачу из-за отсутствия сколько-нибудь заметного римского влияния на англо-саксонское общество⁴⁹⁹ и северогерманские племена (саксы, фризы, тюринги); в этих условиях родство между германскими правовыми и социальными институтами у франков, англо-саксов и северных германцев ими просто замалчивалось.

Таким образом, крупнейшие исследовательские направления и дисциплины XIX – начала XX в. (такие как этнология, позитивистская историография и «романистическое направление» в изучении истории Средневековья) мало чем не могут помочь современным историкам в деле определения дефиниции «германское рабство» и его основных компонентов и составляющих. Единственным полезным замечанием является мнение о том, что господин раба в любом обществе (в т.ч. франкском обществе времени Меровингов и Каролингов и в англо-саксонской Англии) владеет его личностью и некоторым набором прав, позволяющим ему реализовывать свою власть над рабом.

⁴⁹⁸ Несмотря на то, что более полувека в науке ведутся споры о наличии или отсутствии «раннего государства» у первобытных племён, бесспорным является факт отсутствия у большинства из современных аборигенных народов письменности и права как отдельных институтов; в этом случае само сравнение раннесредневековых германских и, например, современных африканских племён становится затруднительным.

⁴⁹⁹ О неудачной попытке Ф. Сибомы возвести историю англо-саксонского манора ко времени римского завоевания Британии и тем самым уподобить его зависимое население в раннем Средневековье античным рабам и колонам было написано выше (С. 109).

То, что не удалось сделать французским историкам при использовании сравнительно-исторического и стадияльно-хронологического подходов, получилось у германских историков права XIX – начала XX в. В частности, речь идёт о трёх представителях школы правовой истории – Г. Вайтце, Х. Бруннере и И. Ястрове, идеи которых послужили основой для последующих выводов о положении рабов во франкском и англо-саксонском обществах и эволюции их статуса в период раннего Средневековья множества представителей направления правовой истории как в Германии, так и в других странах Западной Европы и Америки. Так, для И. Ястрова рабский статус на землях германских племён характеризовался четырьмя основными параметрами: а) отсутствием вергельда (т.е. виры, которая причиталась роду лично зависимого человека в случае его насильственной смерти и которая заменяла собой древнее право кровной мести); б) ответственность господина за преступления своего раба; в) выплата возмещения господину (а не самому рабу) в случае совершения преступления против его зависимого человека; и г) отсутствие у рабов правоспособности и права участия в судебном собрании в качестве одной из сторон процесса⁵⁰⁰. А.М. Вергеланд в результате анализа более широкого, чем И. Ястров, круга источников, пришла к сходным выводам, однако четыре основных признака рабства в германском обществе ей виделись несколько иначе. Так, она включала в это число: а) принадлежность человека к имуществу (как движимому, так и недвижимому); б) отсутствие прав на участие в общественной жизни (запрет покупать, продавать или обменивать имущество; непризнание браков и др.); в) отсутствие общественного статуса вне отношений со своим господином; и г) обоснование самого существования раба существованием его господина⁵⁰¹.

Отечественная наука середины XX в. также выработала свой подход к определению правового статуса раба. Этот подход связан с именем А.И. Неусыхина, который касался в своих работах разграничения социальных

⁵⁰⁰ *Jastrow I. Op. cit. S. 4–6.*

⁵⁰¹ *Wergeland A.M. Op. cit. P. 26–33.*

статусов в варварском обществе (к такого рода обществам он относил и франкское, и англо-саксонское) на основе правовых источников. Так, он говорил о «позитивной» и «негативной» свободе в Средние века. По мнению А.И. Неусыхина, «позитивная» (или «ранжированная») свобода представляла собой конгломерат отдельных социально-правовых статусов, к которому относились те представители германских племён и местных жителей бывшей Империи, которые обладали определёнными правами и обязанностями в рамках варварского общества (правом – обязанностью участия в судебном и народном собрании, ношения оружия и участия в ополчении; правом принадлежности к родовому объединению и обладания участком земли в рамках племени и др.). Некоторые из лично и поземельно зависимых людей (вольнотпущенники, литы, податные категории галло-римлян и кельтов Британских островов), не будучи полностью свободными, тем не менее, не причислялись к рабам. «Негативная» же свобода являлась прямым противопоставлением полной несвободе, в которую попадало на рубеже раннего и развитого Средневековья подавляющее большинство лично и поземельно зависимого населения (известного под именем сервов во Франции и вилланов в Англии)⁵⁰².

Таким образом, согласно точке зрения отечественной исторической школы, основным критерием для определения принадлежности индивида к рабскому или свободному состоянию была степень его причастности к совокупности перечисленных прав–обязанностей; полное отчуждение от них означало и полное порабощение. В этом отношении точка зрения А.И. Неусыхина находилась на стыке немецких школ права (*Rechtsgeschichte*) и хозяйственной истории (*Wirtschaftsgeschichte*): она в значительной мере учитывала как материальные факторы рабской зависимости (отсутствие земли и собственного движимого имущества), так и правовые ограничения для рабов (фактическое отсутствие судебных прав и личности, невозможность вступать в сделки и пр.).

⁵⁰² См., например: *Неусыхин А.И.* Дофеодальный период... С. 79–81.

Безусловно, любая из представленных схем опускает те или иные важные черты рабского статуса у германских племён, однако в них также немало общих черт. Поэтому автор данного исследования предлагает следующее определение рабства, которое ему видится наиболее общим и охватывающим самые характерные черты рабства у франков и англо–саксов. Итак, *германское рабство – это такое социальное и правовое состояние индивидуума, при котором его личность находится во временном (в случае долгового рабства или совершения преступления, которое могло быть отработано или выкуплено штрафом) или постоянном распоряжении другого представителя варварского общества (как германца по происхождению, так и бывшего подданного Римской империи, и представителя другой племенной общности, например, кельта). Это состояние характеризуется отсутствием у раба судебных прав и имущества, которым он мог бы распоряжаться; интересы своего раба в случае совершения против него (или им самим) преступления представляет зачастую его господин, а не родовой союз (даже если человек находится во временном рабстве).*

Некоторые черты германского рабства в Северной Галлии, на Среднем Рейне и на Британских островах со временем претерпевали изменения. Тем не менее, это не вело к уничтожению рабства как общественной структуры. Так, на протяжении VI–XI вв. рабы могли быть прикреплены господином к земле, а также получить ограниченные права по распоряжению пекулием. Они могли даже выступать в качестве ответчиков и свидетелей в судебном собрании. Однако до тех пор, пока они не получали возможности распоряжения своими личностью и имуществом (в частности, права заключать браки со свободными или зависимыми людьми; права передавать своё имущество – пекулий, по наследству вне зависимости от воли своего господина; права удержания за собой части продуктов, произведённых на своём участке), пока им не вменялось в обязанность тех же самых платежей,

что и свободным земледельцам (в частности, церковной подати), они продолжали с точки зрения права оставаться бесправными рабами.

Кардинальные изменения в статусе рабов происходят именно под воздействием перечисленных выше факторов. Однако нельзя не упомянуть и о том, что повышение статуса бывших бесправных германцев происходит на фоне постепенного снижения статуса массы прежде свободного полноправного населения и тех категорий, которые обладали ограниченной свободой, но при этом не были приравнены к бесправным рабам. Такие категории лиц в результате различных факторов (попадание в материальную зависимость от могущественного земельного магната; добровольная отдача под опеку короля, церкви или светских землевладельцев; переход во всемирные владения в разряд земель светского или церковного иммунитета в результате королевского пожалования и др.) постепенно лишались своих прав–обязанностей и теряли важные элементы свободы; так, они больше не участвовали в ополчении, не могли свободно распоряжаться своим движимым имуществом без ведома господина или полностью снабжались орудиями труда и скотом своим хозяином, были вынуждены судиться в специальных сеньориальных судах под контролем агентов своего господина и т.д.

Поэтому процесс изменения правового и социального статуса рабов рассматривается нами в тесной связи с процессом перехода в личную и поземельную зависимость от крупных светских и церковных землевладельцев значительной части бывших полноправных членов франкского и англо-саксонского обществ. Кроме того, мы обращаем в своей работе особое внимание на такие аспекты рабского статуса, как сравнение путей попадания в рабство и выявление их удельного веса в различные временные периоды, а также отпуск рабов на волю и связанное с этим изменение их имущественного статуса и правоспособности.

Глава I. Рабство в Салической правде и меровингских капитуляриях в конце V – VI в.

§ 1. Источники пополнения прослойки рабов по материалам Салической правды и северогерманских правд в начале VI – начале IX в.

Одним из первых правовых источников из числа варварских правд, которые предстают перед нами на рубеже поздней Античности и раннего Средневековья, является именно Салическая правда (в различных семьях рукописей в зависимости от конкретного состава титулов именуемая как *Pactus Legis Salicae* и *Lex Salica*). До наших дней, несмотря на наличие множества переводов и толкований текста, этот памятник имеет основополагающее значение для решения большинства исследовательских проблем социально-политической, экономической и культурной истории, затрагиваемых отечественной и зарубежной наукой. В большинстве работ, посвящённых Салической правде, поднимаются вопросы формирования аллода и отчуждаемых земельных владений, соотношения различных социальных страт и прослоек; подвергаются множественным толкованиям термины, которыми описываются различные слои франкского общества; выясняются отдельные детали проведения тех или иных судебных процедур и связанных с ними ритуалов; остро дебатруется проблема наличия у древних германцев общины и т.д.

Терминология, связанная с рабством и личной зависимостью у франков в эпоху Меровингов и Каролингов, также находится в фокусе постоянного внимания исследователей на протяжении уже почти двух столетий¹. Особую

¹ Упомянем лишь об одной из наиболее подробных в этом отношении современных научных работ Германии, содержащей толкования большинства латинских и древнегерманских категорий рабства и зависимости: *Olberg G., von. Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges Barbarorum. Berlin; N.Y., 1991 (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung. Schriftenreihe des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Bd. 11. Die volkssprachigen Wörter der Leges Barbarorum. Teil II). S. 193–240.* Наиболее полным французским исследованием, демонстрирующим эволюцию социально-правового статуса рабов на протяжении IV–X в. на территории поздней

сложность при анализе этих терминов представляет наличие большого числа рукописных семей, в которых многие титулы встречаются в различных редакциях либо, будучи однократно воспроизведены в одной семье рукописей, не повторяются вовсе. Кроме того, при сравнении правовых и нарративных источников выясняются разительные различия в употреблении социальных категорий: достаточно сказать о том, что в «Истории франков» (*Libri historiarum X*) Григория Турского собственно термин «раб» (*servus*) почти не встречается, за исключением нескольких случаев², тогда как он является основным обозначением для полностью бесправного населения в Салической правде.

Кроме того, нужно учитывать тот момент, что для франкского общества конца V – начала VII вв. древнейшая редакция Салической правды, заключённая в рукописях семей А, В и С, не являлась единственным правовым источником. В отношении салических и рипуарских франков можно упомянуть как минимум ещё об одном виде памятников, который порой играл не менее важную роль, чем правовые установления, санкционированные верховным правителем – это сборники юридических формул (*formulae*), содержавшие формуляры для заключения различных договоров между двумя и более лицами. Формулы, касающиеся купли–продажи, дарения и обмена рабов, также присутствовали в составе собраний формул Маркульфа и Анжерских формул конца VI – конца VII в.³

Империи и варварских королевств, в котором используются практически все известные источники раннего Средневековья, является следующая монография: *Bondue D. De servus à sclavus: La fin de l'esclavage antique (371–918)*. Paris, 2011.

² *Greg. Tur. Hist.* III, 13.

³ Наиболее полное издание этих юридических источников представлено в капитальном труде Института MGH: *Formulae Merovingici et Karolini aevi* / Ed. K. Zeumer. Hannover, 1886 (MGH. *Formulae Merovingici et Karolini aevi*). В наши дни сделан перевод двух упомянутых собраний: *Rio A. The Formularies of Angers and Markulf: Two Merovingian legal handbooks*. Liverpool, 2008. Кроме того, несколько статей по проблеме рабства во Франкском королевстве и Империи Каролингов полностью или частично написаны на материале франкских формул VI–VIII вв., например: *Kincl J. Nesvobodni ve franckých formulářových textech // Právněhistorické Studie*. Praha, 1967. S. 5–43; *Rio A. Legal Practice and the Written Word in the Early Middle Ages. Frankish Formulae*, с. 500–1000. Cambridge, 2009. P. 212–237; *Капранова Е.Ю. Раб каролингской эпохи: объект или субъект права? // Древнее право*. 2003. № 1 (11). С. 103–119.

В настоящей работе, построенной с использованием сравнительно-исторического метода, приводятся материалы практически из всех континентальных варварских правд, однако основной упор, в силу специфики выбранной темы, сделан именно на франкские правды.

Анализ источников пополнения рабской прослойки от момента возникновения раннего Франкского государства с королём Хлодвигом во главе в начале VI в. до формирования Империи Каролингов в конце VIII – начале IX в. и занятий отдельных представителей этой прослойки построен исходя из предположения о том, что эти аспекты развития рабства были примерно общими для франков и покорённых франкскими правителями в VI–VIII вв. народов и племён (тюрингов, саксов, фризов и хамавов), на всём протяжении данного временного отрезка. Эта гипотеза вовсе не означает того, что во всех северогерманских и франкских правдах присутствуют одинаковые по содержанию блоки, в которых представлены все возможные пути пополнения рабской прослойки в VI – начала IX в.; однако их сравнение необходимо для понимания динамики формирования и изменения удельного веса источников притока рабов в общество франков эпохи Меровингов и Каролингов.

В этом отношении особенно важно привлечение нарративных источников, которые на конкретных примерах позволяют понять статус и обязанности отдельных представителей лично зависимых людей, а нередко – и пути их попадания в зависимость; они дают возможность, образно говоря, наполнить живым содержанием краткие описания тех или иных категорий зависимого населения, доступные нам из правовых источников, более резко отделить рабов от других подвластных категорий населения.

§1.1. Взятие в плен и захват в военных походах⁴:

Как и для многих других племенных объединений Западной Европы раннего Средневековья, для салических франков конца V – начала VII вв. важнейшим источником пополнения рабской прослойки были вооружённые стычки и рейды на территорию противника за добычей.

К сожалению, Салическая правда практически ничего не говорит о том, насколько был велик удельный вес галло-римского населения в составе зависимой прослойки, сложившейся после завоевания Хлодвигом Северной Галлии и кодификации Urtext Салической правды. Впрочем, из текста её древнейшей редакции становится ясен тот факт, что земли римских крупных землевладельцев и находившиеся на них зависимые люди (рабы, прекарисы и колоны) не были поделены в определённой пропорции между пришлыми германскими завоевателями и оставшимися на них галло-римлянами, как это произошло в случае с вестготами и бургундами⁵. Виллы крупных и средних землевладельцев, которые располагались на территории будущей державы Хлодвига (т.е. в Северной Галлии), как указывают археологические источники, были покинуты хозяевами (отчасти – и их зависимыми людьми)

⁴ Во всех случаях, когда в скобках не указывается конкретная рукопись Салической правды семей А–С или К, а идёт отсылка к целой семье рукописей, нумерация титулов приводится по изданию *Pactus legis Salicae* Эххардта 1962 г. (она расположена на полях и относится не к конкретной рукописи, а к критическому изданию текста А–С, К в целом). Пример: «L. Sal. A : 10,1; B : 13:2» означает то, что рассматриваются тексты титула 10,1 редакции А и титула 13,2 редакции В. Тот же принцип нумерации мы употребляем по отношению к титулам из рукописей семей D–E, имея в виду издание *Lex Salica* 1969 г. того же автора; в обоих случаях название источника будет выглядеть как L. Sal. При отсутствии пояснений перед текстом мы приводим текст первой по номерклатуре рукописи из данной семьи; при необходимости указаний на разночтения мы вводим соответствующие фрагменты в основной текст вместе с номенклатурой рукописи, их содержащей. Текст приводится в упрощённой транскрипции (т.е. буква «u» перед гласной = v; не «seruus», но «servus»); приводятся только те разночтения в основном тексте редакций и в глоссах, которые имеют ключевое значение для толкования социальных процессов в обществе салических франков.

⁵ См. об этом подробнее: *Грацианский Н.П.* О разделах земель у бургундов и у вестготов // СВ. 1942. Вып. 1. С. 7–19; *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 12–14, 18–31, 34–36, 45–49, 87–88; *Jones A.H.M.* *The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey.* Oxford, 1964. Vol. I. P. 248–253.

ещё в начале V в. Лишь немногие мелкие и мельчайшие виллы, не обладавшие большим земельным фондом и практически обходившиеся без рабского труда, оставались рядом с поселениями франков⁶.

Некоторые обедневшие мелкие землевладельцы, бывшие римские колоны⁷ и рабы, возможно, попадали в разряд франкских рабов – *mancipia* и *servi* (особенно на границе с владениями вестготов в Южной Галлии и на левом берегу Рейна, во владениях рипуаров)⁸. Кроме того, ряд колонов и рабов, посаженных на землю римскими магнатами, оказались во владении церкви и королей германцев.

Однако для того, чтобы назвать это господствующей, единственной тенденцией в приобретении франкскими племенами рабов, данных у нас недостаточно⁹. На примере рипуарских франков можно констатировать лишь тот факт, что присутствие галло-римлян в зависимой прослойке зависело от близости к германскому племени, переселившемуся на территорию бывшей римской провинции, крупного римского поселения (в данном случае – Колонии Агриппы, т.е. Кёльна). Однако нигде в источниках не говорится о том, что галло-римское население при завоевании этих территорий

⁶ *Inama-Sternegg K.Th., von. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. 2. Aufl. Leipzig, 1909. Bd. I. S. 159–161; Halsall G. Social identities and social relationships in early Merovingian Gaul // Franks and Alamanni in the Merovingian Period. An ethnographical perspective / Ed. by I. Wood. Woodbridge, 1998. P. 145–147; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Указ. соч. С. 154–156; Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 41–44.*

⁷ Подробный анализ положения различных категорий колонов и лично зависимого населения римских фундусов III–V вв. представлен в работе: *Jones A.H.M. Op. cit. Vol. II. P. 795–803.* См. также: *Bosl K. Freiheit und Unfreiheit. Zur Entwicklung der Unterschichten in Deutschland und Frankreich während des Mittelalters // Idem. Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa: Ausgewählte Beiträge zu einer Strukturanalyse des mittelalterlichen Welt. München; Wien, 1964. S. 196–197.*

⁸ *Корсунский А.Р. О статусе франкских колонов // СВ. 1969. Вып. 32. С. 28; Он же. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 198–200; Verlinden Ch. L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955. T. I. P. 637–638; Bosl K. Op. cit. S. 197.*

⁹ А.Р. Корсунский писал о том, что в сохранившихся римских виллах на севере Галлии и после 486 г. продолжалась эксплуатация захваченных там римских колонов и рабов, сохранявших статус позднеимперского времени (*Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Указ. соч. С. 32–33*). Однако никаких упоминаний о колонах или *servi casati* ни в одной из северогерманских правд нет; кроме того, как отмечал Р. Гюнтер (прим. 6), данные археологии говорят о запустении большинства таких крупных хозяйств.

рипуарами обращалось в рабство и полностью лишалось своих прав; наоборот, за ним в рамках варварского общества были закреплены определённые права, хотя и весьма ограниченные.

«Римляне», как называли в Салической и Рипуарской правдах всех находившихся до прихода германских племён на земли Галлии жителей, были разделены на несколько категорий, ни одну из которых нельзя напрямую сопоставить с рабами или даже колонами позднего Домината¹⁰. Жизнь приближённых к франкскому верховному правителю уроженцев Северной Галлии (его сотрапезников – *conviva regis*) искупалась вергельдом в 300 солидов (в 1,5 раза большим, чем у рядовых франков); владельцы земельных наделов, не принадлежавшие к приближённым короля (*homo possessor et conviva regis non fuerit*), в случае лишения жизни искупались штрафом в размере 100 солидов (в 2 раза меньшим, чем свободные франки); трибутарии же, т.е. податная часть галло-римских сельских жителей – только 45–70 содидами (в зависимости от конкретной рукописи)¹¹. Сумму вергельда,

¹⁰ Упоминания о колонах сохранились в *Lex Romana Visigothorum* и *Lex Romana Burgundionum* – компиляциях римского права, действовавших в пределах поселения римлян в Галлии, которыми, однако, не руководствовались в собственном судопроизводстве салические франки VI в. Такие же свидетельства можно встретить в сборниках юридических формул VI–VIII вв. (Анжерские и Санские формулы, формулы Маркульфа). См. подробнее: *Корсунский А.П.* Указ. соч. С. 28–32.

¹¹ L. Sal. A : 41,8-10; B : 44,6-7,15; C : 41,6-8; D : 69,6-8; E : 68,5-7; K : 43,6-8; S : 11,6-8: Si quis vero romano homine conviva rege occiderit [B-10 – *mal. leudi*, D – *mal. leoti*] cui fuerit adprobatum, XII M din. qui f[aciunt] sol. CCC culp[abilis] iud[icetur]. Si vero romano possessorem [B-10 – *id est, qui res in pago ubi remanet proprias possidet*] et conviva regis non fuerit, qui eum occiderit [A-2 – *malb. uuala leodi*] III M din. qui f[aciunt] sol. C culp[abilis] iudic[etur]. Si vero romanum tributarium occiderit [A-2 – *malb. uuala leodi*], sol. LXIII [A-2, D-7, D-9, E – *LXX*; A-3 – *CXX*; D-8 – *LX*; B, C, K, S – *XLV*] culp[abilis] iud[icetur] («Если же кто-то убьёт человека, римлянина по происхождению, который [будет являться] сотрапезником короля [на суде – «вира»], тот, кто будет уличён, пусть будет должен заплатить 12 тысяч денариев, что составляет 300 солидов. Если же [убьёт] римлянина-посессора [т.е. того, кто владеет собственным имуществом в той сотне, где он обитает], который не будет королевским сотрапезником, пусть тот, кто его убьёт [на суде – «вергельд за чужака-римлянина»], будет должен заплатить 4 тысячи денариев, что составляет 100 солидов. Если [кто-то] убьёт тяглового римлянина (трибутария) [на суде – «вергельд за чужака-римлянина»], будет должен заплатить 45–70 солидов»). Титул 41,8 отсутствует в рукописи A-2: там речь идёт лишь о посессоре с вергельдом в 100 солидов. Кроме того, в A-3 явно присутствует описка: жизнь простого тяглового человека не могла стоить 120 солидов.

равную возмещению за жизнь посессора, устанавливала за жизнь «римлянина» (без выделения социальных градаций) и Рипуарская правда¹².

Это говорит о двух социально-политических тенденциях в отношении римского населения Галлии в VI в. Первая тенденция проявилась в восприятии «римлян» как «чужаков», инородного элемента в составе варварского общества салических и рипуарских франков, обособленных и живущих по собственным законам¹³. Однако вторая, более важная и выраженная, приводила в конце V – начале VI в. не только к сохранению социального статуса галло-римского населения в условиях социальных трансформаций после прихода франков, но и нередко к его повышению (например, возникновению прослойки *conviva regis*). Отсюда становится ясно, почему в варварском обществе Северной Галлии VI в. и более позднего времени, отличающемся значительной социальной мобильностью, практически растворилась категория римских колонов: внушительная часть лично зависимого населения позднеримских вилл перешла в другой социальный статус, став римскими тяглыми людьми (*tributarius*); определённая часть мелких землевладельцев приобрела статус посессоров, а некоторые из них приблизились по своему положению к служилой знати при дворах меровингских королей VI в¹⁴. Видимо, в землях салических и

¹² L. Rib. 40 (36), 3: Si quis Ribvarius advenam Romanum interfecerit, bis quinquagenos solid. multetur («Если какой-то рипуар убьёт иноземца–римлянина, пусть будет оштрафован дважды по 50 солидов»).

¹³ Об этом говорит этимология слова *wal(a)h* (в упрощённой транскрипции): это слово является однокоренным с древнеанглийским *wealh*, которое принято передавать на русский язык термином «уил» – тяглый или лично зависимый человек кельского (для Англии) или галло-римского (для Галлии) происхождения. Действительно, изначально этот социально-правовой термин не несёт в себе никакого негативного смысла и не является коррелятом рабского статуса ни в Англии, ни на континенте: *An Anglo-Saxon Dictionary / Ed. by J.D.D. Bosworth, enlarg. by T.N. Toller. Oxford, 1882. T. I. P. 1173* (первостепенное значение – «римлянин», «кельт», «чужестранец»); *Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. 3. Aufl. Tübingen, 1981. S. 220*. Кроме того, Толлер в статье о слове *wealh* пишет, что оно произошло от названия галльского племени *Volcae*, упомянутого Цезарем; поэтому первоначальный его смысл сводился к значению «иноплеменник».

¹⁴ Мы небезосновательно полагаем, что по мере развития франкского общества в VI–VIII вв. антитеза «франк»–«римлянин» становилась всё более условной, а смешанные браки вели к перемешиванию варваров и галло-римлян на обширных территориях Галлии

рипуарских франков как минимум до середины или конца VI в. сохранялась римская податная система, которая обеспечивала сбор поголовного и поземельного налогов с галло-римского населения; это также препятствовало массовому переходу в рабство и личную зависимость податного населения, находившегося на завоёванных франками территориях¹⁵.

Наибольшее количество примеров захвата в плен иноплеменников и последующего их обращения в рабство среди франкских авторов даёт епископ Турский Григорий. Григорий Турский писал прежде всего церковную историю: хотя политические и военные события у него зафиксированы более подробно, чем деяния святых или история отдельных приходов, он всё же ставил основной своей целью наиболее полно отобразить движение людского рода к божественному началу и влияние этого самого начала на действия отдельных людей и целых народов (в первую очередь – франков). Это совершенно неудивительно: составители варварских правд точно так же апеллировали во вступлениях к этим правовым памятникам к божественному провидению, которое даровало германским правителям и народам их добродетели и законы¹⁶.

раннего Средневековья. Скорее всего, задолго до начала правления Карла Великого социальные категории, подобные *romanus homo*, *conviva regis* и *tributarius*, утратили свою этническую специфику и стали в редакциях D, E, K и S лишь данью древним законам, которые было необходимо передать «слово в слово».

¹⁵ См. об этом подробнее: *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003. С. 235–236. Подробный критический разбор изменения римской системы налогообложения VI–VII вв. и вовлечения в неё франков представлен в книге: *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. СПб., 1907. Т. 3. Франкская монархия. С. 308–360.

¹⁶ См. об упоминаниях в прологах Салической и Лангобардской правд божественного провидения и божественной легитимации королевских законов (с переводом соответствующих пассажей) статью: *Земляков М.В.* «Варварские правды» как источник легитимации королевской власти V–IX вв.: соотношение исторического и мифологического контекстов // Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011. С. 55–56 (L. Sal. Pr. 1: *Gens francorum inclita, auctore Deo condita, fortis in arma, firma pacte fetera, profunda in consilio, corporea nobilis, incolumna candore, forma egregia, audax, velox et aspera, ad catholicam fidem conversa, emunis ab heresa; dum adhuc teneretur barbaro, inspirante Deo, inquerens scienciae clavem, iuxta morem suorum qualitatem desiderans iustitiam, costodiens pietatem... Vivat qui Francus diligit, Christus eorum regnum costodiat, rectores eorundem lumen suae graciae repleat, exercitum protegat, fidem munimenta tribuat; paces gaudia et filicitatem tempora dominancium dominus Iesus Christus pietatem concedat...*), 66–67 (Ed. Roth. Prol.: ... Ob hoc considerantes Dei omnipotentis gratiam, necessarium esse prospeximus presentem

Кроме того, политика милосердия (лат. *miser cordia*), которую должны были осуществлять франкские короли, причастившиеся истинной веры (в отличие от ариан – вестготов и бургундов), предполагала освобождение от оков рабства либо же отношения добровольного подчинения слуги своему господину. Тема освобождения от оков пленников или рабов вообще занимает заметное место в «Истории франков»: так, Григорий Турский, повествуя о чудесах на могиле епископа Медарда, говорит о том, что на ней «мы видим разбитые оковы и разорванные путы узников»¹⁷. Он также приводил и другие случаи падения оков с невинно осуждённых¹⁸.

С другой стороны, епископ Тура также обращал особое внимание на неправедных правителей, предававших и нередко губивших своих союзников, родственников и подданных. Безусловно, для таких правителей, являвшихся одновременно предводителями войска, основной целью войн и конфликтов с соседями являлись получение наживы и захват знатных заложников и пленных. Исходя из того, что нередко пленники упоминаются в одном ряду с награбленными материальными богатствами, можно предположить: многим из них была уготована участь рабов, прислуживающих своим завоевателям¹⁹.

В качестве примера необходимо прежде всего привести известие Григория Турского о нападении данов на франкские территории в начале VI в., основной целью которого был захват пленных, по-видимому, именно для

corregere legem, quae priores omnes renovet et emendet, et quod deest adiciat, et quod superfluum est abscidat... Gri. Prol.: Superiore pagina huius edicti legitur ita, quod adhuc annuente Domino memorare potuerimus de sincolas causas, quae in presente non sunt adfictae...; Liutp. Prol.: Legis quas christianus hac catholicus princeps instituere et prudenter cinsire disponit, non sua providentia, sed Dei notu et inspiratione eas animo concepit, mente pertractat et salubriter opere conplit, quia cor regis in mano Dei est...).

¹⁷ *Greg. Tur.* Hist. IV, 19: Ad cuius beatum sepulchrum vidimus vincitorum conpedes atque catenas disruptas confactasque...

¹⁸ *Ibid.* V, 49; X,6.

¹⁹ Х. Нельзен специально пишет о том, что регулярные войска и «профессиональные» бандиты на протяжении VI в. аккумулировали в своих руках всё новые и новые партии пленных, из которых лишь немногая часть возвращалась в свободное состояние: *Nehlsen H. Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter. Germanisches und römisches Recht in den germanischen Rechtsaufzeichnungen. Göttingen; Frankfurt; Zürich, 1972. Bd. 1. Ostgoten, Westgoten, Franken, Langobarden. S. 262–264.*

обращения их в рабство²⁰. Позднее подобный мотив также наблюдался у бретонцев – жителей одного из самых беспокойных регионов Франкского государства в VI в., который пытались после смерти Хлодвига покорить многие меровингские короли. Во время похода Эбрахара и Бепполена 590 г. многие франкские воины были захвачены в плен и обращены в рабство²¹.

Один из порицаемых Григорием Турским франкских королей, Теодорих (сын Хлодвига), в 531 г. попытался завлечь своих воинов в Овернь обещанием завоевать не только материальные блага, но и пленников²². Интересно, что поход короля Хильдеберта, вторгшегося тогда же в пределы вестготов, описан Григорием Турским в хвалебных тонах: ведь король спасал

²⁰ *Greg. Tur.* III, 3: His ita gestis, dani cum rege suo nomen Chlochilaichum evectu navale per mare Gallias appetunt. Egressique ad terras, pagum unum de regno Theudorici devastant atque captivant, oneratisque navibus tam de captivis quam de reliquis spoliis, reverti ad patriam cupiunt («В таком положении даны вместе со своим королём, именем Хлохилаик, пересекая море, напали на Галлию; и, вступая на сушу, [они] опустошили одну из областей королевства Теодориха и взяли пленных. Нагрузив корабли как пленными, так и прочими награбленными [ценностями], они захотели вернуться на родину»). Франки разгромили Хлохилаика и вернули себе всех пленных. Под королём данов Хлохилаиком подразумевался Хигелак из «Беовульфа».

²¹ *Ibid.* X, 9: Egremente autem exercitu a Britanniis ac transeuntibus amnem robustiores, inferiores et pauperes, qui cum his erant, simul transire non potuerunt. Cumque in litus illud Vicinoniae amnis restitissent, Warocus, oblitus sacramenti atque obsedum, quos dederat, misit Canaonem filium suum cum exercitu, adpraehensisque viris, quos in litore illo repperiaerat, vinculis alligat, resistentes interfecit ... («Когда войско выходило из [земель] бретонов и все знатные [франки] переправились [на другой берег Вилена], простые и бедные, которые были с ними [знатными], не смогли так же переправиться. И пока все оставались на берегу того Вилена, Варох, забыв о клятвах и заложниках, которых он дал, послал своего сына, Канаона, с войском; и когда люди, которых обнаружили на том берегу, были схвачены, [на некоторых] наложили оковы, оставшихся убили»). Интересный момент: впоследствии эти люди «вместе с вощёными табличками, подобно свободным, были возвращены восвояси», а не просто отпущены (*Ibid.*: Dimissi sunt postea multi a coniuge Waroci cum cereis et tabulis quasi liberi et ad propria sunt regressi). Следовательно, бретонцы планировали сделать из захваченных в плен inferiores et pauperes рабов.

²² *Ibid.* III, 11: At ille infidelis sibi exhistimans ait: 'Me sequimini, et ego vos inducam in patriam, ubi aurum et argentum accipiatis, quantum vestra potest desiderare cupiditas, de qua pecora, de qua mancipia, de qua vestimenta in abundantiam adsumatis. Tantum hoc ne sequamini!'... Ille vero illuc transire disponit, promittens iterum atque iterum exercitu cuncta regionis praedam cum hominibus in suis regionibus transferre permittere («Однако он, полагая неверными себе [жителей Клермона], сказал: «Идите за мной, и я приведу вас в края, где вы получите золота и серебра столько, сколько сможет пожелать ваша алчность; вы в изобилии возьмёте от скота, от рабов, от одеяний. Только не следуйте этому [призыву Хлотаря и Хильдеберта идти в Бургундию]»... Он же намеревался туда пойти, вновь и вновь сулил войску, что позволит [ему] перевезти всё награбленное вместе с людьми в свои края из [той] области»).

свою сестру Хлотхильду от притеснений её мужа, короля Амалариха, и не только не захватил пленных, но и раздал захваченную его воинами богатую церковную утварь бедным²³. Предположение о том, что воины Теодориха желали захватить пленных именно с целью их обращения в рабский статус, мы встречаем при описании епископом города Тура обстоятельств осады города Марлака (*castrum Meroliacenses*)²⁴.

Также, в целях порицания тех церковных иерархов, которые пользовались своими должностью и влиянием не для направления своей паствы к истинной вере и спасению, а для наживы и умножения собственных богатств и числа зависимых людей, епископ Григорий приводит историю лангрского диакона Лампадия, который бесстыдно обирал франков, отнимал у них виллы и даже рабов (*mancipia*)²⁵.

Епископ Григорий даёт понять то, что и знатные люди, взятые в качестве заложников, далеко не всегда возвращались в свои земли за высокий выкуп; их также могли обратить в рабство. Показателен случай, рассказанный им о пленённом юноше Аттале, подданном нейстрийского короля Хильдеберта и родственнике лангрского епископа Григория²⁶. Для

²³ Ibid. 10.

²⁴ Ibid. 13: *Tunc obsessi Meroliacensis castris, ne captivi abducerentur, redemptione data, liberantur* («Тогда осаждённые в крепости Марлак, чтобы не быть взятыми в плен, освободились [от зависимости], заплатив выкуп»). Из этого пассажа вполне можно сделать заключение о том, что при захвате крепости они, скорее всего, были бы порабощены; родственники тех из них, которые были схвачены осаждавшими при неудачной вылазке за пределы крепостных стен, заплатили за их жизнь по одному триенту.

²⁵ Ibid. V, 14: *Qui, accepto episcopatu, cognoscens, quod Lampadius multum de rebus fraudasset ecclesiae ac de spoliis pauperum agros vineasque vel mancipia congregasset, eum ab omni re nudatum a praesentia sua iussit abigi* («Он [епископ Лангра Муммол], когда принял епископство, узнав, что ранее Лампадий отнял множество церковного имущества, так же, как собрал [у себя множество] награбленного у бедных – полей, виноградников и челяди, которого, лишённого всего имущества, он приказал прогнать с глаз своих»).

²⁶ Ibid. III, 15: *Theudoricus vero et Childiberthus foedus inierunt, et dato sibi sacramento, ut nullus contra alium moveretur, obsedes ab invicem acciperunt, quo facilius firmarentur, quae fuerant dicta. Multi tunc filii senatorum in hac obsidione dati sunt, sed orto iterum inter reges scandalum, ad servitium publicum sunt addicti; et quicumque eos ad custodiendum accepit, servus sibi ex his fecit. Multi tamen ex eis per fugam lapsi, in patriam redierunt, nonnulli in servitio sunt retenti. Inter quos Attalus, nepus beati Gregori Lingonici episcopi* («Теодорих же и Хильдеберт заключили договор, и, дав клятву, что ни один не двинется [войной] на другого, приняли друг от друга заложников, чем охотно подтверждалось то, что было

того, чтобы вернуть его из рабской зависимости, предпринимались сначала попытки его выкупа у нового австразийского господина, к которому он попал в плен. Эти попытки окончились неудачей²⁷. Затем помочь в этом деле вызвался некий человек по имени Леон, который был поваром у епископа²⁸. По прошествии некоторого времени последний приобрёл значительный вес в доме «варвара» (т.е. австразийского человека, захватившего Аттала): в частности, он получил «власть над всем, что его господин имел под рукой, и [господин] почитал его очень сильно, а тот всем, кто были с ним, раздавал хлеб и мясо»²⁹.

Рассказ Григория Турского примечателен тем, что в данном случае сочетается два вида порабощения свободных людей: взятие в плен (знатного юноши Аттала)³⁰ и продажа в рабство (повара Леона). Кроме того, епископ Турский Григорий отдавал себе отчёт в том, что у захваченных в плен и порабощённых людей статус мог быть различным, причём он совершенно не

сказано. Тогда в такое заложничество были отданы многие сыновья сенаторов, но, при начале ссоры между королями, они были преданы [в руки господ] для простого услужения [в качестве слуг или рабов?]. И каждый из тех, кто принял их в услужение, превратил их в рабов [досл. «сделал себе из них рабов»]. Хотя многие из тех [слуг] сбежали, вернулись в [свою] землю, некоторые удерживались в рабской зависимости, среди них – Аттал, племянник блаженного Григория, лангрского епископа»).

²⁷ Согласно рассказу Григория Турского, слугам епископа ответили буквально следующее: «Только лишь десять фунтов золота должно выплачивать за [юношу из] такого рода?» (Ibid. 'Nec tali generatione decem auri libras redimi debet').

²⁸ Ibid.: ... Leo quidam ex cocina domini sui ait: 'Utinam me permitteris, et forsitan ego poteram eum reducere de captivitate'... Tunc locatum secum hominem quendam, ait: 'Veni mecum et venunda me in domo barbari illius, sitque tibi lucrum praetium meum, tantum liberio rem aditum habeam faciendi id quod decrevi' (Некий Леон из числа поваров этого господина сказал: «Если ты мне позволишь, то я, быть может, смогу увести его из плена»... Тогда он вместе с неким человеком, говоря: «Иди со мной и продай меня в дом того варвара, и да будет тебе наградой цена за меня [12 золотых монет], только бы я имел прямую возможность совершить то, на что я решился»).

²⁹ Ibid.: Dominus enim dedit gratiam puero huic, et accepit potestatem super omnia quae habebat dominus suus in promptu diligebat eum valde, et omnibus qui cum eo erant ipse dispensabat cibaria et pulmenta.

³⁰ Он был затем, согласно повествованию Григория, «продан в рабство для обычной службы и предназначен к охране коней» (mancipatus est custosque equorum distinctus). Обратим также внимание на то, что при этом его хозяин назван «неким варваром из области Трира» (erat enim intra Treverici termini territorio cuidam barbaro serviens); означает ли это, что рипуары и другие германские племена восточно-франкского ареала расценивались епископом Тура как более низкие по статусу люди, чем салии – остаётся только догадываться.

зависел от положения последних в прежнем социуме. В конечном счёте именно «слуга двух господ»³¹ – повар Леон, спас племянника епископа от личной зависимости и тайно привёл его на родину, за что он получил свободу вместе со своей супругой и всеми потомками³².

§ 1.2. Обращение в рабство как наказание за преступления:

Рабство и рабская зависимость одного человека от другого также рассматривалось как судебное наказание. Некоторые преступления, будучи раскрытыми, автоматически влекли за собой понижение социального статуса представителя свободной прослойки «варварского общества».

Одним из преступлений, за которое чаще всего применялось порабощение личности, было сожительство свободных и несвободных (либо добровольный уход свободной женщины к рабу, очевидно, также с целью последующего сожительства). Это наказание принято объяснять следующим образом: взяв в жёны зависимую женщину или сожительствова с ней, свободный человек мог рассматриваться в качестве соперника её господина, самим фактом сожительства бросая вызов его власти над свободными и зависимыми домочадцами, пытаясь лишить его части движимого имущества и власти патриарха. Особенно явной такая правовая коллизия становилась при попытке сожительства со служанкой или рабыней короля: тем самым преступник посягал на власть верховного правителя племени или территориального объединения племён, на его возможность осуществлять мундебюрд (т.е. личное покровительство и защиту) любому из членов этого племени. Если же замуж за раба выходила свободная женщина, то уже лично

³¹ Свой рабский статус Леон подтвердил фразой, которую он сказал господину–«варвару» в ночь перед побегом: «Ego sum Leo servus tuus». Тем не менее, он имел даже доступ в покои «варвара», т.е. не был рядовым рабом из числа господской челяди.

³² Ibid.: Gavisus autem pontifex... Leonem... a iugo servitutis absolvens cum omni generatione sua, dedit ei terram propriam, in qua cum uxore ac liberis liber vixit omnibus diebus vitae suae («А ликовавший понтифик... освободив Леона вместе со всем его потомством от ярма рабства, дал тому собственную землю, на которой он прожил все дни своей жизни вместе с супругой и детьми»).

зависимый человек нарушал гегемонию своего господина: ведь, по логике германского правового обычая, он должен был принять власть и мундебюрд над своей женой, чего не мог сделать в силу собственного бесправия.

По этой причине создавшаяся правовая коллизия разрешалась путём передачи в рабство нарушителя мужского пола и добровольно последовавшей за ним женщины господину раба³³.

Наличие практики конкубината и сожительства свободных салических франков с чужими рабынями (в т.ч. служанками короля), а также женщин из свободного рода с рабами других господ зафиксировано уже в самом раннем тексте (Urtext) Lex Salica начала VI в. Такого рода браки пресекались законодателем путём порабощения свободной «половины» незаконного брачного союза:

A-1	A-2 – A-4	C	D, E	K, S
13,8: Si vero ingenuam puellam de illis suam voluntatem servum secuta fuerit, ingenuitatem suam perdat ³⁴ .	13,8: Si vero ingenuam quemcumque de illis suam voluntatem secuta fuerit, ingenuitatem suam perdit [A-3 – amittat].	13,7 Si vero ingenua femina cuicumque de illis secuta fuerit sua voluntate, ingenuitatem suam perdat.	14,7 (14,4): Si vero ingenua femina quicumque de illis sua voluntate secuta fuerit, ingenuitatem suam perdat.	14,7 (23,7): Si vero ingenua femina quemque de illis sua voluntate secuta fuerit, ingenuitatem suam perdat.
13,9: Ingenuus si ancilla aliena prisserit similiter paciatur ³⁵ .		13,8: Si ingenuus ancillam alienam in coniugium preheserit [B-10 – malb. honomo, onemo; C-6 – malb. honema], cum ea ipse in servicio permaneat ³⁶ .	14,10 (14,7): Si quis ingenuus ancillam alienam priserit [D-8 – D-9: sociaverit; E-11 – E-16: acciperit] in coniugio, mal. bonimo, ipsi cum ea in servitio implicetur.	14,11 (24,11): Si quis ingenuus ancillam alienam in coniugio acceperunt, ipsi cum ea in servitium implicetur.
25,5: Si vero ingenuus ancilla aliena publice se iunxerit, ipse cum	25,3: Si quis ingenuus cum ancillam alienam publice iunxerit, ipse	25,6: Si quis francus cum ancilla aliena sibi publice iunxerit, ipse cum ea in		27,3 (67,3): Si Francus ancillam sibi publice iunxerit,

³³ *Фюстель де Куланж Н.Д.* Указ. соч. СПб., 1907. Т.4. Аллод и сельское поместье в меровингскую эпоху. С. 353–356.

³⁴ «Если же свободная девушка из них за рабом по своей воле последует, пусть лишится своей свободы».

³⁵ «Свободный, если он захватит чужую рабыню, пусть пострадает точно так же».

³⁶ «Если свободный примет чужую рабыню в жёны [на суде – «отнимающий рабыню»], пусть переходит вместе с ней в рабство».

ea in servitute permaneat ³⁷ .	cum eam in servicio cadat [A-3, A-4 – permaneat].	servitio permaneat.		ipse cum ea in servitio permaneat.
25,6: Similiter et ingenua si servo alieno in coniugio acceperit in servitio permaneat ³⁸ .				

Как можно заключить на основе текстологического анализа соответствующих титулов в пяти семьях рукописей Lex Salica (текст рукописи семьи В, на которую опирался Герольд, в целом должен был быть сходен в семьёй А), от начала VI в. (семья А) до первой половины IX в. (семья S), несмотря на небольшие вариации в написании социальных категорий (замена *ingenuus* на *francus*, *puella* на *femina*), смысл постановлений не претерпел значительных изменений. Самым важным добавлением к основному тексту Салической правды, раскрывающим сущность отдельно взятого казуса, можно считать глоссы в текстах издания Герольда, семьи С и D (В : 13,9 – «malb. honomo»; С : 13,8 – «malb. honema»; D : 14,10 – «malb. bonimo»), которые К.А. Экхардт в издании 1955 г. переводил как «отнимающий жену» (нем. Ehe-Nehmer)³⁹. Фон Ольберг предлагала несколько иной перевод этих глосс, а именно – «похититель / совратитель служанки»⁴⁰. Её интерпретация основывалась на том, что препозит *ho-* сходен с древневерхненемецкими корнями *hio-*, *hia-*, *hiwun-*, означавшими зависимых членов в составе господского хозяйства, которых принято называть челядью.

³⁷ «Если же свободный открыто соединится браком с чужой рабыней, пусть он пребывает с ней в рабском состоянии».

³⁸ «Точно так же и свободная, если она примет в мужья чужого серва, пусть пребывает в рабском состоянии».

³⁹ Этимологию этого слова ван Хельтен, один из наиболее авторитетных исследователей франкских глосс начала XX в., возводит к сочетанию слов *hia* / *hiwa* / *hija* (древневерхненем., древнесакс. «жена») и *neto* («тот, кто берёт»). *Helten W., van. Op. cit. S. 328–329.* Существительное *hiwa* имеет прямого «родственника» в древнеанглийском языке права, где оно означало зависимого челядина в составе господского хозяйства (*heowan, hiwan, higan* – *Wi. 14*): *An Anglo-Saxon Dictionary. P. 538; Schützeichel R. Op. cit. S. 85.*

⁴⁰ *Olberg G., von. Op. cit. S. 238–240.*

Эти глоссы маркируют положение и статус рабынь в семье: зависимые люди рассматривались как часть семьи господина, над которой он имел власть такую же, как над прочими домочадцами (в т.ч. и собственной женой). Выражение «отбирать (сворачивать) служанку» совершенно не означало того, что домохозяин держал всех своих рабынь в наложницах или исключительным образом заботился об охране их нравственности; однако его власть над зависимой челядью была для франкских законодателей VI в. (тех, которые применяли глоссу в повседневном судопроизводстве) идентична мундебюрд (т.е. покровительству) главы семейства над собственной женой.

Отсутствие во всех прочих рукописях, кроме А-1, титула 25,6 об обращении в зависимость свободной за то, что она вышла замуж за раба, на наш взгляд, говорит лишь о фигуре умолчания, которую использовали составители *Lex Salica*, начиная со второй трети VI в.: отсутствие параграфа именно в таком варианте не означало сокращения или исчезновения соответствующей практики во франкском обществе; в данном случае свободные мужчины и женщины должны были нести одинаковое наказание.

Также способом наказания за подобный проступок в отношении «рабынь высшей категории» (королевских служанок) служила выплата королю стоимости нарушения его мира (т.е. фактически королевского мундебюрда за его служанку)⁴¹.

В более позднем законодательстве франкских правителей, в частности, в *Capitulare III* (середина VI в.), отмечено даже наказание в виде постановки свободной женщины вне закона за попытку соединить себя браком с рабом, что говорит об активной борьбе правоприменителя с этим общественным явлением на протяжении VI в.⁴² Соответственно, наказание для свободной

⁴¹ L. Sal. A : 13, 6; B : 14,5; C : 13,6; D : 14,5; E : 14,2; K : 14,5; S : 13,5: Si vero puella qui trahitur in verbum regis fuerit, fritus exinde 2500 din. qui f[aciunt] sol. LXIII est. Вплоть до времени Карла Великого содержание этого титула остаётся неизменным; в редакциях С и К лишь на ½ солида уменьшается сумма штрафа.

⁴² Cap. III, 99, 1–2: Si quis mulier quis cum servo suo in coniugio copulaverit, omnes res suas fiscus adquirat et illa aspellis faciat. Si quis de parentibus eum occiderit, nullus morte illius nec

женщины также ужесточается: происходит переход от наказания–«заменителя» смертной казни к казни реальной. Капитулярий, дополнявший текст Салической правды и изданный Людовиком Благочестивым около 819 г. (*Capitula legi Salicae addita a. 819*), также требовал не только обращать в рабство свободных людей, выбравших в качестве своей второй половины раба или рабыню, но и передавать всё их имущество в пользу их господина; фактически это во многих случаях означало также порабощение детей, рождённых в свободном состоянии и лишившихся всякой финансовой помощи от законодателя⁴³.

Однако исключение из правила, по которому франк, взявший в жёны рабу или литку (а равно и вышедшая замуж за раба женщина), должны были перейти в личную зависимость к их господину, составляли представители высших слоёв франкского общества конца V – конца VI вв. В частности, Григорий Турский неоднократно отмечает случаи женитьбы королей на собственных служанках и рабынях⁴⁴. Такие случаи были известны и

parentes nec fiscus [K-17 – *filius*] requiratur. Servus ille pessima truciato [K-17 – *poena*] ponatur, hoc est ut in rota mittatur. Et vero muliere [K-17 – *mulier*] ipsius de parentibus aut quaelibet panem aut hospitem dederit, sold. XV cul[pabilis] iud[icetur] («Если какая-то женщина соединится со своим рабом браком, пусть всё её имущество перейдёт в казну и сама она будет объявлена вне закона. Если кто-то из родственников её убьёт, пусть за её смерть ничего не взыскивают ни родственники, ни казна [ни сын]. Раб же пусть будет подвергнут наихудшему наказанию, то есть пусть он будет привязан к колесу. А если же кто-то из родственников предоставит этой женщине пропитание или убежище, пусть будет должен заплатить 15 солидов»). Подробно смысл выражения «et illa aspellis faciat» разобран в монографии: *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956. С. 131–133.

⁴³ Cap. 142 (*Cap. legi Salicae addita. a. 819*). 6: [...] Iudicatum est ab omnibus, ut, si ingenua femina quemlibet servum in coniugium sumpserit, non solum cum ipso servo in servitio permaneat, sed etiam omnes res quas habet, si eas cum parentibus suis divisas tenet, ad dominum cuius servum in coniugium accepit perveniant [...] Similiter et si Francus homo alterius ancillam in coniugium sumpserit, sic faciendum esse iudicaverunt («Всеми решено, чтобы, если свободная женщина примет в мужья какого-либо раба, она пребывала в рабстве не только сама с этим рабом; но пусть также и всё имущество, которым она обладает, если оно было разделено с её родителями, переходит к господину того раба, которого она приняла в мужья... Равным образом все приговорили поступать и в случае, если [свободный] франк возьмёт в жёны рабыню другого [человека]»). Нумерация капитуляриев арабскими цифрами здесь и далее, если не указывается иное, приведена по изданию: *Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883 (MGH. Capit. 1)*.

⁴⁴ *Greg. Tur. Hist. IV, 3*: Cum iam Ingundem in coniugio accipisset et eam unico amore diligeret, suggestionem ab ea accepit, dicentes: „Fecit dominus meus de ancilla sua quod licuit et

Фредегару⁴⁵. При этом они, естественно, никогда не впадали в рабскую зависимость от господ этих рабынь или их родственников (поскольку последние сами находились под властью королей), хотя нередко такие связи отмечались Григорием Турским как порочащие королевское достоинство⁴⁶. Примечательно то, что Фредегар также считал подобное поведение короля недопустимым, но только с моральной и религиозной точки зрения⁴⁷. На королевские сан и достоинство при этом такие связи не оказывали ни малейшего влияния.

suo me stratui adscribit... Praecor, ut sorore meae, servae vestrae, utilem atque habentem virum ordinare dignimini, unde non humiliter, sed potius exaltata servire fidelius possem'... Quod ille audiens... eamque sibi in matrimonio sociavit («Когда он [Хлотарь] уже взял в жёны Ингунду и её любил исключительной любовью, он получил от неё совет. Она говорила: «Мой господин сделал из своей рабыни, как ему было угодно, и меня к себе на ложе охотно принял. Умоляю, чтобы Вы моей сестре, Вашей рабыне, благоволили назначить разумного и состоятельного мужа, чтобы я могла ещё более преданно служить Вам, возвышенная этим»... Когда он услышал [об этом], то взял её [Арегунду, сестру Ингунды] себе в жёны»); Ibid. 25–26: Gunthchramnus autem rex bonus primo Venerandam, cuiusdam suorum ancillam, pro concubina toro subiunxit; de qua Gundobadum filium susceperit... Porro Charibertus rex Ingobergam accepit uxorem... Habebat tunc temporis Ingoberga in servitium suum duas puellas pauperis cuiusdam filias... in quarum amore rex valde detenebatur. Erant enim, ut diximus, artificis lanariae filiae... [Charibertus rex] reliquit Ingobergam et Merofledem accepit. Habuit et aliam puellam opilioris, id est pastoris ovium, filiam, nomen Theudogildem... («А добрый король Гунтрамн вначале принял в качестве наложницы Венеранду, одну из своих рабынь, от которой он получил сына Гундобада... Далее король Хариберт взял в жёны Ингобергу... Тогда у Ингоберги были в её услужении две служанки – дочери некоего бедняка... к которым король весьма воспылал любовью. Были же они, как мы говорили, дочерьми шерстобита... [Тогда король Хариберт] оставил Ингобергу и взял [в жёны] Мерофреду, [одну из дочерей шерстобита]. Также у него была другая служанка, дочь овчара, т.е. пастуха овец, по имени Теодогильда...»).

⁴⁵ *Fredeg.* IV, 35: Anno 13. regni Teuderici, cum Theudebertus Bilichildem habebat uxorem, quam Brunehildis a negociatoribus mercaverat, et esset Bilichildis utilis et a cunctis Austransiis vehementer diligeretur... Dum ab ipsa increpabatur, quod ancilla Brunehilde fuisset («На 13-ом [607 / 608] году правления Теодериха Теудеберт взял в жёны Билихильду, которую Брунгильда купила у [рабо]торговцев», и она оказалась разумной, и охотно полюбила всё австразийское... В то же время [Брунгильда] её попрекала в том, что она была рабыней Брунгильды»); Ibid. IV, 58: ...Ibique Gomatrudem reginam Romiliaco villa, ubi ipsa matrimoniam accipiens, reliquens, Nantechildem unam ex puellis de menisterio matrimonium accipiens, reginam sublimavit («И, оставив королеву Гоматруду в вилле Рёйи, где он взял её в жёны, [король Дагоберт] женился на одной из своих девушек – служанок, Нантильде, сделав её королевой»).

⁴⁶ См. подробнее: *Brunner H.* Die uneheliche Vaterschaft in den älteren germanischen Rechten // ZSSR. GA. 1896. Bd. 17. S. 1–4.

⁴⁷ См., например: *Fredeg.* IV, 60.

§ 1.3. Долговое рабство и добровольный переход в зависимость:

Данный способ обращения в рабство свободных людей был описан ещё Публием Корнелием Тацитом в соответствующем месте его сочинения «Германия» («О происхождении и местоположении германцев»). Однако у него сведения античных авторов и торговцев о соответствующих обычаях германцев приняли несколько гротескную форму⁴⁸, поэтому нельзя однозначно говорить о том, что этот способ порабощения был повсеместно распространён в среде германских племён I в. н.э.

Древнейшая редакция Салической правды не упоминает о подобном пути попадания в зависимость; в результате разорения или неисполнения долговых обязательств отдельно взятый человек мог быть принуждён королевской властью (в лице её агентов на местах – графов) к конфискации имущества, однако не обращению в рабство⁴⁹. Нет прямых сведений о добровольной отдаче в рабскую или личную зависимость и в *Lex Ribvaria*. Но на факт попадания в долговое рабство указывает текст достаточно архаичной Фризской правды. Она подробно регламентирует судебную процедуру в отношении самозаклада и добровольной отдачи под покровительство более богатого соплеменника⁵⁰. В этой же правде рассматриваются случаи, когда

⁴⁸ *Tac. Germ.* 24: Aleam, quod mirere, sobrii inter seria exercent, tanta lucrandi perdendive temeritate ut, cum omnia defecerunt, extremo ac novissimo iactu de libertate ac de corpore contendunt. Victus voluntariam servitutem adit; quamvis iuvenior, quamvis robustior, alligare se ac venire patitur. Ea est in re prave pervicacia; ipsi fidem vocant. Servos conditionis huius per commercia tradunt, ut se quoque pudore victoriae exolvant («Что поразительно, будучи трезвыми, они предаются игре в кости как важному [делу], с такой одержимостью победой и проигрышем, что, когда они расстались со всем [имуществом], что при последнем и решающем броске они спорят [с соперником] о свободе и теле. Побеждённый переходит в добровольное рабство; насколько бы он не был моложе и сильнее [победителя, он] позволяет себя связать и отвести [на продажу]. Такова [их] непреклонность в [этом] порочном деле; они зовут [это] честностью. Рабов такого рода продают на торговых рынках, чтобы также избавиться от постыдности победы»). Текст приводится по изданию: *Cornelii Taciti Germania in usum scholarum recognita a Mauricio Hauptio*. Berlin, 1855.

⁴⁹ *Неусыхин А.И.* Указ. соч. С. 134–135. Достаточно подробно на основе формул VI–IX вв. формы продажи в рабство представлены в статье: *Капанова Е.Ю.* Указ. соч. С. 109.

⁵⁰ *L. Fris.* XI, 1: Si liber homo spontanea voluntate, vel forte necessitate coactus, nobili seu libero seu etiam lito in personam et in servitum liti se subdiderit et postea se hoc fecisse negare

обращение в личную зависимость могло быть оспорено⁵¹. Наличие подобной процедуры для фризов, достаточно архаической по набору своих составляющих (судебная клятва, судебный поединок, сбор соприсяжников), даёт некоторые основания предполагать общегерманские корни обращения в долговое рабство, которое могло присутствовать также и у франков VI – начала VII в. По крайней мере, как будет показано в заключительном параграфе главы I, в обществе салических франков VI в. широко был

voluerit, dicat ille qui eum pro lito habere visus est: “Aut ego te cum coniuratoribus meis sex, vel septem, vel decem, vel duodecim vel etiam viginti, sacramento meo mihi litum faciam, vel tu cum tuis coniuratoribus de mea potestate te debes excusare”. Si ille tunc iurare velit, iuret et servitute liberetur. Si autem iurare noluerit, ille qui eum possidere videbatur iuret, sicut condixit, et habeat illum sicut ceteros litos suos («Если свободный человек по доброй воле, или вынужденный под влиянием обстоятельств, отдаст себя знатному человеку, или свободному, или же литу в статус и услужение лита, и после того пожелает отречься [от того], что он это сделал, пусть скажет тот, который считает, что имеет [власть над ним] как литом: «Или я со своими свидетелями 6, или 7, или 10, или 12, или же 20, при помощи своей [судебной] клятвы сделаю тебя литом по отношению к себе [навечно?], или ты со своими свидетелями должен защищаться». Если он тогда пожелает клясться, пусть клянётся, и освобождается от услужения; если же не захочет клясться, пусть клянётся тот, кто считает, что он владеет им, таким образом утвердит и будет иметь того [лита] так же, как и прочих своих литов»).

⁵¹ Ibid. XI, 2–3: Si litus semetipsum propria pecunia a domino suo redemerit et unum vel duos vel tres vel quotlibet annos in libertate vixerit et iterum a domino de capitibus sui conditione fuerit calumniatus, dicente ipsi domine: “Non te redemisti, nec ego te libertate donavi”, respondeat ille: “Aut tu cum iuratoribus tuis sex, vel duodecim, vel viginti, vel etiam si triginta dicere voluerit, me tibi sacramento tuo ad servitutem adquire, aut me cum meis iuratoribus tantis, vel tantis, ab hac calumnia liberare permitte”. Si ille qui dominus eius fuerat cum totidem hominibus, quot ei propositi sunt, iurare velit, conquirat eum sibi ad servitutem; sin autem, iuret alter et in libertate permaneat”. Si aut calumniator, aut ille cui calumnia irrogata est, se solum ad sacramenti mysterium perficiendum protulerit et dixerit: “Ego solus iurare volo, tu, si audes, nega sacramentum meum et armis mecum contende”, faciat etiam illud, si hoc eis ita placuerit: iuret unus, et alius neget, et in campum exeant. Hoc et superiori capitulo constitutum est («Если лит самостоятельно выкупится у своего господина собственными деньгами, и проживёт 1, или 2, или 3, или сколько-то лет на свободе, и будет заявлено сомнение господином относительно его [свободного] состояния, когда скажет господин: «Я тебя не выкупал, я тебе не давал свободу»; пусть ответит тот [лит]: «Или ты со своими 6, или 12, или 20, или же 30 свидетелями пожелаешь заявить, что ты меня приобретаешь в услужение, посредством своей [судебной] клятвы, или позволь мне освободиться от этого обвинения со своими свидетелями, равными числом». Если тот, кто был его господином, с таким числом людей, которое ему установлено [законом], захочет поклясться, пусть забирает его к себе в услужение; а если же нет, пусть клянётся тот другой, и [бывший лит] остаётся на свободе. Если обвинитель или тот, кому предъявлено обвинение, сам по себе [т.е. без свидетелей] обратится к священному таинству клятвы и скажет: «Я в одиночку желаю поклясться: ты [т.е. бывший господин], если слышишь, отрицай мою клятву, и сразись со мной при помощи оружия», да совершит это таким образом, если то им будет угодно: пусть поклянётся один, и пусть отвергнет [клятву] другой, и пусть выходят в поле [на судебный поединок]»).

представлен слой литов, статус которых приблизительно соответствовал статусу литов Фризской правды; если принять во внимание это обстоятельство, нетрудно предположить, что часть франкских литов также попадала в личную зависимость в результате добровольного акта коммендации⁵².

Кроме того, конфискация всего имущества, известная из текста Салической правды, ставила свободного франка вне закона; одним из вариантов физического выживания в данном случае как раз могла стать передача самого себя в услужение более богатого и влиятельного соплеменника, который мог защитить лишённого мира человека от нападков окружающих.

§ 1.4. Кража рабов или продажа свободных в рабство:

На протяжении VI – начала IX вв. многие северогерманские варварские правды (не только франкские) дают нам представление о масштабах насильственного захвата свободных и зависимых людей, а также продажи свободных в рабство. В древнейшей части *Lex Salica* неоднократно упоминается практика захвата зависимых людей и непривилегированных франков. Такая практика была широко распространена ещё с начала VI в. и касалась не только кражи и переманивания чужих рабов с целью использования их труда новым господином⁵³, но и с целью получения

⁵² См. подробнее: *Петрушевский Д.М.* Указ. соч. С. 242–243, 248–249.

⁵³ Хотя в рукописях различных семей *L. Sal.* соответствующие титулы несколько отличаются по содержанию, в целом их смысл и размер санкций остаются практически неизменными. *L. Sal.* A : 10, 1; B : 11,1: *Si quis servo aut caballo vel iumentum furaverit, mal. alfalchio* [A-2 – *teoducco*; B-10 – *theu tha texaca*] hoc est I MCC din. [A-2, A-4, B – I MCCC] qui f[aciunt] sol. XXX [A-2, A-4, B – XXXV] culp[abilis] iud[icetur] («Если кто-то украдёт раба, или коня, или упряжное животное, т.е. на суде – «ограбление» [«переманивание рабов», «похищение рабов»], пусть будет должен заплатить 1200 [1400] денариев, которые составляют 30 [35] солидов»); *Ibid.* C : 10,3; H : 11,2; K : 11,3; S : 42,3: *Si quis servum alienum occiderit vel vindiderit aut ingenuum dimiserit, sol. XXXV culp[abilis] iud[icetur]* («Если кто-то убьёт, или продаст чужого раба, или отпустит его [в статусе] свободного, пусть будет должен заплатить 35 солидов»); *Ibid.* C : 10,4: *Si quis ancillam alienam furaverit, malb. texeca* [C-6 - *teothexaca*] sol. XXX culp[abilis] iud[icetur] («Если кто-то украдёт чужую

материальной выгоды от торговли с последними⁵⁴. Розыск беглых рабов и процесс подтверждения их принадлежности владельцу уже в начале VI в. являлся довольно сложной и развитой процедурой⁵⁵, требовавшей присутствия свидетелей с той и другой стороны⁵⁶. Многие категории лично зависимых людей, в отношении которых употребляется насилие, рядом с обозначением своего статуса имеют указание на цену, которой они были эквивалентны во франкском обществе начала VI в. Несмотря на то, что эта сумма не говорит нам напрямую о стоимости раба при его покупке или продаже, тем более – не даёт оснований утверждать то, что он был приобретён своим господином на стороне, сопоставление стоимости жизни

рабыню, на суде – «похищение» [рабов], пусть будет должен заплатить 30 солидов»); Ibid. H : 11,2: ...De ancilla vero solidos XXX; D : 11,1; E : 11,1; K : 11,1; S : 42,1: Si quis servum aut ancillam furaverit et ei fuerit adprobatum, mal. theostexaca, sol. XXX culp[abilis] iud[icetur] exсер[to] cap[itale] et dela[tura] (Если кто-то украдёт раба или рабыню и будет ими признан [на суде], на суде – «похищение рабов», пусть будет должен заплатить 30 солидов, не считая убытков и стоимости похищенного [раба]).

⁵⁴ Ibid. B : 11,4; C : 10,5; D : 11,4; E : 11,4; K : 11,4; S : 42,4: Si homo ingenuus alienum servum in texeca secum ducat [D – involare duxerit; E – ad furtum faciendum duxerit] aut aliquid cum ipso negociat, sol. XV [B-10 – malb. theu lasina DC denar. qui faciunt solidos XV; D – mal. theolasina] cul[pabilis] iud[icetur] [K-17 – excepto capitale et delatura] («Если свободный человек уведёт вместе с собой чужого раба [для совершения кражи] или чем-либо будет торговать с ним [на суде – «сманивание раба»], пусть будет должен заплатить 15 солидов [600 денариев, которые составляют 15 солидов], [не считая убытков и стоимости похищенного [раба]]).

⁵⁵ См. об этом процессе: Balon J. Traité de Droit Salique. Etude d'exégèse et de sociologie juridique. Namur, 1965. T. 2. P. 342–345.

⁵⁶ Ibid. A : 47,1; B : 50,1; C : 47,1; D : 82,1; E : 81; K : 49,1; S : 59: Si quis [D, E, K, S – qui lege Salica vivit] servum [A-2 – A-4, B, D, E, K, S – aut ancillam] aut caballum vel bovem [B, C, K, S – aut iumentum] aut qualibet rem [A-3 – pecus] super alterum [B, K, S – sub alterius potestate] agnoverit, mittat eum in tertia manu. Et ille super quem cognoscitur debeat agramire, et sic eligere aut carbonariam [B – aut citra mare] ambo manent et qui agnoscit et apud quem cognoscitur, in noctes XL placitum faciant, et inter ipso placito qui interfuerit qui caballo ipso aut venderit aut cambiaverit [A-4 – aut fraudasset] aut fortasse in solitudinem dederit. Omnes intro placito isto communiantur hoc est ut unusquisque de cum negotiatoribus alter alterum admoneat («Если кто-то, [кто живёт по Салическому закону], признает у другого [своего] раба, или рабыню, или коня, или быка, или какое-то другое имущество [скот], пусть тот передаст его в третьи руки. И тот, на кого укажут, должен будет поклясться; а если оба пребывают в пределах Луары или Угольного леса [или по эту сторону моря], пусть тот, кто признал [своё имущество и тот], у кого его признали, установят в течение 40 дней срок [соглашения]. И в течение этого срока те, кто участвует [в споре], кто продал, или обменял, [или обманом отнял], или, возможно, отдал в уплату этого коня, пусть все они в течение этого срока будут призваны [на судебное собрание так], чтобы каждый из торговцев приглашал другого»). В данном контексте словосочетание «ad hominem ire», которое предложено в А-3 вместо глагола «agramire», является очевидной опiskeй.

раба с ценой жизни свободного салического франка (которая составляла 200 сол.) предоставляет нам важный с точки зрения сравнительного анализа социальных категорий материал.

В самой ранней редакции (А) Салической правды обсуждается такой вариант кражи и получения выгоды от работорговли, как увод (возможно, продажа или заклад) лично зависимого человека за море. Очевидно, что в этом судебном казусе отражён распространённый способ переманивания рабов одним человеком у другого во Франкском государстве – во всех рукописях Салической правды семей D, E, K, S и гипотетически реконструируемой группы В запрет на кражу рабов и их продажу за море неизменно повторялся⁵⁷. Исследователи XX в. Ф. Байерле⁵⁸, М. Краммер⁵⁹ и

⁵⁷ Ibid. A : 39,1–39,2; B : 42,1–42,2; C : 39,1–39,2; D : 65–66,1; E : 64–65; K : 41,1–41,2; S : 43,1–43,2: Si quis mancipia aliena sollicitare voluerit et ei fuerit adprobatum [A-2 – *mal. obscult hoc est*; C-5 – *malb. leod[ardi] thelazina*; D-7 – D-9 – *theolasina*], DC din. qui f[aciunt] sol. XV cul[pabilis] iudic[icetur]. Si servus alienus fuerit plagiatus [K-17, S-82 – *id est per circumventionem de servitio domini sui abstraxerit*] et ipse trans mare ductus fuerit [B-10, K-17, S-82 – *et trans mare sive in qualibet regione ipsum duxerit*] et ibidem ad domino suo fuerit inventus et ad quo ipse in patria plagiatus est in mallo publici nominaverit et ibidem testis debet collegere [A-3 – *tres ibidem testes debeat collegere*]. Iterum cum servus si de trans mare fuerit revocatus in alterum mallum debet nominari, ibidem simul III testis debet collegi edoneus, ad tertium vero mallum similis fieri debet et nove testes iurent quod servum ipsum equaliter [D-7 – D-9, B-2 – *per totus tres mallus*] super plagiatores audierint dicentem. Et sic postea qui eum plagiavit, mal. unisterio [D-7 – E-16 – *hoc est wargaverit*, D-7 – *mal. malo ui eridario*] propter cap[itula] et dil[atura] din. I MCCCC fac[iunt] sol. XXXV cul[pabilis] iud[icetur] («Если кто-то захочет переманить чужого раба и будет уличён [на суде – «совратитель, наказание за переманивание рабов»], пусть будет должен заплатить 600 денариев, что составляет 15 солидов. Если чужой раб будет похищен и вывезен за море, и там будет обнаружен своим хозяином, которым он будет водворён [обратно] на родину, пусть он на открытом судебном собрании назовёт [своего похитителя] и должен будет собрать свидетелей в том месте. Затем вновь, когда раб, если он будет вызван из-за моря, должен назвать на другом собрании [похитителя], пусть должен будет там же собрать 3 достойных свидетелей; в третий же раз должен поступить точно так же, и пусть 9 свидетелей клянутся, что все они в равной степени слышали [на всех трёх заседаниях] этого раба, заявлявшего о похитителе, и так после этого тот, кто его похитит [т.е. совратит], на суде – «душегуб», пусть будет должен заплатить 1400 денариев, что составляет 35 солидов, в счёт убытков и возмещения по делу»). В рукописи A-1 отсутствует предложение, которое присутствует в других рукописях: A : 39,2; B : 42,3; C : 39,3; D : 66,2; E : 65; K : 41,2; S : 43,2: Qui confessio servi usque III plagiatoris amittitur, sed eam tamen rationem ut nomina hominum et vilarum semper [B-10, D-7, K-17, S-82 – *equaliter per totos tres mallos*] debeat nominare («Такое признание раба допускается вплоть до трёх похитителей, но с таким расчётом, что всегда необходимо называть имена людей и названия поселений [т.е. места похищения или перепродажи и агента в этой операции]»).

Х. Нельзен⁶⁰ писали о том, что этот титул мог быть следствием правовых контактов между галло-римским населением Южной Галлии и салическими франками (в первую очередь, заимствований из вестготского и бургундского законодательства конца V – начала VI в.), поэтому датировали его более поздним временем, нежели окончание правления Хлодвига или же начало правления его сыновей.

Последнее предположение подтверждается тем, что в Договоре между Хильдебертом и Хлотарем санкция за незаконное переманивание встречается вновь⁶¹. Это очевидным образом указывает на стойкое сохранение подобного преступления на протяжении всей первой половины VI в. В определённом отношении о широком распространении кражи рабов в начале VI в. говорит и титул 69 первого капитулярия (*Capitulare I*): частые случаи переманивания рабов требовали чёткой фиксации судебной процедуры для их возвращения⁶².

§ 1.5. Передача рабского статуса по наследству:

Данный способ попадания в зависимость, как явствует из правовых источников начала VI – начала IX вв., также не был на территории Северной Галлии и на Среднем Рейне редкостью.

Обращает на себя внимание тот факт, что в целом для варварских правд было нехарактерно упоминание в составе завещаний рабов, литов и других

⁵⁸ *Beyerle F.* Über Normtypen und Erweiterungen der Lex Salica // ZSSR. GA. 1924. Bd. 44. S. 247.

⁵⁹ *Krammer M.* Kritische Untersuchungen zur Lex Salica (Theil I) // NA. 1905. Bd. 30. S. 297–301, 313–317.

⁶⁰ *Nehlsen H.* Op. cit. S. 266–268.

⁶¹ Cap. II. 83,1: Si quis mancipia aliena iniuste tenuerit et infra dies XL non eas reddiderit, ut latro mancipiorum teneatur obnoxius («Если кто-то неправосудно уведёт чужих рабов и не вернёт их в течение 40 дней, пусть как похититель рабов он будет признан виновным»).

⁶² Cap. I. A : 69; B : 78: De dode et de res qui in hoste praedata sunt et de homine qui in servitio revocatur... («О [брачном] даре и том имуществе, которое расхищено во время [кровной] вражды, и о человеке, которого вновь призывают в зависимость...»). Редакция рукописи К-17 значительно отличается от А и В, при этом не добавляя ничего нового к ситуации с возвращением раба.

зависимых людей. По другим источникам эпохи раннего Средневековья мы можем сделать вывод о том, что завещание рабов в действительности имело место⁶³. В *Lex Salica* и *Lex Ribuaría* при этом нет упоминаний о передаче в составе наследственной массы (*hereditas, furtuna*) лично или поземельно зависимых людей, хотя сама система наследования в отношении движимого имущества, к примеру, в Салической правде была разработана очень подробно⁶⁴.

Тем не менее, в северогерманских правдах встречается прямое указание на наличие в составе наследственной массы рабов. В частности, в Правде тюрингов в ряде титулов наследники умершего домовладельца принимали в составе наследственной массы и земли, и движимое имущество, в т.ч. рабов⁶⁵. Отмеченное влияние Салической правды на законы племенного

⁶³ См. подробный анализ капитулярного материала и формул VI–IX вв. на предмет передачи рабов в составе движимого и недвижимого имущества в статье: *Капранова Е.Ю.* Указ. соч. С. 112–114. Отдельно отметим тот факт, что эти источники нередко говорили о *res, hereditas* и *mancipia, servi* как полных синонимах; нередко первый ряд терминов без особого пояснения включал в свой состав второй ряд.

⁶⁴ Следующие титулы касались наследования у салических франков: L. Sal. A : 46, 59; B : 49, 62; C : 46, 59; D: 81, 93; E: 80, 92; K : 48, 62; S : 27, 34; *Ibid.* Cap. I. 66. В отечественной науке о наследовании движимого имущества высказывались очень осторожно. Так, Неусыхин писал, что в его состав входили скот и рабы, поэтому вероятность того, что их наследовали вместе с землёй в составе *hereditas*, была высока. Тем не менее, он также подчёркивал тот факт, что наиболее достоверные сведения имеются только о наследовании недвижимости. См. подробнее: *Неусыхин А.И.* Указ. соч. С. 104–105 и далее. Ж. Валон писал о том, что наследование согласно механизму, указанному в титуле *Pactus legis Salicae* под номером 46, было зафиксировано в последний раз в документах 818–819 гг.; однако и он ничего не говорит о наследовании рабов или зависимых людей в составе *fortuna*. Тем не менее, Валон вполне допускает наличие в составе отчуждаемого аллода начала VI в., о котором идёт речь в Cap. I. 66, рабов или зависимых людей (*Balon J.* *Op. cit.* P. 552–554, 567–568).

⁶⁵ L. Thuring. 26–30: *De alodibus. Hereditatem defuncti filius non filia suscipiat. Si filium non habuit, qui defunctus est, ad filiam pecunia et mancipia, terra vero ad proximum paternae generationis consanguineum pertineat. Si autem nec filiam non habuit, soror eius pecuniam et mancipia, terram proximus paternae generationis accipiat. Si autem nec filium nec filiam neque sororem habuit, sed matrem tantum superstitem reliquit, quod filia vel soror debuerunt, mater suscipiat, id est pecuniam et mancipia. Quodsi nec filium nec filiam nec sororem aut matrem dimisit superstites, proximus qui fuerit paternae generationis, heres ex toto succedat, tam in pecunia atque in mancipiis quam in terra. Ibid. 32: Mater moriens filio terram, mancipia, pecuniam dimittat, filiae vero spolia colli...* («Об алодах: Пусть наследство умершего наследует сын, а не дочь. Если у того, кто умер, не будет сына, пусть движимое имущество и рабы перейдут к его сестре, а земля – к ближайшему родственнику по отцовской линии. Если не будет и дочери, пусть сестра примет движимое имущество и

союза тюрингов ещё до периода их фиксации Карлом Великим говорит о том, что подобный порядок вещей мог сложиться у салических франков и быть распространённым задолго до его проявления в каролингских капитуляриях начала IX в.

рабов, а землю – ближайший [родственник] по отцовской линии. Если же не будет ни сына, ни дочери, ни сестры, но останется только мать, пусть то, что дочь или сестра обязаны были бы принять (т.е. движимое имущество и рабов), переходит к матери. Если же не останется в живых сына, дочери и сестры, пусть ближайший из тех, кто будет [жив, к покойному] по отцовской линии полностью примет [на себя обязанности] наследника, как в [наследовании] движимого имущества, также и рабов, так и в [наследовании] земли... Пусть мать оставит, умирая, сыну землю, рабов, движимое имущество, дочери же – шейные украшения...»).

§ 2. Занятия рабов и лично зависимых людей во франкских правдах начала VI
– начала VII в.

Необходимость выяснения профессионального состава и круга занятий лично и поземельно зависимого населения Северной Галлии раннего Средневековья вполне очевидна. Без определения уровня квалификации и примерного круга занятий зависимых людей, сведения о которых нередко встречаются как в правовых (варварские правды), так и в нарративных (истории, хроники) источниках, крайне сложно говорить об их социальном и правовом статусе, тем более – об эволюции этого статуса на протяжении нескольких веков.

Естественным будет предположить, что в составе господского хозяйства в конце V – начале VII в. находились лично и поземельно зависимые люди, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом и скотоводством. Хотя их труд являлся непрестижным и расценивался как тяжёлая, рутинная, низкоквалифицированная работа, они, стоя у основания пирамиды, должны были создавать собой самый широкий слой рабов; следовательно, их существование не могло не отразиться в правовых источниках VI– VII вв.

Проблема определения удельного веса земледельцев и скотоводов рубежа Античности и Средневековья в Северной Галлии, обладавших рабским статусом, стоит очень остро. В отсутствие прямых свидетельств нередко приходится опираться на косвенные показания нарративных источников.

В отношении занятий рабов древнейших германских племён, живших за Рейном в I–II вв. н.э., бесценным свидетельством является глава 25 тацитовской «Германии»⁶⁶. Однако к этому тексту возникает множество

⁶⁶ Tac. Germ. 25: Ceteris servis non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur: suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit et servus hactenus paret: cetera domus officia uxor ac liberi exequuntur. Verberare servum ac vinculis et opere coercere rarum: occidere solent, non disciplina et

вопросов: из какого региона Тацитом были получены сведения о рабах германцев? Насколько они были современными самому Тациту? Насколько он точно передал сведения, почерпнутые у других авторов Античности и у своих информантов, и в какой степени он использовал эти сведения в качестве моралистских пассажей, острие которых было направлено против римских латифундистов, рабовладельцев и работорговцев?

К сожалению, по отношению к простым рабам, которые занимались в господском хозяйстве работами, не требовавшими квалификации (т.е. повседневным трудом в поле, сбором и перевозкой урожая, выпасом скота, подёнными и подсобными работами), в латиноязычных варварских правдах не существовало особой дефиниции. Все они обозначались одинаково как «рабы» и «рабыни» (*servi, ancillae, mancipia*); в этом отношении франкские правды «проигрывали» по точности обозначения англо-саксонским законам VII в. В своей двухтомной монографии, вышедшей в 1955–1977 гг., Ш. Верлинден писал о том, что рабы в VI в. проживали в основном в доме господина или хозяйственных пристройках, но не на отдельных земельных участках.⁶⁷ В 70-х гг. XX в. появилась более категоричная точка зрения Г.М. Даниловой, которая полагала, что в VI в. сельскохозяйственные специальности не играли у рабов значительной роли, тогда как в начале IX в. лично зависимое население и земледелие были уже неразрывно связаны

severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune est. Liberti non multum supra servos sunt, raro aliquod momentum in domo, numquam in civitate, exceptis dumtaxat iis gentibus quae regnantur. Ibi enim et super ingenuos et super nobiles ascendunt: apud ceteros impares libertini libertatis argumentum sunt («Прочих рабов [т.е. не тех, которые заложили свою свободу] используют в хозяйстве на указанных работах не по нашему обычаю: каждый управляет своим жилищем и домом. Господин налагает [на раба определённую] меру зерна, или скота, или [какое-то количество] платьев [рабам], как [римскому] колону, и раб выполняет только [эту повинности]: прочие же обязанности по дому исполняют жена и дети. Пороть раба, или налагать оковы, или карать [тяжёлым] трудом – [такое происходит] редко; убить [раба] случается, но не из-за строгости и суровости [содержания], а в силу вспыльчивости и гнева, как врага, однако без ущерба для себя. Вольноотпущенники находятся [по статусу] не намного выше рабов, редко [имея] какое-то влияние в хозяйстве, никогда – в племени, исключая те, которые управляются [королями]. Там, пожалуй, они возвышаются и над свободными, и над знатными: у прочих [племён] свидетельством свободы служит неравенство вольноотпущенников [и прочих свободных]»).

⁶⁷ *Verlinden Ch. Op. cit. P. 657.*

(более того, земледелие рассматривалось в некоторых правдах как «рабская обязанность»)⁶⁸.

Действительно, в Urtext Салической правды не было специфического обозначения для сельскохозяйственных несвободных работников. В этом заключается отличие латиноязычной правды от кентских законов VII в., в которых была чётко выделена категория зависимых людей, занятых сельскохозяйственными работами (*esne*).

Тем не менее, определённые основания говорить о том, что слой занятых сельским трудом рабов был во франкском обществе весьма значителен (хотя и уступал в процентном отношении свободным франкам – земледельцам), у нас имеются. Традиция земледелия франков и прочих варварских племён на римской земле фиксируется гораздо ранее конца V в.⁶⁹. Речь идёт о таких категориях зависимых земледельцев поздней Римской империи, как бывшие пленники – лэты (*laeti*), или добровольно отдавшиеся под покровительство римских земледельцев варвары (*dediticii*)⁷⁰. Известно, что они помещались на землю для выполнения сельскохозяйственных работ. Можно предположить то, что данные группы хотя бы частично вошли в состав формировавшегося слоя рабов при переселении франкской знати на территории римских вилл и поместий. В этот же слой должна была попасть и та часть галло-римских колонов, которая не получила свободу и не перешла в разряд трибутариев или римских поссессоров⁷¹.

⁶⁸ Данилова Г.М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников). Петрозаводск, 1974. С. 98–102. Такое положение вещей, действительно, было характерно для поздней Империи со II в.: тогда рабы стали слишком дороги для того, чтобы покупать их для обработки земли, и постепенно стали вытесняться колонами. Однако параллельно исследователи отмечают рост числа рабов, которые получали господские земли для возделывания в обмен на выплату ренты (они назывались *quasi coloni*). Несомненно, эта тенденция отчётливо наблюдалась и в конце V в.: Jones A.H.M. Op. cit. P. 795.

⁶⁹ См. подробнее: Waitz G. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Kiel, 1870. Bd. II. S. 168–171.

⁷⁰ Подробнее об этой категории зависимого населения см.: Schönfeld B. *Laeti* // Pauly–Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1924. Halbband 23. S. 446–447; Jones A.H.M. Op. cit. Vol. I. P. 157, 244; Vol. II. P. 612–620. Более того, многие пленники их числа варваров, в т.ч. и германцы, обращались в III–IV вв. римлянами в статус *colonati*: Ibid. Vol. II. P. 794.

⁷¹ См. об этом: Waitz G. Op. cit. Kiel, 1870. Bd. II. S. 186–170.

Если говорить об общем количестве рабов в составе бывших галло-римских поместий, то оно уменьшалось по мере продвижения с юга на север. Так, в Тулузском королевстве и Вестготской Испании начала V – начала VIII вв. процент рабов по отношению к свободному населению достигал 25 % и более (в Римской империи эпохи Домината он был в среднем не более 16–20 %) ⁷². Сведений относительно Северной Галлии VI в. у нас нет; однако число рабов здесь в процентном соотношении не достигало даже имперского показателя в 16 % (скорее всего, оно было значительно ниже 10 %) ⁷³. Даже если принять в качестве рабочей гипотезы оценку О. Паттерсона, согласно которой во всей Западной Европе около 950 г. проживало порядка 22,6 млн человек, рабов среди них было не более 339 тыс. ⁷⁴, т.е. порядка 1,5 % (возможно, что 2–3 % на Севере Галлии).

В конце VI–VIII вв. лично зависимые работники начинали играть всё более важную роль в процессе сельскохозяйственного производства. К моменту фиксации *Capitulare de villis* их число должно было значительно вырасти. Так, в главе 39 этого памятника люди, находившиеся на участках земли, которые были выделены им королём для получения оброка (*mansuarii*), приравнены к выполнявшим принудительный труд людям, т.е. рабам (*servientes*) ⁷⁵. Кроме того, в этом документе мы имеем ещё одно

⁷² *Patterson O. Slavery and Social Death. A Comparative Study. Cambridge (Mass.); London, 1982. P. 353–364.*

⁷³ Ж.-П. Поли оценивает в своей статье общее число военных поселенцев, проживавших на землях близ римского лимеса, максимум в 30 тысяч человек (вместе с их семьями); в это число входили также лэты. Таким образом, они не могли даже вместе с бывшими галло-римскими рабами составить значительный процент от почти трёхмиллионного населения Галлии в VI в. (*Poly J.-P. La corde au cou. Les Francs, la France et la Loi salique // Gènes de l'État moderne en Méditerranée. Approches historiques et anthropologiques des pratiques et des représentations. Actes des tables rondes internationales tenues à Paris (24–26 septembre 1987 et 18–19 mars 1988). Rome, 1993. P. 320. Rem. 68).*

⁷⁴ *Patterson O. Op. cit. P. 157.*

⁷⁵ *Cap. de villis. 39: Volumus ut pullos et ova quos servientes vel mansuarii reddunt per singulos annos, recipere debeant; et quando non servierint, ipsos venundare faciant («Мы желаем, чтобы молодняк и птичьи яйца, которые в течение нескольких лет вырастят исполняющие рабскую работу или обладатели мансов, они должны будут оставлять [у себя]; и сколько их не будет отягощено повинностями [в пользу короля], столько они могут продать»).* Значение слова *serviens* подробно разобрано в словаре Нирмейера: *Niermeyer J.F. Mediae*

свидетельство широкой передачи обязанностей по обработке земли рабам: Людовик Благочестивый предписывал своим агентам и управляющим поместьями следить за тем, чтобы избыток зависимых рук направлялся на другие работы, если земли для них не хватало⁷⁶.

К сожалению, в правовых источниках нет подробных сведений об устройстве поместий короля, франкской и галло-римской знати более раннего времени, чем конец VIII в.; кроме того, в случае с *Capitulare de villis* мы ограничены одним регионом Галлии (хотя и достаточно крупным) – Аквитанией. Однако есть определённые основания полагать, что указанные в этом источнике социальные категории вкупе с присущими им занятиями сформировались и утвердились задолго до рождения Людовика Благочестивого. В частности, форма *mansuarius*, сопряжённая с понятием рабства (*servitium*), зафиксирована ещё в формулах Маркульфа второй половины VII в.⁷⁷.

Однако рабы в составе господских хозяйств Северной Галлии раннего Средневековья занимались не только возделыванием земель. Владение навыками, особо ценными в рамках доиндустриального общества (работа по металлу или дереву, ювелирные работы; управление земледельческими работами и ведение зарождавшегося «делопроизводства»), было способно возвысить человека над общей массой рабского населения. Но при этом рабы

Latinitatis Lexicon minus: Lexique latin médiéval-français / anglais; A Medieval Latin-French / English dictionary. Leiden, 1976. Fasc. I. P. 962.

⁷⁶ *Cap. de villis. 67: De mansis absis et mancipiis adquisitis, si aliquid super se habuerint quod non habeant ubi eos collocare possint, nobis nuntiare faciant* («О мансах, лежащих под паром, и приобретённых рабах, если что-то [из перечисленного] имеется в избытке, [повелеваем]: если они не имеют места, где их могут задействовать, пусть должны будут нам сообщить»).

⁷⁷ *Form. Marc. I, 22: Et quia apostolicus, aut inlustris, vir ille servo suo nomen illo per manu sua, aut ilius, in nostri presentia, iactante denario, secundum lege Salica demisit ingenuum... precipientes enim, ut, sicut et reliqui mansuarii, qui per talem titulum a iugo servitutis in presentia principum nuscuntur esse relaxati ingenui...* Дискуссию о датировке собрания формул и личности Маркульфа: *Rio A. The Formularies of Angers and Marculf. P. 107–117.* Тот факт, что отпускали на волю раба «через вышибание денария», «по Салическому закону», отсылает нас к статусам личной зависимости, известным с начала VI в. См. комментарий: *Ibid. P. 155–156.* Прочие примеры использования этого выражения представлены в словаре Нирмейера: *Niermeyer J.F. Op. cit. P. 643.*

также очень ценились в том случае, если они прислуживали хозяевам за столом, ухаживали за их детьми, выступали в качестве гонцов. В данной категории не каждый человек обладал специальной квалификацией или особыми навыками (кроме, пожалуй, гонцов и управителей, знакомых с «делопроизводством»), однако каждый из них выполнял круг тех обязанностей в рамках господского хозяйства, которые можно обозначить термином «престижные»⁷⁸. Условно эту прослойку можно назвать «рабами высшей категории», поскольку их статус напрямую зависел от расположения господина и верной службы.

Из круга таких людей впоследствии формировалась часть домениальной и королевской администрации (даже столь высокие должности, как маршал, сенешаль, коннетабль и пр.), а также наиболее приближённые к господину рабы и лично зависимые слуги. Так, для периода формирования Франкского королевства при Хлодвиге и его потомках Григорий Турский приводит показательный пример инкорпорации бывших рабов Андархия⁷⁹ и Леудаста⁸⁰ в состав высшего общественного слоя.

⁷⁸ Верлинден относил их, наряду с прочими категориями (*servi, ancillae, mancipia*), к общей прослойке рабов (*les membres de la classe servile*). См. об этом: *Verlinden Ch. Op. cit. P. 657*.

⁷⁹ *Greg. Tur. Hist. IV, 46: De Andarchi vero interitu locuturus, prius genus ordire placet et patriam. Nunc igitur, ut adserunt, Filices senatoris servus fuit; qui ad obsequium domini depotatus, ad studia litterarum cum eo positus, bene institutus emicuit [...]* Нас igitur scientiam tumens, dispicere dominos coepit et se patrocínio Lupi ducis, cum ad urbem Massiliensim ex iusso regis Sigyberthi accederet, commendavit. De qua regressus, hunc secum habere praecepit insinuavitque eum diligenter Sigybertho regi atque ad serviendum tradedit. Quem ille per loca diversa dirigens, locum praebuit militandi. Ex hoc quasi honoratus habitus, Arvernum venit ibique cum Urso, civi urbis eius, amicitias inlegat («Прежде, чем будет поведано о гибели Андархия, лучше рассказать о [его] происхождении и отечестве. Он был, как признано, рабом сенатора Феликса, и был отдан в свиту господина; приставленный вместе с ней к изучению грамоты, он отличался хорошим образованием... Однако, возгордившись такими [обширными] знаниями, он начал презирать господина и отдал себя под покровительство [т.е. патроний] герцога Лупа, в то время как [сам герцог] достиг по приказу короля Сигиберта города Марселя. Уходя из него, [герцог] решил взять того [Андархия] с собой и любезно допустил его к королю Сигиберту, а также передал в [королевское] услужение. Тот, определяя его на различные должности, предоставил [Андархию] должность на службе [при себе]. Оттого он, как бы удерживая почётную должность, пришёл в Клермон и завёл там дружбу с Урсом, горожанином этого города»). Перевод фразы: *per loca diversa dirigens*, предложенный В.Д. Савуковой («Посылая его в разные места»), нам кажется не совсем точным: ведь в следующем предложении слово *locus* однозначно переводится как «должность», а это значит, что король перепробовал

Последовательное расширение этой категории рабов прослеживается на основании различных списков Салической правды. Их жизнь, в силу особого значения их службы для господского хозяйства, оценивалась выше, чем жизнь прочих лично зависимых людей. Причём по мере развития франкского общества перечень «рабов высшей категории» (*Unfreien höheren Ranges*)⁸¹, в случае кражи которых законодателем применяются более жёсткие санкции и взимаются более высокие штрафы, только расширяется.

Андархия на нескольких должностях, прежде чем остановился на одной из них. Русский перевод этой главы см. в издании: *Григорий Турский. История франков* / Пер. с лат., примеч. В.Д. Савуковой; общ. ред. М.Л. Гаспаров. М., Наука, 1987. С. 108–109.

⁸⁰ *Ibid.* V, 48: ... Sed prius videtur genus ac patriam moresque ordiri. Gracina Pictavensis insula vocitatur, in qua a fiscalis vinitoris servo Leuchadio nomine nascitur. Exinde ad servitium arcessitus, culinae regiae deputatur [...] Sed dum inter firmentatas massas se delectari consimulat, servitium fugam iniens dereliquit. Cumque bis aut tertio reductus a fugae lapsu teneri non possit, auris unius incisione multatur. Dehinc cum notam inflictam corpori occulere nulla auctoritate valeret, ad Marcoveifam reginam, quam Charibertus rex nimium diligens in loco sororis toro adsciverat, fugit. Quae libenter eum colligens, provocat equorumque meliorum deputat esse custodem. Hinc iam obsessus vanitate ac superbiae deditus, comitatum ambit stabulorum; quo accepto, cunctos despicit ac postponit, inflatur vanitate, luxuria dissolvitur, cupiditate succenditur et in causis patronae alumnis proprius huc illucque defertur. Cuius post obitum refertus praedis, locum ipsum cum rege Charibertho, oblatis muneribus, tenere coepit. Posthac, peccatis populi ingruentibus, comes Turonus destinatur ibique se amplius honoris gloriosi supercilio iactitat... («Но прежде кажется [уместным] рассказать о происхождении, а также отечестве и нравах [Леудаства]. Остров, на котором он родился от раба виноградаря, подчинявшегося фиску, по имени Леухадий, называется Грацина. Спустя некоторое время он был принужден к службе [раба] и был приставлен к королевской кухне. Однако, пока он делал вид, что охотно находится среди поднимавшейся квашни, он оставил службу и ударился в бег. А поскольку дважды или трижды он был возвращён [господину], и его не могли удержать от опасности бегства, то он был наказан отсечением одного из ушей. По этой причине, когда он никак не смог скрывать указанный телесный недостаток, он бежал к королеве Марковейре, которую король Хариберт, весьма любив, принял на ложе [вместо её] сестры. Она, охотно приняв его к себе, призвала [его к служению] и приказала, чтобы он охранял самых лучших коней. С этого времени, оставаясь [на службе у королевы], он поддался гордости и тщеславию, он добивался должности королевского конюшего [т.е. коннетабля], получив которую, он презирал всех и ставил ниже себя, раздувшись от спеси, возбуждённый жадностью, и, будучи с тем лично преданным покровительнице, ездил по [различным] поручениям то туда, то сюда. После её смерти, представив поручительства и преподнеся дары, пытался удержать эту должность при короле Хариберте. После этого, когда выросли прегрешения горожан, он был назначен графом Тура и там всё более высокомерно держался, похваляясь [своим высоким] положением...»). Нелишним будет указать на то, что к обоим высокопоставленным бывшим рабам Григорий Турский относился с неприязнью, что также накладывало отпечаток на стиль его повествования.

⁸¹ Это выражение активно использовалось Бруннером в его «Немецкой истории права», например: *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 372–373.*

Примечательно, что ряд установлений, касавшихся переманивания или насильственного захвата рабов и слуг, не просто изменил свою редакцию на протяжении 400 лет (от семьи рукописей А к семье К); к ним, по мере развития Франкского государства и его разделения на отдельные владения Меровингов, а затем – собирания земель германских племён Каролингами, всё время добавлялись новые титулы, отражавшие различную ценность категорий и статусов лично зависимого населения. Для того чтобы отобразить картину развития различных правовых статусов в высшей прослойке рабов согласно Салической правде, необходимо представить сравнительную таблицу и провести текстологический анализ основных вариантов соответствующих титулов *Lex Salica*, выявив в них общие места и разночтения.

A-2 ⁸²	A-3	A-4	B-10	C-6 ⁸³
10,3: Si quis ancilla prodederit, <i>sol. XXXV</i> . Si pro vitore si fabrum si carpentario si stratatio <i>valente sol. XXX</i> mal. teodocco sunt din. II MDCCCLXXX fac[iunt] <i>sol. LXXXV</i> cui fuerit adprobatum culp[abilis] iud[icetur] ⁸⁴ .	10,3: Si quis ancillam perdiderit <i>valente solid. XXV</i> . si porcario venatore si fabrum aut carpantarium vel stratonem, <i>solid. LXX</i> culp[abilis] iudi[cetur].	10,3: Si quis ancillam perdiderit <i>valentem sol[i]d. XV</i> . sive porcario sive vinudore sive fabrum carpentarium <i>valente solid. XXXV</i> , II MDCC denarios qui faciunt <i>sol. LXV</i> .	11,5: Si quis servum puledrum furaverit malb. usu dredo M DCCC denar. qui faciunt <i>sol. XLV</i> culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura ⁸⁵ . 11,6: Si quis maiolem, infertorem, scantionem, mariscalcum, stratorem, fabrum ferrarium, aurificem, sive carpentarium, vitorem, vel porcarium, vel ministerialem furaverit, aut	10,7: Si quis ancillam furaverit aut vindiderit <i>valentem sol. XV aut XXV</i> si portario si fabrum si venatorem molinario carpentario vel quemcumque artificem, malb. theocho thexacha ismala texacha chrochro texaca ambotanea, hec sunt de ministeria sunt den. II MDCCC qui fac[iunt] <i>sol. LXV</i> culp[abilis] iud[icetur] excep[to]

⁸² Данный казус полностью отсутствует в рукописи А-1.

⁸³ Текст С-5 совпадает с С-6 в отношении упоминания категорий зависимых ремесленников, однако значительно короче за счёт сведения мальбергской глоссы к одному слову (texasa).

⁸⁴ «Если кто-то уведёт рабыню, [стоимостью] 35 солидов, если [штраф взыскивается] за виноградаря, если за кузнеца, если за каретника, если за конюха, оцененных в 30 солидов, на суде – «сманивание рабов», тот, кто будет уличён, пусть будет должен заплатить 2880 денариев, которые составляют 85 солидов».

⁸⁵ «Если кто-то украдёт раба, который ухаживает за молодняком в конюшне, на суде – «убийца» [?], пусть будет должен заплатить 1800 денариев, что составляет 45 солидов, кроме [возмещения] стоимости похищенного и убытков».

			occiderit, vel vendiderit valentem solidos XXV malb. theuca texara MCCCC den. qui faciunt sol. culpabilis iudicetur, excepto capitale et delatura ⁸⁶ . 11, 7: Si vero maiorissam aut ancillam ministerialem valentem sol. XXV superiorem causam convenit observare ⁸⁷ .	cap[itale] et d[e]l[at]ura ⁸⁸ .
D	E	K-17	S-82	
11,2: Si quis servum aut ancillam perdiderit valentes sol. XXV , se porcario, se venatore, se fabro, se carpentario, se stratore, vadentes sol. XXV [D-8 - XXX] furaverit aut occiserit, mal. theachro [D-9 - <i>thro</i>] taxaca, sol. LX cul[pabilis] iud[icetur] excep[to] cap[itale] et dela[tura].	11,2: Si quis servus aut ancilla furaverit valentem sol. XXV , si porcario, si venatore, si fabro, si carpentario, si stratore, sol. LX cul[pabilis] iud[icetur] excep[to] cap[itale] et dela[tura].	12,5: Si quis servum aut ancillam valentem sol[i]d. XV aut XXV furaverit aut vendiderit seu porcarium vel fabrum sive venatorem aut molinarium aut carpentarium sive vineatorem sive aut quemcumque artificem II MDCCC d[ena]r. qui faciunt sol. LXX culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura. 12,6: Si quis puerum aut	42,5: Si quis servum aut ancillam valentem solidos VI aut XV vel XXV furaverit vel vendiderit seu porcarium aut fabrum sive vinitorem vel molinarium aut carpentarium aut quemque artificem , M DCCC den[ariis] qui fac[iun]t sol[idos] XLV cul[pabilis] iud[icetur] excepto capitale et dilatura ⁸⁹ . 42,6: Si quis puerum aut	

⁸⁶ «Если кто-то украдёт, или убьёт, или продаст старшего слугу, сенешаля, стольника, королевского конюшего, конюха, кузнеца, золотых дел мастера или каретника, виноградаря, или свинопаса, или слугу стоимостью 25 солидов, на суде – «кража раба», пусть будет должен заплатить 1400 денариев, что составляет [пропуск] солидов, не считая [уплаты] стоимости похищенного и убытков».

⁸⁷ «Если же кто-то [украдёт] старшую из прислужниц или рабыню [из числа] домашней прислуги, оцениваемых в 25 солидов, надлежит соблюдать указанный выше судебный прецедент».

⁸⁸ «Если кто-то украдёт или продаст рабыню стоимостью 15 или 25 солидов, если привратника, если кузнеца, если ловчего, мельника, каретника или какого-нибудь ремесленника, на суде – «кража несвободных и служанок», которые находятся на службе [господина], пусть будет должен заплатить 1800 денариев, что составляет 65 солидов, не считая [уплаты] стоимости похищенного и убытков».

⁸⁹ Перевод для рукописей семей D–S в целом отличается лишь рядом деталей, поэтому мы объединяем его в одном предложении с указанием разночтений: «Если кто-то погубит, [или украдёт, или продаст] раба или рабыню стоимостью 25 [или 30, или 15, или 6] сол., если свинопаса, если виноградаря, [если ловчего], если ремесленника, если каретника, если конюшего, [если мельника], или какого-то мастера по металлу, на суде – «кража раба», пусть будет приговорён к уплате 60 [70, 65] сол., [кроме уплаты] стоимости похищенного и убытков».

		puellam de ministerium dominorum suorum furaverit, I M d[ena]r. qui faciunt sol[i]d. XXV in capitale restituat et insuper I MCCCC d[ena]r. qui faciunt sol[i]d. XXXV culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura.	puellam de ministerio dominorum furaverit, I M CCCC den[ariis] qui fac[iun]t sol[idos] XXXV culp[abilis] iud[icetur] in capitale restituat et dilatura.	
--	--	--	--	--

Полужирным шрифтом мы выделили в тексте те специальности рабов, которые не присутствовали в древнейшей редакции (Urtext), а курсивом – стоимость отдельных категорий рабов, которая менялась на протяжении нескольких веков.

Также рукописи семьи А содержат сведения о категории *vassi et puellae ad ministerium*⁹⁰. Г. Холсол в 90-е гг. XX в. предложил расшифровку термина *vassi* как одного из вариантов термина *puer* («слуга»), признавая за ним только статус лично зависимого человека⁹¹. Однако ещё в 70-е – 80-е гг. XX в. Р. Шмидт-Виганд и Г. фон Ольберг, говоря о «возвышенном» характере службы представителей категории *vassus* и *puella ad ministerium*, приводили неоднократные примеры из более поздних, чем Салическая правда, источников VII–VIII вв. (Алеманнская и Баварская правды, формулы Маркульфа). В первую очередь, эта «возвышенность» выражалась в особой близости слуги к королю как к своему господину или к его должностным лицам (герцогам и графам), исполнении их непосредственных поручений, различных придворных служб; впоследствии это привело к тому, что *vassi* стали рассматриваться наравне со свободными и даже представителями

⁹⁰ L. Sal. A : 35,9: Si quis vasso ad ministerium [A-2, A-3 – *quod est strogau (thorogao) puella ad ministerium*] aut fabrum ferrarium vel aurifice aut porcario vel vinitorem aut stratorem furaverit aut occiderit cui fuerit adprobatum [A-2 – *malb. taxaca aut ambitania*], I MCC din. qui f[aciunt] sol. XXX culp[abilis] iudic[etur]. Inter freto et faido sunt I MDCCC din. qui f[aciunt] sol. XLX exc[e]p[er]to cap[ita]l[e] et dil[atura]. In summa sunt simul sol. LXXV.

⁹¹ Halsall G. Op. cit. P. 157. Корень этого термина происходит от кельского *gwas – «слуга».

знати⁹². Тем самым этот термин послужил основой для закрепления в социально-политическом лексиконе периода Каролингов и высокого Средневековья слова «вассал» (*vassalus*), относившегося к человеку, который исполнял службу в пользу своего господина и имел значительные земельные богатства и недвижимое имущество⁹³.

Как можно заключить из текста *Lex Salica*, салические франки ценили наиболее квалифицированных зависимых членов племени (ремесленников, садоводов и ухаживавших за скотом людей) выше, чем обыкновенных рабов. Так, древнейшая редакция титула 10,3 *Pactus legis Salicae* (содержится в А-2) называет цену в 30 солидов за виноградаря, кузнеца, каретника и конюха и 35 солидов – за рабыню⁹⁴. Очевидно, что в титуле 10,3 имелась в виду рабыня, также выполнявшая квалифицированную работу по дому; например, это могла быть управляющая, *maiorissa* или *ancilla ministerialis* из списка В-10, оцениваемая в нём 25 солидами, или же *puella de ministerium* со стоимостью жизни 30 солидов.

Рукописи А-3–А-4 добавляют к уже имеющимся в титуле 10,3 специальностям свинопасов, а семьи С, D, E, K, S – высококвалифицированных ремесленников (мастеров по металлу, в т.ч. золотых дел мастеров) и мельников.

⁹² *Schmidt-Wiegand R.* Fränkische und frankolateinische Bezeichnungen für soziale Schichten und Gruppen in der *Lex Salica*. Göttingen, 1972 (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Jg. 1972. No. 4). S. 12–14; *Olberg G., von.* Op. cit. S. 231–234.

⁹³ Такие примеры во множестве встречаются в капитуляриях Карла Великого и Людовика Благочестивого. *Vassi* и *vassali* названы в числе приближённых короля, распорядившихся пожалованными им бенефициями. Например: Cap. 15 (*Decretum Compediense*. a. 757). 9; Cap. 20 (*Cap. Haristallense*. a. 779 mense Martio). 9; Cap. 21 (*Capitulare episcoporum*. a. 780?); Cap. 74 (*Capitulare Bononiense*. a. 811. Oct.). 7; Cap. 80 (*Cap. de iustitiis faciendis*. a. 811–813). 7; Cap. 104 (*Capitula francica*). 3.; Cap. 141 (*Cap. missorum*. a. 819). 26–27; Cap. 148 (*Cap. missorum*. a. 821). 4.

⁹⁴ Сравнение стоимости жизни различных категорий лично зависимых ремесленников у бургундов, салических франков и лангобардов представлено в монографии Л. Оливер: *Oliver L.* *The Body Legal in Barbarian Law*. Toronto; Buffalo; London, 2011. P. 213. Table 8.3. К сожалению, она полностью игнорирует все прочие редакции *Pactus legis Salicae*, кроме семьи А начала VI в.

Для нас остаётся непрояснённым, почему в разных семьях рукописей, а в отдельных случаях – в пределах одной семьи, в рамках одного титула стоимость одних и тех же категорий рабов различается. Так, для семей А–Е, К она колеблется в пределах 15–35 солидов, причём наибольшее своё значение приобретает как раз в семье А (кроме рукописи А-4), а наименьшее – в семьях С и К (15 и 25). Кроме того, является загадкой тот факт, почему в некоторых семьях рукописей имеется две цены для одной и той же категории рабов и рабынь, а в семье S – сразу три (6, 15 и 25).

Единственной гипотезой, которая может объяснить такие «флуктуации» в стоимости рабов, на наш взгляд, является допущение о том, что по мере развития и усложнения структуры господского (в т.ч. королевского и церковного) хозяйства салических франков происходила дифференциация различных административных должностей, которые занимали рабы и рабыни. Более высокие должности, связанные с «делопроизводством» и управлением земельными угодьями, оценивались выше, чем должности простых надсмотрщиков за работами.

Такое усложнение управленческого аппарата, имевшее место в крупных виллах, было отражено уже в семьях рукописей А и В. В древнейших списках Салической правды встречается категория *vassi ad ministerium*. В Австразии в середине VI в. устанавливаются специальные санкции за кражу рабынь и рабов, распорядившихся господским хозяйством (*maior* и *maiorissa*); рабов, ухаживавших за молодняком скота в конюшне господина (*servus puledrus*); и слуг мужского и женского пола из числа челяди (*puer aut puella de ministerium dominorum*), по-видимому, приближённых к господину и исполнявших его непосредственные поручения. Кроме того, среди зависимого населения, обязанного службой своему господину, упоминались старший слуга при дворе – прообраз сенешаля (лат. *infertor*, франк. *siniscalcus*)⁹⁵, стольник (лат. *scantio*) и

⁹⁵ Соответствующий перевод с примерами из документов IX–XI вв. см.: *Niermeyer J.F.* Op. cit. P. 532.

королевский конюший – предок маршала (франк. *mariscalcus*), простые слуги (*ministerialis*)⁹⁶ и мастера по золоту и металлу (*faber ferrarius, aurifex*).

Столь дробное разделение обязанностей между рабами говорит о том, что в случае со списком В-10 мы, возможно, имеем дело с описанием хозяйства королей Австразии или самых его крупных сановников середины VI в. Однако в перечисленных категориях ещё рано видеть членов королевского двора, обладавших привилегированным для средневекового общества статусом: на это указывает стоимость их жизни (такая же, как и у прочих категорий рабов в составе господского хозяйства в титуле 10,3) – 25 солидов⁹⁷. Единственным исключением выступают перечисленные в титуле 35,9 категории ремесленников и *vassi ad ministerium* – особый род слуг, поскольку в конце титула предполагалось возмещение родовой мести и королевского мира за их убийство. Однако последнее прибавление видится нам относительно поздним, и связано оно было с постепенным повышением статуса личных слуг крупных землевладельцев и короля в VI–VIII вв.; скорее всего, оно появляется не ранее начала правления Каролингов и относится только к категории *vassi*, но не ко всем ремесленным категориям, оказавшимся с ними в рамках одного титула. Такой пример повышения социального статуса «рабов высшей категории» дают нам должности сенешаля и маршала.

Безусловно, этимология некоторых придворных должностей периода Каролингов восходит к терминологии *Lex Salica*; однако вторая часть слов «маршал» и «сенешаль» происходит от готск. *skalks* (латинизир. *scalculus*), изначально соотносившегося с низким социальным статусом («раб»,

⁹⁶ Эти слуги эпохи Меровингов и Каролингов, как полагает А. Бальдам, могли обитать при дворе господина и выполнять роль его «личных служителей» (*persönlicher Diener*), поэтому они до известной степени противостояли другим квалифицированным слугам, являясь прообразом одной из частей рыцарского войска высокого Средневековья. См. подробнее: *Baldamus A. Das Heerwesen unter den späteren Karolingern. Breslau, 1879. S. 67–69.*

⁹⁷ Процесс перехода этих категорий рабов в статус королевских сановников в отечественной историографии был впервые подробно описан в монографии: *Петрушевский Д.М. Указ. соч. С. 227–228, 245.*

«человек низкого происхождения», «слуга») и лишь затем получившего значения: «юноша / девушка», «чей-либо сторонник / служитель» (безотносительно к статусу зависимости)⁹⁸. Изначально близость к господину и относительно высокий статус среди прочих рабов придавали этим двум категориям слуг их особые навыки и те обязанности, которые они исполняли в рамках господского хозяйства.

Так, основной функцией «маршала» в VI–VIII вв., как явствует из этимологии алеманнского, баварского слова *marah* и франкского *marthi*, являлся уход за вьючными животными и боевыми конями во время походов; в этом отношении он отличался от должности *amissarius*, который должен был следить за племенными животными в мирное время⁹⁹. Согласно исследованию Г. фон Ольберг, южногерманские глоссы VIII–IX вв. также приравнивали к должности «маршала» слуг, ухаживавших за мулами (*mulio*), верблюдами (*camelarius*) и дромадерами (*dromedarius*). И лишь в ахенском капитулярии Карла Великого 801–813 гг. мы впервые находим выражение *mariscalcus regis*, свидетельствующее о том, что носитель данного титула был особо приближен к королевской персоне¹⁰⁰.

Остаётся неясным, по какой причине в источниках Северной Галлии термин *mariscalcus* не встречается на протяжении почти 250 лет (с середины VI по начало IX вв.), тогда как он присутствует в этот временной промежуток в южногерманских рукописях¹⁰¹. Г. фон Ольберг предполагает, что в прочих

⁹⁸ См. подробнее: *Hempl G. G. skalks, NHG. schalk, etc., G. kalkjo, ON. skækja, OHG. karl, NHG. kerl, kegel, etc. // The Journal of Germanic Philology. 1897. Vol. I. No 3. P. 342–347; Hamp E.P. Germanic *skalkaz // NOWELE = North-Western European Language Evolution. 1990. September. Vol. 16. P. 99; Pelteret D.A.E. Slavery in Early Medieval England from the Reign of Alfred until the Twelfth Century. Woodbridge, 1995. P. 302–303.*

⁹⁹ *L. Alam. 74,2: Si mariscalco alicuius, qui super 12 caballos est, occiserit, 40 solidos componat («Если [кто-то] убьёт маршала другого, который надзирает за 12 конями, пусть возместит [его господину] 40 солидов»); Olberg G., von. Op. cit. S. 221.*

¹⁰⁰ *Cap. 77 (Cap. Aquisgranense. a. 801–813). 10; Olberg G., von. Op. cit. S. 223.*

¹⁰¹ Термин *mariscalcus* ни разу не употреблялся Григорием Турским; вместо него он использовал близкое понятие *comes stabuli*, во Франции высокого Средневековья перешедшее в титул «коннетабль» (*Greg. Tur. Hist. V, 39; IX, 38; X, 5*); однако «коннетабль» Григория Турского, в отличие от «маршала» Салической правды, всегда выступал как приближённый короля.

редакциях Салической правды, кроме семьи В (фрагменты текста издания Герольда), имевший франкское происхождение термин *mariscalcus* заменялся термином *strator*, носившим тот же самый смысл¹⁰²; автор данного исследования склонен с ней согласиться.

Франкский термин *siniscalcus* также имеет общегерманские корни: в Алеманнской правде он предстаёт в роли «старшего раба» – надзирателя за прочими лично зависимыми обитателями господского хозяйства¹⁰³. При этом подчинённые ему господские слуги (*vassi*) могли быть, как подчёркивает фон Ольберг, по статусу выше рабов¹⁰⁴. Однако даже в этом случае «сенешаль», о статусе которого говорят варварские правды VI–VIII вв., вряд ли может быть с уверенностью назван приближённым короля: более десятка слуг (во главе которых, согласно L. Alam. 74,1, должен был быть поставлен «сенешаль») в это время могли иметь многие представители франкской и галло-римской знати. Кроме того, для обозначения старших в господском хозяйстве рабов имелись другие понятия – *maior* и *maiorissa*, перекликавшиеся с термином *maior domus*, который использовал в своём повествовании епископ Григорий Турский¹⁰⁵ и который был перечислен в Рипуарской правде в одном ряду с прочими представителями высшей прослойки франкского общества (графами и приближёнными короля)¹⁰⁶. Тем не менее, у нас слишком мало сведений для того, чтобы установить точную иерархию между указанными обозначениями «старшинства» для VI – начала VIII в. Только в главах 16 и 47 впервые указано на тесную связь «сенешаля» и близких к нему категорий

¹⁰² Olberg G., von. Op. cit.. S. 223.

¹⁰³ L. Alam. 74,1: Si alicuius seniscalco, si servus est, et dominus eius duodecim vassus infra domum habet, occiderit, 40 solidos conponat («Если [кто-то] убьёт сенешаля другого, если он будет рабом, и его господин будет располагать 12 слугами в хозяйстве, пусть возместит 40 солидов»). Индоевропейский корень *sen(o)- означает старшинство: Olberg G., von. Op. cit. S. 226–227.

¹⁰⁴ Полный список значений слова *vassus*: Niermeyer J.F. Op. cit. P. 1063–1065. Например, в L. Baiuv. (2,14) и L. Alam. (36,3) упомянуты *vassi* короля и его должностных лиц – графов и герцогов.

¹⁰⁵ Greg. Tur. Hist. VI, 45; IX, 30. Впрочем, тот же Григорий Турский однажды упоминал среди королевских слуг, обязанных военной службой (*qui ad exercendum servitium regale erant necessarii*), понятие *maior*: Ibid. IX, 36.

¹⁰⁶ L. Rib. 91,1 (88).

придворных (чашников, ловчих и сокольничьих), которые выступали в качестве представителей и посредников короля или королевы в деле передачи приказов и распоряжений франкского правителя управляющим его поместьями¹⁰⁷.

Таким образом, и «маршал», и «сенешаль» до формирования королевской администрации при первых Каролингах были представителями «высшей категории рабов», поскольку их социальное происхождение не соответствовало их правовому статусу в рамках домениальной администрации крупных землевладельцев Северной Галлии VI–IX вв. Однако у нас нет прямых доказательств, указывающих на то, что уже в период правления детей и внуков Хлодвига, а равно и при последующих Меровингах они обязательно должны были состоять на королевской службе и являться частью центрального государственного аппарата франкских королевств¹⁰⁸.

Совершенно особое положение, согласно Салической и Рипуарской правде, в обществе франков занимала категория лично зависимых слуг, обозначенных термином *puer regius*. Вопрос об их статусе не является столь однозначным, как может показаться на первый взгляд. Данная социальная категория находилась в явно привилегированном положении по сравнению со всеми прочими, что в первую очередь определялось их близостью к королю. Более подробно об этом будет сказано в следующем параграфе,

¹⁰⁷ Cap. de villis. 16: *Volumus ut quicquid nos aut regina unicuique iudici ordinaverimus aut ministeriales nostri, siniscalcus et butticularius, de verbo nostro aut reginae ipsis iudicibus ordinaverit, ad eundem placitum sicut eis institutum fuerit impletum habeant [...]* («Мы желаем, чтобы всё, что мы или королева приказывали какому-либо управляющему или [то, что] от нашего имени или имени королевы прикажут наши министриалы, сенешаль и чашник, тем управляющим, было бы исполнено к тому самому сроку, когда им будет указано...»); Ibid. 47: *Ut venatores nostri et falconarii vel reliqui ministeriales, qui nobis in palatio adsidue deserviunt, consilium in villis nostris habeant, secundum quod nos aut regina per litteras nostras iusserimus, quando ad aliquam utilitatem nostram eos miserimus, aut siniscalcus et butticularius de nostro verbo eis aliquid facere praesceperint* («Чтобы наши ловчие и сокольничьи и [ли] другие министриалы, которые усердно прислуживают нам при дворе, получали в наших виллах содействие согласно тому, что приказали мы или королева посредством наших предписаний, когда мы посылаем их к [исполнению] любой нашей службы, или [когда] сенешаль, и чашник предписывают им что-то сделать по нашему приказу»).

¹⁰⁸ *Olberg G., von. Op. cit. S. 227.*

касающемся проблемы эволюции правового статуса рабов во франкском обществе VI в.

Для того чтобы попытаться понять круг непосредственных обязанностей *puer regius*, необходимо прибегнуть к сравнительному анализу правовых и нарративных памятников. В произведении Григория Турского, описывавшего общественные реалии VI в., мы неоднократно сталкиваемся с категорией слуг (*pueri*, *puellae*), подчинённых самым разным людям – королям, высшим светским и духовным сановникам и (очень редко) простым франкам¹⁰⁹. Одновременно эти латинские термины могли использоваться в своём прямом значении и переводиться как «юноши и девушки»¹¹⁰.

К сожалению, практически ничего не известно о социальном статусе слуг, которые в «Церковной истории франков» обозначены как *pueri*. Более того, очевиден тот факт, что Григорий Турский не до конца представлял себе, чем отличается эта категория лично зависимых слуг от категории рабов, и в его повествовании также во множестве встречаются другие термины, обозначающие личную зависимость одного человека от другого: *ancilla*¹¹¹, *servus*¹¹², *famulus*¹¹³, *familiaris*¹¹⁴, *minister*¹¹⁵, *mancipia*¹¹⁶ и некоторые другие. Одного и того же человека он мог назвать в разных местах двумя разными понятиями¹¹⁷; одна и та же зависимая социальная категория могла быть названа двумя различными латинскими понятиями, а могло происходить

¹⁰⁹ Некоторые примеры употребления слова *puer* Григорием Турским в значении «слуга» или «раб»: *Greg. Tur. Hist.* II, 23; III, 5, 17-18; IV, 13, 46, 51; V, 14, 20; VI, 2, 35, 46; VII, 22, 29, 40, 46-47; VIII, 21, 26, 29, 41; IX, 9, 19; X, 2, 5, 14-15, 18, 27. См. также термин *puer* в значении «слуга» (со столь же неопределённым кругом обязанностей) у Фредегара: *Fredeg.* IV, 40, 55.

¹¹⁰ Например: *Greg. Tur.* III, 7; IV, 27; VI, 29, 35, 45; X, 5, 29.

¹¹¹ *Ibid.* V, 3; IX, 33, 39; X, 8.

¹¹² *Ibid.* IV, 46; V, 3, 20; VII, 47; X, 4, 15.

¹¹³ *Ibid.* IV, 41; V, 3; VI, 20; VIII, 12, 20, 34; IX, 6, 9, 12, 33; X, 5, 8, 28.

¹¹⁴ *Ibid.* V, 18, 20; VII, 41.

¹¹⁵ *Ibid.* IV, 5; V, 20; VI, 20; X, 15, 26. Ср.: *Fredeg.* IV, 36.

¹¹⁶ *Greg. Tur. Hist.* V, 28; VI, 25.

¹¹⁷ Пример – Гайлен: *Ibid.* V, 14 – *puer*; V, 18 – *familiaris*. Об отсутствии статуса субъекта права у раннесредневекового человека, обозначенного как *familiaris*, и его сходстве с министериялами раннего Средневековья, см.: *Niermeyer J.F.* *Op. cit.* P. 408–409.

слияние двух терминов в один¹¹⁸. Х. Бруннер в начале XX в. писал, что категории *famulus* и *pueri* ассоциируются у Григория Турского с «рабами высшей категории», обозначаемыми в *Lex Salica*, в частности, *ministeriales* и *vassi ad ministerium*¹¹⁹, однако анализ текста «Церковной истории франков» указывает на то, что это был упрощённый взгляд на проблему.

Тем не менее, основным выводом, который позволяет сделать его повествование, является то, что подавляющее большинство лично зависимых людей, именуемых *pueri*, являлось «рабами высшей категории». Их положение, особенно в случае прямой зависимости от короля, его фиска или его должностных лиц¹²⁰, было довольно высоким, а службы, которые они выполняли (передача донесений и ведение переговоров, защита господина на войне и в мирное время, управление поместьями и выполнение каждодневных поручений), резко отделяли их от массы простых рабов, занятых сельскохозяйственным и ремесленным трудом.

В целом, Григорий Турский разделял подход к категории *puer*, сформировавшийся в начале VI в. в Салической правде и позднее отражённый в правде Рипуарской¹²¹. Оба этих источника видели в них «рабов высшей категории», лиц, исполнявших престижные обязанности (не только в пользу короля, но и его должностных лиц, духовенства, реже – богатых франков). Выбор латинского термина, означавшего эту категорию, также не был случайностью: «юность» слуги следует понимать прежде всего как указание на его личную несвободу, «младший» статус по отношению к свободным людям.

¹¹⁸ Некоторые примеры такого употребления: *Greg. Tur. Hist.* V, 20 – *servi, familiares eius [regis]*; VI, 20 – *ministri et famuli*; VII, 47 – *servi, pueri*; IX, 33 – *famulus, ancilla*; X, 19 – *puer familiaris*.

¹¹⁹ *Brunner H. Op. cit.* S. 371. В 50-х гг. XX в. ту же мысль в отношении категории *ministerialis* развивал К. Бозль: *Bosl K. Vorstufen der deutschen Königsdienstmannschaft (Begriffsgeschichtlich-prosopographische Studien zur frühmittelalterlichen Sozial- und Verfassungsgeschichte) // Idem. Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa.* S. 244–245.

¹²⁰ Иногда Григорий Турский особенно выделял людей такого статуса: *Greg. Tur. Hist.* V, 20 (*familiaris regis*), 49 (*pueri regales*); VI, 32 (*pueri reginae*); VI, 45 (*familiae de domibus fiscalibus*).

¹²¹ См. примеры: *Brunner H. Op. cit.* S. 374.

Рипуарская правда знает также несколько уникальных для правовых источников раннего Средневековья специальностей. В первую очередь, необходимо упомянуть писца королевской канцелярии. Исходя из текста *Lex Ribvaria*, сложно однозначно ответить на вопрос о лично зависимом статусе этого человека¹²². Однако можно с достаточным основанием говорить о том, что упоминаемая в отношении него кара (отрубание пальца руки) была совершенно не характерна для свободного рипуария и могла указывать на рабский статус писца¹²³. При этом он всё-таки выделялся из общей массы рабов своими «делопроизводственными» навыками.

Кроме того, писец канцелярии был позднее, в VII в., упомянут среди прочих королевских чиновников – майордомов, графов, домашних, в связи с

¹²² L. Rib. 62 (59), 1–3: Si quis alteri aliquid vendiderit, et emptor testamentum venditionis accipere voluerit, in mallo hoc facere debet: praetium in praesente tradat et rem accipiat, et testamentos publice conscribantur. Quos si parva res fuerit, a septem testibus firmetur, si autem magna, a duodecim roboretur. Et si quis in posterum hoc refragare vel falsare voluerit, a testibus convicatur, aut cancellarius sacramentis interpositione cum simile numero, quorum roborata est idoneare studeat. Quod si carta in iudicio perforata et ungiata fuerit, tunc ille, qui causam prosequitur, dupla repetitione culpabilis iudicetur, et insuper ad partem cancellarii 45 solid. et unicuique de testibus 15 solid. culpabilis iudicetur et ipsum testamentum inviolatum perseveret [A-3 – *permaneat*, A-5 – *permanet ac perseveret*]. Si autem testamentum falsatum fuerit, tunc ille, qui causam sequitur, rem, quod repetit, cum 60 solidos recipiat, et insuper cancellario plex dexter auferatur, aut eum 50 solidos redemat, et unusquisque de testibus 15 solidos multetur («Если кто-то что-либо продаёт другому, и покупатель желает получить [письменное] удостоверение покупки, пусть он должен будет сделать это на судебном собрании: пусть в присутствии [свидетелей] передаст цену [вещи продавцу] и примет имущество, и пусть свидетели публично распишутся; пусть, если имущество будет незначительным, [делка] подтверждается семью свидетелями, а если значительным, пусть скрепляется 12 [подписями]. И если кто-то впоследствии захочет ему [т.е. удостоверению] противодействовать или подделать [грамоту], пусть будет изобличён свидетелями, и писец пусть попытается удостоверить [грамоту] посредством принесения клятвы с тем же количеством [свидетелей], которым [она] была скреплена. Если же на суде действительная грамота [о сделке] будет проколота [как подложная], тогда пусть тот, кто ведёт дело, будет повинен двойным возмещением, и сверх того – в пользу писца будет присуждён к выплате 45 солидов, и пусть каждому из свидетелей будет повинен 15 солидами, и пусть это удостоверение будет сохранено в неприкосновенности. Если же удостоверение [покупки] будет ложным, тогда пусть тот, кто ведёт дело, пусть получает имущество, которого он домогается, вместе с 60 солидами, и сверх того пусть отнимут у писца канцелярии большой палец на правой руке, или же пусть [писца] искупает 50 солидами [его господин?], и каждый из свидетелей штрафуется 15 солидами»).

¹²³ Мы не можем согласиться с мнением исследователя середины XIX в. Майера, который предлагал считать канцелярия архидиаконом церкви, в которой шло судебное разбирательство (*Mayer E. Zur Entstehung der Lex Ribuariorum. S. 151–152. Anm. 180*), поскольку он не приводит отсылок к подобным наказаниям в отношении церковнослужителей в других источниках VI–VIII вв.

их ответственностью за вынесение несправедливых приговоров и взяточничество¹²⁴. Поэтому можно выдвинуть обоснованное предположение о том, что писец канцелярии относился по своему статусу к «рабам высшей категории».

В том же самом титуле среди *optimates* названы должности майордома и доместика; последний в известной мере был близок по своим функциям к «старшему слуге» Салической правды, выполняя роль управляющего господского хозяйства, а также мог быть финансовым распорядителем при дворе короля¹²⁵. В источниках, сходных по времени написания и бытования с Рипуарской правдой (формулы Маркульфа, вторая половина VII – начало VIII в.), он известен как управляющий королевской виллой¹²⁶; скорее всего, и в *Lex Ribvaria* он имел сходный круг обязанностей. На последнее обстоятельство указывает также то, что он назван в числе лиц, творивших суд на местах.

Таким образом, даже с приведёнными оговорками, мы можем проследить на основе титулов франкских правд значительный пласт «профессий» и занятий населения, имевшего рабский статус в эпоху Меровингов и Каролингов. У основания пирамиды, составлявшей массу лично зависимого населения, стояли занимавшиеся сельским трудом рабы; по относительной численности они должны были составлять наиболее

¹²⁴ L. Rib. 91,1 (88): *Hoc autem consensu et consilio seu paterna traditione et legis consuetudine super omnia iubemus, ut nullus potimatis, maior domus, domesticus, comes, gravio, cancellarius vel quilibet gradibus sublimitas in provintia Ribvaria in iudicio resedens munera ad iudicio pervertendo non recipiat. Quod si quis in hoc deprachensus fuerit, de vita conponat* («Также то мы превыше всего постановляем по [всеобщему] согласию и обсуждению, и согласно традициям отцов и по обычаям закона, чтобы никто из первых лиц, ни майордом, ни доместик, ни приближённый, ни граф, ни писец канцелярии и ни возвышенный какой-либо другой должностью, присутствуя на суде в земле рипуаров, не принимал взятку для извращения [решения] суда. Если кто-то в этом будет уличён, пусть искупает [это преступление] жизнью»).

¹²⁵ На это указывает в своём словаре Я. Нирмейер: *Niermeyer J.F. Op. cit. S. 347–348.*

¹²⁶ *Form. Marc. I, 39: ... iubemus, ut per omnes villas nostras, qui in vestras vel in cuncto regno nostro aliorum domesticorum sunt accionibus, tres homines servientes ... ingenuos relaxare faciatis* («Повелеваем, чтобы по всем нашим виллам во всём нашем королевстве, которые будут преданы в вашу [власть] или [власть] других доместиков, вы предусмотрели отпустить на свободу по три человека рабского состояния»).

внушительную группу среди всех рабов. По мере эволюции франкского общества, развития крупного поместного и королевского землевладения, их число продолжало увеличиваться; это происходило как за счёт естественного воспроизводства, так и за счёт закабаления свободных представителей франкского общества.

На более высокой ступени стояли те рабы, которые выполняли различные квалифицированные работы по дому, в саду господина, а также владели ремесленными навыками по обработке металлов или изготовлению предметов роскоши (к примеру, средств передвижения). Их стоимость в разное время оценивалась по-разному, однако она неизменно была высока.

Ещё выше стояли те рабы, которые занимались «делопроизводством», управлением поместьями и угодьями своего господина, а также исполняли важные службы в его хозяйстве. Грамотность, наличие организаторских навыков впоследствии помогли некоторым из них получить свободу и даже привилегированный статус. К этой категории относились, прежде всего, «старшие рабы», которых в Салической и Рипуарской правдах было перечислено предостаточно: *maior*, *maoirissa*, *infertor*. Сюда же следует отнести тех рабов, которые, будучи нередко приравненными по стоимости к простым ремесленникам, тем не менее, выполняли личные поручения своего господина (курьерские обязанности) или ухаживали за его конями: *siniscalcus*, *mariscalcus*, *servus puledrus*, *strator*, *puer (puella) de ministerio*. В условиях постоянных военных стычек между франками и их соседями в VI – начале VII вв. и в VIII – начале IX вв. функции «сенешаля» и «маршала» возвысили их до придворных должностей, превратив из «рабов высшей категории» в привилегированных франков, выполнявших самые ответственные королевские поручения и возглавлявших войска в походах.

Наконец, уже с начала VI в. на самой вершине пирамиды лично зависимого населения Северной Галлии находились королевские слуги (*puer regius*), исполнявшие административные и судебные обязанности при дворе короля (в качестве графов и сацебаронов). Судя по Рипуарской правде, на

Среднем Рейне в VI–VIII вв. также очень ценились делопроизводители (cancellarius) и управляющие королевскими поместьями (domesticus). Необходимо заметить, что особое положение этих людей изначально придавало им привилегированный статус; по мере развития раннегосударственных образований в Северной Галлии и на Среднем Рейне в VI–IX вв. большинство этих «рабов высшей категории» были интегрированы в состав высшей общественной страты и получили важные административные должности.

§ 3. Эволюция правового статуса рабов по материалам редакций Салической правды начала VI – начала IX в.

Приступая к столь сложному и трудоёмкому этапу исследования, как анализ правового статуса рабов по материалам Салической правды, необходимо сделать несколько вводных замечаний.

Во-первых, основная цель исследовательского поиска – выявление причин, основных линий и последствий эволюции рабства как феномена и как института раннесредневекового общества Северной Галлии. Для этого необходим текстологический анализ главных «представителей» всего корпуса рукописей, выявленных и изданных критическим или дипломатическим образом в XIX – начале XXI вв. В случае с Салической правдой мы имеем дело с семью различными семьями рукописей, которые отличались друг от друга как по составу титулов, так и по их содержанию.

Во-вторых, необходимо обратить особое внимание на терминологию рабского и лично зависимого статусов в Северной Галлии, отражённую в Салической правде и королевских капитуляриях, которые дополняют её текст. Прежде всего, речь идёт о латинских наименованиях рабов в тексте; однако это в равной степени относится и к мальбергской глоссе, т.е. словам франкского диалекта, связанным с квалификацией того или иного казуса в системе франкского судопроизводства VI–VIII вв. Очень часто она содержит терминологию, касающуюся рабов и отражавшую их социальный и правовой статус в обществе салических франков.

В-третьих, в различных рукописях *Lex Salica* имеются разночтения не только в социальной терминологии, но и в тех элементах, которые играют важную роль в определении статуса раба: величина штрафа за жизнь, возмещение за причинённый ущерб его господину, оценочная стоимость самого раба, наказания за отдельные проступки рабов и т.д. Все эти элементы в одном и том же титуле, отражённом в различных редакциях Салической

правды, могли в точности воспроизводиться, а могли достаточно сильно изменяться.

Наконец, важнейшую роль в изучении эволюции статусов личной зависимости раннего Средневековья по материалам *Lex Salica* играет сопоставление положения рабов с положением других категорий франкского общества начала VI – начала IX в.: полноправных свободных (*ingenui, liberi*) и не полностью зависимых (*liti*) его представителей¹²⁷. Без этого невозможно полностью представить себе социальный и правовой статус, общественное положение отдельных категорий рабов, а также вписать их в общий контекст развития общества салических франков начала VI – начала IX в.

¹²⁷ На классификацию титулов *Lex Salica* не только по признаку совершённого правонарушения, но и по отношению к социальному статусу, возрасту и полу, а также размеру материального ущерба, причинённого в ходе совершения преступления, ещё в 20-х гг. XX в. обратил внимание Ф. Байерле, называя это «категориальной системой с ранжированием судебных прецедентов по предмету [разбирательства]» (*die kategoriale Systematik mit meist abstufender Objektskasuistik*): *Beyerle F.* Op. cit. S. 221–222.

§ 3.1. Правовой статус привилегированных рабов и ответственность за преступления против них:

В предыдущем параграфе были воспроизведены многочисленные казусы, которые свидетельствовали не только о различных занятиях и уровне квалификации отдельных категорий зависимого населения Северной Галлии, но и о различной ценности их жизни. Речь идёт не только о стоимости раба, указанной в правовых источниках VI–IX вв., но и о размере штрафа, который был предусмотрен за убийство или увечье разных их категорий. Сопоставляя эти суммы и размер санкций друг с другом и с вергельдами, которые были предусмотрены в отношении других социальных слоёв (в первую очередь – свободных франков и литов), можно прийти к выводам о большей или меньшей ценности жизни отдельных категорий личной зависимости во франкском обществе и тем самым очертить их правовой статус. Как правило, правовой статус и общественное положение отдельно взятого раба напрямую коррелировали не только с его стоимостью или размером штрафа за его жизнь, но и с родом его занятий и уровнем квалификации. Также большое значение имело доверие, которое господин оказывал одному из рабов, поручая ему более ответственную (но не всегда – самую сложную) работу¹²⁸.

К сожалению, сведения об отдельных сторонах правового и социального статуса (абсолютная и относительная стоимость, возмещение за убийство или другие преступления против раба, ответственность раба и его господина за его собственные правонарушения, право участия в судебных собраниях) в отношении лично и поземельно зависимых людей, которых принято относить к «высшей категории рабов», фрагментарны и отрывочны.

¹²⁸ Такое положение дел Оливер описывает в отношении женщин–рабынь в англосаксонском праве. Она отмечает то, что имевшие доступ в покои служанки, подносившие вино или бывшие наложницами господина, пользовались особым его доверием. Обратной стороной доступа к телу своего хозяина было то, что они легко могли подорвать его здоровье или даже убить его (в частности, подмешав яд в питьё или подбросив на ложе господина ядовитую змею). *Oliver L. Op. cit. P. 221.*

Тем не менее, они позволяют нам сделать выводы об относительно высоком правовом статусе этой социальной страты.

Для текста Салической правды времени правления Хлодвига было характерно смешение терминологии должностного статуса и социального положения: так, человек, будучи по происхождению *puer regius*, мог обладать должностью сацебарона (*sacebaro*, от *saca* – «судебный процесс») или графа (*grafio*)¹²⁹. В этом случае его жизнь оплачивалась штрафом в 300 сол., равным возмещению за жизнь сотрапезника короля. С другой стороны, уже следующий за этим казус говорил о том, что сацебарон мог быть свободным (*ingenuus*), и в этом случае его жизнь оценивалась в два раза выше. Сходный по содержанию (явно заимствованный из *Urtext* Салической правды) титул имелся и в Рипуарской правде: здесь даже сохранён размер композиций за убийство графа и *puer regius*¹³⁰. Значит, *puer regius* как социальный статус был значительно ниже, чем статус свободного, и являлся признаком социального неполноправия и личной зависимости от короля.

¹²⁹ L. Sal. A : 54,2–3; B : 57,2–3; C: 54,2–3; D : 90,2–3; E : 89,2–3; K : 56,2–3; S : 7,2–3: Si quis sacebarone aut obgrafionem [A-4 – *et graffionem*, B-10 – *aut gravionem*, D, E – *aut graff[v]ionem*; A-2–A-3, C, K, S – *omcyтmъeyem*] occiderit [A-2 – *cui fuerit adprobatum, mal. leude sacce muther*] qui puer regius fuit, XII M din. qui f[aciunt] sol. CCC culp[abilis] iudic[etur]. Si quis sacebarone qui ingenuus est [A-3, K – *et se saceborone posuit*; B – *et se vel alium sacebaronem posuerit*; D – *et alio sagsbarronem posuit, aliquis eum*, E – *et alium sagibaronem posuit*] occiderit, XXIII M din. qui f[aciunt] sol. DC culp[abilis] iudic[etur] [D-7 – *exc[e]pt[o] cap[ita]ll[e] et dil[atura]*] («Если кто-то убьёт графа или сацебарона, который будет являться слугой короля [и буде уличён, на суде – «возмещение за жизнь сведущего в суде»], пусть будет повинен уплатить 12 тыс. денариев, что составляет 300 солидов. Если кто-то убьёт сацебарона, который будет свободным [и поставит себя или другого сацебароном], пусть будет повинен выплатить 24 тыс. денариев, что составляет 600 солидов, не считая убытков и компенсации [издержек по делу]»). Перевод слова *puer* как «слуга» мы принимаем условно, поскольку любой перевод лишь отчасти передаёт смысл латинского оригинала. Г. фон Ольберг (*Olberg G., von. Op. cit. S. 99*) видела в сацебаронах «помощников» графов в деле судопроизводства (*Urteilssprecher*), поэтому ставила их ниже в раннегосударственной структуре начала VI в. На наш взгляд, соподчинение между двумя указанными должностями не было столь строгим: в частности, графы должны были сохранять вынесенные тремя сацебаронами приговоры по делам в силе (L. Sal. A : 54,4; B : 57,4; C: 54,4; D : 90,4; E : 89,4; K : 56,4; S : 7,4).

¹³⁰ L. Rib. 54 (53),1–2: Si quis iudicem fiscalem, quem comitem vocant, interfecerit, ter ducenos solidos multetur. Quos si regius puer vel ex tabulario ad eum gradum ascenderit, sexies quinquagenos solidos multetur («Если кто-то убьёт судью фиска, которого называют графом, пусть будет оштрафован трижды по 200 солидов. Пусть, если [это будет] королевский слуга или тот, кто был поднят в этот статус из [числа] табуляриев, будет [виновный] оштрафован шесть раз по 50 солидов»).

В последнем мнении можно утвердиться, обратившись к титулу 13,7 *Pactus legis Salicae*. В нём *puer regius* за умыкание женщины подвергался такой же каре, как и другой неполноправный член франкского общества – лит, т.е. смертной казни¹³¹. В этом отношении королевский слуга наказывался гораздо строже свободного франка; очевидно, что штраф – «заменитель» смертной казни (порабощание) не мог быть использован в этом случае по той причине, что он уже был лично зависим от короля. Примечательно то, что к одной из низших социальных категорий – вольноотпущеннику, *puer regius* приравнивал и более поздний по времени, чем древнейшая редакция *Lex Salica*, Капитулярий V¹³².

Термин «барон» (*baro*) встречался в варварских правдах гораздо чаще (*L. Sal.*, *L. Rib.*, *L. Alam.*, *Ed. Roth.*), чем «сацебарон». Причём нельзя исключать того, что прочие правовые источники германских племён раннего Средневековья усвоили дефиницию «барон» из Салической правды, после попадания части этих племён (рипуаров, алеманнов) в орбиту влияния салических франков.

Статус «барона», как полагает Г. фон Ольберг, постепенно повышался от личной зависимости к свободе и привилегированному положению в обществе полноправных, однако полное выражение эта тенденция нашла лишь в грамотах и капитуляриях VIII–IX вв.¹³³ В VI–VII вв. *baro* отождествлялся либо со свободным непривилегированным человеком мужского пола (и одновременно противопоставлялся в правовых источниках и рабам, и женщинам)¹³⁴, либо с зависимыми от короля или церкви

¹³¹ *L. Sal.* A : 13,7; B : 14,6; C : 13,7; D : 14,6; E : 14,3; K 14,6; S : 23,6: *Si vero puer regi vel litus ingenuam feminam traxerit, de vita culp[abilis] esse debet* [A-2 – A-4, B – E, K, S: *de vita conponat*] («Если же свободную женщину уведёт королевский слуга или лит, пусть будет повинен собственной жизнью»).

¹³² *Cap. V.* 117,1: *Si quis puerum regis aut libertum occiderit, solidos C culpabilis iudicetur* («Если кто-то убьёт королевского слугу или вольноотпущенника, пусть будет присуждён к уплате 100 солидов»).

¹³³ *Olberg G., von. Op. cit.* S. 102–103.

¹³⁴ *Pact. leg. Sal.* 31, 1 (по рукописям A-1 – A-2): *Si quis baronem ingenuum de via sua ostaverit aut inpinxerit, mal. vialacina hoc est DC din. qui f[aciant] sol. XV culp[abilis] iudic[etur]* («Если кто-то столкнёт свободного человека с его пути или заградит [ему путь],

людьми¹³⁵. В данном случае этимология латинского понятия (*baro* – «дурень», «увалень») теряла свой негативный смысл; в позднекаролингский период этот термин применялся уже по отношению к «высшим политическим советникам короля»¹³⁶.

На основе этого можно говорить о том, что «барон» VI–VIII вв. (а равно и *сацебарон*) являлись в структуре франкских королевств «королевскими должностными лицами, социальное происхождение которых могло быть различным»¹³⁷; однако такое положение дел не было исключительной характеристикой меровингских королевств, что можно подтвердить примерами графов Андархия и Леудаста¹³⁸. Отпуск на волю рабов, в т.ч. захваченных в военных походах, и повышение социального статуса приближенных к королю слуг – вот две основных причины формирования широкого слоя «рабов высшей категории» (или, по

на суде – «заграждение пути», пусть будет присуждён к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов»); Ed. Roth. 14: *De morth. Si quis homicidium in absconse penetravit in barone libero aut servo vel ancilla... nonigentos solidos conponat* («Об убийстве. Если кто-то проникнет [с целью] убийства в убежище к свободному человеку, или рабу, или рабыне, пусть возместит 90 солидов»); L. Rib. 86,1: *Si quis baro [A-8, A-10, A-11, B – vir] seu mulier Ribvaria per [A-8, A-10, B – venenum seu per aliquod] maleficium aliquem perdiderit [A-3, A-8, A-10 – aut interfecerit], wirigeldum conponat* («Если кто-то погубит рипуара, мужчину или женщину, посредством яда или какого-либо колдовства, пусть выплатит [свой] вергельд»).

¹³⁵ Ed. Roth. 17: *Si quis ex baronibus nostris ad nos voluerit venire, securus veniat, et inlesus ad suos revertatur; nullus de adversariis illi aliquam in itinere iniuria aut molestia facere presumat* («Если кто-то из наших [служилых] людей пожелает к нам прийти, пусть следует спокойно и возвратится к своим невредимый; никто из противников пусть не смеет ему причинить в пути какого-либо вреда или беспокойства»); L. Rib. 61,12–13: *Quod si quis hominem regium [A-3, A-5, A-9 – A-11, B – tabularium] tam baronem quam feminam de mundeburde regis abstulerit, sexaginta solidos culpabilis iudicetur* («Пусть, если кто-то уведёт королевского человека [табулярия], как мужчину, так и женщину, из-под покровительства короля, был приговорён к выплате 60 солидов»); *Similiter et ille, qui tabulariam vel ecclesiasticam feminam seu baronem de mundeburde ecclesiae abstulerit, sexaginta solidos culpabilis iudicetur* («Равным образом и тот, кто уведёт табулярию или мужчину, также и женщину, [зависимых от] церкви, из-под покровительства церкви, пусть будет приговорён к выплате 60 солидов»).

¹³⁶ См. подробнее об этом процессе: *Bosl K. Über soziale Mobilität in der mittelalterlichen «Gesellschaft». Dienst, Freiheit, Freizügigkeit als Motive sozialen Aufstiegs // Idem. Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa. S. 156–179.*

¹³⁷ *Olberg G., von. S. 100, 104.*

¹³⁸ Назначение графов из бывших рабов и вольноотпущенников практиковалось даже при Карле Великом, несмотря на запрет этого процесса Эдиктом Хильперика 614 г. См. подробнее: *Bosl K. Vorstufen der deutschen Königsdienstmannschaft... S. 246–247, 248.*

выражению немецкой исторической науки XX в., *gehobene Unfreien*), занимавших весьма высокие, а иногда даже ключевые позиции в формировавшейся структуре власти Меровингов, а затем – Каролингов.

Стоит отметить и то, что нигде в Салической правде латинский термин «раб» (*servus, mancipium*) не применялся по отношению к *ruer regius*, сацебарону, тем более – графу. Это ещё раз подтверждает тот факт, что близость к королю напрямую влияла на правовой статус отдельно взятого индивида в Северной Галлии раннего Средневековья¹³⁹.

Также относительно высоким правовым статусом располагали те слуги и рабы, которые обладали т.н. «престижными профессиями» в рамках крупных вилл франкской и (возможно) галло-римской знати. Прежде всего, речь идёт о ремесленниках и слугах, выполнявших важные для господского хозяйства работы (по уходу за лошадьми, по ведению «делопроизводства» и т.п.). Эти категории с разной степенью полноты были перечислены в титуле *Pact. legis Sal. 10,3*. Различные редакции *Lex Salica* предусматривают разные штрафы за переманивание рабынь, виноградарей, кузнецов, свинопасов, каретников, мельников и конюхов из этих поместий: от минимального в 6 солидов (S) до наиболее высокого в 85 солидов (A-2). При этом различалась также стоимость рабов и рабынь, которая указывалась в рукописях семей A, C, D, E, K и S. Если сопоставить эти суммы с суммой выкупа за жизнь тех же самых категорий рабов, то получится следующая таблица:

	A	C	D	E	K	S
Стоимость (сол.)	15–35	15–25	25–30	25	15, 25	6, 15, 25
Возмещение (сол.)	65–85	65	60	60	70	65

Представленная таблица позволяет сделать основополагающий вывод относительно статуса ремесленников и квалифицированных работников поместий, перечисленных во всех редакциях *Lex Salica* (кроме текста,

¹³⁹ *Vinogradoff P. Wergeld und Stand // ZSSR. GA. 1902. Bd. 23. S. 159; Bosl K. Op. cit. S. 247, 249.*

переданного у Герольда): на протяжении нескольких столетий их положение было привилегированным по сравнению с основной массой простых рабов, использовавшихся для подсобных, низкоквалифицированных работ по хозяйству и сельскохозяйственного труда. Это выражалось в том, что возмещение за кражу перечисленных категорий ремесленников (не считая возмещения их хозяину причинённых убытков) было выше штрафа, предусмотренного за кражу рабов, не входивших в число «рабов высшей категории» и обозначенных только как *servi*, *mancipia* или *ancilla*, в два раза¹⁴⁰.

Особое внимание стоит обратить на разночтения, имевшие место в семье В и отразившиеся в публикации *Lex Salica* Иоганна Герольда. Во-первых, в этом тексте был зафиксирован штраф в 45 солидов за жизнь раба-конюха (*servus puledrus*), отличный от штрафа за конюха, обозначенного в семье А латинским термином *strator*. Возможно, это было связано с особенностями состава рабской прослойки в Австразии середины VI в., где раб, выполнявший обязанности в господской конюшне, обладал по сравнению с обычным конюхом специфическими навыками, которые заставляли господина оценивать его выше прочих конюхов. Кроме того, *servus puledrus* обладал гораздо большим доверием господина по сравнению с обычным рабом, поскольку он имел доступ к одному из самых главных достояний франкского общества – к племенным лошадям.

¹⁴⁰ Установление, согласно которому штраф за кражу *servi* и *ancillae* был установлен в размере 30–35 солидов, встречается в титуле *Pact. legis Sal. 10,1*. Поскольку этот титул вместе со всеми разночтениями очень подробно будет проанализирован чуть ниже, в данном месте имеет смысл ограничиться только его редакцией, зафиксированной в рукописях А-2 и А-4: *Si quis servum aut ancilla caballum vel iumentum furaverit* [А-4 – *cui fuerit adprobatum*, А-2 – отсутствует], *mal. teoducco sunt* [А-4 – глосса отсутствует] *din. I MCCCC fac[iunt] sol. XXXV culp[abilis] iud[icetur]*. Кроме того, семьи рукописей С, D, E, K, S предлагают такое же возмещение за рабыню: *L. Sal. C : 10,4: Si quis ancillam alienam furaverit, malb. texesa* [С-6 – *teothexaca*] *sol. XXX culp[abilis] iud[icetur]* («Если кто-то украдёт чужую рабыню, на суде – «похищение» [рабов], пусть будет должен заплатить 30 сол.»); *Ibid. H : 11,2: ...De ancilla vero solidos XXX; D : 11,1; E : 11,1; K : 11,1; S : 42,1: Si quis servum aut ancillam furaverit et ei fuerit adprobatum, mal. theostexaca, sol. XXX culp[abilis] iud[icetur] exсep[to] cap[itale] et dela[tura]* («Если кто-то украдёт раба или рабыню и будет им признан [на суде], на суде – «похищение рабов», пусть будет должен заплатить 30 сол., не считая возмещения убытков и стоимости похищенного [раба]»).

В титуле 11,6–7 того же издания Герольда, наряду с уже перечисленными в рукописях семей А и С квалифицированными ремесленниками и слугами (L. Sal. А : 10,3; С : 10,7), приводятся и другие «профессии» рабов. Речь идёт, прежде всего, о приближённых к господину слугах, выполнявших его личные поручения и отвечавших за его хозяйство (maior, maiorissa, ministerialis; scantio, mariscalcus, infertor). Вместе с ремесленниками, занятыми в господском хозяйстве, конюхами, свинопасами и виноградарями, они составляли в гипотетически реконструируемом тексте семьи В единую категорию: их стоимость составляла 25 солидов, а штраф за кражу, перепродажу или убийство такого раба составлял 1400 денариев (т.е. $1400 : 40 = 35$ солидов).

Этот штраф был в два раза ниже, чем возмещение за кражу «рабов высшей категории», указанных во всех других семьях рукописей. Причина столь резкого перепада в той сумме, которая представляла собой компенсацию за жизнь и трудовые навыки раба, не очень ясна. По-видимому, данный штраф сложился под влиянием особых условий и специфики развития хозяйства крупных землевладельцев (возможно, также и королевского землевладения) в Австразии середины VI в.

Тем не менее, нет никаких оснований исключать перечисленные категории лично зависимого населения из числа «привилегированной» прослойки рабов. Факт включения в неё столь разных по своим занятиям людей (ремесленников, виноградарей, «делопроизводителей», личных слуг и т.д.) основан не только на их высокой относительной стоимости и не только на высоком штрафе за их жизнь, но в первую очередь на обнаружении у них совершенно определённых качеств, умений и квалификации, которые были в относительном дефиците в раннем Средневековье и позволяли обеспечивать не только базовые потребности господского хозяйства (например, распашку земли, выпас скота, строительство зданий, выполнение подсобных работ по дому), но и обеспечивали организацию, контроль, регулирование

хозяйственной жизни раннесредневекового поместья, а также производство высококачественных орудий труда и предметов роскоши.

Среди «рабов высшей категории» Салическая правда также упоминает служанок короля. Эта категория лично зависимого населения встречается однократно, в связи с изнасилованием различных категорий рабынь¹⁴¹. За рабыню короля полагалась выплата в 30 солидов, а за рабыню свободного человека (возможно, также и привилегированного франка) – 15 солидов, т.е. в 2 раза меньше. Обе суммы выглядят внушительными для франкского общества; достаточно сказать о том, что штраф за изнасилование рабыни короля был равен стоимости отдельных «привилегированных» категорий рабов, указанных в *Pact. legis Sal.* 10,3. В случае с изнасилованием королевской рабыни штраф, по-видимому, отходил королевскому фиску, поскольку господином по отношению к ней выступал король. К сожалению, неясно, какими функциями обладала данная категория рабынь; можно лишь предполагать, что они были наложницами или же прислуживали королю в быту (например, сервировали стол)¹⁴², однако прямых указаний на занятия этой категории служанок у нас нет.

Даже тот скудный материал, связанный с конкретными правовыми казусами, в которых перед нами выступают «рабы высшей категории», не даёт нам весомых оснований для их причисления к общей массе германских

¹⁴¹ L. Sal. A : 25,1–2; B : 29,1–2; C : 25,1–2; D : 36,1–2; E : 35,1–2; K : 27,1–2; S : 67,1–2: Si quis ingenuus cum ancilla aliena mechatus fuerit et ei fuerit adprobatum [A-3 – *malb. teolosina*; B – *anilasina*, глосса – *theolasina uuirtico*; C-6 – *theolasina*; D – *eualie[sina]*], domino ancillae DC din. qui f[aciunt] sol. XV culp[abilis] iudic[etur]. Si quis vero cum rege ancilla mechatus fuerit [A-2 – *et ei fuerit adprobatum*], mal. theolosina hoc est [C – отсутствует; D – *malb. eualie[sina]*] I MCC din. qui f[aciunt] sol. XXX culp[abilis] iudic[etur] («Если кто-то совершит насилие в отношении чужой рабыни и будет уличён [на суде – «совращение рабыни»], пусть будет присуждён к уплате господину рабыни 600 денариев, что составляет 15 сол. Если же кто-то совершит насилие над королевской рабыней [и будет уличён], на суде – «совращение рабыни», пусть будет присуждён к уплате господину рабыни 1200 денариев, что составляет 30 сол.»). Вариант *Pact. legis Sal.* 25,2, который имеется в C-6, отличается от прочих семей своей лапидарностью: Si vero regis est, sol. XXX.

¹⁴² Такое предположение сделано по аналогии с кентским законодательством VII в. (именно – законами Этельберта), где девушка–виночерпий указана среди особо приближённых к крупному землевладельцу или даже рядовому свободному рабынь (*Abt.* 14, 16).

рабов. Нахождение в непосредственной зависимости от крупных светских или церковных землевладельцев, в т.ч. короля, давало таким рабам важные преимущества в плане социальной мобильности: постепенный переход в VI–VIII вв. таких категорий, как *maior*, *infertor*, *strator* и *puer regis* из разряда лично зависимых слуг короля в привилегированный статус людей, занимавших самые важные посты при дворах Меровингов, становившихся крупными землевладельцами, распоряжавшихся значительными богатствами, не мог быть совершён подавляющим большинством несвободного населения Северной Галлии. Очевидно, что даже некоторые, продолжавшие оставаться в личной зависимости рабы короля или церкви по статусу могли сравниться с вольноотпущенниками или литами, что видно на примере сравнения категорий *puer regis*, *libertus* и *litus*¹⁴³. Другие категории «рабов высшего статуса», которые находились в рамках господских поместий VI–IX вв., даже при отсутствии прямой связи с королём, должны были иметь большой доступ к богатствам и возможности выкупиться на волю или быть отпущенными в результате усердной службы господину, нежели основная масса занимавшихся неквалифицированными работами по дому или трудом в поле рабов.

§ 3.2. Правовой статус рабов в составе господского имущества и преступления против них:

Салическая правда, давая богатый материал для реконструкции социального и правового статуса лично зависимого населения, обращает внимание в первую очередь не на «привилегированные» категории, а на обычных рабов, не являвшихся квалифицированными ремесленниками или членами поместной администрации. Эта категория рабов, наиболее широкая среди всех, обозначается понятиями *servus* («раб») или *ancilla* («рабыня»), проводящими линию разделения по половому признаку; также

¹⁴³ См.: L. Rib. 54 (53),2; Pact. leg. Sal. 13,7; Cap. V. 117,1.

применительно к ней встречается безличное обозначение *mancipia* («рабы»). Последующее изложение будет посвящено анализу их социального положения и правового статуса в рамках общества салических франков раннего Средневековья.

Особую сложность представляют текстуальные различия, которые постоянно встречаются в различных семьях рукописей и даже в пределах одной семьи. Нередко определение первоначального текста титула, восходящего ко времени существования древнейшей редакции начала VI в., до предела затруднено или вообще невозможно. Эти обстоятельства, безусловно, затрудняют работу по восстановлению картины эволюции рабского статуса в *Lex Salica* на протяжении начала VI – начала IX в. Поэтому внутренняя критика текста и его сопоставление с обычным правом других германских племён, а также поиск возможных аналогий в римском праве поздней Античности, являются необходимыми условиями изучения эволюции статуса и положения лично зависимого населения на территории Северной Галлии периода правления Меровингов и формирования империи Карла Великого.

Для большинства исследователей древнейшего текста Салической правды начала VI в. (семья А), начиная с XIX в., была характерна открытая манифестация полного бесправия рабов; их несвобода напрямую противопоставлялась понятиям «свободы» и «полусвободы» представителей других категорий франкского общества именно как показатель отсутствия у них всех прав (права вхождения в родовое объединение, участия в судебных разбирательствах, обладания и распоряжения имуществом и пр.). Прежде всего, это отражено в трактовке титула 10,1 *Pactus legis Salicae*, где рабы по их ценности приравниваются к упряжному скоту. В классической интерпретации исторической науки XIX–XX вв. это означало полное отсутствие у раба личности, отрицание раба как персоны права. Согласно общепринятой точке зрения, такое положение вещей наблюдалось ещё со времени описания германцев Тацитом и закрепилось у салических франков

при Хлодвиге в начале VI в. в результате ознакомления франкских законодателей с реалиями классического римского права.

Кроме того, практически все немецкие историки права XIX в. подчёркивали факт отсутствия у рабов раннего Средневековья вергельда, который был у полностью или частично свободного человека. Они писали о том, что применительно к рабам можно говорить только об их стоимости (*valens, capitale*), а в случае совершения против них правонарушений – только о возмещении ущерба их господину¹⁴⁴. Впоследствии, при развитии отечественной медиевистики, с конца XIX в. эта точка зрения была перенесена в труды Д.М. Петрушевского¹⁴⁵ и А.И. Неусыхина¹⁴⁶. Тем не менее, положения немецкой школы права относительно статуса раба, нашедшие отражение ещё в «Немецких правовых древностях» Гримма, были поставлены под сомнение ещё в 80-х гг. XIX в. Х. Бруннером; в середине прошлого столетия тенденция к признанию ограниченной правоспособности раба (в т.ч. наличия даже у низших категорий рабов компенсации за жизнь, подобной вергельду свободных) получила дальнейшее распространение¹⁴⁷.

¹⁴⁴ См., например: *Grimm J.* Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen, 1956. Bd. I. Buch 1. S. 473–475; *Jastrow I.* Zur strafrechtlicher Stellung der Sklaven bei Deutschen und Angelsachen. Breslau, 1874. S. 4–6, 13, 20; *Waitz G.* Op. cit. Kiel, 1844. Bd. I. S. 180–186; *Ibid.* Kiel, 1870. Bd. II. S. 167–171, 205–208; *Wilda W.E.* Geschichte des deutschen Strafrechts. Halle, 1842. Bd. I. S. 652–663; *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. S. 173–186; с ними солидаризировался ирландец Дж. К. Ингрэм: История рабства от древнейших до новых времён с дополнениями их трудов Валлона, Турманя, Рамбо и Лависса. СПб., 1896. С. 142 [Репринтное издание (со 2-го издания) 2011 г.]; и француз Ш. Летурно: *Letourneau Ch.* L'Évolution de l'esclavage dans les diverses races humaines. Paris, 1897. P. 464.

¹⁴⁵ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М., 2003. С. 32–34; *Он же.* Очерки из истории средневекового общества и государства. С. 182–183 (о положении англо-саксонских и древнегерманских рабов).

¹⁴⁶ *Неусыхин А.И.* Собственность и свобода в варварских правдах (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы V–VIII вв. (1946)) // *Он же.* Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974. С. 43–46; *Он же.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества... С. 122 (о наличии вергельда у лита и штрафа за жизнь раба).

¹⁴⁷ *Brunner H.* Op. cit. Bd. 1. S. 369–370; *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Ein Lehrbuch. Karlsruhe, 1954. Bd. 1. Frühzeit und Mittelalter. S. 159–160; *Verlinden Ch.* Op. cit. P. 662; *Bondue D.* De servus à sclavus: La fin de l'esclavage antique (371–918). Paris, 2011. P. 202–203.

Отчасти развитие нового взгляда на раба как на человека, обладавшего отдельными чертами личности, представлено в работах англичанки Л. Оливер. Так, она пишет о том, что «все эти меры [т.е. штрафы и наказания за кражу, избиение или убийство рабов – *Прим. авт.*] могли быть частично обусловлены тем заключением, что таковой ущерб чужому рабу является одновременно очевидным вызовом мунду его господина; таким образом, эти меры апеллировали к оскорблению хозяина раба в той же мере, что и к увечью самого раба»¹⁴⁸.

В 60–70-х гг. XX в. профессор Университета Людвиг и Максимилиана (Мюнхен) Х. Нельзен, проведя текстологический анализ различных рукописей Салической правды, выдвинул следующую гипотезу: правовой статус, сходный со статусом скота, возник у рабского населения не при Хлодвиге, а значительно позднее¹⁴⁹. Для того, чтобы определить научную значимость его выводов, необходимо сравнить между собой тексты различных семей рукописей:

A-1	A-2, A-4	B	C	D, E	K, S
10,1: Si quis servo aut caballo vel iumentum furaverit, mal. I MCC din. qui f[aciunt] sol. XXX culp[abilis] iud[icetur].	10,1; Si quis servum aut ancilla caballum vel iumentum furaverit [A-4 – cui fuerit adprobatum, A-2 – отсутствует], mal. teoducco sunt [A-4 – глосса отсутствует] din. I MCCCC fac[iunt] sol. XXXV culp[abilis] iud[icetur].	11,1: Si quis servus aut ancilla caballum aut iumentum alterius furaverit, malb. theu tha texaca M CCCC denar. qui faciunt sol. XXXV culpabilis iudicetur, excepto capitale et delatura.	10,1: Si quis servum aut ancillam alienam furaverit, malb. texeca sol. XXXV [C-6 – sunt den. I MCCCC qui fac[iunt] sol. XXXV, C-5 – отсутствует] culp[abilis] iud[icetur] exc[epto] cap[itale] et del[at]ura].	11,1: Si quis servum aut ancillam furaverit et ei fuerit adprobatum, mal. theostaxaca, sol. XXX [D-8 – sunt den. I MCCCC qui f[aciunt] sol. XXXV] cul[pabilis] iud[icetur] excep[to] cap[itale] et del[at]ura].	11,1 (42,3): Si quis servum aut ancillam alterius furaverit, MCCCC denariis qui faciunt solidos XXXV culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что выражение «caballum vel (aut) iumentum» встречалось только в двух семьях рукописей –

¹⁴⁸ Oliver L. Op. cit. P. 217.

¹⁴⁹ См. подробнее: Nehlsen H. Op. cit. S. 266–268.

А и В, при этом оно отсутствовало во всех прочих рукописях оставшихся пяти семей. Более того, исследователь начала прошлого века М. Краммер считал соединение в одном казусе упряжного скота и коней, имевших совершенно различное значение в хозяйстве франков VI в., очень странным и «немотивированным»¹⁵⁰. Х. Нельзен объясняет это противоречие следующим образом: текст трёх рукописей семьи А в данном случае не был первоначальным вариантом казуса, однако представлял собой переработанную и дополненную древнейшую версию титула, сохранившегося в семьях D и E¹⁵¹. Он приводит в защиту этой точки зрения следующие аргументы.

Во-первых, ни в одном из заголовков этого титула ни в одной из семей (De servis vel mancipiis furatis – A-1, A-3, A-4, C, D, E, K, S; De servis et ancillis furatis – A-2; De servis mancipiis furatis – B-10) нет никакого намёка на похищение скота; перевод мальбергской глоссы (A-1: «ограбление»; A-2: «переманивание рабов», B, C, D: «похищение рабов») также не имеет ничего общего с похищением скота. Во-вторых, в случае с глоссой рукописи A-1, как полагает Нельзен, имеет место не слишком точное описание судебного казуса на франкском диалекте¹⁵². Наконец, единственным сходным по величине штрафом в 35 солидов, который взимался за кражу раба в титуле 10,1 Pact. leg. Sal. (кроме редакции A-1), был штраф за похищение от трёх до сорока баранов (Pact. leg. Sal. 4, 3–4) или 12 и более королевских быков (при условии, что ещё кто-то из них останется в стаде – Pact. leg. Sal. 3, 13). По мнению немецкого историка права, это явно свидетельствует о том, что возмещение за кражу обыкновенного, занимавшегося неквалифицированным трудом раба не могло быть приравнено к штрафу за кражу целого стада животных.

¹⁵⁰ *Krammer M. Op. cit. S. 295–296.*

¹⁵¹ *Nehlsen H. Op. cit. S. 266–267.*

¹⁵² «Ограбление» предполагает открытые насильственные действия при отъёме имущества у другого, а не просто его кражу.

Кроме того, Нельзен не привёл ещё один очень важный пример штрафа за похищение животного, который был равен 35 солидам. Речь идёт о похищении мерина (*spado*)¹⁵³; этот штраф вместе с самим судебным казусом встречается среди семей рукописей VI в. только в семье С; в издание Герольда он, скорее всего, переходит из не дошедшей до нас рукописи этой семьи (С-10).

Аргументация Нельзена в целом последовательна и логична. Однако в ней есть слабые места. Например, из неё выпадает титул 47,1 *Pactus legis Salicae* (в рукописи А-1 названный «*De filtortis*»). Он представляет собой перечень украденного имущества (*res*) одним человеком у другого, при этом в нём наряду с быками, упряжными животными и другим скотом во всех семи семьях рукописей упомянуты рабы (*servus aut ancilla*):

A	B	C	D	E	K, S
47,1: Si quis servum aut caballum vel bovem aut qualibet rem [A-3 – <i>pecus</i>] super alterum agnoverit, mittat eum in tertia manu. Et ille super quem cognoscitur debea[t] agramire [A-3 – <i>ad hominem ire</i>]. Et sic eligere [A-2, A-4 – <i>citra legere / ligare</i> ; A-3 – <i>citra mase?</i>] aut carbonariam ambo manent et qui agnoscit et apud quem cognoscitur, in noctis XL [A-4 – <i>XLII</i>] placitum	50,1: Si quis servum aut ancillam , caballum aut bovem, aut iumentum , aut quamlibet rem sub alterius potestate agnoverit, mittat eam in tertiam manu, et ille apud quem agnoscitur debet adhramire, et si intra Ligerim, aut Carbonariam, aut citra mare ambo manent, et qui cognoscitur, et apud quem cognoscitur, in noctes XL placitum faciant, et in ipso placito quanticunque	47,1: Si quis servum aut ancillam caballum bovem vel iumentum aut quemlibet rem cum alterum agnoverit, mittat eum in tertia manu; et ille apud quem agnoscitur debet adhramire, et si ultra ligeri aut carbonaria ambo manent. Et qui agnoscit et cum quo agnoscitur, in noctes XL placitum faciant, et in ipso placito quanti fuerint qui caballum ipsam vindiderunt aut cambiaverunt	82,1: Si quis, qui lege Salica vivit, servum aut ancillam , caballum vel bovem vel quemlibet rem super alterum agnoverit, mittat eum in tertia mane. Et ille, super quem agnoscitur, in noctis quadraginta placitum faciant. Et in ipso placitum, quanti fuerint, qui rem vindiderunt vel camiaerunt aut furasse hominis cummoneantur. Hoc est ut unusquisque de cum neguciantibus	81: Si quis, qui lege Salica vivit, servum aut ancillam , caballum vel bovem vel aliam quamlibet rem super alterum agnoverit, mittat ipsa rem in tertia manu et ille, super quem agnoscitur, in noctis XL placitum faciat et in ipso placitum, quanti fuerint, qui rem vindiderunt vel camiaerunt aut furaverunt commoneantur. Hoc est, ut unusquisque sicut inter eos fuit , alter	49,1 (59): Si quis qui lege Salica vivit servum aut ancillam caballum vel bovem seu iumentum seu quamlibet suam rem sub alterius potestate agnoverit, mittat eam in tertiam manum; et ille apud quem agnoscitur debet adhramire. Et si intra Ligere aut Carbonaria ambo manent et qui agnoscit et apud quem agnoscitur, in noctes quadraginta placitum faciant. Et in ipso placito

¹⁵³ L. Sal. Н : 41,3; С : 38,3; К : 40,3; S : 44,3: Si quis caballum spathum [C – *spat[d]o*; K, S – *spadatum*] furaverit malb. chengisto [C-5 – отсутствует, C-6 – *malb. chanzisto*] M CCCC den. qui faciunt sol. XXXV culpabilis iudicetur, excepto capitale et dilatura [C-5 – отсутствует] («Если кто-то украдёт мерина, на суде – «жеребец», пусть будет приговорён к уплате 1400 денариев, что составляет 35 сол., не считая стоимости похищенного и убытков»).

faciant. Et inter ipso placito qui interfuerit [A-2–A-4 – <i>quanti fuerint</i>] qui caballo ipso aut ven[di]derit aut cambiaverit aut fortasse in solitudinem [A-3 – <i>iussolutione</i> , A-4 – <i>fraudasset in solutione</i>] dederit. Omnes intro placito isto communiatur hoc est ut unusquisque de cum negotiatoribus alter alterum admoneat.	fuerint, qui rem ipsam [глосса - <i>intertiatam</i>] vendiderunt, aut cambiaverunt, aut fortasse in solutionem dederunt, omnes intra placitum istum commoneantur: hoc est, unusquisque cum negotiatoribus suis alter alterum admoneat.	aut fortasse in solutione dederunt, omnes intra placitum istum commoneantur hoc est, unusquisque cum negotiatoribus alterutrum commoneant.	suis alter alterius commoneant...	alterius commoneat venire...	quanticumque fuerint qui rem intertiam vendiderunt aut cambiaverunt aut fortasse in solutionem dederunt omnes intra placitum istum commoneantur ut unusquisque cum negotiatoribus suis alter alterum admoneant.
--	--	--	-----------------------------------	------------------------------	--

В рукописи А-3 слово *res* писец заменил на *rescus*, тем самым напрямую приравняв рабов к скоту. Более такой термин нигде не встречается, поэтому не следует принимать эту редакцию Urtext на веру; это могла быть конъектура самого писца. Например, франкское слово *adhramire* («торжественно клясться») он заменил на выражение *ad hominem ire* («идти к человеку»), тем самым показав, что он совершенно не понимал первоначальное значение глагола.

На основе сравнения текстов титула 47,1 несложно заметить, что первоначальный текст времени правления Хлодвига неоднократно изменялся и дополнялся. В древнейшей редакции начала VI в. (А) в качестве спорного объекта владения выступают только бык, конь и раб (все они приравнены к *res* – имуществу господина), тогда как в последующих двух редакциях (В и С) к ним добавлено также упряжное животное. Кроме того, во всех семьях рукописей, начиная с В, к рабу как объекту кражи была добавлена рабыня. В списках семьи А указано, что контрагенты, вступающие друг с другом в отношения купли–продажи, обмена или аренды спорного имущества, подразумевали под ним коня (*caballus*), тогда как во всех последующих

редакциях контрагенты вели речь уже об общеродовом понятии имущества, переданного в третьи руки (*res, res ipsa, res intertata*).

Х. Нельзен писал о том, что этот титул мог представлять собой относительно позднюю сублимацию норм римского права¹⁵⁴. Возможно, на это исследователя натолкнуло упоминание в параграфе 3 этого титула реки Луары, которая упоминается в качестве границы для увеличения срока ожидания судебного разбирательства с 40 до 80 дней¹⁵⁵.

К рубежу 507–511 гг. (время фиксации древнейшей редакции 65 первых глав *Pactus legis Salicae*) присутствие салических франков за Луарой ещё не было столь внушительным, как к середине и концу VI в.¹⁵⁶, подавляющее большинство населения там составляли галло-римляне, продолжавшие использовать Кодекс Феодосия и Бревиарий Алариха в повседневном судопроизводстве. В этом отношении показательны соответствующие титулы в редакции VIII в. из рукописей семей D и E (D : 82,3; E : 81): в них граница между Северной и Южной Галлией не указана, что свидетельствует об изменении этнической ситуации и правовой культуры в пределах всей Галлии¹⁵⁷.

¹⁵⁴ *Nehlsen H.* Op. cit. S. 266–268.

¹⁵⁵ См. также: L. Sal. A : 47,3; B : 50,3; C : 47,3; D : 82,3; E : 81; K : 49,1; S : 59. Встречавшееся в A-3 выражение в том виде, как оно воспроизведено в издании Эххардта 1962 г. («*citra mase aut carbonariam*» – «за Маасом и Угольным лесом») лишено смысла; о том, мог ли писец допустить ошибку и написать в слове «*mase*» вместо буквы «*t*» букву «*s*», будет сказано чуть ниже.

¹⁵⁶ Как писал А.Р. Корсунский, даже после завоевания вестготских и бургундских земель Хлодвигом и его сыновьями колонизация земель франками к югу от Луары носила спорадический и очень неторопливый характер: *Корсунский А.Р.* Указ. соч. С. 180. Современные результаты археологических раскопок подтверждают мнение отечественного специалиста. См., например: *Schmauder M.* The Relationship between Frankish "Gens" and "Regnum": a Proposal based on the archaeological evidence // *Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World* / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl. Leiden, 2003. P. 284–285, 300 ff.

¹⁵⁷ Водораздел между франкской и галло-римской правовыми культурами обозначен в семьях D и E в виде ограничения на действие титула только в той среде, где люди «живут по Салическому закону» (*qui lege Salica vivit*). В редакциях K и S упоминание Луары возвращено, но фраза: «*qui lege Salica vivit*», в качестве маркера сферы применения этого титула сохранена.

Однако, согласно гипотезе Нельзена, источник для титулов 10 и 47, согласно которому салические франки отождествляли кражу раба и скота и требовали одинакового возмещения за эти преступления, происходил из среды позднеантичного римского права. При этом он ссылается лишь на Дигесты Юстиниана¹⁵⁸, в которых подобное отождествление содержалось в законе Аквилы¹⁵⁹. Но франки даже в начале IX в. не могли использовать закон Аквилы в качестве источника своего законодательства¹⁶⁰. Таким образом, происхождение текста двух упомянутых титулов из римского права можно поставить под сомнение. Скорее следовало бы предположить, что в начале – середине VI в. Салическая правда заимствовала сведения о соответствующем положении раба в качестве *instrumentum semivocale* (тем самым приравнивая его к скоту) из состава вестготского¹⁶¹ и бургундского¹⁶²

¹⁵⁸ Nehlsen H. Op. cit. S. 266. Anm. 83.

¹⁵⁹ D. 9, 2, 2 pr.: *Lege Aquilia capite primo cavetur: «Ut qui servum servamve alienum alienamve quadrupedemve pecudem iniuria occiderit, quanti id in eo anno plurimi fuit, tantum aes dare domino damnas esto»* («В первой главе закона Аквилы сказано: «Пусть тот, кто незаконно убьёт чужого раба, или чужую рабыню, или четвероногий скот, будет повинен дать столько ассов за ущерб хозяина, сколько ему [= скоту или рабу] исполнится в тот год»). Текст приводится по изданию: *Corpus iuris civilis* / Ed. P. Krueger et Th. Mommsen. Hildesheim: Weidmann, 1872. Т. I. Institutiones. Digesta.

¹⁶⁰ Д. Либс на основе тщательного изучения рукописного наследия Средневековья, содержащего в себе памятники классического и постклассического римского права, пришёл к выводу, что наиболее вероятным было использование отдельных норм юстиниановского законодательства только с конца IX в. и только в Северной Бургундии, но никак не в исторической области расселения салических и рипуарских франков VI–VII вв. См.: *Liebs D. Die im spätantiken Gallien verfügbaren römischen Rechtstexte Literaturschicksale in der Provinz zwischen dem 3. und 9. Jh. // Recht im frühmittelalterlichen Gallien. Spätantike Tradition und germanische Wertvorstellungen* / Hrsg. von H. Siems, K. Nehlsen-von Stryk, D. Strauch. Köln; Weimar; Wien, 1995. S. 1–28.

¹⁶¹ Соответствующую норму мы находим в Баварской правде, которая испытала очень большое влияние вестготского законодательства конца V – начала VI вв. (L. Baiuw. 9,3: *Et si quis maiorem pecuniam furatus fuerit, hoc est 12 solidorum valentem vel amplius, aut equum totidem pretii, vel mancipium, et negare voluerit: cum 12 sacramentales iuret...* («Если кто-то украдёт более дорогое [имущество], т. е. на 12 солидов стоимостью или более, или коня такой цены, или раба, и захочет отрицать, пусть клянётся с 12 соприсяжниками...»)).

¹⁶² L. Burg. 4,1: *Quiquaque mancipium alienum sollicitaverit, caballum quoque, equam, bovem aut vaccam, tam Burgundio quam Romanus ingenuus furto auferre praesumpserit, occidatur...* («Если кто-либо переманит чужого раба, а также посмеет украсть коня [рабочего, боевого], быка или корову (будь он как бургунд, так и свободный римлянин), пусть будет казнён...»).

права при завоевании Хлодвигом южногалльских территорий в начале VI в. и закреплении на них его сыновей в первой половине VI в.¹⁶³.

Ещё одним ключом к решению этой проблемы служат некоторые текстуальные особенности, которые выделяют издание Герольда из числа рукописей других семей. Примечательно упоминание о том, что и истец, и ответчик для обеспечения срока судебного разбирательства в 40 дней должны были находиться «в пределах Луары и Угольного леса или же по эту сторону моря» (*Si intra Ligerim, aut Carbonariam, aut citra mare ambo manent*). Море как разделительная граница для определения срока разбирательства указано лишь у Герольда, и это является прямой отсылкой к утерянной семье рукописей В. В Австразии 550-х гг., где предположительно была зафиксирована эта редакция, в качестве морской границы воспринимался пролив между континентом и Британией. Отсюда можно сделать вывод о том, что ответчик по делу (т.е. тот, у кого обнаружили чужое имущество) мог находиться за пределами Галлии.

Выше уже было указано, что при прочтении А-3 возникают обоснованные сомнения в том, что переписчик хорошо понимал содержание титула 47,1. Мог ли он в результате описки зафиксировать вместо слово *mare* похожее на него графически *mase*? Изучение копии соответствующей рукописи¹⁶⁴ убеждает нас в том, что такая подмена вполне могла произойти: согласные «r» и «s» в списке А-3 Салической правды иногда схожи из-за того, что «s» не всегда имеет выходящую за верхнюю строку вертикальную выносную линию; в некоторых случаях её полукруглый правый элемент очень напоминает правое «плечо» буквы «r»¹⁶⁵.

Если предположить то, что в А-3 необходимо читать вместо *mase* слово *mare*, тогда титул 47,1 *Lex Salica* уже к середине VI в. обретает такой смысл:

¹⁶³ См. подробнее нашу аргументацию: *Земляков М.В.* Правовой статус франкского раба: опыт текстологического анализа *Pactus legis Salicae* // *Европа в Средние века и раннее Новое время: Общество. Власть. Культура.* Мат-лы Всеросс., с межд. участием, науч. конф. молодых учёных. Ижевск, 2-3 декабря 2014 г. Ижевск, 2014. С. 21–27.

¹⁶⁴ München. BSB. Clm. 4115*. F. 58v, ln. 1 – 59r, ln. 3.

¹⁶⁵ Эта особенность наблюдается в пределах титула 47,1 в слове «noctes»: Ibid. F. 58v, ln. 6.

в нём противопоставляется ситуация кражи и последующей сдачи внаём или продажи любого имущества в пределах Северной Галлии той ситуации, когда это имущество попадает за пределы Франкского королевства. В этом случае упоминание Северного моря вместе с Луарой у Герольда вполне логично: торговый обмен, в т.ч. работоторговля, между Галлией и Англией в раннее Средневековье происходил очень активно. Такая же дихотомия (кража имущества и его сбыт в Англии или за её пределами, на континенте) может быть обнаружена в англо-саксонских законах VII–X вв., причём в состав похищенного и проданного за море имущества попадали и зависимые люди, и кони¹⁶⁶.

Таким образом, суммировав и сопоставив факты, можно прийти к выводу о том, что правовой и социальный статус раба, когда он находился в составе движимости (наряду с конями, быками и упряжными животными), был в определённой степени приравнен к статусу домашнего скота (т.е. не к *instrumentum vocale*, а к *instrumentum semivocale*)¹⁶⁷. В случае своей кражи или продажи в пределах континента (в т.ч. языческими племенами, которых пытались покорить франки) или даже за море судебные процедуры по розыску и водворению на место рабов и скота описывались в титулах 10 и 47 как идентичные. С одной стороны, это резко понижало цену жизни рабов, вело к манифестации их полного бесправия; с другой стороны, это давало господину раба возможность требовать возмещения за кражу (в размере его стоимости) и возврата своего движимого имущества, к которому был приравнен в одинаковой мере и его раб, и его скот.

Дублирование некоторых обстоятельств титула 47 в другом месте *Pactus legis Salicae* (39) не должно служить основанием для сомнений в подлинности текста титула 47,1 семьи А (т.е. в его древнейшей редакции),

¹⁶⁶ Правда, в англосаксонских законах рабы практически никогда не фигурировали в отдельных судебных казусах наряду со скотом, и в этом состоит основное отличие законов королей англо-саксов и Салической правды.

¹⁶⁷ О различении в античном хозяйстве рабов (*instrumentum vocale*), скота (*instrumentum semivocale*) и «мёртвого инвентаря» (*instrumentum mutuuum*) см.: *Westermann W.L. The Slave System of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955. P. 81.*

поскольку в титуле 39 (*De plagiatoribus*) указано на преднамеренное похищение и продажу человека за море, тогда как в титуле 47 (*De furtoris*) раб мог находиться в руках человека, который не знал о его принадлежности к движимому имуществу истца и мог его купить на совершенно законных основаниях у предыдущего посредника¹⁶⁸. Значит, оба титула могли содержаться в протографе *Pactus legis Salicae* приблизительно в том же виде, в каком они дошли до нас в составе семьи А.

Титул 10,1 (*De mancipiis furatis*), напротив, отчасти дублирует содержание судебного казуса, описанного в титуле 39 – кражу раба и его вывоз за море. Он не фиксировал, подобно *Pact. leg. Sal. 39,1–2*, сроки судебного разбирательства и географические границы, по которым эти сроки определялись, но в обоих титулах были указаны одинаковые штрафы за кражу раба – 35 солидов. Следовательно, гипотеза Нельзена в отношении текста титула «*De mancipiis furatis*», согласно которой прибавление к объектам кражи скота (с сохранением размера штрафа, предусмотренного за кражу раба) могло быть позднейшей вставкой конца VIII – начала IX в.,

¹⁶⁸ L. Sal. A : 47,2; B : 50,1; C : 47; D : 82,1; E : 81; K : 49; S : 59: Et si quis commonitus fuerit et eum sunnis non tenuerit et ad placitum venire distulerit, tunc ille qui cum eum negociavit mittat tres testes quomodo ei nunciasset [A-4 – *mandasset*, B – *maniaverit*] ut ad placitum veniret [D, E – *venire debuisset*]. Et alteros tres quod publicae ab eo negociasset [A-2 – *et doniter negociasset*, A-3 – *negotiasset et idoneiter*, A-4 – *et huniter negociasset*, C-5 – *idoneos negociasset*], istud si fecerit, exiit se de latrocinio. Et ille qui [B – *qui amonitus*] non venerit super quem testes iuraverunt, ille erit latro [B – *et fur*] illius qui agnoscit [B, D, E – *res suas*] et praecium reddat ille qui cum illo negociavit et ille secundum legem componat. Ille qui res suas agnoscit ista omnia in illo mallo debent fieri ubi ille est gamallus [B – *rhamallus esse videtur*; D – *amallus esse dinuscitur*; E – *amallus est*] super quem res illa primitus fuit agnita aut intertiata [A-2–A-3 – *in tercia manum missa*; A-4 – *in tercia manum posita*] («И если тот, кто будет предупреждён [о дне судебного заседания], не будет задержан непреодолимой силой и [при том] не явится на суд, пусть тогда тот, кто вступил с ним в сделку, представит трёх свидетелей; таким образом ему сообщат, чтобы он пришёл [должен был прийти] на судебное собрание. И трое других [свидетелей пусть покажут], что он с ним совершил сделку публично [надлежащим образом]; если он это сделает, то очистит себя от [обвинения в] грабеже. И пусть тот, который, [будучи предупреждён], не придёт, относительно которого свидетели присягнут, будет грабителем [и вором] в отношении того, кто признает [своё имущество], и возвратит стоимость [похищенного] тому, кто с ним вступил в сделку, а тот пусть возместит [убытки владельцу имущества] по закону. Тот, кто признает своё имущество, должен проделать всё это на том судебном заседании, где будет участником тот, у кого было впервые признано это имущество и передано [от него] в третьи руки»).

оказывается вполне обоснованной. Однако «вставка» раба в титул 10,1, если она в действительности имела место, совершенно не отменяет древности титула 47, где рабы изначально рассматривались в составе господского имущества наряду с упряжным скотом и конями; последний титул, скорее всего, возник уже на рубеже V–VI вв. и был передан Хлодвигом в его редакции Салической правды. Обоснование Х. Нельзеном позиции по вопросу заимствования этого положения из римского права видится нам не вполне уверенным.

Возможность относительно раннего возникновения текста титула 10,1 о статусе раба, отождествлённого со скотом, отчасти подтверждается содержанием параграфов 1 и 8 титула 35 *Pactus legis Salicae*, который носит название «*De homicidiis servorum vel expoliationibus*» («Об убийствах рабов или ограблениях»). В нём встречается описание случаев убийства рабом либо равного по статуса ему человека, либо свободного франка.

Одним из самых ярких свидетельств является именно текст титула *Pactus legis Salicae* 35,1¹⁶⁹. Немецкая история права XIX–XX вв. однозначно причисляла содержание данного титула к древнейшему слою общегерманских правовых обычаев; именно по германскому обычаю, как подчёркивал классик немецкой истории права, Ф. Байерле, раба за убийство им другого раба и следовало разделить между двумя господами¹⁷⁰. Однако такое мнение немецкого историка и источниковеда, высказанное в 20-е гг. XX в., ещё в конце XIX в. было в значительной мере поколеблено Х. Бруннером в его «Немецкой истории права»¹⁷¹; сомнения Бруннера были развиты сначала М. Краммером¹⁷², а затем – Х. Нельзеном¹⁷³.

¹⁶⁹ L. Sal. A : 35,1; B : 38,1; C : 35,1; K : 37,1; S : 66,1 (по рукописи A-2): *Si quis servus servum aut ancillam occiderit* [A-1 – *si quis servus servum occiderit*; A-2 – *si quis servum occiderit aut expoliaverit*; A-4 – *si vero servus servum hocciderit aut ancilla*], *mal. theolidias, teuleudina hoc est* [A-1, A-4, C-5 – глосса отсутствует] *se similem ut homicida illum domini inter se dividant.*

¹⁷⁰ *Beyerle F.* Die süddeutschen Leges und die merowingische Gesetzgebung. *Volksrechtliche Studien II // ZSSR. GA.* 1929. Bd. 49. S. 404.

¹⁷¹ *Brunner H.* Op. cit. Bd. 2. S. 551–554. Anm. 16.

¹⁷² *Krammer M.* Forschungen zur Lex Salica. S. 635–636.

Бруннер и Нельзен указывали на близость титула 35,1 к ветхозаветным текстам (в частности, книге «Исход»), где происходило разделение «провинившегося» скота между истцом и ответчиком в определённой пропорции. В первую очередь, обращает на себя внимание глава 21 «Исхода»¹⁷⁴. Помимо этого, в нашем распоряжении имеется очень интересный источник – «Валлийские каноны»¹⁷⁵, который также в некоторых своих главах обнаруживает текстуальное сходство с Салической правдой и книгой «Исход»¹⁷⁶. Очевидно, по отношению к рабу требование передела между господами достаточно сильно трансформировалось: Краммер понимал под его «разделением» в *Pactus legis Salicae* продажу (с последующим разделом выручки между господами) или же работу на обоих господ попеременно¹⁷⁷. Первая трактовка соответствует главе 21 «Исхода», а последняя – главе 33 «Валлийских канон»; по-видимому, законодатель мог использовать в равной степени тот и другой источник и подразумевать любой из вариантов (либо оба сразу).

Редакция семьи D значительно отличается от редакции *Pactus legis Salicae*, возникшей в VI в. и позднее воспроизведённой в Каролине начала IX

¹⁷³ *Nehlsen H.* Op. cit. S. 280–284. Нельзен пишет о том, что семья D вполне могла содержать в титуле 35 первоначальный вариант, наиболее близкий к Urtext времён Хлодвига, однако последнее утверждение нуждается в тщательной проверке.

¹⁷⁴ Exod. 21,35: Si bos alienus bovem alterius vulneraverit et ille mortuus fuerit, vendent bovem vivum et dividunt pretium, cadaver autem mortui inter se disperient («Если чужой бык ранит быка другого, и тот умрёт, пусть продадут живого быка и разделят цену [между пострадавшим хозяином и хозяином проданного быка]; туша же мёртвого быка пусть будет разделён между ними же»).

¹⁷⁵ Подробнее об этом памятнике см.: *Nehlsen H.* Op. cit. S. 281–282; *Dumville D.N.* On the dating of the early Breton lawcodes // *Britons and Anglo-Saxons in the early Middle Ages.* Great Yarmouth, 1993. P. 207–221. При этом Нельзен (вслед за издателем этого текста – Людвигом Билером) относил создание этого текста к 550-650 гг. на территории Уэльса (*Nehlsen H.* Op. cit. S. 281), тогда как Дамвилл подчёркивал, что «Валлийские каноны» настолько многослойны, что могли быть кодифицированы в любой момент от начала VI в. (т.е. кодификации *Pactus Legis Salicae*) до начала IX в. (появление рукописной традиции «канон») (*Dumville D.N.* Op. cit. P. 213, 220).

¹⁷⁶ Can. 33–34: Si quis servus servum occiderit, vivus communis dominorum existat. Si bos vel vacca alium occiderit, vivus ac mortuus in commune dominorum existant («Если какой-либо раб убьёт раба, пусть живой [раб] сделается общим [для двоих] господ. Если бык или корова убьют других [быка или корову], пусть и живой, и мёртвый [скот] поступит в общее [владение двоих] господ»).

¹⁷⁷ *Krammer M.* Op. cit. S. 638–639.

в¹⁷⁸. Выводы Краммера о том, что вариант семьи D представлял собой заимствованный из *Breviarium Alarici* в начале VI в. казус, в котором рассматривалось убийство своего раба господином (с обозначением последнего – в результате описки, – не *quis*, а *quis servus*) и возмещение за жизнь раба своеобразного «вергельда»¹⁷⁹, представляются недостаточно подтверждёнными источниками¹⁸⁰. В действительности, титул 57(56),1 рукописей семей D–E представляет собой плод органической эволюции положения рабов в меровингском, а затем – и каролингском обществе на протяжении VI–VIII вв. Уже в Рипуарской правде, фиксация которой, как было отмечено в источниковедческом анализе, была закончена в основном к середине VII в., наказание в виде «разделения» раба между господами не присутствовало; в случае убийства одного раба другим следовала уплата штрафа в размере 36 солидов¹⁸¹. Таким образом, в титуле 35,1 редакции Салической правды второй половины VIII в. раб уже не являлся аналогом выжившей скотины, которую можно было продать для возмещения убытков потерпевшего, хотя он продолжал оставаться частью имущества своего господина.

Последнее утверждение можно проверить на примере титула 35,8 *Pactus legis Salicae*; он очень незначительно изменяется на протяжении

¹⁷⁸ L. Sal. D : 57,1; E : 56,1: Si servus servum aut ancillam occiderit, mal. theodilinia, id est homicida ille sol. XX cul[pabilis] iud[icetur] («Если раб убьёт раба или рабыню, на суде – «возмещение за жизнь раба», то тогда тот убийца пусть будет присуждён к уплате 20 сол.»).

¹⁷⁹ *Krammer M. Op. cit. S. 640–641.*

¹⁸⁰ Неизвестно ни одного примера, когда один и тот же титул в различных редакциях Салической правды настолько резко менял бы объект (с раба – на свободного), даже в результате описки. Такая же «описка» встречается и в главе 33 «Валлийских канон».

¹⁸¹ В тексте Рипуарской правды была предусмотрена санкция в виде погашения половины вергельда человека, убитого *скотом*, при помощи передачи последнего пострадавшему роду. L. Rib. 48 (46),1: Si quis quadrupes hominem occiderit, ipse quadrupes, qui eum interfecit, in medietate weregeldi suscipiatur, et alia medietate dominus quadrupedis solvere studeat absque fredo; quia quod quadrupedes faciunt, fredo non exigitur («Если какое-то четвероногое животное убьёт человека, пусть это четвероногое, которое его убьёт, будет передано в качестве вергельда, и пусть господин четвероногого животного выплачивает вторую половину [вергельда] без королевского мира; поскольку то, что совершит четвероногое, не выкупается королевским миром»).

начала VI – начала IX в. Этот титул касается «раздела» провинившегося раба, который убил свободного человека:

A	B	C	D, E	K, S
35,8: Si servus alienus aut laetus [A-2 – <i>Si quis letus aut servus</i> ; A-3 – <i>Si servus vel letus</i>] hominem ingenuum occiderit, ipse homicida pro medietatem compositionis illius hominis occisi parentibus tradatur. Et dominus servi aliam medietatem compositionis [A-2, A-3 – <i>medietatem</i>] se noverit solviturum ¹⁸² .	38,7: Si servus hominem ingenuum occiderit, ipse homicida pro medietate compositionis occisi parentibus tradatur, et aliam medietatem dominus servi se noverit soluturum . Sed si servus legem intellexerit, poterit dominus se obmallare ut ipse leudem non solvat .	35,8: Si servus hominem ingenuum occiderit, ipsum homicidam pro medietatem conposicionis hominis occisi parentibus tradatur et alia medietate domini servi se noverit solviturum. Et si intellexerit de lege, potest se obmallare ut hoc leudem non solvat .	59 (58): Si quis servus hominem ingenuum occiderit, ipso homicida pro medietate parentibus tradatur, et illa alia medietate domnus servi, si noluerit servitutem [E – <i>si vero dominus servitutem servi noluerit</i>], aut si intellexerit, de lege se obmallare potit, ur ipsa leude non solvat ¹⁸³ .	37,8 (66,8): Si servus hominem ingenuum occiderit, ipse homicida pro medietatem compositionis hominis occisi parentibus tradatur et aliam medietatem dominus servi se noverit solviturum, aut si legem intellexerit, potuerit se obmallare ut leudem non solvat .

Необходимо обратить внимание прежде всего на тот факт, что во всех редакциях Lex Salica VI–IX вв. для раба было предусмотрено одинаковое наказание – передача в руки роду убитого. По-видимому, это было проявлением достаточно распространённого во франкском обществе германского правового института, который немецкая наука XIX–XX вв. знает

¹⁸² «Если чужой [какой-то] лит или раб убьёт свободного человека, пусть в качестве половины возмещения за того убитого человека будет передан родственникам этот убийца. И господин раба пусть знает, что ему должно будет уплатить вторую половину возмещения».

¹⁸³ «Если какой-то раб убьёт свободного человека, пусть в качестве половины возмещения будет передан родственникам этот убийца, и ту другую часть, если господин раба не желает [обращения в] рабство, [пусть выплатит потерпевшим], или же, если он узнает [о преступлении? *Вариант B* – если раб узнает закон], то господин может обратиться в судебное заседание в соответствии с законом, чтобы не платить [свой] вергельд (leod)». Несмотря на наличие указания на раба в издании Герольда как на субъект права (si servus intellexit), более правильной следует считать редакцию семей C–E, K и S. Перевод фразы «dominus de lege potest se obmallare» весьма неоднозначен; глагол указывает на необходимость обращения господина в суд. Вариант К.А. Экхардта: «пусть господин призывается к праву» – технический; перевод К. Дрю («господин может по закону выступить в защиту своего раба в суде») гораздо ближе к содержанию данного казуса, где господину предлагается выбор – заплатить за себя leod или оправдаться в преступлении раба. Переводы см. в изданиях: Pactus legis Salicae. Göttingen, 1955. Bd. 2,1. S. 237; The Laws of the Salian Franks / Ed. by K.F. Drew. Philadelphia, 1991. P. 98.

как «заменитель смертной казни» (*Ersatz der Todesstrafe*)¹⁸⁴. Поскольку раб в начале VI в. не мог быть причислен к роду и был приравнен к господскому имуществу, выкуп наиболее тяжкого преступления – убийства свободного человека, он осуществить не мог. Именно в контексте данного титула *Pactus legis Salicae* упоминание о лите выглядит позднейшей интерполяцией в текст семьи А. В действительности, уже во времена Хлодвига лит не был приравнен к имуществу господина.

Передачей раба родственникам убитого (возможно, с последующей его казнью) господин очищал себя только от одной половины обвинения. Вторая половина оставалась за ним и взыскивалась в виде денежного штрафа; причём с середины VI в. (т.е. с момента появления редакции В) текст Салической правды обращает внимание на необходимость господина возместить этот штраф на судебном собрании под угрозой выплаты в противном случае своего вергельда (обозначенного как *leud*). В этом контексте ошибкой выглядит упоминание о возможном порабощении господина (*si dominus servi servitutem noluerit*): варварские правды не знают ни одного случая порабощения свободного человека за преступления его раба.

Несмотря на разночтения в текстах рукописей, в целом, необходимо отметить тот факт, что титулы 35,1 и 35,8 в своей редакции начала VI в. передают статус раба как имущества, которое господин был обязан передать в распоряжение ответчика после совершения наиболее тяжкого преступления – убийства свободного или несвободного члена франкского общества. Вместе с тем, только редакция *Pactus legis Salicae* VI в. представляет раба как аналог скотины, которую можно было «разделить» между господами в случае совершившегося убийства другого раба; однако, как было доказано при помощи текстологического анализа, данное правовое установление не было органической частью Салической правды со времён Хлодвига, а появилось в

¹⁸⁴ Подробно об эволюции системы телесных наказаний, в т.ч. замене смертной казни на денежные штрафы, писал В. Вильда: *Wilda W.E. Op. cit. S. 495–519.*

нём в результате кельтского или ветхозаветного влияния после 507–511 гг. (возможно, даже после середины VI в.).

Кроме упомянутых титулов, в качестве движимого имущества рабов рассматривал также титул 10,2, следовавший непосредственно за обсуждаемым выше титулом о краже рабов и скота. Это также явилось результатом применения к рабу закона как к имуществу господина: раб или рабыня, ушедшие из господского хозяйства и унесшие некоторые вещи из его имущества, не могли рассматриваться в качестве обвиняемых на судебном разбирательстве и передавались при поимке обратно своему господину (который, очевидно, мог по своему усмотрению наказать их в той мере, в которой считал нужным)¹⁸⁵.

В случае кражи раба, его убийства или перепродажи штраф был не слишком высок и составлял всего 35 солидов:

С	Н-10	К, S
10,3: Si quis servum alienum occiderit vel vindiderit aut ingenuum dimiserit, sol. XXXV culp[abilis] iud[icetur] [C-6 – <i>malb. meotheo sunt den. I MCCCC qui faciunt</i>] sol. XXXV culp[abilis] iudicetur].	11,2: Si quis servum alienum furaverit, aut occiderit, aut vendiderit, aut ingenuum dimiserit, et ei fuerit adprobatum, malb. theu texaca M CCCC den. qui faciunt solid. XXXV culpabilis iudicetur, excepto capitale et delatura.	11,3 (42,3): Si quis servum alienum occiderit vel vendiderit vel ingenuum dimiserit, M CCCC denariis qui faciunt solidos XXXV culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura.

В случае кражи рабыни штраф составлял 30 солидов¹⁸⁶. Примечательно то, что отдельные штрафы для рабов и рабынь были установлены в древних редакциях Салической правды – С (вторая половина VI в.) и, возможно, В (середина VI в.)¹⁸⁷, а также в редакциях семей К и S (конец VIII – первая

¹⁸⁵ Pact. leg. Sal. 10,2 (по рукописи А-1): Si servus aut ancilla cum ipso ingenuo de rebus domini sui aliquid portaverit, fur praeter quod eius mancipia et res restituat et insuper mal. theubardi hoc est DC din. qui f[aciunt] sol. XV culp[abilis] iud[icetur]. Перевод данного титула и его текстологический анализ будет дан нами в связи с описанием ответственности раба за совершённые им преступления.

¹⁸⁶ L. Sal. С : 10,4 (по рукописи С-5): Si quis ancillam alienam furaverit, malb. texaca [C-6 - *teothexaca*] sol. XXX culp[abilis] iud[icetur] («Если кто-то украдёт чужую рабыню, на суде – «похищение» [рабов], пусть будет должен заплатить 30 сол.»); Ibid. Н : 11,2: ...De ancilla vero solidos XXX («За рабу же 30 сол.»).

¹⁸⁷ Поскольку в данном случае нельзя уверенно говорить о происхождении текста издания Герольда от редакции А, мы отдаём предпочтение обозначению имевшейся в ней версии

половина IX в.), которые повторяли многие положения семей В и С. В редакции *Lex Salica*, представленной рукописями семьи D и E (вторая половина VIII в.), штрафы за кражу раба и рабыни были объединены в одном титуле; при этом их размер разнился в различных рукописях (D-7, D-9 – XXX, прочие – XXXV), что подтверждает факт «смешения» в одном правовом казусе прежнего штрафа за рабыню (30 сол.) и раба (35 сол.)¹⁸⁸.

Свободным запрещалось вступать с рабами в любые сделки, как незаконные (со стороны самого свободного), так и вполне легальные. Любые виды сношений между свободными и рабами, которые происходили без ведома господина, могли рассматриваться как переманивание одним человеком раба другого¹⁸⁹. Данное обстоятельство объясняется достаточно просто: раб, будучи сам частью движимости, с точки зрения варварских правд не обладал правами свободно распоряжаться ни имуществом, доверенным ему господином, ни заработанным им своим трудом продуктом. Это очень хорошо видно на примере Кодекса Эйриха, где представления о рабах и их полной неправоиспособности вполне совпадают с положениями классического римского права: в случае поручения чужому рабу имущества

текста как H-10, а не как текста семьи В. Возможно, что Герольд позаимствовал данный пассаж из рукописей семьи С.

¹⁸⁸ Ibid. D : 11,1; E : 11,1; K : 11,1; S : 42,1: *Si quis servum aut ancillam furaverit et ei fuerit adprobatum, mal. theostexaca, sol. XXX culp[abilis] iud[icetur] excep[to] cap[itale] et dela[tura]* [D-8 – *sunt den. I MCCCC qui f[aciunt] sol. XXXV cul[pabilis] iud[icetur]*], E – *sol. XXXV cul[pabilis] iud[icetur]*. («Если кто-то украдёт раба или рабыню и будет им признан [на суде], на суде – «похищение рабов», пусть будет должен заплатить 30 сол., не считая стоимости похищенного [раба] и убытков по делу»).

¹⁸⁹ Ibid. C : 10,5; H : 11,4; K : 11,4; S : 42,4 (по рукописи C-6): *Si homo ingenuus alienum servum [B - отсутствует] in texeca secum ducat aut aliquid cum ipso negociat, malb. teolasina [B – malb. theu lasina, C-5 – отсутствует] sunt d[e]n. DC qui f[aciunt] sol. XV culp[abilis] iud[icetur]* [B, K, S – *excepto capitale et delatura*] («Если свободный человек уведёт с собой чужого раба в виде «кражи» или вступит с ним в какую-либо торговую сделку, на суде – «похищение раба», пусть будет повинен в уплате 600 денариев, что составляет 15 сол. [не считая стоимости похищенного и убытков]»); Ibid. D : 11,3: *Si quis homo ingenuus servum alienum in taxa[i]ca secum inviolare duxerit aut aliquid cum ipso in taxa[i]ca negociat, mal. theolasina, sol. XV [D-8 – *sunt den. DC qui f[aciunt] sol. XV culp[abilis] iud[icetur]*]; E : 11,4: *Si homo ingenuus servum alienum ad furtum faciendum duxerit aut aliquid cum ipso in taxaga negotiaverit, sol. XV cul[pabilis] iud[icetur]* [E-12–E-16 – *excepto cap[itale] et dil[atura]*].*

третьего лица первый не нёс за него никакой ответственности¹⁹⁰. Раба у вестготов V в. даже после продажи могли возвратить в случае умыкания им без ведома господина его имущества (очевидно, не включённого в пекулий раба при его продаже или отпуске на волю)¹⁹¹. Не исключено, что именно эти главы первого вестготского свода права послужили основой для закрепления имущественного бесправия рабов салических франков в правление Хлодвига.

В очередной раз приходится констатировать тот факт, что текст *Pactus legis Salicae* в части титула 10,5 претерпевает значительные изменения на протяжении начала VI – начала IX вв. И если в рукописях семей C, K, S случай умыкания рабов одним человеком у другого имел целью торговлю между рабом и свободным, то в семьях D и E специально оговаривалось то, что раба умыкали специально для совершения последующей кражи в преступном сообществе с ним (D – *in taxaca*, E – *ad furtum faciendum*; латинский вариант является дословной передачей франкской глоссы).

¹⁹⁰ Cod. Eur. 283, 1–2: *Quod nesciente domino servis fuerit commendatum, si id perierit, dominus servi nullum damnum incurrat. Suae enim inponet culpa qui servo alieno res suas commendaverit domino nesciente. Similis et de commodatis forma servetur* («То, что будет поручено рабу, тогда как господин не будет об этом знать, если он утратил полученное, то хозяин раба не должен заботиться ни о каком возмещении ущерба. Ибо это вина того, кто поручит свои вещи чужому рабу, не поставив в известность господина. То же следует соблюдать и применительно к одолженному»); Ibid. 284, 2–3: *Si vero servus petisse dominum mentiat et sic deportanda ad dominum susceperit, sed ea quae susceperit, evertit aut forte perdiderit, et fugitivus non potuerit inveniri, dominus servi praebeat sacramentum se eum ut susciperet non misisse, et cum id peteret ignorasse, et nihil calumniae pertimescat. Haec eadem de commendatis praecipimus* («Если же раб попросит [одолжить ему нечто], обманув своего хозяина, и таким образом получит это [как бы] для господина, но растратит или же случайно потеряет полученное, [и обратится в бегство], и беглеца не смогут найти, то хозяин раба пусть принесёт клятву в том, что он не приказывал ему этого брать, и, поскольку он не знал просьбе, пусть не опасается неправомерного обвинения. То же мы предписываем относительно порученного»); Ibid. 287, 1: *Si quis a servo fuerit comparatum domino nesciente, si dominus firmam esse noluerit emptionem, praetium reddat emptori, et emptio nihil habeat firmitatis* («Если что-то будет куплено у раба, а господин не будет об этом знать и откажется утвердить сделку купли, пусть вернёт деньги покупателю, и сделка будет ничтожной»).

¹⁹¹ Ibid. 291, 1: *Si quis servum suum venderit forsitam eius nesciens facultates, habeat inquirendi liberam potestatem, et sibi vindicet ille qui vendidit, cum potuerit invenire* («Если кто-то продаст своего раба, и случится, что он не будет знать об имеющемся у него имуществе, пусть будет у него полное право на розыск, и пусть потребует себе того, кого продал, когда сумеет найти его»).

Интересно и то, что в сходной редакции этот казус повторяется в титуле 40 («*Si servus in furtum fuerit inculpatus*»)¹⁹². Однако в этом случае похожее содержание, которое роднило титул 40 с титулом 10, не означало того, что оба титула были зафиксированы одновременно; скорее всего, отсутствие указания на переманивание раба в *Pact. leg. Sal. 40* другим человеком не было случайностью и свидетельствовало об изменении положения раба в обществе на протяжении VI–VIII в. На это дополнительно указывало то обстоятельство, что в D и E титул 40,12 в редакции семей A, B, C отсутствует вообще, а в редакции рукописи A-2 титул имеет очень важное дополнение: раб мог *самостоятельно* возмещать причинённый им ущерб¹⁹³.

Последнее обстоятельство наводит нас на мысль не только об изменении правового статуса раба и получения им права ограниченного распоряжения имуществом (возможно, только своим пекулием), но и о поздней фиксации титула *Pact. leg. Sal. 40,12*. Поскольку даже около 798 г. (время появления семьи D) этот титул в своей редакции, которая предполагала увод чужого раба помимо его воли или воли его хозяина, отсутствовал, логично было бы предположить возникновение такой редакции уже в VIII–IX вв., в процессе переписки рукописей *Lex Salica* семьи A и внесения в них редакторских правок. Таким образом, *Pact. leg. Sal. 40,12* отразил уже каролингские (в крайнем случае – позднемеровингские) реалии, в которых раб получал ограниченное право распоряжения имуществом; такой рабский статус никак не вяжется с содержанием титула 39 («*De filitortis*»), в котором сам раб рассматривался как скот или же часть имущества.

¹⁹² L. Sal. A : 40,12; B : 43,8; C : 40,12 (кроме A-2): *Si quis cum servum alienum [B – sine consilio domini sui] negotiaverit, sold. XV culp[abilis] iud[icetur] [A-4 – denarios DC qui fac[iunt] sol. XV culp[abilis]; C-6 – malb. theolasina sunt den. DC qui fac[iunt] sol. XV culp[abilis] iud[icetur]*].

¹⁹³ L. Sal. A : 40,12 (по рукописи A-2): *Si servus cum ingenuum furtum fecerit, servus in duplum si quod consorciavit retat excep[to] cap[itale] et dil[atura]. Ingenuus vero quadruplum excipiat damnum* («Если раб совершит кражу вместе со свободным, раб пусть возмещает вдвойне, если он к той [краже] причастен, не считая возмещения стоимости похищенного и убытков. Свободный же пусть примет [на себя] ущерб в четырёхкратном размере»).

Преступления, совершённые представителями других социальных категорий против самих рабов, не были зафиксированы в *Lex Salica* в таком количестве, как казусы, касавшиеся кражи или увода рабов – имущества свободного человека, которым он во времена поселения салических франков в Северной Галлии, а затем освоения ими всей территории Галлии в конце V – конце VI в. распоряжался как движимым имуществом, а в некоторых случаях – как скотом. Тем не менее, даже при отсутствии у рабов свободы в том значении, какое вкладывали в это понятие историки и правоведы XIX–XX вв., преступления против них подлежали наказанию, в первую очередь, с целью восстановления справедливости в понимании варварского общества начала VI в. и компенсации господину раба определённой суммы, требуемой на лечение или покупку нового раба, а также покрытия судебных издержек или имущественных потерь господина.

Штрафы были предусмотрены, прежде всего, за ограбление раба¹⁹⁴. В представленных рукописями вариантах также имеются разночтения (например, A-4 заимствует штраф за кражу у раба на сумму меньше 40 денариев то ли из предыдущего пассажа про кражу свыше 40 солидов, то ли из следующего – про ограбление свободным лита; семьи D и E полностью опускают градацию ответственности свободного человека по сумме украденного, применяя только санкцию в виде 15 солидов при любой

¹⁹⁴ Ibid. A : 35,2–3; B : 38,2–3; C : 35,2–3; K : 37,2–3; S : 66,2–3: Si quis ingenuus servum alienum expoliaverit [B, C, K, S – *adsal(l)ierit et expoliaverit*] et ei supra XL din. quod valit tulisse convincitur, mal. leotos musdo [A-2 – *mal. rencus mundo*; A-3, A-4 – отсутствует; B – *malb. theu nosdo*; C-6 – *teomosido*] hoc est I MCC din. qui f[aciunt] sol. XXX culp[abilis] iudic[etur] [A-2 – *din. DC fac[iunt] sol. XV cul[pabilis] iud[etur]*; A-3 – *sold. XXXV culp[abilis] iud[icetur]*]. Si quis minus quam XL din. exspolia eius valuerint [C-6 – *malb. theomusido*], DC din. qui f[aciunt] sol. XV cul[pabilis] iudic[etur] [A-4 – *I MCCCC denrs. qui fac[iunt] sol. XXXV culp[abilis]*] («Если кто-то ограбит [совершит насилие и ограбит] чужого раба, и станет известно, что им было взято более чем на 40 денариев, на суде – «ограбление слуги», «ограбление раба», пусть будет присуждён к уплате 1200 [600] денариев, что составляет 30 [15, 35] солидов. Если кража будет оценена меньше, чем на 40 денариев, [на суде – «ограбление раба»], пусть будет присуждён к уплате 600 [1400] денариев, что составляет 15 [35] солидов»).

краже¹⁹⁵), однако они лишь подтверждают общий принцип начисления штрафов за кражи.

Очевидно, что в редакции Салической правды времени правления Хлодвига присутствовала градация по двум степеням ответственности: кража у раба имущества на сумму до 40 и свыше 40 солидов. Такая градация имеет место в некоторых казусах, которые касаются кражи со взломом и без, совершённой свободным¹⁹⁶ и рабом¹⁹⁷; древность последних и их присутствие в Urtext Салической правды не оспаривается современными источниковедческими исследованиями.

С другой стороны, сам факт возмещения украденных у раба (живого или мёртвого) вещей совершенно не говорил о том, что они могли обладать имуществом вне юрисдикции господина. Украденная вещь могла составлять часть движимого имущества господина (например, скот) или денежные средства, с которыми раб передвигался вне пределов господского хозяйства и был застигнут врасплох грабителями. В этом случае возмещение за кражу имущества получал господин раба, а не сам раб; более того, на подобное умозаключение наталкивает тот факт, что в Салической правде отсутствовала традиционная фраза *excepto capitale et dilatura* («не считая стоимости похищенного и убытков по делу»). Как правило, в случае разбирательства между свободными она прилагалась к любым видам санкций для возмещения украденного или утерянного имущества; в случае ограбления раба она теряла свой смысл, поскольку он сам не мог являться распорядителем имущества (не мог самостоятельно оценить, увеличить или уменьшить его стоимость в силу ничтожности сделок с рабами). Мы полагаем, что украденное у рабов имущество их господ просто возвращалось последним; рабу же ущерб никоим образом не возмещался, поскольку человеку, не являвшемуся членом племени, ущерб нанести было нельзя.

¹⁹⁵ Ibid. D : 57,2; E : 56,2: Si quis ingenuos servum alienum expoliaverit, mal. rincus modi [D-9 – *renchus moh*; D-8, E – отсутствует], sol. XV [D-8 – *DC den. f[aciunt] sol. XV*] cul[pabilis] iud[icetur].

¹⁹⁶ Pact. leg. Sal. 11,1–4.

¹⁹⁷ Ibid. 12,1–2.

Примечательно и то, что набор правовых казусов, которые описывали преступления против рабов и предусматривали за это соответствующие санкции, по мере развития и пополнения *Urtex* в середине и второй половине VI в. (редакции В и С) также расширялся и дополнялся. Так, в *Pactus legis Salicae* титулы 35,6–7 отчасти дублируют содержание титулов 35,2–3, однако оговаривают ограбление уже мёртвого раба¹⁹⁸. Несмотря на весьма сложный состав титула 35,2–3 в издании Герольда 1557 г., наличие разночтений в виде глоссы на полях текста, мы имеем перед собой единый казус в рамках редакций второй половины VI в. (В, С), скопированный в редакциях IX в. (К, S) без значительных изменений. В нём также присутствует «двоичная система» наказания, которое зависит от суммы украденного у павшего раба имущества (до или свыше 40 солидов). Кроме того, в редакциях В и С был впервые представлен титул 35,4, в котором свободный человек наказывался за избиение чужого раба¹⁹⁹. Несмотря на постепенное увеличение суммы штрафа, предусмотренного за «временную нетрудоспособность» раба (с 1 1/3 до 3 сол.), он всё равно оставался крайне низким и покрывал, видимо, только потерю господином рабочей силы раба на протяжении срока, превышавшего 40 дней.

¹⁹⁸ L. Sal. C : 35,6; K : 37,6; S : 66,6: Si quis servum alienum mortuum in furtum expoliaverit et ei super XL denarios valentis tulerit, sol. XXXV cul[pabilis] iud[icetur] [C-6 – *malb. teofriamosido I MCCCC den. qui fac[iunt] sol. XXXV culp[abilis] iudic[etur]*, K – *MCCCC denariis qui faciunt solidos XXXV culpabilis iudicetur*]. Ibid. C : 35,7; K : 37,7; S : 66,7: Si quis spolia ipsa minus XL denarios valuerit, sol. XV cul[pabilis] iud[icetur] [C-6 – *teofriamosido DC den. qui fac[iunt] sol. XXXV culp[abilis] iudic[etur]*, K – *DC denariis qui faciunt solidos XV culpabilis iudicetur*]. Ibid. B : 38,5: Si quis servum alienum mortuum expoliaverit per furtum, et spolia ipsa plusquam XL denarios valeant tulerit, malb. then frio mosido DC den. qui faciunt sol. XV [глосса – *XXXV solidis componat. Si vero usque XL denarios tulerit, XV solidos persolvat*] culpabilis iudicetur («Если кто-то ограбит чужого мёртвого раба и унесёт более чем на 40 денариев, пусть будет повинен в уплате 35 солидов [на суде – «ограбление трупа раба»]. Если это ограбление будет оценено менее чем в 40 денариев, пусть будет повинен в уплате 15 солидов [на суде – «ограбление трупа раба»]»).

¹⁹⁹ L. Sal. B : 38,4; C : 35,4; D : 58; E : 57; K : 37,7; S : 66,7: Si quis servum alienum batt(ed)erit et ei insuper quadraginta [C, D, E, K, S – XL] noctes trigaverit opera sua malb. daudinariae [C-5, D – *da(h)us*; C-6 – *claudinario*], XL den. qui faciunt sol. I triente uno [C, K, S – *sol. I et triant I (uno)*; D, E – *III sol.*] culpabilis iudicetur («Если кто-то побьёт чужого раба, и это будет препятствовать выполнению им своей работы [т.е. раб окажется нетрудоспособным] в течение 40 дней, на суде – «препятствие к работе», пусть будет присуждён к оплате 40 денариев, что составляет 1 солид и тремисс [3 солида]»).

Таким образом, основным выводом о положении рабов и о системе пресечения преступлений против них, к которому мы можем прийти на основе изучения древнейшего пласта права салических франков, заключается в том, что ответственность за эти преступления нарушитель нес не перед самим пострадавшим, а перед его господином. В первую очередь, с этим связано отсутствие традиционной формулы *excepto capitale et dilatura* в составе санкции, предусмотренной за нарушения права, направленные против рабов, тогда как при пресечении и наказании преступлений в отношении свободных она употреблялась постоянно: раб не являлся членом судебного или сотенного собрания (в отличие от своего господина), поэтому в отношении него не могло идти речи о судебных издержках, стоимости дела и пр.

§ 3.3. Ответственность раба за его преступления и различные формы наказания рабов:

Бесправие рабского населения королевства франков при Хлодвиге, а также на протяжении двух поколений после него, подтверждается формами ответственности, предусмотренными за некоторые совершённые рабами преступления. Прежде всего, речь идёт о наказаниях за воровство. В этом разделе Салической правды рабы занимали наиболее принижённое положение: у них был самый низкий порог краденого имущества, за которое предусматривались наиболее высокие штрафы. В случае превышения суммы кражи раба ждала кастрация – наказание, которое не применялось к свободным людям ни за какие преступления:

A-1	A-2, A-3	A-4	B
12,1: Si servus foris casa quod valit II din. furaverit, excep[to] cap[ita]ll[e] et dil[at]ura CXX flagellus extentus accipiat. 12,2: Si vero quod valit XL din. furaverit, aut	12,1: Si quis servus foris casa quod valit din. [A-2 – duo din.] furaverit et ei fuerit adprobatum, mal. falcono sunt din. CXX fac[iunt] sol. III pro dorsum suum aut CXX	12,1: Si quis servus foris casa quod valent duos denarios furaverit et ei fuerit adprobatum, excep[to] cap[itale] et dil[at]ura flagellis CXX haccipiat aut CXX	13,1: Si quis servus foris casa quod valent duos denarii, furaverit, et ei fuerit adprobatum, aut centum viginti ictus [глосса – <i>flagellis centum</i>] accipiat, aut CXX

castretur aut sex soll. reddat. Dominus vero servi qui furtum fecit cap[ita]l[e] et dil[atura] requirenti restituat.	flagellus suscipiat [A-3 – <i>excep[to] cap[itale] et del[atura] aut flagellis CXX accipiat aut solidos tres reddat</i>]. 12,2: Si vero quod valit XL din. involverit , aut castretur aut CCXL din. qui fac[iunt] [A-3 – отсутствует] sol. VI cul[pabilis] iud[icetur] [A-3 – <i>reddat</i>]. Dom[i]nus vero servi [A-3 – <i>qui furtum fecit</i>], cap[ita]l[e] in loco restituat.	denarios qui faciunt sol. III culp. iud. 12,2: Si vero furaverit quod valent XL den., aut castretur aut CCXL denrs. qui fac[iunt] sol. VI reddat. Dominus vero servi qui furtum fecit cap[ita]l[e] in loco restituat.	den. [глосса – <i>pro dorsum suum</i>] qui faciunt solid. III culpabilis iudicetur, excepto capitale et delatura. 13,2: Si vero furaverit quod valent XL denarii, aut castretur, aut CCXL den. qui faciunt sol. VI reddat. Dominus vero servi qui furtum fecerit capitale et delaturam in loco restituat.
---	--	--	--

C	D	E	K, S
12,1: Si quis servus quod valet II denarios foras casa furaverit et ei fuerit adprobatum, aut CXX ictus accipiat aut CXX denarios qui faciunt sol. III pro dorso suo cul[pabilis] iud[icetur], excepto capitale et delatura. 12,2: Si quis vero furaverit quod valet XL denarios, aut castretur, aut sol. VI [C-6 – <i>aut CCXL den. qui fac[iunt] sol. VI</i>] reddat. Dominus vero servi qui furtum fecit capitale in loco restituat.	13,1: Si quis servus foras casa valentem denarios duos furaverit, aut flagellis centum viginti ictus accipiat aut pro dorso suo sol. III solvat [D-8 – <i>CXX den. qui f[aciunt] sol. III cul[pabilis] iud[icetur]</i>]. 13,2: Si vero furaverit, quod valet XL denarios, aut castretur, aut sol. VI [D-8 – <i>aut CCXL den. qui f[aciunt] sol. VI</i>] reddat; dominus vero servi, qui furtum fecit, capitale[m] in locum restituat.	13: Si quis servus foras casa valentem denarios duos furaverit, aut flagellis centum viginti ictus accipiat aut pro dorso suo sol. III solvat [E-12–E-16 – <i>excep[to] cap[itale] et dil[atura]</i>], E-11 – отсутствует]. Si vero valentem dinarius LX furaverit, aut castretur aut sol. VI reddat, dominus vero servum cap[i]t[alem] requirenti restituat.	13,1: Si quis servus foris casa quod valent duos denarios furaverit et inde fuerit convictus, aut flagellis CXX ictus accipiat aut pro dorsu suo CXX denariis qui faciunt solidos III culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura. 13,2 [отсутствует в K-17]: Si vero infra domum furaverit quod valet XL denarios, aut castretur aut CCXL denarios qui faciunt solidos VI reddat. Dominus autem servi qui furtum fecerit capitale in locum restituat.

Помимо упомянутого титула, в Lex Salica имеется титул, касавшийся кражи тех же самых сумм свободными людьми²⁰⁰. Он ещё более оттеняет практически полное отсутствие правовой защиты раба при назначении ему

²⁰⁰ Ibid. A : 11,1–2; B : 12,1–2; C : 11,1–2; D : 12,1–2; E: 12,1; K : 12,1–2; S : 39,1–2: Si quis vero ingenuus deforas casa quod valet duos denarius furaverit [A-2 – *cui fuerit adprobatum*; A-2, B, C-6 – *malb. leoardi*; D – *malb. taxaca*], sol. XV cul[pabilis] iud[icetur] [A-2, A-4, C-6, B, K, S – *din. DC fac[iunt] sol. XV*; A-2, B, K, S – *excepto capitale et dilatura*]. Si vero foris casa furaverit quod valent XL din. et ei fuerit adprobatum [A-2 – *mal. texxaga*, B, C, D – *texe[a]ca*], praeter cap[ita]l[e] et dil[atura] [A-3 – отсутствует] I MCCC din. qui f[aciunt] soll. XXXV [D-7, D-9 – *sol. XXX*] culp[abilis] iud[icetur]. Особую редакцию, резко отличающуюся от Pact. legis Sal. 12,2, имеет семья E: Similiter et si foras casa valentem dinarius XL furaverit, sol. XXX cul[pabilis] iud[icetur]. Ф. Байерле даже предполагал (*Beyerle F. Op. cit. S. 237*), что в Urtext Салической правды титулы 11–12 могли образовывать собой один, более объёмный титул, впоследствии разделённый.

взыскания за кражу. Это состояние раба можно увидеть на примере судебного разбирательства, в котором он обвинялся в изнасиловании рабыни со смертельным исходом (Pact. legis Sal. 25,5). Как и в случае с кражей имущества, которое оценивалось в 40 денариев (Pact. legis Sal. 12,2), раб мог подвергнуться кастрации либо заплатить штраф в 6 солидов, равный размеру возмещения за кражу имущества. Сама альтернатива между уплатой 6 солидов и возможной кастрацией устанавливала пропасть между рабом и свободным человеком в правовом и социальном положении; кроме того, за деяния раба должен был отвечать его господин, который возмещал стоимость украденного имущества и убытки потерпевшему (в случае совершения кражи) или просто стоимость рабыни (в случае её изнасилования со смертельным исходом).

Однако в отношении раба уже с начала VI в., т.е. в момент фиксации древнейшей редакции Салической правды, всё-таки существовали некоторые ограничения при исполнении наиболее тяжёлых телесных наказаний – нескольких сотен ударов плетью или кастрации. Во-первых, в отношении него предусматривался выкуп в размере 3 (вместо порки) или 6 (вместо кастрации) солидов. Только в одной рукописи (A-1) отсутствует упоминание о том, что телесное наказание за кражу стоимостью 2 денария не могло быть заменено штрафом. Согласно текстологическому анализу К.А. Экхардта, этой рукописи необходимо отдавать приоритет при разночтениях с другими рукописями семьи А как источнику, содержащему наиболее близкий к протографу вариант чтения²⁰¹. Однако Нельзен подвергает сомнению то, что отсутствие возможности выкупа правонарушения рабов и избавления их от телесного наказания являлось древнейшим состоянием, предусмотренным Салической правдой. Скорее всего, в А-1 имеется описка либо же ошибка чтения (допущенная при записи под диктовку этого титула); по крайней

²⁰¹ Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1954. S. 62, 65–66; Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1955. S. 48–51. См. также: *Неусыхин А.И.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк I // СВ. 1960. Вып. 17. С. 400–404.

мере, в параграфе 2 того же титула (11) возможность выкупа отражена во всех семьях рукописей без исключения²⁰².

Во-вторых, сам факт того, что раб мог полностью быть кастрирован в случае совершения им кражи на 40 денариев, вызывает некоторые сомнения. В варварских правдах это наказание применялось очень редко (у вестготов²⁰³, у рипуаров²⁰⁴, у фризов²⁰⁵ и в судебнике короля Альфреда)²⁰⁶. Нельзен сомневается в том, что в титуле 12,2 подразумевалась полная кастрация раба: ведь изначально подобный штраф вводился законодателем в качестве замены смертной казни²⁰⁷, а отнятие достоинства целиком часто приводило к смерти человека; это наводит его на мысль о том, что у раба лишь отнималась *potentia generandi*²⁰⁸.

Сведения арабских источников подтверждают то, что кастрация была достаточно частым явлением в Галлии вплоть до IX в., поскольку евнухи составляли столь же важную часть экспорта на Восток, как и полноценные мужчины – рабы²⁰⁹. Безусловно, нужно иметь в виду то, что евнухами являлись прежде всего юноши и подростки. Тем не менее, технология кастрации, при которой раб не погибал, а выживал, ко времени правления Карла Великого должна была быть «отработана» и на юношах, и на взрослых франках, совершивших преступление.

²⁰² См., например: *Beyerle F.* Op. cit. S. 231–232; *Nehlsen H.* Op. cit. S. 313. Более того, Нельзен указывал на то, что подобная альтернатива (жестокое телесное наказание – кастрация, либо уплата штрафа) предлагалась в отношении раба и в случае гибели изнасилованной им рабыни (*Rast. leg. Sal. 25,6*), а Байерле специально подчёркивал: более позднее законодательство, например, эдикт Хильперика, редко предполагали свободу выбора между лишением жизни и штрафом – его «заменителем».

²⁰³ *L. Vis. 3, 5, 4; 3, 5, 7* (в отношении мужеложцев – мирян и монахов).

²⁰⁴ *L. Rib. 61 (58), 17* (в отношении рабов).

²⁰⁵ *L. Fris. Additio sapientum. XI, 1* (в отношении разорителя религиозного святилища).

²⁰⁶ *Af. 25, 1* (также в отношении раба). Реальность применения этой санкции в судебной практике конца IX – X в. подробно анализируется в главе, посвящённой рабству в раннесредневековой Англии. См. также: *Nehlsen H.* Op. cit. S. 323–324. *Anm. 320–321*.

²⁰⁷ Фризская правда напрямую приравнивала акт кастрации к смертной казни, однако для раннего Средневековья это чуть ли не единственный пример.

²⁰⁸ По-видимому, такой вид «неполной» кастрации предполагал лишение раба только содержимого мошонок.

²⁰⁹ *Ibid. S. 324*.

Тенденция к замене «нормативного» штрафа (*Normalbuße*), предусмотренного в случае совершения преступления свободным человеком, телесным наказанием в отношении раба, была очевидна не только в Салической правде, но и в связанных с ней памятниках (например, Вестготской и Бургундской правдах)²¹⁰, которые с большой долей вероятности предшествовали *Pactus legis Salicae* как источники отдельных его титулов. Причём, если в Салической правде сопоставление преступления свободного человека и раба встречалось дважды, то в *L. Vis.* и *L. Burg.* такое сопоставление встречалось значительно чаще.

Как часть движимого имущества, каждый из рабов нуждался в защите от переманивания третьими лицами. Помимо защиты господина от посягательств на его имущество, необходимо было оградить его от посягательств на половую неприкосновенность его рабынь. Очевидно, это правонарушение было не редкостью с начала VI в., поскольку санкции за подобное преступление неизменно повторялись во всех списках Салической правды на протяжении VI – начала IX в. При этом законодатели отличали изнасилование рабыни от попытки незаконного сожительства с ней или вступления в брак.

Кроме того, было жизненно необходимо пресечь возможность вступления в брак раба и рабыни, принадлежавших разным людям. Причина санкций, налагавшихся на раба в случае незаконного сожительства, сходна с причиной, побуждавшей обращать свободных в рабство за подобное сожительство: в случае заключения брака раб мог претендовать на мундебюрд над своей новой супругой и оспорить это право у её прежнего господина²¹¹. Безусловно, такой правовой коллизии допустить было нельзя; и если в случае с браком свободного и рабыни она снималась бы угрозой порабощения, то в отношении брака раба и рабыни такая санкция была бессмысленна.

²¹⁰ Ibid. S. 323. Anm. 317–319.

²¹¹ См.: *Jastrow I. Op. cit.* S. 15.

За изнасилование рабыни простого свободного или короля свободному франку предстояло выплатить штраф в 15 и 30 солидов соответственно²¹². Однако в параграфах 5–6, касавшихся рабов, наказание за изнасилование было гораздо более жёстким. К ним применялись те же самые методы наказания, которые были описаны в случае совершения ими кражи: порка или кастрация с возможностью замены телесного наказания штрафом. Если свести воедино разные редакции титулов, которые предусматривали различные наказания за попытку принудить рабыню к сожительству или интимной близости²¹³, совершённую рабом, то в итоге получится следующая таблица:

A	B	C	D	E	K, S
25,5: Si servus cum ancilla aliena m[o]echatus fuerit et ex ipso crimine ancilla mortua fuerit, servus ipse aut CCXL din. qui f[aciunt] sol. VI domino ancillae reddat [A-3–A-4]	29,6: Si servus cum ancilla mœchatus fuerit et de ipso crimine ancilla mortua fuerit, servus ipse aut castretur, aut CCXL den. qui faciunt sol. VI culpabilis iudicetur,	25,3: Si servus cum ancilla aliena mœchatus fuerit et ex ipso crimen ancilla ipsa mortua fuerit, servus ille aut castretur aut sol. VI cul[pabilis] iud[icetur] [C-6 - <i>solvat</i>]. Dominus	36,5: Si servus cu[m] ancilla aliena michatus fuerit et ex ipso crimine ipsa mortua fuerit, aut sol. VI [D-8 – <i>den. CXL qui f[aciunt] sol. VI</i>] domini ancillæ conponat aut castretur;	35,4: Si vero ex ipsum crimine mortua fuerit, aut sol. VI domini ancille conponat aut castretur. Dominus vero servi capitali de ancilla in lo[co] restituat.	27,4 (67,4): Si quis servus cum ancilla aliena moechatus fuerit et de ipso crimine ancilla mortua fuerit, servus ipse aut castretur aut CCXL denariis qui faciunt solidos VI

²¹² L. Sal. A : 25,1–2; B : 29,1–2; C : 25,1–2; D : 36,1–2; E : 35,1–2; K : 27,1–2; S : 67,1–2: Si quis ingenuus cum ancilla aliena mechatus fuerit et ei fuerit adprobatum [A-3 – *malb. teolosina*; B – *anilasina*, глосса – *theolasina uuirtico*; C-6 – *theolasina*; D – *euali[e]sina*], domino ancillae DC din. qui f[aciunt] sol. XV culp[abilis] iudic[etur]. Si quis vero cum rege ancilla mechatus fuerit [A-2 – *et ei fuerit adprobatum*], mal. theolosina hoc est [C – отсутствует; D – *malb. euali[e]sina*] I MCC din. qui f[aciunt] sol. XXX culp[abilis] iudic[etur]. Вариант Pact. legis Sal. 25,2, который имеется в C-6, отличается от прочих семей своей лапидарностью: Si vero regis est, sol. XXX.

²¹³ Байерле предполагал, что текст Pact. legis Sal. 25,5–6 мог быть более поздней интерполяцией, нежели текст титулов 25,1–2, принадлежавший ко времени правления Хлодвига. В доказательство своей позиции он приводит следующий аргумент: титулы 25,5–6 упоминают об изнасиловании со смертельным исходом и простым изнасиловании, тогда как таких пояснений нет в титулах 25,1–2; титулы 25,5–6 построены по аналогии с титулами 12,1–2, поскольку санкционная часть в них очень близка текстуально (*Beyerle F. Op. cit. S. 242–243*). Соглашаясь со вторым утверждением Байерле, автор работы не может полностью принять первый его довод как основу для признания бóльшей древности Pact. legis Sal. 25,1–2 по сравнению с 25,5–6; отсутствие некоторых санкций в одном титуле или их наличие в другом далеко не всегда даёт основания для относительной датировки обоих. Помимо этого, мы не согласны с предположением Байерле о том, что в 25,5 рабыня погибала от неудачных родов, а не самого факта насилия; никаких намёков в тексте Lex Salica, позволяющих предположить первое, мы не имеем.

– <i>inferat</i>] aut castratur. Dominus vero servi capitale ancillae in locum restituat.	dominus vero servi capitale in locum restituat.	vero servi cap[ita][e] in loco restituat.	domnus servi cap[ita][e] de ancilla in loco restituat.		culpabilis iudicetur; dominus vero servi capitale in locum restituat.
25,6: Si ancilla ex hoc mortua non fuerit [A-2 – malb. bab mundo], servus aut CCC ictos flagellorum accipiat aut CXX din. qui fac[iunt] sol. III domino reddat [A-2, A-4 – cogatur exsolvere ; A-3 – pro dorsum suum domino ancille conponat].	29,6: Si autem ancilla propter hoc non fuerit mortua, servus ipse aut CXX ictus accipiat, aut CXX den. qui faciunt sol. III domino ancillae cogatur persolvere .	25,4: Si vero ancilla ex hoc mortua non fuerit [C-6 – <i>si vero mortua non fuerit, malb. bathmonio</i>], servus ipse aut CXX ictus accipiat [C-6 – <i>отсутствует</i>] aut sol. III domine ancille cogatur exsolvere .			27,5 (67,5): Si autem ancilla propter hoc mortua non fuerit, sic servus ipse aut CXX ictus accipiat aut CXX denarios qui faciunt solidos III domino ancillae cogatur persolvere .
	29,3: Si servus cum ancilla mœchatus fuerit, CXX den. qui faciunt sol. III componat.		36,3: Si quis servus cum ancilla aliena michatus fuerit, sol. III [D-8 – <i>sunt den. CXX qui f[aciunt] sol. III</i>] cul[pabilis] iud[icetur].	35,3: Si quis servus cum ancilla aliena mechatus fuerit,	
	29,4: Si servus ancillam alienam extra voluntatem domini sui ad coniugium sociaverit, malb. authanio CXX den. qui faciunt sol. I culpabilis iudicetur.		36,4: Si servus [D-8 – <i>quis servus</i>] ancilla aliena extra voluntatem domini sui ad coniugium sociaverit, mal. anthamo , sol. III [D-8 – <i>sunt den. CXX qui f[aciunt] sol. III</i>] cul[pabilis] iud[icetur].	aut extra voluntatem domini ad coniugium sociaverit, sol. III c[u][pabilis] iudicetur].	27,6 (67,6): Si servus ancilla aliena sibi in coniugium sociaverit, CXX den[a][r][io]s, qui faciunt sol. III culp[abilis] iudicetur].

Как нетрудно заметить, сведения о наказании рабов за упомянутые нарушения несколько противоречивы. С одной стороны, денежные штрафы за различные преступления в них стабильны и переходят из одной семьи рукописей в другую: кроме ошибок в D : 36,5 и титуле 29,4 издания Герольда, которые были обусловлены явной невнимательностью копииста (в

первом случае – пропуск сотни при подсчёте денариев, во втором случае – пропуск двух единиц при подсчёте солидов), суммы в других рукописях на протяжении VI–IX вв. не изменялись. С другой стороны, мы имеем в этом титуле перед собой один из первых примеров замены более жёсткого телесного наказания на более мягкое (с 300 ударов плетью в семье А до 120 – в рукописях семей С, К и утерянной семье В). Объяснение, согласно которому это снижение порога телесного наказания не было результатом тиражирования ошибки или позднейшей вставки в текст семьи А более высокого штрафа, содержится в работах немецких историков права XX в²¹⁴.

Однако это утверждение требует определённой проверки. В редакции А содержатся целых три варианта штрафных санкций за изнасилование рабыни без наступления для неё смертельного исхода:

А-1 – sol. III domino reddat.

А-2, А-4 – sol. III [А-4 – *dominum ancillę*] cogatur exsolvere.

А-3 – pro dorsum suum domino ancille conponat.

Вариант А-3 отсылает к словоупотреблению Pact. legis Sal. 12,1, которое встречается в рукописях А-2–А-4, а также в семьях D, E, K, S. Поскольку, согласно принятым принципам текстологического анализа К.А. Экхардта, приоритет перед чтением А-1 имеет чтение, которое совпадает в других трёх рукописях семьи А, очень велика вероятность того, что текст титула 25,6 представляет собой прямую параллель к тексту титула 12,1²¹⁵. Однако в этом случае повышается вероятность того, что в первоначальной редакции (Urtext), по аналогии с наказанием за кражу рабом имущества на 2 денария, санкция за изнасилование рабыни без смертельного исхода могла быть 120 ударов (как в Pact. legis Sal. 12,1, так и в Pact. legis Sal. 25,6), а число «300» могло быть добавлено в редакцию А позднее²¹⁶.

²¹⁴ Например: *Beyerle F.* Op. cit. S. 242; *Nehlsen H.* Op. cit. S. 302–303.

²¹⁵ См. подробнее: *Ibid.* S. 303.

²¹⁶ Все прочие редакции, кроме А, содержат санкцию именно в виде 120 ударов (В, С, К, S).

Вне зависимости от того, составляло ли наказание за изнасилование в начале VI в. 300 ударов плетью, а затем, в середине того же века (в редакции В), было снижено до 120 ударов, или же оно изначально составляло 120 ударов и менялось в результате корректур в семье А на протяжении VIII–IX вв., факт возможности выкупа рабом своего проступка был одним из самых ярких свидетельств того, что он не был полностью бесправен в рамках общества салических франков VI в.²¹⁷ Возможность «выкупить свою спину», а в конечном итоге – жизнь, при обвинении в краже и изнасиловании рабыни предоставляла ему новое, неизвестное в античном праве состояние, когда он уже не мог быть запорот или умерщвлён в результате простого решения своего господина, как это характерно для классического римского рабства I–II вв.²¹⁸.

Тем не менее, раб в начале VI в. ещё не занимал такого общественного положения, которое позволяло ему рассчитывать на выступление в суде в качестве самостоятельной стороны процесса (истца, ответчика, свидетеля), хотя бы и с крайне ограниченными правами. Это хорошо заметно по описанию правового казуса, в котором перед нами выступают раб или рабыня, укравшие имущество у своего господина. В случае, если вместе с ними в краже участвовал свободный человек, он был обязан выплатой 15 солидов:

A-1	A-2	A-4	B
10,2: Si servus aut ancilla cum ipso ingenuo de rebus domini sui aliquid portaverit, fur praeter quod eius mancipia et res restituat et insuper mal. theubardi hoc est	10,2: Si servus aut ancilla cum ipsum ingenuo de rebus domini sui aliquid portaverit, dum sunt dinarius quicquid mancipia ipsa restituat sicut superius diximus	10,2: Si servus aut ancilla cum ipso ingenuo de tribus domine suę aliquid portaverit, DC den. qui faciunt sol. XV exceptis capitale et dil[atura] adhuc amplius culpa	11,3: Si servus aut ancilla cum homine ingenuo de rebus domini sui aliquid deportaverit, malb. leud ardi DC den. qui faciunt sol. XV culpabilis iudicetur excepto capitale

²¹⁷ Сама по себе возможность уплаты рабом из средств его пекулия возмещения за причинённый ущерб виделась X. Нельзену достаточным основанием для того, чтобы господин рабыни отказался от столь жестокого наказания, как кастрация или 300 ударов в пользу «становившегося обыденным штрафом»: Ibid. S. 304.

²¹⁸ См. подробнее: Wallon H. L'Histoire de l'esclavage dans l'Antiquité. Т. II. P. 248–251; Westermann W.L. Op. cit. P. 75–76, 81–82, 106–107.

DC din. qui f[aciunt] sol. XV culp[abilis] iud[icetur].	excep[to] cap[itale] et dil[atura].	iudicetur.	et delatura.
---	-------------------------------------	------------	--------------

C	D	E	K
10,2: Si servus aut ancilla cum ipso ingenuo de rebus domini sui aliquid deportaverit, mal. teophardo fur ille preter quod mancipia restituat sol. XV [C-6 – DC qui fac[iunt] sol. XV] culp[abilis] iud[icetur].	11,3: Si servus aut ancilla cum homine ingenuo de rebus domini sui aliquid deportaverit, malb. leudardi sol. XV [D-8 – sunt den. DC qui f[aciunt] sol. XV] culp[abilis] iud[icetur] excep[to] cap[itale] et del[atura] ²¹⁹ .	11,3: Si servus aut ancilla de rebus domini sui aliquid deportaverit et homo ingenuus in furtum hoc recipit , sol. XV culp[abilis] iud[icetur] [E-12–E-16 – excep[to] cap[itale] et dil[atura]].	11,2 (42,2): Si servum aut ancillam cum ipsa ingenuo de rebus domini sui aliquid portaverit, DC denariis qui faciunt solidos XV culpabilis iudicetur excepto capitale et dilatura atque causam quam superius diximus culpabilis iudicetur excepto capitale et delatura ²²⁰ .

Ответственность раба и рабыни в этом случае не была описана, однако из титула становится ясно то, что они не участвовали в судебном заседании ни в качестве ответчиков, ни в качестве свидетелей. В данном случае свободный франк был обязан ответить по делу и возместить убытки (особенно это отчётливо проявилось в тексте A-2 и рукописях семьи C, где содержалось указание на необходимость возмещения рабской силы при краже рабов и другого движимого имущества). По причине поздней фиксации титула 10,1 *Pact. legis Sal.*²²¹, уточнения о необходимости возврата рабов в составе движимого имущества, равно как и сравнения раба со скотом, скорее всего, также возникли не в начале VI в., а гораздо позднее, при сыновьях или даже внуках Хлодвига.

Крайне показательным был раздел о пытках рабов, встречавшийся в *Pactus legis Salicae* и составлявший наиболее значительный объём титула 40. Текстуальные расхождения этого титула в различных рукописях были очень

²¹⁹ «Если свободный или рабыня вместе с тем свободным [т.е. вором] унесёт что-либо из имущества своего господина, пусть вор сверх того, что возмещает его [т.е. господина] рабов и имущество [A-2 – «сколько бы ни было денариев [стоимость украденного]»], будет присуждён к уплате 600 денариев, которые составляют 15 солидов, на суде – «штраф за [кражу] раба» [D, B – «штраф за кражу человека»].»

²²⁰ Перевод выделенного жирным фрагмента гласит: «а также пусть будет повинен в погашении той вины, о которой мы говорим выше [т.е. в титуле 10,1], не считая возмещения стоимости похищенного и убытков».

²²¹ Аргументы в пользу данного мнения были приведены выше, в параграфе, касавшемся правового статуса рабов в начале VI в.

подробно проанализированы Х. Нельзеном²²². Многие выводы немецкого исследователя совершенно верно передают генезис и развитие статуса раба на основе данного фрагмента Салической правды. Отправным пунктом для этого правового казуса является обвинение раба в том преступлении, за которое свободный человек должен был быть оштрафован на 15 солидов²²³. В рукописях семьи А фраза «*si cuius (quis) servus in furtum fuerit inculpatus*» отсутствует; однако указание на раба и на его обвинение в краже встречается во всех без исключения списках семьи А в заголовках титула 40²²⁴. Наказанием за такое преступление являлась порка на скамье в количестве 120 ударов.

Далее тексты всех четырёх рукописей семьи А значительно расходятся. Поэтому имеет смысл в очередной раз представить их в виде таблицы:

A-1	A-2	A-3	A-4
40,2: Si vero antequam torquatur fuerit confessus et ei cum domino servo convenerit, CXX din. qui f[aciunt] sol. III dominus reddat ²²⁵ .	40,2: Si vero antequam torquatur...	40,2: Si vero antequam torcatur fuerit confessus et ei cum domino servo convenerit, sold. culp[abilis] iudi[cetur]. Pro dorsum suum conponat et capitale dominus in locum restituat.	40,2: Si vero antequam torcatur fuerit confessus et ei cum domino servo convenerit, CXX dens. qui faciunt sold. III culp[abilis] pro dorsum servi et capitali dominus reddat.
40,3: Si tamen maior culpa fuerit unde ingenuus		40,3: Si tamen maior culpa fuerit unde ingenuus	40,3: Si tamen maior culpa fuerit hunde

²²² Nehlsen H. Op. cit. S. 328–334, 341–350.

²²³ L. Sal. A : 40,1; B : 43,1; C : 40,1; D : 68,1; E : 67,1; K : 42,1; S : 41,1: Si talis fuerit causa [B, C, D, E, K, S – *si cuius (quis) servus in furtum fuerit inculpatus si talis causa est*] unde ingenuus DC din. hoc est sol. XV cumponere debuerat, servus super scamno tensus CXX ictos flagellorum [A-2–A-4, B, C, D, E, K, S – *ictus accipiat*].

²²⁴ Нельзен анализирует эту проблему и отмечает тот факт, что заголовок мог быть приписан к рукописи позднее, а потому под преступлением полагались и другие деликты помимо кражи: Nehlsen H. Op.cit. S. 320–321. Anm. 311. Однако данный титул имеет достаточно определённые указания на то, что имеется в виду именно кража (например, требование возмещения capitale).

²²⁵ «Если же перед тем, как начнётся пытка, [раб] сознается, и он вместе с господином раба договорится, пусть за свою спину он отдаст 120 денариев [A-3 – один солид], что составляет 3 солида [A-3–A-4 – пусть за свою спину возместит 3 солида, и господин возвращает стоимость похищенного]».

XXXV sol. reddere debet ²²⁶ .		sold. XXXV solvere possit, similiter servus CXXI colapos accipiat.	ingenuus I MCCCC denrs., id est sol. XXXV solvere possit, similiter servus CCXX colobos CCCC.
40,4: Et si confessus non fuerit, ille qui eum torquet si adhuc voluerit ipso servo torquere etiam nolente domino pignus domino servi donare debet ²²⁷ .		Et si confessus non fuerit, ille qui eum torcuit si adhuc voluerit ipsum servum torquere etiam nolente domino pignus domino servi dare debeat.	40,4: Et si confessus non fuerit, ille qui eum torquid si adhuc noluerit ipsum servum torquere etiam nolentem dominus pignus domino servi dare debet.
Si servus postea ad suppliciiis maioribus subdicitur et si confessus fuerit, nihil ille super domino credatur ²²⁸si fuerit confessus, nihil suum domino credat.	Et sic servus postea ad supplicia maioribus similiter datur et si confessus fuerit, nihil ille super dominum credatur.	40,5: Et sic servus postea ad suplicia maioris datur et confessus fuerit, nichil ille super domino credatur.
Ipsa illo servo in potestatem habiturus est qui eum torsit. Dominus servi unde iam pignus accepit praecium pro suo servo accipiat ²²⁹ .	Ipsa vero in potestatem servum illum abiturus qui eum torsit. Dominus vero servi unde iam pignus accepit praecio pro suo servo accipiat.	40,4: Si vero ipsum servum habetur usque eum torsit, dominus servi unde pignus praetio pro servo accipiat.	Si vero illum servum habiturum qui cunctor sit , dominus servi unde iam pignus haccipit pretio pro suo servo haccipiat.

Как и в некоторых других случаях, здесь отмечаются значительные расхождения в тексте рукописей семьи А, прежде всего – отсутствие значительного фрагмента текста в А-2. Очевидно, что этот вариант титула 40,2–4 Pactus legis Salicae является позднейшим и сильно усечённым, поскольку в нём раб изначально возводил обвинение на своего господина; здесь пропущен союз *super* перед словом *dominus*, что также говорит о вторичности варианта А-2 по отношению к прочим рукописям.

Титул 40,2 предполагал, что раб до передачи на пытку истцу мог сознаться в своём преступлении; в этом случае он должен был выплатить штраф «за свою спину» (т.е. с целью избежать пытку) в 3 солида, а господин раба оплачивал стоимость похищенных вещей. В последнем случае титул 40,2 обнаруживает совершенно определённое сходство с титулом 25,6: здесь

²²⁶ «Если же [у раба] будет более значительная вина, за которую свободный должен возместить 35 солидов, [А-3–А-4 – раб точно так же получает 120 / 121 / 240 / 400 ударов]».

²²⁷ «И если он не сознается, тот человек, который его пытает, если он хочет далее пытать этого раба, однако господин возражает, пусть должен будет дать залог господину раба».

²²⁸ «Если после этого раб будет подвергнут более серьёзной пытке, и если он сознается [в преступлении], пусть ему не будет веры [в обвинительных показаниях] против своего господина».

²²⁹ «Пусть раб находится во власти того, кто его пытает. Господин раба, когда он уже принял залог, пусть тем самым примет цену за своего раба».

также предполагался выбор между пыткой, заключающейся в 120 ударах плетьюми, или уплатой 3 солидов. Из этого очевиден и тот факт, что в *Pact. leg. Sal.* 40,2 ещё раз было отмечено появления у раба имущественной ответственности за совершённые преступления (в частности, изнасилование рабыни без её умерщвления и кражу): в обоих случаях вносился своеобразный выкуп за «шкуру» раба.

Однако, вместе с тем, титул 40,2 проявляет и резкое отличие от случая, описывающего возмещение за насилие над рабыней: в нём нет чёткого указания на то, что ущерб от кражи (или другого преступления) возмещал именно раб; выражение «*pro dorsum servi [suum conponat] et capitali dominus reddat*», которое встречалось в А-3–А-4 и содержалось в протографе семьи А (а значит – и в первоначальной редакции *Lex Salica*), едва ли даёт основания делать такое заключение. Скорее наоборот: поскольку господин был обязан возместить ущерб от преступной деятельности раба, он в равной степени должен был и заплатить штраф в счёт тех самых 120 ударов, от которых он избавлял последнего.

Подтверждение этой гипотезы встречается в *Pact. leg. Sal.* 40,3–4: здесь раб приговаривался к 120 ударам уже за провинность стоимостью 35 солидов, и за продолжение пытки в случае его отказа признаваться в преступлении господину выдавался залог за раба. Ключевой момент данного казуса состоит в том, что раб во время пытки передавался во власть (*in potestatem*) истца: даже при желании господина удержать его при себе и не подвергать пыткам, такой вариант не рассматривался законодателем. Напротив, господин принимал залог в качестве цены своего раба. Таким образом, предусматривался случай гибели раба в ходе пытки (что, по-видимому, происходило нередко); он передавался истцу подобно другому движимому имуществу – с выплатой своей цены.

Последний фрагмент, связанный с пыткой раба, вновь имеет общие черты во всех четырёх рукописях древнейшей редакции, а следовательно – и

в других семьях (кроме К и S)²³⁰. Присутствие в упомянутом тексте выбора между возможностью выплаты за правонарушение раба «стоимостью» 35 солидов или кастрацией (в случае, если он сознавался во время пытки) сближало его содержание с судебным казусом, описанным в титуле 40,2. Такие же общие черты были характерны для большинства семей рукописей в отношении наказания раба смертной казнью за превышение им обвинения, по которому свободный был бы присуждён к штрафу в 45 солидов²³¹.

В последнем случае нет даже намёка на то, что сам раб или его господин могли искупить свою вину. Это обстоятельство Нельзен весьма осторожно относит к влиянию правовой практики позднеимперского времени на территории Галлии. В первую очередь, противопоставление в отношении одного и того же преступления штрафных санкций, налагаемых на свободного, и телесного наказания, применяемого к рабам, немецкий исследователь находит в Правде римской бургундов – правовой компиляции римских законов начала VI в., на основе которой производился суд в среде галло-римлян²³².

Тем не менее, автор данной диссертации полагает, что датировка *Lex Romana Burgundionum* (502–517)²³³ в равной степени и допускает

²³⁰ L. Sal. A : 40,4; B : 43,2; C : 40,4; D : 68,4; E : 67,3: Si inter priora supplicia id est infra CXX culapus [A-2 – *acolapus*; A-3–A-4 – *CXXI colapos / colobos*] fuerit confessus, aut castretur aut sex sol. [A-2, B, C, D – *CCXL din. qui fac[iunt] VI sol*; A-4 – *CXX din. qui fac[iunt] III sol.*] reddat. Dominus vero servi cap[itu][are] requirenti restituat («Если во время первой пытки, т.е. 120 / 121 удара, [раб] сознается, пусть либо будет кастрирован, либо выплачивает 120 / 240 денариев, что составляет 3 / 6 солидов. Господин же раба пусть выплатит стоимость похищенного истцу»).

²³¹ Ibid. A : 40,5; B : 43,3; C : 40,5; K : 42,7; S : 41,5: Si vero maiore crimine servus conpraeheditur id est unde ingenuus XLV sol. possit culp[abilis] iud[icetur]. Et inter supplicia servus ipse confessus fuerit, capitale sententia feriatu[r] («Если же раб будет уличён в самом тяжком преступлении, т.е. таком, за которое свободный человек был бы представлен к уплате 45 солидов, и во время пытки этот раб сознается, пусть будет обречён на смертный приговор»). Этого правового казуса нет в D и E, поскольку там редакция титула 40 достаточно сильно отличается от редакции семьи A, ставшей основой для Каролины.

²³² *Nehlsen H. Op. cit. S. 322.*

²³³ Подробнее см. об этом в критическом издании бургундских законов конца V – начала VI вв.: *Leges Burgundionum [Praefatio] / Ed. Ludovicus Rudolfus de Salis. Hannover, 1892 (MGH. LL nat. Germ. 2,1). P. 11–14.* Весьма сдержан в своей оценке времени создания *Lex Rom. Burg.* американский учёный Г. МакДорман (Принстон), однако и он признаёт тот факт, что окончательное формирование корпуса римских законов в Бургундии относилось

возможность знакомства с ней Хлодвига, и ставит его под сомнение. Более того, иная редакция титулов 40,5–11 (она будет рассмотрена ниже) в семьях D и E, а также дополнение в семье B (помимо «стоимости» преступления свободного в 45 сол., там также упомянута стоимость 200 сол.), красноречиво указывают на то, что судьба текста этого титула не была столь однозначна и не ограничивалась только рецепцией римского права начала VI в. Нам кажется, что в равной степени имеют право на существование гипотезы о галло-римском и о франкском происхождении разделения между двумя разными типами наказания для свободных (поскольку очень схожее деление встречается в титулах 11–12, нахождение которых в Urtext не ставится под сомнение).

На первый взгляд, имеется некоторое родство между рассмотренными нами редакциями титулов *Pactus legis Salicae* 12 и 40. В первом случае раб совершает преступление в виде кражи вне пределов запертого пространства дома на 2 и 40 денариев, а во втором – кражу на 15 и 30 солидов соответственно. Кроме того, в титуле 12 полностью опущена судебная процедура – процесс порки плетьюми, который подробно регламентирован в титуле 40. Но можно ли на основе этих фактов говорить о титуле 40 как о простом развитии правового казуса, упомянутого в титуле 12?

Во-первых, при разборе данного казуса Х. Нельзен отмечает значительные ошибки в рукописи A-4, например, выражение *sunctor sit* вместо *eum torcit*, а также пропуски в A-1 и A-2, что очевидно и из представленной таблицы²³⁴. По сути, это один из тех немногих титулов Салической правды, смысл которого в его древнейшей редакции становится понятным только после колляции всех рукописей семьи A.

ко времени не ранее правления Сигизмунда (516–523). См.: *McDorman G.L. Governing the Post-Roman Burgundian Kingdom (Diss.)*. Chicago, 2008. P. 14–15. См. также его статью относительно рабства в бургундском обществе на рубеже V–VI вв.: *Idem. Slaves and Slavery in the Burgundian Settlement // Essays in history: The Annual Journal*. 2010 (Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.essaysinhistory.com/articles/2011/3>. Дата обращения: 06.11.2014).

²³⁴ *Nehlsen H.* Op. cit. S. 319.

Во-вторых, одно из главных отличий титула 40,1–4 от титула 12, 1–2 он видит в том, что господин раба (и, по-видимому, сам раб) не выплачивали истцу *delatura*, т.е. плату по судебным издержкам, или стоимость казуса²³⁵. Это довольно чётко отделяет его от прочей массы правового материала *Lex Salica*, связанного с кражами движимого имущества (в т.ч. рабов), где формула «*exserto capitale et delatura*» являлась не просто ритуальной вставкой, а реальной судебной процедурой.

В-третьих, в отличие от двухступенчатой градации оценки преступления раба в титуле 12 (кража на 2 и 40 денариев), титул 40 предлагал уже трёхступенчатую: 15, 35 и 45, что в некотором роде соответствовало градации преступлений свободных людей стоимостью в 62 ½, 100 и 200 солидов²³⁶. Отметка в 200 солидов в отношении преступления свободного имеется в публикации Герольда, текст которой восходит к рукописи семьи В; однако её можно признать скорее более поздним добавлением к *Urtext*, сделанным в тексте *Lex Salica* автразийской редакции середины VI в. или даже позднее²³⁷.

Таким образом, даже предварительный анализ титулов 12 и 40 убеждает нас в том, что в данном случае имело место не простое повторение правовых установлений, но качественно новый подход к правовому материалу. Более того, титул 40 представляет собой единственный судебный казус в рамках 65 древнейших титулов Салической правды, в котором

²³⁵ *Ibid.* S. 320.

²³⁶ *Ibid.* S. 320. Anm. 310. Отметим также тот интересный факт, что эти титулы до известной степени повторяли «стоимость» дел (15 и 25 сол.), по которой призывался на божий суд (ордалию) свободный человек: *Rest. leg. Sal.* 53,1–4. Однако упомянутая в третьем случае «стоимость» в отношении проступка свободного (*Ibis.* 53,5–6: 62 ½ сол.) отличалась от упомянутой в 40,5 «стоимости» преступления в 45 сол. Поэтому, несмотря на определённые текстуальные параллели между титулами 40 и 53, нельзя признать порку раба только «альтернативой» или «калькой» судебного испытания, применяемого в отношении свободных.

²³⁷ *L. Sal. В* : 40,3: *Requirenti vero si talis culpa est, unde homo ingenuus sive Francus VIII M den qui fac[iunt] sol. CC culpabilis iudicetur, servus solidis XV id est, DC den. componat* («Если же вина перед истцом будет такой, при котором франк или свободный человек был бы присуждён к уплате 8 тыс. денариев, что составляет 200 солидов, пусть раб возмещает 15 солидов, т.е. 600 денариев»).

подробно описывается проведение судебной процедуры (в т.ч. процедур допроса и пытки) в отношении рабов, лишённых каких бы то ни было судебных прав.

Правовые случаи, рассмотренные в *Pactus legis Salicae* 40,6–10, касаются реализации механизмов передачи раба на суд его господином. По изменениям в лексике, которая присутствует в этом фрагменте Салической правды, можно также сделать определённые выводы относительно первоначального правового статуса раба в обществе салических франков начала VI в. и его изменения на протяжении VI–VIII вв.

Вначале рассмотрим тот вариант, который встречался в рукописях семьи А. Согласно этому тексту, обязанности передачи раба на судебное заседание и на пытку истцу лежали на господине. Факт его обвинения в каком-либо преступлении свободным человеком требовал открытия дознавательного процесса; однако, несмотря на требование передать раба «по закону» (*iustis*), сам он не мог выступать ответчиком на созванном по делу судебном собрании. Последнее было предназначено для законной передачи раба для пытки и наказания²³⁸. В случае наличия раба в поместье его

²³⁸*Ibid.* A : 40,6-8; B : 43,4; C : 40,6-8; K : 42,8-10; S : 41,8-10: Si vero in quolibet crimine servus conpraehenditur [A-2–A-4, C – *(in)culpatur*, B, K, S – *inculpatus (fuerit)*], dominus ipsius si praesens est ab eo qui repetit [A-2–A-4, C – *si praesens est ab eo qui requeret admanere debet ut servum suum iustis dibiati supplicii dare, ubique repetit*] virgas paratas habere debet quae ad magnitudinem minoris digiti minime sint et quoeuales [A-2 – *et senum*; A-3–A-4 – отсутствует] et scamno pristo ubi servo ipso tendere debeat. Si dominus servi supplicia distulerit et servus praesens fuerit, continuo domino illo qui repetit solem collegere debet. Et ad eadem septem noctes placitum facere debet [A-4 – отсутствует; B, K, S – *placitum concedat*] ut servum suum ad supplicium tradat. Quod si ad septem noctes servo ipso tradere distulerit, solem ei qui repetit, et sic iterum ad alias septem noctes placitum faciat id est ad XIV noctes de prima admonitione conpleantur («Если же раб будет обличён [обвинён] в каком-либо преступлении, пусть его господин, если он [т.е. раб] будет присутствовать, передаст его тому, кто требует [раба на пытку. Этот человек] должен иметь приготовленные розги, каждая из которых будут по меньшей мере толщиной в мизинец, и готовую [к пытке] скамью, где необходимо разложить этого раба. Если господин раба не желает [проведения] пытки, и раб будет присутствовать, тот, кто требует его [на пытку], должен вновь установить срок его господину. И в течение этих 7 дней он должен собрать судебное собрание, чтобы его раба предать пытке. Пусть, если в течение 7 дней [господин] не захочет передать этого раба тому, кто его требует, таким же образом вновь созовут судебное собрание в течение следующих 7 дней, т.е. со времени первого вызова [в суд] пройдёт 14 дней»).

господина и возможности его выдать, срок выдачи раба на пытки ограничивался 7 днями; если по каким-то причинам господин не хотел его выдавать, то устанавливался новый срок в 7 дней, в течение которых созывалось новое собрание для передачи раба истцу.

Последующий текст *Pactus legis Salicae* (40,9–11) значительно отличается в различных рукописях древнейшей редакции, поэтому его также имеет смысл приложить в виде таблицы:

A-1	A-2	A-3	A-4	B	C, K, S
40,9: Quod si impletis XIV noctis servum suum noluerit suppliciiis dare, omnem causam vel compositionem dominus servi in se excipiat.	40,6: ... in quatuordecem noctes servum noluerit suppliciiis dare, omnem causam vel compositionem excipiat hoc est ut se talis causa erat unde ingenuus DC din. qui fac[iunt] sol. XV componere ipsius dominus reddat. Si vero maior culpa fuerit unde ingenuus I MCCCC din. qui fac[iunt] sol. XXXV poterat reddere, similiter dominus reddat.	40,10: Quod si impletis XIV noctes et si servum noluerit suppliciiis dare, omnem causam vel compositionem dominus in se excipiat hoc est ut si talis causa est unde ingenuus sold. XXXV poterat reddere, similiter dominus reddat.	40,10: Quod si impletis XIV noctes et si servum noluerit suppliciiis dare, omnem causam vel compositionem dominus in se excipiat hoc est ut se talis causa erat unde ingenuus sol. XV componere debeat, ipse eo dominus reddat. 40,11: Si vero maior culpa fuerit unde ingenuus I MCCC denrs. idest sol. XXXV poterat reddere, similiter solvat.	43,4: Quod si impletis XIV noctes, servum noluerit ad supplicium tradere, omnem causam vel compositionem dominus in se recipiat, hoc est, si talis causa fuerit, unde ingenuus DC den. qui faciunt solid. XV potuerit componere, ipse dominus pro servo reddat.	40,9 (42,11-13; 41,11-13): Quod si impletis XIV noctes et si servum noluerit suppliciiis dare, omnem causam vel compositionem dominus in se excipiat hoc est ut se talis causa est unde ingenuus XV sol. potuerit componere ipse eos dominus reddat.
	40,7: Si vero adhuc maior culpa fuerit qui similiter ingenuus I MDCCC qui f[aciunt] sol. XLV componere possit et dominus servum non presentaverit, ad ipsum numero reddat et capitale.	40,11: Si vero adhuc maior culpa fuerit similiter unde ingenuus XLV sold. componere possit et dominus servum non presentaverit, ad ipso numero reddat et capitale.	40,12: Si vero adhuc maior culpa fuerit qui similiter ab ingenio I MDCCC denrs. id est sol. XLV cum postea dominus servum et non presentaverit, ad ipsum numerum reddat et capitale.		Si vero maior culpa fuerit unde ingenuus sol. XLV [C-6, K – I MDCCC qui fac[iunt] sol. XLV] componere potuerit cum postea et dominus servum no[n] presentet, ad ipsum numerum reddat et capitale in loco restituat.
Non quale servus sed quasi ingenuus hoc admisit totam legem super se	Quod si adhuc maior culpa fuerit quod servum requeratur,	40,12: Quod si etiam adhuc maior culpa fuerit quod ad servo requiratur,	40,13: Quod si etiam adhuc maior culpa fuerit quod servo requiratur,	43,5: Quod si adhuc maior culpa fuerit, de quo ad servus requiratur,	Quod si etiam maior culpa fuerit qui servum requiretur, et dominus servi

solviturum suscipiat.	dominus servi non ut servus solvat sed ut ingenuus totam legem super se solviturum excipiat.	dominus non ut servus solvat sed ut ingenuus totam legem super se solviturus excipiat.	dominus servi non ut servus solvat sed ut ingenuus tota lege super se solviturus haccipiat.	dominus non ut servus solvat, sed ut ingenuus totam legem super se soluturus excipiat.	non ut servus sed ut ingenuus tota lege solviturus excipiat.
40,10: Quod si servus absens fuerit cui aliquid inputatur. Tunc repetens domino servi secretius tribus testibus praesentibus admonere debet ut servum suum infra VII noctis praesentare debeat. Si infra septem noctes noctes non eum praesentaverit. Tunc repetens solem ei cum testibus collegare debet. Et sic ad alias septem noctis placitum faciat. Quod si nec ad alias septem noctis ipsum servum non praesentaverit, tertiam vicem adhuc septem noctis illa spacium dare debet. Id est ut totus numerus XXI noctis veniant. Quod si post placitum ipsum servum ligatum ad supplicii praesentare et repetens per singulos placitos solem colligaverit. Tunc dominus servi omnem repetitionem sicut superius diximus non quale servo sed quasi ingenuus hoc admisit. Talem compositionem	40,8: Quod si servus absens fuerit cui aliquid inputatur. Cum tribus testibus secretibus admonere debet ut servum suum infra VII noctes debiat presentare. Quod si fecerit, tunc repetens solem illi cum testibus colicet. Et sic ad alias septem noctes servum ipsum non presentaverit, tertia vicem adhuc VII noctis illi placitum dare debet id est ut totus numerus usque ad XXI nocte perveniat. Quod si potest tercium placitum ipsum servum noluerit ligatum supplicii dare, tunc dominus servi omnem causam super se excipiat.	40,13: Quod si servus absens fuerit cui aliquid inputatur, dominus servi a repetenti cum tribus testibus praesentibus secretius admonere debet ut servum suum infra septem noctes debeat praesentari. Quod si non fecerit, tunc repetens solem illi cum testibus culcet. Si ad alias septem noctes ipsum servum non praesentaverit, tertia vice adhuc septem noctes ille spatium dare debet id est ut totus numerus ad XXI noctes veniat. Quod si post tres placitos ipsum servum noluerit ligatum praesentare et supplicii dare et ei per singulos placitos solem culcaverit. Tunc dominus servi omnem receptionem sicut superius diximus non qualem servus sed qualem ingenuus si hoc admisisset talem compositionem repetendi restituatur.	40,14: Quod si servus absens fuerit cui aliquid inputaverit, dominus servi ad repetentibus testibus praesentibus secretius admonere debet ut si servum suum infra septem noctes debeat praesentare. 40,15: Quod si non fecerit, tunc repetens solem ille cum testibus colicet, et si alias septem noctes ipsum servum non presentaverit, tertia vice adhuc septem noctes ille spatium dare debet id est ut totus numerus ad viginti hunc nocte veniat. Quod si post III placitos ipsum servum noluerit legatum supplicii et eis singulos placitos solem culcaverit, tunc dominus servi omnem repetitionem sicut superius diximus non qualem servus sed qualem ingenuus si hoc admisit talem compositionem repetendi restituatur.	43,6: Quod si vero servus absens fuerit, dominus servi a repetentibus tertio admoneri debet, ut servum suum infra septem noctes debeat praesentari. Quod si non fecerit tunc repetens cum testibus solem illi collocet, et sic ad alias septem noctes placitum illi concedat. Si tunc servum non praesentaverit, repetens cum testibus solem illi collocet tertia vice adhuc ad septem noctes, ita ut totus numerus ad XXI noctes perveniat, quod si per tria hac placitos ipsum servum, noluerit ligatum supplicii dare, aut praesentare, et tamen per singula placita ei solem culcaverit, tunc dominus servi omnem repetitionem sicut superius diximus non qualem servus, sed qualem ingenuus, si hoc admisisset tandem compositionem repetendi restituatur.	40,10 (42,14; 41,14): Quod si servus absens fuerit cui, dominus servi ad repetentibus testibus praesentibus secretius admonere debet ut si servum suum infra septem noctes debeat praesentare. Quod si non fecerit, tunc repetens solem illi cum testibus collocet. Et si adhuc ad alias VII noctes ipsum servum non presentaverit, tunc repetens cum testibus solem illi collicet [K – <i>et tertia vice adhuc septem noctes placitum illi concedat</i>] id est totus numerus ad XXI nocte veniat. Quod si post III placita servum noluerit supplicii legatum dare et per singulum placitos solem ei culcaverit, tunc dominus servi omnem repetitionem [K – <i>sicut superius diximus</i>] non qualem servus sed qualem ingenuus si hoc admisisset talem compositionem ad repetendi restituatur.

requirentem restituat.					
---------------------------	--	--	--	--	--

В данном тексте говорится уже о правовом случае, при котором раб не был представлен суду в течение 14 дней. Фактически, титул 40,9 логическим образом суммировал те штрафы и возмещения, которые предусматривались *Pactus legis Salicae* (40,1–5) за любые провинности рабов. Таким образом, можно ещё раз убедиться в бесправии рабов: денежный эквивалент их преступления имел значение по большей части только для регулирования в их отношении судебной процедуры (пытки, порки, получения хозяином залога и вероятной казни раба); в любом из представленных случаев в тексте Салической правды ответственным за возмещение признавался именно господин. Предусмотренные случаи выкупа рабом собственной «шкуры» – самооговор до начала пытки по делу стоимостью 15 сол. (40,2) или во время пытки по делу ценой в 35 сол. (40,4), не рассматривали возможность возмещения рабом убытков: эта обязанность целиком и полностью ложилась на его хозяина.

Тем не менее, титул 40,9 добавлял к проступкам рабов те, которые по своей оценочной стоимости превышали 45 солидов; в этом случае наказание раба не конкретизировалось, но можно осторожно предположить, что он также передавался для казни истцу или судье. Однако при этом особенно показательна ответственность господина: он отвечал «по всей строгости закона» и платил за преступление зависимого от него человека «не как раб, но как свободный». Следовательно, и в этом случае, как и при более мелких провинностях рабов, на их господина ложилась полная ответственность за своих подопечных, которых он представлял в судебном заседании в качестве ответчика.

Такая же ответственность ожидала господина и в том случае, если он не мог представить раба на судебное заседание и передать его на дознание истцу по причине отсутствия провинившегося в своём распоряжении. Такая ситуация могла сложиться в том случае, если раб бежал от своего господина

или скрывался от него (к примеру, найдя убежище в церкви). Это не освобождало хозяина от необходимости розыскных мероприятий и попытки заполучить своего раба, чтобы передать его истцу для порки; более того, на эти мероприятия господин получал всего лишь три срока по 7 дней, каждый раз обязуясь со свидетелями подтверждать факт отсутствия раба в своих владениях²³⁹. В случае, если раб не мог быть обнаружен, его господин также нёс всю полноту ответственности по выплате компенсации по этому делу (стоимости похищенного, штрафа за противоправное деяние и пр.).

Текст *Lex Salica* в редакции семей D и E значительно отличается и от более ранних редакций VI в., и от редакции Карла Великого, принятой на Ахенском соборе 802 г. Ряд правовых установлений, касавшихся сроков привлечения раба к ответственности, редактор просто сократил, а часть – переделал:

Номер в <i>Pactus legis Salicae</i>	Текст в <i>Lex Salica</i> (D–E)
40,5	68,5-6 (67,4-6): Si iam vero in maiore crimine fuerit inculpatus,
40,9	...unde ingenuus sol. XLV componere debet, dominus servi, si eum non presentaverit, ad ipsum numerum eum [E – <i>ad ipsum numerum solvendum</i>] teneatur. Ut ipsum numerum reddat et capit[u][are] in locum restituat. Si adhuc maior causa fuerit, quae servo requiretur, dominus servi non ut servus sed ut ingenuus totam legem super se solviturus suscipiat [E - <i>dissolvat</i>].
40,10	Si servus absens fuerit, cui aliquid inpotatur, dominus servi a repetente [E – <i>dominum servi ille, qui repetit</i>] tribus testibus presentibus secretius admonere debet, ut servum suum infra septem noctis debeat praesentare. Et si infra septem noctis eum noluerit presentare. Tunc repetens solem culcaverit, illi cum testibus collocare debet et sic ad alias septem noctis placitum faciat; si nec ad alias septem noctis ipsum servum presentaverit, tertiam vicem adhuc septem noctis spacium illius dare debet [E – <i>Quod si hoc facere neclexerit, tunc repetens cum aliis tribus testibus ipsum admoneat, ut aliis septem noctes ipsum presentet; quod si et hoc non fecerit, adhuc tertia vice ad alias septem noctes ei denunciaret ipsum presentare</i>]. Id est ut totus numerus ad XXI nocte veniat. Quod si post placitum

²³⁹ Во всех семьях рукописей упоминание о троих свидетелях распространяется только на первое судебное заседание. Тем не менее, имеются достаточные основания полагать, что в данном случае имеет место эллипс в тексте, и требование по представлению свидетелей по принципу аналогии распространяется на все судебные заседания по делу, связанному с рабом этого господина.

	ipsum servum noluerit ligatum suppliciiis dare et ei per singulos placitos solem culcaverit, tunc dominus servi omnem repetitionem, sicut superius diximus, non sicut servus sed, quasi ingenuus admississet, talem compositionem repenti restituat.
--	--

Трансформация титула 40 в рукописях семей D и E ещё сильнее оттеняет содержание правового казуса, который был зафиксирован в семье A и относился ко времени правления Хлодвига и его сыновей. В начале и первой половине VI в. из титула 40 явствовало отношение к рабу как к движимому имуществу своего господина, которое предполагало полное распоряжение его жизнью и здоровьем. Это подтверждается тем, что при передаче раба на пытку он отдавался под власть истца; более того, за продолжение пытки истец должен был внести залог и передать стоимость раба его господину.

Напротив, в D и E пропадает упоминание о возможности смертной казни в случае передачи раба «in potestatem» другого человека, что свидетельствует о повышении правового статуса раба во второй половине VI – первой половине VIII в.²⁴⁰. Хотя господин продолжал нести ответственность за своего раба, которого он не мог или не хотел представить для исполнения наказания, ещё в меровингских капитуляриях второй половины VI в. отмечена аналогичная тенденция к смягчению наказания для раба и повышению его статуса²⁴¹.

Необходимо подвести некоторые итоги исследования правового положения рабов в начале VI в. Основные выводы будут заключаться в следующем. Во-первых, его статус в это время был очень близок к бесправию. Это можно проследить на основании тех титулов, которые касались ответственности рабов за преступления против свободных и рабов других господ; которые приравнивали украденного раба к движимому имуществу, рассматривая его наравне с уведённым у господина скотом

²⁴⁰ Этот процесс будет подробно освещён в завершающем параграфе главы I, посвящённом меровингским капитуляриям; ему посвящена также значительная часть главы II (на материале каролингских капитуляриев и Рипуарской правды).

²⁴¹ См.: Decr. Child. a. 596. 3,3.

(быками, коровами, лошадьми). Данное состояние рабства также хорошо просматривается в титуле 40, где подробно прописана судебная процедура в отношении передачи несвободного человека на пытку.

Во-вторых, бесправие раба было отражено в полной ответственности его господина за любое нарушение или преступление, которое совершал лично зависимый от него человек. Господин был обязан в течение определённого времени передавать раба для пытки, если тот находился в его распоряжении; если раб бежал от своего хозяина, то последний был обязан штрафом по делу в пользу истца²⁴².

В-третьих, раб не был и полноправным участником судебно-дознательного процесса. По сути, он мог быть участником единственного «следственного действия», которое производилось в отношении него, а именно – пытки. Он не мог выступать в качестве свидетеля, ответчика, тем более – заявителя на судебном процессе. Раба нельзя было передавать на ордалию или к жребию, для того чтобы проверить его виновность: на тот момент это было «привилегией» только свободного человека²⁴³.

В-четвёртых, раб не мог вступать в сношения с другими людьми (в т.ч. с целью приобретения или продажи имущества) без ведома своего господина. Этот запрет вполне понятен по той причине, что раб и сам рассматривался как часть господского имущества. Кроме того, сам факт такой связи рассматривался как порочивший свободного человека.

Тем не менее, даже на основании древнейшей редакции Салической правды можно обнаружить у рабов отдельные черты правоспособности, хотя и крайне ограниченные и урезанные. В первую очередь, это выражалось в

²⁴² Если в течение определённого срока (который составлял 14 дней) господин не выдавал присутствующего в его владениях раба, то он также признавался виновным в совершённом преступлении; при этом возложенный на господина штраф и возмещение похищенной суммы были прямо пропорциональны тяжести обвинения, которое вменялось в вину рабу.

²⁴³ Очевидно, определённым ограничителем в этом отношении также являлся тот факт, что рабский статус никак не вписывался титул 53 (*De manum ad inium redemendam*), согласно которому свободный человек мог выкупить своё участие в ордалии при свидетелях с помощью нескольких перечисленных суммах, причитавшихся за данное преступление.

возможности выкупа рабом телесного наказания, предусмотренного за некоторые преступления, относительно невысокой платой (3 или 6 солидов – при изнасиловании рабыни другого господина без наступления её смерти или с наступлением таковой; при обвинении по делу «стоимостью» 15 или 25 солидов).

В конечном счёте, право выбора наказания в большинстве случаев также было закреплено его господином, который возмещал стоимость преступления истцу; тем не менее, сам по себе факт того, что раб мог в некоторых случаях избежать кастрации или нескольких сотен ударов плетью (которые могли закончиться его смертью), подтверждал зарождение в праве салических франков нового понимания категории *servus*: не просто скотины или движимого имущества, а «персоны ограниченного права» – человека с крайне узкими, фрагментированными правами, – в рамках зарождавшегося государства Меровингов. Эта тенденция ещё яснее проявится в редакциях D и E Салической правды, меровингских и каролингских капитуляриях VI–IX вв. и правовом памятнике, который относился к восточной части франкского мира – Рипуарской правде.

§ 4. Изменение положения рабов в меровингских капитуляриях VI в.

Эволюция социального и правового статуса рабов, обозначенная в *Pactus legis Salicae*, не ограничивалась только рамками 65 титулов *Urtext* и его последующими редакциями VI–IX вв. Большое значение, как уже было отмечено в источниковедческом разделе, при реконструкции положения рабов в меровингском и каролингском обществе имеют капитулярии, непосредственно прибавленные к Салической правде. Несмотря на большие трудности в их датировке и атрибуции определённым королям, их порядок в целом соответствует основным этапам развития меровингской и каролингской государственности: от укрепления власти при Хлодвиге и постепенном разделении его владений между детьми и внуками, через этап «ленивых» королей (не оставивших сколько-нибудь значимых правовых источников для Северной Галлии) к образованию королевства Пипина Короткого и империи Карла Великого. Последнее обстоятельство даёт нам возможность восстановить общий ход эволюции этого института у салических франков (хотя и с некоторыми лакунами в середине VII – середине VIII в.).

Вместе с тем, приступая к анализу правового положения рабов в обществе салических франков VI в., нельзя не подчеркнуть некоторую условность создаваемой картины. Многие капитулярии сыновей и внуков Хлодвига, в отличие от *Urtext* Салической правды, при создании были задуманы своими авторами как *дополнение* к уже имевшимся 65 титулам, но *не как самостоятельные правовые памятники*; поэтому охват ими правовых казусов зависел от того, какая установка их по отбору и фиксации стояла перед составителем и редактором того или иного памятника. Соответственно, не всегда капитулярии дают нам возможность всесторонне восстанавливать процесс эволюции рабского статуса в меровингском обществе VI в.

Одной из важных отличительных особенностей первой половины VI в., т.е. времени правления сыновей Хлодвига, королей Хильдеберта и Хлотаря,

явилось развитие крупного землевладения. Данное обстоятельство отчётливо выступает в тексте их «Договора о соблюдении мира», в котором говорится о принуждении крупных землевладельцев к передаче своих рабов на суд²⁴⁴. Кроме того, наряду с рабами крупных светских землевладельцев в меровингских капитуляриях этого периода указываются рабы церкви и фиска (т.е. короля)²⁴⁵, а третьем капитулярии упоминалось об отдельном наказании для рабыни–ключницы или надсмотрщицы за служанками²⁴⁶.

Сложно говорить о том, насколько положение таких рабов радикально отличалось в худшую или лучшую сторону от общей массы рабов. Нет достаточных сведений о стоимости рабов церкви, короля и крупных землевладельцев, которая резко выделяла бы их на фоне общеродового понятия *servus*; нет также и сведений об их занятиях, обязанностях в рамках господских хозяйств или же особой квалификации. Такие сведения есть

²⁴⁴ Cap. II. 88: *Si cuiuslibet de potentibus servus, qui per diversa possident, de crimine habere suspectus, domino secretius cum testibus condicatur, ut intra XX noctes ipsum ante iudicem debeat praesentare. Quod si institutum tempus intercedente concludio non fuerit praesentatus, ipse dominus status sui iuxta modum suae culpae interfredo et faido compensabitur. Si servus ante admonitum dominum defuerit, capitalem dominus restituat et de servo dominus faciat cessionem futurum, ut, cum inventus fuerit, detur ad vindictam* («Если раб кого-либо из власть имущих, которые владеют [землями] в разных местах, будет заподозрен в преступлении, пусть будет предписано отдельно господину и вместе с ним свидетелям, что он его должен в течение 20 дней представить судье. Пусть, если в установленный срок [раб] не будет представлен в результате тайного сговора, господин компенсирует свой статус согласно мере его вины посредством королевского мира и платы за месть. Если раб сбежит [из поместья] до того, как [его] господину вынесут предписание, пусть господин возмещает стоимость [похищенного или утраченного рабом], и пусть сделает о рабе разрешение, чтобы, когда он будет найден, он был передан к возмещению»). Спор о значении слова *potentes* (означало ли оно крупного землевладельца–помещика или же землевладельца вообще с т.н. «распылённым земельным владением») представлен в работе: Nehlsen H. *Op. cit.* S. 346.

²⁴⁵ Cap. II. 87: *De servis ecclesiae aut fisci vel cuiuslibet, si a quocumque pro aliqua causa inculpatum ad sortem veniat, aut ad plebium promoveatur aut ipse pretius domino reformetur. Nam probati periculo subiacerunt* («О рабах церкви или фиска, или кого-то ещё, если они будут кем-то обвинены в каком-либо преступлении, пусть следуют к жребию [т.е. на ордалию], и пусть либо будет назначен залог [за раба], либо же его цена пусть будет выплачена господину, поскольку испытываемого подвергают опасности»). Перевод последнего пассажа очень подробно рассмотрен Х. Нельзеном: Nehlsen H. *op. cit.* S. 336–340.

²⁴⁶ Cap. III. 104, 11: *Si vero ancilla ipsa cellaria aut genicium domini sui tenuerit, C solidos et denarium pro ipsa conponat* («Если же такая рабыня следит за кладовой или женскими покоями своего господина, [т.е. является ключницей или надсмотрщицей за служанками], пусть возместит за неё 100 солидов и денарий»).

только о надсмотрщицах и ключницах; штраф за их жизнь, равный половине вергельда свободного в древнейшей редакции Салической правды, позволяет нам причислить их к «рабам высшей категории», подобно автразийским *maiorissa* из текста гипотетически реконструируемой рукописи семьи В.

Некоторые косвенные свидетельства относительно всех упомянутых рабов (кроме «рабынь высшей категории») позволяют нам говорить о сходстве их правового положения со статусом основной массы рабского населения Северной Галлии в VI в. (например, общность наказаний, применяемых по отношению ко всем рабам, и ведения судебного процесса при осуждении раба). *Servi ecclesiae et fisci*, таким образом, не могут быть приравнены к *pueri regis* или *vassi ad ministerium* – «рабам высшей категории», исполнявшим важные административно-управленческие обязанности в составе хозяйств крупных землевладельцев и короля. В той части *Pactus pro tenore pacis*, которая была провозглашена королём Хлотарем, специально оговаривалось, что ответственность рабов за побег в храм от господина одинакова как для «фискалинов» (очевидно, рабов фиска), так и для рабов всех других господ²⁴⁷. Окончательно такое положение дел было закреплено, по-видимому, только в Декрете Хильдеберта 596 г., где специально было подчёркнуто: раб церкви или фиска за кражу «принимает ту же самую вину, как и прочие франкские рабы»²⁴⁸.

В целом, необходимо сказать о сохранении низкого правового статуса рабов на протяжении всего VI в., во всех без исключения капитуляриях к *Pactus legis Salicae*. Прежде всего, это выражается в рассмотрении раба в качестве движимого имущества господина. Титул 104 рассматривает различные варианты умерщвления или повреждения плода у свободных франков, римлян, служанок, литок и рабынь²⁴⁹. При этом в случае выкидыша плод рабыни искупался свободным франком в размере 63 солидов

²⁴⁷ Cap. II. 90,2: *De fiscalibus ut omnium dominorum censuimus* («О фискалинах мы распоряжаемся [придерживаться того же], как и о [рабах] прочих господ»).

²⁴⁸ *Decr. Child. a. 596. 3,6: Si servus ecclesiae aut fiscalis furtum admiserit, simili poena susteneat sicut et reliquorum servi Francorum.*

²⁴⁹ Cap. III. 104,4–10.

и одного денария в пользу её господина²⁵⁰; никакого возмещения самой рабыне не предусматривалось.

Особенности ведения процесса в случае, если провинившимся выступал раб, также роднят статус последнего с положением несвободного населения в редакции Салической правды начала VI в. В первую очередь, такое родство выражается в необходимости доставления господином провинившегося раба в судебное заседание под свою личную ответственность (первый и четвёртый капитулярии). Если господина удерживали от прихода в суд объективные обстоятельства, то он мог получить отсрочку; впрочем, это не освобождало его от необходимости заплатить за проступок раба или передать его для исполнения телесного или иного наказания²⁵¹. Точно так же господин раба, убившего свободного, был

²⁵⁰ Ibid. 104,10: Si quis ancillae pecus mortuum excusserit, si pulicella [K-17 – puella] fuerit, LXII sol. conponat [A-2 – LXIII sol. cul[pabilis] iud[icetur]], similiter et denarium unum («Если кто-то извергнет плод рабыни мёртвым, и она будет молодой женщиной, пусть выплатит 62 [будет присуждён к 63] солида, а равно и один денарий»).

²⁵¹ Cap. I. 82,1: Si servus in furtum fuerit inculpatus, requiratur domino, ut ad XX noctes ipsum in mallum praesentet et, si dubietas est, ad sortem ponatur. Quod si in placitum sunnis detricaverit, ad alias XX noctes ita placitum fiat, et prosecutor causae de suos consimiles tres et de electos alios tres dabit, qui sacramenta firment pro placita, quod lex Salica habet, fuisse completum. Et si dominus servum non praesentaverit, legem, unde inculpatur, conponat et de servo cessionem faciat («Если раб будет обвинён в воровстве, пусть от господина потребуют, чтобы в 20 дней он представил его [раба] в судебное заседание; и если будет сомнение [в вине раба], пусть он будет подвергнут жребию. Пусть, если будет препятствие к явке на суд [для господина], таким же образом будет [проведено] судебное собрание в следующие 20 дней, и обвинитель по делу даст своих троих, точно таких же [т.е. равных ему по статусу], и других троих, избранных [свидетелей], которые подтвердят перед судебным собранием, что судит по Салическому закону, то, что оно было собрано. И если господин не представит раба, пусть выплачивает [штраф] по закону, согласно которому обвиняется [раб], и подтвердит уступку раба [для его наказания]»); Cap. IV. 113: Quale convenit modo, ut si servum sors nuntiata fuerit de furtum, tunc dominus servi inter X noctes mittat servum ad sortem. Si ibi illum in illas X noctes non miserit in praesente, tunc in XL et duas noctes eum mittat, et tunc ibi servus ad sortem venire debet, et illi, cui furtum pertulit, ius sit cum VI videre. Et si ad XL et duas noctes non venerit nec sunnia adnuntiaverit, tunc servus culpabilis iudicetur, et causa super domino magis non ascendat, nisi quantum de servo lex est, aut ipse servus cedatur aut dominus pro servo conponat, hoc est solidos XII et capitale et dilatura... («Надлежит [соблюдать закон] таким образом, чтобы, если раб будет по причине [обвинения в] краже представлен к жребию, пусть господин раба представит раба к жребию в течение 10 дней. Если в это время его [господин] не доставит в присутствие [судей], тогда пусть его доставит в течение 42 дней, и тогда там [т.е. на судебном собрании] раб должен следовать к жребию, и тому, у кого он совершит кражу, пусть будет даровано право с шестью [свидетелями]. И если в течение 42 дней он не придёт и не будет

обязан принести клятву с соприсяжниками в своей невиновности перед судом и передать раба для наказания; если он не мог этого сделать, то предоставлял выкуп за своего раба²⁵². Отголоски этой обязанности господина встречаются даже в Декрете Хильдеберта 596 г²⁵³. В первой половине VI в. упоминание о том, что раб мог самостоятельно выкупить свою вину с помощью денег, не встречается вовсе²⁵⁴. Таким образом, господин продолжал распоряжаться своим рабом как имуществом или скотом, за которое он нес полную ответственность (в т.ч. материальную – в случае нанесения скотом или рабом имущественного и другого ущерба третьему лицу).

По отношению к рабу применялись различные телесные наказания, вплоть до смертной казни без судебного разбирательства. Смертельное наказание было предусмотрено, в первую очередь, за попытку женитьбы на

выявлено никаких обстоятельств, [мешавших его явке], тогда раб признаётся виновным, и обвинение более не возлагается на господина, если только такой закон был бы о рабе; пусть или тот раб будет отдан [суду], или господин платит за раба – 12 солидов, и стоимость похищенного, и убытки...»).

²⁵² Ibid. 111: Quale conditione placuit atque convenit, ut si servus hominem ingenuum occiderit, tunc dominus servi cum VI iuramento, quod pura sit conscientia sua nec suum consilium factum sit nec voluntatem eius, et servum ipsum det ad vindictam. Et si servum dare non potuerit, in ipso iuramento fida data donet, quod nec ibi sit, ubi eum sensit, nec scit nec eum attingere possit, dulgat servum, hoc est det licentia parentibus coram parentes, qui occisus est, ut de ipso, quod voluerint, faciant, et ille sit exolutus («Угодно и решено [держаться] того положения, что, если раб убьёт свободного человека, тогда пусть господин раба посредством клятвы шести [соприсяжников доказывает то], что его совесть была чиста, [и это убийство не было] совершено ни по его замыслу, ни по его воле, и пусть отдаст своего раба для взыскания. И если он не сможет передать раба, пусть даст клятву вместе с этими соприсяжниками, что он находится не там, где [господин] полагал, и он не знает [его местонахождение] и не может его заполучить; пусть он уступит раба, т.е. даст в присутствии родственников того, кто будет убит, разрешение, чтобы они делали с тем [рабом] то, что пожелают, а он сам будет очищен [от обвинения]»).

²⁵³ Decr. Child. a. 596. 3,3: Et quicumque servum criminisum habuerit et, cum iudex ipsum rogaverit, praesentare noluerit, suo wirigeldo omnino conponat («И если у кого-то будет [во владении] обвиняемый в преступлении раб, и он откажется его представить, когда его [об этом] попросит судья, пусть полностью возмещает свой вергельд»).

²⁵⁴ Ibid. 82,2: Si servus minus tremisse involaverit et mala sorte priserit, dominus servi III solidos solvat et servus ille CCC ictus accipiat flagellorum («Если раб похитит меньше тремисса [т.е. трети солида] и вытянет дурной жребий, пусть господин раба выплатит три солида, и тот раб получит 300 ударов плетью»). Мы полагаем, что в данном случае ситуация дополнения телесного наказания денежным штрафом отличается от описанной в *Раст. leg. Sal.* 25,6 и 12,1, хотя во всех случаях штраф за раба выплачивал господин. Поскольку раб на божьем суде был изобличён как похититель, он, вне зависимости от желания господина, был обязан получить телесное наказание. Следовательно, в капитулярии альтернатива между штрафом и плетью не предусматривалась.

свободной женщине. Так же жестоко рабы карались за различные побои, нанесённые свободным женщинам²⁵⁵. В последнем случае рабу в случае неуплаты штрафа в 5 солидов отрубалась рука, поскольку его действия наносили не только физический вред его жертве, но и причиняли бесчестье; то же самое нарушение свободный возмещал лишь штрафом в 15–30 солидов без всякого телесного наказания²⁵⁶. Жестокое наказание в виде порки (которая нередко заканчивалась смертью) было предусмотрено в случае, если раб работал в воскресный день. В первую очередь, имеется в виду работа в поле, поскольку в одном титуле с рабом упомянут также свободный человек, совершивший сходное правонарушение²⁵⁷.

Однако в последних двух правовых положениях, относившихся к середине и второй половине VI в., уже проявлялась определённая двойственность статуса раба. Во-первых, в четвёртом капитулярии и Декрете Хильдеберта предусматривалась денежная компенсация за противоправные действия раба по отношению к свободной женщине или за нарушения воскресного покоя; неясно только, определял ли раб самостоятельно меру своей ответственности или за него делал этот выбор господин или судья. Во-вторых, в обоих правовых казусах необходимо отметить всякое отсутствие указания на материальное участие господина в судьбе своего раба. Это свидетельствует о появлении у раба второй половины VI в. ограниченной имущественной правоспособности, а именно – возможности погашать штраф

²⁵⁵ Cap. III. 104,3: Si servus mulierem ingenuam percusserit aut excapillaverit, aut manum perdat aut sol. V reddat («Если раб ударит свободную женщину или сорвёт с неё головной убор, пусть либо лишится руки, или заплатит 5 сол.»).

²⁵⁶ Ibid. 104,1–2.

²⁵⁷ Decr. Child. a. 596. 3,7: De die dominico similiter placuit observari, ut si quisquam ingenuus, excepto quod ad coquendum vel ad manducandum pertinet, alia opera servile in die dominico facere praesumpserit, si Salicus fuerit, XV solidos culpabilis iudicetur. Romanus VII semis solidos conponat. Servus vero aut III solidos reddat aut de dorsum suum conponat («То же надлежит соблюдать относительно дня Господня: пусть любой из свободных, исключая тех, кто относится к приготовлению пищи или её поеданию, посмеет выполнять в день Господень прочие рабские работы, если он будет франком, будет присуждён к уплате 15 сол.; римлянин пусть возмещает 7,5 сол.; раб же или возмещает 3 сол., или искупает вину посредством [принятия наказания] на свою спину»).

за свои деяния во избежание более сурового телесного наказания из собственных накоплений²⁵⁸.

Вместе с тем, упоминание о возможности выполнения «рабского» или «низкого» труда всеми непривилегированными категориями франкского общества (галло-римляне, свободные франки, рабы) было свидетельством постепенного умаления полноправия категории *ingenuus* и начала несоответствия понятия «свободный» и полной независимости от других членов варварского общества. Особенно отчётливо это проявлялось не в Салической и даже не в Рипуарской правде, а в судебнике Альфреда (в т.ч. в той его части, которая относится к правлению короля Уэссекса Инэ в конце VII в.), где категория «свободный» активно применялась по отношению к обедневшим англо-саксам, попадавшим в личную и поземельную зависимость от богатых соплеменников и выполнявшим наряду с рабами различные повинности для своих господ.

Для меровингских капитуляриев VI в. было характерно появление и других, не свойственных ранее франкским рабам прав. Одним из них было право участия в столь важной судебной процедуре, как ордалия²⁵⁹. Согласно точке зрения немецкой истории права, выраженной в первой половине XIX в. Я. Гриммом, раб был лишён не только вергельда, но и ордалии как части судебного процесса, применяемого только по отношению к имевшим определённый набор прав членам племени салических франков (знати, рядовым свободным, литам и вольноотпущенникам). Традиция привлечения рабов к божьему суду сохранилась и много позднее²⁶⁰, в эпоху Каролингов.

²⁵⁸ *Leseur P.* Des Conséquences du délit de l'esclave dans les "leges barbarorum" et dans les capitulaires. Paris, 1889. P. 91.

²⁵⁹ См. подробнее: Cap. I. 82,1–2; Cap. IV. 113.

²⁶⁰ Cap. 193 (Cap. pro lege habendum Wormatiense. a. 829. Aug.). 1: [...] Si cuiuslibet proprius servus hoc commiserit, iudicio aquae ferventis examinetur, utrum hoc sponte an se defendendo fecisset. Et si manus eius exusta fuerit, interficiatur, si autem non fuerit, publica poenitentia multetur [...] («Если чей-то раб допустит это [т.е. убьёт человека в переднем зале церкви, бежав в него от преследования], пусть будет испытан кипящей водой, совершил ли он это намеренно или же обороняясь [при нападении убитого]. И, если его рука будет изувечена, пусть его казнят; если же не – пусть будет подвергнут публичному покаянию...»).

Косвенным, но исключительно важным проявлением новой роли раба в судебном заседании являлось то, что он, а не его господин, мог быть напрямую обвинён судьёй и затребован в судебное заседание: об этом говорит выражение «*servus criminis*», встречающееся в Декрете Хильдеберта 596 г²⁶¹.

Ещё одним свидетельством сближения статуса вольноотпущенников (либертов) со статусом рабов было упоминание о запрете сделок тех и других с третьими лицами без ведома господина²⁶². Ограниченная имущественная правоспособность раба в этом случае отразилась в том, что он (наряду с либертом) не имел права свободно распоряжаться вещами, которые он приобрёл при работе на господина или получил от него. В этом отношении сделка с рабом, как и в древнейшей части *Pactus legis Salicae*, рассматривалась судом как «похищение рабов» – части господского движимого имущества²⁶³.

Однако в титуле нигде нет указания на то, что штраф за это нарушение возмещал господин; более того, вольноотпущенник как человек, обладавший собственным имуществом, обычно расплачивался за свои проступки самостоятельно и этим отличался от раба. Следовательно, в случае с данным правовым казусом необходимо говорить о сближении имущественных прав раба и либерта в рамках общества салических франков второй половины VI в.

²⁶¹ Decr. Child. a. 596. 3,3.

²⁶² Cap. V. 124: *Si quis ingenuus [cum servo] alieno nestiente domino negotiaverit aut cum liberto in villa nestiente domino negotiaverit, [m[a]b.then lasinia sunt*, DC dr. qui f[aciunt] sold. XV cul[pabilis] iud[icetur] («Если какой-либо свободный без ведома господина заключит сделку с чужим [рабом] или с либертом на территории поместья [его патрона, на суде – «похищение рабов»], пусть будет присуждён к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов»).

²⁶³ В данном случае необходимо принять конъектуру К.А. Экхардта, который предлагал перенести мальбергскую глоссу из титула 119,1 того же капитулярия в титул 124 по причине несоответствия содержания титула и глоссы (Ibid. 119,1: *Si quis pedicam embolaverit aut rotem aut nassam de nave tulerit...*). Исходя из этой глоссы, его же вывод о необходимости введения в титул 124 наряду с либертом раба выглядит вполне оправданным. См. обоснование в его критическом издании Салической правды: *Pactus legis Salicae*. Hannover, 1962. P. 264–265. Rem. ‚h-h‘, ‚s‘.

Кроме того, тот же самый пятый капитулярий предполагал выплату рабом штрафа за убийство чужой рабыни вместе с её полной стоимостью²⁶⁴. Несмотря на то, что данное возмещение было очень высоким, и его выплата была под силу далеко не каждому несвободному представителю франкского общества, полная ответственность раба перед судом и свободными франками (без всякого посредничества господина) знаменовала окончательный поворот в его восприятии: от состояния вещи, движимого имущества, рабы как социальная категория постепенно, к концу V в. постепенно переходили к положению «персоны ограниченного права» (по выражению И. Ястрова)²⁶⁵. То же самое впечатление создаёт и упоминание об участии рабов в ордалии и обвинение раба в его преступлении не через посредство господина, а напрямую²⁶⁶.

Важным фактором в социальной жизни салических франков на протяжении второй половины VI в. становится римская церковь. Это выражается в том, что призывы церкви к умиротворению конфликтов, к поддержке сирот, вдов, нуждающихся, постепенно распространялись на рабов и других лично зависимых членов франкского общества. Последнее обстоятельство становится всё более отчётливым также в законодательных

²⁶⁴ Cap. V. 121: Si quis cuius servus aliquid inputatum fuerit aut occiderit ancillam alienam, DC dr. qui f[aciunt] sold. XV cul[pabilis] iud[icetur] et pretium quod mancipius valuerit, certe si abantonia vel porcarios sive artificis fuerit inputatum, simili modo nobis convenit observare, sive autem de operariis et minoribus mancipiis aliquid fuerit inputatum, DC dr. qui f[aciunt] sold. XV cul[pabilis] iud[icetur] («Если будет вменено в вину чьему-либо вину, то, что он убил чужую рабыню, пусть будет присуждён к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов, и той стоимости, в которую будет оценена рабыня. В точности то же самое нами решено соблюдать, если будет вменено в вину [тому же рабу убийство] служанки, или свинопаса, или ремесленника; если будет вменено в вину [ему же убийство] относительно подёнщиков и более низких [по статусу] рабов, пусть будет присуждён к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов»). Мы не можем согласиться с переводом Н.П. Грацианского, который видел в свинопасе, ремесленнике, служанке, подёнщиках не субъект, а объект права (т.е. преступника); выражения certe ... simili modo ... autem явно указывает на эллиптическую конструкцию во втором предложении, где опущен человек, совершивший убийство – cuius servus. Этот вариант толкования встречается также в переводе К.А. Эххардта: *Pactus legis Salicae*. Göttingen, 1956. Bd. 2,2. S. 435.

²⁶⁵ См. подробнее: *Jastrow I. Zur strafrechtlichen Stellung der Sklaven bei Deutschen und Angelsachsen*. Breslau, 1878.

²⁶⁶ *Leseur P. Op. cit.* P. 92.

источниках эпохи Меровингов и Каролингов, в т.ч. капитулярном материале VI–IX вв.²⁶⁷.

Одним из немногих свидетельств заботы церкви о рабском населении Северной Галлии являлось указание на возможность раба получить убежище в церкви. Причём в случае, если раб бежал от притеснений своего господина в первый раз, то он возвращался господину при условии полного своего прощения²⁶⁸. Однако в этом случае было необходимо согласие укрывавших раба клириков с господином по поводу этого раба; если такого согласия добиться не удавалось, то из состава храмового хозяйства бывшему господину выделялось такое количество имущества, которое могло заместить собой стоимость раба²⁶⁹.

Это положение явно указывает на то, что статус раба продолжает повышаться в результате последовательной защиты наиболее угнетённых категорий населения Северной Галлии римской церковной организацией VI в. Весьма многочисленны примеры в «Церковной истории франков» Григория Турского, когда убежище в церкви находили и беднейшие представители франкского общества, и мятежники, и преступники.

²⁶⁷ См. подробнее: *Bondue D.* Op. cit. P. 255–271.

²⁶⁸ Cap. II. 90,2: Quod si cuiuslibet servus deserens domino suo ad ecclesiam confugerit, ubi primum dominus eius advenerit, contionuo excusatus reddatur; futurum, ut si de pretium convenerit, non negetur. Quod si repetendi domino datus non fuerint sed fugerint, illi, qui eum reddere noluerit, eius pretium reddat; postmodum si invenitur et placuerit, receptum pretium domino reformetur. De fiscalibus ut omnium dominorum censuimus («Если чей-то раб, оставив своего господина, бежит в храм, а там впервые [его] обнаружит его господин, пусть он тут же будет возвращён [господину] прощённым; и впоследствии, пусть [господину] не отказывают [от передачи раба], как если бы они сошлись о цене [раба]. Пусть, если он, не будучи передан потребовавшему его господину, будет удержан [клириками], тому, кому его не захотят передавать, возвратят его цену. После этого, если [раб] будет обнаружен [вне владений храма] и будет угодно [обеим сторонам?], пусть господину будет пойманный [раб передан и] возмещена его цена. О фискалинах [т.е. рабах фиска] мы распоряжаемся [придерживаться того же], как и о [рабах] прочих господ»).

²⁶⁹ Мы не можем согласиться с переводом К.А. Экхардта, который относил глагол «fugerint» не к рабу, а к клирикам, распоряжавшимся храмовым имуществом; этом случае получается логическое противоречие (Wenn sie aber dem foldenden Herrn nichts gegeben werden, sondern fliehen... – «Если же не будет выдана [клириками?] следующему господину её [эту стоимость], однако укроются [от господина]...»). Скорее всего, в обоих случаях множественное число (non fuerint, fugerint) появляется в результате описки редактора.

Законодательно возможность просить убежище для обвиняемых в кражах и преступлениях в церкви было закреплено тем же самым королём Хлотарем, сыном Хлодвига²⁷⁰. Однако, в отличие от рабов, преступник не мог оставаться в пределах храма вечно; если его схватывали вне его пределов, он автоматически передавался на суд для справедливого возмездия.

Совсем другим был исход дела в случае, если в храме искал убежища несвободный представитель франкского общества. К.А. Экхардт, отмечая текстуальное сходство двух разобранных выше глав из «Договора о соблюдении мира» Хильдеберта и Хлотаря с постановлениями Орлеанского собора 511 г.²⁷¹, тем не менее, не выделял основное различие между «Договором» и соборными постановлениями. В последних преступник подвергался церковной экскомуникации без выдачи для королевского (светского) суда²⁷², а раб незамедлительно возвращался в распоряжение господина (в случае доказанной вины – даже при защите со стороны клириков)²⁷³; вариант выкупа клириками раба у его господина в начале VI в. даже не рассматривался.

²⁷⁰ Cap. II. 90,1: Nullus latronem vel quemlibet culpabilem, sicut cum episcopis convenit, de atrio ecclesiae extrahere presumat canonibus feriat. Quod si sunt ecclesiae, quibus atriae clausae non sint, utrasque partibus parietum terrae spatium aripennis pro atrio observabitur; et nullus confugiens foris antedicta loca pro operarum cupiditatis educat; quod si fecerit et capti fuerint, ad dignum sibi supplicium condemnetur («Пусть никто не смеет силой выгонять вора или другого провинившегося из переднего зала церкви: как было установлено [на синоде] в присутствии епископов, пусть он будет наказан согласно церковным канонам. Что, если это будут церкви, у которых нет ограждения переднего зала, пусть в качестве зала считается пространство земли по обе стороны стены в арпан; и пусть никто из беглых не выходит за пределы названного места; если же они это совершат и будут пойманы, пусть они будут осуждены на кару, достойную [их деяния]»).

²⁷¹ Pactus legis Salicae. Göttingen, 1956. S. 402. Anm. 'a-a', 'b-b'.

²⁷² Conc. Aurel. a. 511. 1: De homicidis, adulteris et furibus, si ad ecclesiam confugerit, id contituimus observandum, quod ecclesiastici canones decreverunt et lex Romana constituit: ut ad ecclesiae atris vel domum ecclesiasiae vel domum episcopi eos abstrahi omnino non liceat... Ibid. 2: De raptoribus autem id custodiendum esse censuimus... Тексты франкских соборов представлены в издании: Concilia aevi merovingici / Ed. F. Maasen. Hannover, 1893 (MGH. Conc. 1).

²⁷³ Ibid. 3: Servus qui ad ecclesia pro qualibet culpa confugerit, si a domino admissa culpa sacramenta susciperit, statim ad servitium domini redire cogatur... Si vero servus pro culpa sua ab ecclesia defensatus sacramenta domini clericis exigantibus de impunitate perciperit, exire nolentem a domino liceat occupari.

Напротив, к середине VI в. развитие монастырского землевладения и накопление римской церковью богатств и недвижимого имущества достигло таких масштабов, что в некоторых случаях денежное возмещение за удержание рабов в пределах храма рассматривалось в качестве альтернативы передаче господину самого раба; по-видимому, подобные случаи встречались на территории Северной Галлии нередко. Даже в том случае, если клирики добровольно возвращали раба или фискалина, или при поимке раба за пределами церковной ограды, он возвращался к господину «прощённым». В этом и заключалось проявление церковной проповеди милосердия: раб не мог быть наказан господином или мирским судом только за факт своего побега.

Таким образом, разрозненные и порой обрывочные сведения меровингских капитуляриев VI – начала VII в., тем не менее, позволяют составить общее представление об изменениях в социальном и правовом положении рабов в этот период. С одной стороны, в период правления сыновей и внуков Хлодвига правовой статус раба оставался низким и приближался к статусу движимого имущества, который был отмечен в тексте Салической правды семьи А начала VI в. Рабу всё ещё было воспрещено вступать в сделки с третьими лицами (как полноправными свободными, так и вольноотпущенниками); в большинстве случаев юридическую ответственность за проступки раба продолжал нести его господин. Даже во второй половине VI в., в четвёртой капитулярии, обязательным требованием по отношению к господину раба было принесение клятвы в непричастности к преступному деянию раба под угрозой возмещения штрафа за его (т.е. раба) правонарушение. Во многих судебных казусах встречаются телесные наказания по отношению к рабам в том случае, когда к свободным применялись только денежные штрафы (например, за удар свободной женщины или за работу в воскресенье).

С другой стороны, к середине и (в особенности) второй половине VI в. фиксируется появление у рабов некоторых имущественных и судебных прав.

Таковыми правами становятся: право участия в ордалии для установления его вины в краже; право просить укрытия в храме в случае бегства от своего господина; право просить замену (неясно только, через посредство своего господина или самостоятельно) телесного наказания на денежный штраф. Одновременно эти права, как и в случае с правами любого из свободных членов племени салических франков, являлись также обязанностями раба. Наконец, вторая половина VI в. была ознаменована тем, что в отдельных случаях господин переставал нести ответственность за своего беглого раба, если он не мог вернуть его и представить в распоряжение суда для вынесения приговора.

Указанная двойственность в положении рабов, тем не менее, не позволяла законодателю поставить их на одну доску с либертами, литами или даже обедневшими безземельными свободными. Последние категории по своим имущественным, социальным правам и обязанностям продолжали на протяжении всего правления династии Меровингов оставаться в более высоком социальном положении по сравнению с рабами, которые, хотя и не являлись уже движимостью в полном смысле этого слова (*instrumentum semivocale*), однако не обладали многими атрибутами свободы. К таким атрибутам следует отнести, прежде всего, свободу распоряжения своим имуществом (у рабов она проявлялась только в возможности уплатить штраф за собственное правонарушение; сделки с третьими лицами им по-прежнему были запрещены), включённость в родовой союз (рабы не могли собирать соприсяжников), а также право инициировать судебное разбирательство в случае нарушения со стороны третьего лица, свободного или несвободного (таким правом обладал только господин раба).

*§ 5. Освобождение рабов в меровингских королевствах VI в. и статус
вольноотпущенников.*

Наряду с проблемой получения рабами ограниченных прав, которые были связаны с судебной и имущественной сферой жизни общества салических франков, важным показателем изменения их социального статуса явился отпуск на волю. Этот процесс приблизительно в равной мере отразился как в *Pactus legis Salicae* начала VI в., так и в меровингских капитуляриях, что говорит в пользу увеличения на протяжении всего VI в. такого важного слоя франкского общества, как вольноотпущенники.

Вместе с тем, в германских племенах с самого начала их контактов с римской культурой, которые были зафиксированы на рубеже I–II вв. Корнелием Тацитом в его «Германии», уже присутствовал слой вольноотпущенников. Линия эволюции этого слоя на протяжении четырёх веков практически не известна, но многие исследователи XIX–XX вв. приходили к выводу о том, что именно он в итоге послужил социальной базой для формирования такого уникального германского института личной зависимости, как литство.

Литы не были полностью отождествлены с рабами ни у Тацита, ни у салических франков VI в. Древнейшая редакция *Lex Salica* содержала о них немного сведений по сравнению, скажем, с текстом Фризской правды. Положение литов в обществе франков VI в. и позднее было противоречиво: они не обладали многими правами свободных и полноправных представителей варварского общества, будучи зависимыми от другого человека. Тем не менее, они не были и рабами в полном смысле слова, потому что отдельные их права, закреплённые в Салической правде, всё же «перекрывали» статус бесправия франкских рабов начала VI в. Это давало зарубежным и отечественным историкам основания называть их

«полусвободными», обладавшими признаками рабства и свободы одновременно²⁷⁴.

Существует несколько версий того, какое социальное явление стало прообразом института литов в раннесредневековом обществе. Некоторые немецкие исследователи второй половины XIX в. полагали, что они происходили из числа пленённых франками соседей-германцев (например, тюрингов)²⁷⁵; с ними впоследствии соглашались отечественные учёные П.Г. Виноградов²⁷⁶ и Д.М. Петрушевский²⁷⁷. Другие историки, напротив, подчёркивали тот момент, что литы произошли из бывших германских пленников – лэтов, которые были размещены римлянами в III–V вв. вдоль лимеса для обработки земли и несения военной службы²⁷⁸. Наконец, одна из самых обоснованных версий гласит: самым мощным толчком к формированию слоя литов являлся отпуск на волю бывших рабов, приобретённых своими господами различными способами (не только в результате завоевания, но и, например, при попадании человека в долговое рабство). В последнее время она поддерживается польским исследователем К. Модзелевским и считается преобладающей²⁷⁹.

Так или иначе, очевидным является факт неполного освобождения литов от власти своего прежнего господина. Более того, К. Модзелевский пишет о том, что «литы в титуле 26 Салической правды производят впечатление группы людей, эквивалентной несвободным [рабам]», а рипуарский лит

²⁷⁴ См. подробнее работы: *Waitz G.* Op.cit. Kiel, 1844. Bd. 1. S. 179–184; Kiel, 1847. Bd. 2. S. 158–163; *Inama-Sternegg K. Th., von.* Op.cit. Bd. I. Leipzig, 1909. S. 83–86; *Brunner H.* Op.cit. Bd. I. S. 146–150; *Wergeland A.M.* Slavery in Germanic Society during the Middle Ages. Chicago, 1916. P. 145; *Conrad H.* Op.cit. Bd. 1. Frühzeit und Mittelalter. S. 157–159; *Lütge F.* Geschichte der deutschen Agrarverfassung. Stuttgart, 1963. S. 24–26; *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. С. 30–32; *Он же.* Очерки из истории средневекового общества и государства. С. 162, 240; *Неусыхин А.И.* Собственность и свобода в варварских правдах. С. 42–47; *Он же.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества... С. 174–181.

²⁷⁵ Самыми знаменитыми из них являлись Х. Бруннер и Г. Вайтц: *Brunner H.* Op. cit. S. 149; *Waitz G.* Op.cit. S. 182.

²⁷⁶ *Vinogradoff P.* The Growth of the Manor. 3rd ed. London, N.Y., 1920. P. 122–126.

²⁷⁷ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. С. 162.

²⁷⁸ Например: *Lütge F.* Op.cit. S. 24–26.

²⁷⁹ *Modzelewski K.* Op. cit. S. 186–205.

«воспринимается ещё как невольник»²⁸⁰. На основании указанных моментов К. Модзелевский приходит к выводу о том, что лит являлся самой низкой категорией вольноотпущенников во всех варварских правдах и не обладал высокой социальной адаптивностью, поскольку прежде был рабом (либо из числа самих франков, либо из числа иноземцев) и нередко не имел свободных родственников в пределах франкского государства Хлодвига и его сыновей. Тем самым представители литской прослойки были вынуждены находиться под патронатом своего бывшего господина, власть которого можно описать как мундебюрд (т.е. праву покровительства) главы семьи над своими домочадцами, свободными и несвободными²⁸¹.

Социально-правовое положение литов в древнейшей редакции Салической правды начала VI в. (*Pactus legis Salicae*), действительно, нельзя было приравнивать даже к ограниченной «позитивной» свободе, как это делали немецкие историки права в XIX в. Первым и главным показателем личной зависимости литов и их неполноправия был сам факт упоминания их среди лиц, которые могли быть отпущены через «вышибание» денария перед королём (*per denarium*)²⁸². Этот способ освобождения французский автор конца XIX в. М. Фурнье назвал «германским», поскольку полагал, что он попал в Салическую правду из германского права эпохи Тацита (в отличие от

²⁸⁰ Ibid. S. 188, 190.

²⁸¹ Ibid. S. 193–195, 198–199.

²⁸² L. Sal. A : 26,1–2; B : 30,1–3; C : 26,1–2; D : 37,1–2; E : 36; K : 28,1–2; S : 68,1–2: Si quis homo ingenuus alienum letum [E – *libertum*] extra consilium domini sui ante rege per dinario dimiserit et convictus fuerit, mal. malthoitus meo letu [A-2 – *malteo hiatus meo lexum*; B – *maltho theato meolito*; A-3, A-4, C-5 – глосса отсутствует; C-6 – *maltho chiado*] hoc est IV M din. qui f[aciunt] sol. C culp[abilis] iudicetur. Res vero leti ipsius legitime reformetur. Si quis vero [servo] alieno per denario ante regnum dimiserit cui fuerit adprobatum, precium servi domino et insuper mal. maltholatu metho [A-2 – *maltho hait ho mitto*; B – *maltho theatha meotheos*; A-3, A-4, C-5 – глосса отсутствует; C-6 – *maltho chiado moetheo*] hoc est sol. XXXV culp[abilis] iudic[etur] («Если какой-то свободный человек отпустит [на волю] чужого лита через вышибание денария перед королём без ведома его господина и будет уличён, на суде – «я заявляю о том, что отпускаю на волю лита», пусть будет присуждён к уплате 4 тыс. денариев, что составляет 100 солидов. Имущество же того лита пусть будет возвращены по закону [его бывшему господину]. Если же кто-то отпустит [на волю] чужого раба через вышибание денария перед королём и будет уличён, пусть будет присуждён к уплате цены раба господину и сверх того – 35 солидов, на суде – «я заявляю о том, что отпускаю на волю раба»»). Пропуск слова *servus*, присутствующий в тексте A-1, был восполнен редакторами других рукописей той же семьи (A-2, A-3, A-4).

«римских способов», которые были привнесены в право франков позднее, в момент их переселения в Галлию и крещения в римскую веру)²⁸³. Тем не менее, с позиций современного исторического знания разделение способов освобождения на «германские» и «римские» видится устаревшим: во-первых, как было доказано Н.Д. Фюстель де Куланжем, в Северной Галлии V–VI вв. не существовало никаких правовых различий между германскими и римскими рабами; у нас недостаточно данных для того, чтобы говорить о наличии или отсутствии в процедуре отпуска на волю раба через денарий элементов других правовых практик (например, выдачи вольноотпущеннику грамоты, что является признаком «римского» способа освобождения *per cartam* – посредством грамоты). По крайней мере, в королевстве Австразия начала VII в. (по данным Рипуарской правды) подобное переплетение уже не рассматривалось как нонсенс. Следует признать то, что разделение способов отпуска на «германские» и «римские» сегодня сохраняет значение лишь технической классификации, но полностью не отражает ни особенностей процедуры освобождения, ни его правовых последствий.

Помимо сведений о том, что лита необходимо было отпускать перед королём для того, чтобы он получил полную свободу от своего патрона, титул 26 обращает внимание на очень важное обстоятельство – требовалось выдать обратно «по закону» вещи отпущенного лита. Отсюда можно сделать вывод о том, что речь идёт о своеобразном «наследовании» имущества лита его прежним хозяином. Интересно то, что в отношении раба такого установления Салическая правда не содержит. Однако, исходя из того, что раб всё же обладал более низким статусом, чем лит, можно предположить здесь фигуру умолчания и с высокой долей вероятности распространить действие правила о передаче господину имущества (*пекулия*) также на рабов, отпущенных *per denarium*.

²⁸³ *Fournier M. Les affranchissement du Ve au XIIIe siècle influence de l'église, de la royauté et des particuliers sur la condition des affranchis du Ve au XIIIe siècle // Revue Historique. 1883. T. 21. Fasc. 1. P. 40–52.*

Таким образом, мы видим в титуле 26 подтверждение слов К. Модзелевского о правовом статусе лита, которым он обладал во франкском обществе VI в. : это был лично зависимый, неполноправный человек, патрон которого имел право на распоряжение его имуществом даже после его полного освобождения перед королём²⁸⁴. Последнее говорит в пользу того, что нередко освобождённый перед королём через «вышибание» денария (*per denarium*) человек оставался вообще без движимого имущества; если у него не было свободных родственников, которые были способны его поддержать, такая ситуация нередко приводила к повторному попаданию в личную зависимость и под покровительство богатого землевладельца²⁸⁵.

Суровая ответственность литов за некоторые преступления, указанная в Салической правде, также подчёркивает их невысокий правовой статус, далёкий от положения свободного франка. Например, если за умыкание женщины свободные люди должны были выкупать свою вину высокими штрафами, то лит принимал за то же преступление смерть²⁸⁶. В параграфе, касавшемся социального и правового статуса «рабов высшей категории», уже была рассмотрена категория *puer regius*, и повторять основные положения этого анализа не имеет смысла. Из приведённого казуса становится явно то, что и королевский слуга, и лит не рассматривались как люди, обладавшие одним из самых важных прав свободного салического франка – правом выкупа своего правонарушения (самостоятельно или с привлечением родственников), следовательно, они были лично зависимыми людьми со статусом, приближавшимся к рабскому.

²⁸⁴ Необходимо отметить то, что в варварском праве отпуск раба или лита на волю перед королём пользовался всеобщим признанием и не мог быть оспорен даже в случае, если был инициирован не господином зависимого человека, а третьим лицом (как об этом сказано в *Pactus legis Salicae*).

²⁸⁵ Не исключено, что сторонний человек приводил не принадлежавшего ему раба или лита к королю с той целью, чтобы «освободить» его от власти прежнего господина и взять под свою опеку.

²⁸⁶ L. Sal. A : 13,7; B : 14,6; C : 13,7; D : 14,6; E : 14,3; K : 14,6; S : 23,6: *Si vero puer regius vel litus ingenuam feminam [K – puellam vel feminam] traxerit, de vita culp[abilis] esse debet [A-2-A-4, B, C, D, E, K, S – conponat].*

Очень важно также отметить и то, что лит в редакции Салической правды начала VI в. приравнивался по своей ответственности к рабу в случае, если он убивал свободного (именно – он переходил в качестве половины возмещения виры за это преступление в распоряжение рода убитого)²⁸⁷. Такое положение было только в редакции А и отражало, по-видимому, правовую практику, действующую на рубеже V–VI вв.; упоминание о лите исчезает уже в издании И. Герольда, которое вбирало в себя редакцию В середины VI в., и в рукописях семьи С (вторая половина VI в.). Тем не менее, сам факт упоминания о низком правовом положении лита в правление Хлодвига подтверждает его происхождение из прослойки германских вольноотпущенников, бывших рабов.

Несмотря на низкий правовой статус, литы в начале VI в. всё же обладали ограниченной правоспособностью, которая возвышала их над бесправными рабами. Во-первых, литы подобно свободным имели право давать обязательство свободному франку; ещё важнее то, что они были обязаны отвечать по нему без посредничества и защиты своего господина²⁸⁸. Разночтение, которое было допущено писцами в рукописях семьи Е (*liber* вместо *litus*), скорее всего, было вызвано неудачным прочтением или попыткой заменить древнегерманский термин «лит» в протографе семьи Е на

²⁸⁷ Pact. leg. Sal. 35,8 (только рукописи А-1–А-4): *Si servus alienus aut laetus hominem ingenuum occiderit, ipse homicida pro medietatem conpositionis illius hominis occisi parentibus tradatur. Et dominus servi aliam medietatem conpositionis se noverit solviturum.*

²⁸⁸ L. Sal. А : 50,1; В : 53,1; С : 50,1; D : 86,1; К : 52,1; S : 29,1: *Si quis ingenuus aut letus alteri fidem fecerit [В – et noluerit solvere], tunc ille cui fides facta est in XL noctes aut quomodo illius [В – in noctes XIV sive XL aut quomodo placitum fecerit, is qui fidem dedit, ad domum illius, qui fidem accepit] cum testibus vel cum illo qui praecium adpreciare debent accedere debet. Et si ei noluerit fidem facta solvere, mal. thalasciasco [А-2 – hucchram mito; А-3–А-4, В, D – глосса отсутствует] hoc est sol. XV super debitum quod fidem fecerit culp[abilis] iudic[etur]* («Если какой-то свободный или лит даст обязательство другому [т.е. возьмёт у него в долг и не захочет заплатить], тогда пусть тот, кому будет дано обязательство, в течение 40 дней или другого срока [или: в течение 14 или 40 дней] должны достичь дома того должника [или: созвать судебное заседание] со свидетелями или с тем, кто должен оценить плату [за просрочку долга]. И если он не захочет выплачивать ему долг, на суде – «просрочка» [или: «торжественное обещание»], пусть будет присуждён к уплате 15 солидов сверх того долга, о котором он принял обязательство»).

латинский «либерт» (вольнотпущенник)²⁸⁹; оно не меняет сути правового установления как такового. Не меняли сути дела и небольшие разночтения между рукописями семей А и В, где разнились места проведения судебной процедуры описи имущества: вне зависимости о того, происходило это на созванном собрании (*placitum*) либо же во владениях лита (*domus*), такое положение дел свидетельствовало о наличии судебной ответственности у лита по своим долгам. В числе прочего, это могло означать только одно: уже в начале VI в. франкские литы обладали собственным движимым имуществом и хозяйством, которые могли быть описаны и конфискованы в случае неоплатного долга.

В начале VI в. литы обладали ещё одним, не менее важным правом, которое было у свободного человека франкского или галло-римского происхождения – правом на компенсацию в случае их убийства несколькими людьми, вступившими в предварительный сговор²⁹⁰. В особенности интересно то, что среди прочих категорий салических франков они были упомянуты в одном ряду с именно с «римлянами». Такой закон, как было записано в *Pactus legis Salicae*, следовало применять к ним «в половине» (т.е. за убийство лита следовала только половинная компенсация)²⁹¹. Как следует из этого установления, по сумме компенсации за жизнь литы приравнивались даже не к трибутариям, а к римским посессорам, вергельд которых оценивался в ½ вергельда свободного салического франка (100 сол.).

Отдельным является вопрос о том, кому следовал этот денежный штраф. Поскольку в древнейшей редакции Салической правды господин лита

²⁸⁹ Ibid. E : 85,1: Si quis ingenuus qui litus [E-13–E-16 – *liber*] alteri fidem fecerit, ille, cuius fides facta est, ad placitum veniat cum talis testibus, qui ipsum precium legitime adpre[ti]are debeant, et si noluerit fidem factam solvere, sol. XV culpa[bilis] iud[icetur].

²⁹⁰ Ibid. A : 42; B : 42; H : 45; C : 42; D : 70; E : 69; K : 44; S : 12.

²⁹¹ Ibid. A : 42,4; C : 42,5: De romanis vero vel letis et pueris haec lex superius conpraehensa ex medietate solvantur («О римлянах же или литах и слугах этот вышеупомянутый закон следует выполнять наполовину [т.е. выплачивать ½ от возмещения за убийство скопищем свободного франка]»). Ibid. H : 45,3; D : 70,5; E : 69,4; K : 44,4; S : 12,4: Si vero Romanus vel lidus in tali contubernio occisus fuerit, huius compositionis medietas solvatur («Если же в таком столпотворении будут убиты римлянин или лит, [их жизнь] должна быть искуплена половиной компенсации»).

вообще не выступал в качестве участника в судебном процессе, открытом по делу об убийстве лита, можно предположить, что компенсацию за его жизнь получали родственники – либо члены семьи, освобождённые с ним ранее, либо остававшиеся в свободном состоянии на момент его обращения в рабскую зависимость (до момента отпуска на волю). Видимо, они также получали компенсацию за ограбление человеком чужого лита, составлявшую 35 сол.²⁹²

После фиксации самой первой редакции *Pactus legis Salicae* около 511 г. интерес франкских законодателей к литам не ослабевает в эпоху появления меровингских капитуляриев VI в. Одно из первых упоминаний о них встречается в *Capitulare I* в том месте, где содержится запрет на бросание камня через дом свободного человека²⁹³. Интересен тот факт, что, по-видимому, наиболее близким к протографу *Pactus legis Salicae* является тот вариант текста, который был зафиксирован не в рукописи A-1, а в K-17. Редактор A-1, во-первых, не смог правильно воспроизвести выражение «бросит камень по какой-то причине» (*qualibet... casu lapidem miserit*)²⁹⁴; а, во-вторых, неверно определил штраф, налагаемый на лита в случае нарушения, которое было оценено в 15 сол.²⁹⁵ В действительности, лит

²⁹² Ibid. A : 35,5; B : 38,6; C : 35,5; D : 60; E : 59; K : 37,5; S : 66,5: Si quis homo ingenuus letum alienum expoliaverit et ei fuerit adprobatum [A-2 – *malb. leciim musdo*, B – *theu mosido*, C-6 – *teomosido*, D – *letus modi*, A-3, C-5 – глосса отсутствует], IM CCCC din. qui f[aciunt] sol. XXXV culp[abilis] iudic[etur]. В A-4 этот параграф отсутствует.

²⁹³ Cap. I. 77 (по рукописи K-17): Si quis superius ingenuum dum in domo sua resederit alius ingenuus qualibet de supra tecto voluntate homo casu lapide miserit et ei fuerit adprobatum, pro illius contumelia aut aliorum ingenuorum, sicut ipsi alii fuerit, per unaquemque personam XV sold. cul[pabilis] iud[icetur]. Si vero letus fuerit qui hoc facere presumpserit, septimæ semis sol. cul[pabilis] iud[icetur] («Если кто-то по какой-либо причине своевольно кинет камень над свободным, в то время как он будет находиться в своём доме, и будет уличён, пусть за обиду того [человека] и прочих свободных, в случае, если [в доме] будут другие [люди], он будет присуждён к уплате 15 сол. за [обиду] каждого человека. Если же то, кто посмеет сделать это, будет литом, пусть будет присуждён к уплате 7 ½ сол.»).

²⁹⁴ Paris. BNF. Lat. 4404*. F. 196v, col. 2, ln. 4–6: ... quamlibet de supra tecto voluntate sua hominem *casula pede* miserit... Критическое издание см.: *Pactus legis Salicae* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover, 1962. P. 249. Напротив, И. Герольд, передавший соответствующий текст утерянной семьи В в своём издании, был точен в воспроизведении этого выражения.

²⁹⁵ Исходя из логики Салической правды, верным выглядел именно вариант, сохранившийся в В и К – 7 ½ сол., т.е. половинный по отношению к штрафу, налагаемого на свободного.

выплачивал половинный штраф по сравнению со свободным франком – 7 ½ сол.

Ещё одним свидетельством о наличии литов в числе категорий личной зависимости второй половины VI в. является установление *Capitulare II*, запрещавшее свободным и литам задерживать чужих рабов у себя под угрозой судебного разбирательства. В отличие от предыдущего капитулярия, наиболее точным и близким к протографу является текст не А-1, А-2 или К-17²⁹⁶. Предпочтительным текстом здесь является А-3²⁹⁷; близкий к нему вариант содержится в рукописях С-6 и С-6а. Согласно этому положению, и свободного, и лита было необходимо признавать похитителями рабов в случае, если они удерживали последних на протяжении 40 дней.

Наиболее интересен не сам факт ответственности лита перед судом и наличие у него права вызывать на суд свидетелей для защиты своей позиции, но, прежде всего, размер платы за кражу, которая исчислялась от размера возмещения, предписываемого свободному франку (15 сол.)²⁹⁸. Таким образом, оба законодательных установления первых двух капитуляриев позиционировали категорию литов как зависимых людей, штраф за деяния которых составлял половину от штрафа, налагаемого на свободных; при этом они самостоятельно представляли свои интересы в суде (выступали в роли ответчиков, собирали свидетелей для своей защиты) и занимали как бы

²⁹⁶ В этих рукописях встречается описка: вместо слова *letus* редактор вставил *lex*, что создаёт логическую путаницу. Фраза: «*Si lex de hoc quod inculpatur ad sortem adiaceret*» («Если закон, исходя из которого это вменяется в вину, пусть проследует к судебному жребию») никак не связана с предыдущим повествованием и не имеет подлежащего (субъекта действия). См. подробнее: *Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover, 1962. P. 251. Anm. a-b (zu Tit. 83).*

²⁹⁷ *Cap. II. 83,1-2* (по рукописи А-3): *Si quis mancipia aliena iniuste tenuerit et inf[ra] dies quadraginta non reddiderit, ultra mancipi[arum latro?] reteneatur obnoxius. Si ledus de quod inculpatus ad sortem ambulaverit, et mala sorte coeperit medietatem ingenuo legem conponat et sex iuratores medio selectos dare debet* («Если кто-то удержит у себя чужих рабов против закона и не возвратит [их владельцу] в течение 40 дней, пусть он будет признан виновным как [похититель] этих рабов. Если лит будет обвинён в том же самом, пусть проследует к судебному жребию; и если он вытянет дурной жребий, пусть возмещает этот закон наполовину [от возмещения] свободного, и пусть будет должен представить шесть наполовину избранных соприсяжников»). Соответствующий текст содержится на листах рукописи: *München. BSB. Clm. 4115*. F. 65v, ln. 1–7.*

²⁹⁸ См.: *Pact. leg. Sal. 39,1.*

промежуточное положение между свободой и несвободой, не будучи приравнены к бесправным рабам, но и не поднимаясь до уровня полноправных салических франков.

Необходимо остановиться и на том моменте, что в Салической правде существовало разделение литов по половому признаку, подобно различению среди рабов мужчин (*servi*) и женщин (*ancilla*). Но в составе древнейших 65 титулов упоминание о литке (*lita*) не встречалось ни разу. Титул 13, который касался запрета брать её в жёны третьему лицу (не связанному с её господином узами личной зависимости или патроната), не мог попасть в *Pactus legis Salicae* раньше, чем в середине или второй половине VI в. (время появления редакций В и С)²⁹⁹. Следующее упоминание о литках содержится также в источнике середины VI в. – *Capitulare III*. Здесь говорится о той сумме, которую они были обязаны (наряду со свободными женщинами) выплатить в случае своего вдовства родственникам умершего мужа за последующий брак (она называлась германским термином «ахазий»)³⁰⁰. Согласно подсчётам, проведённым законодателем в середине VI в., литка должна была за повторный брак заплатить ровно половину того, что требовалось от свободной женщины, т.е. 1 ½ и 3 сол. соответственно.

Примечательно то, что указание на литок и служанок содержится только в одной рукописи – А-1; однако, скорее всего, именно она отражала реальное состояние общества салических франков в середине VI в., а отсутствие литок в рукописи К-17 являлось более поздней редакторской правкой каролингского писца, искажавшей первоначальный текст семьи А.

Ещё одно очень важное упоминание о литках содержала глава 104 *Pactus legis Salicae*, которая подробно рассказывала о штрафах и

²⁹⁹ L. Sal. В : 13,10; С : 14,4; К : 14,15; S : 23,15: Si quis lidam alienum in coniugium sociaverit [C-6 – *malb. anfamia*], M CC den. qui faciunt solid. XXX culpabilis iudicetur.

³⁰⁰ Cap. III. 100,1–4 (по рукописи А-1): Si quis mulier vidua post mortem mariti sui ad alterum marito dare voluerit, prius qui eam accipere voluerit reibus secundum legem donet. Et postea mulier, si de anteriore marito filios habet, parentes infantes suorum consiliare. Et si in dotis XXV sol. accepit, III sol. achasium parentibus, qui proximiores sunt marito defuncto donet [...] Si vero LXIII solidos in dotis accipiat, sol. VI in ach[as]ium dentur, hoc est u[t] per decinus solidos singuli in achasium debentur [...] De puellas militu[n]ias vel litas haec lex medietate servetur.

возмещениях за причинённые женщинам и девушкам оскорбления и телесные повреждения. Среди последних были указаны сбивание на землю головного убора (15 сол.)³⁰¹, развязывание косынки (30 сол.)³⁰², удар кулаком или ногой в живот или грудь беременной женщины (200 сол. – если плод выживет; 600 сол. – если случится выкидыш; 900 сол. – если умрёт сама роженица)³⁰³, а также убийство маленькой девочки (2400 сол.)³⁰⁴ или женщины, находившейся под покровительством короля (1200 сол.)³⁰⁵.

После этого внушительного раздела главы стоит параграф, который требует «соблюдать этот закон о служанках и литках в половинном размере»³⁰⁶. Это вызывает очевидный вопрос: какие из вышеупомянутых установлений касались также литок? Очевидно, что жизнь недавних рабынь или жён литов не могла быть оценена даже в половину стоимости личности убитой девочки или женщины под королевским покровительством (т.е. в 1200 и 600 сол. соответственно); с нашими данными о ценности жизни литов не сходится и то предположение, что за жизнь литки-роженицы необходимо было взыскать 300 или 450 сол.

Наиболее реальным выглядит то, что требование о половинном взыскании штрафа касалась удара беременной литки (тогда сама сумма взыскания составила бы 100 сол., что приблизительно соответствует штрафу за умерщвление плода господских служанок и рабынь)³⁰⁷, развязывания косынки и сбивания на землю головного убора (15 и 7 ½ сол. соответственно). Таким образом, получается, что в логике текста

³⁰¹ Ibid. 104,1

³⁰² Ibid. 104,2–3.

³⁰³ Ibid. 104,4–6.

³⁰⁴ Ibid. 104,8.

³⁰⁵ Ibid. 104,7.

³⁰⁶ Ibid. 104,9: *Naec lex de militunias vel letas sive Romanas in medietate convenit observare.*

³⁰⁷ Последующие параграфы (Cap. III. 104,10–11) были посвящены умерщвлению плода простой служанки (*pulicella*) и работницы (*ancilla*), которая работала в горнице или светлице. В силу их лично зависимого (хотя и более высокого в сравнении с обычной рабыней) статуса штраф за такое деяние составлял 62 ½ и 100 сол., т.е. значительно меньше, чем штраф за гибель плода свободной женщины. Но штраф за выкидыш господской работницы, тем самым, совпадал с гипотетическим штрафом за умерщвление ребёнка в утробе матери-литки.

капитулярия в главе 124 при записи произошла путаница: параграф 9, где говорится о литках, должен был с большой долей вероятности стоять за параграфом 4, но невнимательный редактор или переписчик текста поставил его в конце всего блока о правонарушениях против свободных женщин и девушек.

Наконец, следует сказать о такой категории вольноотпущенников, как либерты (*liberti*). Впервые они были выделены не в составе текста древнейшей редакции 65 титулов *Pactus legis Salicae*, но только в издании Герольда. Вероятно, что его текст восходит к утерянным рукописям семьи В, т.е. ко времени не ранее середины VI в.³⁰⁸ Он требовал выплачивать в качестве возмещения ущерба (но не вергельда) 15 сол. – половину суммы, которую следовало выплатить в судебном собрании за убийство свободного человека. Последующая информация о либертах содержится в датированном уже второй половиной VI в. пятом капитулярии к Салической правде (*Capitulare V*) в рукописи К-17. Так, за их жизнь капитулярий требовал взыскивать столько же, сколько за жизнь королевского слуги или «римлян» разного социального статуса – 100 сол.³⁰⁹ Казалось бы, это должно было свидетельствовать о «полусвободе» вольноотпущенника – либерта, или даже его близости к свободному статусу, однако последующие главы капитулярия опровергают это мнение.

Согласно главе 130, либерт, подобно рабу Салической правды, не мог рассчитывать на брак с вольноотпущенницей другого господина – в этом случае он наказывался как её похититель³¹⁰. Кроме того, в главе 124 он был приравнен к рабу в том отношении, что ему запрещалось торговать со

³⁰⁸ *Pactus leg. Sal.* 65f, 1–2: *Si quis hominem occiderit et quod lex habuit pro eo dederit, solidos XXX pro delatura componat. De puero aut liberto, solidos XV* («Если кто-то убьёт [свободного] человека и отдаст то, что указано в законе [т.е. вергельд], пусть возместит 30 солидов в качестве платы за ущерб. А за слугу или либерта – 15 солидов»).

³⁰⁹ *Cap. V.* 117,1–2: *Si quis puerum regis aut libertum occiderit, solidos C culpabilis iudicetur. Aut Romanum ingenuum vel tributarium aut militem, solidos C culpabilis iudicetur.*

³¹⁰ *Ibid.* 130: *Si quis libertus libertam alienam rapuerit, DCCC denarios qui faciunt solidos XX culpabilis iudicetur* («Если вольноотпущенник похитит чужую вольноотпущенницу, пусть будет присуждён к уплате 800 денариев, что составляет 20 солидов»).

свободным человеком без разрешения своего господина³¹¹. Это говорит о том, что по многим составляющим социально-правового статуса такой человек продолжал оставаться приближенным к бесправному рабу.

В общем индексе рукописи К-17, составленном к сводному тексту *Pactus legis Salicae* (включал 70 титулов Салической правды и перечень глав шести меровингских капитуляриев) название главы LXXXV (соответствует *Cap. V. 124* по счёту К.А. Экхардта) приводится следующим образом: «*De eo qui cum servo negotiaverit*»³¹². Как нетрудно заметить, здесь было снято само упоминание категории *libertus*: все зависимые категории, с которыми были запрещены деловые отношения, составитель рукописи счёл нужным обозначить просто как рабов (*servus*). Хотя сам индекс, по-видимому, был составлен не ранее конца VIII – начала IX в. (время появления протографа семьи К), он наверняка отражал более раннее представление о положении вольноотпущенников в обществе франков.

Необходимо упомянуть также и о том, что эта категория зависимых людей (*libertus, liberta*), по-видимому, во второй половине VI в. приближалась по своему статусу к литам и даже сливалась с ними. Так, в редакции Салической правды конца VIII в. (семья Е) в титуле, касавшемся исполнения литом долговых обязательств³¹³, мы уже можем наблюдать путаницу между двумя понятиями (*litus – libertus*). Очень важно также и то, что в заголовке титула 26 *Pactus legis Salicae* и бывший раб, и лит, отпускаемые через «вышибание» денария перед королём, в равной степени именовались либертами (А-1, А-3–А-4, В, С, К-17 – *De libertis dimissis*; А-2 – *De libertis extra consilium domini sui dimissis*).

Таким образом, необходимо констатировать наличие в обществе салических франков VI в. значительного числа вольноотпущенников, которые могли быть обозначены германским термином «лит» или римским

³¹¹ Ibid. 124.

³¹² Приводится по дипломатическому изданию: *Lex Salica emendata nach dem Codex Vossianus Q. 119 / Hrsg. von A. Holder. Leipzig, 1879. S. 4.*

³¹³ Ibid. E : 85,1.

понятием «либерт». По своей сути эти понятия были близки и означали не «полусвободу», как полагали многие исследователи германского права XIX–XX вв., а личную зависимость по типу патроната от более богатого и влиятельного соплеменника. Вольноотпущенники – литы и либерты находились на социальной лестнице ступенькой выше, чем рабы и рабыни: они обладали определёнными имущественными и судебными правами, их жизнь защищалась вергельдом, составлявшим половину от суммы возмещения за убийство свободного франка. Кроме того, штрафы за некоторые нарушения против женщин-литок (убийство плода, нанесение оскорблений) также исчислялись, исходя из суммы компенсации, предусмотренной в отношении свободных франкских женщин.

Однако другие, даже более существенные черты статуса литов, роднили их с рабами салических франков. Лит, отпущенный на волю в присутствии короля третьим лицом, не мог распоряжаться своим имуществом: оно отходило его бывшему патрону. Подобно рабам начала VI в., литы не могли заключать сделки с другими свободными людьми без ведома своего хозяина. Наконец, некоторые глоссы и названия глав (например, название главы 124 пятого капитулярия) напрямую отражали факт близости правового статуса литов и рабов.

Учитывая вышеперечисленные факты, можно предположить, что зависимость литов с течением времени трансформировалась в более тяжёлые формы, чем просто нахождение под опекой своего патрона. Даже при наличии формального акта «полного» освобождения (т.е. отпуска перед королём) это нередко приводило к потере литами и вольноотпущенниками остатков прав свободных франков, отражённых в салическом законодательстве VI в., и к пожизненной личной зависимости от своего хозяина. Господином вновь обращённого в зависимость лита мог выступать как даровавший ему волю человек, так и другой богатый землевладелец, способный защитить «отпущенного» на волю от посягательств на его личность, обеспечить его движимым имуществом в обмен на его личное

подчинение и покорность. Особенно ярко этот процесс прослеживается на материалах Рипуарской правды, и потому он станет предметом отдельного параграфа следующей главы.

Глава II. Эволюция института рабства и статусов зависимости в восточно-франкских землях VII – начале VIII в. и в державе Каролингов середины VIII – начала IX в.

Переходя к исследованию развития социально-правового статуса лично зависимого населения на территории проживания франков в начале VII – начале IX в., который наиболее подробно был отражён в варварской правде, зафиксированной племенным союзом рипуарских франков, и капитуляриях, принятых при первых Каролингах, необходимо предпослать изложению некоторые вводные замечания.

Во-первых, по сравнению с Салической правдой, законодательство рипуарских франков имеет менее разветвлённую стемму и в два раза меньшую рукописную традицию. Тем не менее, это совершенно не означало того, что в Рипуарской правде содержалось меньше хронологических слоёв и напластований, чем в *Pactus legis Salicae*. На основе источниковедческих исследований немецких историков права XIX–XX вв. удалось установить как минимум четыре хронологических слоя в составе *Lex Ribuaria*; кроме того, ряд добавлений к первоначальному тексту VI–VIII вв., как доказал Ф. Байерле¹, был сделан при Карле Великом (видимо, на знаменитом Ахенском соборе 802 г.). Поэтому текстологическое изучение Рипуарской правды является не менее актуальной и не менее сложной задачей для исследователей, чем анализ текстов восьми семей *Lex Salica*.

Во-вторых, каролингские капитулярии конца VIII – начала IX в., как и капитулярии VI в., представляли собой дополнение к текстам варварских правд, которые были зафиксированы до или во время правления императора Карла. В этом отношении их нельзя рассматривать в отрыве от текста Салической или Рипуарской правды²; дополняя, пересматривая и изменяя в

¹ См. подробнее его аргументацию в статье: *Beyerle F. Das Gesetzbuch Ribvariens. Volksrechtliche Studien III // ZSSR. GA. 1935. Bd. 55. S. 1–80.*

² Неслучайно в XIX в. даже высказывалось мнение о том, что *Lex Francorum Chamavorum* является не отдельным памятником, а капитулярием – дополнением к тексту *Lex Ribvaria*.

этих правовых памятниках отдельные нормы более древних законодательных источников (в т.ч. варварских правд), франкские короли и императоры, в первую очередь, руководствовались насущными потребностями и современной им социально – политической обстановкой. Следовательно, эволюция статуса различных социальных групп также должна была отражаться в капитуляриях Каролингов. В этом отношении особую важность имеет сопоставление этих памятников с правовыми установлениями варварских правд VI–VIII вв.: в случае, если рабский статус или форма зависимости в Северной Галлии значительно изменялись на протяжении указанного срока, это, как правило, отражалось в каролингских капитуляриях.

В-третьих, помимо капитулярного материала, для второй половины VIII – начала IX в. большое значение в качестве источника по истории рабства и личной зависимости имеют четыре редакции Салической правды – семьи D, E, K и S, составленные Пипином Коротким и Карлом Великим соответственно. Как уже было отмечено в главе I, в ходе текстологического анализа этих рукописей перед нами отчётливо проступают их отличия от трёх более ранних семей VI в. (A, B и C). Эти отличия касаются, в том числе, рабского состояния и его эволюции на протяжении VI–IX вв. Следовательно, ряд правовых установлений Салической правды, представленных в семьях D, E, K и S, также можно использовать для иллюстрации положения рабов и других зависимых категорий населения в Северной Галлии середины VIII – начала IX в. в целях анализа отдельных положений правды Рипуарской, которые отличались от соответствующих казусов в *Pactus legis Salicae* VI в.

В-четвёртых, несмотря на более позднее время фиксации Рипуарской правды, Правды франкской хамавов и каролингских капитуляриев по сравнению с *Urtext* Салической правды, в этих источниках сохранились более разрозненные сведения о рабстве как таковом, нежели в тексте *Lex Salica* начала VI в. Последнее обстоятельство невозможно объяснить только постепенной трансформацией и исчезновением рабства в VII–IX вв.,

поскольку рипуарские франки с конца V в. были помещены на землях, прилегавших к бывшей Колонии Агриппы (совр. Кёльн), и должны были получить «в наследство» от галло–римлян определённое количество античных рабов и колонов (большее, чем у своих северных соседей – салиев). В действительности, этот источник демонстрирует тенденцию к постепенному обретению рабами ограниченных прав и росту их социально-правового статуса, что было отмечено уже в меровингских капитуляриях VI в., и «встречному» движению в направлении личной и поземельной зависимости бывших полноправных свободных, попадавших под власть короля (*homo regius*), римской церкви (*homo ecclesiasticus*) и крупных светских магнатов.

В-пятых, как показывает материал Рипуарской правды и каролингских капитуляриев, весьма значительную роль в социальной истории Северной Галлии конца VI – начала IX в. начинают играть различные категории вольноотпущенников (табуляриев, либертов, литов) и полусвободных, зависимых от светских или церковных патронов. Причём по мере продвижения ко времени правления Карла Великого данная прослойка франкского общества продолжает играть достаточно важную роль, не просто выступая «материалом для строительства» более обширного слоя лично и поземельно зависимого крестьянства IX–XI вв.³, но и в качестве самостоятельного социально – правового статуса.

Таким образом, Рипуарская правда как источник по истории развития статусов личной зависимости в начале VII – начале IX в. имеет ничуть не меньший исследовательский потенциал, чем правда Салическая начала VI в. Этот потенциал тем подробнее может быть раскрыт, чем более в отношении

³ В первую очередь, под таким углом они рассматривались в отечественной науке, например, А.И. Неусыхиним, Ю.Л. Бессмертным, А.Р. Корсунским. См. подробнее: *Бессмертный Ю.Л.* Формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Галлии (VI–X вв.) // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.* М., 1985. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 237–249; *Корсунский А.Р.* Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // Там же. С. 204–215; *Неусыхин А.И.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // Там же. С. 163–166.

текста *Lex Ribuaría* будет применяться сравнительно-исторический метод, позволяющий отобразить возможно более полную картину эволюции рабства в Северной Галлии VII–VIII вв. и его сближения с другими социальными статусами того времени. В первую очередь, в качестве объектов для сравнения должны выступать уже упомянутые выше редакции Салической правды, а также каролингские капитулярии (в первую очередь – «Капитулярий о поместьях» Людовика Благочестивого) VIII – начала IX в.

§ 1. Динамика изменения путей попадания в рабство в VII – начале IX в.

Рипуарская правда была зафиксирована в королевстве Австразия в начале VII в. Территория, принадлежавшая франкам к тому времени на протяжении более 100 лет, в значительной мере развивалась по общим для меровингских королевств этого периода закономерностям. Происходившие в социальной сфере процессы, которые были выражены в праве рипуарских франков (увеличение числа зависимого населения, усиление имущественных прав светских и церковных землевладельцев на подвластные им территории), напрямую влияли также и на институт рабства на территории их проживания.

Одним из важных моментов, который отличал рабов Рипуарской правды от рабов, статус которых был зафиксирован в Салической правде начала VI в., было изменение путей попадания в рабство. При этом следует отметить то, что оно было обусловлено как внутренними причинами (например, высоким удельным весом галло-римского населения в области Среднего Рейна), так и внешними факторами (в частности, близостью к языческим племенам, враждовавшим с восточными франками – саксам, тюрингам, позднее – столкновение с гуннами и славянами). Эти обстоятельства напрямую влияли на изменение удельного веса отдельных источников германского рабства на территории Восточно-франкского королевства VII – начала VIII в.

Необходимо отметить и то, что завоевательная политика Пипина Короткого в середине VIII в. также внесла значительный вклад в изменение маршрутов работорговли, а попадание в плен представителей других этнических групп – славян, мусульман, гуннов, в корне меняло этническую специфику самого института рабства на территории Северной Галлии, Среднего и Нижнего Рейна в середине VIII – первой половине IX в. Отражаясь в правовых, документальных и нарративных источниках, эти процессы позволяют говорить о новых факторах эволюции правового статуса

рабов у франков в VII – начале IX в., отсутствовавших в Салической правде и меровингских капитуляриях VI в.

§ 1.1. Взятие в плен и порабощение пленных. Работорговля:

Как уже отмечалось в отношении салических франков, особое значение для их племенного союза имело поселение на территории бывших провинций Западной Римской империи и занятие галло-римских вилл. В ходе захвата вилл франки также могли получать в своё распоряжение определённое количество рабов и колонов.

Однако в Рипуарской правде рабы галло-римского происхождения никак не были отделены от рабов-германцев, будучи включены в единую категорию *servus*. «Римляне» (*Romanus homo* или просто *romanus*) же подразделялись на несколько категорий, ни одну из которых нельзя было сопоставить напрямую с рабами или даже колонами позднего Домината. *Romanus homo* в Рипуарской правде во всех без исключения случаях приравнивался по статусу к лично зависимым от короля или церкви людям и табуляриям – вольноотпущенникам церкви⁴.

Таким образом, данные Рипуарской правды позволяют говорить о том, что в восточно-франкском обществе VII в. происходят те же самые процессы, что и в обществе салических франков в начале VI в.: от восприятия «римлян» как «чужаков» к постепенной интеграции в общий слой лично зависимого населения.

Взятие пленников во время междоусобиц Меровингов нередко упоминается в «Хронике» Фредегара в начале VII в⁵. К примерам захвата

⁴ L. Rib. 61 (58),8; 61 (58),11; 61 (58), 19; 68 (65),2–3; 69 (66),2; 90 (87).

⁵ Например: *Fredeg.* IV, 20: *Ipsaque anno Teudebertus et Teudericos reges contra Clotharium regem movint exercitum ... civitates ruptas, nemi pluritas captivorum ab exercito Theuderici et Theudeberti exinde ducetur* («В том же [599 / 600] году короли Теудеберт и Теодерих двинули войско против короля Хлотаря... и, когда были захвачены города, войска Теодериха и Теудеберта вывели оттуда великое множество пленных»). В 2015 г. был сделан первый критический перевод «Хроники» Фредегара на русский язык: *Хроники Фредегара / Пер. с лат., коммент., вступ. ст. Г.А. Шмидта. СПб.; М., 2015.*

«живого товара», который являлся одним из ключевых мотивов военных походов соседей против королевства восточных франков, можно отнести нападение алеманнов, произошедшее в 609 / 610 гг.⁶. Однако данных о дальнейшей судьбе пленных германцев у нас нет, поэтому в нерегулярных нападениях сложно увидеть постоянный и значительный источник прироста рабской прослойки.

В VII – начале VIII в. некоторое количество рабов, возможно, захватывалось из приграничных с Нейстрией областей (области басков, Бретани), а также из среды покорённых ещё Хлодвигом племён, которые постоянно враждовали с австразийскими правителями (саксы, тюринги)⁷. Но конкретных данных об этом немного, даже в нарративных источниках времён правления Пипинидов (до момента образования империи Карла Великого).

В 650–750 гг. масштабы работорговли падают, что связано с наступлением эпохи «ленивых королей» во второй половине VII в. и общим спадом завоевательной активности франков⁸. Напротив, с момента усиления австразийских майордомов с начала VIII в., а затем – провозглашения Пипина Короткого королём (751), происходит резкий всплеск работорговли. Пополнение прослойки зависимых людей путём купли-продажи в середине VIII – начале IX в. происходит не менее активно, чем в VI в. В отдельных случаях сохранились подробные свидетельства о крупных центрах работорговли (например, о Марселе, в котором происходила в эпоху Меровингов бойкая торговля рабами – англо-саксами, бретонцами, саксами и

⁶ *Fredeg.* IV, 37: Alamanni Transiordanus superant, pluretate eorum gladio trucedant et prosternunt, maximam partem territorio Aventicense incendio concremant, plurum nominum hominum exinde in captivitate duxerunt; reversisque cum predam, pergunt ad propriam («Алеманны, победившие трансюранцев [т.е. жителей графства, расположенного за горами Юра], порубили мечом и уничтожили множество из них, предали огню большую часть территории Авенша, множество людей увели оттуда в плен; и, повернув назад с добычей, возвратились восвояси»).

⁷ *Verlinden Ch.* L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955. T. I. P. 701.

⁸ См.: *McCormick M.* Origins of the European economy. Communications and commerce. AD 300–900. Cambridge, 2001. P. 775.

даже арабами-маврами⁹; о франкских рынках рабов на Дунае и на Рейне в раннекаролингское время, на которых покупались и продавались пленники из числа славян и германцев)¹⁰. Также большую роль с 793 г. в формировании невольничьих рынков на территории Галлии играли постоянные набеги арабов с целью захвата пленных и их перепродажи: есть достаточно данных о том, что в IX в. бывшие свободные франки и бретонцы сформировали объёмный поток «живого товара», который отправлялся из Северной Галлии в средиземноморские порты (Марсель, Неаполь, Реджио) и далее – на невольничьи рынки в Триполи, Тунисе, Александрии и Багдаде¹¹. Показательна фраза Карла Великого, который пригрозил знатым представителям племенного союза саксов в Падерборне тем, что, «если впредь они нарушат свои решения, [то] лишатся и отечества, и свободы»¹².

Сведения о насильственном обращении пленников в рабство мы можем почерпнуть из источников, рассказывающих нам о событиях VIII–X вв. с помощью погодной формы изложения – анналов. Например, в Лоршских анналах под 780 г. упомянуто о том, что Карл Великий захватил в плен не

⁹ *Verlinden Ch.* Op. cit. P. 668–669, 701.

¹⁰ *McCormick M.* Op. cit. P. 759–761.

¹¹ Интересное просопографическое исследование по этой теме также провёл М. МакКормик: *Ibid.* P. 733–737, 752–757, 768–769.

¹² *Annales regni Francorum. a. 777: [...]* *Ibique multitudo Saxonum baptizati sunt et secundum morem illorum omnem ingenuitatem et alodem manibus dulgtum fecerunt, si amplius inmutassent secundum malam consuetudinem eorum, nisi conservarent in omnibus christianitatem vel fidelitatem supradicti domni Caroli regis et filiorum eius vel Francorum* (*Annales regni Francorum*: «И там же было крещено множество саксов, и по их обычаю постановили, что насильно лишатся всей своей свободы и движимого имущества, если ещё более обратятся к своим дурным обычаям, но [не тогда, когда] удержатся в христианстве и полной покорности вышеназванным господину королю Карлу, и его сыновьям, и франкам»); [...] *Ceteri, qui venerant, in tantum se regis potestati permisere, ut ea condicione tunc veniam accipere merentur, si ulterius sua statuta violarent, et patria et libertate privarentur* (*Annales q.d. Einhardi*: «Прочие [саксы], которые [туда] пришли, настолько предались во власть короля, что после этого заслужили прощение на том условии, что если впредь они нарушат свои решения, [то] лишатся и отечества и свободы»). Текст латинского оригинала приводится по изданию: *Annales regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829 qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi* / Ed. G.H. Pertz et F. Kurze. Hannover, 1895 (MGH. SS rer. Germ. 4). Перевод первого текста из синоптического издания Курце (перевод – А.О. Волюнец, БГУ) имеется на сайте: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext1.htm (Часть 1); http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext2.htm (Часть 2), дата обращения: 27.08.2014 г.).

только свободных, но и литов; тем самым подчёркивается зависимый статус последних, который они, очевидно, сохраняли и в плену у франков¹³.

Последнее предположение подтверждается рассказом Нитхарда, историка времени раздела империи Карла Великого, о саксонском восстании Стеллинга («сыновей древнего закона»)¹⁴. Говоря о том, что саксонское общество было разделено на три слоя (знатных, простых свободных и литов), Нитхард напрямую называет литов рабами, т.е. приравнивает их к низшему слою любой из варварских правд¹⁵.

Рассказывая о разногласиях в среде саксонской знати, часть которой поддерживала Лотаря, а часть – Людовика Немецкого, Нитхард также упоминал о том, что «множество свободных и литов», т.е. непривилегированных слоёв племени саксов, в 841–842 гг. поднялись на восстание против самого франкского господства и попытались вернуться к языческим обрядам и обычаям¹⁶. Относительная многочисленность лично

¹³ *Annales Lauresh.* a. 780: *Domnus rex Carlus perrexit iterum in Saxonia cum exercitu, et pervenit usque ad fluvium magnum Heilba; et Saxones omnes tradiderunt se illi, et omnium accepit obsides, tam ingenuos quam et lidos...* («Господин, король Карл вновь вторгся в Саксонию с войском и дошёл до большой реки – Эльбы; и все саксы передали себя ему [под власть], и [Карл] принял от всех [областей саксов?] пленников: как свободных, так и литов...»).

¹⁴ Наиболее подробный анализ этого восстания и его оценка в отечественной историографии см. в работе: *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. С. 222–224, 397–401. Оценка восстания как борьбы против феодального строя, насаждаемого франкскими завоевателями, была подвергнута резкой критике в статье: *Goldberg E.* Popular Revolt, Dynastic Politics, and Aristocratic Factionalism in the Early Middle Ages: The Saxon “Stellinga” Reconsidered // *Speculum.* 1995. July. Vol. 70. No 3. P. 467–501.

¹⁵ *Nithard.* IV, 4: *Que gens omnis in tribus ordinibus divisa consistit: sunt eterim inter illos qui edhilingi, sunt qui frilingi, sunt qui lazzi illorum lingua dicuntur; Latina vero lingua hoc sunt: nobiles, ingenuiles atque serviles. Sed pars illorum, quae nobilis inter illos habetur, in duabus partibus in dissensione Lodharii ac fratrum suorum divisa, unaque eorum Lodharium, altera vero Lodhuvicum secuta est* («Всё это племя пребывает разделённым на три части, поскольку есть среди них те, которые зовутся на их языке этелинги; есть те, которые [зовутся] фрилинги; есть те, которые [зовутся] литы. [Саксы] разделены в конфликте Лотаря и его братьев на две части, и одна из них следует за Лотарем, а вторая – за Людовиком»).

¹⁶ *Ibid.*: ... *hinc etiam in Saxoniam misit frilingis lazzibusque, quorum infinita multitudo est, promittens, si secum sentirent, ut legem, quam antecessores sui tempore, quo idolorum cultores erant, habuerant, eandem illis deinceps habendam concederet. Qua supra modum cupidi nomen novum sibi, id est Stellinga, imposuerunt et in unum conglobati dominis e regno poene pulpis more antiquo qua quisque volebat lege vivebat* («По этой же причине [Лотарь] в Саксонию послал к фрилингам и литам, которых [там] великое множество, посулив, что признает тот

зависимых людей в Саксонии (которых всё же было значительно меньше, чем рядовых свободных) подчёркнута также тем, что Людовику дважды в течение 842 г. пришлось предпринимать походы против участников восстания Стеллинга¹⁷.

Таким образом, хотя в середине VII – начале VIII вв. меровингские правители не были в состоянии вести широкомасштабные войны и захватывать значительное число пленных для их обращения в рабство¹⁸, в VI в. (время правления Хлодвига, его сыновей и внуков) и в конце VIII – начале IX в. (период правления Карла Великого и его сыновей) захват рабов в результате военных побед был одним из ведущих путей пополнения лично зависимой прослойки в Северной Галлии, а также на Среднем и Нижнем

закон, [который они между собой] имеют [и] который был у его предков в то время, когда они были почитателями идолов, если перейдут на его сторону. Распалённые сверх меры [саксы], которые взяли себе новое имя, т.е. «сыновья древнего закона», и, соединившись воедино, когда почти [все] господа были изгнаны из страны [т.е. Саксонии], жили по закону и древнему обычаю, которые каждый пожелал». Гораздо более тенденциозное изложение содержится в Ксантенских анналах, где все восставшие приравниваются к «рабам»: *Annales Xant. a. 841: ... Eodem anno per totam Saxoniam potestas servorum valde excrevat super dominos suos, et nomen sibi usurpaverunt Stellingas, et multa inrationabilia commiserunt. Et nobiles illius patriae a servis valde afflicti et humiliati sunt; a. 842: Illicque intervenientibus viris strenuis, iterum tripartito regno Francorum, in pace, tamen non firma, discesserunt a se, Lotharius ad Aquis, Karolus in Galliam, Ludewicus in Saxoniam, et servos Saxonum superbe elatos nobiliter afflixit, et ad propriam naturam restituit* («В том же году по всей Саксонии крайне усилилась власть рабов над их хозяевами, и они присвоили себе имя Стеллинга, и учинили многие безумия. И знатые в их землях были весьма побиты и унижены рабами. Тогда же, обретя смелых мужей в мире, правда, не [слишком] крепком, они вновь разделили королевство франков на три части: Лотарь [отправился] в Ахен, Карл в Галлию, Людвиг в Саксонию; и [Людвиг] с честью сокрушил заносчиво возвысившихся рабов в Саксонии и возвратил в их обыденное состояние [т.е. рабство]»). Текст анналов приводится по изданию: *Annales Xantenses a. 640–874 / Ed. G.H. Pertz. Hannover, 1829 (MGH. SS. 2). P. 227.*

¹⁷ *Ibid.*: *Lodhuvicus etenim in Saxonia seditiosos, qui se, uti praefatum est, Stellinga nominaverant, nobiliter, ligeli tamen cede compescuit* («Людовик постольку успешно усмирил в Саксонии восставших, которые себя называли «сыновьями древнего закона», как написано [выше], справедливым избиением»); *Ibid. 6: Eodem etiam tempore Stellinga in Saxonia contra dominos suos iterum rebellarunt, sed praelio commisso nimia cede prostrati sunt; ac sic auctoritate interiit, quod sine auctoritate surgere sumpsit* («В то же время [842 г.] «сыновья древнего закона» вновь восстали против своих господ, однако в начавшемся сражении множество их было уничтожено; и всё же от власти гибнет то, что дерзнуло возвыситься без власти»).

¹⁸ *Verlinden Ch. Op. cit. P. 702.*

Рейне¹⁹. Масштабы работорговли были весьма значительны: ежегодно объём рабов, доставленных на рынки в западном направлении, был на уровне 3400 человек. Ещё более внушительный поток «живого товара» следовал на Восток: до 6800–7000 рабов²⁰.

§ 1.2. Обращение в рабство как наказание за преступления:

В предыдущей главе было немало написано о том, что наказание в виде пожизненного лишения свободы нередко применялось по отношению к свободным людям, которые осмеливались связать себя узами брака с представителями несвободной части франкского общества – рабами и рабынями. Необходимо отметить тот факт, что эта практика активно развивалась также на территории Австразийского королевства. Целый ряд социальных категорий Рипуарской правды, упомянутых в качестве потенциальных нарушителей запрета женитьбы на рабах и рабынях, также подвергались наказанию за это преступление. Причём порабощению могли быть подвергнуты как сами нарушители этого закона, так и их потомство²¹.

¹⁹ Ibid. P. 677.

²⁰ Patterson O. Slavery and Social Death: A comparative study. Cambridge (Mass.); London, 1982. P. 157.

²¹ L. Rib. 61 (58), 9–11: Si autem tabularius ancillam regiam aut ecclesiasticam seu ancillam tabularii in matrimonium sibi sociaverit, ipse cum ea servus permaneat. Si autem cum ea tantum moechatus fuerit, octavo dimidio solido culpabilis iudicetur, aut cum sex iuret. Quod si tabularia hoc fecerit, ipsa et generatio eius in servitio inclinetur. Si autem tabularius ancillam Ribuariam acciperit, non ipse, sed generatio eius serviat [A-4 – Similiter et tabularia vel regia aut Romana femina, si servum Ribvarium acciperit, non ipsa, sed generatio eius serviat]. Si ecclesiasticus, Romanus vel regius homo ingenuam Ribvariā acciperit, aut si Romana vel regia seu tabularia ingenuum Ribvarium in matrimonium acciperit, generatio eorum semper ad inferiora declinentur. Ibid. 61 (58), 14–16: Si autem Ribvarius ancillam regis seu ecclesiasticam vel ancillam tabularii sibi sociaverit, non ipse, sed procreatio eius serviat. Si autem Ribvarius ancillam Ribvarii in matrimonio acciperit, ipse cum ea in servitio perseveret. Similiter et si Ribvaria hoc fecerit, ipsa et generatio eius in servitio perseveret («Если же табулярий возьмёт в жёны королевскую или церковную рабыню, или рабыню табулярия, вместе с ней обращается рабом. Если же он будет её совращать, пусть платит половину от восьми солидов или пусть клянётся с шестью [соприсяжниками]. Если это сделает табулярия, она и её потомство обращаются в рабское состояние. Если же табулярий примет рипуарскую рабыню, не он, а его потомство пусть выполняет рабский труд. Равным образом если табулярия или женщина короля или римлянка примет раба рипуара, не она, а её потомство пусть выполняет рабский труд. Если церковный, королевский [зависимый] человек или

Согласно датировке Р. Зома, которую мы приводим в источниковедческом разделе, эти установления были зафиксированы не позднее конца VI в. Кроме того, сам процесс судебного производства по вопросам обращения в рабство женщины в наказание за сожительство с рабом приобретал порой весьма символические и даже отчасти архаизирующие формы, приближаясь к судопроизводству салических франков, связанному с отказом человека от родства, повторным замужеством вдов и с другими процедурами, сопровождавшимися судебными ритуалами²².

При поиске подобных установлений в северогерманских правдах IX в., которые в разной степени испытывали влияние салических и рипуарских франков, можно обнаружить некоторые косвенные данные этих источников, позволяющие осторожно предположить, что подобное наказание за соединение матримониальными узами с рабом (добровольно или насильственно) могло караться объявлением вне закона или потерей статуса свободы (в качестве альтернативы смертной казни). Например, случай замужества за зависимого человека рассматривает Фризская правда: в этом памятнике предусмотрены различные санкции на тот случай, если женщина не знала о зависимости человека (его литском статусе) и может доказать это с помощью свидетелей, и при невозможности доказать последнее²³. Это

римлянин примет свободную рипуарку, или [зависимая] женщина короля, или римлянка, или [зависимая] церковная женщина примет свободного рипуария, их потомство вечно опускается в приниженное состояние [т.е. в личную зависимость]... Если же рипуар примет себе [в жёны] рабыню короля, или церковную рабыню, или рабыню табулярия, не сам, но потомство его пусть поступает в услужение. Если же рипуар примет в жены рабыню [другого] рипуара, сам [переходит] в рабство с ней. То же [произойдёт], если рипуарка это сделает»).

²² Ibid. 61 (58), 18: Quod si ingenua Ribvaria servum Ribvarium secuta fuerit et parentes eius hoc refragare voluerint, offeratur ei a rege seu a comite spada et cunucula. Quod si spadam acciperit, servum interficiat. Sin autem cunuclam, in servitio perseveret («Если свободная рипуарка последует за рабом–рипуаром, и родители её пожелают тому воспротивиться, вручаются ей от короля или комитом меч и монетка. Если она примет меч, пусть раба казнят. Если же она выберет монетку, пусть она останется [вместе с ним] в услужении [господину раба]»).

²³ L. Fris. VI, 1–2: Si libera femina lito nupserit, nesciens eum litum esse, et ille postea de capite suo, eo quod litus sit, fuerit calumniatus, si illa sua sexta manu iurare potuerit, quod, postquam eum litum esse rescivit, cum eo non concuberet, ipsa libera permaneat, et filii quos procreavit. Si vero iurare non possit, in conditionem mariti sui una cum filiis suis transeat («Если свободная

доказывает то обстоятельство, что лишение свободы в обществах франкских и северогерманских племён VII–IX вв. продолжало играть роль регулятора семейных отношений и препятствовало ситуации, при которой у владельца раба (или рабыни) и её свободного мужа мог возникнуть конфликт владельческих прав.

Однако в данном случае перед нами предстаёт архаическая правовая традиция; её постепенное изживание можно чётко видеть в каролингских капитуляриях рубежа VIII–IX вв., о которых пойдёт речь в последнем параграфе данной главы.

§ 1.3. Долговое рабство и добровольный переход в зависимость:

Как было отмечено в первой главе при анализе путей попадания в рабство, Салическая и Рипуарская правда не дают однозначного ответа на вопрос о том, насколько широко в VI–VII вв. было распространено долговое рабство; такой ответ можно получить только в результате анализа косвенных данных.

Рипуарская правда при этом знала общественную группу, не относившуюся к бесправным рабам, однако попавшую в прямую зависимость к земельным магнатам в результате закабаления наименее обеспеченных жителей Среднего Рейна, отторжения земли, королевских пожалований монастырям или просто добровольной передачи собственной личности под покровительство богатого заступника. Речь идёт о категории лично зависимого населения Австразии, представители которой в *Lex Ribvaria* обозначены терминами «человек короля» (*homo regius*), «человек церкви» (*homo ecclesiasticus*) и «римлянин» (*homo Romanus*). Несмотря на

женщина будет взята замуж литом, не зная, что он является литом, и он после того злонамеренно будет лгать о своём статусе, по которому он является литом, если она сможет поклясться сама–шестая, что она не восходила с ним на ложе после того, как узнала, что он – лит, пусть она останется свободной и дети, которых она породит. Если же не сможет поклясться, пусть перейдёт с детьми в [зависимое] состояние своего мужа»).

разницу в наименовании, эти три понятия могут быть объединены в один общественный слой со сходными правами и обязанностями²⁴.

Длительные споры вокруг социальной природы зависимых от церкви и короля людей породили разноречивые мнения относительно того, каков был их основной путь попадания в зависимость. По-видимому, в данном случае имело место слияние бывших церковных и королевских рабов, отпущенных на волю и не нашедших социальной опоры за пределами владений своих бывших господ, и бывших свободных рипуарских франков и галло-римлян, добровольно отдавшихся под покровительство светского магната или завещавших свою землю крупному монастырю²⁵.

Во время правления Карла Великого и Людовика Благочестивого коммендация к более влиятельному человеку (очевидно, светскому или духовному земельному магнату или королю) упоминается в капитулярии 803 г. к Рипуарской правде²⁶ и капитулярии 819 г. к Салической правде²⁷.

²⁴ Подробный анализ всех трёх категорий и обоснование близости их правового статуса см.: *Земляков М.В.* Социально-правовой статус людей короля и церкви в Рипуарской правде: между рабством и свободой // СВ. 2015. Вып. 76 (3–4). С. 80–84.

²⁵ См подробнее: *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. СПб., 1910. Т. 5. Начала феодального строя. С. 315 и далее.

²⁶ Cap. 41 (Cap. ligi Ribvariae addita. a. 803). 3: Homo ingenuus qui multa qualibet solvere non potuerit et fideiussores non habuerit, liceat ei semetipsum in wadium ei cui debitor est mittere usque dum multa quam debuit persolvat («Свободному человеку, который не сможет выплатить какой-либо штраф и не будет иметь поручителей, пусть будет позволено самому пойти в качестве залога тому, кому он должен, до тех пор, пока он не выплатит тот штраф, который задолжал»). Несмотря на отсутствие прямой отсылки к порабощению заложника, надо полагать, такая развязка была не редкостью при отсутствии у должника средств для погашения штрафа.

²⁷ Cap. 142 (Cap. legi Salicae additum a. 819). 6: Iudicatum est ab omnibus, ut, si Francus homo vel ingenua femina in servitio sponte sua implicaverit se, ut, si res suas du in libertate sua permanebat ad ecclesiam Dei aut cuilibet ligibus tradidit, ipse cui traditae fuerint eas habere et tenere possit; et si filios vel filias dum in sua fuit libertate generavit, ipsi liberi permaneant («Всеми вынесено решение о том, чтобы, если франк или свободная женщина по своей доброй воле отдадутся в рабство, пусть, если они передадут свои вещи [=имущество] по закону божьей церкви или кому-то ещё, пока оставались на свободе, тот, кому будут они переданы, сможет их удерживать и обладать ими; и, если они породят сыновей или дочерей, пока будут сами находиться на свободе, пусть эти дети остаются свободными»). Согласно классификации А. Борения, это капитулярий 142; по классификации К.А. Экхардта 1950-х гг. – *Capitulare VII (Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, 1956. Bd. II, 2. Kapitularien und 70-Titel Text (Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Westgermanisches Recht. Bd. 2). S. 450–456)*. В нашем исследовании принято обозначение данного капитулярия в традиции XIX в.

Несмотря на то, что в этих источниках упомянут добровольный переход в личную зависимость, на практике можно предполагать и насильственное включение бывших свободных в состав крупных поместий (например, в результате пожалования королём церковным иерархам, дружинникам и своим приближённым во владение отдельных земельных массивов или иммунитетных прав на них), а также вынужденный самозаклад, вызванный таким мощным фактором, как голод²⁸. Первая тенденция была прямо отмечена в источнике, названном *Capitulare de expeditione exercitali* («Капитулярий о военном походе», 811 г.)²⁹; вторая была представлена, к примеру, в *Decretum Vermeriense* («Декрет Вербери», время правления Пипина Короткого)³⁰. Вместе с тем, капитулярием 819 г. категорически запрещалось обращать в рабство детей бывших свободных, что создаёт определённое ограничение для быстрого расширения рабской прослойки в Галлии на рубеже VIII–IX вв.

Встречается информация о долговом рабстве и в северогерманских правдах IX в. Подробно регламентировала судебную процедуру в отношении самозаклада и добровольной отдачи под покровительство более богатого соплеменника *Lex Frisionum*³¹. В этой же правде рассматривались случаи, когда обращение в личную зависимость могло быть оспорено³².

²⁸ Об этом см. подробнее: *Schmitz G. Hunger und Wucher. Zur konziliaren Wahrnehmung gesellschaftlicher Wirklichkeit im 9. Jahrhundert // DA. 2014. Jg. 70. Heft 1. S. 121–142.*

²⁹ *Cap. de expeditione exercitali. a. 811. 2: Quod pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate. Et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos, et super comites et eorum centenarios* («[...] Жалуются бедные, что грабят их, лишая имущества. И обвиняют в равной степени они епископов, и аббатов, и их представителей [управляющих], и графов, и их сотников»). Воспроизводится по изданию Г. Пертца: *Capitularia regum Francorum / Ed. G.H. Pertz. Hannover, 1835 (MGH. LL. 1). P. 168.*

³⁰ *Cap. 16. 6.*

³¹ *L. Fris. XI, 1: Si liber homo spontanea voluntate, vel forte necessitate coactus, nobili seu libero seu etiam lito in personam et in servitum liti se subdiderit et postea se hoc fecisse negare voluerit, dicat ille qui eum pro lito habere visus est: “Aut ego te cum coniuratoribus meis sex, vel septem, vel decem, vel duodecim vel etiam viginti, sacramento meo mihi litum faciam, vel tu cum tuis coniuratoribus de mea potestate te debes excusare”. Si ille tunc iurare velit, iuret et servitute liberetur. Si autem iurare noluerit, ille qui eum possidere videbatur iuret, sicut condixit, et habeat illum sicut ceteros litos suos* («Если свободный человек по доброй воле, или вынужденный под влиянием обстоятельств, отдаст себя нобилю, или свободному, или же литу в статус и услужение лита, и после того пожелает отречься [от того], что он это

§ 1.4. Передача рабского статуса по наследству:

В Рипуарской правде данный способ попадания в зависимость присутствует в неразрывной связке с обращением рабов в качестве наказания за вступление в брак с рабынями и рабами; последний путь попадания в личную зависимость был достаточно подробно освещён нами в разделе 2 данного параграфа («Обращение в наказание за преступления»). В этом случае зависимость распространялась также на детей рабынь и обращённого в качестве наказания человека³³.

сделал, пусть скажет тот, который считает, что имеет [власть над ним] как литом: «Или я со своими свидетелями 6, или 7, или 10, или 12, или же 20, при помощи моей [судебной] клятвы сделаю тебя литом по отношению к себе [навечно?], или ты со своими свидетелями должен защищаться». Если он тогда пожелает клясться, пусть клянётся, и освобождается от услужения; если же не захочет клясться, пусть клянётся тот, кто считает, что он владеет им, таким образом утвердит [его статус] и будет обладать тем [литом] так же, как и прочими своими литами»).

³² Ibid. XI, 2–3: Si litus semetipsum propria pecunia a domino suo redemerit et unum vel duos vel tres vel quotlibet annos in libertate vixerit et iterum a domino de capituli sui conditione fuerit calumniatus, dicente ipsi domine: “Non te redemisti, nec ego te libertate donavi”, respondeat ille: “Aut tu cum iuratoribus tuis sex, vel duodecim, vel viginti, vel etiam si triginta dicere voluerit, me tibi sacramento tuo ad servitutem acquire, aut me cum meis iuratoribus tantis, vel tantis, ab hac calumnia liberare permittit”. Si ille qui dominus eius fuerat cum totidem hominibus, quot ei propositi sunt, iurare velit, conquirat eum sibi ad servitutem; sin autem, iuret alter et in libertate permaneat”. Si aut calumniator, aut ille cui calumnia irrogata est, se solum ad sacramenti mysterium perficiendum protulerit et dixerit: “Ego solus iurare volo, tu, si audes, nega sacramentum meum et armis mecum contende”, faciat etiam illud, si hoc eis ita placuerit: iuret unus, et alius neget, et in campum exeant. Hoc et superiori capitulo constitutum est («Если лит самостоятельно выкупится у своего господина собственными деньгами, и проживёт 1, или 2, или 3, или сколько-то лет на свободе, и будет заявлено сомнение господином относительно его [свободного] состояния, когда скажет господин: «Я тебя не выкупал, и тебе не давал свободу»; пусть ответит тот [лит]: «Или ты со своими 6, или 12, или 20, или же 30 свидетелями пожелаешь заявить, что ты меня приобретаешь в услужение, посредством своей [судебной] клятвы, или позволь мне освободиться от этого обвинения со своими свидетелями, равными числом. Если тот, кто был его господином, с таким числом людей, которое ему установлены [законом], захочет поклясться, пусть забирает его к себе в услужение; а если же нет, пусть клянётся другой и [бывший лит] остаётся на свободе. Если или обвинитель, или тот, кому предъявлено обвинение, сам по себе [т.е. без свидетелей] обратится к священному таинству клятвы и скажет: «Я в одиночку желаю поклясться: ты [т.е. бывший господин], если слышишь, отрицай мою клятву, и сразись со мной при помощи оружия». Да совершит это таким образом, если то им будет угодно: пусть поклянётся один, и пусть отвергнет [клятву] другой, и пусть выходят в поле [на судебный поединок]»).

³³ L. Rib. 61 (58), 9: ...Quod si tabularia hoc fecerit, ipsa et generatio eius in servitio inclinatur; Ibid. 61, 10: Si autem tabularius ancillam Ribuariam acciperit, non ipse, sed generatio eius serviat; Ibid. 61, 11: Si ecclesiasticus, Romanus vel regius homo ingenuam Ribvariam acciperit,

Правда франкская хамавов, которая непосредственно была связана с рукописной традицией Рипуарской правды, напрямую свидетельствовала о передаче рабов в составе наследства (*hereditas*) от отца к сыновьям и от матери – к дочерям³⁴. Надо отметить тот факт, что это упоминание чётко следует в русле свидетельств каролингских капитуляриев IX в., в которых наследование рабов в составе недвижимого имущества (т.е. поместного комплекса в целом) представлено в качестве широко распространённой практики³⁵.

* * *

Таким образом, на основе анализа материалов Рипуарской правды, Правды франкской хамавов и каролингских капитуляриев можно говорить о развитии заложенных редакциями Салической правды VI–IX вв. путей пополнения рабской прослойки. Несмотря на значительный спад с середины VII до середины VIII в., с приходом к власти династии Каролингов вновь обретает силу такой источник рабства, как захват пленных и обращение их в рабство. В свою очередь, активная завоевательная политика Пипина Короткого, Карла Великого и его детей формирует в империи Каролингов достаточно ёмкий рынок работорговли, центры которого были расположены на традиционных для франков VI–VII вв. торговых маршрутах (Северная Италия, побережье Северного моря и Бретань, приграничные с фризами,

aut si Romana vel regia seu tabularia ingenuum Ribvarium in matrimonium acciperit, generatio eorum semper ad inferiora declinentur; Ibid. 61, 14: Si autem Ribvarius ancillam regis seu ecclesiasticam vel ancillam tabularii sibi sociaverit, non ipse, sed procreatio eius serviat; Ibid. 61 (58), 15: Si autem Ribvarius ancillam Ribvarii in matrimonio acciperit, ipse cum ea in servitio perseveret; Ibid. 61 (58), 16: Similiter et si Ribvaria hoc fecerit, ipsa et generatio eius in servitio perseveret.

³⁴ Lex Franc. Chamav. 42: Si quis Francus homo habuerit filios, hereditatem suam de sylva et de terra eis dimittat et de mancipiis et de peculio. De materna hereditate similiter in filiam veniat («Если у какого-либо [свободного] франка будут сыновья, пусть им отходит его наследство и от леса, и от земли, и от рабов, и от денег. Из материнского наследства пусть то же самое следует дочерям»).

³⁵ См. подробный анализ капитулярного материала и формул VI–IX вв. на предмет передачи рабов в составе движимого и недвижимого имущества в статье: Капранова Е.Ю. Раб каролингской эпохи: объект или субъект права? // Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 112–114. Отдельно отметим тот факт, что эти источники нередко говорили о *res*, *hereditas* и *mancipia*, *servi* как полных синонимах; первый ряд терминов в таком случае без особого пояснения включал в свой состав второй ряд.

саксами и тюрингами области). В VIII–IX вв. добавляются также новые торговые рынки: идёт активная продажа «живого товара» на Восток через арабских купцов, а обратно (через торговцев на Рейне и Дунае) следует весьма значительный поток рабов из славянских земель. В результате развития крупного светского и церковного землевладения особую роль в процессе социального подчинения обедневших свободных франков в VII–IX вв. приобретают процессы их добровольной коммендации к крупным землевладельцам; значительно более быстрыми темпами, чем при сыновьях Хлодвига, в конце VI – начале VII в. происходит раздача королями из династии Меровингов иммунитетных прав и земельных пожалований, в результате чего в рабство и личную зависимость попадают значительные массы свободнорожденных германцев. Попытка затормозить этот процесс, отразившаяся в капитуляриях начала IX в., лишь свидетельствует об устойчивом развитии данной практики на протяжении правления первых Каролингов.

§ 2. Положение рабов и лично зависимого населения в Рипуарской правде в начале VII – начале VIII в.

Рипуарская правда, как уже неоднократно упоминалось выше, представляет собой не менее сложный и многослойный по своей структуре и хронологии памятник, чем *Lex Salica*. В общем виде структура этого памятника может быть представлена в виде его деления на четыре разновременных слоя, которые в равной степени представлены в двух рукописных семьях (А и В). К этим четырём слоям добавляется ещё один важный пласт дополнений, сделанных в правление Карла Великого.

Имея общее представление о времени фиксации отдельных норм и установлений Рипуарской правды, гораздо проще представить себе процесс эволюции отдельных сторон рабского статуса в Северной Галлии к началу VII в. Начать, как и в случае с Салической правдой, следует с общего описания положения «рабов высшей категории». В Рипуарской правде присутствуют такие категории, которые именуются *servus regis*³⁶ и *ancilla regia*,³⁷ а также *femina regia aut ecclesiastica*³⁸.

К сожалению, о положении королевских рабынь (*ancilla regia*) известно только то, что они могли вступать в брак со свободными рипуарами и табуляриями, но при этом последние обращались в рабское состояние. О «королевской женщине», очевидно, служанке короля (*femina regia*), мы знаем чуть больше: в случае её убийства выплачивался высокий штраф 300 сол.³⁹ Королевский раб (*servus regis*) также был описан только в одном титуле, причём ничего не сказано о его деятельности. Однако в этом титуле было очень важное указание на его статус: он мог самостоятельно приносить

³⁶ L. Rib. 61 (58), 20.

³⁷ Ibid. 61 (58), 9, 14.

³⁸ Ibid. 14 (14,1).

³⁹ Ibid. 14 (14,1): Si quis feminam regiam aut ecclesiasticam parientem interfecerit, 300 solid. culpabilis iudicetur aut cum 36 iuret («Если кто-то убьёт [зависимую от] короля или церкви женщину, которая может родить ребёнка, пусть будет присуждён к выплате 300 солидов или клятётся с 36 [свидетелями в своей невиновности]»).

присягу на суде⁴⁰. В этом также заключалось отличие королевских рабов от других категорий лично зависимого населения, лишённых права выступать в роли субъекта права.

Также известно и то, что в Рипуарской правде присутствовал королевский высокопоставленный слуга, названный *puer regius*. Его статус и функции были идентичны тем социальным «параметрам», о которых было упомянуто в связи с категорией *puer regius* в составе *Pactus legis Salicae*.

Как нетрудно заметить, основная часть слуг и рабов, находившихся в привилегированном положении, была сосредоточена в Австразии начала VII в. в руках наиболее крупных землевладельцев – короля и церкви. Вполне вероятно, что соответствующие им по статусу «рабы высшей категории» были в наличии также у менее крупных землевладельцев – разбогатевших свободных рипуаров, дружинников и т.д. Их статус имел некоторые общие черты со статусом категорий *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*, например, право самостоятельного выступления на суде (без посредничества господина и его агентов, характерного для непривилегированных рабов). Однако, как можно заключить из титула 14 (14,1) Рипуарской правды, жизнь «рабынь высшей категории» (вероятно, также и рабов мужского пола) ценилась значительно выше, чем жизнь «римлян», а также людей церкви и короля (300 сол. против 100 сол. соответственно), поэтому их не следует смешивать в один слой.

* * *

Прежде всего, необходимо обратить внимание на радикальное различие Салической и Рипуарской правд в вопросе причисления рабов к движимому имуществу. В *Lex Ribvaria* (равно как и в меровингских капитуляриях) нет ни одного упоминания о том, что раб может быть приравнен по своему статусу и положению в господском хозяйстве к какому бы то ни было роду скота;

⁴⁰ Ibid. 61 (58), 20: *Servi autem regis et ecclesiarum non actores, sed ipsi pro semetipsis in iudicio respondeant et sacramenta absque tangano coniurent* («Пусть рабы короля или церкви выступают ответчиками не через представителей, а сами за себя, и пусть приносят клятвы без принуждения»).

вполне логичным в свете этого выглядит и отсутствие любого намёка на возможность раздела провинившегося раба между двумя господами. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает высказанную исследователями ещё в конце XIX в. мысль о рабе в Северной Галлии середины VI – начала VII в. не как об *instrumentum semivocale*, но как о «персоне ограниченного права»⁴¹. Такое представление, только зародившись в конце правления Хлодвига, к середине VI в. обретает всё более явные и осязаемые черты. В Рипуарской правде эти черты, отразившиеся в описании различных прав и обязанностей рабов, не только воспроизводятся, но и дополняются новыми.

Тем не менее, начать анализ следует с отражения тех черт рабства у рипуарских франков, которые повторяют особенности статуса салических рабов в редакции А текста *Lex Salica*. В отношении рипуарских рабов, как и в отношении салических, применялась смертная казнь за некоторые виды преступлений, например, кражу свободной женщины. Показателен тот момент, что за то же самое преступление для прочих категорий рипуариев – свободных обитателей Среднего Рейна или зависимых от крупных землевладельцев держателей (людей короля и церкви), предусматривалось искупление вины с помощью денежного штрафа⁴². Причём, если в

⁴¹ В этом отношении не слишком точным выглядит сравнение Ф. Лютге рабов у рипуаров с рабами саксов и тюрингов, которые продолжали воспринимать *servi* и *mancipia* как полностью бесправную часть движимого имущества (*Sache* – нем. «вещь») своего господина. См.: *Lütge F. Die Agrarverfassung des frühen Mittelalters im mitteleuropäischen Raum vornehmlich in der Karolingerzeit. Jena, 1937. S. 114–115.*

⁴² *L. Rib. 38, 1–3 (34, 1–4): Si quis ingenuus ingenuam rapuerit, bis centenos solid. noxius iudicetur. Quod si tres ingenui cum ipso fuerint, unusquisque eorum bis trigenos solid. noxii iudicetur. Et quanti super illos quattuor fuerint, unusquisque eorum ter quinos solid. noxius iudicetur. Quod si regius aut ecclesiasticus homo hoc fecerit, bis quinquagenos solid. culpabilis iudicetur. Similiter illi tres, qui ei auxiliaverint, unusquisque trigenos solid. culpabilis iudicetur. Et quanti super hoc fuerint, unusquisque octavo semisolido multetur. Quod si servus hoc fecerit, de vita conponat («Если какой-то свободный похитит свободную [женщину], пусть он будет виновен [уплатой] дважды по 100 солидов. Пусть, если с ним [в момент преступления] будут трое свободных, каждый из них пусть будет повинен [уплатой] дважды по 30 солидов. И если с ними таковых будет более четырёх, каждый из них пусть будет виновен [уплатой] трижды по 5 солидов. Пусть, если это совершит [зависимый от] церкви или короля человек, он будет присуждён к уплате дважды по 50 солидов. Равным образом и те трое, которые ему будут помогать: пусть каждый [из них] будет присуждён к уплате 30 солидов. И если это совершит сколько-либо людей сверх того, пусть каждый [из*

отношении прочих лично зависимых категорий предполагалась дифференциация величины штрафа по количеству преступников (действовавших в сговоре с главным обвиняемым), участвовавших в похищении свободной женщины, то для рабов – как зачинщика, так, очевидно, и его соучастников, – смертная казнь была единственной предусмотренной мерой наказания.

Многие процедуры приведения рабов к ответственности, как и в древнейшей редакции *Ractus legis Salicae*, в Рипуарской правде предполагали непосредственное участие их господина; без них они, очевидно, не рассматривались соплеменниками как законно исполненные. Это касалось возмещения хозяином штрафа за правонарушение своего раба, его выдачи и доставления на судебное собрание, а также процесса его розыска.

В случае совершения рабом кражи, убийства другого раба или поджога его господин должен был возместить как ущерб от этого преступления, так и 36 сол. в качестве штрафа за его совершение⁴³. Несмотря на наличие эллипса в *L. Rib. 31 (17,2)*, который, на первый взгляд, позволяет предположить возможность возмещения ущерба и стоимости сожжённого имущества самим рабом, в действительности, текст этого титула также отсылает нас к ответственности хозяина за своего раба: господин указан в предыдущих двух титулах как ответчик по делу.

них] будет оштрафован на 8 с половиной сол. Пусть, если раб совершит это, будет повинен жизнью»).

⁴³ *Ibid.* 29 (28) – 31 (17,2): *Si autem servus servum interfecerit, dominus eius 36 solid. culpabilis iudicetur aut cum 6 iuret, quod servus eius hoc non fecisset. Quod si servus fecerit furtum, dominus eius 36 solid. culpabilis iudicetur excepto capitale et dilatura restituat [A-3 – aut cum 6 iuret quod hoc non fecisset]. Quod si servus fecerit incendium, 36 solid. culpabilis iudicetur, et insuper damno et dilatura restituat; aut si negaverit, dominus eius cum sex iuret («Если раб убьёт раба, пусть его господин будет присуждён к уплате 36 солидов или клянётся с 6 [соприсяжниками] в том, что его раб этого не совершал. Пусть, если раб совершит кражу, его господин будет присуждён к уплате 36 солидов [и] возмещает [этот штраф], помимо возмещения стоимости похищенного и убытков [или клянётся с 6 [соприсяжниками] в том, что [раб] этого не совершал. Пусть, если раб совершит поджог, [его господин] будет присуждён к уплате 36 солидов, и пусть помимо этого [господин] возмещает штраф и ущерб; а если он будет отрицать, пусть его господин клянётся с 6 [соприсяжниками]»).*

Кроме того, титулы 29 и 31 давали господину возможность освободить себя от ответственности при обвинении своего раба в случае, если он клялся с шестью соплеменниками (видимо, равными ему по социальному статусу). В титуле 30 отсылка к такой возможности есть только в одной рукописи – А-3⁴⁴; однако есть основания полагать, что именно в этой рукописи содержалось указание на первоначальное состояние рипуарского права начала VII в., тогда как в других рукописях это установление было опущено в результате редакторской правки.

С другой стороны, в противовес перечисленным обязанностям хозяев по представительству своих рабов перед судом, также и сами рабы начали лично нести ответственность за свои правонарушения. В частности, их новое положение было отражено в титуле 19, где ранжировались штрафы за кражи животных по социальному статусу совершивших их членов племени рипуаров⁴⁵. Рабы, в отличие от зависимых людей церкви и короля, не могли участвовать в судебном собрании и приносить клятву, а число соприсяжников, которое собирали для их защиты их господ, равнялось шести и уступало количеству соприсяжников церковных, королевских

⁴⁴ Paris. BNF. Lat. 4629*. F. 33v, ln. 4–6.

⁴⁵ Ibid. 19 (18), 1–3: Quod si ingenuus sonesti, id est duodecim equas cum amissario aut sex scruvas cum verre vel 12 vaccas cum tauro furaverit, sexcentos solid. culpabilis iudicetur et insuper capitale et dilatura restituat. Quod si multi ingenui fuerint, sicut in omnem texacam constituimus, unusquisque sexcentos solid. culp[abilis] iud[icetur] et insuper capitale et dilatura restituant; aut si negaverint, singuli cum 70 duobus iurent. Quod si servus hoc fecerit, 36 solid. culpabilis iudicetur, et insuper capitale et dilatura restituat. Et si multi servi fuerint, unusquisque pro semetipsum similiter faciat; aut si negaverint, domini eorum cum sex iurent. Si homo ecclesiasticus aut regius hoc fecerit, medietatem conpositionis francorum culpabiles iudicentur; aut si negaverint, cum 36 iurent («Если свободный украдёт стадо, т.е. 12 коней с жеребцом, или 6 свиноматок с боровом, или 12 коров с быком, пусть будет присуждён к уплате 600 солидов, а сверх того возмещает стоимость похищенного и убытки. Если свободных будет больше, мы постановляем [поступать] таким образом при любой краже, чтобы каждый был присуждён к уплате 600 солидов, и сверх того возвращал стоимость похищенного и убытки; а если они будут отпираться, пусть клянутся с 72 [соприсяжниками]. Пусть, если это сделает раб, будет присуждён к уплате 36 сол., и сверх того возвращает стоимость похищенного и убытки. И если будет множество рабов, то каждый пусть соответственно заплатит за себя; а если они будут отпираться, пусть их господа клянутся с 6 [соприсяжниками]. Если это сделает [зависимый от] церкви или короля человек, пусть он будет присуждён к уплате половины возмещения, [установленного для рипуарских] франков; а если они будут отпираться, пусть поклянутся с 36 [соприсяжниками]»).

зависимых людей и свободных рипуаров в 6 и 12 раз соответственно⁴⁶. При этом очень важным выглядит следующий показатель: рабы должны были возмещать штраф за кражу чужого стада скота самостоятельно (*pro semetipsum* – «за самого себя»). В отличие от случая кражи свободной женщины рабом, в данном случае напрямую упомянуты его возможные сообщники (так же, как и в отношении свободного), на которых ложилась сходная ответственность за кражу.

Более того, в случае с текстом Рипуарской правды, в отличие от меровингских капитуляриев VI в., двоякая трактовка данного казуса (погашение штрафа либо рабом, либо его господином) составителем VII в. не допускалась. Безусловно, это был огромный шаг к повышению социально-правового статуса рипуарского раба; даже требование к господину собирать соприсяжников для освобождения своего раба от ответственности и весьма небольшая сумма штрафа (36 сол.) не могли заслонить собой того факта, что он мог и должен был самостоятельно возмещать своё правонарушение.

Ещё одним нововведением времени правления австразийского короля Дагоберта было включение рабов в систему возмещений за телесные повреждения. Несмотря на кажущуюся обыденность этого дополнения в тексте *Lex Ribvaria*, оно отражало кардинальное изменение положения рабов в Австразии на рубеже VI–VII вв. Ни в одной другой северогерманской или франкской правде VI–IX вв., ни в одном из законов англо-саксонских королей VII – начала XI в., ни в одном меровингском капитулярии нет никаких данных о выделении рабов в отдельную категорию, в отношении которых были предусмотрены особые, отличные от представителей прочих социальных статусов (знатных, свободных и полусвободных членов племени)

⁴⁶ В варварском обществе клятва соприсяжников была очень важным показателем социального статуса отдельного его представителя не только в качественном, но и в количественном отношении. Чем более высоким положением обладал индивид, тем больше требовалось ему соприсяжников для очищения себя от обвинения и тем более высокого ранга они должны были быть. Это особенно отчётливо проявляется в правдах северных германских племён (Тюрингской, Саксонской, Фризской), которые жили по соседству с рипуарскими франками. См. подробнее: *Waitz G. Das alte Recht der Salischen Franken. Kiel, 1846. S. 161 ff.*

штрафы. Причём такие штрафы взимались как в случае совершения правонарушения самим рабом, так и при телесных повреждениях, допущенных в отношении чужого раба свободным или несвободным рипуаром (в последнем случае штраф, видимо, следовал в пользу его господина).

Любое преступление, связанное с ограничением дееспособности, инвалидностью или даже смертью, дифференцировалось в Салической правде и северных правдах по шкале денежных возмещений только в отношении свободных; по сути, для северогерманских обществ включение человека в эту шкалу (наряду с возможностью собирать соприсяжников для оправдания в том или ином преступлении) являлась показателем его личной свободы, полной или ограниченной⁴⁷. Поскольку рабы рассматривались в правдах как часть движимого имущества, на них эта градация распространяться не могла; за преступления раба (в т.ч. против телесной неприкосновенности свободного) ответственность нёс его господин. За преступления против телесного здоровья чужого раба, совершённые свободным германцем, последний держал ответ перед его хозяином. Штраф в данном случае являлся лишь возмещением за причинение нетрудоспособности рабу и полностью отходил господину; никакой «каталогизации» степени нанесённых повреждений в отношении рабов ни англо-саксы, ни салические франки не знали. В этом отношении материал Рипуарской правды занимает уникальное место в системе северогерманских варварских правд раннего Средневековья.

Прежде всего, рипуарских франков интересовали такие нарушения, как нанесение побоев рабу без пролития крови⁴⁸ либо с появлением у

⁴⁷ В этом отношении правды, записанные в Северной Галлии, отличались, например, от южногерманских законов лангобардов, баваров и алеманнов, которые довольно подробно описывали денежные возмещения за телесные повреждения, причинённые различным категориям свободных и несвободных (альдиев и рабов).

⁴⁸ Ibid. 20 (19), 1–2: Si ingenuus servo ictu percusserit, ut sanguis non exeat, usque ternos colpos [B-3 – *quod nos dicimus bunislegi*] singulos solid. conponat; aut si negaverit, cum 6 iuret. Si homo ecclesiasticus aut regius hoc fecerit, tres solid. culpabilis iudicetur, aut cum 6 iuret («Если свободный ударит раба так, что кровь не пойдёт, вплоть до трёх ударов (что нами зовётся

потерпевшего кровоточащей раны⁴⁹, перелом рабу кости⁵⁰. Штрафы, налагаемые на другие категории рипуарских франков, предполагались также за лишение раба глаза, уха, носа, руки или ноги⁵¹, за кастрацию раба⁵².

Примечателен не только тот факт, что впервые в истории франкского законодательства VI–VIII вв. исследователи сталкиваются с включением рабов в систему наказаний за членовредительство, побои и пролитие крови, которая рассматривалась Салической правдой как атрибут свободы и полноправия⁵³. По сути, таким образом рабы (хотя и в ограниченном масштабе) также включались в систему судопроизводства и законодательства. В случае однозначного понимания раба как движимого

«синяк») уплачивается по 1 солиду; а если будет отпираться, пусть клянётся с 6 [соприсяжниками]. Если это совершит [зависимый от] церкви или короля человек, пусть будет присуждён к уплате 3 солидов, или клянётся с 6 [соприсяжниками]»; Ibid. 24 (23): *Quod si servus servo icto uno vel duos seu tribus percusserit, nihil est; sed tamen propter pacis studium tremisse conponat.*

⁴⁹ Ibid. 21 (20), 2: *Similiter si ingenuus aut regius vel ecclesiasticus homo servo hoc fecerit, quinto dimidio solido culpabilis iudicetur*; Ibid. 25 (24): *Si autem servus servo sanguinem effusionem fecerit, 3 dimidio solid. culpabilis iudicetur* («Если же раб причинит рабу кровотечение, пусть он будет присуждён к уплате 3 ½ солидов»).

⁵⁰ Ibid. 22 (21): *Quod si ingenuus aut regius vel ecclesiasticus homo servo osso fregerit, novem solid. culpabilis iudicetur, aut cum 6 iuret* («Пусть, если свободный, или [зависимый от] церкви или короля человек сломает рабу кость, будет присуждён к уплате 9 солидов, или пусть клянётся с 6 [соприсяжниками]»); Ibid. 26 (25): *Si ossum ei fregerit, 5 solid. culpabilis iudicetur* («Если он ему [т.е. раб рабу] сломает кость, пусть будет присуждён к уплате 5 солидов»). Практически все рукописи (в т.ч. А-4 и А-1), кроме трёх перечисленных Р. Бухнером в критическом издании Рипуарской правды, имеют приписку в титуле 22 более позднего времени по сравнению с редакциями А и В (возможно, IX в.): вместо «*aut cum 6 iuret*» в них написано «*aut dominus eius cum 6 iuret*». Для VII в. указание на зависимый статус свободного человека и на наличие у него господина было очевидным модернизмом. См. примечания Р. Бухнера к тексту: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle und R. Buchner. Hannover, 1954 (MGH. LL nat. Germ. 3,2). S. 83. Z. 16.*

⁵¹ L. Rib. 27 (26): *Quod si oculus, auriculam, nasum, manum, pedem excusserit, bis novemos solid. dominus eius culpabilis iudicetur* («Пусть, если [рабу] выбьют глаз, отрубят ухо, нос, руку, ногу, его господин будет присуждён к уплате 9 солидов дважды»).

⁵² Ibid. 28 (27): *Si autem eum castraverit, 36 solid. culpabilis iudicetur aut cum 6 iuret* («Если же его кастрируют, пусть [преступник] будет присуждён к уплате 36 солидов или клянётся с 6 [соприсяжниками]»).

⁵³ Например, к такому роду преступлений относилась кастрация. Сравнительная таблица преступлений против телесного здоровья рабов в законах лангобардов, Рипуарской и Баварской правдах была опубликована Л. Оливер: *Oliver L. The Body Legal in Barbarian Law. Toronto; Buffalo; London, 2011. P. 216–217. Table 8.5.* Описание посягательств на телесность свободных представлено в Рипуарской правде в первых шести титулах (L. Rib. 1–6); оно было более подробным, чем упомянутый список, касавшийся рабов, но ряд общих титулов для этих двух массивов всё же существовал.

имущества не могло бы существовать дифференциации между различными его органами и частями тела (по степени их важности для жизнедеятельности или по степени нанесения урона внешнему облику потерпевшего), которая имела место у свободных; раб в качестве движимого имущества принадлежал целиком и полностью своему господину, и его телесные повреждения рассматривались как нанесение ущерба имуществу и хозяйству его владельца.

Кроме того, рабы были включены в систему компенсаций и штрафов за причинение вреда здоровью свободным и несвободным представителям рипуарского общества. Так, за причинение рабом до трёх ударов рипуарскому франку, зависимому человеку короля или церкви⁵⁴ и в случае нанесения рабом раны, из которой вытекала кровь, третьему лицу⁵⁵, на него накладывались точно такие же штрафы, как и за аналогичные правонарушения против него самого. Предусматривались штрафы в отношении рабов, сломавших кость другим людям: свободным рипуарам, а также зависимым от короля и церкви земледельцам⁵⁶. Несмотря на отсутствие в рукописи А-4 последнего предложения из титула 23 (22), оно встречается во всех прочих рукописях, что указывает на синхронность фиксации казуса в отношении всех трёх перечисленных категорий⁵⁷.

⁵⁴ Ibid. 20 (19), 3: Quod si servus homini regio aut ecclesiastico vel franco hoc fecerit, per ternos ictos tres solid. conponat; aut si negaverit, dominus eius cum 6 iuret («Пусть, если раб сделает это [т.е. ударит] в отношении [зависимого от] короля или церкви человека, или франка [т.е. свободного], возмещает до трёх ударов три солида; а если будет отпираться, пусть его господин клянётся с 6 [соприсяжниками]»).

⁵⁵ Ibid. 21 (20), 1: Si servus ingenuum sanguinem effusionem aut regio vel ecclesiastico homini fecerit, quinto dimidio solido culpabilis iudicetur; aut si negaverit, dominus eius cum 6 iuret («Если раб причинит кровотечение свободному, или [зависимому от] короля или церкви человеку, пусть будет присуждён к уплате 5 ½ солидов, а если он будет отпираться, пусть его господин клянётся с 6 [соприсяжниками]»).

⁵⁶ Ibid. 23 (22): Quod si servus homini Franco aut Ribvario osso fregerit, dominus eius 36 solid. culpabilis iudicetur. Si autem regio aut ecclesiastico hoc fecerit, bis 9 solid. culpabilis iudicetur («Пусть, если раб ломает кость салическому или рипуарскому франку, его господин будет присуждён к уплате 36 солидов. А если [зависимому от] короля или церкви человеку, пусть [его господин] будет присуждён к уплате дважды по 9 солидов»).

⁵⁷ Очевидно, что термины Francus и Ribvarius рассматривались редактором VII в. в качестве эквивалентных понятий, обозначавших свободного человека.

Участие в судебном процессе рабов в том виде, как оно было представлено в *Lex Ribvaria*, не ограничивалось только требованием к ним возмещать стоимость собственных правонарушений. Так, рабы рипуарских франков, равно как и рабы меровингских капитуляриев VI в., имели ограниченное право участвовать в судебной процедуре жребия. Как и в случае с первым и четвёртым капитуляриями к *Pactus legis Salicae*, а также Декретом Хильдеберта, судьи могли обязать господина к выдаче раба на Божий суд (ордалию) под угрозой возмещения штрафа за невыполнение этого требования.

Судебная процедура в отношении вызова хозяина на судебное собрание, где разбиралось дело его раба, была в Рипуарской правде разработана подробнее, чем в правде Салической. Один из титулов (34) даже носил в некоторых списках название «*De servo repraesentando*»⁵⁸. Как и в меровингских капитуляриях VI в., отсутствие раба в распоряжении господина (например, в случае его бегства) не снимало с него ответственности за совершённое преступление. Различались только сроки, в течение которых необходимо было представить беглого раба на судебное заседание – от 14⁵⁹ до 40⁶⁰ дней. Помимо всего прочего, в случае бегства раба

⁵⁸ L. Rib. 32 (30,1): *Quod si quis in iudicio pro servo interpellatus fuerit, quod si servus talis non fuerit, unde dominus eius de fiducia securus esse possit, in iudicio respondeat ad interrogationes stab ei sine tangano loquere et dicat: "Ego ignoro utrum servus meus culpabilis an innocens ex hoc extederet. Propterea eum secundum legem Ribvariam super quatuordecim noctes ad igneum seu ad sortem represento". Et sic eius praesentia cum fistuca fidem faciat. Quod si servus in igneum manum miserit et lesam tulerit, dominus eius, sicut lex continet, furtum servi culpabilis iudicetur* («Пусть, если кто-то будет вызван в судебное собрание за [преступление своего] раба, и этого раба не будет [на суде], то его господин может в силу уверенности в том, что он надёжен, отвечать в суде по обвинениям, чтобы ему задавались вопросы без принуждения, и говорить: «Я не знаю, что из того случится: окажется ли мой раб виновен или невиновен; потому я по рипуарскому закону передаю его в течение 14 дней на [испытание] огнём или жребием». И пусть он даст обещание с жезлом [в руке]. Пусть, если раб протянет руку к огню и вынет повреждённой, его господин будет признан виновным в краже [вместо своего] раба, как говорит закон»). О значении слова *stab* и разночтениях в рукописях подробнее см.: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle...* S. 199.

⁵⁹ L. Rib. 33 (30,2 Anfang): *Quod si servus, quando dominus interpellatus, infra ducato fuga lapsus fuerit, super 14 noctes aut ipsum repraesentet aut pro eo faciat rationem* («Пусть, если раб, когда господин будет вызван, совершит побег по [его] недосмотру в пределах герцогства [рипуаров], на протяжении 14 дней тот либо представит его [на суд], либо вместо него отвечает по делу»).

от хозяина, который был согласен доставить его на суд (например, по дороге на заседание), отвечал за отсутствующего раба также его господин⁶¹.

Таким образом, в статусе раба перед судом со времени фиксации *Pactus legis Salicae* в начале VI в. и меровингских капитуляриев VI в. к моменту записи восточно-франкского права в начале VII в. изменилось немного. Рабы продолжали сохранять двойственную позицию в суде: с одной стороны, они могли участвовать в ордалии и вынесении жребия, с другой – ответственность в судебном заседании за отсутствующего раба продолжал нести его хозяин. Тем не менее, они явно были отделены в представлении кодификатора *Lex Ribvaria* от скота, в противном случае они не имели бы даже самых ограниченных судебных прав.

Также следует вспомнить о том, что на протяжении VI–VIII в. разные редакции *Pactus legis Salicae* специально обращали внимание на обретение рабами собственного «квазивергельда». В этом отношении ещё более показательны титулы 7–8 *Lex Ribvaria*, где напрямую сопоставлено убийство свободным человеком свободного франка и раба: в первом случае преступник возмещал традиционный для общества салических франков VI в.

⁶⁰ Ibid. 34 (30,2 Anm.): Si autem extra ducato fuga lapsus fuerit, super quadraginta noctes eum representare studeat aut ipse respondeat pro eo («Если же по недосмотру [раб] убежит за пределы герцогства, пусть [господин] попытается его представить [на суд], или сам отвечает за него»).

⁶¹ Ibid. 34a (30,2 Ende): Quod si postquam eum ad igneum placuerit, fuga lapsus fuerit, ad placitum veniens cum tribus testibus in haraho coniuret, quod servus ille, quem ad igneum repraesentare debuerat, extra eius voluntatem fuga lapsus sit, et sic dinuo placitus ei concedatur, ut super 14 seu super quadraginta noctes eum repraesentare studeat, aut ipse in rem respondeat («Чтобы [было так]: если после того, как его будет угодно [господину] передать на испытание огнём [т.е. на божий суд], [раб] по недосмотру бежит, пусть господин, явившись на судебное заседание, поклянется с 3 свидетелями на алтаре, что его раб, которого он был должен представить к испытанию огнём, бежал помимо его воли, чтобы попытаться в течение 14 или 40 дней его представить, или пусть сам отвечает по делу»). О возможных трактовках германского выражения *in haraho*, которое было непонятно уже многим переписчикам VIII–IX вв., см. глоссарий к критическому изданию Рипуарской правды: *Lex Ribvaria* / Hrsg. von F. Beyerle... S. 197. Мы принимаем упрощённый его перевод «на алтаре», имея в виду значительную роль христианской церкви у рипуаров уже в VI–VII вв.

вергельд (200 сол.), а во втором уплачивал 36 сол.⁶² В титуле 8 не конкретизируется, кому отходил штраф за убийство раба – его господину или родственникам⁶³. Последнее было также вполне вероятно, поскольку в двух главах напрямую сопоставлены два различных статуса, в отношении одного из которых (свободный рипуарский франк) механизм выплаты вергельда родственникам был хорошо известен. В отличие от рипуарского права, в *Rast. leg. Sal.* 10,3 говорилось только об убийстве рабов (без упоминания в том же титуле свободных); хотя штраф в этом случае был сходным по размеру (35 сол.), он был отражён только в редакциях С, К и S, т.е. возник никак не ранее середины VI в. Кроме того, в случае с текстами семьи С Салической правды речь в титуле 10 шла не только об убийстве, но и о краже чужих рабов; следовательно, для редактора этого текста имела значение в первую очередь защита господского движимого имущества, частью которого в праве салических франков являлся раб, от посягательств, но не возмещение убийства раба как такового.

Поэтому, на наш взгляд, Рипуарская правда подтверждает проявившуюся в меровингских капитуляриях VI в. тенденцию к превращению штрафа за убийство раба в некое подобие виры за убитого соплеменника, передаваемой родственникам последнего. Кроме того, есть ещё одно косвенное свидетельство в редакции В Рипуарской правды: здесь достаточно ощутимо изменялось количество привлекаемых свидетелей для доказательства невиновности свободного или раба. Если в наиболее древней редакции (А) пропорция соблюдалась в соотношении 2 : 1, то при переработке *Lex Ribvaria* в VIII – начале IX в. в некоторых рукописях она

⁶² *Ibid.* 7–8: Si quis hominem ingenuum Ribvarium interfecerit, 200 solid. culpabilis iudicetur; aut si negaverit, cum 12 iuret [B – VII, X]. Si quis servum interfecerit, 36 solid. culpabilis iudicetur; aut cum sex [A-12 – XI; B – V, VII, XIII] iuret quod hoc non fecisset.

⁶³ Например, можно предположить ситуацию, при которой раб происходил из ранее свободного рода и утратил свой статус (в случае закабаления или совершения преступления). В этом случае у него могли оставаться на воле родственники (англосаксонские законы знают такие примеры), которым и следовало возмещать штраф за убийство.

установилась на уровне 1 : 1, а иногда даже 1 : 2⁶⁴. И если последнее можно признать определённой флуктуацией и ошибкой копииста, то приближение пропорции к соотношению 1 : 1 сразу в нескольких рукописях (как семьи А, так и семьи В) достаточно чётко маркирует подъём статуса рипуарского раба в середине VIII – начале IX в.

Личная и поземельная зависимость в восточно-франкских землях VII–VIII вв. не ограничивалась только категорией рабства. Не менее важным и обширным слоем, находившимся в зависимости от крупнейших землевладельцев этого времени (в первую очередь – короля и церкви), являлся слой тех земельных держателей, которые в латинском оригинале обозначены как *homo regius aut ecclesiasticus*. Нередко в один ряд с ними кодификаторы Рипуарской правды ставили такую категорию, как *homo Romanus* – «римлянин». Некоторые особенности их правового статуса позволяют нам сравнить эти группы зависимого населения и говорить о них как о единой категории.

Первый и один из самых важных признаков родства *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*, а также подчинённого положения всех трёх категорий – это их отношение к процессу обращения в зависимость в случае вступления в брак с другими категориями (в т.ч. рабами и свободными). Так, достоверно известно то, что в случае женитьбы королевского или церковного человека, а также «римлянина», на свободной женщине следствием было обращение их общего потомства «в приниженное состояние»; наказание за женитьбу «римлянки», королевской или церковной вольноотпущенницы (*Romana vel regia seu tabularia*) на свободном мужчине предполагало обращение в рабство их детей⁶⁵. Это говорит о несвободном статусе и низком

⁶⁴ Подробнее см. в критическом издании: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle...* S. 77. Z. 29–37.

⁶⁵ *Ibid.* 61 (58), 10–11 (по рукописи А-4): *Similiter et tabularia vel regia aut Romana femina, si servum Ribvarium acciperit, non ipsa, sed generatio eius serviat. Si ecclesiasticus, Romanus vel regius homo ingenuam Ribvariam acciperit, aut si Romana vel regia seu tabularia ingenuum Ribvarium in matrimonium acciperit, generatio eorum semper ad inferiora declinentur.* Некоторые предположения относительно того, какие категории в этом ряду (в частности, *homo Romanus / Romana, homo regius / regia*) могли быть позднейшими дополнениями VII–

социальном положении королевских, церковных зависимых людей и «римлян» в области семейных отношений.

Вторым, не менее важным признаком родства категорий *homo regius* (в ряде случаев рядом с ним редактором *Lex Ribvaria* был поставлен *homo ecclesiasticus*, а в некоторых случаях последний, возможно, подразумевался) и *homo Romanus* является их совместное упоминание в титулах, касавшихся вызова на суд⁶⁶, в королевское войско или на королевскую службу⁶⁷, а также подтверждения клятвы⁶⁸ или наложения наказания за укрывательство объявленного вне закона человека⁶⁹. Помимо того, что все они были упомянуты в одном контексте, они также были приравнены друг к другу по своему социальному статусу.

VIII в., содержатся в статье: *Beyerle F. Das Gesetzbuch Ribvariens. Volksrechtliche Studien III // ZSSR. GA. 1935. Bd. 55. S. 38–39.* Многие из них были им пересмотрены в критическом издании *Lex Ribvaria* 1954 г.

⁶⁶ *Ibid.* 61 (58), 19.

⁶⁷ *L. Rib. 68 (65), 1–2: Si quis legibus in utilitatem regis sive in hoste seu in reliquam utilitatem bannitus fuerit et minime adimpleverit, si egritudo eum non detenuerit, sexaginta solidos multetur. Si autem Romanus aut regius seu ecclesiasticus homo hoc fecerit, unusquisque contra auctorem suum 30 solidos culpabilis iudicetur* («Если кто-то будет призван по закону на службу короля, или в войско, или на другую службу, и никоим образом [не будет стараться этого предписания] выполнить, если его не удержит необходимость, пусть будет оштрафован 60 солидов. Если же это совершит «римлянин», или [зависимый от] короля или церкви человек, пусть любой [из них] будет присуждён к уплате 30 солидов в пользу своего распорядителя [т.е. того человека, которому он обязан службой]»). Перевод предлога *contra* следует из словаря Я. Нирмейера (*Niermeier J.F. Mediae Latinitatis Lexicon minus: Lexique latin médiéval-français / anglais; A Medieval Latin-French / English dictionary.* Leiden, 1976. Fasc. I. P. 69); перевод Т. Риверса неверен, поскольку там перепутано наказание для зависимого человека (не он платит своему распорядителю, а распорядитель платит за него штраф). См. текст: *Laws of the Salian and Ribvarian Franks / Transl. by Th.J. Rivers.* N.Y., 1986. P. 201.

⁶⁸ *Ibid.* 69 (66), 1–2: *Si quis Ribvarius sacramento fidem fecerit, super 14 noctes sibi septimus seu duodecimus vel septuagesimus secundum cum legitimo termino noctium studeat coniurare. Si autem contentio orta fuerit, quod sacramentum in diem placiti non coniurasset, tunc cum tertia parte iuratores suis adfirmare studeat, aliquos a dextris et aliquos ad sinistris stantibus... Si autem regius, Romanus aut ecclesiasticus taliter egerit, cum legitimum numero similiter studeat implere, aut legitima solutionem restituat.*

⁶⁹ *Ibid.* 90 (87): *Si quis hominem, qui furbannitus est, in domo recipere praesumpserit, si Ribvarius est, 60 sol., si regius, Romanus vel ecclesiasticus, 30 sol. culpabilis iudicetur* («Если кто-то посмеет принять в доме человека, который будет объявлен вне закона, если он [т.е. хозяин дома] будет [свободным] рипуаром, пусть будет присуждён к уплате 60 солидов, а если [зависимым от] короля, «римлянином» или [зависимым от] церкви [человеком] – 30 сол.»).

Все перечисленные группы населения также имели вариант обозначения, при котором проводилось гендерное различие между ними (для мужчин применялся термин *homo* или *baro*, для женщин – *femina*; иногда такое разграничение отражалось только в чередовании окончания – *romanus / romana*, *regius / regia*, *ecclesiasticus / ecclesiastica*, а существительное *homo* при этом опускалось). Однако по умолчанию также подразумевалось и то, что под латинским термином, обозначенным как *homo*, могли скрываться лица обоего пола, поэтому половозрастное разграничение для зависимых от короля или церкви людей и «римлян» в тексте проводилось редко.

Кроме того, чтобы понять роль *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* в обществе рипуарских франков, помимо качественного анализа содержания Рипуарской правды необходимо упомянуть о количественном соотношении различных терминов личной зависимости в тексте. Если термин *servus* (в качестве общеродового понятия для прослойки рабов) встречался в памятнике в 25 различных титулах (чуть более четверти от их общего числа), то с *homo regius aut ecclesiasticus* исследователь сталкивается не намного реже. Так, *homo regius* появлялся в 14 титулах, *homo ecclesiasticus* – в 13. При этом все 13 титулов, в которых сказано о зависимых от церкви людях – это те же самые 13 титулов, которые трактуют положение королевских зависимых людей; таким образом, можно говорить о практически полном сходстве между двумя категориями и идентичности их социально-правового статуса с точки зрения составителей и редакторов Рипуарской правды⁷⁰.

Не столь однозначно обстоит дело с социальной категорией *homo Romanus*: о «римлянах» как об особом правовом статусе говорится только в 5 титулах. Примечательно то, что все перечисленные титулы содержат также информацию о *homo regius aut ecclesiasticus*. Таким образом, понятие «римлянин» зачастую выражает в праве Австразии VII в. не этническую

⁷⁰ *Mayer E.* Zur Entstehung der Lex Ribuariorum. Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. München, 1886. S. 131–132. О слое табуляриев, отпущенников церкви, и их статусе будет сказано в соответствующем параграфе.

категорию, а социальное положение, означающее неполноправие и факт зависимости от более богатого представителя галло-римского населения Среднего Рейна или крупного землевладельца – франка⁷¹.

Как уже упоминалось выше, в главе, посвящённой салическим франкам, ряд колонов и рабов, посаженных на землю римскими магнатами, оказались во владении церкви и королей германцев, а также других богатых и влиятельных германских завоевателей. Очевидно, именно по этой причине *Lex Ribvaria* во всех без исключения случаях говорит о «римлянине» как о равном по статусу *homo regius aut ecclesiasticus*: в данном источнике, если продолжить проводить параллели с Салической правдой, «римляне» выполняли роль посессоров и трибутариюв из области обитания салических франков⁷². Они не были равны по статусу свободнорожденным рипуарам, что видно хотя бы из половинной компенсации за жизнь «римлянина»⁷³. Однако, по сравнению с положением позднеримских колонов и посаженных на землю рабов, считавшихся практически бесправными, рост статуса *homo Romanus* вполне очевиден: несмотря на их попадание под покровительство, в личную и поземельную зависимость от завоевателей или их союзников из числа влиятельных галло-римлян, «римляне» приравнивались по своему статусу к *homo regius aut ecclesiasticus* и вслед за ними получали определённые (довольно ограниченные) права свободных рипуарских франков, о которых речь пойдёт ниже.

Большие споры вызывает социальное происхождение категории *homo regius aut ecclesiasticus*. Э. Майер уже в конце XIX в. выдвинул гипотезу о том, что в эта прослойка (не включая в неё «римлян») представляла собой либо королевских колонов (т.е. остававшихся в галло-римских виллах

⁷¹ Мнение Майера о том, что «римляне» представляли собой преимущественно церковных колонов (*Ibid.* S. 134–137), кажется сомнительным уже в силу того, что по своему статусу *homo Romanus* поставлен в один ряд с *homo regius*.

⁷² *Gaupp E.Th.* *Lex Francorum Chamavorum oder das vermeintliche Xantener Gaurecht.* Breslau, 1855. S. 47–50; *Mayer E.* *Op. cit.* S. 136. Трибутарии однократно упомянуты в титуле 65 (62), 1, но их вира соответствовала штрафу за лишение жизни раба (36 солидов). Поэтому они не могут выступать в роли аналога трибутариюв Салической правды.

⁷³ *L. Rib.* 40 (36), 3.

Среднего Рейна зависимых земледельцев) и королевских рабов–фискалинов (*fiscalini*), либо была аналогична северогерманским или салическим литам, либо же вольноотпущенникам, освобождённым по грамоте (*tabula*) и находившимся под мундом короля или церкви⁷⁴. Н.Д. Фюстель де Куланж предлагал включать в понятие *homo ecclesiasticus* вольноотпущенников–либертов как самой церкви, так и либертов светских землевладельцев, переданных под покровительство церкви сразу после освобождения в ней⁷⁵; а в категорию *homo regius* – отпущенников короля как частного лица (т.е. освобождённых не *per denarium* или *per cartam*), оставшихся под его властью на участках его имени⁷⁶. Д.М. Петрушевский полагал, что в состав прослойки *homo regius aut ecclesiasticus* вошли как церковные рабы (*servi ecclesiastici*) и королевские рабы–фискалины, так и «полусвободные, сидевшие на церковных землях [...] и королевских доменах»⁷⁷.

Очевидно то, что слишком широкое толкование социальной сущности категорий *homo regius aut ecclesiasticus* у Э. Майера и Н.Д. Фюстель де Куланжа легко можно подвергнуть критике. Так, Э. Майер писал о литах и вольноотпущенниках из северогерманского права как об одном из возможных «эквивалентов» термина *homo regius vel ecclesiasticus*. Действительно, лит, как нам удалось выяснить на основе анализа *Lex Salica* – это несвободный франк, над которым сохранялся мунд его бывшего владельца вкупе с имущественными и личными ограничениями его статуса.

Однако в титуле 65 (62) литы упоминались как отдельная правовая категория, которая обретает свои права в результате отпуска на волю рабов и

⁷⁴ *Mayer E. Op. cit. S. 85, 132–134.*

⁷⁵ *Homo ecclesiasticus*, согласно французскому учёному, явился прообразом подаренных тому или иному небесному покровителю (т.е. посвящённому его памяти монастырю) поземельно зависимых людей, которых мы обнаруживаем во многих полиптиках времени Каролингов, например, Полиптике аббатства Сен–Жермен де Прэ (*homo sancti Germani, homo sancti Martini*): *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. СПб., 1907. Т.4. Аллод и сельское поместье в меровингскую эпоху. С. 418–425.*

⁷⁶ Там же. С. 425–429. При этом статус *homo Romanus* Н.Д. Фюстель де Куланжем не был проанализирован.

⁷⁷ *Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003. С. 244–245.*

имеет достаточно низкий штраф за жизнь (36 сол.) – гораздо более низкий, чем у королевских и церковных людей⁷⁸. Неясно, для какой цели могло бы понадобиться законодателю указывать категорию литов отдельно, если бы они выступали основой для прослойки *homo regius aut ecclesiasticus*; тем более, в отношении литов нет даже намёка на их освобождение королём или церковной организацией.

То же самое относится к категории табуляриев, о которых информации в *Lex Ribvaria* гораздо больше, чем о литах или либертах⁷⁹. Даже если предположить наличие каролингских дополнений в тексте титула 61 (58) Рипуарской правды, странным является тот факт, что не произошло аннигиляции одной из двух категорий (либо *tabularius*, либо *homo ecclesiasticus*) в редакциях А и В. Почему редакторы не исключают «устаревшие» социальные градации из законодательства рипуарских франков на протяжении VII вв., а напротив, добавляют новые? Не означает ли это того, что слой *homo ecclesiasticus aut regius* состоял не только из вольноотпущенников, а значит, не мог быть приравнен к франкским либертам и табуляриям?

Безусловно, в VIII в. положение зависимого населения, сидевшего на землях церкви, менялось, и категории *homo ecclesiasticus* и *tabularius* значительно сблизились в своих правах; этот этап был отражён в источнике в результате редакторских добавлений, впрочем, не устранивших существовавшее в начале VII в. представление об их отдельном статусе.

Ещё одним из доказательств того, что *homo regius aut ecclesiasticus* не был равен по статусу церковному рабу (*servus ecclesiasticus*), является то, в титуле 61 (58) упоминается о возможности королевского или церковного зависимого человека отпустить на волю раба, сделав его табулярием. При этом он нёс за это судебную ответственность наряду со свободным рипуарским франком; хотя вместо 14 суток, которые требовались для

⁷⁸ L. Rib. 65 (62), 1: Si quis servum suum tributarium aut litum fecerit, si quis eum interfecerit, 36 solidos culpabilis iudicetur.

⁷⁹ Ibid. 61 (58), 2, 11–12, 19.

передачи свободным табулярия тому, от кого он его получил, в отношении *homo regius aut ecclesiasticus* был оговорён вдвое более короткий срок, сам факт выступления королевских или церковных людей в качестве одной из сторон сделки (по передаче, покупке или продаже раба, ставшего табулярием) отделял их от рабов, даже королевских, относительно которых у нас такие сведения отсутствуют⁸⁰. Кроме того, специально оговорён тот момент, что церковного раба нельзя было освободить и сделать либертом в отсутствие викария церкви, что ещё раз подчёркивает его крайне неравноправное положение в сравнении с *homo ecclesiasticus*⁸¹.

Автор настоящего исследования считает, что социальной базой данного слоя выступали несколько групп лично и поземельно зависимого населения Среднего Рейна. При этом их удельный вес в отношении друг друга сложно определить. Одной из таких групп были упомянутые представителями немецкой и французской исторической науки конца XIX в. вольноотпущенники, бывшие рабы (как королевские, так и церковные, в т.ч. и табулярии) и их потомство, не полностью освобождённые своими хозяевами и оставшиеся под их покровительством и мундебюрдом на землях фиска или церкви. Отдельную прослойку составляли пожалованные монастырям рабы крупных светских землевладельцев.

Однако не менее важной группой, вливавшейся в общий слой *homo ecclesiasticus aut regius*, являлись бывшие свободные франки, потерявшие

⁸⁰ Ibid. 61 (58), 8: Quod si quis tabularium ex alieno servo facere presumpserit, tunc ille, cuius servus est, super eum manum mittere debet. Et si tabularius est vel regius seu Romanus homo, qui hoc fecit, super septem noctes, si francus, super 14 de manu in manum ambulare debet, quamvis multas vendiciones ex illo factas fuissent, usque dum ad ea manu veniat, qui eum ingenuum dimisit, et tunc ex eo iudicius superius conpraehensus adimpleatur («Пусть, если кто-то посмеет сделать из чужого раба табулярия, тот, чей будет раб, будет должен возложить на него [т.е. раба] руку. И если тот, кто это совершит, будет [по статусу] табулярий, или [зависимый от] короля человек, или «римлянин», пусть в течение 7 дней (а если франк – то в течение 14) тот [табулярий] будет должен перейти из рук в руки, сколь бы много от того не было совершено актов передачи [табулярия], до тех пор, пока он не перейдёт под ту руку, которая отпустила его свободным, и тогда пусть будет исполнен вышеописанный суд»).

⁸¹ Ibid. 61 (58), 3: Nemo servum ecclesiasticum absque vicarium libertum facere presumat («Пусть никто не посмеет сделать либертом без викария церковного раба»).

свою свободу и имущественную самостоятельность в результате каких-то внешних обстоятельств. Этими обстоятельствами могли выступать: насильственное занятие и отторжение земли свободных непривилегированных рипуаров королём или высшими церковными чинами (с последующим обращением в зависимый статус сидевших на земле людей); пожалование королём или светским магнатом монастырю земельных массивов с сидящими на них свободными или зависимыми земледельцами⁸²; добровольная передача своей персоны или всей семьи (вместе с наследниками и недвижимым имуществом) монастырю или королю на условиях защиты, а нередко – предоставления пропитания и средств к существованию⁸³. Очевидно, именно таких людей Д.М. Петрушевский подразумевал под «полусвободными».

Таким образом, можно признать частичную правоту всех троих исследователей: королевские и церковные рабы в результате повышения своего правового статуса, а также постепенного закрепления прав на земельную собственность⁸⁴, стали одной из составляющих частей нового социального слоя в восточно-франкских землях VII–VIII вв., названного *homo regius aut ecclesiasticus*. Однако вторым элементом, составившим базис

⁸² Процесс попадания некогда полноправных свободных подданных короля в личную или поземельную зависимость очень хорошо прослеживается на материале англо-саксонских законов. В Уэссексе VII в. и объединённой Англии конца IX – начала XI вв. понятие «свободный человек» (*freoman, frigman*) уже зачастую было сопряжено с личной зависимостью, что говорит о начале перехода понятия «позитивная свобода» в новое качество – «свобода как противостояние рабскому, бесправному состоянию, но не как полноправие» (например: *Ine. 3,2; 11*). Такая трансформация была возможна как в результате королевских пожалований (известных как «бокленд») в пользу монастырей, дружинников и других крупных землевладельцев, так и при разорении представителей рипуарского и англо-саксонского общества и насильственном обращении их в зависимость от земельных магнатов.

⁸³ Этот способ социально-правового подчинения некогда свободных германцев в области Северной Галлии подробно был описан Н.Д. Фюстель де Куланжем: *Фюстель де Куланж Н.Д. Указ. соч. СПб., 1910. Т. 5. Начала феодального строя. С. 315–347, 355–363, 379–398*. Процесс подчинения богатым соплеменникам бывших свободных англо-саксов впервые был описан Дж. Кемблем: *Kemble J.M. The Saxons in England. A History of the English Commonwealth till the period of the Norman Conquest. London, 1849. Vol. I. 194–203*. Подробнее об этом процессе в отношении англо-саксов будет написано в главе III.

⁸⁴ Этот процесс был подробно описан в предыдущей главе на основе анализа мерovingских капитуляриев VI в.

данного слоя, явились бывшие свободные рипуары, попадавшие в личную или поземельную зависимость от короля и монастырей и лишавшиеся полноправия.

Этот слой, таким образом, стал продуктом не столько увеличения числа вольноотпущенников из числа королевских и церковных рабов, сколько «встречного движения» двух вновь возникавших слоёв восточно-франкского общества: обедневших свободных земледельцев (обозначаемых как *homo Ribvarius, francus Ribvarius* или *ingenuus*), попавших под власть и опеку крупных земельных магнатов⁸⁵, и бывших полностью бесправных рабов, получавших в результате юридической процедуры освобождения или фактического роста своего социального статуса ограниченные права. Процесс синтеза этих групп в Рипуарской правде VII в. только начал проявляться, не будучи отчётливо выражен; его окончательное завершение можно обнаружить в южногерманских (Алеманнской и Баварской) правдах, а также в источниках периода правления Каролингов (например, «Капитулярии о поместьях»).

Изучая социально-правовой статус упомянутых категорий, нетрудно убедиться в том, что высказывание Д.М. Петрушевского о «полусвободе» *homo regius aut ecclesiasticus* не лишено основания. Во многих отношениях ответственность за преступления против этого слоя была половинной по сравнению с аналогичными штрафами, предусмотренными за нарушение против свободных рипуарских франков. Так, вергельд за жизнь королевских и церковных зависимых людей равнялся половине вергельда за жизнь

⁸⁵ Такой путь попадания в зависимость к королю *homo regius* даёт L. Rib. 61,12: *Quod si quis hominem regium [большинство рукописей, кроме A-4 – aut tabulatum] tam baronem quam feminam de mundeburde regis abstulerit, sexaginta solidos culpabilis iudicetur* («Пусть, если кто-то уведёт из-под мундебурда короля его человека [или табулярия], как мужчину, так и женщину, пусть будет приговорён к уплате 60 солидов»). Поскольку табулярий не был королевским рабом и находился под покровительством церкви, эта категория была добавлена в редакцию А к тексту VII в. позднее, в VIII–IX вв. См., например, комментарий Ф. Байерле о добавлении в титул 61 (58),1 термина *tabularius*: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle... S. 160–161.*

свободного рипуара – 100 сол.⁸⁶ Очевидно, что разделение статуса *homo regius aut ecclesiasticus* было не более, чем редакторским приёмом; на это указывает полная идентичность санкций. Даже тот факт, что в титуле 10,1 на месте слов «100 sol. culpabilis iudicetur aut cum 12 iuret» первоначально было стёртое пространство, заполненное рукой другого писца, не может служить доказательством обратного⁸⁷ – далее все титулы предлагают написание этой категории только «в двуедином формате». Особенно это подчёркнуто чередованием соединительных союзов *aut* (в рукописи А-4, ставшей основой для издания Бухнера и Байерле) и *et* (в некоторых других рукописях); возможно, что в отношении категории *homo regius aut ecclesiasticus* речь идёт о т.н. «или соединительном», т.е. об тождественности двух категорий даже на грамматическом уровне. За те правонарушения, которые оценивались при их совершении свободным рипуаром в 15 сол. (в других рукописях – 12), *homo regius vel ecclesiasticus* должен был нести половинную по сравнению с *ingenuus Ribvarius* ответственность⁸⁸.

Очень интересен титул, в котором говорится о причинении вреда человеку, находившемуся на королевской службе (*qui in truste regia est*), и зависимым от короля или церкви людям. Сам по себе факт того, что две разных по своему социальному статусу категории ставятся рядом, не был бы столь показательным, если бы не прибавление в обоих случаях: «в случае, если им что-то сделают, пусть возмещение будет в тройном объёме, как и в

⁸⁶ Ibid. 7, 9 – 10,1: Si quis hominem ingenuum Ribvarium interfecerit, 200 solid. culpabilis iudicetur; aut si negaverit, cum 12 iuret [...] Si quis regium hominem interfecerit, 100 solid. culpabilis iudicetur aut cum 12 iuret. Si quis hominem ecclesiasticum interfecerit, 100 sol. culpabilis iudicetur aut cum 12 iuret.

⁸⁷ См. рукопись А-4: München. Clm. 4115*. F. 3v, ln. 28 – 4r, ln. 1.

⁸⁸ L. Rib. 10,2: Sic in reliqua conpositione, unde Ribvarius 15 solidos culpabilis iudicetur, regius aut [А-1, А-5–7, В-12 – *et*] ecclesiasticus homo medietate conponat, vel deinceps, quantumcumque culpa ascenderit («Так, пусть при прочих взысканиях, когда рипуар будет приговорён к уплате 15 солидов, [зависимый от] короля и / или церкви человек возмещает [свою вину] в половине, и так далее – сколько бы не составляла его вина»). Сумма в 12 сол., указанная в некоторых рукописях, является поздней опиской; см. об этом в комментарии Ф. Байерле: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle...* S. 138–139.

случае с другими рипуарами»⁸⁹. И если в отношении привилегированной категории свободных, находившихся *in truste regia*, сравнение со свободными полноправными рипуарами не являлось чем-то необычным, то для *homo regius aut ecclesiasticus* оно выглядело симптоматичным: эти слова вряд ли могли употребляться в отношении человека, который был на момент фиксации *Lex Ribvaria* королевским или церковным рабом или недавно был отпущен на волю. Эту логику подкрепляет, например, противопоставление *puer regius* и *ingenuus* в титуле *Lex Salica*, касавшемся убийства графа⁹⁰. Следовательно, данный пассаж лишь подтверждает наше предположение о том, что социальный базис королевских и церковных зависимых людей не в последнюю очередь состоял из бывших свободных рипуаров, попавших в зависимость в результате добровольной или вынужденной коммендации к крупнейшим землевладельцам.

Точно такое же сопоставление свободного рипуарского франка и людей короля или церкви имелось в разделе, посвящённом краже стада скота (*De sonesti*). И если свободный человек за это преступление должен был возмещать, помимо ущерба от кражи, штраф в 600 сол.⁹¹, то зависимый человек – только «половину возмещения франка»⁹². Крайне важен тот момент, что для своего оправдания в преступлении и свободный, и

⁸⁹ L. Rib. 11, 1; 3: Si quis eum interfecerit, qui in truste regia est, sexcentos solid. culpabilis iudicetur. Et quicquid ei fietur, similiter sicut de reliquo Ribvario in triplo conponatur [...] Si quis regio aut ecclesiastico homine de quacumque rem fortiam fecerit aut per vim tulerit, in triplo sicut reliquo Ribvario conponatur («Если кто-то убьёт того, кто будет на королевской службе, пусть он будет присуждён к уплате 600 солидов. И если что-то сделает ему, пусть возмещает в троекратном размере – точно так же, как и в отношении прочих рипуаров [...] Если же кто-то причинит насилие [зависимому от] короля или церкви человеку по какому-либо [судебному] делу или силой уведёт, пусть возмещает в троекратном размере – точно так же, как и в отношении прочих рипуаров»).

⁹⁰ Pact. leg. Sal. 54, 2–3. Перевод некоторых титулов представлен выше, в том отделе данного параграфа, который посвящён правовому статусу рипуарского раба, и потому не дублируется.

⁹¹ L. Rib. 19 (18), 1: Quod si ingenuus sonesti, id est duodecim equas cum amissario aut sex scrivas cum verre vel 12 vaccas cum tauro furaverit, sexcentos solid. culpabilis iudicetur et insuper capitale et dilatura restituat. Quod si multi ingenui fuerint, sicut in omnem texacam constituimus, unusquisque sexcentos solid. culp[abilis] iud[icetur] et insuper capitale et dilatura restituant; aut si negaverint, singuli cum 70 duobus iurent.

⁹² Ibid. 19 (18), 3. Si homo ecclesiasticus aut regius hoc fecerit, medietatem conpositionis francorum culpabiles iudicentur; aut si negaverint, cum 36 iurent.

зависимый должны были представлять соприсяжников (72 и 36 человек соответственно); в отличие от раба, за которого соприсяжников искал его хозяин, какой бы то ни было актер или судебный представитель в отношении *homo ecclesiasticus aut regius* не упоминался.

Единственное противоречие, которое можно встретить в тексте титула 19 (18), 3 – отсутствие указания на то, каким образом производилась «раскладка» штрафа на его сообщников (такое количество скота было практически невозможно увести в одиночку с чужого двора или выпаса). Такая «раскладка» существовала даже для сообщников похитителя, бывшего рабом по статусу⁹³. Однако здесь, как и в случае с некоторыми другими титулами, можно предполагать эллипс: «половинный» штраф касался не только самого злоумышленника, но и его сообщников, а его расчёт производился, исходя из деления пополам штрафов, предусмотренных для сообщников *homo Ribvarius* (подробно описаны в титуле 19 (18),1).

Помимо того, что *homo ecclesiasticus aut regius* полностью самостоятельно нёс ответственность за совершённую кражу, он также был представлен наравне со свободными рипуарами в том разделе *Lex Ribvaria*, который касался ответственности за телесные повреждения и нанесение увечий. Законодательство наказывало королевских и церковных людей за причинение телесных повреждений рабу абсолютно так же, как и свободных – 3 сол. штрафа, либо требовало от тех и других по 6 соприсяжников для доказательства их невиновности⁹⁴. Прямое сопоставление свободного франка и *homo regius aut ecclesiasticus* в *Lex Ribvaria* происходит при обсуждении

⁹³ Ibid. 19 (18), 2. Quod si servus hoc fecerit, 36 solid. culpabilis iudicetur, et insuper capitale et dilatura restituat. Et si multi servi fuerint, unusquisque pro semetipsum similiter faciat; aut si negaverint, domini eorum cum sex iurent.

⁹⁴ Ibid. 20 (19), 1–2: Si ingenuus servo ictu percusserit, ut sanguis non exeat, usque ternos colpos [B-3 – *quod nos dicimus bunislegi*] singulos solid. componat; aut si negaverit, cum 6 iuret. Si homo ecclesiasticus aut regius hoc fecerit, tres solid. culpabilis iudicetur, aut cum 6 iuret.

таких преступлений, как перелом кости у раба⁹⁵ и причинение тому ранения с истечением крови⁹⁶.

При этом здоровье зависимых людей зачастую охранялось законодателем от посягательств в той же мере, как и здоровье свободных рипуаров. Так, при нанесении той и другой категории по 3 удара рабом с последнего взимался штраф в 3 сол.⁹⁷ Равным образом, свободный и зависимый от короля или церкви человек оценивались Рипуарской правдой одинаково, если им наносили ранение, из которого текла кровь⁹⁸.

Вместе с тем, свободные и люди короля или церкви различались по величине возмещения за некоторые телесные повреждения. Так, перелом кости рабом, причинённый свободному, «стоил» в 2 раза больше, чем аналогичная травма *homo regius aut ecclesiasticus*⁹⁹.

На основе имеющихся данных об охране телесного здоровья последней категории (очевидно, неполных по сравнению с описанием телесных повреждений рабов и свободных рипуаров)¹⁰⁰ можно сделать некоторые выводы о ценности её жизни, а значит – и о социальном статусе королевских и церковных людей. Достаточно отчётливо перед нами выступает тот факт, что они стояли на социальной лестнице Австрийского королевства относительно высоко, ни в коей мере не смешиваясь с рабами. Это видно по сумме штрафов, которые взимались за нарушения против их телесного здоровья: в двух случаях они были абсолютно идентичны, а в одном (титул 23 (22)) штраф, полагавшийся в пользу *homo regius aut ecclesiasticus*,

⁹⁵ Ibid. 22 (21): Quod si ingenuus aut regius vel ecclesiasticus homo servo osso fregerit, novem solid. culpabilis iudicetur, aut cum 6 iuret.

⁹⁶ Ibid. 21 (20), 2: Similiter si ingenuus aut regius vel ecclesiasticus homo servo hoc fecerit, quinto dimidio solido culpabilis iudicetur.

⁹⁷ Ibid. 20 (19), 3: Quod si servus homini regio aut ecclesiastico vel franco hoc fecerit, per ternos ictos tres solid. conponat; aut si negaverit, dominus eius cum 6 iuret.

⁹⁸ Ibid. 21 (20), 1: Si servus ingenuum sanguinem effusionem aut regio vel ecclesiastico homini fecerit, quinto dimidio solido culpabilis iudicetur; aut si negaverit, dominus eius cum 6 iuret.

⁹⁹ Ibid. 23 (22): Quod si servus homini Franco aut Ribvario osso fregerit, dominus eius 36 solid. culpabilis iudicetur. Si autem regio aut ecclesiastico hoc fecerit, bis 9 solid. culpabilis iudicetur.

¹⁰⁰ Например, у нас нет никаких сведений о том, какие штрафы полагались за лишение *homo regius aut ecclesiasticus* глаза, уха, носа, руки или ноги, а также за его кастрацию. Это совершенно не означало того, что подобные преступления против них не совершались.

составлял половину от возмещения в пользу homo Ribvarius. Во всех случаях совершения преступлений против рабов свободные и лично зависимые люди были поставлены рядом; от них при этом полагалось одинаковое возмещение.

Ни в одном из известных случаев возмещение, взимаемое за преступление против зависимого от короля или церкви человека (как и в случаях совершения им самим покушения на здоровье раба), не исчислялось от величины штрафа, положенного за преступление раба. Напротив, оно всегда высчитывалось исходя из штрафа за нарушение, совершённое против свободного (или самим свободным против раба), составляя либо одинаковую с ним величину, либо его половину.

К сожалению, имея обстоятельный блок титулов, посвящённый преступлениям свободных рипуаров и связанный с причинением ими различных увечий друг другу¹⁰¹, Рипуарская правда совершенно не касается подобного рода нарушений, допущенных свободными рипуарами по отношению к королевским или церковным зависимым людям и наоборот. Остаётся загадкой, с чем это было связано – с простой невнимательностью редактора и переписчиков либо с сознательным умолчанием.

Ещё более разрыв в статусе раба и homo regius aut ecclesiasticus показан в титуле, посвящённом краже свободной женщины. Здесь по отношению к зависимым рипуарам применён уже описанный выше приём – деление пололам штрафа, предусмотренного для свободного человека, тогда как для раба единственным возможным наказанием являлась казнь¹⁰².

Помимо включения категории homo regius aut ecclesiasticus в те титулы, которые касались исчисления штрафов за различные преступления против

¹⁰¹ См. подробнее: Ibid. 1–6.

¹⁰² Ibid. 38, 1–3 (34, 1–4): Si quis ingenuus ingenuam rapuerit, bis centenos solid. noxius iudicetur. Quod si tres ingenui cum ipso fuerint, unusquisque eorum bis trigenos solid. noxii iudicetur. Et quanti super illos quattuor fuerint, unusquisque eorum ter quinos solid. noxius iudicetur. Quod si regius aut ecclesiasticus homo hoc fecerit, bis quinquagenos solid. culpabilis iudicetur. Similiter illi tres, qui ei auxiliaverint, unusquisque trigenos solid. culpabilis iudicetur. Et quanti super hoc fuerint, unusquisque octavo semisolido multetur. Quod si servus hoc fecerit, de vita conponat.

здоровья и свободы основных социальных групп рипуарского общества, достаточно большой пласт информации о ней находится в титуле 61 (58), касающемся судопроизводства, порядка ведения судебных процедур и пресечения браков между людьми короля и церкви и прочими категориями. Несмотря на то, что в основном тексте титула представлен 21 раздел, а сам его текст – один из самых протяжённых в *Lex Ribvaria*, его содержание далеко выходит за пределы своего относительно позднего названия (*De tabulariis*)¹⁰³. Исследователи неоднократно говорили о том, что в этом титуле соединились несколько хронологических и тематических пластов, как минимум – два: а) VI – начала VII в. («меровингский», принятый при активном участии короля Австразии Дагоберта); б) VIII – начала IX в. («каролингский», окончательно утверждённый и кодифицированный Карлом Великим на Ахенском соборе или другом законодательном собрании)¹⁰⁴.

В первую очередь, необходимо подчеркнуть тот момент, что в судебном отношении ни «римляне», ни королевские и церковные люди не были равны свободным рипуарам. Три перечисленные категории, как полагал Э. Майер, должны были отвечать перед особым судом, который отличался от сотенных собраний и суда королевских агентов, обязательного для рядовых германцев¹⁰⁵. Для зависимых от крупных землевладельцев представителей австразийского общества VI–VII вв. были предусмотрены сокращённые сроки принесения клятвы и меньшая ответственность за некоторые нарушения законодательства (например, уклонение от службы, принятие чужого зависимого человека) по сравнению со свободными рипуарами.

Тем не менее, сам факт того, что *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* были упомянуты в ряду тех, кто мог выступать в суде в качестве истца, ответчика или свидетеля, а также мог самостоятельно выплачивать

¹⁰³ Табулярии (мужского и женского пола) как основной объект интереса редактора Рипуарской правды присутствуют в 11 параграфах.

¹⁰⁴ См., например: *Beyerle F. Op. cit. S. 33–39.*

¹⁰⁵ *Mayer E. Op. cit. S. 164.*

штрафы за свои правонарушения (без участия хозяина как посредника), однозначно отделяет судебный статус этих категорий от статуса раба. Раб (за редким исключением) не мог нести ответственности за совершённые преступления¹⁰⁶: его интересы в суде представлял господин, он же нес обязательства по оплате штрафов и доставке самого провинившегося на судебное заседание. В отношении королевских и церковных зависимых людей, а также «римлян», напротив, участие в судебном разбирательстве их господ (а точнее – представителей этих господ, *actores* в тексте Рипуарской правды) ни разу не зафиксировано.

Так, судебная ответственность *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* предполагала их участие в процессе в качестве ответчика. Это выражалось в том, что их запрещалось насильно водворять в судебное присутствие, а также выдвигать против них обвинения «на алтаре» (т.е. в церкви, в присутствии священнослужителей)¹⁰⁷. Кроме этого, *homo ecclesiasticus*, *homo regius* и *homo Romanus* упомянуты в ряду тех участников судебного заседания, которые имели право на принесение церковной клятвы¹⁰⁸. Причём в последнем случае две категории зависимых людей

¹⁰⁶ По сути, только в L. Rib. 19 (18), 2–3 напрямую заявлено то, что рабы несли ответственность за кражу скота *pro semetipsum*; во всех прочих случаях в случае преступления, совершённого рабом, ответственность за него прямо или косвенно возлагалась на его господина.

¹⁰⁷ Ibid. 61 (58), 19: *Nos autem constituimus, ut nullus hominem regium, Romanum vel tabularium interpellatum in iudicio non tanganet nec alsaccia requirat. Et sic, ut in presente legitime mallatus fuerit, ei verba commemoret et non ei sicut Ribvario ad altario verba commemorentur* («Также мы постановили и то, чтобы никто не принуждал [к суду] и не требовал полного возмещения [издержек] от вызванного в суд [зависимого от] короля человека, «римлянина» или табулярия. Итак, пусть он будет вызван в судебное присутствие незамедлительно и по закону, и пусть он произносит свою [защитительную] речь, а ему не будет рипуаром заявлено [с клятвой] на алтаре тем же образом возражения»). Это – один из самых сложных пассажей для перевода на протяжении всей Рипуарской правды. Мы полагаем, что ближе всех к правильному варианту, избегая буквально перевода слова *commemoro*, подобрался Т. Дж. Риверс: *Laws of the Salian and Ribvarian Franks*. P. 198. Некоторые значения глагола *commemoro* и существительного *commemoratio* можно найти в словаре Я. Нирмейера: *Niermeier J.F. Op. cit.* P. 211.

¹⁰⁸ L. Rib. 69 (66), 1–2: *Si quis Ribvarius sacramento fidem fecerit, super 14 noctes sibi septimus seu duodecimus vel septuagesimus secundum cum legitimo termino noctium studeat coniurare. Si autem contentio orta fuerit, quod sacramentum in diem placiti non coniurasset, tunc cum tertia parte iuratores suis adfirmare studeat, aliquos a dextris et aliquos ad sinistris stantibus. Sin autem nec sic satisfecerit, tunc secundum in praesentia iudicis vel secundum terminationem,*

упомянуты в одном титуле со свободным человеком, дававшим церковную клятву не только с соприсяжниками, но и (в случае сомнения в правдивости его слов) с оружием в руках.

К сожалению, здесь источник вновь заставляет исследователя вступить на путь предположений. Во-первых, не до конца ясно, можно ли в титуле 61 (58), 19 видеть эллипс и приписывать редактору пропуск в числе упомянутых социальных категорий (*homo regius*, *homo Romanus*, *tabularius*) термина *homo ecclesiasticus*. Такой ход его мысли можно было бы предположить хотя бы исходя из того, что в большинстве прочих параграфов титула 61 королевские и церковные люди упомянуты в одних и тех же казусах; та же ситуация – и в титуле 69, который касался судебных прав и ответственности зависимого населения рипуарских франков.

Во-вторых, нет полной ясности в том, какова была процедура принесения клятвы этими зависимыми категориями и какова была их ответственность в случае, если их слова были оспорены в суде истцом. В титуле 69 (66) очень подробно описаны эти моменты, но только в отношении свободного человека. В отношении человека зависимого были использованы латинские выражения, которые, с одной стороны, могли быть интерпретированы как отражение его одинаковой со свободным человеком ответственности перед судом (*taliter egerit*; *cum legitimum numero similiter studeat implere*), а с другой стороны, входили в противоречие с некоторыми

sextam iuratorum suorum, cum dextera armata tam priore quam posteriore sacramentum in praesentia iudicis confirmare studeat. Si autem regius, Romanus aut ecclesiasticus taliter egerit, cum legitimum numero similiter studeat implere, aut legitima solutionem restituat («Если какой-то [свободный] рипуарский франк будет приносить клятву, пусть в течение 14 дней позаботится [о том, чтобы] поклясться в обозначенное законом количество дней сам с семьей, или с 12, или с 72 [соприсяжниками]. Если же возникнет возражение о том, что клятва не была произнесена в день судебного заседания, тогда пусть он постарается подтвердить [факт клятвы] с третьей частью своих соприсяжников, стоящих справа и слева [от него]. Но если и так он не удовлетворит [заявителя], пусть тогда попытается подтвердить клятву в присутствии судьи или в должные сроки с шестью своими соприсяжниками и с оружием в [их] правых руках. Если же [зависимый от] короля [человек], «римлянин» или [зависимый от] церкви [человек] сделает таким образом, пусть он постарается с необходимым по закону числом [соприсяжников] выполнить точно так же [свое очищение], или пусть возмещает положенный по закону штраф»).

другими сведениями *Lex Ribvaria* о судебной процедуре в отношении королевских и церковных людей.

Так, в *L. Rib. 61 (58), 1* был отчётливо проявлен тот момент, что *homo regius* давал на алтаре церкви клятву, которую по закону не мог оспорить свободный человек. Следовательно, титул *69 (66), 1* с упоминанием о возможности оспорить клятву не одного, а сразу нескольких двух категорий населения – *homo regius* и *homo ecclesiasticus*, в данном контексте теряет смысл: тогда даже в случае принесения церковной присяги свободным рипуаром его слова не имели бы приоритета перед словами королевского зависимого человека.

Можно ли в последнем титуле видеть прямое проявление королевского покровительства в отношении *homo regius*, а возможно – изъятие последнего из общей системы судопроизводства и его передачу на суд особым должностным лицам (например, управляющим или судьям королевских поместий VII–VIII вв.)? Такое предположение, в целом, может быть подкреплено не только текстом самой Рипуарской правды, но и англосаксонских законов Инэ конца VII в., где в числе ближайших слуг крупного землевладельца–дружинника (гезита) был упомянут герефа – управляющий поместья, который имел финансовую и судебную власть над подвластным населением. Кроме того, в тексте Рипуарской правды подчёркивалось выделение судебных исков против *homo ecclesiasticus* в особое производство и их передача на суд епископа; за нарушение юрисдикции епископа был предусмотрен штраф¹⁰⁹. Хотя привилегии, предоставляемые в области судопроизводства церкви и королевским должностным лицам, были

¹⁰⁹ *Ibid.* 61 (58), 2: *Quod si quis tabularium seu ecclesiasticum homine[m] contra episcopum defensare voluerit, 60 solid. culpabilis iudicetur, et insuper hominem cum omnibus rebus suis ecclesiae restituat. Quia inlicitus esse dicimus, quod dudum ecclesiis concessimus, iterum ab ecclesiis revocare* («Пусть, если кто-то захочет защищать помимо [воли и суда] епископа табулярия или [зависимого от] церкви человека, пусть будет присуждён к уплате 60 солидов, и сверх того – пусть возвратит человека церкви со всем его имуществом, поскольку мы заявляем, что непозволительно то, что мы ранее даровали церквям, истребовать у церкви обратно»).

отмечены ещё Э. Майером¹¹⁰, они не представляли собой полного иммунитета в отношении провинившихся *homo regius aut ecclesiasticus*: они продолжали нести ответственность не только перед епископскими или графскими судами, но и перед сотенными судами, где были представлены полноправные рипуарские франки.

Так, помимо принесения присяги перед алтарём зависимым от короля или церкви человеком в своей невиновности в случае обращения в графский или церковный суд свободного человека, *Lex Ribvaria* рассматривала возможность подачи иска одним зависимым человеком против другого¹¹¹. Ключевым в трактовке титула 61 (58), 21 видится вопрос о том, к кому отнести выражение «*ei faciat*» – к *Ribvarius* или *homo regius*. Если принять во внимание первый вариант, то остаётся открытым вопрос: с какой целью титул начинается с установления правоотношений зависимых людей?

В Рипуарской правде есть и другие титулы, касавшиеся клятвы в суде свободного франка¹¹². Следовательно, в отношении категории *ingenuus* (*Ribvarius*) условия принесения церковной присяги были оговорены достаточно подробно, и вряд ли в *L. Rib. 61 (58), 21* редактору, составлявшему в начале VII в. свод австразийского права, требовалось повторять уже известную процедуру ещё раз. В дополнение ко всему сказанному, текст титула 51 (50) о клятве свободных вместе со свидетелями опирался на более ранний текст *Pactus legis Salicae* (такого родства не обнаруживается в титуле 61 (58), 21)¹¹³, поэтому он мог быть достаточно

¹¹⁰ *Mayer E. Op. cit. S. 164–167.* Свои наблюдения Э. Майер подтверждал не только на основе текста *Lex Ribvaria*, но также при помощи юридических формул VII–VIII вв.

¹¹¹ *L. Rib. 61 (58), 21: Si autem homo regius homini regio vel ecclesiastico sacramento fide fecerit, super septem noctes coniuret. Si autem Ribvario, super 14 noctes. Similiter et Ribvarius ei faciat* («Если [зависимый от] короля человек даёт церковную присягу [зависимому от] короля или церкви человеку, пусть он клянётся в 7 дней. Если же [он даёт клятву свободному] рипуару – то в 14 дней. Пусть в его отношении точно так же поступает и [свободный] рипуар»).

¹¹² См. выражение *fidem faciat* в титулах: *Ibid. 32 (30), 1; 37 (33), 1–4; 51 (50), 1.*

¹¹³ См. текстологические комментарии в издании: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle... S. 102. Z. 20–31.*

ранним и относиться к середине или второй половине VI в., но никак не ко времени позднее начала VII в.

Автор исследования склонен полагать, что выражение «*ei faciat*» относилось именно к зависимому от короля человеку. Таким образом, получалось, что законодатель предполагал возможность подачи иска человеком, принадлежащим к статусу *homo regius aut ecclesiasticus*, против другого такого же *homo regius*, а также свободным рипуаром против него же. В этом случае *homo regius* должен был отвечать путём принесения судебной клятвы обоим (в течение 7 и 14 дней соответственно). Примечательно и то, что таков же был порядок судебного разбирательства в случае, если свободный рипуар приносил церковную клятву по обвинению, выдвинутому *homo regius* (очевидно, в срок 14 дней).

Из трёх вышеперечисленных вариантов развития ситуации следует то, что при обвинении *homo regius aut ecclesiasticus* равным или более высоким по статусу человеком он отвечал на него персонально, посредством принесения судебной клятвы, как рядовой свободный. Однако в таком случае возникает вопрос: в каком суде шло разбирательство? В сотенном суде, или в суде должностных лиц короля или церкви? Однозначного ответа на него Рипуарская правда не содержит; можно лишь выдвигать предположения на основе анализа текста других титулов.

В этом отношении очень полезен титул 51 (50), 1, где сказано о различных видах судов, в которые могли обращаться свободные рипуары в поисках справедливости и где они могли приносить клятву в собственной невиновности¹¹⁴. В числе прочих здесь были упомянуты и местный суд сотни, и суд королевских агентов, и суд верховного правителя Австразии;

¹¹⁴ L. Rib. 51 (50), 1: Si quis testes ad mallo ante centenario vel comite, seu ante duci, patricio vel rege necesse habuerit, ut donent testimonium, et fortasse testes noluerint ad placitum venire, ille, qui eos necessarium habet, manire illos debet, ut testimonium, quod sciunt, iurati dicant («Если кто-то должен будет [пригласить] свидетелей на судебное заседание перед сотником или графом, или перед герцогом, патрицием или королём, чтобы они дали клятву, и, возможно, свидетели не пожелают прийти на заседание, тот, кому нужно их [призвать], должен их пригласить, чтобы они под клятвой показали то, что им известно»).

церковный (епископский) суд не был упомянут. Следовательно, суд короля и его должностных лиц в VII в. ещё не рассматривался в качестве «привилегии», как провозвестник судебных иммунитетов крупных северогалльских поместий VIII–IX вв. Это значит, что в *homo regius aut ecclesiasticus* ещё рано видеть предшественников лично и поземельно зависимого серва или колона IX–XI вв., который был в судебном и правовом отношении как бы «продолжением» своего земельного участка, на котором он сидел. Представители этих категорий, которые вели хозяйство на землях духовных или светских крупных землевладельцев в развитом Средневековье, не обладали правом самостоятельно выступать в суде (помимо воли своего господина); кроме того, в силу судебного иммунитета крупнейших земельных магнатов для них был заказан путь к обращению с иной суд, кроме суда своего сеньора.

Напротив, *homo regius aut ecclesiasticus* в упомянутом титуле могли выступать в суде в качестве истцов, ответчиков и свидетелей самостоятельно, без прямого посредничества своего господина (которое было необходимо для раба)¹¹⁵. То, что *homo regius* или *homo ecclesiasticus* мог обвинить или призвать к ответу другого *homo regius*, только подчёркивает момент их самостоятельности: принесение клятвы могло происходить, по-видимому, не только во владениях одного из их господ, но и «на нейтральной территории». В качестве такого места вполне можно рассматривать сотенные или судебные местные собрания (известные в *Lex Salica* и *Lex Ribvaria* как *placitum*), поскольку в числе персон, которые могли быть призваны к ответу церковными или королевскими людьми, упоминаются свободные. Необходимость обращения к местному суду за пределами суда своего поместья могла возникать в случае, если два рипуарских раба или зависимых человека одного господина (например, короля или епископа) представляли

¹¹⁵ Этот тезис не означает того, что зависимые от короля или церкви люди не могли ни в коем случае прибегать к помощи своих господ; однако факты самостоятельного сбора ими свидетелей, принесения клятвы, выплаты штрафа неоспоримы.

два удалённых друг от друга поместья¹¹⁶. В этом случае апелляция не к суду своего поместья, а, скажем, к графскому или герцогскому суду была бы вполне оправданной.

Свободные также могли потребовать очистительной клятвы от *homo regius aut ecclesiasticus*. Нельзя совершенно исключить того, что местом принесения подобной клятвы в начале VII в. всё ещё оставался *placitum*; хотя в отношении *homo ecclesiasticus* уже действовал запрет по изъятию его из юрисдикции епископского суда, из текста Рипуарской правды становится ясным то, что он далеко не всегда соблюдался. Кроме того, согласно эдикту Хлотаря II, был предусмотрен совместный суд для простых свободных – «юридических персон» (*persona publica*), и «людей церкви» (*homo ecclesiae*)¹¹⁷. К сожалению, для нас не полностью доступен тот фрагмент текста, в котором говорилось о необходимости агентов церкви или светских земельных магнатов представлять перед светским судом зависимых от них людей (утрачено его окончание с санкцией за сокрытие *homo ecclesiarum aut potentum*); однако сама постановка проблемы говорит о том, что в отдельных случаях «делопроизводство» в сотенных судах в отношении людей, зависимых от духовных и светских землевладельцев (в т.ч. короля), было уже невозможно¹¹⁸.

¹¹⁶ Такие примеры известны из Эдикта Хлотаря II, провозглашённого 18 октября 614 г.: Ed. Chloth. 19 (*Episcopi vero vel potentes, qui in alias possedent regionis...*). Ср.: Cap. II. 88.

¹¹⁷ Ibid. 5: *Quod si causa inter personam publicam et hominibus ecclesiae steterit, pariter ab utraque partem praepositi ecclesiarum et iudex publicus in audientia publica positi eos debeant iudicare* («Если возникнет [судебный] спор между персоной публичного права [т.е. свободным] и [зависимыми от] церкви людьми, пусть от обеих сторон будут поставлены те, кто должен их судить – церковные представители и судья по мирским делам в публичном присутствии»).

¹¹⁸ Ibid. 15: *Si homines ecclesiarum aut potentum de causis criminalibus fuerint accusati, [agentes] eorum ab agentibus publicis requisiti si ipsos in audientia pu[blica] [...] foris domus ipsorum ad iustitiam reddenda praesentare noluerint, et distringantur, quatenus eosdem debeant praesentare* («Если [зависимые от] церковей или сильных людей будут обвинены по уголовному делу, пусть будут истребованы представителями светского суда у своих агентов [церкви или земельного магната], если тех в публичном заседании... за пределы их поместья не захотят предоставлять к суду, который необходимо [им] воздать, и пусть увеличивается [срок?], когда их должны представить [перед светским судом]»).

Таким образом, в начале VII в. (а точнее – к моменту предполагаемой кодификации королём Австразии Дагобертом *Lex Ribvaria* в 630-х гг.) слой неполноправного населения в землях рипуаров был достаточно сложным. В него были включены как «рабы высшей категории» – *servi (ancillae) regis, feminae regiae aut ecclesiasticae*, так и рабы более низкого статуса, соответствовавшие общеродовому понятию *servi* в Салической правде начала VI в.; а также в рамках этого слоя всё более отчётливо выделялась и обособлялась категория зависимых от короля, церкви и некоторых крупных землевладельцев лиц, названная *homo regius aut ecclesiasticus, homo Romanus*. Ни одна из этих категорий не была описана столь же детальным образом, как рабы в *Pactus legis Salicae*. Но если сведения о «рабах высшей категории» в Рипуарской правде совсем фрагментарны, и какие-то конкретные выводы об их социальном статусе можно сделать лишь на основе сравнения текстов *Lex Ribvaria, Pactus legis Salicae* и меровингских капитуляриев VI в., то о «непривилигированных» рабах, обозначенных общеродовым понятием *servus*, сведений в австразийском праве VII в. достаточно.

Так, уверенно можно говорить о том, что в процессе эволюции института рабства в Северной Галлии VI – начала VII в. были сформированы общие тенденции, отразившиеся в *Lex Ribvaria*. Главная из них – это тенденция к медленному, постепенному повышению социального, правового и судебного статуса рипуарских рабов. Она нашла своё отражение хотя бы в том, что раб Рипуарской правды, продолжая оставаться частью господского имущества и хозяйства, уже не был приравнен к скоту, что было характерно для редакций *Pactus legis Salicae* первой половины или середины VI в.

Многие черты рипуарского рабства возвышают его над институтом рабства салических франков начала VI в. и сближают, таким образом, с институтом рабства в меровингских капитуляриях. Речь идёт об ограниченной судебной ответственности рабов в *Lex Ribvaria*: хотя господин продолжал нести ответственность за их доставку на судебное заседание и выплачивать многие штрафы и возмещения за нарушения, допущенные

собственными рабами, они должны были искупать вину «за самих себя» (*pro semetipsum*) в случае совершения серьёзных преступлений, таких как кража целого стада скота и, возможно, нанесение телесных повреждений представителям других социальных категорий.

Характерной чертой подъёма социально-правового статуса раба также являлось его включение, наряду со свободным и *homo regius aut ecclesiasticus*, в систему возмещений за телесные повреждения, чего не наблюдалось даже в меровингских капитуляриях VI в. Дифференциация отдельных органов и частей тела раба по их стоимости резко отделяла его от состояния простого движимого имущества, подобного скоту или инвентарю господина, и означала закрепление за ним статуса «персоны ограниченного права».

Ещё более отличает текст Рипуарской правды начала VII в. от текста *Pactus legis Salicae* наличие в нём таких категорий лично и поземельно зависимых людей, как *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*. Это были очень синкретичные в социальном отношении статусы, вобравшие в себя представителей как бывших рабов и вольноотпущенников крупнейших австразийских землевладельцев (в первую очередь – короля и церкви), так и бывших свободных рипуарских франков, вынужденных вступить в результате потери своего полноправия под королевское или церковное покровительство.

По своему социальному и правовому статусу *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* стояли гораздо выше обычных рабов и приближались к положению салических и северогерманских литов. Это выражалось в том, что вергельд за их убийство и другие штрафы, полагавшиеся за преступления против них, обычно составляли половину от суммы возмещения за аналогичный проступок в отношении свободного человека. В некоторых же случаях компенсация за причинение телесного ущерба свободному человеку, людям короля и церкви или «римлянину» вообще не отличались.

Кроме того, некоторые данные об их участии в судопроизводстве сближают их со свободными германцами. Так, они могли самостоятельно представлять свои интересы в суде в качестве свидетелей, истцов и ответчиков, а также без участия своего господина или его представителя оплачивать штрафы и взыскания. С другой стороны, развитие крупного землевладения в меровингских королевствах середины VII – начала VIII в. приводило также к постепенному появлению частного судопроизводства, что выражалось в отдельных случаях уже в тексте *Lex Ribvaria* (возможно, добавленном после правления Дагоберта, в начале VIII в.). Так, свободный человек теперь не мог даже под судебной присягой обвинить *homo ecclesiasticus* в пределах церкви или монастыря («на алтаре»), поскольку его слова ценились на этой территории ниже клятвы самого зависимого от церкви человека.

Таким образом, хотя в *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*, а равно и в королевских рабах и рабынях, рано видеть основу средневекового крестьянства, сидевшего на землях светских и церковных земельных магнатов – обладателей судебных и финансовых иммунитетов, и несущего в их пользу повинности (предположения об объёме которых мы можем выдвигать только на основе ретроспективного анализа каролингских капитуляриев VIII–IX вв.), определённые сдвиги в этом направлении присутствуют уже в австразийском законодательстве начала VII в. Окончательно выражение этих тенденций произойдёт гораздо позднее, в конце следующего века – после опубликования «Капитулярия о поместьях».

§ 3. Отпуск рабов на волю и статус табуляриев в области рипуарских франков VII – начала VIII в.

Как было сказано выше, вольноотпущенники (*liberti, tabularii*) и литы присутствовали в Рипуарской правде в той же мере, что и в правде Салической. О некоторых из этих категорий у нас сведений меньше, о других – значительно больше. Тем не менее, имеющиеся в наличии данные позволяют, как и в случае с салическими франками, отобразить общую картину развития институтов отпуска на волю и патроната на Среднем Рейне на протяжении VII–VIII вв.

Прежде всего, обратимся к обсуждению способов отпуска на волю. Таковых в Рипуарской правде было зафиксировано три: *per denarium* (т.е. путём «вышибания» денария), *per cartam* (т.е. посредством фиксации нового статуса бывшего бесправного раба в письменном источнике – хартии) и *coram testibus* (т.е. при свидетелях – священнослужителях)¹¹⁹. Практически ни один из этих способов, в отличие от «вышибания» денария у салических франков VI в., не встречается в источнике в чистом виде. Это, очевидно, можно объяснить не только сильным влиянием на германские правовые обычаи римского окружения Колонии Агриппы, но и изменением социальной картины в Северной Галлии и на Рейне в конце VI – начале VII в.: появление крупных земельных магнатов, в т.ч. монастырей, и активный процесс собирания ими земель и обращения в зависимость сидевших на них людей сопровождался также изменениями в положении всех неполноправных членов рипуарского общества, в т.ч. вольноотпущенников.

¹¹⁹ Примечательно то, что последняя в Рипуарской правде по аналогии с римской традицией составления актов на вощёных табличках (лат. *tabulae serrata*) также именовалась *tabula*; именно отсюда происходит этимология социального термина «табулярий». Впоследствии, в каролингских капитуляриях, мы также встречаемся с наименованием данной категории терминами *serarius* и *cartularius*, например: *Cap. 16 (Decretum Vermeriense. a. 758–768)*; *Cap. 20 (Cap. Haristallense. a. 779. Mart.). 15*; *Cap. 41 (Cap. legi Ribvariae additum. a. 803). 10*. Во всех каролингских капитуляриях на рубеже VIII–IX вв. хартия именуется исключительно как *carta ingenuitatis*.

Так, в *Lex Ribvaria* в качестве одинаковых по статусу персон упомянуты и лит, и трибутарий: за обоих полагалось в случае убийства платить 36 сол.¹²⁰ Несколько отличались от них т.н. «римские граждане» (*cives Romani*) и либерты (собственно вольноотпущенники): они освобождались, как пишет источник, «по римскому закону» (т.е. с предоставлением грамоты, нередко – в присутствии свидетелей и на территории церкви или перед алтарём) и обладали вергельдом уже в 100 сол.¹²¹

Логично было бы предположить, что в данном контексте рипуарские лит и трибутарий имели сходный с салическими литом и трибутарием статус, а либерт и «римский гражданин» представляли собой прослойку более высоких по статусу людей, остававшихся под властью и покровительством своих бывших хозяев, но приблизившихся к *homo ecclesiasticus*. Также сведения относительно судебной ответственности категорий *libertus* и *cives Romanus*, согласно которым они отвечали за проступки «по римскому праву», давали бы исследователям возможность видеть в них потомков галло-римских рабов и колонов, обитавших в римских виллах до прихода рипуарских франков (соответственно, в литах и либертах – потомков германских рабов¹²²).

¹²⁰ *L. Rib.* 65 (62), 1–3: *Si quis servum suum tributarium aut litum fecerit, si quis eum interfecerit, 36 solidos culpabilis iudicetur. Quod si dinariari eum voluerit, licentiam habet. Et tunc ducentos solidos valeat* («Если кто-то сделает своего раба трибутарием или литом, и кто-то его убьёт, пусть будет присуждён к уплате 36 солидов. Пусть, если кто-то пожелает его освободить через денарий, имеет [на то] разрешение. И тогда пусть он [вольноотпущенник] будет оценен в 200 солидо»).

¹²¹ *Ibid.* 64 (61), 1–2: *SI quis servum suum libertum fecerit et civem Romanum portasque apertas conscribserit, si sine liberit discesserit, non alium quam fiscum habeat heredem. Quod si aliquid criminis amiserit, secundum legem Romanam iudicetur. Et qui eum interfecerit, centum solidos multetur. Quod si dominus eius eu ante regem dinariari voluerit, licentiam habeat* («Если кто-то сделает своего раба либертом и предпишет открытые двери «римскому гражданину», и тот умрёт без детей, пусть его наследство никому иному не отходит, но только фиску. Пусть, если он совершит что-то из преступлений, *будет осуждён по римскому закону*. И если кто-то его убьёт, пусть будет оштрафован 100 солидами. Пусть, если его господин пожелает освободить его через денарий перед королём, он имеет [на то] разрешение»).

¹²² О том, что «по законам рипуарских франков» жил либерт, можно узнать из титула 60 (57), 1. Кроме того, из Эдикта Хлотаря II известно о том, что либерта даже простого свободного франка на суде был обязан защищать представитель епископа. См. подробнее:

Однако это лишь начальное впечатление. В действительности, те и другие не могут быть дифференцированы на галло-римских и германских рабов и вольноотпущенников, поскольку уже в момент покорения Галлии и среднего течения Рейна франками в V – начале VI в. границы между рабами двух этнических массивов (но не между податным населением или крупными землевладельцами) были в значительной мере размыты. В данном случае, следует видеть во всех четырёх категориях только две ступени вольноотпущенников, различавшихся по вине за лишение жизни (36 и 100 сол.) и каким-то отдельным правам и обязанностям в отношении своего патрона, безотносительно к их этническому происхождению¹²³. Кроме того, церковный раб не мог сделаться либертом, если на то не было воли служителя церкви¹²⁴, а это выступало довольно серьёзным ограничителем для отпуска на волю церковного либерта в последующем (в отличие от либерта светского землевладельца).

То, что в действительности статусы либертов и «римских граждан», с одной стороны, и литов и трибутариев – с другой, постепенно сливались воедино и образовывали базис для формирования более широкого слоя поземельно зависимого населения духовных и светских поместий (обозначенного как *homo Romanus*, *homo regius aut ecclesiasticus*), подтверждается возможностью их полного отпуска на волю перед

Ed. Chloth. 7: *Libertus cuiuscumque ingenuorum a sacerdotibus, iuxta textus cartarum ingenuetatis suae contenit, defensandus, nec absque praesentia episcopi qut praepositi aeclesiae esse iudicandus vel ad publicum revocandus* («Либерт любого из свободных должен быть защищён священнослужителями, как указано в тексте его грамоты освобождения, и в присутствии епископа или предстоятеля церкви; либо же пусть будет вызван на публичный [суд]»). Относительно судебного статуса литов источник умалчивает.

¹²³ На это указывает то, что рипуарский лит упомянут рядом с трибутарием, бывшим в *Pactus legis Salicae* представителем местного податного населения. Подтверждает эту точку зрения и тот момент, что *cives Romanus* в классическом римском праве означал аналог германского *ingenuus* (полноправный член общества), что скорее должно было бы роднить его с салическим франком или хотя бы со свободным галло-римлянином – посессором, но никак не с либертом–вольноотпущенником. О смешении рабов различного происхождения в галло-римских и мерovingских поместьях в особенности см.: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Указ. соч. Т. 4. С. 331–333.

¹²⁴ *Ibid.* 61 (58), 3.

автразийским королём через «вышибание» денария¹²⁵. Поскольку только в этом случае вольноотпущенник мог стать полностью свободным (что выражается в вергельде в 200 сол.)¹²⁶, это означает то, что в рамках любого из указанных выше статусов (*cives Romanus, litus, libertus, tributarius*) он оставался зависимым от своего патрона¹²⁷.

Скудость сведений Рипуарской правды о социально-правовом статусе литов, трибутариев и «римских граждан», полностью освобождённых перед королём через «вышибание» денария, немного может быть восполнена теми сведениями, которые имеются о проведении судебной процедуры в отношении отпущенных *per denarium* категории либертов. Так, из текста титулов 64 (61) – 65 (62) становится известно о том, что освобождение рабов инициировал их господин; видимо, только он обладал таким законным правом¹²⁸. Однако, как свидетельствует текст титула 60 (57), целиком и полностью посвящённый отпуску либерта на волю перед королём, только актом отпуска дело ограничивалось далеко не всегда.

В этом титуле мы ещё раз сталкиваемся с условностью разделения различных способов отпуска на волю, а именно – *per denarium* и *per cartam*. После «вышибания» денария перед королём могла быть составлена грамота об отпуске на волю¹²⁹; такая практика не была отмечена у салических

¹²⁵ Ibid. 64 (61), 3; 65 (62), 2.

¹²⁶ О том, какими способами бывшие патроны могли принудить своих отпущенников к возвращению в личную зависимость, сказано в дополнительном капитулярии к Рипуарской правде 803 г. Соответствующий пассаж будет разобран ниже.

¹²⁷ На это указывает исследование К. Модзелевского: *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 190*. См. также: *Земляков М.В. Освобождение рабов и лично зависимых категорий в раннесредневековом обществе: пример Салической и Рипуарской правд // Медиевистика: новые имена. Мат-лы II межрегиональной науч.-практ. конф. (27 октября 2015). Тюмень, 2015. С. 110–119.*

¹²⁸ Прямо об этом нигде в *Lex Ribvaria* не говорится. Такой вывод можно сделать на основании аналогии с *Pact. leg. Sal. 26,1–2*.

¹²⁹ *L. Rib. 60 (57), 1: Si quis libertum suu per manum proptiam seu per alienam in presentia regis secundum ligem Ribvariam ingenuum dimiserit et dinarium iactaverit, et eiusdem rei cartam acciperit, nullatenus permittimus eum in servicio inclinari; sed sicut reliqui Ribvarii liber permaneat* («Если кто-то отпустит своего либерта своей рукой или через третьи руки в присутствии короля свободным по закону рипуаров и бросит денарий, и примет [либерт] грамоту о своём деле [т.е. об освобождении], пусть никоим образом его не требует

франков в VI в., однако достаточно пространное описание самого юридического казуса в *Lex Ribvaria* может привести на мысль о том, что эта «смешанная», «романо-германская» форма отпуска существовала и до фиксации Дагобертом австразийского законодательства в начале VII в.

Однако сам факт отпуска раба на волю в присутствии короля мог быть подвергнут сомнению или оспорен третьей стороной. Человек, выступивший таким образом против бывшего раба и его патрона, должен был либо доказать свою правоту (тогда либерт и его господин платили 200 сол. в пользу казны и 45 сол. заявителю), либо сам выплатить тот же штраф. Со своей стороны, либерт был обязан участвовать с оружием в судебном поединке или прислать своего представителя (возможно, что последнего направлял патрон либерта с целью обезопасить своего бывшего раба от сражения на мечях, т.е. *auctor* выступал не в роли «адвоката», а как наёмный воин)¹³⁰.

Достаточно отчётливо видно в этом титуле то, что плата в пользу королевского фиска представляла собой «заменитель смертной казни» – *вергельд* свободного человека. Вполне возможно, что вольноотпущенник просто не имел таких средств, чтобы возместить свой проигрыш по делу, и должен был прибегать к помощи своего патрона. Логика взимания *stоль*

вернуть в рабское услужение; но пусть так же, как и прочие *рипуары*, пребывает свободный»).

¹³⁰ *Ibid.* 60 (57), 2–3: *Sed si quis in postmodum contrarius steterit et dixerit, quod eum quis inlicito ordine ingenuum dimisisset, ipse cum gladio suo hoc studeat defensare. Aut si auctorem habuerit, auctor cum legibus ex hoc eum educat. Aut si legibus eum non potuerit defensare, ad partem regis ducentos solidos culpabilis iudicetur, et ad partem eius, cuius servum inlicito ordine a iugo servitutis absolvere nititur, 40 quinque solidos multetur, et de omne res quos ei condonavit, alienus existat. Si autem defensaverit, liber permaneat, et ille, qui eum voluit inservire, ducentos solidos rege, 40 quinque illi qui defensatur, culpabilis iudicetur* («Если же после этого кто-то выступит противником и скажет, что его кто-то отпустил свободным недопустимым образом, пусть сам [либерт] с помощью своего меча постарается это [дело] защитить. А если будет иметь представителя, пусть тот оправдает его посредством законов. А если не сможет защитить его по закону, пусть [либерт] будет присуждён к уплате 200 солидов в пользу короля и в пользу того, который попытался освободить раба от ярма рабства незаконным образом, штрафует 45 солидами; и от всех вещей, которые ему [т.е. либерту] были переданы, пусть будет отделён. Если же [либерт] докажет, пусть остаётся свободным, и тот, кто его хотел поработить, пусть будет присуждён к уплате 200 солидов королю, а 45 солидов тому, кто защитится»).

высокого штрафа понятна: самовольно присваивая себе статус свободного, которого отпустил на волю сам король, либерт посягал на общественный порядок и потому должен был нести столь суровое наказание. В определённой степени, в качестве аналогии можно привести порабощение свободных франков, которые женились на рабынях или рабах. Кроме того, либерт лишался всего своего имущества, которое было дано ему господином (очевидно, часть могла быть передана истцу для возмещения судебных издержек).

Тем не менее, все перечисленные способы неполного и полного (*per denarium*, *per cartam*) отпуска на волю должны были играть очень важную роль в обществе рипуарских франков VII – начала VIII в., поскольку они резко способствовали социальной мобильности в рамках Австразийского королевства. Пусть и достаточно небольшая, но ощутимая часть рабов смогла освободиться от рабства и полностью стать свободными, а возможно, даже перейти в более высокий статус. На последний момент указывает аналогия в тексте *Pact. leg. Sal.* 60, 2–3: подобно тому, как у салических франков имущество отказавшихся от родства богатых людей должно было отходить после смерти не его бывшему клану, но королевской казне, такая же практика распространилась и на рипуарских *homo denariatus*¹³¹. Это помогало избежать претензий на раздел имущества раба, с которым он выходил на волю, со стороны его бывшего господина.

Ещё одной ключевой категорией, которой полностью посвящён титул 61 (57), являлись табулярии. Этот слой, как уже было отмечено, нельзя полностью идентифицировать с *homo ecclesiasticus* в той части *Lex Ribvaria*, которая относится к правлению Дагоберта. Первым и главным их отличием было то, что табулярий не рассматривался в начале VII в. в качестве социальной категории, которая могла судиться за пределами своей церкви: если в отношении *homo ecclesiasticus* были предусмотрены исключения,

¹³¹ *Ibid.* 60 (57), 4: *Si autem homo denariatus absque liberis discesserit, non alium quam fisco nostro heredem relinquat* («Если же отпущенный через денарий скончается без детей, никому иному, кроме как нашему фиску, пусть не достаётся наследство»).

которые были оговорены выше, то в отношении табулярия – нет¹³². У нас нет свидетельств и о том, что табулярии могли судиться с другими зависимыми людьми в пределах церкви. В этом отношении их положение отличалось от положения *homo ecclesiasticus*, описанного выше.

Источником пополнения прослойки табуляриев было освобождение рабов светских землевладельцев «по римскому закону»¹³³. Примечательно то, что нигде в титуле не говорилось об обращении этой категории в личную зависимость по типу *homo ecclesiasticus* – напротив, неоднократно подчёркивалось то, что они сами и их потомки находятся в полностью свободном состоянии.

Тем не менее, свобода этих людей была фикцией уже в начале VII в.: они были обязаны передавать все свои доходы на благо церкви, от которой получили свою «свободу», в обмен на покровительство епископа и церковного клира. Факт передачи или завещания вольноотпущенника церкви сильно сужал возможности его дальнейшего социального роста: церковные иерархи и клир в VII в. зорко следили за тем, чтобы подвластное население

¹³² Ibid. 61 (58), 2.

¹³³ Ibid. 61 (58), 1. Hoc etiam iubemus, ut qualiscumque francus Ribvarius [вставка – *seu tabularius*] servum suum pro aniae suae remedium seu pro pretium secundum legem Romanam liberare voluerit, ut eum in ecclesia coram presbyteris et diaconibus seu cuncto clero et plebe in manu episcopi servo cum tabulas tradat, et episcopus archidiacono iubeat, ut ei tabulas secundum legem Romanam, quam ecclesia vivit, conscribere faciat; et tam ipse quam et omnis procreatio eius liberi permaneant et sub tuitione ecclesiae consistant vel omnem redditum status eorum ecclesiae reddant. Et nullus tabularium [вставка – *aut servum tabularii*] denariare ante regem praesumat. Quod si fecerit, ducentos solidos culpabilis iudicetur et nihilominus ipse tabularius et procreatio eius tabularii persistent, et omnis redditus status eorum ad ecclesiam reddant; et non aliubi quam ad ecclesiam, ubi relaxati sunt, mallum teneant («Также то постановляем, чтобы, какого бы то ни было достоинства рипуарский франк [или табулярий], если пожелает освободить своего раба либо на помин души своей, либо согласно стоимости в соответствии с законом римским, пусть передаст его в церковь пред лицо пресвитеров, диаконов или всего клира и народа, под руку епископа вместе с «табличками» [= грамотой освобождения], и епископ пусть прикажет архидакону, чтобы по римскому праву, по которому живёт церковь, ему записали «таблички». И как он сам, так и его потомство пусть пребывают все свободные и пусть переходят под покровительство церкви, и каждый из них пусть передаёт церкви весь установленный доход. И никто не посмеет за табулярия [или раба табулярия] «вышибать денарий» перед королём. Если это совершит, будет повинен возместить 200 солидов. И, несмотря на это, пусть и сам табулярий, и потомство того табулярия остаются [в церкви], и каждый из них пусть передаёт церкви весь установленный доход»).

духовных поместий не могло уйти из-под их контроля. С этой целью табуляриев было запрещено отпускать на волю перед королём (*per denarium*); такое деяние так же, как и неправомерное оспаривание свободы либерта, каралось выплатой 200 сол. Тем самым, юридически в Австразии начала VII в. путь для табуляриев на свободу был закрыт. Всё их имущество с момента передачи под покровительство духовной власти считалось частью церковной утвари¹³⁴.

Несмотря на достаточную правовую защищённость церковного имущества, нередки были и случаи судебного разбирательства относительно принадлежности того или иного табулярия. Очевидно, это было связано с возрастанием экспансии римской церкви в Северной Галлии и на Среднем Рейне в VII–VIII вв., в ходе которой всё большие и большие земельные массивы и их обитатели переходили в распоряжение иерархов церкви. Процедура подтверждения отпуска раба на волю и его превращения в табулярия предполагала участие большого количества свидетелей: начиная от короля и епископа и вплоть до тех, кто скреплял своими подписями *carta ingenuitatis*¹³⁵.

¹³⁴ Ibid. 61 (58), 4: *Tabularius autem, qui absque liberis discesserit, nullum alium quam ecclesiam relinquat heredem.* При этом совершенно не было важно, где территориально находилось имущество табулярия: он мог сидеть и на землях за пределами церковных владений.

¹³⁵ Ibid. 61 (58), 5–6: *Quod si quis tabulas episcoporum manibus seu clericorum roboratas intrumpere voluerit, tunc archidiaconus cum testibus, qui tabulas roboraverunt, ante episcopum vel regem accedat, ut testes quod sciunt dicant. Quod si ille, qui causam prosequitur, adquiescere sacramentum fides faciat, ut sibi septimus super noctes septem coniuret cum ipsis testibus, qui tabulas subscribserunt, quod ipse tabularius secundum legem Romanam legitime fuisset relaxatus [прочие рукописи, кроме A-4 – *ingenuus relaxatus*]. Et tunc ille, qui causam presequitur, in presente constringatur, ut se ante iudicem representet, et ad partem ecclesiae centum solidos culpabilis iudicetur, et unicuique de testibus 15 sol. et archidiacono 45 solid. culpabilis iudicetur, et nihilominus tabule stabiles permaneant. Quod si archidiaconus ista adimplere contempserit et auctorem, qui eum ingenuum dimisit, non invenerit, tunc tabularium ipse archidiaconus cum quadraginta quinque semissolidis et cum omnibus rebus suis proprio domno studeat reformari, et unusquisque de testibus ter quinos semissolidos culpabilis iudicetur («В случае, если кто-то пожелает оспорить скреплённые рукой епископов или клириков «таблички», тогда пусть архидиакон со свидетелями, которые заверяли «таблички», предстанут перед епископом или королём, и свидетели пусть скажут то, что знают. Пусть, если тот, кто поддерживает обвинение, пожелает упорствовать, тогда в присутствии судьи будут проколоты «таблички», и архидиакон пусть подтвердит церковную клятву в [его] присутствии, и сам – седьмой в течение 7 ночей поклянется с этими свидетелями, которые*

Примечателен и тот факт, что штраф, взимаемый с истца в пользу церкви, в данном случае было ниже в 2 раза (100 сол.), чем с заявителя, требовавшего возврата в рабскую зависимость *homo denariatus*. Это ещё раз подчёркивает то, что «свобода» табулярия была по статусу гораздо ниже свободы, предоставленной путём «вышибания» денария перед королём, и не предполагала полноправия в обществе рипуарских франков. На это и указывало суровое наказание, которое налагалось как на истца, посмеявшегося оспаривать зависимость табулярия от церкви (отлучение от церкви)¹³⁶, так и на архидиакона, который пренебрежёт фактом заявления и не станет защищать церковное имущество от посягательства третьего лица.

В целом, на протяжении возникновения дополнений к Рипуарской правде и новой редакции её текста (B) в VII–VIII вв., статус табуляриев постепенно изменялся. Очевидно, не сливаясь полностью с *homo ecclesiasticus* до начала IX в., они всё же составляли наряду с данной категорией основу для возникающего слоя средневековых сервов во Франции и западногерманских землях IX–XI вв.

По крайней мере, исходя из дополнений к тексту титула 61 (58) в VIII–IX вв., табуляриев уже нельзя считать промежуточной ступенью от рабства к свободе; напротив, они всё более укореняются в своём статусе несвободного населения церковных земель и поместий. Например, в L. Rib. 61 (58), 1 было специально введено дополнение о том, что наряду с салическим и

подписывали «таблички», что этот табулярий [свободным] был отпущен правильно по римскому закону. И тогда тот, кто поддерживал обвинение, пусть будет обязан предстать перед судьёй, и пусть он будет присуждён к уплате 100 солидов в пользу церкви, и каждому из свидетелей – по 15 солидов, и архидиакону – 45 солидов. И при этом пусть «таблички» остаются действительными. Если же архидиакон пренебрежёт выполнением [этих требований], и не обнаружит человека, который его сделал свободным, тогда пусть этот архидиакон будет принуждён восстановить прежнему господину [его] табулярия со всем его имуществом вместе с [выплатой] 45 ½ солидов, и каждый из свидетелей будет присуждён к уплате трижды по 5 ½ солидов»).

¹³⁶ Ibid. 61 (58), 7: *Quod si auctor dimissionis eum ingenuum fecerit, cause prosecutor simili multa sustineat, sicut superius conscribere iussimus, et insuper ecclesiae liminibus repellatur, usque du proprio episcopo satisfaciat* («Если же человек, отвечавший за освобождение, сделает его [табулярия] свободным [до поступления иска], пусть истец по делу поддержит такое же наказание, какое мы выше повелели зафиксировать, и сверх того изгоняется из лона церкви до тех пор, пока не удовлетворит [покаянием] собственного епископа»).

рипуарским франком акт освобождения раба от личной зависимости и подтверждения его перехода в статус табулярия мог совершить также табулярий, у которого были в распоряжении рабы.

Как показывают предписания в отношении брачных союзов между свободными и несвободными людьми, рабы и рабыни табулярия занимали примерно то же положение, что и непривилегированные рабы и рабыни церкви и короля, поскольку брак табуляриев с перечисленными категориями рабов карался обратным переходом в рабство для них самих и для их детей¹³⁷.

Вместе с тем, уже в следующих установлениях Рипуарской правды мы встречаемся с правовыми коллизиями: за брак табуляриев и рабов свободного рипуара обращение в рабство применялось только по отношению к его детям¹³⁸. Такое же наказание полагалось за женитьбу свободного на табулярии, упомянутой наряду с «римлянкой» и зависимой от короля женщиной (*Romana vel regia*)¹³⁹; а также на рабыне табулярии или рабах короля и церкви¹⁴⁰. Обычно союз между свободным и бесправным представителями северогалльского и восточно-франкского обществ сопровождался порабощением обоих; однако в данном случае, по-видимому, продолжало действовать представление о том, что, даже будучи неполноправными по своему статусу людьми, несшими достаточно тяжёлые повинности в пользу церкви, табулярии всё же формально были не в рабской и не в личной зависимости от духовного сеньора, а находились лишь под его патронатом.

¹³⁷ Ibid. 61 (58), 9: Si autem tabularius ancillam regiam aut ecclesiasticam seu ancillam tabularii in matrimonium sibi sociaverit, ipse cum ea servus permaneat.

¹³⁸ Ibid. 61 (58), 10: Quod si tabularia hoc fecerit, ipsa et generatio eius in servitio inclinatur. Si autem tabularius ancillam Ribuariam acciperit, non ipse, sed generatio eius serviat [A-4 – *Similiter et tabularia vel regia aut Romana femina, si servum Ribvarium acciperit, non ipsa, sed generatio eius serviat*].

¹³⁹ Ibid. 61 (58), 11: Si ecclesiasticus, Romanus vel regius homo ingenuam Ribvariā acciperit, aut si Romana vel regia seu tabularia ingenuum Ribvarium in matrimonium acciperit, generatio eorum semper ad inferiora declinentur.

¹⁴⁰ Ibid. 61 (58), 14: Si autem Ribvarius ancillam regis seu ecclesiasticam vel ancillam tabularii sibi sociaverit, non ipse, sed procreatio eius serviat.

Таким же образом можно объяснить достаточно необычную с точки зрения северогерманского права практику передачи покровительства над потомством таких категорий, как *homo regius aut ecclesiasticus* и *tabularius*, человеку, который уведёт их из-под мунда короля или церкви¹⁴¹. По сути, в данном разделе штраф в 60 сол. представлял собой не что иное, как выкуп права покровительства над будущим потомством зависимых от короля или церкви женщин и мужчин, а также табуляриев (в противном случае дети от такого сожителства продолжали бы оставаться в личной зависимости от короля или церкви). Следовательно, выражение «*de mundeburde abstulerit*» не следует понимать как попытку изнасилования или кражи; сам факт переманивания зависимого человека церкви или короля в данном случае искупался только денежным штрафом, но не возвращением такового под власть прежнего покровителя.

Возможно, это следует понимать и как указание на тот факт, что у табуляриев могла быть самостоятельная, признаваемая законом воля на уход из церковных владений с целью женитьбы (выхода замуж) за свободного рипуара. Однако в таком случае содержание двух рядом стоявших параграфов (11 и 12–13) в *Lex Ribvaria* становится несовместимым: в одном случае источник требует обращения детей от этого союза в рабство, а в другом – запрещает делать то же самое.

Если совместить последний пассаж с тем фактом, что в VIII в. закон отмечает появление зависимых от табулярия рабов, то можно сделать вывод о постепенном повышении социально-правового статуса самих табуляриев. Очевидно, что и табулярии, и *homo regius aut ecclesiasticus*, и некоторые

¹⁴¹ Ibid. 61 (58), 12–13: Quod si quis hominem regium [вставка – *tabularium*] tam baronem quam feminam de mundeburde regis abstulerit, sexaginta solidos culpabilis iudicetur. Similiter et ille, qui tabulariam vel ecclesiasticam feminam seu baronem de mundeburde ecclesiae abstulerit, sexaginta solidos culpabilis iudicetur. Et nihilominus generatio eorum ad mundeburde regis seu ecclesiae revertatur («Пусть, если кто-то уведёт из-под мундебурда [т.е. покровительства] короля [зависимого] от короля человека, [табулярия], как мужчину, так и женщину, будет присуждён к уплате 60 солидов. Равным образом и тот, кто уведёт из-под мундебурда церкви табулярию или [зависимых от церкви] женщину и мужчину, пусть будет присуждён к уплате 60 солидов. И пусть никто из их потомства не возвращается под мундебурд короля или церкви»).

«рабы высшей категории», сидевшие на землях короля, монастырей и церквей или переданные под их покровительство, на протяжении VII–VIII вв. сближались по своему положению (именно по этой причине титул *tabularii* во многих списках эпохи правления Каролингов получает единый подзаголовок *De tabulariis*). Появление у табуляриев собственных рабов и регулярное внесение ими податей и повинностей, упомянутых в тексте *Lex Ribvaria*, окончательно отделяет их от массы церковных рабов: к моменту фиксации права рипуарских франков они окончательно превратились из промежуточной категории бывших бесправных рабов в слой поземельно и лично зависимых работников, сидевших на землях духовного господина.

Таким образом, на землях Среднего Рейна в VII–VIII вв. наблюдалась множественность статусов личной зависимости. Несмотря на то, что в отношении всех категорий вольноотпущенников – либертов, литов, «римских граждан» и табуляриев, действовали различные правила отпуска на волю (*secundum legem Ribvariam, secundum legem Romanam*), они в конечном счёте явились достаточно однородной массой для пополнения слоя сидевших на принадлежавшей королю, монастырю или крупному светскому магнату земле людей, обязанных им повинностями и выплатами.

В каролингских капитуляриях прямо встречалось указание на то, что в отношении и рабов, и литов северогерманских племён в начале IX в. при их отказе в содействии королевскому послу следовало пороть и тех, и других¹⁴², что резко противоречит взгляду историков начала XX в. на литов как на полусвободных, имевших многие права и даже способных выкупить свою

¹⁴² Cap. 34 (*Capitularia missorum specialia. a. 802 initio*). 13b: *De liberis hominibus qui circa maritica loca habitant: so nuntius venerit, ut ad succurrendum debeant venire, et hoc neglexerint, unusquisque solidos viginti conponat, mediaetatem in dominico, medietatem ad populum. Si litus fuerit, solidos quindecim conponat ad populum et fredo dominico in dorso accipiat. Si servus fuerit, solidos X ad populum et fredo dorsum* («О свободных, которые приживают вблизи морского побережья [фризы и саксы]: если придёт посол [и заявит], что они должны идти [с ним] для помощи, а они это проигнорируют, пусть каждый заплатит 20 солидов, половину – в королевскую [казну], половину – племени [т.е. сотенному собранию]. Если [провинившийся] будет литом, пусть заплатит 15 солидов племени, а для [возмещения] «королевского мира» пусть претерпит бичевание. Если будет рабом, пусть [заплатит] 10 солидов и для [возмещения] «королевского мира» пусть спина [его будет бичёвана]»).

свободу в течение одного поколения. В действительности, в судебной практике империи Карла Великого происходит нивелировка различных зависимых категорий. Этот тезис очень хорошо отражался на примере табуляриев, которых было запрещено освобождать перед королём; представители прочих социальных статусов, по-видимому, также далеко не всегда получали полную свободу от своих бывших патронов. В конечном счёте, перемешавшись и потеряв свои различия, множество категорий вольноотпущенников вместе с представителями категорий *homo Romanus* и *homo regius aut ecclesiasticus*, согласно законодательным и церковным источникам IX–X вв. (капитуляриям, картуляриям, полиптикам, урбариям), составили базис зависимого населения крупных светских и духовных поместий.

§ 4. Правовой статус рабов и зависимого населения франкских поместий в VIII – начале IX в. (по материалам Правды франкской хамавов и каролингских капитуляриев).

Переходя к проблеме трансформации институтов рабства, личной и поземельной зависимости в Северной Галлии и на Рейне в VIII – начала IX в., следует обратить внимание на те факторы, которые характеризуют это время и отделяют его от предыдущего этапа развития законодательства Галлии.

Прежде всего, если время правления Меровингов (VI–VII вв.) было ознаменовано появлением трёх крупнейших судебников на территории Галлии, в которых были представлены правовые обычаи и установления салических и рипуарских франков, а также покорённых сыновьями Хлодвига бургундов¹⁴³, то время правления династии Каролингов (VIII–X вв.), несмотря на фиксацию четырёх новых редакций Салической правды (D, E, K, S), можно по праву назвать «эпохой капитуляриев». Этот вид законодательных памятников был не нов для франкских королевств; но если для всей меровингской эпохи в истории Галлии исследователи насчитывают не более 12 капитуляриев (из них ровно половина – капитулярии к Салической правде VI в.), то для времени правления Арнульфингов и Каролингов число капитуляриев приближается к трём сотням. Хотя при Карле Великом продолжилась фиксация племенного права на территориях, располагавшихся на Нижнем и Среднем Рейне (Фризская, Тюрингская и Саксонская правды; новая редакция Рипуарской правды), основным источником сведений о правовом статусе отдельных категорий франкских племён в державе Каролингов на рубеже VIII–IX вв. становятся именно капитулярии.

¹⁴³ Мы исключаем из этого перечня южногалльские правовые памятники – Кодекс Эйриха конца V в., Правду римскую бургундов рубежа V–VI в. и Бревиарий Алариха (Правду римскую вестготов) начала VI в., поскольку они имеют большее родство с римскими правовыми памятниками и кодексами, нежели с традицией варварских правд германцев.

Вторым моментом, отличающим законодательство Меровингов от установлений Карла Великого и Людовика Благочестивого, является преимущественно *адресный характер и наличие точной датировки* капитуляриев. Безусловно, капитулярный материал VI в. и даже некоторые варварские правды имели в своей структуре отдельные главы и титулы, апеллирующие к определённым светским или церковным чинам; однако большинство прологов правд (а равно и меровингские капитулярии в целом) предполагали обращение сразу ко всем субъектам права меровингских королевств и Империи Каролингов VI–IX вв. – от епископов и земельных магнатов до простого народа. Капитулярии Карла Великого и Людовика Благочестивого, как правило, содержат указание на время и место своего составления¹⁴⁴, описание обстоятельств создания. Нередко отдельные пункты капитуляриев были предназначены для ограниченной группы лиц, как-то: прелатов церкви, дружинников и слуг короля, торговцев, королевских посланников и т.д.¹⁴⁵.

Всё это позволяет выяснить, какие конкретные общественно-политические и социальные события и процессы VIII–IX вв. в наибольшей степени влияли на складывание и эволюцию отдельных категорий зависимого населения (посаженных на землю рабов, слуг, вольноотпущенников). Особенно важен для понимания устройства королевского поместья времени первых Каролингов «Капитулярий о поместьях» (*Capitulare de villis*) – памятник, записанный, по-видимому, в Аквитании при короле Людовике в конце VIII в. (с санкции или при активном участии его отца, Карла Великого), однако отразивший особенности многих других крупных землевладельческих комплексов,

¹⁴⁴ Датировка многих капитуляриев предполагает разброс в 1–2 и даже 10 лет. Однако подавляющее их большинство содержат прямую отсылку ко времени правления того или иного короля или императора. См. подробнее: *Ganshof F.L. Was waren die Kapitularien?* Weimar, 1961. S. 163–173.

¹⁴⁵ В этом контексте достаточно вспомнить *Admonitio generalis* 23 марта 789 г. и целый ряд капитуляриев Карла Великого, адресованных слою *missi dominici*. См. подробнее: *McKitterick R. Charlemagne's missi and their books // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. By St. Baxter etc. Farnham, 2009. P. 253–267.*

принадлежавших в VIII вв. королевской казне. По детальности регламентации положения отдельных лиц и категорий, проживавших в королевском поместье, а также их обязанностей и связанных с этим производственных процессов, данный источник может сравниться только с англо-саксонским памятником под названием «*Rectitudines singularum personarum*», который будет проанализирован в следующей главе.

Для распространения действия капитуляриев на территории всей Империи Карлом Великим была значительно расширена и наделена новыми полномочиями группа, названная *missi dominici* («королевские посланники»). Эти люди, наряду с графами, герцогами и прелатами церкви (также бывшими центральными фигурами административной иерархии), должны были выступать прямыми проводниками государственных, социальных и судебных установлений Карла Великого. Они не просто передавали на места его указы и распоряжения; их действия, в некотором роде, содержали *программу социальных преобразований*, которые желали видеть в своих владениях императоры Карл и Людовик. Многие установления, касавшиеся посаженных на землю рабов и зависимых от крупных землевладельцев франков, содержатся именно в инструкциях для посланников короля.

Несмотря на то, что со времени кодификации меровингских капитуляриев VI в. до времени появления первых капитуляриев представителей династии Каролингов прошло по меньшей мере 150 лет, некоторые черты статуса рабов, впервые проявившиеся в главах первых шести капитуляриев к Салической правде, сохранялись на протяжении VIII – начала IX в.

Так, подобно рабам меровингской эпохи и прочим зависимым категориям, рабы эпохи Каролингов получают право на церковное убежище вне зависимости от причины бегства от своего хозяина: жестокое обращение, совершение проступка или преступления и т.д.¹⁴⁶

¹⁴⁶ Cap. 39 (*Capitulare legibus additum*. a. 803). 3: Si quis ad ecclesiam confugium fecerit, in atrio ipsius ecclesiae pacem habeat, nec sit ei necesse ecclesiam ingredi, et nullus eum inde per

Капитулярий, являвшийся дополнением к тексту *Lex Ribvaria*, также подразумевал возможность его господина не отвечать за проступок раба, если он не знал месторасположение последнего (например, при бегстве из поместья)¹⁴⁷. Хотя составитель капитулярия формально назвал эту главу дополнением к титулу 20 Рипуарской правды, в действительности, такой текст в этом памятнике не содержится; данное положение впервые встречается в меровингских капитуляриях VI в., дополнявших Салическую правду¹⁴⁸.

Однако многие капитулярии первых десятилетий IX в. резко противопоставляли рабов каролингского времени рабам меровингским в части их ответственности за убийство. Так, капитулярий–дополнение к Салической правде 819 г. в категоричной форме требовал от господина не

vim abstrahere praesumat; sed liceat ei confiteri quod fecit et inde per manus bonorum hominum ad discussionem in publico perducatur («Если кто-то совершит побег в церковь, пусть будет ему мир в переднем зале этой церкви, и ему будет необязательно [укрываться в самой] церкви; и пусть никто не смеет силой его вывести оттуда, но будет позволено исповедоваться в том, что совершил, и пусть его при посредстве заслуживающих доверия людей отведут оттуда на публичное [разбирательство]»); *Cap. 83 (Cap. missorum. a. 813). 8: Ut nullus in atrium ecclesiae secularia iudicia facere presumat, quia solent ibi [h]omines ad mortem iudicare* («Пусть никто не смеет учинять в переднем зале церкви светский суд, потому что там обыкновенно приговаривают людей к смерти...»); *Cap. 193 (Cap. pro lege habendum Wormatiense. a. 829. Aug.). 1: [...] Si cuiuslibet proprius servus hoc commiserit, iudicio aquae ferventis examinetur, utrum hoc sponte an se defendendo fecisset. Et si manus eius exusta fuerit, interficiatur, si autem non fuerit, publica poenitentia multetur [...]* («Если чей-то раб допустит это [т.е. убьёт человека в переднем зале церкви, вбежав в него от преследования], пусть будет испытан кипящей водой, совершил ли он это намеренно или же обороняясь [при нападении убитого]. И если его рука будет изувечена, пусть его казнят; если же не – пусть будет подвергнут публичному покаянию...»). Соответствующие главы меровингских капитуляриев и соборов, относящиеся также и к рабам, представлены здесь: *Cap. II. 90,1–2; Conc. Aurel. a. 511. 1–2.*

¹⁴⁷ *Cap. 41 (Cap. legi Ribvariae additum. a. 803). 5: [...] Si autem servus perpetrato scelere fugerit, ita ut a domino penitus inveniri non possit, sacramento se dominus eius excusare studeat, quod nec suae voluntatis nec conscientiae fuisset quod servus eius tale facinus commisit* («Если же раб, совершив преступление, бежит, так что господин не сможет его обнаружить, пусть господин постарается очиститься клятвой в том, что ни его воли, ни его ведома не было на то, чтобы его раб сотворил это злодеяние»).

¹⁴⁸ *Cap. IV. 111.* При этом капитулярий касался только передачи права преследования родственниками убитого сбежавшего раба–убийцы.

передавать кому-то другому и не отпускать на волю предполагаемого убийцу–раба до разрешения императора¹⁴⁹.

На первый взгляд, последний пункт кажется не слишком существенным: ведь раб и его господин не освобождались от ответственности по делу. В действительности, вмешательство в судебный процесс самого императора (а не просто одного из королей, детей Карла Великого или Людовика) знаменовало серьёзный поворот в правоспособности раба: теперь он, вне зависимости от статуса своего хозяина, имел право быть допрошенным по делу и представить свои показания. Такой вариант не предусматривался в *Lex Salica* вовсе (кроме случая доставки на суд для указания на своего похитителя), а в капитуляриях VI в. и в *Lex Ribvaria* он имел совершенно иное наполнение: там раб мог быть призван на ордалию, но не с целью дачи собственных показаний, а с целью проверки правдивости свидетельств других лиц; в качестве полноправного участника судебного процесса он не рассматривался.

Придание новых прав бывшим бесправным членам франкского общества – рабам, нередко шло параллельно с процессом понижения социального статуса свободных обитателей каролингской Империи, попадавших в личную и поземельную зависимость от крупных светских и церковных земледельцев. Многие обедневшие свободные, которые сидели на землях короля и при этом не имели собственного надела, фактически

¹⁴⁹ Cap. 142 (Cap. legi Salicae addita. a. 819). 7: Quia nullum de ecclesiastico aut beneficiario vel alterius personae servo discretionem lex facit, si ita ecclesiastici aut beneficiarii servi sicut liberorum tradi aut dimitti possunt, ad interrogationem domni imperatoris reservare voluerunt («Поскольку закон не делает различия между рабом церковным, или обладающего бенефицием, или другого человека, если таким образом могут быть переданы или отпущены рабы церковные, или бенефициарии, а равно и [рабы] свободных, пусть они постановят удержать [их] для дознания господином императором»). Такой же запрет содержится и в тексте капитулярия к *Lex Ribvaria*, и в отдельном капитулярии Карла Великого: Cap. 41. 5: Nemini liceat servum suum propter dampnum ab illo cuilibet inlatum dimittere; sed iuxta qualitatem dampni dominus pro ipso respondeat [...] («Никто не может отпустить своего раба в случае причинённого им ущерба кому-то ещё; но пусть господин отвечает за него согласно величине ущерба...»); Cap. 56 (Cap. Karoli Magni. a. 803–813). 1: Nemo liceat servum suum propter dampnum a se dimittere, sed iuxta qualitatem culpaе dominus eius pro ipso servo respondeat aut componat quicquid ille fecit usque ad super plenam leudem liberi hominis...

опустились по своему судебному статусу до уровня рабов VI в.: они не могли выступать в качестве свидетелей, и это было объяснялось законодателем именно отсутствием у них земельного участка¹⁵⁰.

Таким образом, прежде бесправные категории населения каролингского общества, получая ограниченные права на распоряжение землёй, получали и новые права судебного представительства наравне с полноправными франками¹⁵¹; напротив, свободные люди, лишённые недвижимости, эти права теряли. По сути, провозглашённый Карлом Великим в одном из капитуляриев своим посланникам 792 (или 786) г. принцип допуска всех представителей франкского общества к судебной клятве и даче показаний на суде, начиная с 12 лет¹⁵², знаменовал собой революцию в правовом статусе рабов.

¹⁵⁰ Cap. 193. 6: *De liberis hominibus, qui proprium non habent, sed in terra dominica resident, ut propter res alterius ad testimonium non recipiantur... Illi vero, qui et proprium habent et tamen in terra dominica resident, propter hoc non abiciantur, quia in terra dominica resident; sed propter hoc ad testimonium recipiantur, quia proprium habent* («О свободных людях, которые не обладают имуществом, но сидят на императорской земле: пусть по этой причине не призываются к свидетельству по делу другого... Те же, которые обладают имуществом, но сидят на императорской земле, пусть не будут отклонены, потому что сидят на императорской земле; но, поскольку они обладают имуществом, пусть будут приняты к свидетельству»).

¹⁵¹ Это правило распространялось не только на рабов (*servi casati*); многие капитулярии записывают в число тех зависимых людей, которые могли иметь представительство в суде, и *homines ecclesiastici*, и *fiscalini* (в начале IX в. ставшие практически синонимом категории *homo regius*), которые присутствуют уже в редакции *Lex Ribvaria* начала VII в.

¹⁵² Cap. 25 (Cap. missorum. a. 792 vel 786). 4: *Deinde advocatis et vicariis, centenariis sive forensiti presbiteri atque cunctas generalitas, tam puerilitate annorum XII quamque de senili, qui ad placita venissent et iussionem adimplere seniorum et conservare, sive pagenses, sive episcoporum vel abbatissuarum vel comitum homines, et reliquorem homines, fisc[a]lini quoque et coloni et ecclesiasticis adque servi, qui honorati beneficia et ministeria tenent vel in bassalitico honorati sunt cum domini sui et caballos, arma et scuto et lancea spata et senespasio habere possunt: omnes iurent [...]* («Далее: представители [короля] и викарии, сотники или живущие не в монастыре пресвитеры, а также все люди, как достигшие 12 лет, так и старики, которые являлись на судебные собрания, и выполняли распоряжения отцов, и могут [их] сбересть, или обитатели [судебного] округа, или люди епископов, и аббатисс, и графов, и люди прочих [франков], даже фискалины [т.е. королевские рабы], и колонны [т.е. посаженные на землю лично зависимые люди], и [зависимые от] церкви люди, и рабы, [и те], которые благодетельствованы и держат бенефиции или [придворную?] службу, или будут благодетельствованы как вассалы вместе со своим господином и смогут иметь коней, оружие, и щит, и копье, и меч, и вооружённую стражу [?] – пусть клянутся все»).

Убийство рабов и прочих категорий зависимого населения Северной Галлии и Среднего Рейна, так же, как и в Рипуарской правде, продолжало караться штрафом в пользу их господина. Однако и этот аспект общественных отношений франков в VIII–IX вв. претерпел огромные изменения: в каролингских правовых источниках начала IX в., в отличие от законодательства Австразии начала VII в., они ценились гораздо выше, что также свидетельствовало о постепенном и неуклонном повышении их социального статуса.

Так, *Lex Francorum Chamavorum*, описывавшая общественные отношения начала IX в. у племени хамавов, требовала за убийство раба уже не 36, а 50 сол.¹⁵³ В то же самое время убийство лита оценивалось в точно такую же сумму, как в *Pactus legis Salicae* – 100 сол.¹⁵⁴ (тогда как в *Lex Ribvaria* их жизнь «стоила» только 36 сол.). Такого же возмещения за жизнь королевских и церковных зависимых людей, как и за жизнь лита, требовал и капитулярий – прибавление к Рипуарской правде 819 г.¹⁵⁵

Правда франкская хамавов также подчёркивала обретение рабом нового правового статуса в VIII – начале IX в., подтверждая обнаруженные в тексте Рипуарской правды начала VII в. тенденции к получению ранее полностью несвободными представителями франкского общества VI в. ограниченных судебных и имущественных прав. Одним из проявлений этой тенденции являлось взимание за жизнь убитого раба суммы «королевского мира», т.е. выплаты в пользу королевской (а с начала IX в. – императорской) казны штрафа за нарушение мира на территории племенного союза. Тем самым убийство раба переходило из плоскости частного разбирательства между его господином и убийцей в разряд дел, угрожавших миру в рамках всего племени и шире – социальному и политическому порядку, установленному Каролингами на подвластной территории.

¹⁵³ *Lex Franc. Chamav.* 6: Qui servum occiderit, solidos 50 componat. Exinde in dominico, sicut diximus, tertiam partem.

¹⁵⁴ *Ibid.* 6: Qui lidum occiderit, componat solidos 100, et exinde in dominicam tertiam partem.

¹⁵⁵ *Cap.* 41. 2: Homo regius, id est fiscalinus, et ecclesiasticus vel litus interfectus centum solidis componatur.

Ещё одним ярким свидетельством подтверждения нового статуса раба, встречавшимся в *Lex Francorum Chamavorum*, являлось его включение (наряду со свободными и литами) в перечень наказаний за повреждения отдельных органов и частей тела¹⁵⁶. В этом отношении Правда франкская хамавов разделяет подход Рипуарской правды, в которой такой блок знаменовал новое понимание раба как персоны с ограниченными правами. Теперь вред, причинённый ему, окончательно переходил из разряда ущерба движимому имуществу его господина (которому, согласно законам хамавов, теперь вообще не полагалось компенсации) в разряд нарушения общественного порядка и «королевского мира», за которые каролингские правители требовали компенсации в свою казну.

Вместе с тем, литы как прослойка лично зависимого населения в области проживания хамавов начинают сближаться по своему положению с рабами. Это видно хотя бы по тому, что судебные прецеденты, ранее рассматривавшиеся в Салической и Рипуарской правдах только по отношению к рабу, теперь начинают трактоваться законодателем и применительно к литу. Так, в праве хамавов не существовало наказания за

¹⁵⁶ *Lex Franc. Chamav* 17–23: Qui per capillos Francum priserit, solidos 12, et in dominico solidos 4. Et qui ei sanguinem sine culpa effuderit, solidos 12 componat, et in fredo dominico solidos 4. Si quis hominis Franci casam infregerit, solidos 12 componat, et in dominico solidos 4. Si quis hominis curtem infregerit, solidos 6 componat, in dominico solidos 4. Suam manum aut suum pedem aut suum oculum pro quarta parte de sua leode, et in fredo dominico semper de unaquaque re solidos 4. De ingenuo homine in emendatione sua solidos 8, nisi, sicut superius diximus, in fredo dominico solidos 4. De lido emendatione solidos 4, in fredo dominico solidos 4. De servo in emendatione solidos 2, in fredo dominico («Если кто-то схватит франка за волосы, [пусть уплатит] 12 солидов и 4 солидов в качестве «королевского мира». И если кто-то пустит ему кровь без вины, пусть возместит 12 солидов, и в качестве «королевского мира» 4 солидов. Если кто-то вторгнется в дом франка, пусть возместит 12 солидов, и в качестве «королевского мира» 4 солида. Если кто-то вторгнется в сад франка, пусть возмещает 6 солидов, а в качестве «королевского мира» 4 солида. Его же [отрубленная] рука, или его нога, или его [выбитый] глаз [пусть искупается] четвёртой частью его виры [т.е. 50 солидов], и в качестве «королевского мира» всегда и по любому делу [следует платить] 4 солида. За свободного человека с целью его очищения [от обвинения, взимается] 8 солидов, а, кроме того, как мы выше говорили, в качестве «королевского мира» 4 солида. За лита для очищения [требуется] 4 солида, а в качестве «королевского мира» 4 солида. За раба для очищения [требуется] 2 солида, а в качестве «королевского мира» 4 солида»).

совместную кражу свободного и раба, как в *Pactus legis Salicae*¹⁵⁷; такое наказание было предусмотрено лишь в случае сговора с литом¹⁵⁸. Кроме того, мы встречаем в Правде франкской хамавов (впервые среди трёх франкских правд) указание на то, как и в какие сроки господин должен был выдавать своего лита на судебное заседание¹⁵⁹.

Как правило, самостоятельная явка на суд традиционно рассматривалась варварскими правдами как неотъемлемое право лита¹⁶⁰; в данном же случае мы сталкиваемся с регулированием этого процесса со стороны его господина, что лишало самого лита одной из ключевых черт правоспособности, прежде роднившей его со свободными. В этом отношении лит всё более приближался к статусу раба или обедневшего свободного человека под патронатом богатого соплеменника, о необходимости представления которых на судебное заседание самим господином упоминается в Рипуарской правде¹⁶¹.

¹⁵⁷ *Pact. leg. Sal.* 40,12.

¹⁵⁸ *Lex Franc. Chamav.* 45: *De raptu. Si quis ingenuus cum lidis raptum fecerit, cum uno wadio et una manu emendare studeat* («Если какой-либо свободный совершит кражу вместе с литом, пусть потрудится очистить себя при помощи представления залога [в размере возмещения по делу] и при помощи одного своего свидетельства [дословно: «одной рукой»]). Именно такая трактовка в части санкции этого сложного титула предполагается издателем Правды франкской хамавов Р. Зомом: *Lex Francorum Chamavorum ex editione Rudolphi Sohm // Leges Saxonum. Lex Thuringorum. Edictum Theoderici regis. Remedii Curiensis episcopi capitula. Lex Ribuarua. Lex Francorum Chamavorum. Lex Romana Raetica Curiensis. Hannover, 1875–1889 (MGH. LL. 5). P. 276. Rem. 42.*

¹⁵⁹ *Lex Franc. Chamav.* 44: *Si quis de lito suo pro aliqua causa in ratione fuerit inventus, super noctes 14 ipsum lidum ad placitum adducat, si senior suus in ipso comitatu est. Si in alio comitatu est, ipse lidus suum seniore ad placitum adducat super noctes 25. Si in tercio comitatu est, super noctes 42. Si in alio ducato est, super noctes 84 cum suo seniore veniat ad ipsum placitum* («Если кого-то будут разыскивать в расчёте [на получение ответа] по какому-либо [судебному] делу против его лита, пусть он отведёт этого лита на судебное заседание в течение 14 дней, если сам господин будет присутствовать в этом графстве. Если он находится в другом графстве, пусть этот господин приведёт своего лита на судебное заседание в течение 25 дней. Если он находится в третьем [по удалённости от места преступления] графстве, пусть [приведёт лита] в течение 42 дней. Если он находится в другом герцогстве, пусть [лит] придёт со своим господином на это собрание в течение 84 дней»).

¹⁶⁰ См. подробнее: *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII вв. М., 1956. С. 138.

¹⁶¹ *L. Rib.* 32 (30,1) – 33 (30,2 Anfang).

Капитулярии также раскрывают перед исследователями некоторые черты имущественного и семейного статуса рабов и лично зависимого населения. Хотя право рабов на создание прочных семейных союзов и оспаривалось ещё в середине VIII в., а их разлучение в результате продажи было допустимой практикой¹⁶², всё же следует признать, что некоторые черты обычного брака двух полноправных людей в союзе рабов имелись.

Так, рабу разрешалось иметь семью с рабыней своего господина или сожительствовать со своей собственной (в случае, если он обладал зависимыми людьми) без всякого наказания¹⁶³; по-видимому, данное разрешение легализовывало практику, сложившуюся за какой-то период до правления Пипина Короткого, которым датируется процитированный источник (Декрет Вербери)¹⁶⁴. Тот же самый декрет требовал заключения брака при обнаружении у вольноотпущенника конкубины из числа рабынь его прежнего хозяина¹⁶⁵. В отдельных случаях, как показывает юридическая практика середины VIII в., было возможно даже расторжение брака между отпущенным на волю по грамоте (*cartularius*) и рабыней, которая также становилась вольноотпущенницей, если на то была воля её бывшего

¹⁶² Например: Cap. 16 (Decretum Vermeriense. a. 758–768): Si servus aut ancilla per venditionis causam separati fuerint, praedicandi sunt ut sic maneant, si eos reungere non possunt («Если раб или рабыня будут разлучены по причине продажи, пусть будут предупреждены, что так [разлучёнными] и останутся, если мы их не сможем соединить [в новом владении]»). Вместе с тем, данный закон вовсе не отрицал возможности покупки рабов целой семьёй другим господином без расторжения брака и даже давал ссылку на случаи, когда они могли быть вновь воссоединены по воле императора.

¹⁶³ Ibid. 7: Si servus suam ancillam concubinam habuerit, si ita placet, potest, illa dimissa, comparem suam, ancillam domini sui, accipere; sed melius est suam ancillam tenere («Если раб имеет в сожительницах свою рабыню, пусть он будет в состоянии, если так [он сам] пожелает, отпустив её [т.е. свою рабыню], принять в жёны равную себе [по статусу] рабыню его хозяина; но лучше будет, если он удержит свою рабыню [в качестве конкубины]»).

¹⁶⁴ Вербери – небольшой город в современной Пикардии, департамент Уаза.

¹⁶⁵ Ibid. 8: Si quis servus, libertate a domino suo accepta, postea cum ancilla eius adulterium perpetraverit, si dominus eius vult, velit nolit, ipsam ad uxorem habebit. Quod si ipsam dimiserit et aliam duxerit, cogatur omnino, ut posteriorem dimittat, et ipsam cum qua prius adulterium fecit recipiat... («Если какой-то раб, получив свободу от своего господина, после этого вступит в связь с его рабыней, если его господин пожелает, волей-неволей пусть он возьмёт её в жёны. И пусть, если он её прогонит и приведёт другую, в любом случае будет принуждён оставить последнюю и вновь взять в жёну ту, с которой прежде допустил прелюбодеяние...»)

сожителя¹⁶⁶; однако для того, чтобы расторгнуть брак, его необходимо было прежде заключить.

Итак, уже в капитуляриях времени правления Пипина фиксировались различные случаи заключения брака между рабами и вольноотпущенниками; и если союз свободного человека с чужим рабом или рабыней, а также с несвободным членом общества продолжал считаться преступлением и сурово карался, как и в VI–VII вв.¹⁶⁷, то брак между двумя зависимыми членами одного и того же домохозяйства в то же самое время поощрялся и был в некоторых случаях обязательным условием (как в случае сожительства вольноотпущенника и рабыни, патрон и хозяин которых были одним и тем же лицом). Здесь логика законодателя также понятна: сожительство двух рабов или вольноотпущенника и раба не угрожало власти их патрона и господина, т.к. они уже были лично зависимы от него и не могли посягнуть на его мундебюрд над своими домочадцами.

В некотором смысле заключение брака между либертом и рабой было для их господина даже выгодно: обе половины брачного союза таким образом можно было прочнее привязать к землям своего хозяйства и к своей власти. Однако вместе с тем для вольноотпущенника, который получал от патрона некоторые права при совершении акта освобождения, присутствовал и момент свободного волеизъявления при заключении брака: согласно одному из списков капитулярия, принятого в Вербери, он мог не жениться на отпущенной на волю рабе своего патрона, с которой он имел любовную связь до её отпуска, и предпочесть ей другую. По-видимому, на заключение браков

¹⁶⁶ Ibid. 20: Ut ille cartellarius qui cum ancilla manserit, cum eam, iuxta legem libertate a domino suo accepta, dimiserit aliam accipiens, posteriorem dimittat («Пусть тот освобождённый по грамоте, кто сожительствует с рабыней, когда она, приняв от господина свободу по закону, будет отпущена, [её бывший сожитель] примет [в жёны] другую; [а она] пусть она оставит его»). Этот текст очень сложен для понимания, поскольку в различных рукописях содержит разночтения; в некоторых кодексах, как указано в издании Боретия, сожительница названа женой вольноотпущенника (*uxor eius*). См. подробнее: *Capitularia regum Francorum* / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883 (MGH. Capit. 1). P. 41. Rem. 'u'–'v'.

¹⁶⁷ Pact. leg. Sal. 13, 8–9; 25, 5–6; L. Rib. 61 (58), 9–11, 14–16, 18; Cap. 142. 6 (обращение в рабскую зависимость свободного человека, вольноотпущенника – табулярия и их детей); Cap. III, 99, 1–2 (объявление свободной женщины вне закона).

между рабами и вольноотпущенниками одного господина также повлияла позиция церкви: хотя в каролингских капитуляриях нет прямого указания на разрешение и поощрение церковными иерархами таких союзов, можно предположить, что соединение рабов узами брака было для них предпочтительнее игнорирования внебрачных связей и практики конкубината.

К получению рабами и вольноотпущенниками права заключать браки необходимо добавить ещё одно очень важное право, которое даже «перекрывало» право представительства в суде и на ордалии. Это возможность ограниченного распоряжения имуществом, которая появлялась у раба и лично зависимого человека каролингского времени. По сути, будучи выраженным в законодательстве IX в., это право (наряду с созданием семьи) окончательно знаменовало разрушение границы между рабами и другими лично зависимыми категориями жителей крупнейших церковных и светских поместий и переход к синтезу более широкого слоя – средневековых сервов¹⁶⁸. Терминологические различия, отражённые в капитуляриях IX в., нивелировались близостью реальных прав и обязанностей всех зависимых категорий, проживавших в поместьях крупнейших землевладельцев того времени (короля и высших должностных чинов двора, прелатов церкви и светских земельных магнатов). В наибольшей степени эта тенденция нашла своё выражение в *Capitulare de villis* конца VIII в., однако её проявления встречаются на протяжении VIII–IX вв. во множестве других капитуляриев.

В конце XIX в. Х. Бруннером и К. фон Инама-Штернегом была высказана крайне интересная точка зрения на кардинальное изменение положения раба во владельческом комплексе его господина в VIII–IX вв.¹⁶⁹. В

¹⁶⁸ Именно перечисленные признаки выделялись Ш. Верлинденом в качестве системообразующих в процессе формирования средневекового серважа в эпоху Каролингов: *Verlinden Ch. L'Esclavage dans l'Europe médiévale*. Brugge, 1955. Т. I. P. 729–747; *Bondue D. De servus à sclavus: La fin de l'esclavage antique (371–918)*. Paris, 2011. P. 487–494.

¹⁶⁹ *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte*. 2. Aufl. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 370–371; *Inama-Sternegg K. Th., von. Deutsche Wirtschaftsgeschichte*. Bd. I: Bis zum Schluß der Karolingerperiode. 2. Aufl. Leipzig, 1909. S. 359–365.

середине прошлого века она была поддержана немецким учёным Х. Леманом¹⁷⁰. Она гласит, что рабы в IX в. окончательно перешли из разряда движимого имущества в разряд недвижимости вне зависимости от того, были они посажены на землю или же получали пропитание от своего господина в обмен на оказание ему определённой службы (ремесленных работ, извозной повинности или барщины). Х. Леман писал о том, что терминологически рабы были разделены канцелярией Каролингов к началу IX в. на посаженных на землю (*servi casati*) и не посаженных (*mancipia non casata*); они относились друг к другу как недвижимость (*res immobilis*) и движимое имущество (традиционный термин в отношении римских и франкских рабов – *res*)¹⁷¹. По сути, этим был сделан решающий шаг к трансформации рабов и других категорий зависимых жителей поместий в сервов. Одним из основных признаков этого процесса являлось их прочное прикрепление к конкретному поместью.

¹⁷⁰ См. подробнее: *Lehmann H. Bemerkungen zur Sklaverei im frühmittelalterlichen Bayern und zu den Forschungsmethoden auf dem Gebiet germanischer Sozialgeschichte // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1965. Bd. 13. S. 1378–1387.* Точка зрения Лемана была также поддержана отечественной наукой: *Капранова Е.Ю. Указ. соч. С. 112–113.* Последовательно эту позицию опровергал Х. Нельзен (*Nehlsen H. Mancipia // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Berlin, 1978. Bd. III. Lfg. 17. Sp. 219–229*), однако он приводил доводы только из текста *Leges barbarorum* и юридических формул, не принимая в расчёт капитулярии каролингской канцелярии.

¹⁷¹ Например, *Cap. 45 (Divisio regnorum. a. 806. Februar. 6). 11 = Cap. 194 (Divisio regnorum. a. 831). 7: De traditionibus autem atque venditionibus que inter partes fieri solent precipimus, ut nullus ex his tribus fratribus suscipiat de regno alterius a quolibet homine traditionem vel venditionem rerum immobilium, hoc est terrarum, vinearum atque silvarum servorumque qui iam casati sunt sive ceterarum rerum quae hereditatis nomine censentur, excepto auro, argento et gemmis, armis ac vestibus necnon et mancipiis non casatis [...]* («Мы приказываем о завещаниях, а также о продажах, которые могут быть совершены между частями [империи], чтобы никто из трёх братьев [Людовик, Пипин / Карломан, Карл Молодой] не принимал бы передачу в наследство или продажу от кого-либо из подданных другого королевства *недвижимости*, т.е. земель, виноградников, а также лесов и рабов, которые будут посажены на землю, или *другого [движимого] имущества*, которое будет определено под именем наследства, кроме золота, серебра и драгоценных камней, оружия, а также платьев и рабов, не посаженных на землю...»). См. также: *Cap. 80 (Cap. de iustitiis faciendis. a. 811–813). 4: Ut nullus homo in placito centenarii neque ad mortem neque ad libertatem suam amittendam aut ad res reddendas vel mancipia iudicetur...; Cap. 148 (Cap. missorum. a. 821). 2: De rebus sive mancipiis, quae dicuntur a fisco nostro esse occupata, volumus ut missi nostri inquisitionem faciant...*

Несмотря на то, что исключения из данной тенденции в начале IX в. ещё встречались (на них указывает Е.Ю. Капранова)¹⁷², в целом, она отчётливо была проявлена в большинстве каролингских капитуляриев. Часть их установлений направлена на запрет отчуждения отдельных категорий рабов и лично зависимых людей, принадлежавших наиболее крупным и влиятельным землевладельцам IX в. – королю¹⁷³ и монастырям¹⁷⁴. В этом отношении было показательным появление в период правления Карла Великого и его сына, Людовика Благочестивого, сразу нескольких установлений о необходимости охраны рабов и зависимых людей от посягательств на них как на часть поместного комплекса, который мог принадлежать человеку различного социального статуса и положения. Так, в капитуляриях Карла Великого 803–813 гг., посвящённых борьбе с ворами, грабителями и убийцами, требование выдавать беглых людей распространялось даже на наиболее влиятельных франков, обладавших судебным иммунитетом (очевидно, и светских, и духовных землевладельцев)¹⁷⁵. Необходимо особо обратить внимание на то, что такое

¹⁷² Примеры см.: Там же. С. 112. Прим. 74–75.

¹⁷³ Cap. 77 (Cap. Aquisgranense. a. 801–813). 5: Ut vicarii nostri vel centenarii a servo regis mancipia ne emant («Чтобы наши викарии и сотники не принимали от королевского лично зависимого человека [= раба] рабов»).

¹⁷⁴ Cap. 153 (Capitula e lege Romana excerpta. a. 826 initio). 1: Nulla sub Romana ditione constituta ecclesia... non liceat alienare rem immobilem sive domum, sive agrum sive hortum sive rusticum mancipium vel pabes civiles, neque creditoribus specialis hypothecae titulo obligare («Пусть ни у одной церкви, находящейся под римским главенством... не будет позволено отчуждать недвижимость: или дом, или поле, или сад, или возделывающих поля рабов, или хлеба, [приготавливаемые для дворца], кроме как если она будет должна отдать их кредиторам по условию особого залога»).

¹⁷⁵ Cap. 39. 2: Si autem homo furtum aut homicidium vel quodlibet crimen foris committens infra emunitatem fugerit, mandet comes vel episcopo vel abbati vel vicedomino vel quicumque locum episcopi vel abbatis tenuerit, ut reddat ei reum. Si ille contradixerit et eum reddere noluerit, in prima contradictione solidis XV culpabilis iudicetur; si ad secundam inquisitionem eum reddere noluerit, XXX solidis culpabilis iudicetur; si nec ad tertiam consertire noluerit, quicquid reus damnum fecerat, totum ille qui eum infra emunitatem retinet nec reddere vult solvere cogatur, et ipse comes veniens licentiam habeat ipsum hominem infra emunitatem quaerendi, ubicumque eum invenire potuerit; Cap. 82. 5: Si latro in emunitate fugerit, mandent hoc missi nostri domino eiusdem emunitatis aut illi qui locum eius ibidem tenet, ut eum foris eiciat et veniat in iudicium et legibus fiat iudicatus. Et si ipse contradixerit et eum eicere neglexerit, in prima contradictione XV solidos componat, et in secunda inquisitione solidos XXX

требование обозначалось по отношению к любому беглому, который был подчинён какому-либо богатому франку – и к свободному человеку (*liber homo*), и к рабу непривилегированного германца (*cuiuslibet servus*), и к зависимому человеку церкви (*ecclesiasticus homo*), и даже к рабу короля и императора (*fiscalinus*)¹⁷⁶. Даже если беглый раб не являлся преступником, его всё равно следовало вернуть прежнему господину либо выплатить высокий штраф за неповиновение королевскому агенту¹⁷⁷. Это предписание распространялось не только на светское и церковное землевладение частных лиц, но и на королевские поместья: представители короля и императора точно так же должны были, под угрозой наложения штрафа, удалять рабов из их владений, чтобы они не могли воспользоваться судебным иммунитетом этого места¹⁷⁸.

culpabilis iudicetur; et si in tertia munitione contradictor perseveraverit, mandent hoc nobis missi nostri et nos commendamus, quit inde fiat, utrum ipsi ibidem intrare debeant aut non [...].

¹⁷⁶ См.: Cap. 82. 4, 6.

¹⁷⁷ Cap. 140. 1: *...Si mancipia dominos suos fugerint in alienam potestatem, ut propter hoc nullum praemium accipiat ille in cuius potestate fuerint inventa pro eo quod ea vel reddiderit vel foras eiecerit; et non solum hoc, sed etiam si ea nec reddere nec foras eiecere voluerit et legitimo domino ea contradixerit et illa inde postea effugerint, secundum legem ea solvere cogatur* («Если рабы убегут от своих господ под власть другого, пусть не принимает никакого вознаграждения тот, в чьей власти они будут обнаружены, за то, чтобы их либо вернуть, либо прогнать прочь; и не только это [следует соблюдать]: если он не захочет их ни возвращать, ни прогонять прочь, а они захотят возражать законному господину и после этого убегут [от них обоих], пусть он отвечает по закону»); Cap. 141 (Cap. missorum. a. 819). 18: *Ut clerici et monachi et servi fugitivi ad loca sua redire iubeantur* («Пусть распорядятся, чтобы клирики, и монахи, и бежавшие рабы были водворены на свои [прежние] места»).

¹⁷⁸ *Ibid.* 6: *De mancipiis in villas dominicas confugientibus. Si cuiuslibet mancipia in villam nostram confugerint, actor eiusdem villae quaerenti domino ea non contradicat, sed statim ea foras de eadem villa eiciat; et si se putat ad ea repetenda iustitiam habere, repetat et secundum legem adquirat* («О рабах, которые убегут в королевские виллы. Если чей-либо раб убежит в нашу виллу [=поместье], пусть [королевский] представитель в данном поместье не возражает [заявителю], но немедленно изгонит их из этой виллы; и если он вознамерится совершить над ними правосудие, потребовав их себе обратно, пусть потребует и спрашивает [со своих рабов] согласно закону»). То же самое касалось и тех рабов, которых удерживали управляющие королевских поместий со времени правления Карла Великого и которых затребовали обратно их владельцы. См. также Cap. 148. 3: *Si servi vel ecclesiastici vel quorumlibet liberorum hominum in fiscum nostrum confugerint et a dominis vel advocatis eorum repetiti fuerint, si actor fisci nostri intellexerit, quod eos iuste non possit tenere ad nostrum dominium, eiciat illos de eodem fisco et recipiant eos domini eorum* («Если рабы, или [зависимые от] церкви, или от свободных людей, бегут в наше поместье и будут затребованы господами или их судебными представителями, если распорядитель нашей

Каролингские капитулярии VIII–IX вв. боролись не только с бегством рабов и зависимых людей из одних поместий в другие, но и с прочими способами покинуть своих господ и обрести новый социальный статус путём ухода в монастырь и посвящения в духовный сан. Причём следует обратить внимание на то, что в этом запрете упомянута передача раба в церковь третьим лицом, а не его господином¹⁷⁹. Из этого следует заключить то, что и в конце VIII – начале IX в., как и веком ранее, сохранялась устойчивая тенденция расширения церковных владений, в т.ч. за счёт перехода в их состав земельных владений и сидевшего на них населения, прежде зависимого от светских землевладельцев. Ускорение этих процессов наглядно продемонстрировано в некоторых установлениях, которые требуют от церкви не конфисковывать земельные владения и имущество обедневших свободных Северной Галлии и Среднего Рейна¹⁸⁰.

Подобно многим другим свободным представителям франкского общества VIII–IX вв., рабы, вместе с прикреплением к определённой территории и земельному владению, также получали некоторые права по распоряжению своим имуществом, которое прежде рассматривалось как имущество их господ (наряду с самими рабами). Они могли иметь в своём распоряжении земельные участки, сельскохозяйственные орудия и упряжной

казны дознается, что они не могут принадлежать к нашему владению по закону, пусть изгонит их из этого поместья, и примут их господа»).

¹⁷⁹ Начало было положено ещё Карлом Великим: Cap. 22 (Admonitio generalis. a. 789. Mart. 23). 23, 57: Omnibus... ut servum alterius nullus sollicitet ad clericalem vel monachicum ordinam sive voluntate et licentia domini sui [...] Episcopis... ut nullus episcopus servus alterius ad clericatus officium sine domini sui voluntate promovere praesumat [...]. См. также: Cap. 138 (Cap. ecclesiasticum. a. 818–819). 6: [...] Et si quilibet servus dominum suum fugiens, aut latitans aut adhibuit testibus munere conductis vel corruptis aut qualibet calliditate vel fraude, ad gradus ecclesiasticos pervenerit, decretum est ut deponatur, et dominus eius eum recipiat [...].

¹⁸⁰ Cap. 154 (Cap. e conciliis excerpta. a. 826–827). 2: Ut res pauperum vel minus potentum mala occasione non emantur. Propter provisiones pauperum, pro quibus curam habere debemus, placuit nobis, ut nec episcopi nec abbates nec comites nec vicarii nec iudices nullusque omnino sub mala occasione vel malo ingenio res pauperum vel minus potentum nec emere nec vi tollere audeat [...] («Пусть имущество бедняков или менее зажиточных [свободных] не приобретается дурным образом. Для поддержка бедных, мы должны о них заботиться, [поэтому] нам угодно, чтобы ни епископы, ни аббаты, ни графы, ни викарии, ни управляющие [церковными поместьями] и никто иной не пытались приобретать и отбирать силой имущество бедняков или менее зажиточных [свободных] дурным образом или со злыми намерениями»).

скот и даже зависимых от себя людей¹⁸¹, а также – и в этом их огромное отличие от рабов VI–VII вв., – могли передавать это имущество своим наследникам¹⁸². Безусловно, нельзя говорить о полной свободе распоряжения рабов своей личностью и имуществом: очевидно, что они не могли передать его «на сторону» (третьему лицу, помимо своего прямого родственника или господина) или же отказаться от родства, в отличие от свободных франков VI в. Они не могли уйти в церковь без разрешения своего господина. Тем не менее, прикрепление раба к своему участку или своей службе в рамках определённого господского хозяйства, которое отчётливо проявилось в «Капитулярии о поместьях», имело и обратную сторону: они получали определённый судебный иммунитет, а также рассматривались как «персоны ограниченного права» как в имущественном, так и в правовом отношении (право свидетельствовать и клясться в суде, право завещать своё имущество в пределах своего рода).

«Капитулярий о поместьях» (*Capitulare de villis*), зафиксированный в конце VIII в., представляет нам достаточно полную и красочную картину развития королевского поместья в начале правления династии Каролингов. Уделяя внимание практически всем вопросам хозяйственного быта – организации управления, податной системе и отработкам, исполнению военной и извозной служб, а также составу культур и породам скота, которые необходимо было иметь для поддержания господского хозяйства, –

¹⁸¹ Например: *Cap.* 30 (*Capitulum in pago Cenomannico datum. a. 800*); *Cap.* 77.

¹⁸² Косвенно об этом упомянуто в следующих капитуляриях: *Cap.* 82 (*Cap. Karoli M. de latronibus. a. 804–813*). 6: *Sive liber sive ecclesiasticus sive cuiuslibet hominis servus qui ad mortem deiudicatus fuerit, de rebus suis non expoliantur set domino suo aut infantibus aut propinquis heredibus reserventur: quia nobis dignum non videtur, quod, postquam morti tradetur, ut dominus eius aut infantis aut propinquis heredibus suis perdunt rebus, quia nihil amplius ultra se ipsum perdere debet* («Пусть свободный человек, или [зависимый от] церкви, или раб какого-то человека, который будет приговорён к смерти, не будет лишён своего имущества, но пусть оно останется за его господином, или детьми, или наследниками по родственной линии, поскольку нам видится недостойным то, что после того, как [осуждённый] предаётся смерти, его господин, или дети, или наследники по родственной линии будут обделены [его] имуществом, поскольку никто не должен терять больше, чем самого себя [т.е. свою жизнь]»). Кроме того, *Cap.* 41. 9–10 разрешал наследование имущества вольноотпущенника, начиная с третьего колена.

капитулярий не менее подробно останавливался на различных социальных категориях и "профессиях, представленных в королевских поместьях в VIII – начале IX в.

Так, наибольшей властью и самым высоким статусом в поместьях Пипинидов и Каролингов в VIII в. располагали обладатели такой должности, как *iudex*¹⁸³. Этот термин в хрестоматийном переводе было принято передавать русским словом «управляющий»¹⁸⁴; с такой трактовкой следует согласиться, поскольку *iudex* напрямую представлял короля в поместье и организовывал всю его хозяйственную жизнь, а не только судил провинившихся и докладывал королю о нарушениях на его землях.

У управляющего королевским поместьем были помощники, обозначаемые латинским термином *iuniores*¹⁸⁵. Помимо этих двух категорий, в администрации такого землевладельческого комплекса имелись и другие должностные лица. В их числе упомянуты староста – *maior*¹⁸⁶, и надсмотрщик – *minister*¹⁸⁷. Кроме того, у старост могли также быть помощники, обозначенные просто как *homines eorum*¹⁸⁸. Очевидно, что именно эти категории и представляли собой основной аппарат управления королевскими поместьями вне зависимости от их размера и места расположения. Им подчинялись в судебном и административном отношении все прочие свободные и зависимые жители поместья.

Для зависимых от короля и его администрации людей, проживавших на землях таких хозяйств, также существовало несколько обозначений. Во-первых, к таким людям относилась категория министерялов (*ministeriales*),

¹⁸³ Сведения о них содержатся в следующих главах: *Cap. de villis*. 3, 5–9, 11–12, 16–17, 20–21, 23–24, 28–30, 32, 36, 40, 45, 48, 50–51, 53–59, 61–63, 65, 68. Таким образом, половина из всех гав капитулярия (36 из 70) обращена к обязанностям управляющих поместьями напрямую.

¹⁸⁴ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1. Раннее средневековье. С. 437–446.

¹⁸⁵ См., например: *Ibid.* 57–58, 63.

¹⁸⁶ *Ibid.* 10, 26, 36, 60.

¹⁸⁷ *Ibid.* 29. Однократно (*Ibid.* 61) это слово также используется в качестве синонима слова *ministetiales* – мастера, умеющего варить пиво (*cervisa*). См. полный список значений слова *minister* в словаре: *Niermeyer J.F.* *Op. cit.* P. 683–684.

¹⁸⁸ *Cap. de villis*. 36.

уже известных нам по данным Салической правды и некоторых других правовых источников VI–VIII вв. В это понятие, как и в случае с «рабами высшей категории» в составе *Pactus legis Salicae*, входили многообразные профессиональные ремесленники, представители администрации с более низким статусом, чем у управляющих и его помощников, исполнители отдельных служб, требовавших особой квалификации. В отдельных случаях капитулярий также видел в числе *ministeriales* упомянутых выше старост; однако, по другим данным, которые имелись в том же источнике, староста обладал привилегией, которой не было у многих других высококвалифицированных категорий служащих, а именно – он мог быть обладателем бенефиция, пожалованного королём в награду за преданную службу, и мог даже представить вместо себя на службу к управляющему своего заместителя¹⁸⁹. Из этого следует также то, что староста мог даже находиться за пределами данного королевского поместья, обладая собственным владением, в то время как прочие *ministeriales* были обязаны повинностями со своих земельных наделов (*мансов*), расположенных в пределах этого поместья¹⁹⁰.

Среди проживавших на землях поместья также были упомянуты свободные люди¹⁹¹, рабы¹⁹², фискалы¹⁹³ и трибутарии¹⁹⁴. Несмотря на сходство социальной терминологии капитулярия и Салической правды в её

¹⁸⁹ *Ibid.* 10: [...] *Et qualiscumque maior habuerit beneficium, suum vicarium mittere faciat, qualiter et manuopera et ceterum servitium pro eo adimplere debeat* («И если какой-то староста будет обладать бенефицием, пусть потрудится послать [на службу королю] своего заместителя, и подобно [прочим *ministerialibus*] пусть тот должен будет выполнять за него и [отработочные] повинности, и прочую службу [в пользу короля]»).

¹⁹⁰ Тем не менее, в старосте не следует видеть крупного землевладельца, который мог бы конкурировать по уровню своих доходов с королевскими или духовными поместьями. На это обстоятельство указывает тот факт, что капитулярий предписывал «не ставить старост из сильных людей, но из людей среднего достатка и верных [королю]» (*Ibid.* 60: *Nequaquam de potentioribus hominibus maiores fiant, sed de mediocribus qui fideles sint*). См. также: *Ibid.* 26: *Maiores vero amplius in ministerio non habeant nisi quantum in una die circumire aut providere potuerint* («Старосты же пусть не имеют в своём распоряжении более того, что они могут обойти или обозреть за один день»).

¹⁹¹ *Ibid.* 50, 52, 62.

¹⁹² *Ibid.* 23, 29, 52, 57, 67.

¹⁹³ *Ibid.* 50.

¹⁹⁴ *Ibid.* 62.

различных редакциях начала VI – начала IX в., данные понятия обозначали в памятниках разные правовые статусы. Если в *Lex Salica* они были разграничены не только степенью свободы, но и имущественным положением, и судебной правоспособностью, то в отношении всех категорий, перечисленных в «Капитулярии о поместьях», мы можем констатировать практически полное отсутствие сведений о дифференциации их социально-правового положения (стоимость, величина компенсации за преступления против них, права и обязанности в поместном суде), а также о степени их зажиточности или бедности. В основном, капитулярий касался именно хозяйственных аспектов деятельности лично и поземельно зависимого населения королевского поместья, которая не всегда позволяла разделять отдельные категории¹⁹⁵. Тем не менее, для того управляющего или ответственного лица, которому был адресован *Capitulare de villis*, должно было быть предельно ясно общее положение этих категорий в структуре королевского землевладения.

Эта общность заключалась в том, что все они были представителями более широкого социального и правового слоя, обозначенного как *homines nostri* («наши люди»)¹⁹⁶. В определённом отношении их можно было бы уподобить уже описанной в рамках раздела о лично зависимом населении Рипуарской правды категории *homo regius aut ecclesiasticus*; для короля «нашими людьми» являлись абсолютно все жители его поместий (исключая, пожалуй, только управляющих, которые были по статусу значительно выше податного населения и квалифицированных ремесленников).

Именно в «Капитулярии о поместьях» прослеживается тот тренд, который был выявлен автором работы на примере анализа социально-правового статуса *homo regius aut ecclesiasticus* в качестве объяснения процесса генезиса лично и поземельно зависимого населения (будущего средневекового крестьянства) в Северной Галлии и на Среднем Рейне. Он

¹⁹⁵ См. об этом: *Капранова Е.Ю.* Указ. соч. С. 108.

¹⁹⁶ *Ibid.* 2, 6, 11, 16, 29, 36, 53, 59. Кроме того, четырежды вместо выражения «*homines nostri*» употребляется его аналог – «*familia nostra*» (*Ibid.* 3–4, 54, 56).

заключается в постепенном слиянии различных категорий, находившихся под патронатом или в прямой зависимости от крупного землевладельца (короля или его дружинника, монастыря или церкви, галло-римского магната, разбогатевшего свободного франка): рабов, посаженных на землю; дворовых рабов и слуг; обедневших свободных общинников и вольноотпущенников, передавших над собой покровительство другому человеку и не имевших средств к самостоятельному существованию, – в один зависимый слой, впоследствии ставший основой для слоя сервов, сидевших на землях своего господина, вносящих различные подати и исполнявших разнообразные повинности в его пользу.

Именно с целью оптимизации сборов и податей с подвластного населения во многом и был задуман текст *Capitulare de villis*. На то, что с королевских подданных, сидевших на землях его поместий, было запрещено брать больше определённого объёма продуктов и требовать слишком тяжёлых служб, было указано уже в первых двух главах капитулярия. Кроме того, управляющим поместьями и их помощникам, а также третьим лицам, не имевшим касательства к его администрации, не разрешалось каким бы то ни было образом эксплуатировать зависимых от короля земледельцев¹⁹⁷. Поскольку абсолютно все зависимые от короля люди, как обладавшие мансами в самом поместье или бенефициями за его пределами, так и находившиеся на его иждивении и не располагавшие землёй вовсе (т.н. провандарии, от *provenda*, или *prebenda* – «ежедневное продуктивное довольствие»)¹⁹⁸, были обязаны определёнными выплатами и службами в пользу своего господина и его агентов, податная часть глав капитулярия

¹⁹⁷ Ibid. 1–2: *Volumus ut villae nostrae, quas ad opus nostrum serviendi institutas habemus, sub integritate partibus nostris deserviant et non aliis hominibus. Ut familia nostra bene conservata sit et a nemine in pauperitate missa* («Мы желаем, чтобы наши виллы, которые мы устроили для обслуживания наших потребностей, усердно бескорыстно служили нашим целям, а не другим людям. Чтобы наши люди хорошо охранялись [от посягательств со стороны] и никем не могли быть ввергнуты в бедность»).

¹⁹⁸ См. подробнее значения этого термина в словаре: *Niermeyer J.F. Op. cit. P. 822–823.*

была очень подробной. Примечательно и то, что она была разделена на главы по отдельным категориям и занятиям жителей поместья.

Так, исходя из текста «Капитулярия о поместьях», становится понятным то, что наивысшим положением среди всех жителей поместья, обязанных натуральными или денежными повинностями, а также службами в пользу его управляющего, обладала категория министриалов. Десятая глава капитулярия перечисляет среди министриалов членов администрации (старосты, ключники, мытари, десятники и др.), обладавших мансами в королевском поместье и обязанных определёнными службами за возможность распоряжения ими¹⁹⁹. Исключения не было сделано даже для старосты, часто или постоянно находившегося в своём бенефиции за пределами данного поместья: присланный вместо него человек также был обязан отработками и натуральными повинностями в пользу короля.

В главе 45 речь идёт о том, что в число министриалов попадали многие из ремесленников, которые обслуживали потребности королевского хозяйства по изготовлению орудий труда, предметов быта и продуктов питания. Среди последних упомянуты такие профессии, как кузнецы и мастера по металлу, мукомолы, мыловары, пивовары, ловчие²⁰⁰. Отдельно

¹⁹⁹ Ibid. 10: Ut maiores nostri et forestarii, poledrarii, cellerarii, decani, telonarii vel ceteri ministeriales rega faciant et sogales donent de mansis eorum, pro manuopera vero eorum ministeria bene praevideant. Et qualiscumque maior habuerit beneficium, suum vicarium mittere faciat, qualiter et manuopera et ceterum servitium pro eo adimplere debeat («Чтобы наши старосты, и лесничие, конюшие, ключники, десятники, мытари и [ли] прочие министриалы совершают пахоту и давали от своих мансов поросят; а вместо [отработочных] повинностей пусть хорошо исполняют свою службу. И если какой-то староста будет обладать бенефицием, пусть потрудится послать [на службу королю] своего заместителя, и подобно [прочим министриалам] пусть тот должен будет выполнять за него и [отработочные] повинности, и прочую службу [в пользу короля]»).

²⁰⁰ Ibid. 45: Ut unusquisque iudex in suo ministerio bonos habeat artifices, id est fabros ferrarios et aurifices vel argentarios, sutores, tornatores, carpentarios, scutarios, piscatores, aucipites id est aucellatores, saponarios, siceratores, id est qui cervisam vel pomatium sive piratium vel aliud quodcumque liquamen ad bibendum aptum fuerit facere sciant, pistores, qui similam ad opus nostrum faciant, retiatores qui retia facere bene sciant, tam ad venandum quam ad piscandum sive ad aves capiendum, necnon et reliquos ministeriales quos ad numerandum longum est («Чтобы каждый управляющий имеет к своим услугам добрых мастеров, а именно: кузнецов, золотых и серебряных дел мастеров, сапожников, горшечников, каретников, щитников, рыболовов, птицеловов, мыловаров, пивоваров, т.е. тех, кто будет знать, как готовить брагу, или яблочный и грушевый сидр, или любые другие отвары,

редактор *Capitulare de villis* записал требование к управляющим содержать людей, ухаживающими за пчёлами²⁰¹.

Однако в отношении этих людей нет упоминания о повинностях, выходящих за рамки их профессиональных навыков, т.е. о возделывании ими земли или отработках на землях господского домена. Очевидно, что в этом отношении они значительно отличались от низших административных чинов поместья, перечисленных выше: необходимость организации сложных технологических процессов практически исключала возможность участия этой категории *ministeriales* в сельскохозяйственном труде. Вполне возможно и даже вероятно, что бóльшая часть квалифицированных ремесленников даже не имела своего собственного манса, проживая на домениальных землях королевского поместья и непрерывно поддерживая соответствующие производственные процессы в его мастерских (таких как кузница, винодавильня, пивоварня и т.п.)²⁰². Кроме того, некоторые ремесленные работы (например, плетение или починка сетей, прядение) могли производиться в женских покоях, располагавшихся отдельно от прочих построек на территории господского двора²⁰³.

предназначенные для употребления; мукомолов, которые изготовляют для наших нужд пшеничный хлеб; плетущих сети [ремесленников], которые будут знать, как добротнo плести сети как для ловли дичи, так и для ловли рыбы или птицы; а также и других *министериалов*, которых долго перечислять»).

²⁰¹ Ibid. 17: *Quantasumque villas unusquisque in ministerio habuerit, tantos habeat deputatos homines qui apes ad nostrum opus praevideant* («Какими бы не были по размеру виллы, которые каждый имеет в своём распоряжении, пусть столько же имеет назначенных [в них] людей, которые бы ухаживали за пчёлами для наших потребностей»).

²⁰² Ibid. 41: *Ut aedificia intra curtes nostras vel sepes in circuitu bene sint custoditae, et stabula vel coquinae atque pistrina seu torcularia studiose praeparatae fiant, quatenus ibidem condigne ministeriales nostri officia eorum bene nitide peragere possint* («Чтобы постройки в наших дворах и[ли] ограды вокруг них хорошо охранялись, и конюшни, или кухни, а также пекарни и[ли] винодавильни тщательно приготавливались [к работе], поскольку там наши *министериалы* могли исполнять свои службы надлежащим образом и совершенно опрятно»); Ibid. 48: *Ut torcularia in villis nostris bene sint praeparata [...]* («Пусть винодавильни в наших виллах будут хорошо приготовлены [к работе]...»).

²⁰³ Ibid. 31: *Ut hoc quod ad provendarios vel genitias dare debent simili modo unoquoque anno separare faciant et tempore oportuno pleniter donent et nobis dicere sciant, qualiter inde faciunt vel unde exit* («Чтобы то, что должны передать пребендариям и [работницам в] женских помещениях, должно было быть одним и тем же способом разделено на каждый год и передано в надлежащее время; и нам пусть не забудут сообщать, что из того получилось и откуда это взяли»); Ibid. 43: *Ad genitia nostra, sicut institutum est, opera ad tempus dare*

В главах 16 и 47 в числе министериалов названы сенешаль и чашник (*butticularius*)²⁰⁴, а также другие придворные должности (королевские ловчие, сокольничьи)²⁰⁵. Однако их положение в каролингском обществе рубежа VIII–IX вв. уже резко отличалось от положения «рабов высшей категории» VI в. и даже положения зависимых от короля служащих, сидевших на землях его поместья и исполнявших за свои надёлы определённые повинности (упомянутых, например, в главе 45). В некоторых случаях в отношении маршала, сенешаля и других высших королевских должностей даже употреблялся термин «министериал двора» (*ministerialis palatinus*)²⁰⁶. Это говорит о многообразии категории министериалов и о сохранении (хотя и в остаточном виде) представления о них как о выходцах из «привилегированных рабов» даже в конце VIII – начале IX в.

Все перечисленные профессии и занятия как населения самих поместий, так и приближённых короля, соответствовали основным

faciant, id est linum, lanam, waisdo, vermiculo, warentia, pectinos laninas, cardones, saponem, unctum, vascula vel reliqua minutia quae ibidem necesseria sunt («Для наших потребностей пусть вовремя потрудятся давать в женские помещения, как было установлено, [следующие материалы], а именно: лён, шерсть, вайду [= синюю краску], алую [и] красную краски, гребни для [чесания] шерсти, ворсянку, мыло, масла, небольшую посуду и прочие мелочи, в которых там имеется потребность»); Ibid. 49: Ut genitia nostra bene sint ordinata, id est de casis, pislis, teguriis id est screonis; et sepes bonas in circuitu habeant et portas firmas qualiter opera nostra bene peragere valeant («Чтобы наши женские покои были хорошо устроены, т.е. в отношении светлиц, помещений с очагом, горниц для прядения; и пусть всегда вокруг имеются крепкие ограды и надёжные двери, чтобы они могли хорошо выполнять нашу службу»). Ср. «genicia» (женские помещения) в третьем капитулярии: Cap. III. 104, 11.

²⁰⁴ Cap. de villis. 16: Volumus ut quicquid nos aut regina unicuique iudici ordinauerimus aut ministeriales nostri, siniscalcus et butticularius, de verbo nostro aut reginae ipsis iudicibus ordinauerit, ad eundem placitum sicut eis institutum fuerit impletum habeant [...] («Мы желаем, чтобы всё, что мы или королева приказывали какому-либо управляющему или [то, что] от нашего имени или имени королевы прикажут наши министериалы, сенешаль и чашник, тем управляющим, было бы исполнено к тому самому сроку, когда им будет указано...»).

²⁰⁵ Ibid. 47: Ut venatores nostri et falconarii vel reliqui ministeriales, qui nobis in palatio adsidue deserviunt, consilium in villis nostris habeant, secundum quod nos aut regina per litteras nostras iusserimus, quando ad aliquam utilitatem nostram eos miserimus, aut siniscalcus et butticularius de nostro verbo eis aliquid facere praesceperint («Чтобы наши ловчие и сокольничьи и [ли] другие министериалы, которые усердно прислуживают нам при дворе, получали в наших виллах содействие согласно тому, что приказали мы или королева посредством наших предписаний: когда мы посылаем их к [исполнению] любой нашей службы, или [когда] сенешаль, и чашник предписывают им что-то сделать по нашему приказу»).

²⁰⁶ Cap. 146 (Cap. de disciplina palatii Aquisgranensis. circa a. 820). 1.

критериям подбора кандидатов для их замещения, сохранившимся со времени древнейшей редакции *Pactus legis Salicae* – наличием особых навыков в той или иной сфере деятельности (административном управлении, ремесле) и достаточной близости к своему господину и ко двору (а в случае с королевскими поместьями – к его представителям, управляющим или старостам).

Земледельческий труд в «*Capitulare de villis*» также был описан достаточно подробно. Это выражалось как в возложении обязанностей по запашке земли на некоторых министериалов, упомянутых в *Cap. de villis*. 10, так и в прямой отсылке к той категории лично зависимого населения поместий, прямой обязанностью которой была обработка своего участка и господской земли с последующей передачей различных натуральных и денежных платежей в пользу управляющего и его агентов.

Одним из предписаний короля Людовика и агентов Карла Великого, специально оговорённом в капитулярии, являлось обязательное оповещение королевских управляющих о тех рабах, для которых не было свободных мансов. Это было необходимо для того, чтобы изыскать для них незанятый участок (*mansus absus*) и, таким образом, связать их с сельскохозяйственными работами²⁰⁷. Кроме того, источник указывает на держателей мансов и выполнявших обязанности рабов–земледельцев, которые были обязаны поставками кур и яиц в пользу короля, а излишки

²⁰⁷ *Cap. de villis*. 67: *De mansis absis et mancipiis adquisitis, si aliquid super se habuerint quod non habeant ubi eos collocare possint, nobis nuntiare faciant* («О мансах, лежащих под паром, и приобретённых рабах, если что-то [из перечисленного] имеется в избытке, [повелеваем]: если они не имеют места, где их могут задействовать, пусть должны будут нам сообщать»).

могли продавать на рынке²⁰⁸. Достаточно активно были задействованы рабы также в процессе ухода за животными и пахоты на рабочем скоте²⁰⁹.

Исключительно ежегодным сборам с подвластного управляющему населения перед Рождеством была посвящена глава 62²¹⁰. Очень значимую

²⁰⁸ Ibid. 39: Volumus ut pullos et ova quos servientes vel mansuarii reddunt per singulos annos, recipere debeant; et quando non servierint, ipsos venundare faciant («Мы желаем, чтобы молодняк и птичьи яйца, которые в течение нескольких лет вырастят исполняющие рабскую работу или обладатели мансов, они должны будут оставлять [у себя]; и сколько бы их не было не отягощено повинностями [в пользу короля], столько они могут продать»).

²⁰⁹ Об уходе рабов за лошадьми говорится в Cap. de villis. 50, текст которой подробно разбирается ниже. Кроме того, см.: Ibid. 23: In unaquaque villa nostra habeant iudices vaccaritas, porcaritas, berbicaritas, capraritas, hircaritas quantum plus potuerint et nullatenus sine hoc esse debent. Et insuper habeant vaccas ad illorum servitium perficiendum commendatas per servos nostros, qualiter pro servitio ad dominicum opus vaccaritiae vel carrucae nullo modo minoratae sint [...] («В любой из наших вилл пусть управляющие содержат так много [хлебов и загонов] для коров, свиней, овец, коз, козлов, как смогут, и никоим образом без этого не должны [справлять свои обязанности]. И, кроме того, пусть располагают рабочий скот, розданный нашим рабам для исполнения их служб, чтобы запряжки и повозки [для быков] при обслуживании господских надобностей никоим образом не были ослаблены...»).

²¹⁰ Ibid. 62: Ut unusquisque iudex per singulos annos ex omni conlaboratione nostra quam cum bubus quos bubulci nostri serant, quid de mansis qui arare debent, quid de sogalibus, quid de censis, quid de fide facta vel freda, quid de feraminibus in forestis nostris sine nostro permissio captis, quid de diversis conpositionibus, quid de molinis, quid de forestibus, quid de campis, quid de pontibus vel navibus, quid de liberis hominibus et centenis qui partibus fisci nostri deserviunt, quid de mercatis, quid de vineis, quid de illis qui vinum solvunt, quid de feno, quid de lignariis et faculis, quid de axilis vel aliud materiamentum, quid de proterariis, quid de leguminibus, quid de milio et pagino, quid de lana, lino vel canava, quid de frugibus arborum, quid de nucibus maioribus vel minoribus, quid de insitis ex diversis arboribus, quid de hortis, quid de napibus, quid de wiwariis, quid de coriis, quid de pellibus, quid de cornibus, quid de melle et cera, quid de uncto et siu vel sapone, quid de morato, vino cocto, medo et aceto, quid de cervisa, de vino novo et vetere, de annona nova et vetere, quid de pullis et ovis vel anseribus id est aucas, quid de piscatoribus, de fabris, de scutariis vel sutoribus; quid de huticis et confinibus id est scriniis, quid de tornatoribus vel sellariis, de ferrariis et scrobis, id est fossis ferrariciis vel aliis fossis plumbariis, quid de tributariis, quid de poledris et pultrillis habuerint – omnia seposita, distincta et ordinata ad nativitatem Domini nobis notum faciant, ut scire valeamus quid vel quantum de singulis rebus habeamus («Пусть каждым управляющим каждый год обо всех наших доходах, [а именно]: сколько обрабатывают наши погонщики [с помощью] быков; сколько [поступает] с мансов, которые должны быть запаханы; сколько поросят; сколько сборов, сколько по долговым обязательствам и[ли] выплатам «королевского мира» [в суде короля], сколько [штрафов за поимку] дичи в наших лесах без нашего дозволения, сколько по различным правонарушениям; сколько с мельниц, с лесов, с полей, мостов и [речных] судов; сколько от свободных людей и сотен, которые служат нуждам нашей казны; сколько с торгов; сколько с виноградников, сколько от тех, кто уплачивает [подати] вином, сколько от сена, от дров и лучин, от досок и прочих брёвен; сколько с оград [?]; сколько с гороха, с пшена и хлеба, с шерсти, льна и[ли] конопли; сколько от фруктовых деревьев, от больших и малых ореховых деревьев, от привитых от различных деревьев

часть этого списка, наряду с изделиями ремесла и дичью, составляли продукты земледелия и животноводства. Надо заметить, что и некоторые другие главы данного капитулярия включали в себя значительные выдержки из списка сельскохозяйственных продуктов, которые было положено собирать в пользу короля управляющими с обитателей его поместий (например, постные продукты)²¹¹.

Итак, согласно представленной в главе 62 картине ведения хозяйственной отчётности, получалось следующее: всеми благами, созданными своими зависимыми людьми (за исключением небольших излишков, которые они сами употребляли или продавали с ведома администрации), распоряжался король как верховный господин всех сидящих на своих землях людей. Это касалось и министериалов, и земледельцев, и скотоводов. Однако на протяжении всего капитулярия мы встречаемся с несколькими социальными категориями – рабами, свободными земледельцами, фискалинами²¹². Насколько с учётом этого условия можно было говорить о социально-имущественной и правовой дифференциации в структуре королевского поместья? И всегда ли присутствовала связь между занятиями отдельной категории зависимого населения и её правовым статусом?

[веток]; сколько с садов, с [грядок] брюквы, с [рыбных] садков, сколько от кож, мехов, рогов; сколько мёда и воска; сколько масел, и жиров, и[ли] мыла; сколько вина из тутовых ягод, отваров, медовухи и кислого вина [= уксуса]; сколько пива, выдержанного и нового вина, зерна прежнего и нового [урожаев]; сколько птенцов, яиц и гусей – т.е. птиц; сколько от рыболовов, от ремесленников, щитников и сапожников; сколько от [изготовителей] сундуков, горшечников и седельников, от кузнецов и шахт, т.е. рудников железных и других – свинцовых, сколько от трибутариев, сколько имеют от жеребцов и молодых кобыл, – всё будет отобрано, отделено, упорядочено и нам сообщено к Рождеству господнему, чтобы мы могли знать, чем и в каком количестве мы располагаем по отдельности»).

²¹¹ Ibid. 44: De quadragesimale duae partes ad servitium nostrum veniant per singulos annos [...] («На Великий пост пусть каждый год на наши потребности идут две части... [далее список продуктов и изделий]»). См. также: Ibid. 34–35. В настоящей работе списки не воспроизводятся, поскольку они практически полностью включены в список из главы 62. См. также похожие списки в некоторых более поздних капитуляриях Карла Великого, например: Cap. 77. 19.

²¹² Т.е. королевскими рабами, возвышенными, как показывает Рипуарская правда, над обычными рабами величиной возмещения за свою жизнь.

Приведённые нами данные о социальном положении управляющих поместьями, их помощников и старост дают прямую корреляцию между высотой их социально-имущественного положения и наличием у них особых знаний и навыков в области «делопроизводства» и административной работы. Как удалось выяснить, старост капитулярий зачисляет в разряд *ministeriales* и называет людьми среднего достатка; при этом они даже могли обладать собственными бенефициями, пожалованными королём за верную службу.

Однако старосты являлись лишь верхушечным слоем министриалов; прочие категории ремесленников, земледельцев, скотоводов и даже королевских конюших были слиты в гораздо более монолитный слой, подчинявшийся распоряжениям управляющих и старост и никак не претендовавший на особую близость к королю или его агентам. Даже освобождение от сельскохозяйственного труда и поселение на землях господского домена или в доме господина видится не привилегией, а лишь производственной необходимостью. В рамках этого широкого, монолитного слоя различные социальные и правовые статусы перемешивались друг с другом, что способствовало образованию более или менее однородной массы зависимого населения королевских поместий к началу IX в. И если в области социальных отношений эти люди попадали в разряд лично и поземельно зависимого населения королевских поместий, то в терминологическом отношении они были объединены для короля и его агентов в единую правовую категорию *homines nostri* или *familia*²¹³.

Наши выводы очень хорошо подтверждаются следующими примерами. Так, глава 50 объединяла в себе сразу несколько правовых статусов –

²¹³ Сходная тенденция наблюдается и во времена императора Людовика (814–840): так, в капитулярии об организации двора в Ахене (ок. 820) один из его приближённых, Ратберт, был назван ответственным за все королевские виллы в округе Ахена и за «дома наших рабов» (*domos servorum nostrorum*). См.: Cap. 146. 2. Нет сомнения в том, что термин *servus* здесь, как и *familia*, и *homines nostri* в *Capitulare de villis*, был лишь общей, «технической» дефиницией, вбиравшей в себя всё многообразие статусов сидевших на землях королевских поместьях земледельцев – свободных, рабов, арендаторов (ни один из этих терминов в капитулярии 820 г. не упомянут).

свободных, фискалинов, рабов, – которые занимались работой в королевских конюшнях²¹⁴. Наличие у конюха любого из социальных рангов не освобождало его от необходимости повседневного присутствия в поместье для ухода за жеребцами и кобылами; в данном случае имущественная дифференциация напрямую не отражалась на правовом положении того или иного конюха. Даже при наличии бенефиция такие конюхи были полностью подотчётны управляющим поместья, подпадая под их суд. Об этом свидетельствует глава 52, в которой те же самые социальные статусы (свободные, фискалины и рабы) воспроизводятся ещё раз²¹⁵. Даже если в конце VIII – начале IX в. присутствовали примеры перехода свободных конюхов с бенефицием в число приближённых короля (например, в должность маршала), то они были единичны.

При сравнении повинностей различных категорий *homines nostri* в «Капитулярии о поместьях» важно сказать и о том, каковы были повинности в рамках королевских или церковных поместий согласно другим правовым источникам рубежа VIII–IX вв. Такая информация о людях, сидевших на землях церкви, и фискалинах имеется в небольшой «*Capitulum in pago Senomannico datum*» («Глава, данная округу Ле-Мана»), возникшей летом

²¹⁴ *Cap. de villis. 50: Ut unusquisque iudex praevideat, quanti poledri in uno stabulo stare debeant et quanti poledrarii cum ipsis esse possint. Et ipsi poledrarii qui liberi sunt et in ipso ministerio beneficia habuerint de illorum vivant beneficiis; similiter et fiscalini qui mansas habuerint inde vivant, et qui hoc non habuerint, de dominica accipiat provendam* («Пусть каждый управляющий предусмотрит, сколько должно стоять жеребцов в одной конюшне и сколько с ними может находиться конюхов. И пусть те конюхи, которые являются свободными и имеют в своём распоряжении бенефиции, живут [доходами] с этих бенефициев; точно так же и фискалины, которые имеют мансы, пусть живут с них; и те, которые не имеют этого [т.е. безземельные], пусть принимают господское содержание [т.е. будут пребендариями]»).

²¹⁵ *Ibid. 52: Volumus ut de fiscalis vel servis nostris sive de ingenuis qui per fiscos aut villas nostras commanent diversis hominibus plenam et integram, qualem habuerint, reddere faciant iustitiam* («Мы желаем, чтобы различным людям из фискалинов, и[ли] наших рабов, и[ли] из свободных, которые проживают в наших поместьях и виллах, старались воздать полный и правый суд, которого они заслуживают»). Хотя прямой отсылки к конюхам (*poledrarii*), как в *Cap. de villis. 50*, здесь нет, они также с высокой долей вероятности должны были подпадать под действие этого титула. Об идентичности латинских терминов *fiscalis* и *fiscalinus* говорил Я.Ф. Нирмейер: *Niermeyer J.F. Op. cit. P. 433–434.*

800 г²¹⁶. Хотя Ле-Ман находился на бывшей территории королевства Нейстрии, тем не менее, в рамках империи Карла Великого положение зависимого населения королевских и церковных поместий северо-запада Галлии, как можно полагать, было достаточно близким к статусу соответствующих категорий и на северо-востоке, в т.ч. на востоке от Арденн вплоть до среднего течения Рейна.

Для нас крайне важным показателем в данном памятнике является то, что сама по себе площадь занимаемого зависимым от церкви или короля человека участка не является прямым основанием для освобождения или облегчения его повинностей по вспашке земли или отработок²¹⁷; homo

²¹⁶ Cap. 30: Pro nimia reclamatione, quae ad nos venit de hominibus ecclesiasticis seu fiscalinis qui non erant adiurnati, quando in Caenomanico pago fuimus ... ut, quicumque de praedictis hominibus quartam facti teneret, cum suis animalibus seniori suo pleniter unum diem cum suo aratro in campo dominico araret, et postea nullum servitium ei manuale in ipsa ebdomada a seniore suo requireretur. Et qui tanta animalia non haberet ut in uno die hoc explere valeret, perficeret praedictum opus in duobus diebus; et qui solummodo invalida, ita ut per se non possent arare, quattuor animalia haberet, cum eis sociatis aliis araret uno die in campo senioris, et unum diem postmodum in ipsa ebdomadae opera manuum faceret. Et qui nihil ex his facere poterat neque animalia haberet, per tres dies seniori suo manibus a mane usque ad vesperum operaretur, et senior suus ei amplius non requireret. Diversis namque modis hec agebantur; a quibusdam tota ebdomada operabatur, a quibusdam dimidia, et a quibusdam duo dies. Idcirco haec statuimus, ut nec familia se a praedictis operibus subtrahere posset... Et qui minus quartae obtine de terra haberet, secundum estimationem sui telluris opera faceret [...] («В силу множества обращений, которые приходят к нам от [зависимых от] церкви людей и фискалинов, которые не были вызваны к определённому сроку [?], сколько бы их не было у нас в округе Ле Мана... пусть, если кто-то из объявленных людей обладает четвертью меры [земли], вместе со своим скотом полностью один день с помощью своего плуга пашет на своего господина на господском поле, и после этого пусть от него его господин не требует никакой отработочной службы [т.е. барщины] в ту неделю. И если кто-то не имеет такого количества скота, чтобы в один день можно было это исполнить, пусть проделывает предписанную работу в два дня; и если кто-то не будет в состоянии самостоятельно вспахать, пусть он получит четырёх [упряжных] животных, вместе с другими присоединившимися к нему [людьми без скота] пусть пашет один день в поле господина, а после этого – ещё день на той же неделе выполняет барщину. И если кто-то ничего из того не может делать и не обладает скотом, пусть работает у своего господина три дня от рассвета до заката, и его господин пусть большего от него не требует. И пусть это по-другому не совершается: пусть одни работают всю неделю, другие – половину недели, а третьи – два дня. По этой же причине мы распоряжаемся о том, чтобы никто из зависимых людей не мог освобождаться от предписанных работ... А кто имеет земли ещё меньше, чем четверть, пусть выполняет работу [на господина] по стоимости своего участочка»).

²¹⁷ В данном памятнике можно говорить об идентификации социальной категории *fiscalinus* именно с рипуарским *homo regius*, поскольку информация об этом содержится также в Cap. 41. 2.

ecclesiasticus, а равно и *fiscalinus*, вне зависимости от располагаемых ими орудий труда и наличия скота, были обязаны работой на домене своего господина. Разграничительная линия в данном случае проходит не по социально-правовому положению того или иного зависимого человека, а по объёму и способу выполнения повинностей: чем менее зависимые люди церкви и королевские рабы были связаны с землёй, тем большее время они были обязаны проводить в работе на своего хозяина и управляющих его поместьями. Так, безземельные работники выполняли барщину на господском поле по 3 дня в неделю, а те, кто обладал хотя бы каким-то количеством рабочего скота (в т.ч. одолжив его у своего хозяина) и мог выполнять работу по распашке земли – от одного до двух дней.

За большинство преступлений наказание для *homines nostri* было единым; для наказания не выделялись какие-то правовые категории по образцу *фискалинов*, свободных или рабов. Так, за воровство, убийство, поджоги и другие проступки против третьих лиц зависимые от короля люди отвечали своим имуществом, возмещая нанесённый ущерб; кроме того, в некоторых случаях в их отношении могло быть применено бичевание как способ наказания²¹⁸. Противопоставление наказания, применяемого королём

²¹⁸ *Cap. de villis. 4: Si familia nostra partibus nostris aliquam fecerit fraudem de latrocinio aut alio neglecto, illud in caput conponat; de reliquo vero pro lege recipiat disciplinam vapulando, nisi tantum pro homicidio et incendio, unde frauda exire potest. Ad reliquos autem homines iustitiam eorum, qualem habuerint, reddere studeant, sicut lex est; pro frauda vero nostra, ut diximus, familia vapuletur. Franci autem qui in fiscis aut villis nostris commanent, quicquid commiserint, secundum legem eorum emendare studeant, et quod pro frauda dederint, ad opus nostrum veniat, id est in peculio aut in alio praetio («Если наши зависимые люди причинят какой-либо ущерб нашим интересам посредством воровства и других проступков, пусть возместят его «с головой» [т.е. полной стоимостью]; за прочие же [проступки] пусть получают наказание по закону – в виде бичевания, кроме как за человекоубийство и поджог, за которыми может последовать штраф. Касаемо же других [людей, т.е. третьих лиц] пусть потрудятся воздать им их право, насколько будут должны [это сделать], как велит закон; за ущерб же нам, как мы говорили, пусть зависимых людей бичуют. [Свободные] же франки, которые обитают в наших поместьях и виллах, если в чём-то провинятся, пусть постараются возместить согласно своему закону, и пусть то, что дадут за ущерб, отойдёт в нашу пользу, будь это [возмещение] деньгами или ещё какими-то ценностями»).* При этом под словом *lex* вполне могли пониматься не только *Lex Ribvaria* (на что указывал А. Бореций), но также и *Lex Salica*, и даже, учитывая степень контактности региона Аквитании, *Lex Burgundionum* или какие-то другие капитулярии. См. комментарий А. Бореция: *MGH. Capit. 1. P. 83. Rem. 8.* Ср. также текст *Capitulare*

для *familia* (которых можно было бичевать) и *Franci* (которые возмещали свою вину деньгами), скорее всего, уже к концу VIII в. во многих случаях нивелируется. Об этом напрямую говорится в главе 16: здесь в случае отказа или ненадлежащего исполнения своих обязанностей любая категория зависимого от короля населения, жившая на мансах в его поместьях, могла получить по его требованию «приговор на своей спине». Возможно, что на своё усмотрение король или королева могли применять и более суровые наказания (например, лишение части владения или имущества); однако сам по себе факт наличия бичевания как наказания для всех категорий жителей поместья (кроме, разумеется, его администрации – управляющих, старост и некоторых других лиц) по желанию верховного правителя однозначно свидетельствовал в пользу того, что в правовом отношении грань между свободными и рабами, а также безземельными и сидевшими на мансах становилась всё менее ощутимой и всё более проницаемой.

Этот тезис наглядно подтверждается также тем, что все судебные споры должны были разрешаться управляющими королевскими поместьями; обращение в какой-то другой суд, кроме поместного, его зависимым жителям не разрешалось. В этом отношении они достаточно сильно отличались от упомянутого выше *homo regius* Рипуарской правды, который, несмотря на личную зависимость или опеку короля, в VII в. ещё обладал правом обращения к сотенному или графскому суду. Более того, за попытку обращения *homines nostri* напрямую к королю для пресечения тех или иных злоупотреблений они порицались как праздно проводящие своё рабочее время люди²¹⁹.

Aquisgranense. a. 801–813, где об этом сказано прямо (Cap. 77. Prol.: *Karolus serenissimus imperator augustus [...] cum consensu consilioque constituit ex lege Salica, Romana atque Gombata capitula ista in palatio Aquis...*).

²¹⁹ Ibid. 29: *De clamatoribus ex hominibus nostris unusquisque iudex praevideat, ut non sit eis necesse venire ad nos proclamare et dies quos servire debet per negligentiam non dimittat perdere. Et si habuerit servus noster forinsecus iustitias ad querendum, magister eius cum omni intentione decertet pro eius iustitia; et si aliquo loco minime eam accipere valuerit, tamen ipso servo nostro pro hoc fatigare non permittat, sed magister eius per semetipsum aut suum missum hoc nobis notum facere studeat* («О заявителях из наших людей пусть каждый управляющий

Таким образом, для всех лично и поземельно зависимых жителей поместья суд управляющего либо начальника, которые могли напрямую обратиться к Людовику и его приближённым, был единственной возможностью донести до короля своё недовольство. С другой стороны, это знаменовало более зрелый этап развития судебных иммунитетов на землях королевских поместий: все зависимые люди, вне зависимости от своего прежнего, ещё отражавшегося в терминологии источника социального статуса (*servi, fiscalini, provendarii, liberi*), были подсудны только администрации самого поместья. Такие примеры судебного иммунитета были известны ещё со времён короля Хлотаря II; однако именно эти части текста его эдикта были сильно испорчены, поэтому можно лишь констатировать тенденцию к появлению иммунитетов в законодательстве начала VII в²²⁰.

Многочисленные случаи правонарушений, как следует из текста *Capitulare de villis*, должны были быть выкуплены в первую очередь перед королём, т.е. господином над всем населением своих вилл – либо деньгами, либо другими ценностями, либо даже бичеванием (вне зависимости от статуса провинившегося человека). В этом смысле рабство и личная зависимость в конце VIII – начале IX в. всё более смешивались в правовом и социальном отношении; и такое смешение было возможно не только за счёт падения статуса рядовых свободных франков и их обращения в зависимость

предпишет, чтобы не было им необходимости ходить к нам, [чтобы] заявлять [о нарушении в отношении себя] и дни, в которые они должны [нам] служить, не позволил бы им терять в праздности. И если наш раб будет искать справедливость на стороне, пусть его начальник со всем тщанием борется за его право; и если где-то он не сможет его добиться, всё же пусть не позволяет нашему рабу утруждать себя из-за этого [дела], однако пусть его начальник попытается сделать об этом известным нам самостоятельно или через своего посланника»). Ср. такой же запрет для *homines ecclesiastici* во времена правления Пипина Короткого: *Cap. 13 (Pipini regis capitulare. a. 754–755). 7: [...] Similiter de ecclesiasticis, si ad palatium venerint de eorum causa sibi reclamare super eorum seniore, vapulentur, nisi senior suus pro sua causa transmiserit* («Равным образом о [зависимых от] церкви [людям], если они придут по своему делу ко дворцу жаловаться на своего хозяина, пусть будут пороты, если только их не послал их сам хозяин по своему делу»).

²²⁰ См. фрагменты текста: *Ed. Chloth. 14 ([...] ecclesiarum res sacerdotum et pauperum qui se defensare non possunt, a iudicibus publicis usque audientiam per iustitiam defensatur, salva eminentate praecedentium domnorum, quod ecclesiae aut potentum [...])*.

от крупных землевладельцев, но и за счёт встречного движения рабов и вольноотпущенников в сторону получения ограниченных прав. Эта тенденция, наметившись в меровингских капитуляриях VI в., получила отчётливое развитие в *Lex Ribvaria* с начала VII в. и лишь укрепилась в каролингских капитуляриях конца VIII – первой половины IX в.

§ 5. Отпуск рабов на волю и положение вольноотпущенников в Правде франкской хамавов и каролингских капитуляриях середины VIII – начала IX в.

Капитулярии Карла Великого и Правда франкская хамавов дают нам немало информации об отпуске рабов на волю. Прежде всего, процессам отпуска на волю были посвящены те капитулярии, которые являлись дополнениями к текстам франкских правд VI–VII вв. – *Capitulare legi Ribvariae additum* и *Capitula legi Salicae addita*.

Так, в *Capitulare legi Ribvariae additum* 803 г. получали дальнейшее уточнение категории *homo denarialis* и *homo cartularius* (один из вариантов обозначения вольноотпущенника по грамоте, аналогичный термину *tabularius*), о положении которых говорилось в некоторых титулах *Lex Ribvaria*. Уже отмеченная с конца VIII в. на примере лично зависимого населения королевских вилл и крупных светских поместий тенденция перехода рабов и прочих категорий из разряда движимости в разряд недвижимости (т.е. их прикрепление к земле и относительно прочная связь с ней) потребовали также и расширения и закрепления их прав распоряжения и владения как этой землёй, так и другими материальными благами (деньгами, излишками продуктов и др.). В добавленном к Рипуарской правде капитулярии это выразилось в том, что после смерти вольноотпущенника, получившего свободу через денарий или по грамоте, господин мог распоряжаться его выморочным имуществом лишь на протяжении двух поколений. Но уже правнуки либертина могли наследовать его имущество, в состав которого, очевидно, входили и земельный участок, и скот, и денежные средства, заработанные им в продолжение службы на своего патрона²²¹.

²²¹ *Cap.* 41. 9–10: *Homo denarialis non ante haereditare in suam agnationem poterit, quam usque ad tertiam generationem perveniat. Homo cartularius similiter* («Отпущенный через «вышибание» денария может оставить имущество в своём роду не прежде, чем если [наследник] будет принадлежать к третьему поколению [т.е. своим внукам]. То же самое – отпущенный по грамоте»). Верный перевод глагола *hereditare* («оставить свой пекулий своим же наследникам») см. в словаре: *Niermeyer J.F. Op. cit. P. 485.*

Эти главы капитулярия отражали две грани одного социального явления – с одной стороны, повышение статуса бывшего раба в обществе франков начала IX в. и закрепление имущественных прав его детей и внуков²²², а с другой – сохранение постоянной опасности утраты своего нового, свободного статуса в результате попадания в зависимость к бывшему господину или другому человеку.

Очевидно, в тех условиях, когда дети не могли свободно распоряжаться имуществом своих отцов на протяжении двух поколений после освобождения, это могло привести к повторному обращению в рабство или долговой зависимости и служило механизмом пополнения для светских и духовных землевладельцев контингента своих вилл и поместий. Таким образом, даже при условии полной свободы отпущенного *per denarium* дальнейшая судьба его самого и его потомков нередко зависела от внешних факторов. У нас нет сведений о том, могли ли наследовать дети человеку, отпущенному через денарий, в начале VII в., с момент фиксации самой древней редакции *Lex Ribvaria*, однако ясно то, что с течением времени, по мере развития крупного светского и церковного землевладения, отстаивать свободу, даже полученную перед королём, становилось всё сложнее и сложнее.

В Рипуарской правде имелось подробное описание процедуры судебного спора по вопросу незаконного отпуска на волю рабов. Судя по содержанию каролингских капитуляриев, подобные иски в VIII – начале IX в. лишь увеличивались в количественном отношении. Так, *Capitula legi Salicae addita*. а. 819 в случае отпуска на волю чужого раба без ведома его господина запрещала возмещать его стоимость или передавать другого раба в качестве компенсации за отпущенного – был предусмотрен возврат только его

²²² Следует напомнить о том, что, согласно *L. Rib. 60 (57), 4*, в случае смерти *homo denariatus* без детей всё его имущество отходило королю. Не исключено, что та же процедура ожидала и выморочное имущество отпущенных «по римскому закону» рабов, хотя прямых данных об этом в Рипуарской правде нет.

самого²²³. Эта санкция ещё раз подчёркивала то, что раб всё более становился неотъемлемой частью поместья, всё сильнее прикреплялся к земле, к определённым хозяйственным процессам и становился как бы их продолжением. Глава 11 того же капитулярия требовала от отпущенного раба по первому требованию представлять человека, заверившего грамоту его освобождения; в противном случае она считалась недействительной²²⁴, а раб, видимо, точно так же возвращался к прежнему хозяину. Очевидно, проблема подделки грамот на рубеже VIII–IX вв. стояла настолько остро, что пришлось повторять это положение в развёрнутом виде в капитуляриях, дополнявших обе франкские правды²²⁵, а также в Правде франкской хамавов²²⁶ и некоторых капитуляриях, напрямую не относившихся к текстам Салической

²²³ Cap. 142. 2: [...] Si ille servus qui iniuste venditus vel ingenuus dimissus apparet, non alter pro eo in loco illius restituatur; quia dixerunt aliqui, quod idem servus, qui ingenuus dimissus fuerat, denuo ad servitium redire non debeat: sed pristino domino et servitio restitutus fiat, iudicaverunt («Если раб, который будет незаконно продан или окажется отпущенным на свободу, пусть не возмещают [господину] другого [раба] вместо этого; поскольку некоторые говорили, что не должен вновь возвращаться в рабство тот же раб, который будет отпущен на волю. Однако [по указанию короля] рассудили, что необходимо будет вернуть [его] прежнему хозяину и к [выполняемой им] службе»).

²²⁴ Ibid. 11: Et hoc iudicaverunt, ut, si servus cartam ingenuitatis adtulerit, si servus eiusdem cartae auctores legitimum habere non potuerit, domino servi ipsam falsare liceat («И [также на собрании] порешили о том, чтобы, если раб предъявит грамоту освобождения, и если он не сможет представить законного свидетеля, эта [грамота] может быть признана его господином подложной»).

²²⁵ Cap. 39. 7: Si quis per cartam ingenuitatis a domino suo legitime libertatem est consecutus, liber permaneat. Si vero aliquis eum iniuste inservire temptaverit, et ille cartam ingenuitatis suae ostenderit et adversarium se inservire velle comprobaverit, ille qui hoc temptavit multam quae in carta scripta est solvere cogatur. Si vero carta non paruerit sed iam ab illo qui eum inservire voluerit disfacta est, wergeldum eius componat, duas partes illi quem inservire voluerit, tertiam regi, et ille iterum per praeseptum regis libertatem suam conquirit («Если кто-то получил от своего господина свободу законно, по грамоте освобождения, пусть пребывает [вечно] свободным. Если же кто-то незаконно попытается его поработить, а тот продемонстрирует свою грамоту об освобождении, и соперник подтвердит, что хочет его поработить, пусть тот, кто посмеет это [сделать], заплатит штраф, который записан в грамоте [на данный случай]. Если же грамоты нет или она даже будет порвана тем, кто будет желать обратить его в рабство, пусть [вольнотпущенник] выплатит свой вергельд – две части тому, кто его хочет поработить, и третью королю, и пусть он снова добивается себе свободы по предписанию короля»).

²²⁶ Lex Franc. Chamav. 10: Si quis hominem ingenuum ad servitium requirit, cum 12 hominibus de suis proximis parentibus in sanctis iuret, et se ingenuum esse faciat, aut in servitium cadat («Если кто-то потребует [передать себе] в рабство свободного человека, пусть тот клянётся в святых [местах] с 12 людьми из числа самых близких родственников, чтобы сделать себя свободным, или опускается в рабский статус»).

и Рипуарской правд²²⁷. В случае, если спор о подлинности грамоты возбуждался за пределами *patria*, т.е. той местности, где ранее проживал вольноотпущенник, капитулярий Людовика Благочестивого 816 г. приказывал ему вернуться на своё место проживания для принесения церковной клятвы²²⁸.

²²⁷ Cap. 104 (*Capitula Francica*). 7: *Si quis per cartam ingenuus dimissus fuerit et a quolibet homine ad servitium interpellatus fuerit, primo legitimum auctorem suae libertatis proferat et in sua libertate perseveret. Si vero legitimus auctor defuerit, testimonium bonorum hominum, qui tunc aderant quando liber dimissus est, se defendere permittatur. Si vero testes defuerint, cum duabus aliis cartis, quae eiusdem cancellarii manu firmatae sunt vel subscriptae, suam cartam quae tertia est veracem et legitimam esse confirmet [...]* Si vero qui interpellatus fuerit nec auctorem nec testimonia nec cartae collatione ostendere potuerit, ipse qui eum inscripsit secundum legem cartam ipsam falsam efficiat et servum suum conquirat. Si vero interpellator aut auctorem aut testimonia aut cartarum collatione victus fuerit et hoc quod voluerit efficere non potuerit, multam quae in ipsa ingenuitatis carta continetur cogatur exsolvere («Если кто-то будет отпущен по грамоте и будет призван [обратно] в рабство кем-либо, в первую очередь, пусть представит законного посредника, [участвовавшего в процедуре] его освобождения, и останется в своём свободном статусе. Если же законный представитель будет отсутствовать, пусть для того, чтобы его защитить, будет представлено свидетельство надёжных людей, которые присутствовали в тот момент, когда он был отпущен на свободу. Если же и свидетелей не будет, пусть он подтвердит при помощи двух других грамот, которые будут скреплены рукой одного и того же писца, что его грамота (которая является третьей) правдива и законна... Если же тот, кто будет призван [обратно в рабство], ни представителя, ни свидетельства, ни грамоты не сможет продемонстрировать для сравнения [друг с другом], пусть тот, кто его заклеил [как беглого раба], признает по закону его грамоту подложной и потребует назад своего раба. Если же обвинитель будет побеждён [фактом наличия] или представителя, или свидетельства, или грамоты при их сравнении [друг с другом], и то, что задумал [т.е. возврат раба], осуществить не сможет, пусть потрудится заплатить тот штраф, который содержится в этой грамоте освобождения»); Cap. 156 (*Cap. incerta. a. 814–840*). 2: *Homo de statu suo pulsatus, si is eum pulsat ad convincendum illum procinctum habuerit, adhibeat sibi octo coniuratores legitimos ex ea parte unde pulsatur, sive illa paterne sive materna sit, et quatuor aliunde non minus legitimos, et iurando vindicet libertatem suam [...]* («Человек, статус которого будет поставлен под сомнение: если тот, кто его обвинит, будет готов его изобличить [в самовольном присвоении бывшим рабом свободы], пусть составит с собой 8 законных соприсяжников с той стороны, [свобода] которой оспаривается, будь она по отцу или матери, и как минимум 4 законных [соприсяжников] с другой стороны, и пусть клятвой подтверждает свою свободу...»).

²²⁸ Cap. 134 (*Cap. legi addita. a. 816*). 2, 4: *Si quis in aliena patria... de qualibet causa fuerit interpellatus [...] si quis eum de statu suo, id est de libertate sua vel de hereditate quam ei pater suus dereliquit, appellaverit: de his duobus liceat illi sacramentum in patria, id est in legitimo sacramenti loco, iurandum offere [...]* Ut de stato suo, id est de libertate vel hereditate, compellendus iuxta legis constitutionem manniatur... («Если кто-то будет обвинён по какому-то делу в другом округе... если его [кто-то] призовет [по делу] о его статусе, т.е. о его свободе или наследстве, которое ему оставил его отец: по таким двум [судебным делам] пусть ему будет угодно принести клятву в своём округе, т.е. на законном месте клятвы... Пусть о своём статусе, т.е. о свободе или наследстве, обвинённый следует на суд согласно установлениям законов [= Салической и Рипуарской правд]»).

Передаче третьему лицу и незаконному овладению чужими рабами посвящена глава в капитулярии Карла Великого, датированном 803–813 гг.²²⁹. Отрубание руки стало одним из самых суровых наказаний в отношении тех свободных франков, которые брали на себя смелость подделывать грамоту (*carta*)²³⁰ или давать в суде или церкви ложную клятву. В нём наглядно показано очень суровое ограничение в отношении раба, даже ставшего «персоной ограниченного права» и обладавшего некоторыми новыми правами по сравнению с рабами VI–VII вв.: будучи незаконно оторван от своего надела либо передан третьему лицу, он мог быть разыскан своим господином и водворён обратно в его поместье, даже если он достиг статуса королевского раба (т.е. фискалина)²³¹.

Отдельно необходимо упомянуть о том виде освобождения, который был предусмотрен в *Lex Francorum Chamavorum* в начале IX в. Он был назван в классификации М. Фурнье *manumissio per handradam*²³² и предполагал двухступенчатую структуру освобождения лично зависимого человека. В данном случае исследователи также сталкивались с «комбинированным», а

²²⁹ Cap. 56 (Cap. Karoli Magni. a. 803–813). 2: Si inventus fuerit quis cartam falsam fecisse aut falsum testimonium dixisse, manum perdat aut redimat («Если будет уличён кто-то в том, что он изготовил подложную грамоту или произнёс ложное свидетельство, пусть лишится своей руки либо искупает [деньгами свою вину]»).

²³⁰ Возможно, что в данном случае также имеется в виду *carta ingenuitatis*; ещё одно допустимое толкование термина *carta* – грамота о дарении земельных владений в пользу другого лица или корпорации (чаще всего – церкви). Но поскольку дарения земли часто в VIII–IX вв. сопровождалась передачей также посаженных на неё рабов, следует признать, что и в этом случае фальсификация *carta* предполагала неправомерное отчуждение лично зависимого человека у его господина.

²³¹ Ibid. 4: Ut homines fiscalini sive coloni aut servi in alienum dominium commorantes, a priore domino requisiti, non aliter eisdem concedatur, nisi ad priorem locum; ubi prius visus fuit mansisse, illuc revertatur et ibi diligenter inquiratur de statu ipsius cum cognatione eius («Пусть такие люди: фискалины, или колоны, или рабы, которые находятся в чужой власти, будучи обнаружены прежним хозяином, будут переданы не иначе, как на прежнее место [т.е. истцу]; пусть они возвратятся туда, где, как будет обнаружено, они прежде жили, и там пусть они будут тщательно допрошены вместе со своей роднёй о своём [прежнем] статусе»).

²³² По поводу термина «*hantrada*» в XIX в. существовала большая дискуссия, итоги которой можно обобщить следующим образом. По всей видимости, мы имеем дело с германским корнем «*hand*», к которому было добавлено латинское «*tradere*»; в таком виде это слова представляется калькой латинского «*manumissio*». См. подробнее: *Fournier M. Essai sur les formes et les effets de l'affranchissement dans le droit gallo-franc. Paris, 1885. P. 52–58.*

не «чистым» видом освобождения. Сущность его заключалась в том, что отпускавший раба на волю человек должен был собрать определённое количество свидетелей; однако тогда вольноотпущенник имел право подтвердить свою свободу также при помощи грамоты, которая упоминалась наряду со свидетелями в качестве доказательства его свободы²³³.

На примере *Lex Francorum Chamavorum* становится отчётливо заметной тенденция смешения и растворения друг в друге «римских» и «германских» способов освобождения: освобождённые при помощи «римской» грамоты и «германской» процедуры *hantrada* и соприсяжничества обладали одинаковым правом не оставлять своё имущество бывшему господину, тем самым полностью освобождаясь от его опеки и покровительства. Напротив, имущество своему господину должны были оставлять только те лица, которые продолжали оставаться под покровительством своего бывшего господина, т.е. не полностью освобождённые²³⁴. В этом отношении вольноотпущенники *per cartam* или *per handratam* фактически приближались по статусу к либертам и «римским гражданам», а также отпущенным через «вышибание» денария перед королём людям из текста *Lex Ribvaria*²³⁵. Итак, в данном случае линия разграничения между группами вольноотпущенников проходила не по способам освобождения, а по степени предоставления им свободы.

²³³ *Lex Franc. Chamav.* 11–13: *Qui per hantradam hominem ingenuum dimittere voluerit, sua manu duodecima ipsum ingenuum dimittere faciat. Qui per cartam aut per hantradam ingenuus est, et se ille foris de eo miserit, tunc ille leodis in dominium veniat, et suus peculiaris traditum iam dicto domino non fiat. Qui per cartam est ingenuus, sic debet in omnia pertinere sicut alii Franci.* («Если кто-то пожелает отпустить человека свободным *per hantradam*, пусть он с 12 [соприсяжниками] сделает [так, чтобы] его отпустить свободным. Если человек свободен согласно грамоте или *per hantradam*, и [бывший господин] прочь его отошлёт от себя, пусть его вира (*leodis*) следует в королевский фиск, и его имущество не будет передано [во владение] уже указанному господину. Если кто-то будет свободным по грамоте, он так же должен оставаться во всех [правах], как и прочие франки»).

²³⁴ *Ibid.* 14: *Qui de mundeburgio aliquid habuerit, ad illum seniore, qui eum ingenuum dimisit, sua peculia reverti faciat* («Если кто-то будет находиться под мундебюрдом кого-либо, пусть будет должен вернуть своему господину, который его отпускает свободным, своё имущество»).

²³⁵ *L. Rib.* 60 (57), 4; 64 (61), 1–2.

Подводя итоги, следует указать на то, что институт вольноотпущенников, как и в *Lex Ribvaria*, играл в каролингских капитуляриях и Правде франкской хамавов достаточно значительную роль. Количество либертинов, не в последнюю очередь, по-видимому, благодаря вмешательству церковных иерархов и королевской политике милосердия, неуклонно росло. Некоторым из них, учитывая наши сведения о наличии у многих рабов в VIII–IX вв. движимого имущества и земельных участков, удавалось добиться полной свободы; в этом смысле они ничем не отличались ни от *homo denarialis* Салической и Рипуарской правд, ни от либертов или *cives Romanus*.

Однако тенденция увеличения числа вольноотпущенников вступала в открытую конфронтацию с тенденцией резкого усиления сеньориальной власти и иммунитетных прав светских и церковных земельных магнатов в период правления Каролингов. Очевидно, что бывшие владельцы не были расположены отдавать своих рабов третьим лицам или даровать им полную свободу; это отразилось на значительном числе упоминаний в капитуляриях VIII – начала IX в. судебных процессов, касавшихся оспаривания статуса свободных людей. Ограничения в наследовании имущества детьми вольноотпущенников и постоянная угроза нового порабощения нередко приводили к тому, что они были вынуждены совершать коммемдацию к зажиточным светским землевладельцам или завещать свои вещи вместе с самим собой и своей семьёй монастырю с целью получения иммунитета от судебных преследований.

Глава III. Эволюция института рабства в англо-саксонском обществе начала VII – начала XI в.

§ 1. Источники рабства в англо-саксонском обществе начала VII – начала XI в.

Огромное значение для понимания роли рабства и зависимых людей в англо-саксонском обществе придаётся анализу тех путей, посредством которых англо-саксы и иноплеменники¹ переходили в подчинённое состояние. В силу ограниченности источниковой базы (по сравнению с континентальным правом) мы далеко не всегда можем с полной уверенностью говорить о том, какие из способов порабощения преобладали в тот или иной исторический период. Недостаток сведений о некоторых из этих способов в отношении определённого временного отрезка можно объяснить как историко-географическими особенностями формирования англо-саксонских королевств (в условиях практически полного отсутствия контактов с римской культурой), так и тематической ограниченностью большинства раннесредневековых письменных источников Англии (это касается практически всех правовых памятников VII–X вв.), а также относительной лапидарностью свидетельств источников нарративных (как в случае с «Церковной историей народа англос» Беды Достопочтенного и «Англо-Саксонской хроникой»).

На основе имеющихся у нас свидетельств мы можем говорить о формировании нескольких способов обращения в рабство². Все они могут

¹ Под иноплеменниками мы понимаем в первую очередь тех, кто прибыл в Англию из-за моря (ирландцы и датчане). Кроме того, в англо-саксонских законах VII–XI вв. в качестве таковых фигурируют коренные жители Британских островов – кельтские племена бриттов, скоттов и пиктов. Все они являлись чужеродными для англо-саксонских племён «элементами».

² Первый известный нам пример систематизации мы встречаем у Джона Кембля: *Kemble J.M. The Saxons in England. A History of the English Commonwealth till the period of the Norman Conquest. London, 1849. Vol. I. P. 194–208.* Краткий очерк представлен в словаре Либермана, который он приложил к своему переводу англо-саксонских законов: *Die*

быть сгруппированы таким образом, что становится видна их близость к источникам рабства, представленным на континенте, у франкских племён и их соседей VI–IX вв. Вместе с тем, отдельные проявления, а также удельный вес этих способов у англо-саксов могли значительно отличаться от путей обращения в личную зависимость, которые исследователи имеют возможность наблюдать в отношении континентальных германских племён Северной Галлии и Среднего Рейна.

Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Halle a. S., 1906–1912. Bd. II. Wörterbuch. Rechts- und Sachglossar. S. 707–709. Важность изучения этой темы всё отчётливее осознаётся отечественными специалистами. См., например, работы А.Ю. Золотарёва (К вопросу об источниках рабства и характере эксплуатации рабов в раннесредневековой Англии // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. Мат-лы конф. М., 2013. С. 113-119; Правовой статус раба в раннесредневековой Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения. Вып. 3. С. 3–9).

§ 1.1. Взятие в плен и захват заложников:

В Англии раннего Средневековья этот путь приобретения зависимых людей был одним из наиболее распространённых. В VI–XI вв. ни одно из континентальных варварских королевств, равно как и англо-саксонских королевств в Британии, не испытывало недостатка во внутренних распрях и противостояниях с внешними врагами, а это значит, что поток пленников и такой специфический источник рабовладения, как пленение в ходе военных столкновений, оставался постоянным. Кроме того, нужно учитывать тот факт, что определённое количество пленных англо-саксы захватили в процессе покорения бриттского населения и переселения на Британские острова.

Последнее обстоятельство имело не менее важное значение, чем факт подчинения бывших рабов и колонов галло-римского происхождения франками в конце V – начале VI в. Однако, если в отношении салических и рипуарских франков приходилось констатировать тот факт, что значительная часть обитателей галло-римских латифундий и даже средних поместий покинула пределы владений своих бывших господ и обрела новый статус в рамках варварского общества (посессоры и трибутарии у салических франков, «римляне» у рипуаров), то определение удельного веса покорённых кельтов в рабской прослойке англо-саксонского общества выглядит более сложной задачей.

Во-первых, мы располагаем письменными свидетельствами Беды об истреблении англо-саксами в процессе переселения в Британию очень большого числа местных жителей и обращении в рабство многих из оставшихся³. Безусловно, он несколько преувеличивал количество отданных

³ *Beda. Hist. I, 15: Itaque nonnulli de miserandis reliquiis in montibus comprehensi acervatim iugulabantur; alii fame confecti procedentes manus hostibus dabant, pro accipiendis alimentorum subsidiis aeternum subituri servitium, si tamen non continuo trucidarentur («Иные из несчастных уцелевших были загнаны в горы и безжалостно вырезаны; другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые принять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте»).* Текст источника сверен по изданию:

в «вечное рабство» бриттов с целью отчётливее показать божественный гнев, направленный против них. Однако пленных кельтского происхождения в V–VI вв. должно было быть действительно много, а их удельный вес в прослойке рабов должен был быть гораздо значительнее, чем удельный вес галло-римлян среди рабов франкских: в произведении Григория Турского мы вовсе не находим отсылок к массовому порабощению галло-римского населения в момент завоевания Галлии Хлодвигом и его сыновьями.

Во-вторых, исследователям раннесредневековой истории Англии определённый сюрприз преподносит изменчивость терминологии зависимости, связанная с племенной и этнической идентификацией рабов. Так, в кентском законодательстве VII в. разграничение между рабами германского и кельтского происхождения отсутствует; подобно тому, как в Салической и Рипуарской правдах VI–VII вв. рабы обозначались универсальными понятиями *servus* или *mancipium*, не имевшими никаких этнических маркеров, англо-саксонские и кельтские рабы в Кенте также были названы одинаково – *þeow* или *esne*.

Напротив, в королевстве Уэссекс, как сообщают законы Инэ конца VII в., были чётко дифференцированы рабы – «англичане» (т.е. англо-саксы) и валлийцы (кельты по происхождению). Они были обязаны принимать судебную присягу, обладая разными по площади земельными участками⁴; за раба-валлийца, убившего свободного англо-сакса, господин был обязан выплатить штраф 60 шилл., либо выдать его родственникам убитого, либо отпустить на свободу, чтобы он возмещал с помощью собственных родственников свою виру (соответствующее преступление в отношении

Bede's Ecclesiastical History of the English people / Ed. B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969. Перевод (кроме особо оговорённых случаев) мы приводим по изданию: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов. СПб., 2003.

⁴ Ine. 54,2 (по рукописи E): *Witeðeowne monnan Wyliscne mon sceal bedrifan be XII hidum swa ðeowne to swingum, Engliscne be feower 7 XXX hida* («Необходимо приводить к клятве раба, обращённого по закону, валлийца [по происхождению], 12 гайдами, тогда как как раба-англичанина – 36 гайдами»). Перевод всех законов королевства Кент VII в. был представлен нами в статье: *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII в. // *Средние века.* 2014. Вып. 75 (1–2). С. 273–298.

свободного валлийца, совершённое рабом-«англичанином», не упоминается)⁵. Тем не менее, стоимость жизни в 60 шилл. вовсе не была незначительной суммой для уэссекского общества: так, за отсутствие в фирде (народном ополчении) безземельный англо-сакс должен был заплатить именно эту сумму в качестве штрафа⁶. Кроме того, в законах Инэ не была указана стоимость жизни раба, обозначенного термином *ƿeow*; поэтому можно предполагать и то, что в титуле 23,3 мог подразумеваться как раб англо-саксонского, так и кельтского происхождения.

Разграничение двух этнических массивов в составе англо-саксонских рабов можно было бы признать второстепенным фактором в деле характеристики источников пополнения рабской прослойки англо-саксонской Англии, если бы не ряд свидетельств вне законодательных источников, позволяющих нам судить о положении валлийского элемента в составе категорий рабов и лично зависимого населения VII – начала XI в.

Прежде всего, следует обратиться к интерпретации термина «раб» в переводах библейских текстов, которые были осуществлены Альфредом (в составе пролога его судебника конца IX в.) и монахом Эльфриком (в составе его перевода «Семикнижия» в конце X в.). В то время как Альфред пользовался в переводе фрагмента книги «Исход» для обозначения

⁵ Ibid. 74–74,1: *Gif ðeowwealh Engliscne monnan ofslihð, þonne sceal se ðe hine ah weorpan hine to honda hlaforde 7 mægum oððe LX scillinga gesellan wið his feore. Gif he þonne þone ceap nelle foregesellan, þonne mot hine se hlaford gefreogean; gielden siððan his mægas þone wer, gif he mægburg hæbbe freo; gif he næbbe, heden his ƿa gefan* («Если раб-валлиец убьёт англичанина, тогда должен тот, кто владеет им [т.е. убийцей], передать его в руки глафорда [убитого] и родственникам или заплатить 60 шилл. в качестве [цены] его жизни. Если он затем не захочет выдавать это имущество [т.е. раба], господин может впоследствии даровать ему свободу; тогда его родственники платят вергельд того [раба], если он имеет семью, [состоящую из] лично свободных, а если у него нет её, пусть они его предоставят врагам»). См. также: Ibid. 23,3: *Wealh gafolgelda CXX scillinga his sunu C, ðeowne LX, somhwelcne fifte gum; Weales hyd twelfum* («[Пусть жизнь] тяглого валлийца [будет оценена] 120 шилл., его сына – 100 шилл., раба – 60 шилл., кого-то другого [из валлийцев] – 50 шилл., «шкура» валлийца [стоит] 12 шилл.»).

⁶ Ibid. 51: *Gif gesiðcund mon landagende forsitte fierd, geselle CXX scillinga 7 ðolie his landes; unlandagende LX scillinga; cierlisc XXX scillinga to fierdwite* («Если гезит, который имеет землю, пропускает фирд, платит 120 шилл. и теряет свою землю; безземельный [платит] 60 шилл., кэрл – 30 шилл. в качестве платы за отсутствие в фирде»).

ветхозаветных рабов термином *þeow*⁷ (в одной из глав в рукописи Н – *þeow esne*)⁸, у Эльфрика те же самые рабы в некоторых местах также именовались *þeow*, а в некоторых – получили название *wealh*⁹. Нельзя говорить о том, что это было вызвано резким ростом числа валлийских рабов именно в конце X в. по сравнению с началом века; напротив, это был период военного ослабления Английского королевства, когда захват новых пленников усложнялся. Следовательно, этническая окраска категорий рабства сохранялась и после правления Альфреда, а значит, восприятие валлийцев в качестве весьма значительного источника для пополнения слоя бесправных жителей Англии имело место в литературных и правовых памятниках и в VIII в., и в IX–XI вв.

Достаточно красноречиво повествовали о валлийских рабах литературные источники англо-саксов. Так, в одном из древнеанглийских «сатирических» поэтических произведений, возникшем примерно в VIII в., содержится крайне нелицеприятное упоминание о рабыне кельтского происхождения, которая называется «глупой, пьяной, черноволосой служанкой, прибывшей издалека», а в случае смерти её хозяин «окажется скорее в компании чёрноволосых валлийцев, нежели добрых людей». Данное описание, как показывает Д. Пелтрэ, содержит в себе следующие метафоры: чёрный цвет волос в восприятии Средних веков означал низкое происхождение, тогда как сам автор воспринимал себя «белым», т.е. полноправным англо-саксом. Следовательно, можно заключить, что и в данном случае речь идёт о противопоставлении валлийцев (а в более широком плане – всех завоёванных кельтских племён) и англо-саксов как

⁷ Af. El. 11–12, 17, 20–21.

⁸ Ibid. 17.

⁹ Примеры употребления термина *wealh* (в форме м. и ж. р. *wiel* и *wylna*): Exod. 19 : 5, 20, 31. Тексты соответствующих глав «Исхода» можно сравнить на основе изданий: *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Halle a. S., 1898. Bd. I. Text und Übersetzung. S. 28–34; *Heptateuchus, Liber Job, et Evangelium Nicodemi; Anglo-Saxonice. Historiae Judith Fragmentum; Dano-Saxonice* / Ed. E. Thwaites. Oxonia, 1698. P. 85–88.

бесправных и полноправных, знатных и незнатных членов варварского общества¹⁰.

Приведённые факты свидетельствуют в пользу того, что для англосаксов даже на рубеже X–XI вв., в отличие от салических и рипуарских франков VI–VII в., слово *wealh* было не просто синонимом человека негерманского происхождения, чужестранца¹¹, а выступал в обыденном сознании в качестве синонима раба. Это, в свою очередь, подчёркивает особую роль пополнения рабской прослойки англо-саксонских королевств (особенно Уэссекса) пленёнными кельтами с момента высадки Хенгиста и Хорсты в Британии (середины V в.) и вплоть до конца X в., хотя пик захвата и порабощения автохтонного населения и порабощения валлийских племён приходился, по-видимому, именно на правление Инэ. Таким образом, удельный вес кельтов в составе рабской прослойки англосаксов был середине V – конце VII в. (и даже позднее) значительно выше, чем удельный вес галло-римлян в структуре рабовладения франков в конце V – начале VII в.

По самым приблизительным оценкам, удельный вес рабов в составе англо-саксонского общества на момент складывания единого королевства Англии при Альфреде Великом (т.е. в конце IX – начале X вв.) был не менее 20–25 % от общего числа жителей. Существуют различные оценки того, как этот процент изменился в последующие 150 лет. Ф. Мэтланд давал следующие данные для одного Вустершира: согласно *Domesday Book*, здесь к 1086 г. зафиксировано 677 рабов и 101 рабыня (при общей численности всех зависимых в Англии на тот момент порядка 25 тысяч человек)¹². Проведя статистический подсчёт на основе 100 записей в «Книге Страшного

¹⁰ Подробный анализ этого источника и его текст см.: *Pelletter D.A.E. Slavery in the early Medieval England from the Reign of Alfred until the Twelfth Century. Woodbridge, 1995. P. 51–53.*

¹¹ Такое значение заключал в себе, например, термин *wala* (однокоренной с древнеангл. *wealh*), упомянутый в одной из мальбергских глосс Салической правды.

¹² *Maitland F.W. Domesday Book and beyond. Three essays in the early history of England. Cambridge, 1897. P. 26.*

суда», относившихся к 1066 и 1086 гг., он представил картину, согласно которой среднее число рабов в Глочестере, Херефорде и Вустере в это время упало с 423 до 303 на 1000 человек, тогда как число вилланов и бордариев – возросло с 1486 до 1894¹³. Развивая его исследовательский подход к источникам, американский антрополог О. Паттерсон пишет о том, что много рабов было зафиксировано в Западной Англии IX – середины XI в. (более 20 %), особенно в Глостере и Корнуолле до момента их присоединения к единому королевству (от 21 до 30 %) ¹⁴.

Дж.С. Мур уточнял число рабов по имевшимся данным переписи и определял его как 28. 235 человек, а число жителей всех графств Англии он приравнивал к 268. 984¹⁵. Несмотря на эти показатели, в XI в. отношение рабов к общему числу населения в англо-саксонской Англии (по всем территориям) упало до 10 % и было отражено в таком виде в «Книге Страшного суда», что в целом, как было отмечено в первой главе, соответствовало процентному соотношению свободных франков и рабов на континенте в момент их поселения в Северной Галлии в V в. В отдельных регионах Англии встречались весьма значительные отклонения от этой величины: так, в Херефорде Мур насчитал 66,7 % рабов (из общего населения в 15 человек), а в Йоркшире, Линкольне и Кенте не было зафиксировано ни одного раба¹⁶.

Однако, несмотря на попадание значительной части бриттов в рабскую зависимость, после завоевания Британии не менее весомая их часть сохранила свой свободный статус или же была ограничена в правах, перейдя в состав податного населения, но не рабов. В этом их положение можно

¹³ Ibid. P. 34–35.

¹⁴ *Patterson O. Slavery and Social Death. A comparative study. Cambridge (Mass.); London, 1982. P. 354–355.*

¹⁵ *Moore J.S. Domesday Slavery // Anglo-Norman Studies. Proceedings of the Battle Conference. 1988 / Ed. by R. Allen Brown. Woodbridge, 1989. Vol. 11. P. 191–195.*

¹⁶ Подробные таблицы с соответствующими подсчётами в статье Дж. Мура: Ibid. P. 193–194, 210–211.

сравнить со статусом посессора и трибутария в Северной Галлии или «римлянина» (*homo Romanus*) на Среднем Рейне.

Так, среди валлийцев (*Wilisc mon*) были указаны такие категории, которые обладали земельными угодьями площадью 5, 1 и ½ гайды (приблизительно 200, 40 и 20 га), а также безземельные люди¹⁷. Однако по своему правовому статусу владельцы 5, 1 и ½ гайды приближались к свободным, полноправным англо-саксам, поскольку их вергельд стремился к минимальному значению виры для полноправного в 200 шилл.¹⁸ В этом отношении также можно говорить о том, что такие валлийцы были тяглыми людьми, а не рабами.

С конца VIII в. значительное влияние на общественное устройство англо-саксов оказывали набеги викингов. Редакция рукописи А «Англо-Саксонской хроники» (*Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 173**) даёт нам сразу несколько образцов поведения победителей по отношению к побеждённым как со стороны данов, так и со стороны англо-саксов, практически ежегодно сталкивавшихся между собой на поле боя. В отдельных случаях это могли быть простое ограбление местного населения¹⁹; захват данами земли для поселения на ней²⁰; взятие заложников с целью

¹⁷ Ine. 24,2; 32: *Wealh, gif he hafað V hida, he bið syxhynde. Gif Wilisc mon hæbbe hide londes, his wer bið CXX scillinga; gif he þonne healfes hæbbe, LXXX scillinga; gif he nænig hæbbe, LX scillinga* («Валлиец, если он имеет 5 гайд, пусть будет [оценен] в 600 шилл. Если валлиец имеет 1 гайду земли, пусть его вергельд будет равен 120 шилл., если у него есть половина гайды – 80 шилл., если у него нет [земли] – 60 шилл.»).

¹⁸ Ibid. 70: *Æt twyhyndum were mon sceal sellan to monbote XXX scillinga, æt VI hyndum LXXX scillinga, æt XII hyndum CXX scillingum* («За человека с вергельдом в 200 шилл. любой [человек] должен отдать в качестве наказания за убийство 30 шилл., за человека с вергельдом в 600 шилл. – 80 шилл., за человека с вергельдом в 1200 шилл. – 120 шилл.»).

¹⁹ Например: Chr. A. a. 473, 584 (сражения с бриттами и валлийцами), 893, 913 (сражения со скандинавами). Среди примеров не упоминаются погодные статьи, которые представляют собой повествование об ограблении данами местного населения (без указания на захват пленных), поскольку такие сведения постоянно присутствовали на протяжении всего правления Альфреда (871–899), его сына Эдварда (900–924) и Этельреда Нерешительного (980–1015). Перевод «Англо-Саксонской хроники» на русский язык выполнен З.Ю. Метлицкой: *Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010.*

²⁰ Нередко такова была тактика данов: Ibid. a. 876, 877, 878, 880. Перечислены лишь те статьи, где прямо говорится о том, что викинги отобрали у местного населения землю и поделили между собой.

получения выкупа или соблюдения противником условий мира²¹; наконец, захват людей с целью их обращения их в зависимость²².

Последний вариант в рукописи А «Англо–Саксонской хроники» в явном виде встречался не слишком часто. В погодной статье, датированной 893 г., мы видим, как альфредовское ополчение вместе с подкреплениями отправилось из Лондона на восток, в Бенфлит, и заставило данов отступить из этого укрепленного бурга. При этом воины «захватили все, что было внутри, – добро, женщин, детей, – и привезли в Лондон»²³. Второй пример относился уже ко времени правления короля Эдварда: «В тот же год король Эадвард послал ополчение из Уэссекса и Мерсии, и они учинили жестокий грабеж у северного войска [в Нортумбрии], захватили людей и разное добро, и много данов убили»²⁴. Хроника также говорит нам об одном случае, когда помимо разорения и убийств викинги совершили набег на бург Таучестер с целью захвата пленников²⁵.

Беда Достопочтенный писал, что после вероломного нападения короля Нортумбрии Эгфрида на Ирландию и его гибели 20 мая 684 г. против его королевства восстали пикты, бритты и скотты, и дело не ограничилось только захватом территории: многие англы были захвачены и проданы в

²¹ Эта тактика с успехом использовалась как англо-саксами, так и скандинавами. Примеры: *Ibid.* a. 755 (757), 874, 878, 893, 900, 914. Известно, что заложники иногда переходили на сторону захватившего их племени и служили королю–победителю. Интересный пример описан в погодной статье за 755 (757) г. Под этим годом повествуется об убийстве уэссекского короля Кюневульфа и королевских тэнов людьми элдормена Кюнехеарда. Единственным выжившим из числа тэнов был захваченный Кюневульфом заложник–бритт.

²² Некоторые примеры можно найти в статье: *Pelteret D.A.E. Slave raiding and slave trading in early England // Anglo–Saxon England / Ed. by P. Clemoes [a.o.]. Cambridge [a.o.], 1981. Vol. 9. P. 99–114.*

²³ *Ibid.* a. 893: Ða foron hie to and gefliemdon þone here, and þæt geweorc abraecon, and genamon eal þæt þær binnan wæs, ge on feo, ge on wifum, ge eac on bearnum, and brohton eall in to Lundenbyrg. Жену предводителя данов Хэстена и двух его сыновей при этом отпустили.

²⁴ *Ibid.* a. 909 (910): And þy ylcan gere sende Eadweard cyng firde ægðer ge of Westseaxum ge of Mercum, and heo gehegde swiðe micel on þæm norð here, ægðer on mannum ge on gehwelces cynnes yrfe, and manega men ofslogon þara Deniscena.

²⁵ *Ibid.* a. 917: ...7 comon on ungearwe men, 7 genomon unlytel, ægþer ge on mannum, ge on ierfe, betweox Byrnewuda 7 Ægles byrig.

рабство²⁶. Также в качестве примечательного казуса Беда приводит рассказ о юноше Инне, брате епископа Тунны. После поражения короля Элфвина и его гибели на поле боя был найден юноша по имени Инна, которого пленили люди короля Мерсии Этельреда. Когда его знатное происхождение было открыто, «комит» (т.е. гезит – представитель дружины) Этельреда решил продать его фризам в Лондон; однако поскольку никто не мог сковать его (ни гезит, ни его люди, ни новый хозяин), Инна смог выкупиться из рабства²⁷.

Безусловно, пополнение слоя рабов и лично зависимых людей из числа пленников в VI–IX вв. не ограничивалось этими несколькими примерами: в действительности, захват богатств и пленение имели место с обеих сторон во время многих пограничных стычек англо-саксонских королей между собой, а также войн англо-саксов с иноплеменниками (данами, валлийцами, бриттами, ирландцами). Но нарративные источники, за исключением нескольких случаев, ничего не говорят о дальнейшей судьбе захваченных людей: были они проданы, возвращены на родину или использовались знатью в собственных хозяйствах.

Однако процент захваченных иноплеменников в числе рабов англо-саксонских королевств раннего Средневековья, как можно полагать, должен был быть особенно весомым в VI – конце IX в., когда законодательные и нарративные источники неоднократно фиксировали случаи обращения германскими завоевателями в рабство значительных масс пленных (прежде всего – кельтов, в т.ч. валлийцев); данное утверждение верифицируется

²⁶ *Beda. Hist. IV, 26 (24): ...Ubi inter plurimos gentis Anglorum vel interemtis gladio vel servitio addictos vel de terra Pictorum fuga lapsos...* («Многие англй погибли от меча, были пленены или спаслись бегством из страны пиктов»).

²⁷ *Ibid. IV, 22 (20): Ut ergo convaluit, vendidit eum Lundoniam Freso cuidam; sed nec ab illo nec cum illuc duceretur nullatinus potuit alligari. Verum cum alia atque alia vinculorum ei genera hostes inponerent, cumque vidisset, qui emerat, vinculis eum non potuisse cohiberi, donavit ei facultatem sese redimendi, si posset* («Как только Инна выздоровел, комит продал его фризам в Лондонию, но ни по пути туда, ни у фризов его по-прежнему не удавалось сковать. Поэтому, когда враги попытались сковать его всеми возможными оковами и когда купивший его понял, что сделать это нельзя, ему позволили самому заплатить за себя выкуп»). Фризы занимали достаточно высокое положение в англо-саксонском обществе. См., например, «Англо-саксонскую хронику»: Chr. A. a. 896; *Beda. Hist. V, 5.*

также на примере категории порабощённых за свои преступления людей, о которых пойдёт речь ниже.

По-видимому, в конце IX – X в. этот источник рабства в силу постоянного противостояния с сильным соперником – викингами, значительно сдал свои позиции. По крайней мере, в этот период, как будет показано далее, активизировалась продажа за пределы Англии попавших в плен англо-саксов, что свидетельствовало об ослаблении военной мощи государства и неспособности вести широкие наступательные действия с целью грабежа и захвата значительных масс пленников. Этот период, закончившийся образованием державы Кнута Великого, можно сравнить с периодом резкого военного ослабления меровингских королевств в эпоху «ленивых королей»; тогда поток пленников из числа соседних племён, ранее игравший значительную роль для франков в деле пополнения рабской прослойки, также фактически сошёл на нет.

§ 1.2. Обращение в рабство в качестве наказания за преступление:

В законах королевства Уэссекс, записанных королём Инэ в VII в., было особое указание на категорию зависимых людей, утративших свою свободу в результате совершённого ими преступления. В одном случае упоминается раб–должник, являвшийся англо-саксом («англичанин по происхождению»)²⁸; в другом проводится сравнение между двумя рабами – англо-саксом и валлийцем²⁹. За кражу, совершённую свободным человеком с

²⁸ Ine. 54, 2: Witeðeowne monnan Wyliscne mon sceal bedrifan be XII hidum swa ðeowne to swingum, Engliscne be feower 7 XXX hida. В этом титуле Либерман видел противопоставление раба–преступника и раба, унаследовавшего свой статус: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 690; Bd. III. S. 78. См. подробнее о второй категории пункт «в».

²⁹ Ine. 24-24,1: Gif witeðeow Engliscmon hine forstalie, ho hine mon 7 ne gylde his hlaforde. Gif hine mon ofslea, ne gylde hine mon his mægum, gif hie hine on XII monðum ne aliesden («Если раб, обращённый по закону, англичанин по происхождению, украдёт себя [т.е. сбежит], пусть его повесят и не заплатят его глафорду [компенсацию]. Если его убьют, не оплачивают его жизнь его родственникам, если они его в течение 12 месяцев не выкупили»).

попустительства своей семьи, вся семья (в т.ч. дети старше 10 лет) отходила в рабство³⁰.

Интересно также то, что законы Инэ допускали повторное порабощение свободного англо-сакса за долги: это ясно следует из титула 48, где такая санкция предусмотрена за повторную кражу³¹. Тем не менее, Феликс Либерман особенно подчёркивал то обстоятельство, что должник мог быть выкуплен своими родичами в течение 12 месяцев на свободу, если он не мог вернуть долг самостоятельно. Тем самым он восстанавливал свои родовые связи, а значит – права свободного члена уэссекского общества³².

В одном из законов короля Эдварда мы также встречаем апелляцию к родственникам порабощённых за кражу людей, однако здесь они уже выступали в иной роли: они не выкупали своего родича из рабства, а напротив, отказывались от родства с ним, что трансформировало его положение в статус пожизненного раба³³.

Данная социальная группа также встречалась в довольно пространных законах Этельстана начала IX в. В юридическом памятнике, который Феликс Либерман назвал *Almosenverordnung* («Предписания по выплате милостыни», 925–940 гг.), Этельстан предписывал отпускать ежегодно по одному

³⁰ Ibid. 7,1: Gif he ðonne stalie on gewitnesse ealles his hiredes, gongen hie ealle on ðeowot («Если же он украдёт при попустительстве всей своей семьи, все они отходят в рабство»).

³¹ Ibid. 48: Gif hwelc mon bið witeðeow niwan geðeowad, 7 hine mon betyhð, þæt he hæbbe ær gediefed, ær hine mon geðeowode, þonne ah se teond ane swingellan æt him: bedrife hine to swingum be his ceape («Если какой-либо человек будет вновь обращён в рабство в качестве штрафа, и его обвинят, что он крал и раньше, до того как его обратили в рабство, тогда пусть этот обвинитель имеет [право на] один удар палкой: его призывают к порке по ценности его [статуса]»). В латинском переводе *Quadripartitus* содержание этого титула передаётся несколько по-иному: в частности, не во всех списках присутствует перевод термина *witeðeow* (только в *Lond.* он переводится как *wytaservus*), а первое предложение передаётся описательно: *Si quis propter forisfactum noviter inservierit...* («Если кто-то будет порабощён после [совершения] кражи...»).

³² Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 692.

³³ II Ew. 6: Gif hwa þurh stæltihtlan freot forwyrce 7 his hand on hand sylle, 7 hine his magas forlætan, 7 ne nyte, hwa him forebete, ðonne sy he ðæs ðeoweorces wyrðe, ðe ðærto gebyrige; 7 oðfealle se wer ðam magum («Если кто-то лишится свободы, и свою руку передаст в руку [глафорда], и от него откажутся его родственники, и он не будет знать, кто его выкупит, пусть он будет достоин такой рабской работы, к которой его принудили; и пусть его родственники лишатся [права на его] виру»).

провинившемуся перед законом рабу³⁴. Вместе с тем, за повторную кражу уже обращённого в рабство человека могли казнить через повешение³⁵.

Кроме того, подобная категория выделялась в юридической компиляции XI в.³⁶, названной *Grið* (в рукописи *G*). В титулах 15–16 мы встречаем обычное для совершившего преступление в королевском бурге или поблизости от него наказание – смертную казнь. Однако в случае, если король решал простить этого человека, он мог быть выкуплен величиной собственного вергельда. В случае же, если этот человек находил убежище в церкви, он мог выкупить свою жизнь тремя следующими способами: либо вергельдом, либо обратиться в вечное рабство, либо быть заключённым под стражу³⁷.

³⁴ *As Alm. 1* (по рукописи *Ld*): *Fram twam minra feorma agyfe mon hine elce monaþ ane ambra meles 7 an sconc spices oþþe an ram weorþe IV peningas 7 scrud for twelf monþa ælc gear. 7 þæt ge alysaþ an witeðeowne. 7 ðæs ealle sie gedon for Drihtnesse mildheortnesse 7 mine lufu under þæs bisceopes gewitnesse, on ðæs rice it sie* («От каждых двух моих оброков пусть отдаётся одна мера муки, и одну свиную ногу или одного барана ценой в 4 пенни, и одно платье в течение 12 месяцев каждый год. И [желаю], чтобы вы отпускали одного человека, которого поработили в наказание за преступления; всё это было даровано по божьему милосердию и моей [христианской] любви при свидетельстве епископа, в приходе которого это будет»).

³⁵ *VI As. 12,2*: *Oððe gif he in carcern ne cume, 7 man nan næbbe, þæt he hine niman be his fullan were on borh, þæt he æfre ma ælces yfeles geswice. Gif seo mægð him utnimannelle ne him on borh gan, þonne swerige he, swa him bisceop tæce, þæt he ælces yfeles geswycan wille, 7 stande on þeowete be his were. Gif he þonne ofer þæt stalie, slea man hine oððe ho, swa man þa ylðran ær dyde* («Или же если он [т.е. обвинённый в краже] не пойдёт в узилище и не будет иметь никого, чтобы они его взяли на поруки ценой своей полной виры в том, что он ныне всегда будет сторониться этого преступления. Если его родственники не захотят вызволить его [из узилища] и не захотят идти к нему в поручители, пусть тогда он клянётся, как ему укажет епископ, что он хочет [впредь] избегать подобного зла, и останется в рабстве для [сохранения] своей виры. Если же он после этого украдёт, пусть его казнят или повесят, как делали при наших предках»).

³⁶ Либерман датирует этот памятник точнее – 1028–1070 гг. Однако он содержал в своём составе некоторые кентские установления VII в. (со специальной пометкой «*on Cantwara lage*», «*on Sudengla lage*»); не исключено, что в случае с разбираемым далее титулом на компилятора оказали влияние законы Хлотхере и Эдрика.

³⁷ *Ibid. 16*: *7 se þe in cynges byrig oððon on his neaweste feohteð oððe steleð, he bið feorhscyldig, nimþe se cyng alyfan wille, þæt man wergy[lde] alysan mote. 7 gyf forworht man friðstol gesece 7 þurh þæt feorh geyrne, þonne sy þreora an for his feore, bute man bet gearian wylle: wergyld, ece þeowet, hengenwitnuncg* («И тот, кто в королевском бурге или поблизости от него нападёт [на кого-то] или украдёт, пусть будет виновен своей жизнью, если только король не пожелает, чтобы могли выкупить [родичи его] вергельдом. И если виновный человек найдёт [церковное] убежище и тем самым сохранит жизнь, пусть тогда

Крайне интересным моментом выглядит то, что англо-саксонское право, в отличие от континентального франкского права VI–VII вв., совершенно не знало фактов порабощения свободных, полноправных представителей варварского общества за заключение браков с рабами и другими лично зависимыми людьми. Такие примеры не обнаруживаются ни в «Англо-Саксонской хронике», ни у Беды Достопочтенного. В этом, безусловно, заключается одно из разительных отличий франкского рабства от рабства англо-саксов: первое переняло многие черты классического римского рабства³⁸, где раб был частью движимого имущества своего господина, *instrumentum semivocale*; второе практически не испытало римского влияния и представляло собой продукт «внутренней эволюции» германских общественных институтов.

§ 1.3. Долговое рабство:

Такой тип рабства также встречался у германских племён, которые вошли в соприкосновение с Римской империей на рубеже эр. Достаточно упомянуть случаи самозаклада свободных общинников для того, чтобы расплатиться с выигравшей в кости стороной³⁹.

Всё те же самые законы Инэ дают нам пример обращения человека в зависимость за долги: в титуле 62 упомянут должник, которому предъявлено обвинение в подстрекательстве преступления⁴⁰. Также в этот раздел отчасти

[для него выберут] одно из тех трёх [наказаний], которое более захотят видеть [для него]: вергельд, вечное рабство, заключение под стражу»).

³⁸ В частности, о запрете на брак между рабом и свободным человеком в римском праве ранней Империи писал В. Уэстерманн: *Westermann W.L. The Slave System of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955. P. 81.*

³⁹ *Tac. Germ. 24.*

⁴⁰ *Ine. 62: Þonne mon bið tyhtlan betygen, 7 hine mon bedrifē to ceape, nah þonne self nane wiht to gesellanne beforan ceape. Þonne gæð oðer mon, seleð his ceap fore, swa he þonne geþingian mæge, on ða rædenne, þe he him ga to honda, oð ðæt he his ceap him geinnian mæge. Þonne betyhð hine mon eft oþre siðe 7 bedrifð to ceape. Gif hine forð nele forstandan se ðe him ær ceap foresealde, 7 he hine þonne forfehð, þolige þonne his ceapes se, ðe he him ær foresealde («Если затем [кто-то] будет обвинён в подстрекательстве [преступления], и его приговорят к платежу, [если] он не имеет ничего сам наперёд этого платежа для уплаты:*

можно занести и титул 15 юридической компиляции *Grið*: вполне возможно, что содержание под стражей могло длиться до того момента, пока родичи обвинённого в правонарушениях на территории королевского бурга или в его округе не собирали достаточно денег, чтобы выкупить его вергельд⁴¹.

§ 1.4. Кража чужих рабов и продажа в рабство за пределы Англии:

Этот источник рабства в VII в., как показывают нарративные и правовые свидетельства, был широко распространён на Юго-Востоке Англии (Кент), на Юго-Западе (Уэссекс) и на Севере (Дейра). Уже Беда достаточно красочно рассказывал историю о том, как папа Григорий Великий однажды увидел на римском рынке англов из Дейры и поразился их ангельским лицам⁴². В кентских законах короля Вихтрета встречалась такая мера наказания, как продажа за море по приказу короля (причём она приравнивалась к полному лишению прав и выступала в качестве замены смертной казни)⁴³. В то же самое время законы Инэ запрещали господину под угрозой выплаты собственного вергельда продавать зависимого человека «за море»⁴⁴. При этом специально оговаривался случай, когда продажа

тогда приходит другой человек, ссужает [имущество для уплаты] его штрафа, как он может его [т.е. заступника] попросить, при том условии, [что] тогда он идёт к нему «под руку» [т.е. в личную зависимость] до того момента, пока он не сможет отдать ему имущество: если его обвиняют вновь в другой раз и приговаривают к штрафу, а его не пожелает защищать тот, кто ему ссудил имущество, и он [т.е. господин] его оставит, то пусть тогда потеряет своё имущество тот, кто ему ранее ссужал». В рукописях Н и В вместо «сеар» встречается слово «сеас», т.е. «божий суд посредством кипящей воды»; в *Quadripartitus* – «ad captale pertrahitus» (Rs), «ad fauces cohortatur» (Hk, M, T), что подтверждает наличие в IX–XII вв. двух разных вариантов написания в различных рукописях этого титула.

⁴¹ *Grið*.15.

⁴² Beda. Hist. II, 1.

⁴³ Wi. 26: Gif man frigne man æt hæbbendre handa gefo, þanne wealde se cyning ðreora anes: oððe hine man cwelle oþþe ofer sæ selle oþþe hine his wergelde alese («Если кто-то поймает свободного человека во время кражи с поличным, тогда пусть король прикажет одно из трёх: либо его казнят, либо его продают за море, либо его выкупают величиной вергельда»).

⁴⁴ Ine. 11: Gif hwa his agenne geleod bebycgge, ðeowne oððe frigne, ðeah he scyldig sie, ofer sæ, forgielde hine his were («Если кто-то продаст своего человека за море, свободного или раба, даже если он виновен, пусть заплатит свой вергельд»). Впрочем, Либерман

происходила в результате совершения этим человеком какого-либо преступления.

Сам факт того, что эти титулы попадают в одну и ту же историческую эпоху в два разных законодательных памятника и в одном случае говорят о запрете практики продажи за море, тогда как в другом – напротив, поощряют её, подтверждает то обстоятельство, что продажа в рабство была важным источником пополнения прослойки рабов до конца VII в.⁴⁵ Последнее утверждение также может быть проверено рассказом «Церковной истории народа англос» о епископе Линдисфарна Айдане⁴⁶.

Кроме того, последующее англо-саксонское законодательство ещё не раз касалось проблемы запрета торговли людьми. Это говорит о том, что сама эта проблема продолжала стоять достаточно остро. Например, законы Этельреда Нерешительного 1008 г. увещевали не продавать преступников «из земли, в особенности язычникам⁴⁷», «смертью Христа» и «искуплением всех человеческих грехов»⁴⁸.

сомневался в действенности этого запрета и утверждал, что запрет продажи англо-саксов в рабство действовал только в отношении языческих народов (Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 690).

⁴⁵ В законах Хлотхере и Эдрика встречается отголосок продажи в рабство: здесь один человек крадёт другого, а тот бежит от него и выступает в суде в качестве обвинителя. См. подробнее: НI. 5.

⁴⁶ *Beda. Hist.* III, 5: ... Quae sibi a divitibus donaria pecuniarum largiebantur, vel in usus pauperum, ut diximus, dispergebat, vel ad redemptionem eorum, qui iniuste fuerant venditi, dispensabat. Denique multos, quos pretio dato redemerat, redemptos postmodum suos discipulos fecit, atque ad sacerdotalem usque gradum erudiendo atque instituendo prouexit («Все деньги, полученные в дар от богатых, он, как мы уже сказали, тратил на помощь бедным или на выкуп тех, кто был несправедливо продан в рабство. Многие из тех, кого он выкупил, позднее сделались его учениками и после его наставлений и поучений приняли священство»).

⁴⁷ Видимо, в первую очередь имеются в виду ирландцы и даны.

⁴⁸ V Atr. 2: 7 witena gerædnes is, þæt man Christene men 7 unforworhte of earde ne sylle, ne huru on hæþene leode, ac beorge man georne, þæt man þa sawla ne forfare, þe Christ mid his agenum life gebohte; VI Atr. 9: 7 witena gerædnes is, þæt man Christene men 7 unforworhte of earde ne sylle, ne huru on hæþene þeode; ac beorge man georne, þæt man georne, þæt man þa sawla ne forfare, þe Christ mid his agenum life gebohte; VII Atr. 5: Et prohibemus, ne aliquis extra (patriam) vendatur. Si quis hoc presumat, sit preter benedictionem Dei et omnium sanctorum et preter omnem Christianitatem, nisi peniteat et emendet, sicut episcopus suus edocebit.

Немаловажно также отметить тот факт, что в континентальном законодательстве (например, у фризов) также встречался запрет на продажу свободных общинников за море⁴⁹. Это говорит о том, что работорговля между континентальными северными германскими племенами (в первую очередь – фризами) и англо-саксами в VII–VIII вв. проходила достаточно активно. Например, фризы активно занимались работорговлей на территории основанной им торговой колонии в англо-саксонском Йорке; в Северной Галлии в тот же самый исторический период благодаря деятельности купцов-иудеев расширялся рынок несвободных людей, в котором значительный сегмент занимали именно вывезенные с Британских островов пленники⁵⁰.

Некоторые источники, не входящие в круг нашего исследования (жития англо-саксонских святых, законы валлийцев, археологические и ономастические источники), также дают сведения о продаже в рабство. Так, в эпоху доминирования викингов в Северном море (приблизительно 950–1150 гг.) имелись свидетельства о продаже в рабство англо-саксов и кельтского населения через порты на территории Уэльса – Кардифф, Суонси, а также корнуолльский Бристоль и, возможно, Шотландию, в Дублин (Ирландия) – один из центров торговли викингов на территории Северной Европы. Кроме того, город Честер являлся «перевалочным пунктом», куда валлийцы доставляли пленных и проданных в рабство иноплеменников (прежде всего – англо-саксов) и откуда они, по некоторым сведениям, отправлялись в длительное морское путешествие к берегам мусульманской Испании. Примечательно и то, что валлийские церковные деятели, в отличие от

⁴⁹ L. Fris. XXI: Si quis hominem, vel nobilis nobilem aut liberum, vel liber liberum, vel liber nobilem extra partiam vendiderit, componat eum ac si ab ipso fuisset interfectus, aut eum ab exilio revocare studeat; si vero, qui venditus est, reversus fuerit et eum qui se vendiderat, de facinore convenerit, componat ei bis iuxta quod fuerat adpretiatus, et solidos 12 ad partem regis componat, ultra Laubachi vero veregildum suum («Если кто-то продаст человека за пределы страны – либо знатный знатного или свободного, либо свободный свободного или знатного, пусть искупает его [штрафом] так, будто тот [проданный человек] был им убит, или пусть его пытается выволить из изгнания. Если же тот, кто будет продан, вернётся, и того, кто его продал, изобличит в преступном деянии, пусть выплатит ему [виновный] дважды согласно тому, как был оценен [потерпевший; т.е. пусть заплатит два вергельда], и 12 солидов в пользу короля. За Лаубахом же [преступником платится] свой вергельд»).

⁵⁰ См. подробнее: *Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 104–106.*

английской церкви X–XI вв., совершенно не препятствовали работоторговле и не осуждали продажу христиан язычникам⁵¹.

§ 1.5. Наследование рабского статуса:

К сожалению, в островном праве нет достаточных сведений для того, чтобы утверждать что-то определённое о правилах наследования рабского статуса в англо-саксонском обществе (прежде всего – в Кенте и Уэссексе VII в.). Тем не менее, можно говорить о нескольких достаточно ярких примерах, которые до известной степени помогают понять общую тенденцию⁵².

В законах Инэ конца VII в. присутствовали титулы, на основании которых можно говорить о наследовании зависимого статуса. Титулы 53-53,1 описывали казус, когда один человек крал у другого раба и продавал его третьему лицу⁵³. В этом случае, если законный владелец умирал, свои права на получение раба мог предъявить наследник умершего человека⁵⁴.

⁵¹ *Bromberg E.I.* Wales and the medieval slave trade // *Speculum. A Journal of Medieval Studies.* 1942. January. Vol. XVII. No 1. P. 264–267; *Pelteret D.A.E.* Op. cit. P. 107–111.

⁵² Также нелишним будет напомнить о том, что наследование зависимых членов общины (которые обозначались собирательным термином *familia*) было отмечено римскими авторами ещё в I в. н.э. у прирейнских узипов и тенктеров: *Tac. Germ.* 32.

⁵³ *Ine. 53:* Gif mon forstolenne man befo æt oþrum, 7 sie sio hand oðcwolen, sio hine sealde þam men þe hine mon ætbefeng, tieme þonne þone mon to þæs deadan byrgelse, swa oðer fioh swa hit sie, 7 cyðe on þam aðe be LX hida, þæt sio deade hond hine him sealde. Þonne hæfð he þæt wite afulled mid þy aðe, agife þam agendfrio þone monnan («Если человек получит краденого человека [т.е. раба] от другого, и его предыдущий владелец [дословно «рука»], который его продал тому человеку [т.е. новому хозяину], кто его получил, умрёт, пусть его [т.е. нового хозяина] отведут к могиле того умершего, так же как и [представят туда] другую собственность, каковая у него есть, и он будет клясться в том 60 гайдами, что тот умерший хозяин продал ему его [раба]; после того как он с этой клятвой представит свидетельство, пусть отдаст он его [раба] его [новому] владельцу»). В случае, когда рядом с древнеанглийским текстом законов Альфреда–Инэ нет никаких особых пометок, это означает то, что мы цитируем его по списку E (*Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 173**).

⁵⁴ *Ine. 53, 1:* Gif he þonne wite, hwa ðæs deadan ierfe hæbbe, tieme þonne to þam ierfe 7 bidde ða hond þe þæt ierfe hafað, þæt he him gedo þone ceap unbeceasne oþþe gescyðe, þæt se deada næfre þæt ierfe ahte («Если он затем узнал, кому принадлежит это имущество умершего [т.е. наследство – раб], пусть передаст тому наследнику [раба] и просит нового хозяина, которому он принадлежит, чтобы он отдал ему это имущество [т.е. раба] без споров, или пусть поклянется [новый владелец], что тот умерший человек никогда не владел этим имуществом»).

Кроме того, некоторые исследователи предполагали на основании косвенных данных наследование зависимыми людьми их статуса на протяжении как минимум нескольких поколений. В этом случае статус таких англо-саксов имел прямое отношение к общегерманским общественным институтам; например, в качестве примера можно привести прослойку литов, зафиксированную как в англо-саксонском праве, так и в континентальных варварских правах. Однако исследовательская проблема в отношении данной категории состоит в том, что она встречалась только в законах Этельберта и нигде более в англо-саксонских источниках.

Ещё одним косвенным свидетельством мог являться тот факт, что зависимому человеку запрещалось скрывать внебрачных детей от своего глафорда⁵⁵. Очевидно, это было предписано не только в целях сохранения супружеской верности, но и во избежание утраты господином рабочей силы (поскольку дети зависимого, скорее всего, должны были наследовать его статус). Тем не менее, в отношении данного титула возникают определённые сомнения: за жизнь ребёнка взимался не штраф, а вира, что, впрочем, находит некоторые параллели в отношении «рабов высшей категории» Кентского королевства начала VII в.

⁵⁵ Ine. 27: Se ðe dearnenga bearn gestriened ð gehiled, nah he his deaðes wer, ac his hlaford 7 se suning («Тот, кто вне брака породит и утаит [от господина] ребёнка, пусть не будет иметь его виру [в случае гибели], однако его глафорд или король»).

§ 2. Занятия зависимого населения и способы использования его труда.

Начиная описание статуса рабов, а также категорий, в которых они описывались в праве и нарративных источниках Англии в раннем Средневековье, нельзя не остановиться на занятиях зависимого населения и на том вопросе, насколько их деятельность и уровень квалификации отличались от простых общинников V–X вв.

Безусловно, здесь нужно иметь в виду два момента. Первый – занятия во многом определяли социальный статус человека; обладание навыками, особо ценными в рамках доиндустриального общества (работа по металлу или дереву; управление земледельческими работами и ведение зарождавшегося «делопроизводства»), было способно возвысить человека над общей массой рабского населения. Но при этом рабы также очень ценились в том случае, если они прислуживали хозяевам за столом, ухаживали за их детьми, выступали в качестве гонцов или занимались работой по дому⁵⁶.

Второй – терминология нарративных и правовых памятников в отношении одних и тех же категорий англо-саксонского общества вовсе не являлась устойчивой, тем более – универсальной. Равные по статусу люди, бывшие рабами, порой могли называться и англо-саксонским (*þeow*), и скандинавским (*þræll*), и латинским (*servus*) терминами. В источниках сходного исторического периода могло вообще не оказаться единого обозначения для рабской прослойки. Кроме того, в нарративных источниках («Англо-Саксонской хронике», «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного) многие социальные связи выражались с помощью развёрнутого описания, поэтому не всегда понятно, являлся ли выполняющий какие-либо обязанности (гонца, посланника, домашнего

⁵⁶ Например, подношение вина хозяину дома или гостю вовсе не было прерогативой рабынь: жёны даже самых богатых землевладельцев считали своей обязанностью подавать чашу на стол (*Beda. Hist. V, 4*). См., например, комментарий Либбермана по этому поводу: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 7.*

слуги) человек лично зависимым рабом, либо, напротив, привилегированным свободным⁵⁷. В частности, обоснованные сомнения в ряде случаев вызывает атрибуция социального статуса людей, обозначенных как *miles* («воин») и *minister* («слуга»); оба этих понятия нередко применялись по отношению к королевскому тэну. Ниже будут приведены конкретные примеры из нарративных источников, в которых данные категории выступали в качестве действующих лиц.

Главной особенностью, которая отличает англо-саксонские законы VII-X вв. от континентальных правовых памятников (прежде всего – варварских правд), является гораздо большее разнообразие терминологии, используемой по отношению к рабам. И причина этого разнообразия, без сомнения, заключалась прежде всего в языке фиксации законов. Если все континентальные северогерманские правды использовали в качестве главного языка латынь, лишь изредка используя германские слова и выражения для разъяснения отдельных судебных казусов, то англо-саксонские правовые установления изначально создавались на народном языке⁵⁸.

Если для латинского языка была характерна унификация понятий, связанных с зависимостью, рабством, служением господину, а половозрастные различия сводились во многом к дихотомии «*servus – ancilla*», то в древнеанглийском законодательстве присутствовали слова и выражения, которые помогали выделить конкретную персону из общей массы не только по половозрастным признакам, но и по степени её зависимости (т.е. по величине уплачиваемого за жизнь штрафа), по роду

⁵⁷ О возможности повышения социального статуса для рабов, исполнявших такую работу, говорил ещё Д.М. Петрушевский (Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М., 2003. С. 33–34).

⁵⁸ Это, не в последнюю очередь, послужило причиной того, что при переводе англо-саксонских законов на латынь в начале XII в. в тексте остались не просто следы древнеанглийского языка в виде глосс, а целые пассажи, которые переписчики не посчитали нужным (не смогли?) перевести на латынь в силу того, что они описывали реалии раннесредневекового общества гораздо точнее и полнее, чем латинский язык.

занятий, а в отдельных случаях – даже по этнической принадлежности⁵⁹. Поэтому рассмотрение проблемы занятий рабского населения англо-саксонских королевств в раннесредневековый период в отдельном параграфе является очень важной задачей.

Первым (и самым главным) фактором разделения труда лично зависимых людей являлась возможность их участия в производственных процессах, требовавших наличия определённой квалификации. При этом особое значение имело то, кто являлся господином раба: лично зависимые от короля люди, как и во франкском обществе, ценились у англо-саксов более всего. В качестве примеров можно назвать кузнецов короля⁶⁰, королевских посланников и гонцов⁶¹, королевскую служанку⁶², рабыню-мукомольщицу⁶³, королевского конюшего⁶⁴. За лишение жизни такого человека полагался

⁵⁹ Стоит сказать о том, что «этническая» составляющая терминологии, относящейся к зависимому состоянию, не была статична и постоянно трансформировалась во времени. Если в альфредовском переводе «Исхода» впаший в рабство человек всегда обозначался как *þeow*, то в эльффриковском переводе «Исхода» появляются термины, намекающие на иноземное происхождение рабов – *wiel*, *wylne* (Exod. 20:17; 21:5; 21:20; 21:26; 21:31. Сверено по изданию: *Heptateuchus, Liber Job, et Evangelium Nicodemi; Anglo-Saxonice. Historiae Judith Fragmentum; Dano-Saxonice / Ed. E. Thwaites. Oxonia, 1698*).

⁶⁰ Abt. 8: *Gif cyninges ambihtsmið 7 laadringmannan ofslehð, meduman leodgelde forgelde*. При этом данный пассаж имеет два возможных перевода, что является результатом различного чтения двусоставного слова *ambiht-smið* («королевский слуга-кузнец»): в рукописи его основы написаны отдельно, поэтому в действительности это могут быть два разных термина («королевский слуга» и «кузнец»).

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. 10: *Gif man wið cyninges mægdenman geligeþ, L scillinga gebete* («Если кто-то возьмёт с королевской служанкой, пусть уплатит 50 шилл.»).

⁶³ Ibid. 11: *Gif hio grindenda þeowa sio, XXV scillinga gebete. Sio þridde: XII scillingas* («Если же она – рабыня, которая перемальвует муку, пусть уплатит 25 шилл. [А если] третья [по статусу] – 12 шилл.»). У большинства исследователей англо-саксонского права встречается утверждение о том, что титулы 10-11 составляют композиционное единство, а упомянутые в них три вида служанок (рабынь) – это три различных ступени зависимости (возрастающей по мере убывания компенсации за их жизнь). Например: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 7*. Для этого есть весомый аргумент: в отличие от титула 7, здесь нет упоминания о випе (*leodgeld*), что могло указывать на более низкий статус королевской служанки по сравнению с квалифицированным ремесленником или посланником короля. В данном контексте термины *mægd* и *þeowa* могут быть признаны синонимами.

⁶⁴ Ine. 33: «Пусть вергельд королевского уила, ухаживающего за конями, того, который может исполнять поручения, будет равен 200 шилл». В данном случае мы наблюдаем достаточно необычный для уэссекского общества процесс приобретения одним зависимым человеком сразу нескольких полномочий – конюха, гонца и королевского

довольно высокий штраф: в случае с королевской служанкой и рабынями двух последующих категорий – от 12 до 50 шилл.; в случае с кузнецом, королевским посланцем – «простая вира», что можно приравнять к возмещению за жизнь свободного непривилегированного англо-сакса, указанному в титуле 21 в количестве 100 шилл.⁶⁵ С одной стороны, указанный факт противоречит классическому пониманию раба, поскольку здесь он выступает в качестве субъекта права, в качестве правоспособной персоны, наделённой к тому же вирой свободного англо-сакса; с другой стороны – у нас нет никаких фактов, говорящих о наличии у таких рабов родственных связей. Скорее всего, вира отходила непосредственно королю.

В более позднее время, при развитии в Англии крупного землевладения и увеличении удельного веса лично и поземельно зависимого населения в X–XI вв., наблюдалось сохранение прослойки зависимых от богатого землевладельца или знатного человека (глафорда) мастеров. В первую очередь, на это указывает юридическая компиляция под названием *Gerefa* (Ger.), которую Либерман относил к донормандскому периоду английской истории (приблизительно к 960–1060 гг.). Именно здесь были предусмотрены положения, согласно которым управляющий поместьем должен был обеспечивать не только координацию хозяйственной жизни домениальных земель и наделов зависимых людей, но и снабжать их всех необходимым для работы и исполнения натуральных и денежных повинностей в пользу своего господина. Поскольку в составе поместья также находились квалифицированные работники (среди них упомянуты мельник, сапожник и кровельщик), герефа обязан был знать особенности их труда, подбирать для

посланника. Без сомнения, статус такого слуги уже при короле Инэ был очень высок; в последующем он, повышая свой социальный статус и «теряя» этническую специфику, вполне мог стать «предком» маршала или коннетабля (равно как и франкские *marahscalcus* и *comes stabuli*).

⁶⁵ Abt. 21: *Gif man mannan ofslæhð, medume leodgeld C scillinga gebete* («Если кто-то убьёт [другого] человека, пусть уплатит простую виру – 100 шилл.»). В титуле 22 также встречается выражение «*ealne leod forgelde*» – «пусть выплатит полную виру».

них соответствующие орудия труда и планировать их работу⁶⁶. Хотя не имеется прямых доказательств высокого статуса этих мастеров, их первоочередное обеспечение управляющим поместья однозначно говорит в пользу их прямой зависимости от самого хозяина поместья и особой их важности в структуре манориального хозяйства X–XI вв.

Достаточно высоким правовым статусом обладали также зависимые от богатых и знатных членов англо-саксонского общества люди. В первую очередь, к таковым следует отнести девушек, упомянутых в законах Этельберта VII в., в обязанности которых входило подношение вина своему господину. Причём хозяин рабыни при этом мог быть как знатным человеком (*eorl*)⁶⁷, так и непривилегированным свободным человеком (*ceorl*)⁶⁸.

Примерно на одном уровне с прислужницей, приносящей кэрлу вино, мог стоять т.н. «нахлебник» свободного человека (*ceorles hlafæta*)⁶⁹. Данное слово, как и некоторые другие социальные категории VII в., встречалось в правовых источниках только один раз. Это сильно затрудняет понимание его статуса и степени зависимости от кэрла (свободного)⁷⁰. Основываясь более всего на этимологии слова, можно предположить, что сфера применения труда «нахлебника» лежала в области выращивания и сбора зерновых культур. Пелтрэ отмечал, что эта категория могла быть родственной другой,

⁶⁶ Ger. 16: And gif he smeawyrhtan hæfð, ðam he sceal to tolan fylstan: mylewerde, sutere, leodgotan 7 oðran wyrhtan – ælc weorc sylf wisað, hwæt him to gebyreð, nis ænig man, þæt atellan mæge ða tol ealle, ðe man habban sceal («И если у него [герефы] есть ремесленный мастер, которому он должен помочь рабочим инструментом: мельник, сапожник, кровельщик – пусть сам указывает все работы, которые ему [т.е. мастеру] надлежит [делать]; нет ни одного человека, чтобы он смог перечислить все те орудия, которые необходимо иметь [мастеру]»).

⁶⁷ Ibid. 14: Gif wið eorles birele man geligeþ, XII scill' gebete («Если кто-то возляжет со служанкой знатного человека, подносящей вино, пусть заплатит 12 шилл.»).

⁶⁸ Ibid. 16: Gif wið ceorles birelan man geligeþ, VI scillingum gebete; aet þære oþere ðeowan L scætta; aet þære þridan XXX scætta («Если кто-то возляжет со служанкой кэрла, подносящей вино, пусть заплатит 6 шилл.; для такой [же] рабыни, второй [по статусу, штраф составляет] 50 скаттов; для такой [же] рабыни, третьей [по статусу, штраф составляет] 30 скаттов»).

⁶⁹ Abt. 25: Gif man ceorles hlafætan ofslæhð, VI scillingum gebete («Если кто-то убьёт «нахлебника» кэрла, пусть уплатит 6 шиллингов»).

⁷⁰ Достаточно подробно этот термин описан в глоссарии, составленном Пелтрэ: *Peltré D.A.E. Slavery in the early Medieval England*. P. 292.

указанной только в одном из документов об отпуске на волю 1030-1050 гг. – hrafbrytta («тот, кто предоставляет [господину] хлеб»)⁷¹.

В Уэссексе VII в., согласно законам Инэ, присутствовали также другие зависимые группы населения, жизнь которых должна была высоко оцениваться по причине наличия у них особых умений или важности их работы. Например, в титуле 63 особенно подчёркнуто то, что гезит мог брать с собой в дорогу герефу, кузнеца (или плотника) и няньку⁷². О ценности работников по дереву и металлу мы уже писали выше; под герефой в данном случае, видимо, следует понимать управляющего поместьем или образованного помощника знатного англо-сакса с достоинством гезита, а кормилица должна была заниматься детьми своего хозяина в процессе его путешествия. К сожалению, мы ничего не знаем о ценности жизни этих зависимых категорий населения; для кузнеца гезита можно только предполагать оценку жизни, сходную с кузнецом короля. По-видимому, так же высоко оценивалась и жизнь управляющего поместьем. Кормилица получала достаточно высокую оплату за свой труд вне зависимости от социального статуса её хозяина⁷³; надо полагать, что и её жизнь должна была защищаться высоким штрафом.

Определяющий характер сельского хозяйства в структуре занятий лично зависимого населения англо-саксонского общества подтверждает наличие такой категории, как *esne*. Пожалуй, для периода VII вв. эта категория была, наряду с термином *feow*, наиболее часто встречающейся. Название социального статуса *esne* возвращает нас к общегерманскому этапу существования германских языков, когда англо-саксы ещё не переселились на Британские острова и проживали на севере континентальной Европы.

⁷¹ *Ibid.* P. 292-293.

⁷² Ine. 63: *Gif gesiðcund mon fare, þonne mot he habban his gerefan mid him 7 his smið 7 his cildfestræn.*

⁷³ *Ibid.* 26: *To fundes (рукописи Н, В – “fundenes”) cildes fostre, ðu forman geare geselle VI scill., ðu æfterran XII, ðu ðriddan XXX (рукопись Н – “XX”), siððan be his wlite («Няне (кормилице), найденной [для ребёнка] в первый год жизни, платят 6 шилл., в последующий 12 шилл., в третий 30 шилл., после этого [смотря по тому, какое] будет состояние ребёнка»).*

Индоевропейский корень этого слова – *es-en-, *os-en-, в готском трансформировался в asans («урожай, жатва, плоды, лето») или asneis («сезонный рабочий, подёнщик») ⁷⁴, древнеанглийское earnian и древневерхненемецкое arnen («собирать, жать»). Таким образом, это слово изначально было связано с полевыми работами ⁷⁵. Впоследствии эти глаголы были субстантивированы: в древнесаксонском появилось слово asna, в древневерхненемецком – asni ⁷⁶, а в древнеанглийском – esne ⁷⁷.

Esne не имел компенсации, которая бы обозначалась как wergeld или leodgeld (что имело место в отношении свободных или «высшей категории рабов» – зависимых людей короля); плата за его жизнь передана в источниках как weoꝥð, и в случае смерти esne она отходила его господину. В титуле 86 встречалось интересное дополнение к санкции за убийство одного esne другим: «если ... убьёт... без вины», что должно было, по-видимому, предполагать возможность безнаказанного убийства esne, совершившего какое-либо нарушение, его хозяином.

Нарративные источники также дают нам материал для восстановления картины занятий зависимого населения англо-саксонских королевств раннего Средневековья, пускай и несравнимый по объёму с правом и не столь подробный. В первую очередь, они обращают внимание на слуг и зависимых людей короля, которые совершили какой-либо выдающийся поступок, например, защитили жизнь своего господина. Не до конца ясно, обладал ли слуга в данном случае статусом королевского раба или был его

⁷⁴ В. Леман писал, что это слово можно перевести как «day-labourer» (т.е. сезонный рабочий, подёнщик): *A Gothic Etymological Dictionary* / Ed. by W.P. Lehmann. Leiden, 1986. P. 46.

⁷⁵ Кроме того, в англо-саксонских источниках X–XI вв. в отношении ремесленных профессий и сельскохозяйственных работ употребляются два разных термина – *craft* и *weorc*. В рассматриваемых нами источниках мы также встречали слово *weorc* только по отношению к рабам, занятым в сельском хозяйстве. См. подробнее: *Глебов А.Г.* Англия в раннее средневековье. СПб., 2007. С. 112.

⁷⁶ Это слово было принято переводить как «слуга» (нем. *Knecht*): *Schützeichel R.* *Althochdeutsches Wörterbuch* / 3. Aufl. Tübingen, 1981. S. 11.

⁷⁷ *Pelletter D.A.E.* Op. cit. P. 271. При этом не все слова обозначали конкретную персону, но так или иначе были связаны с земледелием. Например, древнесакс. *asna* переводилось как «повинности, сборы (в натуральном выражении)».

приближённым; модель жертвенного поведения была характерна как для уитенов и прочих знатных персон, так и для лично зависимых от короля людей. Так, Беда упоминает о телохранителе короля Эдвина Лилле, заслонившем своего господина собственным телом от отравленного клинка⁷⁸; о единственном воине правителя Дейры Освине, который остался ему верен и последовал за ним на смерть⁷⁹.

Тем не менее, были также примеры мести за своего господина, которую совершали люди, однозначно не принадлежавшие к прослойке королевских тэнов или гезитов. «Англо-Саксонская хроника» содержала рассказ о некоем свинопасе, который убил Сигебрюхта в качестве мести за своего господина – элдормена Кумбрана⁸⁰.

Также Беда упоминал рабов и слуг, которые находились со своим господином в достаточно доверительных отношениях, однако не всегда ясно, каковы были их обязанности в господском доме. В частности, к таким зависимым людям относилась прислуга Освина (обозначенная как *domestici*),

⁷⁸ *Beda. Hist.* II, 9: ...*Et cum simulatam legationem ore astuto volueret, exsurrexit repente et evaginata sub veste sica impetum fecit in regem. Quod cum videret Lilla minister regi amicissimus, non habens scutum ad manum quo regem a nece defenderet, mox interposuit corpus suum ante ictum pungentis* («Подойдя ближе, он [подосланный королём западных саксов Квихельмом убийца] неожиданно выхватил из-под плаща меч и кинулся на короля; его любимейший слуга Лилла, увидев это, но не имея в руках щита, заслонил господина своим телом»). Обратим внимание на то, что это был не простой слуга, а любимец короля; всё же под термином *minister* мог подразумеваться и тэн.

⁷⁹ *Ibid.* III, 14: ...*Divertitque ipse cum uno tantum milite sibi fidissimo, nomine Tondheri, celandus in domum comitis Hunvaldi, quem etiam ipsum sibi amicissimum autumabat. Sed heu! pro dolor! longe aliter erat; nam ab eodem comite proditum eum Osviu cum praefato ipsius milite per praefectum suum Edilvinum detestanda omnibus morte interfecit* («С одним лишь верным воином по имени Тондхер он укрылся в доме комита Хунвольда, которого считал своим другом. Но, увы, он ошибался. Комит предал его Освиу, который велел префекту по имени Эдильвин предать его жестокой смерти вместе с упомянутым воином»).

⁸⁰ *Chr. A. a. 755 (757): Her Cynewulf benam Sigebryht his rices and Weastseaxna wiotan for unryhtum dædum, buton Hamtunscire, and he hæfde þa of he ofslog þone aldormon þe him lengest wunode, and hiene þa Cynewulf on Andred adræfde, and he þær wunode, of þæt hiene an swan ofstang æt Pryfetes flodan, and he wræc þone aldormon Cumberan* («Тогда Кюневульф и уэссекские уитэны отняли у Сигебрюхта, за его неправые деяния, все королевство, кроме Гемпшира. Он владел Гемпширом, но потом убил элдормена, который дольше всех оставался при нем, и тогда Кюневульф прогнал его в Андредский лес; там он жил, пока его не заколол один пастух у реки Прайвет — он отомстил за своего элдормена Кумбрана»).

которая могла присутствовать во время трапезы короля и его уитенов⁸¹. Слуги короля «срединных» англов Педы (*famuli*) были крещены наряду с ним, а также всеми его воинами (тэнами) и комитами (гезитами)⁸². Кроме того, король Освиу во время молитвы в Линдисфарнской церкви брал с собой 5–6 доверенных людей, обозначенных как *ministri*; нельзя исключать того, что они также были его лично зависимыми слугами или обладали рабским статусом⁸³.

У знатных представителей англо-саксонского общества также были слуги и подручные, функции которых заключались в сопровождении и помощи господину или госпоже. Скорее всего, их можно приравнять по статусу к рабам или дворовым слугам. Так, при описании чудес, произошедших в монастыре Инберекинга близ Лондона (впоследствии – монастырь Баркинг, разрушенный в XVI в.), основанном епископом Эркнвальдом для своей сестры Эдильбурги, упоминалась жена одного комита (т.е. гезита), которую всюду по причине её внезапной слепоты сопровождали служанки⁸⁴. Известно, что Кэдмон, один из наиболее известных англо-саксонских поэтов, до определённого времени ухаживал за

⁸¹ *Beda. Hist.* III, 14.

⁸² *Ibid.* III, 21: ...*Baptizatus est ergo a Finano episcopo cum omnibus, qui secum venerant, comitibus ac militibus eorumque famulis universis in vico regis inlustri, qui vocatur Ad Murum* («Так [Пэда] был крещен епископом Финаном вместе со всеми комитами и воинами, которые были с ним, и с их слугами, в знаменитом королевском поместье, называемом «У стены»»). Также заметим, что Беда достаточно часто использовал словосочетание *famulus Dei* («слуга божий») для обозначения духовенства различного ранга.

⁸³ *Ibid.* III, 26: *Rex ipse, cum oportunitas exegisset, cum quinque tantum aut sex ministris veniebat, et expleta in ecclesia oratione discedebat* («Сам король, когда у него была возможность, приходил туда с пятью или шестью слугами и, закончив молитву, уходил»).

⁸⁴ *Ibid.* IV, 10: *Cui, dum aliquandui caecitatis huius nocte clausa maneret, repente venit in mentem quia, si ad monasterium delata virginum sanctimonialium ad reliquias sanctorum peteret, perditam posset recipere lucem. Nec distulit quin continuo quod mente conceperat expleret. Perducta namque a puellis suis ad monasterium... et, cum ibidem diutius flexis genibus oraret, nihilo tardius meruit exaudiri. Nam exurgens ab oratione, priusquam exiret de loco, petitae lucis gratiam receperet, et quae famularum manibus adducta fuerat, ipsa libero pedum incessu domum laeta reversa est* («Пробыв некоторое время под покровом тьмы, она решила пойти в монастырь святых дев и помолиться перед реликвиями, надеясь этим восстановить потерянное зрение. Затем она изложила свой план и велела служанкам отвести ее в монастырь... Долго она молилась, преклонив колени, и немедля получила ответ на ее молитвы; не успела она покинуть то место, как к ней вернулся дар зрения, о котором она просила. Туда ее вели служанки за руку; обратно же она радостно вернулась сама»).

коровами в хлеву; более того, над ним стоял управитель, «который был ему хозяином»⁸⁵. Повествуя о епископе Вилфриде и совершённых им чудесах, Беда Достопочтенный рассказывает о некоем комите по имени Адди, у которого был в доме тяжело больной слуга. Особенно примечателен даже не факт заботы сильных мира сего о простом слуге (обозначенном как *puer*), а то, что зависимый от этого комита человек был окружён своими родственниками⁸⁶; кроме того, после выздоровления слуга смог сесть за стол с хозяином дома и гостями.

С одной стороны, эти факты во многом противоречат традиционному пониманию рабства, бесправия и личной зависимости от господина. С другой стороны, некоторые латинские слова, которыми могли обозначаться зависимые люди (например, *minister*), у Беды во многих случаях следует толковать не как «слуга», а именно как «приближённый». Такие люди зачастую могли выполнять очень почётные и ответственные обязанности, будучи подданными короля, но никак не лично зависимыми и подчинёнными ему людьми⁸⁷.

Таким образом, на основании источников VII–X вв. мы можем наблюдать институт рабства и зависимости во всём многообразии его проявлений. Имеются отчётливые свидетельства, которые говорят о путях приобретения рабов и способах их удержания господином; мы располагаем также достаточным материалом для того, чтобы в общих чертах представить себе занятия лично зависимого населения в различных частях Англии раннего Средневековья. Безусловно, эти сведения по большей части

⁸⁵ Ibid. IV, 24 (22): ...*Veniensque mane ad vilicum, qui sibi praeerat...* («Утром он пошел к управителю, который был его хозяином»).

⁸⁶ Ibid. V, 5: ...*Cum postulatum complisset ministerium, rogatus est ab eodem comite intrare ad unum de pueris eius, qui acerrima egritudine premebatur...* *Intravit ergo illo episcopus, et vidit eum mestis omnibus iam morti proximum...* («Когда он закончил свое дело, комит попросил его войти в дом и навестить одного из слуг, который лежал тяжело больной... Епископ пошел и обнаружил его на краю смерти, в окружении плачущих родных...»).

⁸⁷ Приведём в пример монаха Овина, который был сподвижником королевы восточных саксов Этильфриды, а также «её первым приближённым и управителем её дома [т.е. хозяйства]» (...*Eratque primus ministrorum et princeps domus eius*). Ibid. IV, 3. У продолжателя Беды (*Continuatio Bedae*. а. DCCLVIII) было написано, что король Освульф был предательски убит «своими приближёнными» (*a suis ministris*).

фрагментарны и относятся к различным территориям и временным промежуткам; тем не менее, в отдельных случаях это подтверждает мысль о том, что рабство в раннем Средневековье было характерно для большинства германских племён и потестарных образований, ими основанных, вне зависимости от территориального положения, степени римского или греческого влияния или описываемого в источнике временного периода. Следовательно, рабство было до известной степени стадийным явлением в раннесредневековых обществах Западной Европы⁸⁸.

Самым высоким статусом среди всех рабов, упомянутых в англосаксонском праве и нарративных источниках, обладали те из них, которые либо выполняли в хозяйстве господина службы, предполагавшие особую степень близости и доверия (служанки короля, знатного англо-сакса, свободного-кэрла; няньки-кормилицы гезитов), либо обладали редкими для раннесредневекового общества навыками (кузнецы, плотники, золотых дел мастера). Однако они составляли относительное меньшинство в англосаксонском обществе, которое можно было сравнить с представителями слоя министериалов в королевствах Меровингов и империи Каролингов. Основная масса англо-саксонских рабов, как и франкских, была приписана к сельскохозяйственным работам – выращивание и сбор урожая, уход за скотом господина. В отличие от франков, это выразилось в формировании специального обозначения для таких людей – термина *esne*; эта категория, одновременно отражавшая и степень личной зависимости человека, и его «профессиональные» навыки, не имела аналогов в континентальном праве VI–IX вв.

⁸⁸ О стадийном характере развития отдельных институтов германских племён см. подробнее: *Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // *ВИ.* 1967. № 1. С. 85; анализ других подходов к раннесредневековому рабству в Западной Европе см. также в статье: *Земляков М.В.* А.И. Неусыхин и его концепция переходного периода: восприятие и интерпретации // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* 2014. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. 1 (56). С. 113–136.

Однако со временем занятия рабов и зависимых от богатых соплеменников людей изменялись вместе с их правовым статусом. Именно эволюция социального положения рабов на протяжении VII–X вв., их статуса в рамках королевств Кент и Уэссекс (а начиная с конца IX – начала X вв., т.е. с правления Альфреда – на территории всей Англии, в т.ч. в области Северо-Востока, контролируемой данами), является предметом изучения в последующем параграфе этой работы.

§ 3. Древнейший этап развития рабства в Британии: законы VII – конца IX в.

В данном разделе мы обратимся к анализу различных категорий зависимости в англо-саксонском обществе с точки зрения эволюции их правоспособности и правового положения на протяжении VII – конца IX в. Многообразие терминов, выражавших отношения господства–подчинения, в древнеанглийских правовых и нарративных источниках не просто не уступает, но даже превосходит количество понятий и дефиниций, которые встречаются в рассмотренных в предыдущих главах континентальных источниках.

Это объясняется прежде всего тем, что законы англо-саксонских королей (за исключением древнейшей их части, включавшей законы Кента VII в.) дошли до нас на двух языках – в оригинале, на древнеанглийском языке, и в латинском переводе. Однако не менее важным обстоятельством было и то, что для англо-саксов начала VII – начала XI в. было характерно очень сложное устройство низшего общественного слоя, в котором переплелись этнические отношения завоевателей – англо-саксов и покорённых кельтов, а затем – борьба англо-саксов и «северных людей» (набеги которых начались с конца VIII в. и обрели особый размах именно в правление короля Альфреда Великого), а также различные архаические общегерманские социальные институты (например, литы и вольноотпущенники) и возникавшие новые, характерные исключительно для раннесредневековой Англии отношения господства и подчинения.

Усложнение англо-саксонского общества характеризовалось не только изменениями в категориях рабского статуса. Одним из важнейших следствий усиления власти и богатства крупных землевладельцев было попадание в разряд лично зависимого населения бывших представителей свободного земледельческого слоя. Это, в свою очередь, приводило к трансформации значения традиционных понятий, описывавших отношения господства–подчинения, и усложнению правового и социального статуса зависимых

категорий населения. Соответственно, для выявления положения статуса англо-саксонских рабов, его отличий и сходства с общегерманскими и северогалльскими институтами личной зависимости, необходим, как и в случае с франкскими правдами, сравнительный анализ практически всех слоёв и категорий англо-саксонского общества, выступавших субъектами и объектами древнего права Англии – как простых и привилегированных свободных, так и различных страт лично и поземельно зависимого населения.

§ 3.1. *Правовой статус привилегированных рабов в Кенте и ответственность за преступления против них:*

Как мы уже отмечали, положение отдельных категорий рабов и зависимых людей в Кенте VII в. прежде всего зависело от того, кто являлся их господином, и от наличия (или отсутствия) у них специфических навыков. В законах Этельберта мы сталкиваемся с довольно многочисленным зависимым слоем, который подчинялся непосредственно королю. Прежде всего, эти законы устанавливали высокие возмещения за покушение на жизнь кузнецов и королевских посланников⁸⁹ – простую виру (leodgeld), или 100 шилл.⁹⁰ Особое внимание следует обратить именно на терминологическое обозначение виры в данных пассажах, поскольку существительное leodgeld в последующие века более нигде не встречается.

Феликс Либерман переводил это слово немецким аналогом Wergeld⁹¹, тогда как Лизи Оливер предлагает сохранить специфику древнеанглийского языка и передаёт его как person-price (без указания на гендерные различия и статус человека, чья жизнь возмещалась этой ценой)⁹². В нашем переводе по той же причине мы используем закреплённое в «Правде Русской» понятие «вира», которое также лишено гендерной окраски. Что касается прилагательного «простой» (medume), то оно означало базовую величину возмещения за жизнь человека⁹³.

Поскольку эти две категории зависимости упомянуты в англо-саксонских источниках только однажды, формирование полного представления об их правовом статусе и степени зависимости является крайне трудной задачей. Тем не менее, высокая выплата за их жизнь, к тому же выраженная тем же понятием, что и вира за жизнь свободного

⁸⁹ Abt. 7.

⁹⁰ Такая же «стоимость» жизни свободного указана в титуле 21.

⁹¹ Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I. S. 3.

⁹² Oliver L. The Beginnings of English Law. Toronto; Buffalo; London, 2002. P. 65. Rem. 'b'.

⁹³ См. подробный комментарий: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 6, 8; также варианты перевода: An Anglo-Saxon Dictionary. P. 676.

представителя кентского общества⁹⁴, говорит об их особом положении в VII в. Пожалуй, таким высоким положением более не обладала ни одна из упомянутых Этельбертом категорий зависимого населения. И слагаемыми такого социального статуса были близость к королю и наличие особых, «профессиональных» навыков (в данном случае – умения работать по металлу или оперативно и чётко доставлять королевские приказания). Нельзя исключать того, что по статусу к таким королевским слугам были близки упомянутые в уэссекских законах Инэ конца VII в. кузнец и управляющий поместьем, которые имели право путешествовать вместе со своим господином – гезитом.

Отдельный вопрос – кому должен был выплачиваться *leodgeld* в случае гибели королевского слуги. Безусловно, нельзя утверждать со стопроцентной уверенностью, что у этой категории зависимых не могло быть родичей на воле, ведь они могли попасть в услужение и зависимость к королю самыми разными путями (в т.ч. в качестве должника или пленника). Напротив, в законах Вихтреда, которые появились 90 лет спустя после законов Этельберта, можно было наблюдать картину, когда свободные родичи обращённого в рабство и находящегося под угрозой продажи за море преступника стояли перед необходимостью выкупать его *вергельд*⁹⁵. Тем не менее, в континентальном законодательстве VI–VIII вв. (в частности, в Салической и Рипуарской правдах) неизвестны случаи выплаты виры или *вергельда* родственникам королевских слуг или рабов.

В качестве параллели вышеуказанному казусу можно привести данные титула 2 законов Этельберта: возмещение за жизнь зависимого от короля человека (*leod*), который придёт ко двору своего повелителя, выплачивалось преступником в двукратном размере⁹⁶; 50 шилл. штрафа за это преступление

⁹⁴ Abt. 21.

⁹⁵ Wi. 26.

⁹⁶ Т.е. ровно в том же размере, который был предусмотрен за нарушение мира народного собрания или церковного мира в предыдущем титуле (Abt. 1). См. комментарий о категории *leod* у Ф. Либермана: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 4.*

забирал себе король. Тем самым он выступал в роли *pater familias* (выражаясь языком римских юристов) по отношению к собственной челяди. Поскольку этот штраф совпадал с размером мундебюрда, который отходил в пользу короля в случае нарушения неприкосновенности зависимых от него людей и также при совершении некоторых других преступлений, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что и *leodgeld* в известной степени представлял собой не просто *вергельд*, а такой же штраф, взимаемый за причинение смерти людям, особенно близким к кентскому королю.

Следующими по статусу зависимости шли королевские служанки, служанки знатных людей и простых свободных. За покушение на честь этой категории рабынь, разделённой на несколько подгрупп, также действовали достаточно высокие штрафы; тем не менее, они нигде не обозначены как *leodgeld* или *wergeld*, а плата за нанесение увечий девушке (*mægþbot*) встречается только в титуле, говорящем о свободных представителях королевства Кент⁹⁷.

Относительно этого статуса зависимых слуг существует достаточно много неясностей: в частности, «королевская служанка» как единое словосочетание встречается в кентских законах только единожды; вслед за этим сразу же следует титул о рабыне–мукомольщице и некоей «третьей по статусу» рабыне, в котором король уже не упоминается⁹⁸. Тем не менее, можно предположить, что в данном случае имеет место быть эллипс (т.е. пропуск в синтаксической конструкции), и два разных предложения говорят нам о слугах, принадлежавших одному господину – королю. Что подкрепляет уверенность в этом?

⁹⁷ Abt. 74: *Mægþbot sy swa friges mannes* («Пусть штраф за насилие над девушкой будет таким же, как [за насилие в отношении] свободного человека»).

⁹⁸ Ibid. 10–11.

В титуле 75 говорилось о защите мундебюрдом четырёх категорий вдов и штрафах за прелюбодеяние с ними⁹⁹. Для нас очень важным показателем является то, что штрафы за нарушение мундебюрда трёх высших статусов вдов и за прелюбодеяние с тремя категориями служанок очень близки по величине – 50 к 50 шилл. (королевская служанка и наиболее знатная вдова); 25 к 20 (мукомольщица и вторая по статусу вдова); 6 к 6 (третья по статусу раба и третья по статусу вдова). Следовательно, в кентском обществе эти два состояния женщины (статус зависимости от короля и статус вдовства) были как минимум близки.

Определённые параллели между статусом мукомольщицы–рабыни англо-саксонского общества и общественным положением служанки, занимавшейся сходной работой по хозяйству во франкском обществе конца VI в., предоставляет рассказ Григория Турского¹⁰⁰. Здесь присутствовала бывшая кормилица короля – Септимина, которая предала своего господина, в результате чего произошло резкое понижение её статуса до положения рабы, перемалывающей муку и лишённой всякого имущества (на что в тексте сделана специальная ссылка). Тем не менее, до этого общественный престиж Септимины был достаточно высок; это даёт основания полагать, что статус рабыни–мукомольщицы в англо-саксонском обществе VII в. изначально

⁹⁹ Ibid. 75–75,1: Mund þare betstan widuwan eorlcundre L scillinga gebete. Ðare oþre XX scll., ðare þridan XII scll., þare feorðan VI scll. («Пусть [за нарушение] мундбюрда наиболее знатной из вдов уплачивается 50 шилл. [За нарушение мундбюрда] второй [по статусу] пусть уплачивается] 20 шилл., третьей [по статусу] – 12 шилл., четвертой [по статусу] – 6 шилл.»).

¹⁰⁰ *Greg. Tur. Hist.* IX, 38: Verba autem huiusmodi erant, quod scilicet Septimina, nutrix infantum eius, consilio suadere vellet regi, ut, eiectam matrem coniugemque relictam, aliam sortiretur uxorem et hic cum eodem quaecumque vellent vel actu agerent vel praecibus obtinerent... Septimina cum Droctulfo vehementer caesa ac cauteriis accensis in faciae vulnerata, ablatis omnibus quae habebat, Marilegio villa deducitur, ut scilicet trahens molam his, qui in genitio erant positae, per dies singulos farinas ad victus necessaria praepararet («Слова же были такого рода, что Септимина, кормилица его детей, желает уговорить короля, чтобы он, оставив мать и супругу, выбрал бы себе другую жену, и так его [т.е. короля], как бы они ни пожелали, либо побуждать действием, либо достигать [своего] просьбами... Септимина с Дроктульфом, будучи сильно избита, лицо которой было изранено калёными железными клеймами, была лишена всего того, что она имела, и приведена в поселение Марленхейм, именно – чтобы вращать жёрнов, и в продолжение всех дней приготавливала муку для нужд пропитания тех, кто был в женской части [поместья, т.е. челяди?]»).

также мог приближаться к статусу королевской служанки–прислужницы за столом или в быту, но определённые провинности по отношению к своему господину привели к его понижению. К сожалению, в нарративных англосаксонских источниках отсутствуют примеры, подобные франкскому казусу с наказанием Септимины за измену королю, поэтому это построение носит оттенок гипотезы.

О правоспособности данных категорий зависимых женщин также можно составить лишь очень смутное и поверхностное представление. Ясно лишь то, что, как и в случае с королевскими слугами, штраф за прелюбодеяние с ними должен был отходить непосредственно королю (как в случае с вдовами – владельцу их мундебюрда¹⁰¹).

Следующими по статусу считались те служанки, которые подносили своим хозяевам вино за столом, а возможно, выполняли ещё какие-то работы по дому¹⁰². Плата за покушение на честь служанки знатного человека составляла 12 шилл. Интересен тот факт, что рабыни–прислужницы кэрлов (непривилегированных свободных) подразделялись на три категории по величине взимаемого штрафа за прелюбодеяние, совершённое с ними (6 шилл., 50 и 30 скаттов); как и в случае с тремя категориями лично зависимых от короля рабынь, здесь достаточно сложно определить причину столь дробного деления единого слоя на основе стоимости жизни и здоровья отдельных служанок. Возможно, речь шла о различной степени зависимости разных групп служанок либо же о разном уровне их квалификации. Однако сам факт появления такого многообразия статусов среди рабынь короля и его подданных однозначно говорил в пользу их относительной многочисленности и значительной роли в королевстве Кент VII в.

Очевидно, достаточно близкое к рабыням, прислуживавшим за столом, социальное положение занимал «нахлебник» кэрла. Аргумент Д. Пелтрэ о

¹⁰¹ Феликс Либерман называл такого человека в своём переводе законов Этельберта немецким словом *Vormund*: *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I. S. 7.

¹⁰² Abt. 14, 16.

том, что зависимое состояние и отсутствие родственников у этого человека можно доказать на основе косвенных данных¹⁰³, при внимательном рассмотрении оказывается лишь одной из гипотез¹⁰⁴. Тем не менее, основываясь на невысоком штрафе за жизнь «нахлебника» в 6 шилл. (который равнялся наказанию за нарушение мундебюрда кэрла¹⁰⁵), можно с достаточной степенью уверенности утверждать о том, что такой человек по статусу был близок к положению служанке кэрла, которая была обязана подносить ему вино.

Таким образом, слой привилегированных рабов и лично зависимых людей, относительно которых мы знаем так же немного, как и о королевских рабах и слугах франкских правд VI–VII вв. и меровингских капитуляриев, оказывается по сравнению с континентальным слоем «рабов высшей категории» гораздо более дробным. Помимо половозрастного разграничения, которое играло особую роль для франков при разделении категорий рабов королей и других крупных землевладельцев (*servus regis*, *ancilla regis*, *puer regius*), для англо-саксонских источников VII в. очень важным являлось сочетание квалификации того или иного «раба высшей категории» и статуса его господина.

Имело большое значение то, что, если в Салической и Рипуарской правдах в качестве «рабов высшей категории» выступали только слуги и рабы самых богатых и влиятельных представителей племени (короля, его дружинников, возможно, галло-римских земельных магнатов), то в кентском законодательстве такую роль играли также слуги простых,

¹⁰³ Пелтрэ полагает, что различие раба, не имевшего родственников в силу зависимого положения, и отпускаемого на волю и постепенно теряющего остатки зависимости лэта, для времени Этельберта возможно на основе глаголов, употребляемых при описании процесса компенсации их жизни: в отношении лэта употребляется *for geldan*, что подразумевало выплату не его господину, а его роду, тогда как в отношении «нахлебника» – *gebetan*, что означало штраф в пользу господина или же возмещения мундебюрда кэрла. *Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 292.*

¹⁰⁴ Пример с чередованием глаголов, на наш взгляд, не слишком удачен: в законах Этельберта есть титулы, где глаголы *for geldan* и *gebetan* употребляются поочередно в отношении убийства свободного человека (например, титулы 21-22).

¹⁰⁵ *Abt. 15: Ceorles mundbyrd: VI scillingum* («Мундебюрд кэрла [составляет] 6 шилл.»).

непривилегированных свободных (обладавших достаточными земельными угодьями для ведения самостоятельного хозяйства, но не бывших приближёнными короля или его дружинниками). В этом случае они, безусловно, имели гораздо меньшее возмещение за свою жизнь, чем слуги короля или знати (например, девушка–виночерпий кэрла уступала по стоимости своей жизни такой же служанке знатного человека или четвёртой по рангу королевской служанке в 2 раза). Но остальными признаками, по которым определялись «рабы высшей категории» – овладение особыми навыками и доверие со стороны своего господина, – они обладали в той же самой мере. Учитывая то, что общество завоевателей ещё в VII в. оставалось весьма мобильным, и часть кэрлов вполне могла разбогатеть¹⁰⁶, попасть в число придворных, наконец, быть пожалованными королевской грамотой (по которой они получали новые земельные площади вкупе с судебным иммунитетом), рабы в отдельных случаях также могли рассчитывать на повышение своего статуса, а следовательно, и ценности своей жизни. Подобные примеры (в лице сенешаля, маршала) были рассмотрены на основе реконструируемой рукописи семьи В Салической правды (отражавшей «рабов высшей категории» в составе крупного австразийского хозяйства середины VI в.) и каролингских капитуляриев VIII–IX вв.; не исключено то, что они имели место и в англо-саксонской Англии VII в.

§ 3.2. Правовой статус кентских рабов VII в. (категории *þeow* и *esne*).

«Общеродовое» для рабского статуса древнеанглийское слово *þeow* встречалось в различных источниках англо-саксонского права с различной периодичностью. Например, в законах Этельберта оно упоминалось лишь дважды (в самом конце), что порождает множество вопросов и нерешённых

¹⁰⁶ Сам факт наличия виночерпия у такого кэрла говорил о том, что его нельзя представить в роли средневекового виллана, который самостоятельно исполняет работы на земле и по хозяйству; очевидно, что только служанкой, подносявшей вино, челядь такого свободного человека не была ограничена. О близости положения кэрлов и эрлов в англо-саксонском обществе см.: *Петрушевский Д.М.* Указ. соч. С. 31–32; *Глебов А.Г.* Указ. соч. С. 124.

проблем. В титуле 89 мы встречаем санкцию, предусмотренную за ограбление раба на большой дороге – 3 шилл¹⁰⁷. Штраф довольно низкий, особенно если сравнивать его с возмещением за прелюбодеяния с королевскими служанками. В титуле 90 появляется санкция за кражу, совершённую рабом – двукратное возмещение стоимости украденного (такое же, как и в случае нарушения церковного мира или «мира людей», т.е. народного собрания)¹⁰⁸.

Таким образом, древнейшее законодательство англо-саксов начала VII в. содержало гораздо менее развёрнутый перечень санкций, применяемых по отношению к рабам за совершённые ими правонарушения, нежели L.Sal., которые упоминала и различные штрафы, и телесные наказания. Тем не менее, Ф. Либерман именно на основании континентальных варварских правд предполагал, что уже в начале VII в. рабы могли подвергаться различным телесным наказаниям¹⁰⁹. Забегая вперёд, следует отметить, что в отношении второй половины VII в. и последующих столетий этот вывод выдающегося филолога и историка права XIX – начала XX вв. был верен; а учитывая тот факт, что протограф древнейшей части Textus Roffensis уже содержал в себе все кентские законы, можно с определённой степенью уверенности говорить о том, что и при Вихтреде, и при Этельберте рабы в одинаковой степени наказывались телесно, однако соответствующие казусы в итоговом варианте законов Этельберта по какой-то причине не были отражены¹¹⁰.

При обращении к законодательству королей Хлотхере, Эдрика и Вихтреда сразу становятся заметны новые реалии социального развития. Во-

¹⁰⁷ Abt. 89: *Ʒeowæs wegreaƷ se III scillingas* («Грабёж раба на большой дороге пусть [будет оценен] 3 шилл.»).

¹⁰⁸ Abt. 90: *Gif þeo steler, þgelde gebete* («Если раб украдёт, пусть возмещает [стоимость украденного] в 2-кратном размере»).

¹⁰⁹ *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 694; Bd. III. S. 17.

¹¹⁰ О композиционном и смысловом единстве кентских законов VII в. см.: Земляков М.В. Законы кентских королей VII в. в Рочестерском кодексе (Textus Roffensis): обстоятельства появления и структура // История. Электронный научно-образовательный журнал. Вып. 6 (39) [Электронный документ. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840001198-6-1>. Дата обращения: 06.10.2015 г.].

первых, полностью исчезли те немногие упоминания о королевских рабах, которые присутствовали в законах в начале VII в. Во-вторых, произошла унификация терминологии, обозначающей рабское состояние: фактически она сводилась к упоминанию в титулах только категорий *esne* и *þeow*. Однако между двумя этими статусами не наблюдалось противостояния; наоборот, в большинстве случаев они с лёгкостью подменяли друг друга¹¹¹.

В законах Хлотхере и Эдрика сразу несколько начальных титулов посвящено убийствам, совершённым англо-саксонскими *esne*. Примечательно то, что убийства разделялись на две категории: лишение жизни знатного человека, вергельд которого оценивался в 300 шилл., и лишение жизни простого свободного, оценённого в 100 шилл. (т.е. «простой вирой», как в законах Этельберта 80 годами ранее)¹¹². При этом в том случае, если убийце удавалось бежать от хозяина, тот всё равно был обязан уплатить огромный штраф¹¹³.

В этих титулах можно заметить несколько характерных черт, которые позволяют нам говорить об *esne* как о рабе – представителе низшего слоя кентского общества. *Esne* передавался роду убитого для замещения погибшего сородича и для предотвращения родовой мести (нем. *Fehde*). Его хозяин не мог выкупить *esne* у рода пострадавшего.

¹¹¹ Впервые это мнение с опорой на кентское законодательство VII в. было высказано а работе: *Heywood S. A Dissertation upon the Distinction in Society, and Ranks of the People, under the Anglo-Saxon Government. London, 1818. P. 368–373.*

¹¹² Нл. 1, 3: *Gif mannes esne eorlcundne mannan ofslæhð, þane ðe sio þreom hundum scll. gylde, se agend þone banan agefe 7 do þær þrio manwyrð to. Gif mannes esne frigne mannan ofslæhð, þane þe sie hund scillinga gelde, se agend þone banan agefe 7 ofer manwyrð þær to* («Если чей-либо *esne* убьёт такого знатного человека, который будет оценен в 300 шилл., пусть владелец [*esne*] выдаст убийцу и после этого добавит [в пользу рода убитого] тройную цену [*esne*]. Если чей-либо *esne* убьёт свободного человека, который будет оценен в 100 шилл., пусть владелец [*esne*] выдаст убийцу и, кроме того, ещё одну цену [*esne*]»).

¹¹³ Нл. 2, 4: *Gif se bane oþbyrste, feorþe manwyrð he togedo 7 hine gecænne mid godum æwdum, þæt he þane banan begeten ne mihte. Gif bana oþbyrste, twam manwyrþum hine man forgelde 7 hine gecænne mid godum æwdum, þæt he þane banan begeten ne mihte* («Если убийца убежит, пусть он [т.е. владелец *esne*] добавит [в пользу рода убитого] четыре цены [*esne*] и очистит себя с помощью вызывающих доверие соприсяжников в том, что он не может поймать этого убийцу. Если убийца убежит, пусть [его хозяин] возмещает его с помощью [платы величиной] в две цены [*esne*] и очистит себя с помощью вызывающих доверие соприсяжников в том, что он не может поймать этого убийцу»).

В более поздних законах Вихтреда термин *esne* также встречался неоднократно, но уже в сочетании с *þeow*. В этом источнике зафиксирована ответственность *esne* за работу в воскресные дни. Очевидно, такая практика была широко распространена в VII – начале VIII вв.; постепенное усиление позиций церкви в англо-саксонском обществе привело к законодательному запрету любых видов работы и торговли в священное для христиан время. Примечателен тот факт, что *esne* нередко работали по принуждению своего господина; в этом случае его владелец должен был заплатить 80 шилл. королю¹¹⁴. В случае же, если его лично зависимый человек (раб, обозначенный как *esne*) работал в воскресенье по собственному почину, он был обязан заплатить (причём не королю, а своему господину) 6 шилл.; в случае невозможности внести положенный штраф он нёс телесное наказание¹¹⁵.

Следующее нарушение, которое касалось рабской прослойки, отмечено в титулах 13–15. Здесь уже использован термин *þeow*, однако косвенные данные говорят о том, что статус такого раба может быть приравнен к статусу *esne*. Речь идёт о запрете употреблять в пост мясо или же давать его своей челяди. Причём ответственность свободного человека, который давал мясо своей челяди (*inhiwan*), вновь очень высока: он был обязан выплатить штраф за своих людей, замещавший собой смертную казнь, который назывался *healsfang*¹¹⁶. В отношении рабов, употреблявших мясо в пост или

¹¹⁴ Wi. 9: *Gif esne ofer dryhtnes hæse þeowweorc wyrce an sunnan æfen efter hire setlgange of monan æfenes setlgang, LXXX scil. se dryhtne gebete* («Если *esne* с разрешения господина выполняет работу (*þeowweorc*) от кануна [дня] Солнца после захода солнца вплоть до захода солнца вечером [перед днём] Луны [т.е. накануне понедельника], пусть господин¹¹⁴ уплатит 80 шилл.»).

¹¹⁵ *Ibid.* 10: *Gif esne deþ his rade þæs dæges, VI se wið dryhten gebete ofþe sine hyd* («Если *esne* делает [это] в тот день по своей воле, пусть он уплатит 6 [шилл.] в пользу господина или пострадает [его] шкура»).

¹¹⁶ *Ibid.* 14: *Gif mon his heowum in fæsten flæsc gefe, frigne ge þeowne halsfange alyse* («Если кто-то даст своим домочадцам [из числа зависимой прислуги] мясо в пост, пусть и свободного, и раба [их господин] выкупает посредством уплаты *healsfang*»). Значение термина *healsfang* очень спорно. Из сравнения нашего текста с правовым текстом X–XI в. *Wergeld* (который представлял собой очень точное воспроизведение фрагмента II Em. 943–945 гг.) становится ясно, что речь не идёт о казни: после выплаты *healsfang* преступник был обязан родственникам убитого прочими выплатами, а кроме того, мог с ними

поклонявшихся идолам, применялись те же санкции, что и для работающих в воскресенье *esne*: 6 шилл. штрафа или суровое телесное наказание¹¹⁷.

В том разделе законов Вихтреда, который касался принесения церковной клятвы, эти категории также встречались совместно. Однако, в отличие от свободных, полностью правоспособных членов кентского общества, которые должны были самостоятельно приносить церковную и судебную клятвы и очищаться от обвинения (либо в одиночку, либо с несколькими соприсяжниками)¹¹⁸, лично зависимые люди не могли самостоятельно давать клятву либо привлекать соприсяжников на свою сторону. Для того, чтобы отвергнуть предъявляемые им обвинения, они были вынуждены пользоваться посредничеством господина или официальных лиц (например, управляющего поместьем – в случае с королевским и епископским *esne*)¹¹⁹. При этом раб также не имел какой-либо защиты в

впоследствии заключить мир (*Wer.* 4,1–6,1; ср. II *Em.* 7,3). В континентальном праве, зафиксированном на два столетия позднее, предусматривались очень суровые наказания за нарушение христианских канонов (вплоть до смертной казни). Поэтому подобный штраф в титулах 10–11 мог выступать в качестве замены смертной казни. Также Либерман предположил, что *healsfang* мог быть платой «перед раскопанной могилой», упомянутой в *Abt.* 22 и составлявшей 1/5 вергельда свободного человека в Кенте; однако в упомянутом источнике (*Wer.* 4,1) эта выплата составляла 1/10 вергельда. Очевидно, что любое предположение о размере этой выплаты во времена Уитреда будет лишь гипотезой. См. подробнее: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 489–490.*

¹¹⁷ *Wi.* 13, 15: *Gif þeow deoflum geldaþ, VI scll. gebete oþþe his hyd. Gif þeow ete his sylfes ræde, VI scll. gebete oþþe his hyd* («Если раб почитает идолов, пусть уплатит 6 шилл. или [пусть расплатится] своей шкурой. Если раб будет есть [мясо в пост] по собственной воле, [пусть уплатит] 6 шилл. или [пусть расплатится] своей шкурой»).

¹¹⁸ *Ibid.* 16–21.

¹¹⁹ *Ibid.* 22–24: *Gif man biscopes esne tihte oþþe cuninges, cænne hine an gerefan hand, oþþe hine gerefa clensie, oþþe selle to swinganne* («Если кто-то обвинит *esne* епископа или короля, пусть [*esne*] очищает себя в присутствии герефы: или пусть его очищает герефа, или пусть выдаст [обвиняемого] на порку»). *Gif man Gedes þeowne esne in heora gemange tihte, his dryhten hine his ane aþe geclænsie, sif he huslgenga sie; gif he huslgenga nis, hæbbe him in aþe oðirne æwdan godne oþþe gelde oþþe selle to swinganne* («Если кто-то обвинит зависимого от церкви *esne* в его церковной общине, пусть его господин очищает его только своей клятвой, если он будет являться прихожанином [этой церкви]; если он не будет являться прихожанином [этой церкви], пусть он возьмёт себе для [принесения] клятвы второго вызывающего доверие соприсяжника, или пусть уплатит [штраф за ложное обвинение], или пусть выдаст [обвиняемого] на порку»). *Gif folcesmannes esne tihte ciricanmannes esne, oþþe ciricanmannes esne tihte folcesmannes esne, his dryhten hine ane his aþe geclensige* («Если *esne* мирянина обвинит *esne* церковного служителя, или *esne* церковного служителя обвинит *esne* мирянина, пусть его господин очищает его только своей клятвой»).

случае проигрыша его господином дела либо при отказе господина от уплаты штрафа за ложное обвинение: в этом случае титулы 22–23 предусматривали выдачу обвинённого в каком-либо преступлении раба на порку. Даже при обвинении одного *esne* другим тот второй не имел права ответить на суде и доказывать свою невиновность: согласно содержанию титула 24, за него должен был вступиться его хозяин.

Таким образом, все вышеперечисленные факты приводят нас к мысли о том, что категории *esne* и *þeow* стояли на одной и той же ступени социальной организации и в равной степени относились к институту рабской зависимости¹²⁰. Все перечисленные титулы говорят о том, что *esne* и *þeow* находились вне рамок родовых отношений раннесредневекового общества Англии. Они не могли самостоятельно приносить клятву на судебном собрании или в церкви: за очищение раба от обвинения нёс ответственность его господин. К ним могли быть применены телесные наказания за определённые преступления. Ничего не было сказано в кентских законах о возможности раба совершать различные сделки (покупать, продавать, обменивать вещи), что скорее свидетельствовало в пользу того, что и этими правами англо-саксонский раб (точно так же, как и раб – *servus* континентальных варварских правд) был обделён. В этом он был близок к традиционному римскому пониманию раба как «говорящего орудия».

Тем не менее, у кентских рабов могли быть также некоторые, хотя и крайне ограниченные, права, доступные свободным представителям англо-саксонского общества. Тот факт, что некоторые из кентских законов предусматривали взимание с рабов достаточно высоких штрафов¹²¹, предполагали их материальную ответственность; следовательно, они должны были обладать хоть каким-то имуществом. Даже ограбление раба на большой дороге предполагало то, что он мог передвигаться отдельно от своего

¹²⁰ Есть два чётких указания в праве англо-саксов VII в., позволяющих приравнять эти две категории. Первое – в *Wi.* 23, где зависимый от церкви человек назван *Gedes þeow esne*; второй – в *Wi.* 9, где прямо сказано о выполнении *esne* «рабской работы» (*þeowweorc*).

¹²¹ Например, *Abt.* 90 (двойное возмещение украденного); *Wi.* 10, 13, 15 (6 шилл. штрафа).

господина и иметь при себе какие-то вещи¹²²; однако эти вещи также могли принадлежать его господину.

Кроме этого, по законам Этельберта в случае нанесения чужому *esne* тяжких телесных повреждений¹²³, убийства одного *esne* другим человеком, равным ему по статусу,¹²⁴ виновный обязан был возместить полную стоимость убитого его господину. Связывание *esne* каралось штрафом, равным возмещению за нарушение мундебюрда кэрла¹²⁵, а брак *esne* защищался законом: Этельберт предписал выплачивать за прелюбодеяние с его женой двойной штраф¹²⁶.

§ 3.3. Рабы и лично зависимое население в законах Инэ конца VII в. Трансформация уэссекской традиции в судебнике Альфреда Великого конца IX в.

Судебник Альфреда, как уже было отмечено в источниковедческом разделе, предоставляет уникальный материал для анализа социальной картины жизни уэссекского общества VII в. Включённые в него законы Инэ

¹²² Abt. 89.

¹²³ Например, в Abt. 87 предписывается возмещать тяжкие увечья *esne* эквивалентом его полной стоимости: *Gif esnes eage 7 foot of weorðeþ aslagen, ealne weorðe hine forgelde* («Если у *esne* будет выбит глаз или отрублена нога, пусть он возместит [его увечья господину] полной стоимостью [*esne*]»). На основе этого титула Л. Оливер выдвигает предположение о том, что *esne* мог быть приравнен по статусу к отпущенному на волю в первом поколении (лэту), штраф за жизнь которого составлял 80 шилл. (*Oliver L. Op. cit. P. 210. Rem. 13*); о промежуточном положении *esne* между свободой и рабством пишет и Д. Пелтрэ: *Peltré D.A.E. Op. cit. P. 85*. Однако более никаких доказательств для таких параллелей у нас нет.

¹²⁴ *Ibid. 86: Gif esne oferne ofslea unsynnigne, ealne weorðe forgelde* («Если *esne* убьёт другого [*esne*] без вины, пусть он возместит [его жизнь господину] полной стоимостью [*esne*]»). Феликс Либерман особо подчёркивал тот факт, что выплату при наличии соответствующей суммы был обязан осуществить сам *esne*, поскольку в титуле не был упомянут его хозяин. *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 16*.

¹²⁵ Господину *esne* полагалось возмещение за связывание зависимого человека в три раза меньше, чем за аналогичное действие в отношении свободного человека. Ср. Abt. 24: *Gif man frigne man gebindeþ, XX scill. gebete* («Если кто-то свяжет свободного человека, пусть уплатит 20 шилл.»); и Abt. 88: *Gif man mannes esne gebindeþ, VI scill. gebete* («Если кто-то свяжет *esne* другого человека, пусть уплатит 6 шилл.»).

¹²⁶ *Ibid. 85: Gif man mid esnes cwynan geligeþ be cwicum ceorle, II gebete* («Если кто-то возьмёт с женой *esne* при живом муже, пусть уплатит в 2-кратном размере»).

содержат очень большое количество титулов, так или иначе касавшихся института зависимости и его развития в указанный период. В законах самого Альфреда материала по рабству очень мало, однако это можно объяснить не падением роли зависимого населения в англо-саксонском обществе в целом, а стремлением редакторов судебника (а возможно, и самого Альфреда) превратить обе части законов в единое композиционное целое для избегания случаев повторного упоминания одинаковых казусов и появления противоречий в трактовках отдельных установлений и санкциях за правонарушения.

Существует также дискуссия относительно того, стоит ли привлекать к анализу социальных институтов англо-саксонского периода перевод «Исхода», выполненный королём Альфредом. В своей новейшей статье А.Ю. Золотарёв, анализируя положение рабов в Англии VII–XI вв., прямо говорит о том, что у нас «нет поводов сомневаться», что некоторые дополнения и изменения текста Вульгаты, произведённые Альфредом, «отражали социальные реалии Англии IX в.»¹²⁷. Между тем, в новейшей англо-американской историографии имеются также работы, которые склонны относить к источникам альфредовского пролога не только латинский перевод «Исхода», но и континентальные памятники, прежде всего – юридические компендиумы, именуемые *Collatio legum Romanarum et Mosaicarum* и *Liber ex lege Moysis*, а также *Admonitio generalis* Карла Великого и произведения Хинкмара Реймского¹²⁸.

Нам связь между переводом библейского текста и реалиями, современными его авторам, также не всегда кажется прямолинейной.

¹²⁷ Золотарёв А.Ю. Указ. соч. С. 4. Конкретно в этом случае речь идёт об упоминании о наличии у раба имущества, которое отсутствовало в оригинальном тексте Вульгаты (Exod. 21:46). Либерман же на основании упоминания в альфредовском и эльффриковском переводах «Исхода» не дома господина, а храма, полагал, что это установление в IX–X вв. скорее связывали с евреями времени жизни Моисея, чем с англо-саксами. *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 708.*

¹²⁸ См. подробнее сопоставительный анализ текста *Collatio*, *Liber* и Вульгаты с альфредовским прологом в статье: *Carella B. The Source of the Prologue to Laws of Alfred // Peritia. 2005. No 19. P. 91–118.*

Безусловно, социальная действительность, окружавшая короля Альфреда и его приближённых, накладывала свой отпечаток на стиль перевода и его содержание. Это видно хотя бы на основании сравнения терминологии зависимости, используемой Альфредом в его варианте перевода «Исхода», с переводом тех же терминов в «Семикнижии» Эльфрика (Heptateuch, конец X в.). Главное различие – появление у Эльфрика обозначения раба как *wealh* (в то время как Альфред ограничился в прологе термином *þeow*), мы уже отметили выше.

Тем не менее, *wealh* во множестве встречаются и в законах Инэ, а их отсутствие в законах Альфреда вовсе не означает того, что в конце IX в. они вдруг исчезли или полностью слились с прочими категориями. Альфред при внесении в свой перевод корректур руководствовался не только лишь окружающей социальной действительностью, но также и собственными мотивами (например, глорификации своих установлений, демонстрации политики милосердия).

По мнению автора диссертации, анализ терминов, встречавшихся в переводе «Исхода», обязательно должен присутствовать в работах, посвящённых социальной истории раннесредневековой Англии, но он должен играть *подчинённую роль* по отношению к собственно королевским установлениям Альфреда и Инэ; иными словами, любая информация, содержащаяся в альфредовском переводе «Исхода», должна быть верифицирована на основе правовых источников этой эпохи.

Кроме того, в отношении законов Инэ особую важность представляет метод сравнительного изучения различных рукописей. Всё дело в том, что некоторые титулы, относившиеся к установлениям этого короля, имели два варианта (назовём их условно «кратким» и «пространным»). В большинстве случаев «пространные» варианты дошли до нас в составе Рочестерского

кодекса или же в передаче антиквара и издателя XVI в. Уильяма Ламберта¹²⁹. Кроме того, в некоторых рукописях встречался иной порядок титулов, нежели тот, который представлен в рукописи E (древнейшей из ныне доступных). Поэтому во всех случаях разночтений мы будем отмечать, согласно какой рукописи мы воспроизводим текст в диссертации, а также то, какой вариант написания мы считаем более близким к протографу.

Законы Инэ дают большой материал по истории рабства в Уэссексе конца VII в. В первую очередь, необходимо отметить то, что в этих королевских установлениях нет ни слова о тех многочисленных категориях «привилегированных рабов», которые были отмечены в Кенте начала VII в. С другой стороны, по сравнению с кентскими законами здесь появилась новая категория зависимого населения – уилы (*wealh*)¹³⁰; однако, в зависимости от контекста, она могла приравниваться к рабскому статусу (который обозначался терминами *esne* и *ƿeow*) либо означать свободного подданного короля Уэссекса, платившего налоги и имевшего определённые права (хотя его персона ценилась ниже, чем персона англо-сакса).

Примечательно также и то, что термин «свободный» (*frig*, *frigea*) не всегда употреблялся только в отношении кэрлов (т.е. полноправных членов англо-саксонского общества): он также мог означать определённую зависимость от другого человека. Это говорит об ускорении разложения родовых отношений в Уэссексе в конце VII в. и появлении прослойки обедневших лично зависимых людей, сидевших на землях крупных землевладельцев или же богатых соседей. Хотя они не были в той же степени бесправны, как различные категории рабов англо-саксонского общества, в X в. эта промежуточная категория утратила некоторые черты полной свободы,

¹²⁹ *Archaionomia, sive de priscis anglorum legibus libri: sermone Anglico, vetustate antiquissimo...* London, 1568. Автор данной диссертации благодарит З.Ю. Метлицкую за помощь в получении электронной версии этого источника.

¹³⁰ В качестве справочного материала по данной категории можно порекомендовать глоссарии Либермана (*Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 728–729*) и Пелтрэ (*Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 319–322*).

которые были характерны для всех полноправных членов германских племён.

В законах Инэ, равно как и в законодательстве Кента, присутствовало обращение к теме запрета труда в воскресные дни. С одной стороны, это демонстрировало определённую синхронность в фиксации правовых установлений в Кенте и Уэссексе конца VII в.; но при этом, с другой стороны, сходные по форме титулы отражали совершенно разные отношения господства и подчинения. В законах Инэ, помимо наказания в отношении рабов¹³¹, предусмотрена также ответственность «свободных» за работу в воскресенье по собственному почину, «без разрешения господина»¹³².

Если наказания за самовольную работу в отношении рабов (*ðeowmon*) выглядят вполне понятными и обоснованными (телесные наказания были узаконены также в Кенте при Вихтреде), то наказание в виде лишения свободного его статуса за аналогичное нарушение и упоминание о наличии у него господина вызывает вопросы. Почему в рукописи Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 173*¹³³ титул сформулирован именно таким образом?

Сравним его с установлением того же короля, запрещающим господину продажу своего зависимого человека за море, будь он рабом или свободным (*ðeowne oððe frigne*)¹³⁴. Зависимый от господина человек обозначен в данном случае как *agen geleod*; это слово, как и термин, обозначающий зависимого от

¹³¹ Ine. 3–3,1: *Gif ðeowmon wyrce on Sunnandæg be his hlafordes hæse, sie he frioh, 7 se hlaford geselle XXX scill. to wite. Gif þonne se ðeowa butan his gewitnesse wyrce, þolie his hyde* («Если раб работает в Воскресенье по распоряжению своего глафорда, он сам будет свободным, а его господин пусть выплатит 30 шилл. в качестве штрафа. Если же, однако, этот раб работает без его [т.е. глафорда] ведома работает, пусть пострадает его кожа [т.е. его бичуют]»).

¹³² Ibid. 3,2: *Gif ðonne se frigea ðy dæge wyrce butan his hlafordes hæse, ðolie his freotes* («Если некто свободный в этот день будет работать без повеления своего глафорда, пусть пострадает его свобода»).

¹³³ Текст сверен по репринтному изданию: *The Parker chronicle and laws* (Corpus Christi college, Cambridge, MS. 173). A facsimile / Ed. by R. Flower and H. Smith. London, 1941 (Early English Text Society / Original series. Vol. 208); а также по цифровой фотоконии [Электронный документ. Адрес доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/E/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015].

¹³⁴ Ibid. 11. См. наш перевод полного титула в разделе, посвящённом продаже в рабство.

короля человека во времена Этельберта, имеет корень *leod*¹³⁵. Жизнь этого человека защищалась весьма высоко – двойным возмещением и 50 шилл. штрафа. Очевидно, что и в случае с законами Инэ таким образом отмечался человек, являвшийся слугой господина, но совершенно не обязательно – бесправным рабом. *Leod* Этельберта и Инэ должен был обладать и достаточно ограниченной правоспособностью; по социальному статусу он, скорее всего, превосходил *esne* и *þeow*.

Отдельный вопрос – имели ли какое-то отношение это «свободные», но вместе с тем зависимые от воли господина слуги к лэтам, однажды упомянутым в законах Этельберта¹³⁶, или отпущенным на волю рабам? Законы Инэ, представленные в рукописи E, как будто не дают никаких оснований для подобного утверждения. *Quadripartitus* также не проясняла ситуацию, поскольку слово «свободный» там переводится стандартным латинским *liber*, а слово *leod* переписчик, очевидно, просто не смог перевести и передал в том же виде, в каком оно встречается в древнеанглийском языке.

Однако основания для подобного предположения появляются, как только происходит обращение к другим рукописям. В рукописях H и V (в первой – в виде глоссы, во второй – в основном тексте) присутствовало очень важное добавление: согласно ему, у «свободного» появлялась альтернатива – либо лишиться свободы, либо заплатить высокий штраф. При сопоставлении все трёх текстов вместе и добавлении для полноты картины к ним текстов *Quadripartitus* и издания Ламберта получается следующая таблица:

E	V	H	Quadripartitus	Ld
Gif ðonne se frigea ðy dæge wyrce butan his hlafordes hæse,	Gif ðonne se frigea ðy dæge wyrce butan his hlafordes hæse,	Gif ðonne se frigea ðy dæge wyrce butan his hlafordes hæse,	Si liber ea die operetur sine iussu domini sui, perdat libertatem	Gif ðonne se frigea ðy dæge wyrce butan his hlafordes hæse

¹³⁵ Abt. 2.

¹³⁶ Ibid. 26: Gif læt ofslæhð, þone selestan LXXX scill' forgelde; gif þane oþerne ofslæhð, LX scillingum forgelde; ðane þridan XL scilling forgelde («Если [кто-то] убьёт лэта, пусть выплатит за наивысшего [по статусу] 80 шилл., если убьёт второго [по статусу], пусть уплатит 60 шилл., если третьего [по статусу] – пусть уплатит 40 шилл.»).

ðolie his freotes	ðolie his freotes oððe sixtig scill’ 7 preost [sy] twyscyldi ¹³⁷	ðolige his freotes [oððe LX scill’ 7 preost twyscildig] ¹³⁸	suam	ðolige his freotes oppe sixtig scillinges 7 preost sy twyscildig.
-------------------	---	--	------	---

Как видно, в рукописях более поздних, чем E, произошло добавление очень важного положения в качестве альтернативы порабощения: «или [пусть виновный уплатит] 60 шилл., а священник – вдвойне». Согласно комментариям Феликса Либермана, сумма 60 шилл. встречалась в законах Инэ не единожды. Например, она зафиксирована в титуле 23,3¹³⁹ за убийство раба кельтского происхождения; в титуле 4 тот же штраф должен выплачивать человек, не внёсший ко дню мессы св. Мартина церковную подать¹⁴⁰, а в титуле 51 – не участвовавший в сборе народного ополчения¹⁴¹. Таким образом, Либерман отмечал то, что данная сумма упомянута и как штраф за жизнь лично зависимого человека кельтского происхождения (противопоставленного податному валлийцу), и как штраф, налагаемый на податного человека (возможно, свободного кэрла)¹⁴².

Размер штрафа отчасти прояснял степень зависимости «свободного» человека (древнеангл. *frigea*), который мог лишиться свободы в случае работы в воскресный день. Поскольку он был достаточно высок, но вместе с тем уступал размеру выплаты за жизнь свободного человека (вергельда),

¹³⁷ Сверено по: Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 383* [Электронный документ. Адрес доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/B/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015]

¹³⁸ Сверено по: Strood. Medway Archive and Local Studies Centre, MS DRc/R1 (A.3.5)* [Электронный документ. Адрес доступа: <http://enriqueta.man.ac.uk/luna/servlet/media/book/showBook/Man4MedievalVC~4~4~990378~142729>. Дата обращения: 21.02.2015].

¹³⁹ Ine 23,3: Wealh gafolgelda CXX scill., his sunu C, ðeowne LX, somhwelcne fiftenum; Weales hyd twelfum.

¹⁴⁰ Ibid. 4: Ciricsceattas sin agifene be sancte Martines mæssan; gif hwa ðæt ne gelæste, sie he scyldig LX scill. 7 be XII fealdum agife þone ciricsceat («Пусть церковная подать будет выплачена к празднику святой Марии. Если кто-то этого не сделал, тот будет повинен штрафом в 60 шилл. и отдаст ту церковную подать в 12-кратном размере»).

¹⁴¹ Ibid. 51: Gif gesiðcund mon landagende forsitte fierd, geselle CXX scillinga 7 ðolie his landes; unlandagende LX scillinga; cierlisc XXX scillinga to fierdwite.

¹⁴² Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 69.

можно говорить об этих людях как о категории, обладавшей достаточным имуществом и защитой от посягательств на свою жизнь и личность (например, от продажи за море). Либерман предполагал, что речь может идти о рождённых на свободе людях, попавших в зависимость за долги; автору диссертации кажется, что с данным случае речь шла о более широкой категории зависимых людей, среди которых могли присутствовать и те, кто в Кенте во время правления Этельберта обозначался как *læt*¹⁴³, и некоторые другие лично зависимые земледельцы и арендаторы земли, сохранившие остатки свободы и некоторые элементы правоспособности, но в то же самое время уже находившиеся под частным мундебюрдом «сильных людей» (часто – на земле своих предков, которая, однако, входила в поместные земли богатых землевладельцев или церквей в результате королевских пожалований)¹⁴⁴. Впоследствии, на протяжении X–XI вв., эта тенденция проявлялась всё более отчётливо.

Необходимо попытаться дать хотя бы относительную датировку тому дополнению, которое появилось в рукописях Н и В. Как известно из большинства исследований, рукопись Е в той части, где она содержит законы Альфреда–Инэ, относится к концу IX – началу X в. (согласно Либерману, она была создана около 930 г.); рукописи Н и В – гораздо более позднего происхождения (по Либерману – около 1120 и 1128 г. соответственно), однако они произошли от общего протографа (*hbq*), который складывался на протяжении X – конца XI вв. (Либерман даёт более точные даты – 920–1080 гг.). Рукопись, послужившая основой для латинского перевода судебного Альфреда в составе *Quadripartitus*, выделилась из него же в первые десятилетия XI в.¹⁴⁵, и в рукописях *Quadripartitus* мы нигде не встречаем дополнения, выделенного жирным.

¹⁴³ Более того, штраф за лишение жизни «второй категории» лэтов также равнялся 60 шилл.

¹⁴⁴ *Петрушевский Д.М.* Указ. соч. С. 39–45.

¹⁴⁵ Последнее утверждение проистекает из стеммы, разработанной Либерманом для судебного Альфреда: он доказывает, что группа *hb* (протограф Н и В) выделилась из *hbq* примерно к 1020 г. Очевидно, что в первые два-три десятилетия XI в. группа рукописей, к

Кроме того, в рукописи G¹⁴⁶ (Либерман не стал помещать её в своё издание) текст этого титула полностью совпадает с тем, который был представлен в E (без дополнений). Этот факт примечателен тем, что рукопись G и издание Ламберта (с дополнениями) имели общий протограф (gls), созданный приблизительно в 920–1060 гг.; впоследствии, в конце XI в., их пути разошлись¹⁴⁷.

Видимо, с определённой долей условности придётся принять в качестве рабочей гипотезы тот факт, что дополнения не могли быть внесены в протограф законов Инэ, иначе они были бы восприняты рукописями E и G (или хотя бы одной из них). Кроме того, они должны были быть внесены в рукопись hb уже после её выделения из hbq (Quadripartitus также не содержит дополнений). Исходя из вышесказанного и принимая в качестве года создания Quadripartitus дату, близкую к 1108 г., исследователь неминуемо приходит к выводу о том, что и переписчики H и B, и Ламберт работали с рукописью, которая включала в себя эти дополнения и появилась не ранее начала X в. и не позднее начала XII в.; причём составитель текста протографа Quadripartitus XI в. не был знаком с этим текстом¹⁴⁸.

Необходимо также сравнить написание титулов 3–3,1 законов Инэ в различных рукописях. Оба они касались занятий рабов в воскресные дни. Если в случае с работой по приказу господина все рукописи дают одинаковое окончание (зависимый человек становился свободным, а господина

которой восходил вариант альфредовских законов, послуживший основой для редактора Quadripartitus, также отделилась от общей группы hbq.

¹⁴⁶ London. BL. Cotton Nero A.I*, ff. 65 (64) r, ln. 29 – 65 (64) v, ln. 5 [Электронный документ. Адрес доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/G/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015]. Автор исследования сердечно благодарит сотрудников Института Леопольда Венгера (Leopold Wenger Institut) и Университета Людвиг и Максимилиана (Ludwig–Maximilians Universität München), прежде всего – доктора Йорга Мюллера, за предоставление копий микрофильма, содержащих эти листы рукописи.

¹⁴⁷ Стемма рукописей, абсолютные датировки самих рукописей и их протографов взяты нами из издания: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 32. Датировки рукописей по векам были представлены в классическом издании каталога англо-саксонских рукописей: *Ker N.R. Catalogue of Manuscripts containing Anglo-Saxons*. Oxford, 1957. P. 57–59, 110–113, 210–215, 443–447.

¹⁴⁸ С нашими выводами согласуется датировка Феликса Либермана: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 69.

штрафовали на 30 шилл.), то при работе по собственному почину различные рукописи предлагают различные санкции:

E	B	H	Quadripartitus	Ld
Gif þonne se ðeowa butan his gewitnesse wyrce, þolie his hyde	Gif ðonne se ðeowa butan his gewitnysse wyrce, þolie his hyde oppe his hydgyldes	Gif ðonne se þeowa buton his gewitnesse wyrce, ðolie his hyde [oððe his hydgyld...]	Si servus sine testimonio domini sui operetur, corium perdat	Gif ðonne se frigea ðy dæge wyrce butan his hlafordes hæse ðolige his freotes oppe his hydgyldes

Тем самым в рукописях IX–XII вв. вновь фиксируются два варианта применения санкций. Поскольку выше уже был высказан взгляд на возможность определения времени появления дополнений, выделенных жирным в рукописях H и B, а также в тексте Ламберта, можно ограничиться только выводами по содержанию данного блока титулов в составе законов Инэ.

Итак, в титулах 3–3,2 законов Инэ наблюдается тот же самый процесс проникновения церковных канонов в жизнь англо-саксонского общества, что и в законах Вихтреда. Отличие в данном случае заключается в том, что в уэссекском обществе конца VII в. более отчётливо обозначена ответственность раба за нарушение церковных запретов, а господин за принуждение его к работе в воскресенье подвергался меньшему взысканию, чем в кентских законах того же периода¹⁴⁹. В свою очередь, раб в Кенте при работе по своему почину мог быть выкуплен своим хозяином за 6 шилл., и лишь при отказе последнего или отсутствии денег передавался на бичевание; в Уэссексе такой альтернативы на протяжении правления Инэ не было – раб всегда должен был нести наказание «собственной шкурой».

Тем не менее, в X–XI вв. в законы Инэ была сделана вставка, позволявшая господину (а возможно, и самому рабу) откупаться от телесного

¹⁴⁹ Wi. 9 – штраф 80 шилл. в пользу короля; Ine. 3 – 30 шилл.

наказания посредством штрафа, названного *hydgyld*. Размер этой выплаты совершенно не ясен, однако вслед за Либберманом можно предположить то, что он значительно превышал 6 шилл., положенные в таких случаях согласно кентскому законодательству VII в¹⁵⁰. Данное дополнение автор диссертации также считает следствием влияния христианской доктрины о милосердии и прощении грехов; манифестация милосердия должна была усиливаться по мере развития института церкви в Англии и получить ко времени правления Альфреда статус «официальной идеологии» английской раннесредневековой монархии¹⁵¹.

Возможность выкупа рабом собственного правонарушения в Уэссексе при Инэ так же, как и в случае с законами Вихтреда, подтверждает отсутствие в англо-саксонском обществе представления о рабе (*esne, þeow*) как полностью бесправном человеке, за которого нёс ответственность глафорд: традиционная для немецкой исторической науки XIX – начала XX вв. антитеза «*Gemeinfreie–Sklave*» («полноправный свободный–раб») в этом случае оказывалась неприменимой. Появление у раба возможности откупиться от наказания также свидетельствовало о наличии у него

¹⁵⁰ Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 69. Также он предполагал, что упомянутая в титуле 23,3 «плата за шкуру» уила, составлявшая 12 шилл., не могла быть эквивалентна «плате за шкуру» раба англо-саксонского происхождения.

¹⁵¹ См. также: *Земляков М.В.* Категории зависимости в древнеанглийских правовых источниках VII – начала X в. (анализ *Textus Roffensis*) // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. Мат-лы конф. М., 2013. С. 112. Именно в манифестации королевского милосердия по отношению к обездоленным и угнетённым и заключался основной смысл пролога законов Альфреда: жестокие наказания, применяемые в «Исходе», заменялись Альфредом на денежные штрафы или телесные взыскания. См., например, его перевод фрагмента «Евангелия от Матфея» (Matt. 5,17): *Dis sindan þa domas þe se ælmihtega God self sprecende wæs to Moyses 7 him bebed to healdanne; siððan se ancenneda Dryhtnes sunu, ure God, þæt in hælend Christ, on middangeard swom, he cwæð, ðæt he ne come no ðas bebodu to brecanne ne to forbeodanne, ac mid eallum godum to ecanne; 7 mildheortnesse 7 eadmodnesse he lærde* («Таковы эти установления, которые всеильный Господь сам рассказал Моисею и повелел ему [их] выполнять; и затем его единородный сын, наш Господь, тот, [кто зовётся] Спасителем Христом, пришёл на землю. [И] сказал он, что он пришёл не для того, чтобы нарушить или отменить закон [Моисея], но чтобы дополнить его всеми благими [делами]; и он учил милосердию и смирению»).

некоторого имущества¹⁵². С другой стороны, законодательный запрет работы в воскресенье должен был указывать на распространённость такой практики в Англии и необходимость жёстко пресечь данный вид нарушения. Его неоднократное повторение на протяжении X в. только подтверждает тезис о низком правовом статусе рабов, занятых в полевых работах, и их полной зависимости от воли господина и его приказов.

Ближайший по времени титул, который может служить аналогией к Ine. 3–3,2, находился в договоре, который приписывался королям Эдмунду и Гутруму¹⁵³. Он датирован Либерманом ноябрём 921 – 938 гг. В титулах 7,1–8 встречаются следующие пассажи: «Если свободный человек работает в день отдыха, пусть пострадает его свобода или пусть он уплатит штраф – lahslite. [Если] раб – пусть пострадает его кожа или [пусть он выплачивает] hydgyld»¹⁵⁴; «Если глафорд принуждает к работе своего раба в день отдыха, пусть он выплачивает lahslitte в [месте действия] датского права и штраф – среди англов»¹⁵⁵; «Если свободный человек нарушает установленные законом [церковные] праздники, пусть он выплачивает штраф или lahslite. Если это совершит раб, пусть пострадает его кожа или [пусть он выплачивает] hydgyld»¹⁵⁶.

¹⁵² При этом вовсе не стоит преувеличивать степень «зажиточности» всех англосаксонских рабов конца VII в. Скорее всего, значительное количество случаев выкупа раба происходило по воле и на средства их господина. См. подробнее: *Pelteret D.A.E. Op. cit.* P. 93.

¹⁵³ Несмотря на то, что в рукописи В в качестве рубрики значилось следующее: *Dis syndon þa domas ðe Ælfréd cyng 7 Guðrum cyng gecuron* (EGu. Inscr.: «Это те установления, которые приняли король Альфред и король Гутрум»), в тексте пролога упоминается также король Эдвард, сын Альфреда (Ibid. Prol.: *And þis is seo gerædnis eac, þe Ælfréd cyng 7 Guðrum cyng 7 eft Eadward cyng 7 Guðrum cyng gecuran 7 gecwædon.*). Но в этом случае упоминание Гутрума, которого к тому моменту уже не должно было быть в живых – явная ошибка. Поэтому название, присвоенное этому договору Либерманом («Закон Эдварда после занятия области, [захваченной ранее] Гутрумом»), нам кажется более верным.

¹⁵⁴ Ibid. 7,1: *Gif frigman freolsdæge wyrce, þolie his freotes oððe gylde wite, lahslite. ðeowman þolie his hyde oððe hydgyldes.*

¹⁵⁵ Ibid. 7,2: *Gif hlaford his ðeowan freolsdæge nyde to weorce, gylde lahslitte inne on Deone lage 7 wite mid Englum.*

¹⁵⁶ Ibid. 8: *Gif frigman rihtfæsten abrece, gylde wite oððe lahslite. Gif hit þeowman gedo, ðolie his hyde oððe hydgyldes.*

Для того, чтобы говорить о прямом влиянии этого памятника на законы Инэ, т.е. для утверждения о том, что писец протографа hbq «переписал» и «вставил» этот фрагмент из более позднего источника в более ранний (условно называемый нами «пространной» редакцией титулов 3–3,2 законов Инэ), у нас совершенно недостаточно оснований. Во-первых, в законах Инэ (рукописи Н и В) совершенно не отразились никакие скандинавские реалии, в т.ч. штраф, характерный для области датского права – lahslite. Во-вторых, в них даже не была намечена дихотомия «работа в воскресенье – работа во время церковных праздников», тогда как в EGu. она отчётливо просматривалась.

Вместе с тем, в упомянутом памятнике первой трети X в. отчётливо были видны те же самые изменения в правовом статусе раба, которые были привнесены в законы Альфреда–Инэ в X–XI вв. В первую очередь, в титуле 7,1 не сохранилось никаких следов зависимости свободного от какого-либо другого человека¹⁵⁷; в этом отношении штраф за нарушение покоя в воскресенье, названный здесь lahslite, имеет сходство с выплатой под названием healsfang, упомянутой в Wi. 11 в качестве санкции за аналогичный проступок по отношению к свободному. С другой стороны, в качестве альтернативы штрафу здесь так же, как и в законах Инэ, упоминается порабощение свободного человека.

Санкции в отношении раба остались по сравнению с «дополненным» вариантом титула 3,1 законов Инэ неизменными. Аналогично Ine. 3, по данному договору глафорд должен был выплачивать штраф в случае принуждения раба к работе в воскресенье. Однако здесь упомянуты лишь названия выплат (wite и lahslite) без уточнения их величины. Наконец, в договоре впервые в англо-саксонском законодательстве появлялось

¹⁵⁷ Исследователи связывают это с тем, что на Северо-Востоке Англии (особенно в Области датского права) в течение X–XII вв. оставалось большее количество свободных земледельцев, чем в прочих областях Англии. См., например: *Глебов А.Г.* Указ. соч. С. 149.

наказание за работу раба или свободного во время церковных праздников¹⁵⁸; при этом санкции, применяемые к этим двум категориям лиц, совпадали с теми, которые упомянуты в EGu. 7,1.

Можно сделать на основании анализа договора, который был составлен из королевских установлений Эдварда после захвата области данов, некоторые выводы. Прежде всего, ни в одном из них не идёт речь о свободном человеке, который был бы зависим от кого-либо другого. Кроме того, постепенное усиление роли церкви в начале – середине X в. выражалось в том, что под запрет попадала работа не только в воскресенье, но и в дни церковных праздников¹⁵⁹.

Вместе с тем, все упомянутые установления (королей Инэ и Эдварда) отличаются от титула 43 законов короля Альфреда, в котором он запрещал работать в определённые недели до и после церковных праздников только свободным англо-саксам, но не порицал практику работы лично зависимых людей в это же время¹⁶⁰. Видимо, в данном титуле также говорится о

¹⁵⁸ Также была предусмотрена ответственность за торговлю в воскресенье, но только для свободных: Ibid. 7.

¹⁵⁹ В этом отношении показательны ещё более поздние законы Этельреда, датированные Либерманом 1008 г. (V Atr. 12,2–19) и 992–1011 гг. (VIIa Atr. 5,1), где запрещалось не только торговать, созывать гомот и работать в воскресенье и в дни поста, но и произносить церковные клятвы и проводить ордалии в это время (V Atr. 18). Несомненно, некоторые из этих установлений были специально направлены на сдерживание господского произвола в отношении рабов. Особенно это заметно в титуле 5,1 законов 992–1011 гг., где перед днём св. Михаила (29 сентября) все категории населения (в т.ч. челядь и рабы) освобождались от работ на господина, для того чтобы поститься и молиться в церкви.

¹⁶⁰ Af. 43: Eallum frioum monnum ðas dagas sien forgifene, butan þeowum monnum 7 esnewyrhtan: XII dagas on gehhol 7 ðone dæg þe Christ ðone deofol oferswiðde 7 sanctus Gregorius gemynddæg 7 VII dagas to eastron 7 VII ofer 7 an dæg æt sancte Petres tide 7 sancte Paules 7 on hærfeste ða fullan wican ær sancta Marian mæssan 7 æt eallra haligra weorðunge anne dæg; 7 IV Wodnesdagas on IV ymbrenwicum ðeowum monnum eallum sien forgifen, þam þe him leofost sie to sellanne æghwæt ðæs ðe him ænig mon for Godes noman geselle oððe hie to ænegum hiora hwilsticcum geearnian mægen («Пусть для каждого свободного эти дни будут свободными [от работы], но не для людей рабского статуса и esne: 12 дней на Рождество и тот день, когда Христос победил дьявола [15 февраля]; и день поминовения св. Григория [12 марта]; и 7 дней перед Пасхой, и 7 дней – после; и день св. Петра и Павла [29 июня]; и осенью – целая неделя перед мессой св. Марии [15 августа]; и на день почитания всех святых [1 ноября]; и четыре среды во время четырёх постов пусть [также] будут освобождены [от работы] все люди рабского статуса, чтобы тому, кто им более

«свободных» людях, являвшихся владельцами наделов на землях знати и выполнявших в их пользу определённые натуральные повинности; они противопоставлены рабскому населению (*freowmon* и *esne*)¹⁶¹. Надо полагать, что при наличии принуждения со стороны господина к работе последней категории в те дни, когда его «свободные» люди отдыхали, он не нес никакого наказания.

Из сравнения двух этих казусов и ответственности за них следует вывод о том, что церковь в раннесредневековой Англии VII–X вв., хотя и не полностью, но удерживала крупных землевладельцев от злоупотреблений в отношении находившегося в их подчинении населения. В качестве выражения королевского и церковного милосердия в адрес рабской и лично зависимой прослойки англо-саксонского общества в X–XI вв. им была предоставлена возможность откупаться в случае нарушения запрета о воскресной работе: рабу – платой за свою шкуру (*hydgyld*), свободному человеку – штрафом (*wite*, *lahslite*). Хотя эти штрафы не всегда были чётко зафиксированы в законах, а их размер мог значительно превышать наличествовавшее у зависимых людей имущество, сама по себе альтернатива потерять свободу, понести суровое телесное наказание или заплатить штраф была значительным шагом вперёд по сравнению с санкциями, предписанными древнейшим сохранившимся до наших дней текстом законов Инэ (рукопись E): ведь деньги за своего человека мог внести его господин. Кроме того, обратим внимание на то, что «любимые» рабы глафорда в те немногие дни во время поста, когда они были свободны от работы (четыре дня в течение года), также имели некоторое время для работы на себя, а не на господина, либо могли принять подавание от других людей, что также смягчало их положение.

Не исключено также, что под влиянием церковной политики милосердия была снята ответственность за заступничество гезита перед

всего дорог, дать что-либо из того, что им даёт другой человек во имя божие, или что они способны собрать [урожай за это] короткое время»).

¹⁶¹ Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 60.

королём или элдорманом, а также за заступничество человека более низкого социального статуса перед своим господином за их челядь¹⁶². Это установление можно понять как непереносимое требование короля Инэ прощать человека, у которого были дворовые слуги (*familia, inhiwan*) и который заступался за них в случае обвинения последних в серьёзных правонарушениях (краже, убийстве), даже если они были уличены, поскольку именно король Уэссекса Инэ впервые законодательно закрепил право церковного убежища для людей всех социальных категорий, повинных в тяжёлых преступлениях¹⁶³.

В законах Инэ мы также встречаем и другие титулы, свидетельствующие о наличии у рабов ограниченной имущественной ответственности по судебным делам. Например, *esne* мог взять в аренду некоторые предметы вооружения, которые, надо полагать, были достаточно дорогими; кроме того, при утрате взятых в аренду вещей он должен был возмещать часть их стоимости из собственного имущества¹⁶⁴. Однако в

¹⁶² Ine. 50: *Gif gesiðcund mon þingað wið cyning oððe wið kyninges ealdormonnan for his inhiwan (в Quadripartitus – „familia”) oððe wið his hlaforð for ðeowe oððe for frige, nah he þær nane witerædenne, se gesið, forðon he him nolde ær yfles gestieran æt ham* («Если гезит просит короля или элдормана короля за своего человека, принадлежащего к домовладению, или своего господина – за [своего] раба или свободного, пусть ему не будет в том никакого наказания, этому гезиту, поскольку он не хотел себе принести зло в дом»).

¹⁶³ Ibid. 5,1: *Gif hwa his hyde forwyrce 7 cirican geirne, sie him sio swingelle forgifen* («Если кто-то будет лишён своей «шкуры» [т.е. достоин смерти или порки в качестве правовой компенсации] и прибежит в церковь, пусть ему будет прощено телесное наказание»). В данном случае, как полагал Либерман, под словом *hwa* подразумевались не только свободные (как при использовании формулы «*Si–quis*» в *L. Sal.*), однако также полусвободные и даже рабы: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 69*. Мы склонны согласиться с этим мнением, поскольку законы Инэ также предусматривали жестокое телесное наказание (отрубание ноги или руки) для свободных непривилегированных членов англо-саксонского общества, несколько раз попавшихся на краже. Например, это отражено в Ine. 18: *Cierlisc mon gif he oft betygen wære, gif he æt siðestan sie gefongen, slea mon hond oððe fot* («Кэрл, если он вновь будет схвачен, если он, в конце концов, будет пойман [с поличным], лишается руки или ноги»). О праве церковного убежища в странах Западной Европы поздней Античности и раннего Средневековья существует очень обстоятельная статья: *Siems H. Asyl in der Kirche? Wechsellagen des Kirchenasyls im Mittelalter // Das antike Asyl. Kultische Grundlagen, rechtliche Ausgestaltung und politische Funktion / Hrsg. von M. Dreher. Köln; Weimar; Wien, 2003. S. 263–299*.

¹⁶⁴ Ibid. 29: *Gif mon sweordes onlæne oðres esne, 7 he losie, gielde he hine ðriddan dæle; gif mon spere selle, healfne; gif he horses onlæne, ealne he hine gylde* («Если *esne* другого [человека] возьмёт в аренду меч и потеряет, он его возмещает третьей частью [штрафа];

Quadripartitus исчезает само упоминание об *esne* как одной из сторон арендных отношений: теперь в основу титула положен казус, который касается потери копья или коня, но не меча. В титул была внесена радикальная правка, согласно которому третью часть композиции (т.е. возмещения за жизнь убитого этим мечом человека) возмещал тот, кто ссудил этот меч другому лицу¹⁶⁵. Скорее всего, это было связано с тем, что уже в XI в. категории *esne*, *esnewyrhta* были непонятны для переписчиков протографа Quadripartitus¹⁶⁶.

Но в конце IX в., т.е. в правление Альфреда Великого, на правовой статус несвободного населения влияла не только политика милосердия в отношении провинившихся рабов. Не следует забывать о том, что в альфредовском переводе «Исхода» содержались также достаточно традиционные для германских континентальных законов установления, которые указывали на положение раба в составе имущества господина. Так, в переводе Альфреда убийство раба при определённых обстоятельствах не считалось преступлением¹⁶⁷. При этом он допускал в своём судебнике и некоторые наказания, которые можно наблюдать на примере *Lex Salica* в

если [кто-то] даст [ему] копьё – половиной; если он одолжит, он оплачивает её [в случае утери] полностью»).

¹⁶⁵ Приводим текст Quadripartitus по рукописи T (BL. Cotton Titus A. XXVII. F. 118r*): XXV. Qui gladium prestabit ad homicidium, si occidatur homo, reddat tertiam partem compositionis eius. Qui lanceam perstitit, dimidiam weram. Qui equum perstitit, totum reddat («Тот, кто передаст меч для [совершения] убийства, если [им] будет убит человек, пусть возмещает третью часть его виры. Тот, кто передаст копьё, [пусть выплачивает] половину виры. Тот, кто передаст коня, пусть возмещает полную [его стоимость]»). Прочие рукописи на латинском языке дают незначительные разночтения в этом титуле.

¹⁶⁶ Помимо прочего, мы можем упомянуть перевод Af. 43, где слово *esnewyrhta* оказалось переведено как *rauperes oregarii*. По сути своей, латинское словосочетание является дословным, «техническим» переводом двухсоставного древнеанглийского слова, никак не передающим его социальную или правовую сущность. Последнее известное упоминание об *esne* датируется самое позднее серединой XI в. (*Rectitudines singularum personarum*).

¹⁶⁷ Af. El. 17: *Se ðe slea his agenne þeowne esne oððe his mennen, 7 he ne sie idæges dead, ðeah he libbe twa niht oððe ðreo, ne bið he ealles swa scyldig, forþon þe hit wæs his agen fioh. Gif he ðonne sie idæges dead, ðonne sitte sio scyld on him* («Тот, кто убьёт своего собственного раба или свою рабыню, и он не будет мёртв в тот же день, а будет жив хотя бы две ночи или три, пусть он [господин] не будет таким образом полностью виновен, поскольку тот был его имуществом. Если же он будет мёртв в течение этого дня, пусть эта вина лежит на нём [т.е. его господине]»). В Quadripartitus названо другое количество дней – от 1 до 2.

отношении рабов. За насилие раба в отношении рабыни полагалось либо бичевание, либо кастрация, тогда как за подобное нарушение, совершённое свободным человеком – штраф всего лишь в 5 шилл¹⁶⁸. Сравнение рукописей даёт лишь небольшие различия в способе наказания; при этом не очень ясно, заменяет ли слово *alias* (лат. «иначе») в рукописи Н слово *vel* («или»), либо же это является следствием непонимания переписчиком начала XII в. древнеанглийского выражения *betan mid hyde* (означавшего бичевание).

Фраза, в которой от судьи требовалось кастрировать раба, была оформлена как приписка на полях позднее основного текста и могла быть взята из другого списка судебника Альфреда:

Е	В	Н	Quadripartitus	Ld
Gif ðeowmon þeowne to nedhæmde genede, bete mid his eowende	Gif ðeowman þeowne to nydhæmede genyde, bete mid his eowende	Gif ðeowmon þeowne to nydhæmede genide, bete mid his hyde [alias eowede]	Si servus servam ad violentum concupitum cogat, testiculos perdat (Si servus servam cogat ad violentiam perferendam, castretur)	Gif ðeowman þeowne to nydhæmed genyde, gebete mid his eowende

Так или иначе, за сексуальные отношения с чужой рабой раб в конце IX в. подвергался столь же суровому и унижительному наказанию, что и у салических франков начала VI в., но, в отличие от последних, без права выкупа своей вины¹⁶⁹.

Таким образом, необходимо сделать выводы относительно соотношения в королевстве Уэссекс VII в., а затем – английском государстве Альфреда конца IX в. различных лично и поземельно зависимых категорий населения. К таковым следует отнести две основные группы. Первая – это

¹⁶⁸ Af. 25–25,1: Gif mon ceorles mennan to nedhæmde geðreatað, mid V scillingum gebete þam ceorle, 7 LX scillinga to wite. Gif ðeowmon þeowne to nedhæmde genede, bete mid his eowende.

¹⁶⁹ Pact. leg. Sal. 25,5.

рабы, обозначенные как *esne* и *þeow* и являвшаяся «преемницей» рабов, описанных в кентских законах VII в. Вторая – это категория «свободных» людей, которые несли повинности в пользу своих хозяев (очевидно, попадая к ним в личную зависимость как с землёй и движимым имуществом, так и без оных). Последние, таким образом, представляли собой прямую параллель не к *liber homo* или *ingenuus* Салической и Рипуарской правд, а к зависимым от крупных светских и церковных землевладельцев рипуарам, обозначенным в тексте *Lex Ribvaria* VII в. латинскими терминами *homo regius*, *homo ecclesiasticus*, *homo Romanus*.

Как и в *Lex Ribvaria*, на примере судебника Альфреда можно наблюдать определённое сближение социально-правового статуса этих двух групп без полного их слияния в одну прослойку. Так, обе категории зависимого населения Англии наказывались за нарушение запрета работы в воскресные дни, но с различной степенью тяжести: если «свободный» англосакс, согласно тексту законов Инэ, лишался остатков своей свободы (либо позднее, в дополнении X–XI вв. к тому же памятнику – мог быть выкуплен штрафом в 60 шилл.), то раб должен был перенести «на своей спине» бичевание. В ряде случаев судебник упоминал о том, что раб мог быть кастрирован (такого наказания в отношении «свободного», а по факту – зависимого от богатого соплеменника земледельца не зафиксировано), например, при покушении на честь чужой рабыни.

Однако политика церковного милосердия, подкреплённая официальной линией королевской власти (начатой ещё в правление Альфреда Великого), постепенно приводила к трансформации соответствующих титулов судебника короля Альфреда. Так, на протяжении X в. в рукописи, которые содержали этот памятник, было включено добавление в титул о кастрации раба, позволявшее его господину (или истцу, или судье – последнее спорно) решить его судьбу – быть кастрированным или быть бичёванным. В этом заключалось его основное отличие англо-саксонского раба IX – начала X в., совершившего изнасилование чужой рабыни: последний не мог выкупить

своё «мужское достоинство» с помощью штрафа; в случае наказания раба–англо-сакса за прелюбодеяние в IX в. такой альтернативы, которая была известна по материалам Салической правды, не предполагалось.

Помимо всего прочего, раб даже мог брать в залог чужие вещи (например, оружие), что говорило о наличии у него во времена правления Альфреда имущественных прав, которые превосходили понятие рабского пекулия. Поскольку пекулий не мог быть использован рабом для сделок по приобретению благ без ведома господина (который в случае аренды не указан как ответчик за своего раба), настоящий правовой казус мог знаменовать собой появление имущественной ответственности раба в различных ситуациях, в т.ч. в случае совершения правонарушения и необходимости его искупления штрафом (например, при наложении на раба в конце IX – начала X в., в правление Альфреда и Эдмунда, возмещения «hydgyld» вместо порки).

§ 4. Положение рабов и лично зависимого населения в англо-саксонском законодательстве первой половины X в.

В первой половине X в. появилось сразу несколько правовых памятников, которые относятся ко времени правления королей Эдварда (899–924), Этельстана (924–939) и Эдмунда (939–946)¹⁷⁰. Ни один из них не идёт ни в какое сравнение с теми объёмами и широтой охваченного материала, которые представлены в судебнике Альфреда. Особенно показателен тот момент, что в некоторых законодательных памятниках (например, в законах Эдварда) титулы, касавшиеся положения рабов в обществе, практически не встречались. Однако, на наш взгляд, это объяснялось несколько иными причинами, нежели почти полное отсутствие категории рабов в собственно законах Альфреда (не включая его перевода библейского «Исхода»).

Первая и главная причина – это изменение характера постановлений, которые собраны в правовых памятниках середины X в. Как уже отмечалось П. Уормалдом, мы имеем перед собой примеры не судебных, а отдельных установлений англо-саксонских правителей, составленных по материалам конкретных судебных казусов и рассматривавших ограниченный круг правовых прецедентов.

Если говорить о законах Эдварда, то почти половина их титулов посвящалась проблемам организации торговли между англо-саксами и данами, а также институту соприсяжничества и церковным клятвам как судебным инструментам.

Король Этельстан также достаточно чётко ограничивал тематику отдельных своих установлений, что специально было отмечено в названиях, которые им дал Либерман при публикации в своём трехтомнике¹⁷¹.

¹⁷⁰ В период между правлением Эдмунда и Эдгара (959–975) королевством управляли также Эдред (946–955) и Эдвиг (955–959); но они не оставили после себя юридических памятников.

¹⁷¹ Два первых документа были посвящены сотенному устройству и судопроизводству (I As. – Zehnten, т.е. «сотни»), а также порядку внесения милостыни в пользу нуждающихся и церкви (As. Alm. – Almosenverordnung, «Предписание о внесении милостыни»).

Во-вторых, отпечаток на тематику этих законов накладывало противостояние исконных жителей Британских островов и обитателей области датского права – Денло. Напряжённость отношений, изменение соотношения сил англо-саксов и скандинавов и усиление натиска последних неизменно сказывалось на законодательных памятниках Англии X в. Это выразилось в появлении двух правовых источников – договоров с данами (Альфреда и Гутрума – AGu., Эдварда с данами – EGu.), внимание которых было приковано к проблемам межгосударственных отношений и урегулированию конфликтов. Прочие законы также несли на себе отчётливый отпечаток сложных взаимоотношений жителей Англии и Скандинавских стран. Логично было бы предположить, что в контексте постоянной военной угрозы в раннесредневековой Англии проблемы рабской зависимости играли второстепенную роль и находились не в фокусе королевской власти.

Нетрудно представить себе, насколько активно должна была развиваться практика кражи рабов в начале – середине X в., и как трудно было порой хозяину зависимых людей заполучить их обратно в своё распоряжение.

Самым полным собранием правовых норм, которое рассматривало положение рабов и зависимых людей в Англии до середины X в., являлись законы короля Этельстана. Как и в случае с прочими правовыми памятниками X – начала XI вв., титулы о социальном и правовом положении рабов и зависимых людей в англо-саксонском обществе не представляли собой единого, тематически связанного между собой блока. Большинство казусов встречались в тексте разрозненно, на их содержание очень сильно влияла тематика юридических памятников в целом. Тем не менее, ряд титулов оказали сильное влияние на последующее законодательство X – начала XI вв. (в т.ч. на законы Этельреда Нерешительного), касавшееся правового статуса рабов.

В законах Этельстана, принятых в Гритли (древнеангл. *Greatanleag*, совр. *Greatley* близ Андовера)¹⁷², содержатся правовые нормы, которые позволяют говорить о чётком отделении рабов от разорившихся англосаксов, даже ограниченных в праве перехода от одного господина к другому или вовсе лишённых его. Один из немногих титулов англо-саксонских законов, где возмещение за кражу животных (лошадей, быков, коров, свиней и овец) упоминалось в одном ряду с возмещением за кражу рабов¹⁷³, был зафиксирован именно при Этельстане. Тот факт, что соседство двух категорий зависимого населения не было случайностью, подтверждается также языковым анализом титулов 6,1–6,3: в них обоих встречались обороты «(gilde) be his wlitēs weorðe» и «(hæfdon us) habbe þone ofereacan þe we þær abædon», а такой параллелизм грамматических конструкций редко можно было встретить в двух совершенно независимых друг от друга правовых установлениях. Однако рабами в прямом смысле слова являлись только те зависимые люди, которых похищали и которые бежали от своих хозяев¹⁷⁴; их

¹⁷² См.: *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 100.

¹⁷³ VI As. 6,–6,3: *Syhte, emban urne ceapgild: hors to healfan punde, gif hit swa god; 7 gif hit mætre sy, gilde be his wlitēs weorðe... 7 oxan to mancuse 7 cu to XX 7 swyn to X 7 sceap to scll. 7 we cwædon be urum þeowum mannum þa men hæfdon: gif hine man forstæle, þæt hine man forgulde mid healfan punde; gif we ðonne gyld arærdon, þæt him man yhte ufon on þæt be his wlitēs weorðe; 7 hæfdon us þone ofereacan þe we þær abædon.* («Шестое – о наших [т.е. в пользу короля] возмещениях [за кражи]: конь – половина фунта, если он настолько хорош; и если он менее хорош, пусть его оценивают по стоимости... И бык – 1 манк [Quadr. – 30 денариев, т.е. пенсов?], и корова – 20 пенсов, и свинья – 10 пенсов, и овца – 1 шилл. И мы приказываем о наших зависимых людях, которые имеют [зависимых] людей: если [у них] украдут человека, чтобы уплатили половину фунта [Quadr. – 10 сол.]; если мы затем получим возмещение, пусть ему [т.е. владельцу раба], кроме того, добавят согласно его стоимости; и пусть у нас будет та надбавка, которую мы при этом взимаем»).

¹⁷⁴ Последние, если их не выкупали, должны были ответить за побег собственной жизнью. *Ibid.* 6,3: *Gif he hine þonne forstalede, þæt hine man lædde to þære torfunge, swa hit ær gecwædan wæs; 7 scute ælc man þe man hæfde swa pænig swa healfne be þæs geferscipes mænio, swa man þæt weorð uparæran mihte. Gif he þonne oðseoce, þæt hine man forgulde be his wlitēs weorðe; 7 we ealle hine axodan. Gif we him þonne tocuman moston, þæt him man dyde þæt ylce þe man þam Wyliscean þeofe dyde, oððe hine man anho* («И если он сам украдёт себя [т.е. сбежит, приказываю], чтобы его привели к побиванию камнями, как это ранее было предписано; и пусть кинет каждый, у кого будет [зависимый] человек, либо пенс, либо половину в силу солидарности с братством так, чтобы можно было собрать эту цену. Если он затем убежит, пусть уплачивается [возмещение] согласно его ценности; и мы все его будем разыскивать. Если мы затем сможем его найти, пусть ему сделают то же самое, что сделали бы вору-валлийцу, или же пусть его повесят»).

же владельцы – «зависимые люди», относились к другой социальной категории, именно – бывших свободных кэрлов или вольноотпущенников, сидевших на землях светских или церковных крупных землевладельцев и находившихся под их мундом.

Господин раба нёс в большинстве случаев полную ответственность за совершённые своим подопечным преступления. Например, титулы 3,1–3,2 требуют от глафорда, явившегося свидетелем совершения кражи собственным рабом, выдать его для судебного разбирательства. Если это требование нарушалось, самого господина раба ожидало очень суровое наказание¹⁷⁵. В одном из титулов постановлений Гритли говорилось о рабе, уличённом во время проведения троекратной ордалии; за такого раба его господин должен был выплатить возмещение, а самого раба отдать на бичевание либо выплатить двойное возмещение¹⁷⁶.

Не исключено, что и в составе разбойничьих шаек начала – середины X в. орудовали не только обедневшие свободные люди, но и беглые рабы. Бегства рабов и рабынь после совершения ими преступления с последующим их розыском и суровым наказанием (вплоть до смертной казни) были зафиксированы также в установлениях Этельстана, дошедших до нас в составе латинского текста *Quadripartitus*¹⁷⁷. Один из титулов закона,

¹⁷⁵ II As. 3,1: 7 se hlaford þe his ðeowan æt þyfe gewita sy, 7 hit him on open wurðe, ðolige ðæs þeowan 7 beo his weres scyldig æt frumcyrr; gif he hit oftor do, be he ealles scyldig þæs he age («И тот глафорд, который будет являться свидетелем кражи своего раба, и это откроется, пусть пострадает своим рабом [т.е. лишится его] и в первый раз будет повинен [выплатой] своей виры; если он позднее сделает [то же самое], пусть будет повинен [выплатой] всего, чем он обладает»). Интересно, что точно таким же наказания подвергались королевский казначей и герефа, ставшие свидетелями кражи и утаившие это (*Ibid.* 3,2).

¹⁷⁶ *Ibid.* 19: Ond we cwædon be þeowan man, gif he ful wurþe æt þam ordale, þæt mon gulde þæt ceapgild 7 swinge hine man ðriwa oððe þæt oþer gild sealde; 7 sy þæt wite be healfum wurðe æt þam ðeowum («И мы постановили о рабе, если он будет уличён на ордалии, чтобы выплачивался штраф – возмещение за правонарушение и трижды пусть его бичуют, или пусть будет выплачен [глафордом] ещё один штраф; пусть у раба этот штраф будет вполонину, [нежели у свободного?])»).

¹⁷⁷ VI As. 6,3: Si autem aufugiat, prosequatur eum omnis homo super vitam suam qui velit quod rex, 7 occidat eum cui obviatur. Qui eum pepercerit vel eundum firmabit, indignus sit omnium que habebit, 7 sue vite sicut fur, nisi se possit adlegiare quod nec furtum cum eo sciret aut facinus pro quo mortis reus esset... Si servus homo sit, eant XX servi 7 lapident eum. Et si colpus

принятого королём Эдмундом в местечке Коллингтун или Коллумптон (Ш Em.)¹⁷⁸, также касался проблемы беглых рабов¹⁷⁹. Как видится, всё перечисленное являлось отголоском поворота королевской власти к достаточно жёсткому подавлению любых выступлений и мятежей, которые имели место на территории Англии в X в.¹⁸⁰

Однако само по себе наименование человека «рабом» или «зависимым человеком» ещё не приравнивало его к тем бесправным людям, которые скрывались в редакциях Салической правды VI в. за термином *servus*. По некоторым показателям рабский статус начинает приближаться к статусу лично зависимого крестьянина. В X в. раб уже не был полностью бесправен и даже обладал некоторыми правами, которые до начала X в. традиционно ассоциировались со свободным населением Британии.

Так, это наиболее явно прослеживалось в VI As., где идёт речь о торговле. Указание на то, что раб не только мог быть свидетелем при купле-продаже имущества, но даже быть и покупателем, и продавцом (т.е. обладать

fallat ter, verberetur, 7 ipse ter. Et quando furatus servus erit mortuus, reddat unusquisque servorum illorum, tres denarios domino suo. Si serva ancilla sit, 7 illa furetur alicubi preter domino vel domine sue, adeant LXXX ancille, 7 afferant singule tria ligna, 7 comburant ipsam unam ancillam, 7 conferant totidem denarios, quot servi deberent, aut verberentur sicut de servis dictum est («Если же убежит, пусть его преследует каждый человек превыше своей жизни, которому это повелит король, и пусть убьёт того, кто ему противодействует. Если же пожалеет его или укроет, пусть будет недостоин всего того, что имеет, и будет вором своей жизни, если только не сможет доказать, что он не признал с тем [вором] краденого или воровства, за которое он должен был быть приговорён к смерти... Если [вором] будет раб, пусть придут 20 рабов и побьют его камнями. И если удар не достигнет цели три раза, пусть [промахнувшийся] будет наказан, и тот три раза. И когда укравший раб будет мёртв, пусть каждый из тех рабов возместит его господину по три денария. Если это будет рабыня, и она украдёт где-либо [в другом поместье], исключая [поместье] своего господина или госпожи, пусть придут 80 рабынь, и каждая пусть принесёт по три полена, и пусть сожгут ту самую рабыню, и соберут столько денариев, сколько должны [собрать в этом случае] рабы, или пусть будут телесно наказаны так же, как было сказано о рабах»).

¹⁷⁸ Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 129.

¹⁷⁹ Ш Em. 4: Et dictum est de servis: si qui furentur simul, ut senior ex eis capiatur et occidatur vel suspendatur, et aliorum singuli verberentur ter et exorientur, et truncetur minimus digitus in singum («И [так] сказано о рабах: если кто-то убежит [дословно «украдёт себя»], тогда пусть старший из них будет пойман и казнён или повешен [?], и из прочих некоторые пусть будут бичёваны, и пусть [их] кожа пострадает трижды, и пусть [им] отрубят мизинец в знак позора»).

¹⁸⁰ То, что такие выступления устраивали наиболее бедные и угнетённые слои англосаксонского общества, подтверждается и более поздними источниками, а также континентальными параллелями, например, саксонским восстанием Стеллинга.

определённым имуществом или денежными средствами)¹⁸¹, совершенно не соответствует не только классическому его пониманию в историографической традиции и содержанию титулов VI As. 6,1-6,3, но и данным о статусе челяди при господине в раннесредневековой Англии начала VII – начала X вв.¹⁸² Не вполне ясно, относилось ли последующее требование возместить штраф за нарушение запрета воскресной торговли к рабам или к их господам. Однако предположение о наличии у рабов имущества, которым они располагали, логично порождало допущение об имущественной ответственности лично зависимых англо-саксов за нарушение этого запрета.

Очевидно и то, что по мере развития светского и монастырского землевладения и попадания всё большего числа свободных крестьян в зависимость от более могущественных и богатых людей, а также появления феодальной иерархии в высшей прослойке англо-саксонского общества в X в., было необходимо законодательно подтверждать привилегии одних и повинности других.

Для этой цели также использовалось королевское законодательство начала – середины X в. Случаи неповиновения раба своему господину рассматривались как нарушение земного (мирского) закона, но что ещё важнее – установленного Богом порядка, когда зависимый от глафорда человек был обязан своему господину и своим имуществом, и своей жизнью. Особенно чётко можно проследить логику беспрекословного подчинения одного человека другому, если обратиться к прологу законов Альфреда¹⁸³ и к

¹⁸¹ VI As.. 24–24,1: Ond se þe yrfe bycge on gewitnesse 7 hit eft tymon scyle, þonne onfo se his þe he hit ær ætbohte, beo he swa freoh swa ðeow, swa hweder he sy. 7 ðæt nan cyping ne sy Sunnondagum; gif hit ðonne hwa do, þolige ðæs ceapes 7 gesylle XXX scill. to wite («И тот, кто покупает имущество при свидетелях, и затем должен его представить [перед свидетелями]; тогда пусть он [после предоставления свидетелей] примет его у того, у кого он это купил раньше, будь он как свободным, так и рабом – кем бы он ни был. И пусть не будет никакой торговли по воскресеньям; если это всё же кто-то будет делать, пусть потеряет свой товар и выплатит в качестве штрафа 30 шилл.»).

¹⁸² Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 695–696.

¹⁸³ Af. El. 49,7: ... Buton æt hlafordsearwe hine nane mildheortnesse ne dorston gecwæðan, forþam ðe God ælmihtig þam nane ne gedemde þe hine to deaðe sealde, 7 he bebead þone

самому тексту судебныхников¹⁸⁴. Позднее требование лишения жизни за измену своему господину было внесено и в законы Этельстана¹⁸⁵. Эдмунд, правивший всего 7 лет, посвятил легитимации власти глафордов над подвластным им населением сразу несколько глав¹⁸⁶. Очевидно, что данные установления понимались в X в. максимально широко: они касались и верности вассала своему сюзерену (королю, крупному землевладельцу), и верности попавших в поземельную зависимость бывших свободных англосаксов (выражавшейся в исправном внесении платежей и выполнении повинностей в пользу господина), и беспрекословного подчинения рабов своему господину.

К моменту начала правления короля Этельстана в раннесредневековой Англии уже достаточно чётко обозначилась тенденция попадания в личную зависимость многих бывших свободных, обладавших ранее полноправием. В отдельных случаях эта зависимость была сродни рабству (в том виде, в котором оно было описано в судебнике Альфреда), в некоторых же – приближалась к положению средневековых серва и виллана.

В ряде случаев можно вести речь о возможности обращения бывших свободных непосредственно в разряд рабов (минуя все ступени

hlaford lufian swa hine («Только при измене глафорду они [епископы] не решились просить никакого милосердия, поскольку всемогущий Господь не оказывал никакого [милосердия по отношению к] тем, кто им пренебрегал, и Христос, сын божий, не призывал ни к какому [милосердию для] тех, кто отправил его на смерть, и он приказал любить своего глафорда, как самого себя»).

¹⁸⁴ См. распоряжения в судебнике Альфреда, касавшиеся запрета покушаться на жизнь господина (Af. 4,2) и воевать против своего господина (Af. 42,5–6); однако они напрямую не касались рабов.

¹⁸⁵ II As. 4,2 (по рукописи B): And we cwædon be hlafordsearwan, ðæt he wære his feore scyldig, gyf he hit ætsacan ne mihte oððe on ðam ðryfealdan ordale ful wære («И мы указываем об измене господину: чтобы он [т.е. изменник] был повинен собственной жизнью, если он не сможет это [обвинение] отклонить или будет изобличён на тройной ордалии»). Указание на ордалию, тем не менее, не говорит о рабском статусе обвиняемого: к середине X в. процедура Божьего суда уже распространилась практически на все категории англо-саксонского общества.

¹⁸⁶ III Em. 1: Imprimis ut omnis iurent in nomine Domini, pro quo sanctum illud sanctus est, fidelitatem Eadmundo regi, sicut homo debet esse fidelis domino suo, sine omni controversia et seductione, in manifesto, in occulto, et in amando quod amabit, nolendo quod nolet; et a die qua iuramentum hoc dabitur, ut nemo concelet hoc in fratre vel proximo suo plus quam in extraneo; Ibid. 7: Et omnis homo credibiles faciat homines suos et omnes qui in pace et terra sua sunt.

неполноправия, последовательное «прохождение» которых было характерно для бывших обедневших свободных). Этот тезис подтверждается следующим источником: в *Iudicia civitatis Lundoniae* (VI As.) был зафиксирован переход обвинённого человека, не имевшего поручителя, напрямую в разряд рабов, причём с наказанием в виде лишения жизни за последующую кражу¹⁸⁷.

Последний момент требует специального пояснения. Дело в том, что VI As. дошёл до нас в двух версиях – списке *Textus Roffensis*, датированном началом XII в., и латинском переводе *Quadripartitus*, который сложился в то же самое время. Между тем, последний вариант текста содержал значительные отклонения от древнеанглийского оригинала, а именно – в нём отсутствовало требование казнить попавшего в рабство преступника за повторную кражу:

Textus Roffensis	Quadripartitus (по рукописи T)
<p>Оððe gif he in carcern ne cume, 7 man nan næbbe, þæt he hine niman be his fullan were on borh, þæt he æfre ma ælces yfeles geswice. Gif seo mægð him utnimannelle ne him on borh gan, þonne swerige he, swa him bisceop tæce, þæt he ælces yfeles geswycan wille, 7 stande on þeowete be his were. <i>Gif he þonne ofer þæt stalie, slea man hine oððe ho, swa man þa yldran ær dyde</i></p>	<p>Vel si veniat in carcerem 7 hominem non habeat qui sumat eum in plegium plena wera sua, quod omnis mali deinceps absteat. Si cognatio sua nolit eum educere, nec ei transire in fideiussionem, tunc iuret, sicut episcopus docebit eum, quod ab omni malo cesset in reliquum, 7 sit inservitus pro wera sua.</p>

Это одно из немногих отличий латинского текста от своего оригинала на народном языке, встречавшееся у Этельстана. Чем объяснить такое разночтение? С одной стороны, в самом источнике *Quadripartitus* мог отсутствовать именно этот фрагмент. Однако, с другой стороны, этот фрагмент мог быть сознательно удалён из протографа *Quadripartitus*. Точные причины такой редакции спустя 100–150 лет после утверждения Этельстаном оригинального текста остаются неизвестными, однако можно предположить то, что отсылка к «предкам» (*yldran*) не была случайна и должна была связывать данный конкретный титул с наказаниями,

¹⁸⁷ VI As. 12, 2.

встречавшимися в судебнике Альфреда (в составе законов Инэ) и каравшими за воровство и бегство рабов от своего господина. Во времена, когда появился латинский перевод, законодательство Этельстана, а равно и законы «предков», по-видимому, утратили в этой части приоритет; на рубеже X–XI вв. из-под пера короля Этельреда и его советников появились новые правовые памятники, в которых были прописаны сходные санкции за воровство (т.е. смертная казнь за второй случай кражи)¹⁸⁸.

Другим свидетельством обезземеливания и попадания уже в личную и поземельную (но не рабскую) зависимость был титул законов Этельстана, касавшийся «потерявших землю людей» (*landlease menn*). Он предусматривал насильственное возвращение такого человека в собственный скир или сотню, причём это возвращение (а равно и сами поиски) должны были обеспечить его родственники¹⁸⁹. Определяющими здесь являются два момента. Во-первых, человек не мог по собственной воле сменить хозяина (глафорда) на другого. В этом нам видится отголосок положения категории *folcfrý*, встречавшихся в законах Вихтреда¹⁹⁰; глафорд *folcfrý* также сохранял над ним мундебюрд даже в случае его переселения в другой скир. Во-вторых, в таком правовом установлении, встречавшемся у Этельстана, отчётливо проявился введённый ещё Альфредом Великим запрет переходить на сторону другого глафорда и нарушать условия службы у прежнего хозяина¹⁹¹. Кроме того, в этом титуле можно усмотреть также следы борьбы с похищением или переманиванием зависимых людей (в т.ч. пресечение случаев выступления против своего господина, которые осудил ещё Альфред)¹⁹². Переход к

¹⁸⁸ Например: I Atr. 1,5–1,6; 2–2,1. Подробнее см. об этом в следующем разделе.

¹⁸⁹ II As. 8: *Ond we cwædon, gif hwylc londleas mon folgode on opre scire 7 eft his mægas gesece, þæt he hine on þa gerad feormige, ðæt he hine to folcrynhte læde, gif he þær gylt gewyrce, ofþe forebete* («И мы постановили: если какой-то человек без земли будет служить [другому глафорду] в другом скире, и после его родичи обнаружат, что он укрывается [там] по [своему] разумению, чтобы он [т.е. родич] его представил перед судом, если он там совершит злодеяние, или пусть возмещает штраф вместо [сбежавшего]»).

¹⁹⁰ Wi. 6.

¹⁹¹ Обоснование перевода глагола *folgian* как «служить» (вариант *Quadripartitus – servire*) см. у Либермана: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 424.*

¹⁹² Af. 42,5.

другому глафорду, видимо, иногда приводил к правовым коллизиям, когда человек должен был подчиняться сразу двум господам; для исключения таких случаев законы Этельстана требовали от зависимого человека испросить разрешения на переход у своего прежнего хозяина¹⁹³.

Некоторые установления двух упомянутых королей – Эдварда и Эдмунда, содержали сведения о зависимых от других персон людях, впадших в подчинённое состояние или подпавших под мундебюрд в результате обеднения или кражи.

Лишь несколько упоминаний о лично зависимых людях, попавших под чужое покровительство, встречались в достаточно лапидарных законах Эдварда. Первое касалось обвинённого в воровстве человека¹⁹⁴. Не исключено, что это был неполноправный, зависимый от богатого соплеменника англо-сакс, потерявший свою свободу в результате кражи и также упомянутый Эдвардом в своих установлениях далее¹⁹⁵; по крайней мере, у него при наличии господина также имелись свободные родственники, которые могли поручиться за него в случае обвинения, и имущество, которым он мог в той или иной мере распоряжаться.

Также законы Эдварда защищали владельца зависимых людей от посягательства на его подопечных другого глафорда (а случаи насильственного захвата рабов и лично зависимых людей у глафордов, особенно в период интенсивного развития крупного землевладения и

¹⁹³ II As. 22–22,1: 7 ne underfo nan mon ofres monnes mon, buton his leafe þe he ær folgode. Gif hit hwa do, agife þone mon 7 bete cynges oferhyrnesse («И пусть никто не принимает человека другого без разрешения того, кому он раньше служил. Если кто-то сделает это, пусть вернёт этого человека [бывшему господину] и заплатит за ослушание короля»).

¹⁹⁴ II Ew. 3–3,2 (по списку H): Gif hwa ðifðe betogen sy, þonne niman hine on borh ða þe hine hlaforde befæston, þæt he hine þæs getrywsige; oððe ofere frynd, gif he hæbbe, don þæt sylfe. Gif he nyte, hwa hine on borh nime, þonne niman þa ðe hit togebyrð on his æhtan inborh. Gif he naðor næbbe ne æhta ne oðerne borh, ðonne healde hine man to dome («Если кто-то будет обвинён в краже, пусть его возьмут под [своё] поручительство те, кто вызовет доверие [его] господина, чтобы очистить его в этом [преступлении]; или, если у него есть другие родственники, пусть это сделают сами. Если он не знает, кто его возьмёт под поручительство, тогда пусть его возьмут те, кому это подобает, под поручительство [своего] имущества. Если же он не имеет ни имущества, ни другого поручительства, тогда пусть исполняется судебное решение»).

¹⁹⁵ II Ew. 6.

укрепления института бокленда, видимо, были не единичными)¹⁹⁶. Оговорка о невиновности человека, служившего поначалу одному господину, а затем принятого другим, очень важна: видимо, в случае совершения им провинности по отношению к другому глафорду (например, кражи) его могли передать в руки потерпевшего в качестве компенсации. Позднее запрет переманивать зависимых людей был подтверждён королями Эдмундом¹⁹⁷ и Эдгаром¹⁹⁸.

Попадание в личную зависимость от более влиятельного соплеменника для того, чтобы получить его судебное заступничество, также было зафиксировано Этельстаном. В его правовых текстах упоминались «люди без глафорда» (*hlafordlease menn*), за которых в случае обвинения в краже должен был взять ответственность сторонний человек (не родич)¹⁹⁹. Видимо,

¹⁹⁶ Ne underfo nan man oðres mannes man butan þæs leafe ðe he ær fyligde, 7 hær he syl laðleas wið ælce hand. Gif hit hwa do, bete mine oferhrynesse («Пусть никто не принимает [под покровительство зависимого] человека другого без дозволения того, кому он раньше служил, и до тех пор, пока он будет невиновен перед каждым из глафордов. Если кто-то совершит это, пусть искупает ослушание моего слова»).

¹⁹⁷ III Em. 3: Et nolo, ut aliquis recipiat alterius hominem, priusquam quietus sit erga omnem manum, que rectum querat ab eo; et qui aliquem manutenebit et firmabit ad dampnum faciendum, custodiat, ut representet eum ad emendandum, vel ipse componat quod alius componere debebat («И я не желаю, чтобы кто-то принимал другого человека, прежде чем будет удовлетворён любой хозяин, который прямо пожалуется на него; и тот, кто кого-либо удержит в своих руках и оградит его от выплаты штрафа, пусть следит за тем, чтобы представить его к очищению, или пусть сам возместит то, что тот другой должен был возместить»). Обширный список установлений других королей, которые содержат подобный запрет, см.: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 129.*

¹⁹⁸ Hu (I Eg.?). 2–2,1 (по рукописи B): Gyf neod on handa stande, cyðe hit man ðam hundredesmen, 7 he syððan ðam teoðingmannum; 7 faran ealle forð, ðær him God wisige, þæt hi tocuman moton; do ðam ðeofe his riht, swa hit ær Eadmundes cwide wæs. 7 sylle mon þæt ceapgyld ðam ðe þæt yrfe age; 7 dæle man þæt oðer on twa: healf ðam hundrede, healf ðam hlaforde – butan mannum; 7 fo se hlaford to ðam mannum («Если возникнет острая нужда, пусть это [т.е. факт кражи] откроют перед сотником, а он затем [доложит] десятникам; и пусть все придут, куда им укажет Бог, чтобы они могли сойтись [в решении]; и пусть дадут этому вору его право, как ранее было провозглашено Эдмундом. И пусть будет выплачена компенсация [за кражу] тому, кто владеет этим имуществом; а оставшееся пусть поделять надвое: половину – сотне, половину – глафорду, за исключением [зависимых] людей. Пусть господин удержит [всех своих зависимых] людей»).

¹⁹⁹ II As. 2 (по рукописи H): Ond we cwædon be þam hlaforleasan mannum, ðe mon nan ryht ætbegytan ne mæg, þæt mon beode ðære mægþe, ðæt hi hine to folcryhte gehamette 7 him hlaford finden on folcgemote («И мы установили о людях без глафорда, от которых не могут

имелся в виду также обедневший свободный человек, который обладал и родней, и правом посещения сотенных и судебных собраний, но не мог при этом ответить по конкретному делу или же найти себе поручителя. Именно по этой причине он должен был передать себя под мундебюрд (т.е. под покровительство) более богатого и влиятельного человека, тем самым потеряв право представлять свои интересы в суде самостоятельно.

Кроме того, сбежавший от расправы господина зависимый человек мог найти укрытие у другого человека и собрать поручителей на суде, чтобы доказать свою невиновность. Вместе с тем, он мог перейти под покровительство нового господина или же вернуться к своему прежнему хозяину²⁰⁰. С одной стороны, необходимость личной опеки глафорда говорила о низком правовом статусе этого человека; однако, с другой стороны, личное участие в процессе самого обвиняемого (поиск поручителей, заявление невиновности перед судом) должны были выделять его из рабской прослойки, не имевшей права голоса на судебных и сотенных собраниях.

Возможно, и другие права отдавшегося под покровительство человека как ранее обладавшего полной или частичной «позитивной свободой» также переходили к глафорду. Нет оснований полагать, что такой человек сразу же переходил в разряд рабов, подобно неоплатным должникам либо преступникам (как это имело место в *Iudicia civitatis Lundoniae* того же Этельстана); однако такое развитие событий, упомянутое в II As., могло быть первым шагом на пути к попаданию обедневшего англо-сакса в прочную,

добиться никакого права, пусть их родне прикажут, чтоб они утвердили его в народном праве и нашли ему глафорда на народном собрании (гемоте)»).

²⁰⁰ V As. 1,1: *Gif se hlaforð ðonne wille ðone mon mid woh forðon, berecce hine ðonne, gif he mæge, on folcgemote; gif he laþleas sy, sæte hwylcne hlaforde on þa gewitnysse swelcne he þonne wille; forþon ic wille, þæt hwylc þæra þe laþleas beo, folgige swylcum hlaforde swylce he ðonne wulle* («Если глафорд, однако, захочет погубить [искалечить?] того [зависимого] человека не по правде, пусть [тот] очищается клятвой, если он может, на народном собрании [фолькгемоте]; и если он окажется невиновным, пусть он найдёт себе в свидетели такого глафорда, какого он сам пожелает; потому я желаю, чтобы каждый из тех, кто будет невиновен, служил тому глафорду, которому он затем захочет [подчиняться]»).

нередко – наследственную, зависимость от своего соплеменника. По крайней мере, при отказе родственников выдать подозреваемого он считался вором и объявлялся «вне закона»²⁰¹.

В некоторых отношениях степень правоспособности лишившихся свободы людей при короле Этельстане была настолько ограничена их господином, что они начинали напоминать по своему статусу кентских рабов VII в. или рабов салических франков начала VI в. Господин приносил присягу за своих зависимых людей в их невиновности²⁰²; он не мог прогнать обвинённого в каком-либо преступлении человека, который нёс у него службу, до тех пор, пока он сам не отвечал по делу²⁰³. Если же кто-то посторонний ловил «чужого человека» (т.е. того, чьим хозяином он не являлся) по подозрению в совершении преступления и не хотел его выдавать, то выплачивал королю большой штраф²⁰⁴. Согласно *Iudicia civitatis Lundoniae*, или *Decretum episcoporum et aliorum sapientum Londoniae*, 930–940

²⁰¹ II As. 2,1–2,2: 7 gif hi hine ðonne begytan nyllen oððe ne mægen to þam andagan, ðonne beo he syþþan flyma, 7 hine lecege for ðeof se þe him tocume. 7 se þe hine ofer ðæt feormige, forgyrde hine be his were oþþe he hine be ðam ladige («И если они не захотят его выдать либо не смогут к тому сроку, пусть он тогда будет «вне закона», и пусть тот, кто с ним пойдёт [т.е. будет его преследовать?], почитает его за вора. И тот, кто его после этого примет, пусть искупает себя своей вирой или же согласно этой [вире] пусть очищает себя»).

²⁰² III As. 7: ... ut omnis homo teneat homines suos in fideiussione sua contra omne furtum («Чтобы каждый человек ограждал своим ручательством собственных людей от [обвинения в] любой краже»).

²⁰³ II As. 22,2: 7 non mon ne tæce his getihtledan mon from him, ær he hæbbe ryht geworht («И никто пусть не указывает своему человеку, обвинённому [в чём-либо, дорогу] от себя, пока он не исполнит решение суда»).

²⁰⁴ V As. 1 (по рукописи Ld): 7 se ðe oþres monnes man underfo, ðe he for his yfle him from do, 7 him gesteoran [рукопись H – getruwian] ne mæge his yfles, gilde hine ðæm ðe he ær folgode, 7 gesylle ðæm cyng CXX scill («И тот, кто украдёт [зависимого] человека другого, которого он [т.е. хозяин] от себя прогонит за его преступление, и не захочет наказать его [за] преступление, пусть уплатит [его цену?] тому, кому он [т.е. раб] раньше служил, и также заплатит королю 120 шилл.»). Перевод Либермана, который слово *steoran* передал как «удерживать от преступления» (*Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I. S. 167; Bd. III. S. 109*), кажется неверным, поскольку принявший беглого человека уже принимал вместе с тем ответственность за его преступление; именно поэтому он был должен возместить нарушение королевского мира. Практически идентичный текст содержат: III As. 4: ... ne aliquis recipiat hominem alterius sine licencia ipsius cui prius folgavit nec intra marcam nec extra; IV As. 4 (по рукописи T): Et qui alterius hominem recipiet intra marcam vel extra, quem pro malo suo dimittat 7 castigare non possit, reddat regi CXX solidos, 7 redeat intus unde exivit, 7 rectum faciat ei cui servierat (основное отличие – зависимый человек должен был вернуться к прежнему господину).

гг. (источник имеет разные названия в различных рукописях), зависимого человека, которым безраздельно командовал господин, выдавали для судебного наказания после того, как он был уличён в краже, даже без Божьего суда²⁰⁵.

Подводя итог развитию институтов рабства, покровительства и личной зависимости в начале и первой половине X в., следует прежде всего отметить крайнюю противоречивость статуса рабов на фоне начала кардинальной трансформации всех социальных слоёв Английского королевства и роста числа лично и поземельно зависимых земледельцев.

По многим показателям рабы продолжали оставаться бесправными членами англо-саксонского общества: в частности, за преступления по отношению к представителям другим социальных слоёв (например, кражу) их ждало очень суровое наказание. Нигде не зафиксированы факты участия рабов в сотенных или судебных собраниях, случаи их обращения к судебным инстанциям в случае притеснения хозяевами: такими правами они, очевидно, в середине X в. не обладали. Король Этельстан предписывал лишь ответственность за выдачу господином своего раба, о краже которого он был осведомлён. Единственное упоминание о краже рабов, которое имелось в законах Этельстана, заносило их в состав движимого имущества (среди которого – крупный и мелкий рогатый скот), вместе с тем не приравнивая их к *instrumentum semivocale*.

Бегство какой-либо группы рабов с их возможным последующим участием в шайке каралось смертью для старшего (по возрасту?) раба и жестоким телесным наказанием (отрубанием мизинца и троекратным бичеванием) прочих. Одиночное бегство раба пресекалось ещё более

²⁰⁵ VI As. 9: ... we cwædon be þisum þeofum þe man on hrædinge fule geaxian ne mæg: 7 man eft geaxað, þæt he ful bið 7 scildig, þæt se hlaford hine oððe þa magas on þæt ilce gerad utniman, þe man þa menn utnimð, þe æt ordale fule weorðað («Мы даём распоряжение относительно тех воров, которых нельзя изобличить сразу же: если узнают позднее, что он виновен, чтобы [его] глафорд или [его] родственники выдали на том же условии, [как] был бы выдан человек, который бы был изобличён на ордалии»).

жестоким образом – раба побивали камнями, а рабыню сжигали заживо прочие рабы из поместья её господина.

Вместе с тем, в отдельных случаях они уже выступали не просто как движимое имущество своего господина, но как относительно самостоятельные субъекты права. Так, сам факт наличия у них права на ордалию говорил об их ограниченном включении в систему судопроизводства наряду с прочими категориями англо-саксонского общества, обладавшими элементами «позитивной свободы». Кроме того, раб получал определённую свободу в распоряжении своим имуществом, будучи допущен к торговым операциям. Возможно, что законодатели просто в силу собственных соображений опустили ещё какие-то сведения о правах и обязанностях рабов.

Обедневшие свободные, попадавшие в разряд арендаторов и людей под покровительством влиятельных соседей, начинают достаточно резко терять свой социальный статус и отчасти приближаться к рабам. В частности, лично зависимые люди не могли перейти к другому глафорду на службу или изменить своему глафорду (кроме случаев бегства от своего господина терпевших явную несправедливость зависимых держателей земли); также каралась практика переманивания и кражи чужих людей.

Утрата того статуса, которым бывшие кэрлы обладали в VII–IX вв., была связана также с разрушением родовых связей: теперь родичи далеко не всегда могли защитить своего товарища при тяжких преступлениях, например, краже (а при короле Этельстане практика взятия на поруки стала даже караться объявлением заступника «вне закона»). Всё чаще простые, непривилегированные свободные обращались к могущественным людям за помощью и поручительством в судебных делах; это постепенно вело к утрате ими права судебного представительства – одного из важнейших прав

свободы, входившего в немецкую концепцию «общесвободных» (Gemeinfreien)²⁰⁶.

Однако нельзя не заметить и того, что под влиянием политики милосердия короля и церкви одновременно шёл процесс повышения статуса людей, лишённых ранее всех и всяческих признаков «позитивной свободы». Таким образом, категории рабской зависимости (þeow, þeowman), потеряв свою изначальную оппозицию в виде понятия «свободный человек» (ceorl, ceorlisc man, frigman, freoman), становились во многом техническими терминами, охватывавшими достаточно широкий круг зависимых людей с различной степенью правоспособности, но в равной степени подчинённых чужой власти. В этом проявилось явное сходство законов Эдмунда, Этельстана и Эдгара с Lex Ribvaria в той редакции, которая относилась к началу VII в.: там упоминались точно такие же категории личной зависимости (homo regius, homo ecclesiasticus, homo Romanus), которые уже не так резко противостояли по своим социально-правовым характеристикам рипуарскому рабству, но более чётко оттеняли его новые свойства, полученные в результате допуска рабов к ограниченному участию в судебной процедуре (ордалии), имущественной ответственности и личному возмещению штрафов за отдельные нарушения, включению в «каталог» наказаний за различные телесные повреждения и т.д.

²⁰⁶ В обществе, описанном в «Книге Страшного суда», такие люди известны как сокмэны (sokemanni) – люди, которые прежде были свободными (liberi homines), но попали под покровительство знатного человека. См. подробнее: *Maitland F.W. Domesday Book and beyond. Three essays in the early history of England. Cambridge, 1897. P. 67–74.*

§ 5. Проблема соотношения лично зависимого крестьянства и рабов в англо-саксонском поместье второй половины X – начала XI в. (по материалам трактата «Об обязанностях различных лиц» и законов королей Эдгара и Этельреда Нерешительного).

Этот параграф будет посвящён проблеме эволюции терминов, характеризующих личную и поземельную зависимость в Англии второй половины X – начала XI вв. Два самых известных короля, которые правили до момента создания державы Кнута Великого (1016) и оставили законодательные памятники в указанный период – Эдгар (959–975) и Этельред II по прозвищу Нерешительный (978–1016). Законы Эдгара включают в себя четыре правовых памятника, причём Феликс Либерман, несмотря на отсутствие серьёзных аргументов против авторства Эдгара первого из них, предпочёл сохранить для источника двойное обозначение (I Eg. – Eadgar, по имени короля; Hu. – Hundredgemot, по основному содержанию)²⁰⁷.

Законы Этельреда – один из самых значительных корпусов права в донормандской Англии. По общему объёму они лишь незначительно уступают судебнику Альфреда, составляя десять отдельных памятников, пронумерованных римскими цифрами от I до X. Многие из них носят следы влияния права предшественников Этельреда, прежде всего – королей Этельстана и Эдгара. Тем не менее, законотворчество Этельреда необходимо признать вполне самостоятельным, а широта охвата тем этих юридических памятников (в т.ч. в отношении рабства) не уступает законам Инэ и Этельстана.

Важнейшим правовым источником, который характеризует обязанности различных социальных категорий, является памятник «Об обязанностях различных лиц», или «Трактат об управлении вотчиной» (*Rectitudines singularum personarum*, в современной англо-американской

²⁰⁷ Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. III. S. 130–131.

историографии – также RSP). Время создания этой юридической компиляции – очень сложный вопрос; Феликс Либерман определяет его как 960–1060 гг., возможно, около 1025–1060 гг. Поскольку он обнаруживает в тексте только следы валлийского и кельтского влияния, без каких-либо указаний на датские вторжения, Либерман предположил, что местом создания RSP был Запад или Юго-Запад Англии (однако не Кент)²⁰⁸.

Одним из наиболее динамичных процессов, отразившихся в законодательстве Эдгара и Этельреда, являлось сближение судебной ответственности рабов и лично зависимых людей, сидевших на землях крупных светских и церковных землевладельцев. Пожалуй, этот процесс был выражен в англо-саксонском законодательстве во второй половине X – начале XI в. даже более отчётливо, чем в каролингских капитуляриях (в т.ч. *Capitulare de villis*) конца VIII – начала IX в.

Пример такого процесса зафиксирован в одном из наиболее ранних памятников законотворчества Этельреда – установлениях, принятых «в Вудстоке, в королевстве Мерсия», как полагает Либерман, в 980–1013 гг. (т.е. не в первые и не в последние годы его правления)²⁰⁹. Он касался поручительства. В первых титулах упоминался «свободный» человек (*freoman, liber homo*), который был обязан «иметь надёжное поручительство» в случае обвинения в краже. Если его обвиняли в каком-то преступлении, он был обязан идти к тройной ордалии; однако за него был вправе заступиться его господин (*hlaford*). Если он был уверен в том, что его *freoman* сможет пройти и процесс принесения клятвы, и ордалию, поскольку никогда не был преступником, то он мог очистить его от обвинения с помощью приглашения для клятвы двоих тэнов из сотни, в которой проживал он сам²¹⁰.

²⁰⁸ Подробное обоснование см.: *Ibid.* S. 245. Также в 90-х гг. вышла статья, посвящённая RSP: *Harvey P.D.A. Rectitudines singularum personarum and Gerefa // The English Historical Review. January 1993. No. 426. P. 1–22.*

²⁰⁹ *I Atr. Prol.* Обстоятельства и время создания этого юридического памятника описаны Феликсом Либерманом: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 146.*

²¹⁰ *I Atr. 1–1,2.*

Если же затем такого «свободного» направляли на ордалию, и его вину доказывали впервые, он должен был возместить украденное в двукратном размере и возмещение за собственную жизнь (were) глафорду; кроме того, он доказывал то, что ранее не был причастен к каким-либо преступлениям²¹¹. Во второй раз его приговаривали к смерти²¹².

Примечателен и тот факт, что при уклонении обвинённого в краже «свободного» человека от суда поручитель был обязан выплатить цену украденного обвинителю по делу (seargyld), а глафорду – возмещение за жизнь этого человека²¹³. Если же он бежал из сотни, то глафорд должен был доказывать с пятью соприсяжниками то, что он не подговаривал своего человека к краже²¹⁴. Также господин должен был принимать на себя поручительство за категорию людей, обозначенных как hiredman (лат. familia)²¹⁵.

При описании положения лично зависимых от глафорда людей, обозначенных как freoman и hiredman, имела место значительная близость формулировок, что должно было указывать также на сходство их социального статуса. Например, за бегство обвинённого freoman (с целью избежать ордалии) его поручители должны были платить возмещение (seargyld) обвинителю и вергельд (were) глафорду; за бегство обвинённого hiredman его were платил уже глафорд (как поручитель зависимого от себя

²¹¹ Ibid. 1,5.

²¹² Ibid. 1,6.

²¹³ Ibid. 1,7.

²¹⁴ Ibid. 1,8–1,9a. При этом, если глафорд мог очистить себя от обвинения, то возмещение за жизнь «свободного» (were) переходило к нему, а если нет – то доставалось королю (с последующим объявлением вора вне закона).

²¹⁵ Ibid. 1,10; 2. О том, что под hiredman в данном случае подразумевается челядь (Gesinde) глафорда, близкая по статусу к рабскому состоянию, также писал Либерман; возможно hyredmann – это калька с древнеанглийского esnewyrhta (оба термина в современных переводах восходят к английскому корню «hire»). Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 148. В самом переводе законов Этельреда он называл его либо Hausleute, либо Untergebene («подданный (глафорда)»), что, на наш взгляд, совершенно не одно и то же. Кроме того, эта категория отличалась от «подданных», упомянутых в VI As. 8,7; 11: социальный статус последних не был определён как статус зависимого человека.

человека) королю²¹⁶. В обоих случаях для очищения от обвинения в том, что преступление произошло с ведома глафорда, он должен был собрать пять соприсяжников – тэнов²¹⁷. Единственное кардинальное отличие заключалось в процессе признания глафорда виновным в подстрекательстве своих зависимых людей к краже: за подстрекательство *freoman* король забирал сумму штрафа за его жизнь у глафорда в свою пользу, а за подстрекательство *hiredman* сам глафорд платил королю возмещение за свою жизнь. Тот и другой штрафы обозначены как *were*²¹⁸.

Тем не менее, в данном случае речь идёт о двух разных категориях зависимых людей, которые сидели на земле своего господина. «Свободный» человек обладал, безусловно, более высоким социальным и правовым статусом, нежели человек из числа господской челяди: это выражалось прежде всего в том, что он мог самостоятельно подбирать себе поручителей (очевидно, из числа жителей той же сотни, в которой он обитал). Тем не менее, такого рода зависимость отдаляла его от статуса свободного представителя племени – кэрла, который можно представить себе на основе древнейших кентских законов и законов Инэ VII в., а также некоторых титулов законов Альфреда²¹⁹. Хотя термин *were* переводится обычно как «вергельд», это более технический перевод (не равнозначный

²¹⁶ I Atr. 1,7: *Gif he þonne uthleape 7 þæt ordal forbuge, gylde se borh þam teonde his ceapgyld 7 þam hlaforde his were, þe his wites wurdþe sy* («Если он затем убежит и уклонится от этой ордалии, пусть его поручитель выплатит обвинителю цену украденного и его [сбежавшего] цену жизни глафорду, которому подобает [получить] этот штраф»); Ibid. 1, 11: *Gif he ðonne betyhtled wurde 7 he utt oþhleape, gylde se hlaforð þæs mannes were þam cuninge* («Если он затем будет обвинён и бежит, пусть глафорд заплатит цену жизни этого человека королю»). Во втором случае нет прямой отсылки к уклонению от ордалии, однако в обоих титулах упоминается именно попытка скрыться от суда.

²¹⁷ Ibid. 1,8; 1,12.

²¹⁸ Ibid. 1,9a: *7 gif heo forð ne cume, fo se cuning to þam were, 7 beo se þeof utlah wið eall folc* («И если он [«свободный» человек] не оправдается [клятвой], пусть король возьмёт себе эту цену жизни, и пусть этот вор будет вне закона среди всех людей»); 1,13: *Gif him seo lad byrste, gylde þam cunge his were, 7 sy se man utlah* («Если он [hiredman] не сможет оправдаться [с помощью соприсяжников], пусть заплатит королю свой вергельд, и будет этот [зависимый от глафорда] человек вне закона»). Либерман приводит достаточно убедительные доказательства того, что под *were* в I Atr. 1,13 имеется в виду именно цена жизни (т.е. вергельд) глафорда как ответственного за своего зависимого человека из состава челяди. *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 147–148.*

²¹⁹ Глебов А.Г. Указ. соч. С. 141–142, 145.

древнегерманскому слову *wergeld*, означавшему плату за жизнь обладавшего «позитивной свободой», независимого от другого человека представителя племени), поскольку нам доподлинно неизвестен его размер. Глафорд отвечал за этого человека (равно как и за раба) в случае, если он знал о готовящейся краже или способствовал ей. Для сравнения: такой же правовой казус упоминается в древнейшей редакции *Pactus legis Salicae* в отношении господина и его раба.

В свою очередь, челядин (*hiredmen*) не мог самостоятельно подбирать себе поручителей; за него перед судом всецело отвечал господин. Вместе с тем, и после его бегства хозяин должен был даже после уплаты виры поклясться в своей непричастности (как и в случае с *freoman*). Наконец, и *freoman*, и *hiredman* объявлялись вне закона в случае бегства, а при обнаружении на ордалии повторной кражи за *freoman* его казнили (скорее всего, то же наказание следовало и в отношении объявленного «вне закона» *hiredman*)²²⁰. Надо заметить, что в отношении наказания за повторную кражу они встали наиболее близко к собственно рабской прослойке: титулы 2–2,1 того же источника повествуют о рабе (*ƿeowman*), которого после первого подтверждённого обвинения клеймили, а после второго казнили²²¹.

Отсюда можно сделать предположение о том, что под *freoman* законы Этельреда подразумевали обедневшего члена англо-саксонского общества, который попал в материальную и личную зависимость от более богатого и влиятельного человека, а под *hiredmen* – произошедшего из категории рабов зависимого земельного держателя своего господина, не имевшего судебных

²²⁰ I Atr. 1,5–1,6. Gif he ƿonne ful wurde, æt ƿam forman cyrre bete ƿam teonde twygyld 7 ƿam hlaforde his were 7 sette getreowe borgas, ƿæt he ælces yfeles geswice eft. 7 æt ƿam oƿran cyrre ne sy ƿær nan oðer bot butan ƿæt heafod («Если же он после [прохождения ордалии] будет уличён в преступлении, пусть в первый раз заплатит своему обвинителю двойную стоимость [украденного], а глафорду – свой вергельд, и представит надёжных свидетелей того, что он будет избегать такого преступления впредь. И во второй раз пусть не будет достоин никакого другого штрафа, кроме своей головы»).

²²¹ Ibid. 2–2,1: 7 gif ƿeowman ful wurde æt ƿam ordale, mearcie man hine æt ðam forman cyrre. 7 æt ðam oðrum cyrre ne sy ƿær nan oðer bot buton ƿæt heafod («И если будет на ордалии уличён в преступлении раб, пусть в первый раз его заклеят. А во второй раз пусть не будет достоин никакого другого штрафа, кроме своей головы »).

прав бывшего свободного кэрла. В этом смысле челядин напоминал континентальных вольноотпущенников (либертов, литов салических и рипуарских франков VI–VII вв.), которые не могли полностью освободиться от власти своего бывшего господина и нередко были вынуждены продолжать работу на него.

Ещё более выпукло понижение правового статуса лично зависимого человека и его сближение с рабской прослойкой можно наблюдать в законах Этельреда, которые обозначены Либрманом как III Atr.; разница между установлениями этих законов и I Atr. заключалась лишь в том, что при первом же подтверждении вины в краже даже посредством однократной ордалии лично зависимый человек не мог откупиться штрафом: ему сразу же ломали шею (возможно, через повешение)²²². Таким образом, и «свободный» человек, и представитель *família* глафорда приближались по своему социальному статусу к наиболее приниженной в правовом отношении прослойке англо-саксонского общества, что также маркировало процесс слияния рабов и прочих зависимых людей в единый слой поземельно и лично зависимого, юридически бесправного крестьянства²²³.

Не менее значимыми правовыми источниками, позволившими говорить о постепенном формировании массы зависимого крестьянства в равной

²²² III Atr. 3,4–4,1 (по рукописи H): 7 ælc tihtbysig man gange to þryfeldan ordale oððe gilde feowergilde. Gif se hlaford þonne hine ladian wylle mid twam godum þegenum, þæt he næfre þeofgild ne gulde, siððan þæt gemot wæs on Bromdune, ne he betihlod nære, gange to anfealdum ordale oððe gilde III gilde. Gif he þonne ful beo, slea man hine, þæt him forberste se sweora; 7 gif he þæt ordal forbuge, gilde angylde þam agenan frian 7 landrican XX oran 7 ga eft to þam ordale («И каждый обвинённый [в краже] человек пусть идёт к трёхкратной ордалии либо возмещает [стоимость украденного] в четверном размере. Если [его] глафорд затем захочет доказать при помощи двух вызывающих доверие тэнов, что он никогда не платил штраф за воровство, с тех пор как состоялся гемот в Бромдуне, пусть он [его зависимый] не будет невиновным, но пойдёт к однократной ордалии или заплатит в трёхкратном размере. Если он будет признан виновным, пусть его убьют, сломав шею; и если уклонится от ордалии, пусть он заплатит возмещение владельцу имущества и покровителю [этой] земли 20 эре, а после этого пойдёт к ордалии»).

²²³ В установлениях, которые Этельред провозгласил ок. 991–1002 гг., находясь в Лондоне, Божий суд как форма правосудия употребляется по отношению ко всем категориям лиц: герефам разного ранга, сборщикам податей, купцам и даже иностранцам (IV Atr. 5,2: Et si aliquis eorum accusetur, sit Anglicus sit transmarinus, ladiet se pleno ordalio). Любой человек, покусившийся на жизнь короля, помимо казни, мог также прибегнуть к трёхкратной ордалии либо выплатить «вергельд короля» (V Atr. 30).

степени из рабов и обезземелившихся бывших свободных, были законы Этельреда Нерешительного, принятые им в местечке Бат в промежутке времени, «когда в землю [Англии] пришло огромное войско [данов]»²²⁴. Они в основном содержали церковное право, предписывавшее соблюдать каноны христианской веры, определённые праздники, платить в пользу духовенства различные взносы. Тем интереснее упоминание в ряду прихожан церкви, которые были обязаны в её пользу платежами, лично и поземельно зависимого населения и рабов.

В первую очередь, обращает на себя внимание категория *hygemanni* (вариант написания *hiredman* во мн.ч.). Они упоминались вслед за своими глафордами в числе тех людей, которые должны были давать поголовную подать со своей земли (в том случае, если она у них была)²²⁵. Кроме того, Этельред предписывал им давать подаяние бедным²²⁶ и освобождал всё зависимое население поместий (наряду со свободными и полноправными людьми) от всяких работ на господина в три дня перед днём св. Михаила (29 сентября) – с понедельника по среду.

Для нас интересен в данном случае не только тот факт, что Этельред Нерешительный всячески стремился к проведению в жизнь провозглашённой ещё Альфредом Великим политики милосердия по отношению к бедным и наиболее угнетённым членам англо-саксонского общества (хотя некоторые

²²⁴ Феликс Либерман, сверяясь с данными «Англо-саксонской хроники», пишет о вероятной дате принятия этих законов – 992–1011 г. (не ранее первого крупного нападения данов – 991 г., и не позднее изгнания Этельреда – 1012 г.); более точной датировки он избегает. Также он отмечает уникальность VII Atr. и VIIa Atr., которые сохранились на двух языках – латыни (в составе *Quadripartitus*) и древнеанглийском, но ранее являвшихся единым целым. См. подробнее: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 178–179.*

²²⁵ VII Atr. 1,2 (по рукописи T): *Hoc est ut detur de omni carruca denarius vel denarii valens. Et omnis qui familiam habet efficiat, ut omnis hyremannus suus det unum denarium. Qui si non habeat, det dominus eius pro eo...* («Т.е. чтобы были даны с каждой карруки [т.е. с каждого плуга] денарий или [несколько] денариев [пенсов]?). И пусть каждый, у кого есть челядь, пусть позаботится о том, чтобы каждый его челядин давал один денарий. Тот, у кого нет [средств], пусть господин отдаст [поголовную подать] за него...»).

²²⁶ VIIa Atr. 5: 7 *hiredmanna gehwilt sille pænig to ælmeßan, oððe his hlaford sille for hine, buton he silf hæbbe...* («И каждый челядин пусть платит один пенс в качестве подаяния, или его глафорд пусть заплатит за него, если он сам не имеет [средств]...»).

установления сохраняли их крайне приниженное положение даже по сравнению с hiredman)²²⁷. Очень важно именно то, что рабы и зависимые слуги в конце X – начале XI вв. начинали упоминаться наряду с прочими представителями англо-саксонского общества в тех ситуациях и правовых казусах, которые для VII – начала X вв. казались нехарактерными.

Здесь стоит обратиться к тексту источника и сопоставить несколько титулов, касавшихся как порядка церковной службы и выплат накануне дня св. Михаила, так и санкций за их нарушение. Итак, VIIa Atr. начинался с предписания всеобщего церковного покаяния перед 29 сентября²²⁸. Далее описывалась его процедура – крестный ход и получение реликвий²²⁹. После этого в тексте было указано предписание уплачивать ежегодный взнос (rænig) и санкции за нарушение этого порядка²³⁰. Как видно из текста источника, и рабы (þræl), и крестьяне (bunda)²³¹, и тэны карались за одно и то

²²⁷ VII Atr. 2,4: Si quis ieiunium suum infringat, servus corio suo componat, liber pauper reddat XXX denarios et tainus regis CXX sol.; et dividatur hec pecunia pauperibus («Если кто-то нарушит свой пост, пусть раб расплатится своей шкурой, свободный бедняк пусть возместит 30 сол., и тэн короля – 120 сол.; и пусть будет разделён тот штраф между бедными»).

²²⁸ VIIa Atr. 1: Nu wille we, þæt eal folc to gemænelicre dædbote þrig dagas be hlafe 7 wirtum 7 wætere, þæt is Monandæg 7 on Tiwesdæg 7 on Wodnesdæg ær Michaelæs mæssan («Теперь мы желаем, чтобы весь народ [обращался] ко всеобщему покаянию три дня, т.е. в понедельник, и вторник, и среду перед днём св. Михаила, [питаюсь только] хлебом, и растительной пищей, и водой»).

²²⁹ Ibid. 2–2,1: 7 cume manna gehwile bærefot to cirican buton golde 7 glæncgum, 7 ga man to scrifte («И пусть каждый человек следует босиком до церкви без золота и украшений, и идёт к покаянию»).

²³⁰ Ibid. 2,2–3: 7 gan ealle ut mid halidome 7 clipian inweardre heortan georne to Christe. 7 sceote man æghwilce hide rænig oððe ræniges weorð. 7 bringe man þæt to cirican 7 siððan on þreo dæle be scriftes 7 be tunesgerefan gewitnesse. 7 gif hwa þis ne gelæste, ðonne gebete he þæt, swa swa hit gelagod is: bunda mid XXX p., þræl mid his hide, þegn mid XXX scill. («И пусть все выходят с реликвиями и усердно обращаются к Христу с чистым сердцем. И пусть с каждой гайды платится по пенсу или [имущество] ценой в пенс. И пусть его приносят в церковь и затем делят на три части при свидетельстве исповедника и герефы этого поселения. И если кто-то не сделает этого, тогда пусть он откупится таким образом, как это предписано по закону: крестьянин – 30 пенсами, раб – своей шкурой, тэн – 30 шилл.»).

²³¹ В отличие от слова þræl, термин bunda имеет древнеанглийское происхождение и упоминается ещё в источниках VIII в. (от глагола bindan – «связывать, держать в границах», отсюда bondeland – «арендованная земля»). См.: An Anglo-Saxon Dictionary. P. 133. Пелтрэ обоснованно предлагает видеть в bunda обедневшего свободного, похожего на попавшего в зависимость freoman: Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 93. Это даёт нам основания предполагать, что здесь нет разделения между скандинавами и англо-саксами по

же нарушение, а именно – нарушение поста или неуплату церковной подати; тем самым законом за рабским статусом утверждалась новая повинность, которая в то же время может быть рассмотрена как новое право раба (право участия в жизни местной церковной общины)²³².

В этом отношении низшая категория англо-саксонского общества, категория рабов, приближалась к другим зависимым категориям английского поместья конца X – начала XI вв.: в первую очередь – к *hiredmann* (т.е. домашней прислуге глафорда, бывшим рабам) и *bunda* (которого также можно рассматривать как представителя поземельно зависимого крестьянства, что следует из этимологии этого понятия).

Кроме того, рабы в законодательстве Этельреда получали и другие послабления, немислимые для VII–IX вв. В первую очередь, это объяснялось активизацией проведения политики милосердия со стороны королевской власти, усиленной влиянием христианской церкви на участь бедных и угнетённых англо-саксов, в первую очередь – с целью получения от короля и его подданных новых земельных массивов и богатств, а также большого числа рабочих рук (в лице отдавшихся под покровительство монастырей или завещанных своими господами лично зависимых англо-саксов)²³³. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что рубеж X–XI вв. стал временем наиболее активной проповеднической и миссионерской деятельности епископа Лондона, затем – архиепископа Йоркского Вульфстана (ум. 1023), сочинения которого также использовались Этельредом Нерешительным и Кнутом Великим в их законотворческой деятельности²³⁴.

этническому признаку; термин *fræl* должен был включать в себя рабское население тех и других.

²³² Не исключено, что в эти же дни происходило освобождение некоторой части рабов в отдельных поместьях: указание на одну из таких грамот из рукописи *BL. Ms. Add. 9381** (п. 3.13) об освобождении рабов дано в разделе, посвящённом освобождению рабов от личной зависимости.

²³³ Например: VIIa Atr. Prol; VIIa Atr. 8; VII Atr. 7,1.

²³⁴ О биографии и литературном наследии Вульфстана II можно подробно прочитать в статье: *Whitelock D. Archbishop Wulfstan, homilist and stateman // Transactions of the Royal Historical Society. 4th series. 1942. Vol. 24. P. 25–45.* Подробный разбор тех англо-саксонских законов, которые представляли собой рецепцию идей Вульфстана о

В отношении приобретения рабами новых прав наиболее показательны законы, принятые в Бате (VII Atr. и VIIa Atr.). Раб (обозначенный уже не как *þræl*, а традиционным термином *þeowman*) должен был не только выплачивать церковную подать, но и имел право не работать три дня перед 29 сентября, как и все прочие члены англо-саксонского общества (как свободные, так и зависимые), либо же работать на себя (а не на своего глафорда) в эти дни, не будучи наказан за это²³⁵. Кроме того, в позднем законодательстве Этельреда²³⁶ имеется такой пример церковной опеки по отношению к беднейшим представителям общины. Десятина, собираемая в пользу церкви, делилась на три части, и одна из этих частей предназначалась для категории, обозначенной как *earnas þeowetlingas* («бедные рабы»)²³⁷. В последнем случае вновь должно было проявляться христианское милосердие, к которому так призывал Этельред. Либерман доказывал, что данный фрагмент также опирается на пассаж одной из гомилий Вульфстана. В ней с осуждением говорится о том, что «рабы (*þrælas*) не могут иметь ни то, что

милосердия по отношению к рабам и низшим категориям населения и повышали их социальный статус в сравнении с рабами и дворовыми слугами в Кенте и Уэссексе VII в. и объединённой Англии начала IX в., см.: *Pelteret D.A.E.* Op. cit. P. 89–101. Некоторые замечания о роли епископа Вульфстана в процессе кодификации светского и церковного права Англии начала XI в. также есть в статье: *Richards M.P.* Elements of a Written Standart in the Old English Law // Standartizing English: Essays in the History of Language Changing in honour of John Hurt Fisher / Ed. by J.B. Trahern Jr. Knoxville, 1989. P. 4–6.

²³⁵ VII Atr. 2,3: Et sit omnis servus liber ab opere illis tribus diebus, quo melius ieiunare possit, et operetur sibimet quod vult («И пусть каждый раб будет свободен от работ в эти три дня, чтобы он мог лучше поститься, и пусть работает на себя, кто пожелает»). Феликс Либерман замечает, что этот титул сродни альфредовскому установлению (Af. 43 – Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 180); однако это не совсем так, поскольку Альфред принуждал зависимых людей к отработкам в те дни, когда люди свободные отдыхали; Этельред же, напротив, освобождал рабов от повинностей в пользу глафорда в те же дни, когда прочие категории англо-саксонского общества отдыхали от трудов.

²³⁶ Имеется в виду правовой памятник, обозначенный как VIII Atr., который датирован Либерманом временем после 1008 или 1014 г. На последнюю дату указывали предполагаемые заимствования из молитвы Вульфстана, датированной как раз 1014 г. См. подробнее: Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 181–182.

²³⁷ VIII Atr. 6: And be teoðunge se cyng 7 his witan habbað gecoren 7 gecweden, ealswa hit riht is, þæt ðriddan dæl þare teoðunge, þe to cirican gebyrge, ga to ciricbote 7 oðer dæl þam Godes þeowum, þridde Godes þearfum 7 earman þeowetlingan («И о десятине король и его уитены решили и провозгласили, каким образом это будет справедливо: чтобы третья часть от этой десятины, которая полагается церкви, шла на ремонт церквей, а другая часть – слугителям Божиим, третья – беднякам Божиим и бедным рабам»).

они собрали с посевов в свободное [от работы на господина] время, ни того, что они во славу Божию отдают им, благим людям, в качестве милостыни»²³⁸.

Некоторые правовые нормы, которые ранее можно было бы отнести только к рабскому состоянию, уже к середине X в. находили отражение в юридических источниках и подтверждали тенденцию постепенного слияния бывших бесправных рабов и бывших свободных, а ныне – лично зависимых от глафорда земледельцев, в один большой слой зависимого крестьянства (вилланов). Например, первые законы короля Эдгара в титулах 7–7,1 требовали соблюдать сроки судебного разбирательства, назначенного на сотенном собрании, от всех жителей сотни, исключая случаи, когда явке на суд противился их глафорд²³⁹.

Эти титулы подтверждали тенденцию перехода судебных полномочий отдельных членов местной сельской общины, проживавшей в данной сотне, к глафорду, который обладал судебными и административными правами в пределах данной территории (часто он обозначался как *landhlaforð*). При этом сам житель сотни не нес ответственности за неявку на суд по причине запрета господина. В этом отношении он постепенно уподоблялся серву или виллану в классическом понимании этого слова, т.е. человеку, ответственность за поступки которого принимает на себя господин и судить которого может только он в собственном суде, пользовавшемся иммунитетом от вмешательства королевских агентов.

²³⁸ Умозаключения Либермана и цитаты из гомилий см.: *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 696.

²³⁹ Hu. (I Eg.?). 7–7,1: *On hundrede swa on oðer gemote we wyllað, þæt mon folcriht getæce æt ælcere spæce, 7 andagie, hwænne man þæt gelæste. 7 se ðe ðone andagan brece – buton hit sy ðurh hlaforðes geban, gebete mid XXX scill., 7 to gesetton dæge gelæste þæt he ær sceolde* («На [собрании] сотни, как и на другом гемоте, мы желаем, чтобы по всякому делу [истцу] указывали право, и ограничивали срок, когда [нужно] исполнять это [т.е. судебное решение]. И тот, кто нарушит этот срок – кроме [случаев, когда] это будет по требованию глафорда, пусть выплачивает 30 шиллингов и исполнит к установленному сроку то, что он раньше должен был [исполнить]»). Перевод, который связывает слово *folcriht* («the understood compact by which every freeman enjoys his rights as a freeman») с правами и обязанностями свободного англо-сакса (и шире – со средневековым *common law*, т.е. «общим правом»), предложен в словаре Босуорта и Толлера: *An Anglo-Saxon Dictionary*. P. 298.

Необходимо отдельно коснуться таких категорий зависимости англосаксонского общества, как генит (*geneat*) и гебур (*gebur*) в связи с тем, что спорадически они встречались на протяжении всей истории англосаксонской Англии, а затем перешли в Книгу Страшного суда (*Domesday Book*)²⁴⁰, которая была составлена в 1086 г. по приказу короля Вильгельма. На протяжении столь длительного времени любая социальная категория претерпевает очень сильные изменения, которые порой меняют положение её представителей в обществе до неузнаваемости²⁴¹.

Прежде всего, такая трансформация произошла с теми людьми, которые ещё королём Инэ были обозначены как «гениты». Многие исследователи XIX–XX вв. полагали, что её можно отнести к разряду служилой знати (нем. *Gefolgsadel*)²⁴². У нас же есть основания предполагать, что некоторые из упомянутых в источниках персон, которых было принято относить к наивысшим социальным слоям англосаксонского общества, могли в реальности быть зависимыми людьми или слугами.

Как мы уже отмечали на примере законов Этельберта, штраф за лишение жизни представителей высших категорий зависимого населения (королевских слуг и рабов) обозначался так же, как и вергельд свободного человека (*leod* или *leodgeld*). Поэтому законы Инэ конца VII в., созданные в

²⁴⁰ О преемственности в употреблении категории *gebur* в законах Инэ и RSP см.: *Stenton F.M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1943. P. 309–310.*

²⁴¹ Об этом в 2005 г. на Круглом столе «Феодализм перед судом историков» говорил А.Я. Гуревич: *Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 25–27.* Однако некоторые его замечания кажутся гиперкритическими и не подтверждаются в явном виде источниками (например, о том, что в двух разных поместьях одинаковые названия единицы измерения площади могли означать разные размеры пахотной земли; о том, что переписчики двух поместий могли записывать людей одного статуса, например, безземельных, под разными социально-правовыми категориями); поэтому они не могут быть приняты в качестве бесспорных.

²⁴² *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 428.* Б. Лайон предлагал относить этого человека к категории, промежуточной между рядовыми свободными и привилегированной дружинной знатью («несколько более высокого [статуса], нежели кэрл»), в обязанности которой, в первую очередь, входило обеспечение курьерской повинности: *Lyon B. D. A. Op. cit. P. 90.* О том, что генит выполнял «преимущественно службы неземледельческого характера», также см. в работе: *Whitelock D. The Beginnings of English Society (The Anglo-Saxon Period). Harmondsworth, 1952. P. 99–100.*

сходных исторических условиях, и постановления королей IX–X вв. вполне могли применять похожий термин в отношении слуг короля и высших чинов англо-саксонского общества (гезитов, элдорменов и т.д.).

Слово *geneat* (древневерхненем. *genôz*, совр. нем. *Genoss*) встречалось в законах Инэ дважды: в титулах 19 и 22. В первом случае говорилось о зависимом от короля человеке с вергельдом в 1200 шилл.²⁴³, во втором – о гените, подчинённого лицу неизвестного социального статуса (скорее всего – знатного, поскольку король Инэ обращался к нему на «ты»). В последнем случае глафорд был обязан возместить штраф за своего человека в случае совершения им кражи или принудить его к штрафу²⁴⁴.

Безусловно, в первом случае речь шла о человеке, социальный престиж которого подтверждался высоким для англо-саксонского общества вергельдом. Однако можно ли приравнять королевского генита и генита знатного человека? С точки зрения автора работы, мы имеем дело с двумя разными градациями общественного статуса, объединёнными одним техническим термином (примерно как это происходило с понятием *freoman*). В действительности, генит во втором случае представлял собой зависимого слугу или даже раба гезита, элдормена или другого человека высокого социального статуса: ответственность за его правонарушения (в случае отказа от уплаты генитом штрафа либо его неспособности это сделать) должен был брать на себя господин. Правоспособность и свобода такого человека были определённым образом ограничена.

Ещё больше сомнений возникает при обращении к варианту перевода законов Инэ, предложенному в различных рукописях *Quadripartitus*. Здесь

²⁴³ Ine 19: *Cyninges geneat, gif his wer bið twelfhund scillinga, he mot swerian for syxtig hida, gif he bið huslgengea* («Генит короля, если его вергельд составляет 1200 шилл., должен клясться 60 гайдами, если он будет приведён к причастию»).

²⁴⁴ Ibid. 22: *Gif ðin geneat stalie 7 losie ðe, gif ðu hæbbe byrgean, mana þone þæs angylde; gif he næbbe, gyld ðu þæt angylde, 7 ne sie him no ðu ðingodre* («Если твой генит украдёт и затем сбежит, если ты имеешь поручение за него, призови его [к уплате] штрафа за кражу, если он не имеет [такого поручения], ты должен заплатить этот штраф, и ему не будет ответственности за ту [кражу]»).

королевский и «частный» гениты²⁴⁵ приравнивались к «колону» или «виллану». Вот текст титулов, встречающийся в манускрипте М на латинском языке:

Ine. 19	Ine.22
f. 46v, ln. 13–15: Regis gernereat, id est colonus fiscalinus, si vera sua sint XII hund scill., id est duodecies C sol., potest iurare pro LX hidis, id est pro hominibus VI ²⁴⁶ , si sit huslgenza, id est XII hyndus vel husbonda ²⁴⁷	f. 46v, ln. 19–22: Si tuus gergeneat, id est colonus vel villanus, furatus fuerit 7 amittas eum ²⁴⁸ , si habeas plegium, admone eum de angildo. Si non habeas, redde tu angildum 7 ²⁴⁹ non sit ei in aliquo remissium
Королевский генит, т.е. податной колон, если его вира будет составлять 1200 шилл., т.е. 12 раз по 100 сол., может клясться 60 гайдами, т.е. [как бы] с 6 людьми, если он будет приведён к причастию, [пусть будет человеком, оцененным в] 1200 шилл. или хозяйкой дома.	Если твой генит, т.е. колон или виллан, станет вором, и ты от него откажешься, если ты имеешь [за него] поручительство, принуди его к [уплате] штрафа за кражу. Если же ты не имеешь [поручительства за него], выступи ты сам штраф за кражу, и не будет ему в том принуждения.

Нам хорошо известен тот факт, что термином «villain» в XI–XII вв. в завоёванной нормандцами Англии стали называть сословие крестьян, лично и поземельно зависимых от своего господина²⁵⁰ (очевидно, что в этом случае термин «колон» являлся своего рода латинским архаизмом, который также обозначал специализацию лично зависимых людей на сельскохозяйственных работах). Но каким образом можно было применять этот термин к одной из высших прослоек англо-саксонского общества VII–X вв., которая обозначались немецкими историками права как «дружинная знать»

²⁴⁵ В одном случае (в рукописях T, M) он обозначен как *gernereat* (такое чтение получается при расшифровке двух сокращений *-er-* после букв *g* и *n*), в другом (в рукописи R) – как *geneath*, в третьем (в R) – как *geneat*. В любом случае, к началу XII в. смысл понятия «генит» времён Инэ (т.е. конца VII в.) был совершенно утерян.

²⁴⁶ Manchester. John Rylands University Library. Lat. 155*. F. 5v, ln. 14 (рукопись Rs): *id est se sexto*.

²⁴⁷ London. British Library. Ms. Cotton Titus A. XXVII*. F. 117v, ln. 2–4 (рукопись T): *husbunde*. Слова: «*id est XII hyndus vel husbonda*», полностью отсутствуют в Rs.

²⁴⁸ Manchester. John Rylands University Library. Lat. 155*. F. 5v, ln. 21–22: *ammitatus tibi*.

²⁴⁹ Рукопись R в качестве знака конъюнкции даёт &.

²⁵⁰ О вилланах и их социальном статусе подробнее см.: *Maitland F.W.* Op. cit. P. 36–66.

(Gefolgsadel)²⁵¹? Очевидно, что переписчик *Quadripartitus* понимал ценность жизни королевского генита в *Ine. 19*: не случайно он перевёл штраф за его жизнь (виру) в латинские солиды из английских шиллингов и оговорил то, что такой генит мог клясться единолично как «сам-пятый» (а в одной рукописи – «сам-шестой»).

Видимо, сами по себе эти два титула в XI–XII вв. кардинально устарели (на это указывало отсутствие перевода слов *huslgenga* и *angylde*, которые редактор просто не понял), и «королевских» генитов в качестве высшей прослойки королевских слуг уже не существовало, а гениты высших сановников слились с основной массой зависимого населения нормандской Англии. При этом в *Quadripartitus*, видимо, произошло «выравнивание» социального статуса тех и других по второй типу зависимости (т.е. в сторону понижения этого статуса).

Это подтверждается теми титулами, которые были составлены воедино в законодательных памятниках во время правления королей Этельстана (924–939) и Эдмунда (939–946). К сожалению, для них сохранился только латинский вариант *Quadripartitus*; поэтому не всегда до конца удаётся понять, какие термины являлись следствием новых общественных отношений XI в., а какие – результатом перевода и интерпретации категорий англо-саксонских памятников первой половины X в. Тем не менее, в текстах неоднократно встречались латинские слова *praepositus* в значении «герофа»; нужно полагать, что и при переводе древнего термина «генит» редактор *Quadripartitus* старался соблюдать единообразие, обозначая его как *villanus*.

Так, в «письме» или «декрете», который был обращён к Этельстану «епископами и прочими мудрыми Кента о необходимости соблюдения мира»²⁵², *villanus* был поставлен в один ряд с тэнами (*thaini*) и гезитами (*comites*), что маркировало его относительно высокий социальный статус в

²⁵¹ Именно к этой категории (*Adel*) относил социальную категорию *villanus* Либерман: *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. II. S. 268–269.

²⁵² III As. Inscr.: *Decretum episcoporum et aliorum sapientum de Kantia de pace observanda*.

начале – середине X в.²⁵³ (по крайней мере, этот статус был не ниже статуса кэрла в кентском и уэссекском законодательстве VII в.). Более того, в самом тексте III As. и следующем за ним «Декрете мудрых Англии» (IV As.) этот термин также употреблён наряду с термином «комит» (т.е. гезит)²⁵⁴. В IV As. 3–3,1 упомянуто о том, что виллан имел не только семью, но и достаточное количество имущества, и даже владел какими-то людьми, подобными челяди. В таком же ключе построен титул 6 «Декрета мудрых Англии»²⁵⁵: здесь вилланы и гезиты напрямую противопоставлены рабам.

²⁵³ Ibid. Prol.: Karissime! Episcopi tui de Kantia et omnes Centescyre thaini, comites et villani tibi, domino karissimo (dilectissimo) suo, gratias agunt...

²⁵⁴ Ibid. 6: Sextum: Si aliquis homo sit adeo dives vel tante parentele, ut castigari non possit vel idem cessare nolit, ut facias (efficias), qualiter abstrahatur in aliam aliquam partem regni tui, sicut dictum est in occiduis partibus, sit alterutrum quod sit sic comitum sic villanorum («В-шестых, если какой-то человек будет до такой степени богатым либо в такой степени родства, что не сможет искоренить либо не захочет прервать того [грабежа?], ты сотвори над ним [суд] подобно тому, как [такой человек] исключается в любой прочей части твоего королевства [т.е. скира], каким образом провозглашено в западных областях [Уэссексе?], будь он как из элдорманов, так и из вилланов»). IV As. 3–3,1: Et si quis adeo dives sit vel tante cognationis, ut a furto vel defensione latronum vel firmatione revocari non possit, educatur de patria ista cum uxore et pueris et omnibus rebus suis ad eam partem regis huius, quam rex velit (voluerit), sit quicumque sit sic comitorum sic villanorum, eo tenore quo nunquam in patriam redeat (revertatur). Et (deinceps) si unquam in patria ista obuiet alicui, sit tamquam inter manus habens fur inventus. Et qui eum firmabit vel suorum aliquem mittet ad eum, pecunie sue reus sit in omnibus que habebit («И если какой-то человек будет до такой степени богатым либо в таком родстве, что не сможет удержаться от кражи либо при помощи оправдания грабителей, либо за счёт [собственной] стойкости, пусть он будет изгнан из своего отечества [т.е. графства] вместе с женой, и детьми, и всем своим имуществом в ту часть [графство] королевства, куда пожелает король, будь он [провинившийся] как элдормэном, так и вилланом, в том [смысле], что он никогда не вернётся на родину [т.е. в своё графство]. И если когда-либо в этом графстве будет противодействовать кому-то, пусть он будет словно обнаруженный вор, пойманный за руку. И если кто-то его скроет или же пошлёт кого-то из «своих» [т.е. приближённых или челяди элдормана и виллана?] к нему, пусть будет виновен всем своим имуществом, которое он имеет»). Оба памятника – по рукописи М.

²⁵⁵ Ibid. 6: Et sit fur qui furatus est postquam concilium fuit apud Dundredesfeldium vel furabitur, nullo modo vita dignus habeatur sit, non per socnam non per pecuniam, si per verum reveletur in eo, sit liber sit servus, sic comitum, si villanorum, sit domina sit pedissequa, sit quicumque sit, sic handhabbenda sic non handhabbenda, si pro certo sciatur – id est si verbum non dixerit, ut aplaca sit vel in ordalio reus appareat, vel per aliud aliquid culpabilis innotescat («И если вором будет тот, кто украдёт после гемота, который был на «Громовом поле», или украдёт себя [т.е. убежит от глафорда], пусть никоим образом он не будет достоин жизни ни по праву сока [т.е. в случае, если найдёт убежище], ни посредством [уплаты] имущества, если он поистине уличён в этом, будь он хоть свободный, хоть раб, как из элдорманов, так и из вилланов, будь она госпожой или служанкой, следующей за ней – кем бы они ни были, как пойманные с поличным, так и не пойманные, если наверняка

То же самое можно сказать о виллане, от которого требовали поручителей в случае обвинений в тяжком преступлении в правление короля Эдмунда²⁵⁶; а в переводе *Quadripartitus* законов короля Эдгара, принятых в Виболдестуне в 962–963 гг. (представлены в рукописи *Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 265**, обозначенной также как *C*), термин *geneatmann* переведён как *sclo (seculo?) militans*, т.е. «воин в миру, в мирное время», и также не может быть приравнен к дефиниции раба или поземельно зависимого человека²⁵⁷.

Тем не менее, Феликс Либерман доказывал то, что топоним в титуле 6 «Декрета мудрых Англии» являлся переводом англо-саксонских устойчивых выражений *swa freo swa þeow, swa eorl swa ceorl, swa hlæfige swa folgere, swa hwæðer swa hit sie*²⁵⁸. Тем самым он давал понять, что продолжает рассматривать вилланов сквозь призму традиционных для немецкой науки XIX в. схем «*Freiheit–Unfreiheit*» и «*Adel–Gemeinfreie–Sklave*»²⁵⁹.

Это является тем более странным в свете того, что ряд титулов уже во времена короля Альфреда и его сына, Эдварда, недвусмысленно давал понять тот факт, что всё большее число простых свободных (которых и принято было обозначать как «*Gemeinfreien*») попадало в личную или поземельную зависимость от крупных землевладельцев, а возможно, даже от своих богатых соседей по сотне или скиру.

станет известно – т.е. если он не произнесёт речь, что он будет ответчиком по делу – или пусть будет признан виновным на ордалии, либо пусть будет обвинён каким-то другим способом»).

²⁵⁶ III Em. 7,2.

²⁵⁷ IV Eg. 1,1 (по рукописи *C*): *Gif geneatmanna hwylc (Quadr. – „seculo militans“)* *forgymeleasað his hlafordes gafol 7 hit him to ðæm rihtdagan ne gelæst, wen is, gyf se hlaford mildheort bið, þæt he ða gymeleaste to forgyfenesse læte 7 to his gafole buton witnunge fo* («Если кто-то из генитов пренебрежёт [выплатой] подати [в пользу] своего глафорда, и не внесёт её в его пользу в установленный срок, быть может, если глафорд будет милосерден, то он предаст забвению это упущение и примет свою подать [после срока] без наказания [генита]»). Либерман высказывал мнение о том, что это мог быть конный воин, относившийся к *Gefolgsadel* и сидевший на земле в деревне, зависимой от крупного поместья: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. III. S. 140.*

²⁵⁸ *Ibid.* S. 114. Ср. подтверждение его слов о дихотомии *swa eorle swa ceorle* в анализе А.Г. Глебова: *Англия в раннее Средневековье. С. 123.*

²⁵⁹ *Ibid.* S. 111.

Также нельзя говорить о принадлежности категории генитов второй половины X – начала XI вв. к дружинной знати (*Gefolgsadel*) на основании одного-единственного титула из законов Эдгара, поскольку сам Феликс Либерман отмечал тот факт, что памятник, известный как *IV Eg.*, не был использован в последующей судебной практике ни Этельредом, ни Кнутом Великим²⁶⁰.

Неоценимую помощь в трактовке этих двух категорий оказывает такой памятник, как *Rectitudines Singularum Personarum*. К сожалению, до нас, помимо латинских списков в составе *Quadripartitas*, дошёл только один список *RSP* на древнеанглийском языке – рукопись *B*²⁶¹. Второй титул *RSP* полностью посвящён обязанностям генитов в рамках зарождавшихся в X–XI вв. поместий, на землях которых они сидели. Здесь имеется список обязанностей, который указывал на генита (обозначенного как *geneat* или *villanus*) как на лично зависимого от глафорда человека, приближавшегося по своему статусу к поземельно зависимому крестьянину (собственно английскому виллану) в Англии XII–XIII вв.

Этот человек платил поземельный налог (*landgafol*), церковную подать, возмещал из своих собственных средств использованное для прокорма скота сено, исполнял различные виды отработок и повинностей (барщинную, извозную, повинности по участию в конной службе и охоте глафорда, ремонту домениальных построек, доставке срочных сообщений). Таким

²⁶⁰ *Ibid.* S. 139.

²⁶¹ *Rect.* 2: *Geneates riht. Geneatriht is mistlic be ðam ðe on lande stænt: on sumon he sceal landgafol syllan 7 gærsswyn on geare 7 ridan 7 auerian 7 lade lædan, wyrcan 7 hlaford feormian, ripan 7 mawan, deorhege heawan 7 sæte haldan, bytlian 7 burh hegegian, nigefaran to tune feccan, cyricsceat syllan 7 ælmesfeoh, heafodwearde healdan 7 horswearde ærendian fyr swa nyr, swa hwyder swa him mon to tæcð («Права генитов многообразны, в зависимости от того, как оно установлено в различных поместьях [дословно – «местностях»]: на одних он должен платить поземельный налог и в год – свинью [в качестве компенсации за] подножный корм, и ездить верхом, и выполнять конную службу, и исполнять повинность по извозу грузов, пахать и обеспечивать постой глафорда, собирать [урожай] и скашивать [сено], ставить ловушки – изгороди на лесную дичь и поддерживать силки, строить и огораживать имение [глафорда], принимать вновь прибывших, давать церковную подать и милостыню, охранять жизнь [глафорда] и его коней, ездить по поручениям так далеко, так и близко – в любое место, куда ему будет указано»).*

образом, он вовсе не был похож на бесправного раба или даже слугу высшей категории, неразрывно связанного с милостью господина и выполнявшего какие-либо специализированные работы. Во-первых, круг повинностей генига полностью охватывал весь годовой цикл сельскохозяйственных работ; во-вторых, у него не было конкретной специализации трудовой деятельности – его повинности варьировались в зависимости от воли господина. Таким образом, и гениг–виллан никоим образом не может быть сопоставлен с рабской прослойкой в целом (в частности, с высшей его категорией).

Также RSP и законы Инэ содержали ещё одну общую категорию, объяснение которой вызывает затруднения у исследователей – категорию гебуров (готск. *nēhwa-gabūr*; древневерхненем. *nāh-gibūr*, *-gebūr*, *-kerūr*; совр. нем. *Nachbar* – сосед, *Bauer* – крестьянин)²⁶². В законах Инэ зафиксирован титул 6,3, где наряду с податным человеком упомянут гебур. Драка в доме того и другого оценивалась в рукописи E в 120 шилл., а в *Archaionomia* (копии одной из рукописей, снятой Ламбертом в XVII в.) и *Quadrupartitus* – 30 шилл.²⁶³ Очевидно, последний вариант был более близок к первоисточнику, поскольку в 120 шилл. оценивался вооружённый конфликт в монастыре²⁶⁴. Штраф в пользу гебура составлял всего лишь 6 шилл. – это очень небольшая для законов Инэ сумма, которую можно приравнять к штрафу за укрывательство земли или выплате за нарушение свиньёй границ чужого участка, упомянутых в титулах 44,1 и 49. Таким образом, хотя он и получал дополнительную компенсацию за нарушение мира в своём доме, его положение не было высоким.

²⁶² Отдельные значения см.: *Schützeichel R.* Op. cit. S. 23; *Kluge F.* Op. cit. S. 278. Термин *genōz* встречался также в стихотворении на средневерхненемецком языке, обнаруженном Я. Гриммом в одном из вайстюмов: *Ein frī gebūr ist herren genōz, / alleine er sī des guotes bloz, / doch ist er von geburte vrī* («Свободный гебур – товарищ господина, только он лишён [материальных] благ; однако он свободный по рождению»). См.: *Grimm J.* *Deutsche Rechtsalterthümer.* Berlin, 1956. Bd. I. S. 392.

²⁶³ *Ine.* 6,3: *Gif ðonne on gafolgeldan huse oððe on gebures gefeohte, CXX scill. to wite geselle 7 þam gebure VI scill.* («Если же [кто-то] подерётся в доме податного человека, или гебура, пусть выплатит 120 шилл. в качестве штрафа [королю] и тому гебуру 6 шилл.»).

²⁶⁴ *Ibid.* 6,1: *Gif hwa on mynster gefeohte, CXX scill. gebete* («Если кто-то подерётся в монастыре, пусть выплатит 120 шилл.»).

В RSP присутствовало гораздо более развёрнутое описание прав и обязанностей гебура²⁶⁵. Кроме того, по обязанностям к нему отчасти

²⁶⁵ Rect. 4–4,5: Gebures gerihte. Geburgerihta syn mislice: gehwar hy syn hefige, gehwar eac medeme. On sumen lande is, þæt he sceal wyrcan to wicweorce II dagas swilc weorc, swilc him man tæcð, ofer geares fyrst ælcra wucan, 7 on hæfest III dagas to wicweorce 7 Candelmasse oð Eastran III; gif he aferað, ne ðearf he wyrcan ða hwile ðe his hors ute bið. He sceal syllan on Michaelæs mæssedæg X gafol p. 7 on Martinus mæssedæg XXIII systra beres 7 II henfugelas, on Eastran an geong sceap oððe II p. 7 he sceal licgan of Martinus mæssan oð Eastran æt hlafordes falde, swa oft swa him to begæð. 7 of ðam timan, ðe man ærest ereð, oð Martinus mæssan he sceal ælcra wucan erian I æcer 7 ræcan sylf þæt sæd on hlafordes berne; toeacan ðam III æceras to bene 7 II to gærsyrde; gyf he maran gærnes beðyrfe, ðonne earnige ðæs, swa him man ðafige; his gauolyrðe III æceras erige 7 sawe of his aganum berne. 7 sylle his heorðrænig. 7 twegen 7 twegen fedan ænne heaforhund. 7 ælc gebur sylle VI hlafas ðam inswa[ne], ðonne he his heorde to mæstene drife. On ðam sylfum lande, ðe ðeos ræden on stænt, gebure gebyreð, þæt him man to landsetene sylle II oxan 7 I cu 7 VI sceap 7 VII æceras gesawene on his gyrde landes. Forðige ofer þæt gear ealle gerihtu, ðe him to gebyrigean. 7 sylle him man tol to his weorce 7 andlaman to his huse. Ðonne him forðsi[ð] gebyrige, gyne his hlaford ðæs he læfe. Deos landlagu stænt on suman lande; gehwar hit is, swa ic ær cwæð, hefigre, gehwar eac leohtre; forðam ealle landsida ne syn gelice. On suman landa gebur sceal syllan huniggafol, on uman metegafol, on suman ealugafol («Обычаи гебуров многообразны: в одних местах они тяжелы, в других – умеренны. В некоторых поместьях установлено, что он должен выполнять на недельных отработках два дня ту работу, которую ему прикажут, каждую неделю в течение всего года, а в урожайное время (Quad. – в августе) три дня на недельных отработках, а в Сретение вплоть до Пасхи – три дня; если он занимается извозом, он не должен работать в то время, пока его конь будет за пределами [поместья]. Он должен платить на день св. Михаила [29 сентября] 10 пенсов в качестве подати, и на день св. Мартина [11 ноября] 23 секстария [1 секстариий = ¾ л.] ячменя, и двух кур, на Пасху – одного молодого ягнёнка или два пенса. И он должен находиться в хлеву глафорда от дня св. Мартина до Пасхи, когда ему придёт [черёд]. И от того времени, когда [осенью] первый раз пашут, до дня св. Мартина он должен каждую неделю вспахивать один акр, и сам готовить семена в амбарах глафорда; кроме того, три акра [вспахиваются] под «принудительную службу» [= прекарий], и два – для посева травы [на сено]; если он нуждается в большем количестве сена, тогда пусть заработает то, как ему позволят. Пусть пашет три акра взамен поземельной подати, и высевает [семена] из собственного амбара, и выплачивает свою подать с очага, и дважды по два гебура должны кормить одну гончую собаку, и каждый гебур пусть доставит шесть хлебов свинопасу [глафорда], когда тот выводит его стадо на пастбище. В своём поместье, где установлены эти обычаи, подобает, чтобы гебуру давали для возделывания земли двух быков, и одну корову, и шесть овец, и семь акров засеянной земли на его четверти акра [виргате]. Поэтому в течение этого года пусть выполняются все обязанности, которые ему предписываются, и пусть ему выдают для работы орудия и утварь для его дома. Когда ему случится умереть, пусть его глафорд позаботится о том (Quad. – возьмёт обратно), что он [гебур] оставит. Такой обычай установлен в некоторых поместьях, в некоторых он, как я раньше сказал, тяжелее, в некоторых же легче; поэтому все обычаи неодинаковы. В некоторых землях гебур должен выплачивать подать мёдом, в некоторых – продовольствием, в некоторых – подать пивом»). О значении выражения «принудительная служба» см.: Трактат об управлении вотчиной // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1. Раннее средневековье. С. 632. Прим. 6.

примыкал котсетл²⁶⁶. Обе эти категории также, как и генитов, несмотря на их зависимый статус, нельзя приравнивать к рабам. Всё дело в том, что эти люди, помимо выполнения достаточно обременительных повинностей, сохранили определённые остатки прав и обязанностей того исторического периода, когда поместья и домениальные земли были слабо распространены в Англии, а основу социальной структуры англо-саксонских королевств (в первую очередь – Кента и Уэссекса) составляли свободные земледельцы и участники ополчения – кэрлы²⁶⁷.

Самым главным показателем принадлежности перечисленных категорий к лично зависимым людям, а не бесправным рабам, являлась их обязанность по уплате поземельной (генит), церковной подати (генит и котсетл) и подати с очага (гебур)²⁶⁸. Кроме того, каждый из этих зависимых людей был обязан другими повинностями в пользу короля и его советников (например, по починке изгородей для охоты, охране береговой линии – как

²⁶⁶ Ibid. 3–3,4: *Kotsetlan riht be ðam ðe on lande stent: on sumon he sceal ælce Mondæge ofer geares furst his [h]laforde wyrcan oðð[e] III dagas ælcra wucan on hærfest.* [Далее текст из рукописи T]: *Apud quosdam operatur per totum Augustum omni die et unam acram auene metit pro diurnali opere et de alia annona dimidiam acram; et habeat garbam suam, quam prepositus vel minister domini dabit ei. Ne ðearf he landgafol syllan. Him gebyriað V æceres to habbanne; mare, gyf hit on lande ðea[w] sy; 7 to lytel hit bið, beo hit a læsse; forðan his weorc sceal beon oftræde. Sylle his heorðrænig on haldan Ðunresdæg, ealswa ælcan frigean men gebyreð, 7 werige his hlafordes inland, gif him man beode, æt sæwearde 7 æt swilcan ðingan, swilc his mæð sy, 7 sylle his cyricsceat to Martinus mæssan* («Обычаи котсетлов, согласно которым они сидят на земле [поместья]: в некоторых он должен каждый понедельник в течение всего года в первую очередь работать на господина на своего глафорда и три дня каждую неделю во время жатвы. В некоторых он работает весь август каждый день; пусть жнёт один акр овса в течение дня и прочих зерновых – полакра; и пусть у него будет свой сноп, который ему отдаст герефа [поместья] или господский слуга [т.е. виллик?]. Он не должен платить поземельную подать. Ему дозволяется иметь 5 акров; более, если в поместье такой обычай, и если это будет слишком мало, если [у него] будет меньше [того, чтобы] его работа должна быть постоянной. Пусть платит свою подать с очага на святой четверг [т.е. Вознесение], равно как подобает свободному человеку, и охраняет землю своего глафорда, как ему прикажут, [участвует в] охране береговой линии, и в сооружении королевских ловушек для загона, и в таких делах, которые будут [достойны] его статуса, и платит свою церковную подать в день св. Мартина»).

²⁶⁷ Анализ общественной и государственной структуры раннесредневековой Англии, в т.ч. положения свободных земледельцев, блестяще представлен в работе: *Stenton F.M.* Op. cit. P. 274–314.

²⁶⁸ Отдельно было указано, что гебур делает это, как «свободный человек»; возможно, гебур также платил поземельную подать под видом натуральных выплат (*hunig-, mete-, ealugafol*) либо она была со временем заменена натуральными отработками (*gafolyrd*).

котсетлы), исполнял не только извозную и постоянную повинности, но и личные поручения глафорда (как гениты, доставлявшие их сообщения другим людям).

Противоречивость статусов лично зависимого населения, которое упомянуто в RSP, очень ярко может быть выявлена на основе только одного требования, которое предписывается котсетлу: «платить свою подать с очага на Вознесение, как подобает свободному человеку». Котсетл не был обязан, судя по тому же памятнику, уплачивать поземельную подать, хотя ему разрешалось владеть землёй.

Отсюда следует, что права и обязанности котсетла, генита и гебура объединяли в себе свойства двух пограничных социальных категорий – бывших свободных людей, независимых от могущественных соседей или крупных землевладельцев и сохранявших многочисленные пережитки германских социальных порядков и правовых институтов, и поземельно и лично зависимых крестьян, подконтрольных глафорду или его управляющим, обязанных определёнными натуральными и денежными повинностями в его пользу²⁶⁹. Такое пограничное состояние вполне могло существовать между двумя периодами формирования крестьянства в раннем Средневековье: «временем редкого человека», когда лично свободные люди имели право переселяться на новые места и самостоятельно вести хозяйство, и началом формирования деревень вкупе с появлением и активизацией процесса концентрации земли в руках церкви и могущественных светских магнатов²⁷⁰. Как нетрудно заметить, уже в законах Альфреда и Инэ встречались титулы, в которых были упомянуты «свободные» и «рабы», в равной степени имевшие глафорда, т.е. господина. Очевидно, что их права и обязанности были далеко не всегда неодинаковы, хотя они подчас подчинялись одному и тому же человеку.

²⁶⁹ См., например: *Lyon B. D. A. Op. cit.* P. 90 («Гебуры были свободными людьми, однако более низкого статуса, нежели кэрлы»); *Глебов А.Г.* Указ. соч. С. 142–144.

²⁷⁰ *Гуревич А.Я.* Крестьяне // *Словарь средневековой культуры* / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 240–241; *Дубровский И.В.* Свобода и несвобода // Там же. С. 451–455.

Население поместья, имевшее более низкий (иногда – рабский) статус, также указано в RSP; его права и обязанности значительно различались в сравнении с тремя упомянутыми категориями. Обозначены они ровно так же, как в англо-саксонских законах VII – начала X вв. – *þeow* или *þeowman*. Имеются примеры сосуществования в одном и том же поместье как зависимых крестьян, так и рабов, круг занятий которых был приблизительно одинаков. В этом отношении необходимо указать на сходство RSP и *Capitulare de villis* конца VIII в.; впрочем, RSP даёт несколько большее разнообразие статусов и занятий зависимых категорий в рамках поместья.

Например, свинопасы (*gafolswane*) и пчеловоды (*beoseorl*) могли быть как свободными, так и рабами²⁷¹. При этом относительно положения рабов – свинопаса и пчеловода, предусмотрено только то, что «они будут оценены после смерти по одному обычаю»²⁷². Трактовка этого титула Либерманом вызывает определённые сомнения: он говорил о том, что подразумевалось наследование глафордом выморочного имущества раба²⁷³.

Однако в этом случае его предположение построено лишь на аналогии: в действительности, переход имущества, выданного рабу, обратно его владельцу вполне логичен, однако как быть с благоприобретённой частью имущества, которую в случае с зависимым пчеловодом предписывалось оставлять (очевидно, его детям или родичам)? Была ли такая же часть у рабов – пчеловодов и свинопасов, мы можем лишь гадать. Скорее всего, выморочное имущество рабов полностью переходило к глафорду (как это происходило в случае с имуществом котсетла в титуле 4,3).

²⁷¹ Rect. 5–6,3 (зависимые от глафорда люди, обязанные ему конной службой, отработками и выплатой подати за пребывание на его земле – гафоля); 6,4 (свинопас и пчеловод рабского статуса).

²⁷² Ibid. 6,4: *Ðeow swan 7 ðeow beocere æfter forðsiðe be anre lage wyrðe.*

²⁷³ Именно это происходило с зависимым пчеловодом, но с важной оговоркой: за ним оставалось «свободное» (заработанное им самим, а не дарованное господином?) имущество. См.: Ibid. 5,5: *Ðonne him forðsið gebyrige, hege se hlaford ðæs he læfe, bute hwet friges sy* («Если ему [пчеловоду] случится умереть, пусть глафорд заберёт то, что осталось после него, кроме того, что будет свободным [имуществом]»). См. комментарий Либермана: *Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I. S. 448. Anm. ‚g‘, ‚h‘.*

Неоднозначным выглядит термин *æhteswan* («слуга»–свинопас). Исходя из контекста, это был лично зависимый человек²⁷⁴, однако он лишь однажды упомянут в числе рабов (*feowan men*), причём сразу же за *feow swan* (раб–свинопас). Согласно формальной логике, оба этих человека должны быть слиты в одну категорию, однако в действительности недостаточно данных даже для того, чтобы точно отделить социальный статус *æhteswan* от статуса свинопаса, платившего гафоль. Ясно только то, что последний обладал собственным стадом и был обязан поставлять глафорду от 15 свиней в год (в зависимости от конкретного поместья), а *æhteswan* сам получал за службу господину молочного поросёнка. Но при этом обе категории, как следует из текста RSP, несли повинность по освежёвыванию туши (или нескольких туш) свиней, получая за это внутренности. В целом, следует заключить, что нам не удастся выявить различия в социально-правовом статусе (или идентичность этого статуса) людей, обозначенных как *æhteswan* и *feow swan*, на основании одного юридического памятника.

Большое внимание RSP уделяет перечню продуктов питания, которыми глафорду было необходимо обеспечить собственных рабов или зависимых людей низшей категории. Этому специально посвящены два титула – 8 и 9²⁷⁵.

Примечателен тот факт, что ежегодное обеспечение рабов определёнными результатами труда не сопровождалось подробной росписью

²⁷⁴ Перевод см.: *An Anglo-Saxon Dictionary*. P. 13. Кроме того, в титуле 9,1 упомянут лично зависимый человек, обозначенный как *æhtemann*, однако мы практически ничего не знаем о его повинностях.

²⁷⁵ Rect. 8: *Be manna metsunge. Anan esne gebyreð to metsunge XII pund godes cornes 7 II scipæteras 7 I god metecu, wuduræden be landside. Ibid. 9–9,1: Be wifmonna metsunge. Feowan wifmen: VIII pund cornes to mete, I sceap одде III p. to wintersufle, I syster beana to længtansufle, hwæig on sumera одде I p.* («О пропитании людей. Пусть одному *esne* полагается в качестве пропитания 12 фунтов хорошего зерна, и 2 овцы, и одну хорошую корову на убой, право заготовки леса – согласно обычаю поместья. О пропитании женщин. Женщинам – рабыням: 8 фунтов для пропитания, одну овцу или три пенса для пропитания зимой, 1 секстарий бобов для пропитания в Великий пост, [молочная] сыворотка летом или один пенс. Каждому зависимому человеку полагается пропитание в середине зимы и на Пасху, акр земли для вспашки и горсть [зерна] с урожая, кроме других [их] повинностей»).

их повинностей в пользу господина (как это было в случае с котсетлами, гебурами, генитами или хотя бы пчеловодом и свинопасом). Также неизвестно, каковы были имущественные права данной категории лиц. Доподлинно неясно и то, можно ли раба–esne из *Rectitudines singularum personarum* приравнять к рабу–esne древнейших кентских законов или даже esne альфредовского законодательства. Однако упоминание этой социальной прослойки в ряду прочих терминов, обозначающих представителей рабского статуса (*æhteman* и *ðeow*), косвенно подтверждает тот факт, что esne также находились у самого подножия социальной лестницы, если не всего англосаксонского общества второй половины X – начала XI вв., то как минимум поместной иерархии Мерсии и Уэссекса того же периода.

Видимо, отсутствие регламентации повинностей этих категорий в пользу господина и всяких упоминаний об их имуществе также свидетельствовало о том, что рабское население таких поместий находилось в наиболее приниженном положении и самой жёсткой зависимости от глафорда; минимальный размер земельного участка (1 акр) и обеспечение их продуктами питания и скотом зимой и летом подразумевало то, что они могли быть заняты не только на сельскохозяйственных работах (которые для них, в отличие от гебуров, котсетлов и генитов, могли быть не ограничены 2-3 днями), но и выполняли «другие повинности» (титул 9,1) по желанию или по произволу своего хозяина.

Последнее предположение отчасти подтверждается наличием в последующем тексте RSP такой категории, как «люди, следующие за своим господином» (*folgere*)²⁷⁶. Эта категория зависимых людей была также обязана службой в пользу своего глафорда в обмен на вознаграждение в виде небольшого земельного участка (2 акра), который такой человек мог засеять

²⁷⁶ В словаре Босуорта и Толлера слово *folgere*, на наш взгляд, очень удачно переведено как «*pedissequus*» или «*assectator*»: *An Anglo-Saxon Dictionary*. P. 300.

своим зерном²⁷⁷. Кроме того, господин жаловал его некоторыми предметами одежды и обеспечивал пищей.

Интересен тот факт, что «подарки» в виде перчаток и обуви зафиксированы также в титуле 12, касавшемся исполнения службы пастухом волов (*oxanhyrde*). Но более никакого сходства между двумя этими категориями не наблюдалось: в числе имущества пастуха не была упомянута земля, однако за ним числились два вола и одна корова, которые могли пастись с господским стадом (в действительности, пастух мог обладать меньшим или большим количеством скота)²⁷⁸.

Таким образом, возникает обоснованный вопрос: можно ли слугу–*folgere* приравнять к «рабу высшей категории», который был постоянно при господине (подобно кормилице ребёнка при короле Инэ), или же необходимо искать аналогии с генитами, гебурами и котсетлами в начале RSP? На наш взгляд, достаточно важным для понимания роли и статуса *folgere* является титул 18, где говорится о посыльном (*bydel*)²⁷⁹. Автор юридической компиляции констатировал то, что этот человек должен был получать больше свободного времени для исполнения своей службы²⁸⁰. Отчасти это

²⁷⁷ Rect. 10–10,1. *Be folgeran. Folgere gebyreð, þæt he on twelf monðum II æceras geearnige, oðerne gesawene 7 oðerne unsawene; sædige sylf ðæne; 7 his mete 7 scoung 7 glofung him gebyreð. Gyf he mare geearnian mæg, him bið sylfum fremu* («О слугах, [следовавших за своим господином]. Слуге полагается, чтобы он заслужил в течение 12 месяцев 2 акра, один – засеянный, и один – незасеянный; и пусть он сам засеивает [их], и ему полагаются питание, и ботинки, и перчатки. Если он может заслужить больше, пусть ему самому будет [в том] прибыток»).

²⁷⁸ Упоминания о некоторых обязанностях пастухов мы можем также видеть в IV Eg., 9; 13: там, в случае укрывательства жителем поселения купленного скота и нежелании выпустить его на общий луг для выпаса (*on gemænre læse*) его пастухи бичевались; кроме того, от тех и других требовался уход за скотом короля и его тэнов, «как будто за своим собственным» (*ealswa hy habbað on heora aenum*).

²⁷⁹ Функции этого человека не слишком ясны: возможно, что это был либо человек, вызывавший жителей поместья в суд либо принуждавший их к исполнению судебного решения (средневерхненем. *bütel*, *butil*, совр. англ. *beadle*), либо просто слуга (лат. *minister*): *Mittelhochdeutsches Wörterbuch / Hrsg. von W. Müller, mit Benutzung des Nachlasses von G.F. Benecke. Leipzig, 1854. Bd. I (A–L). S. 184–185; An Anglo-Saxon Dictionary. P. 137.*

²⁸⁰ Rect. 18–18,1: *Be bydele. Bydele gebyreð, þæt he for his wycan sy weorces frigra ðonne oðer man; forðan he sceal beon oftræde. Eac him gebyreð sum landsticce for his geswince* («О посыльном. Посыльному полагается, чтобы он для исполнения своей службы был бы свободнее [от отработок в пользу глафорда], чем [кто-либо] другой, поскольку он должен

положение сближало две упомянутые категории с господским кузнецом, герефой, кормилицей из законов Инэ, а также с рабынями, которые прислуживали своим хозяевам за столом при кентском короле Этельберте.

Исходя из косвенных данных об их большей «свободе» по сравнению с прочими рабами поместья, постоянно занимавшимися сельскохозяйственными работами на домене господина или ухаживавшими за его скотом, а также исполнявшими другие его приказы по ведению хозяйства, можно заключить следующее. Повинности этих людей по обработке земли и содержанию скота, по-видимому, были не слишком велики: ряд титулов, следующих за 10-м и предшествующих 18-му титулу, говорил о некоторых других жителях поместья в Англии раннего Средневековья, которые специализировались на отдельных видах работ по выпасу господского скота или переработке его молока²⁸¹. По-видимому, композиция титулов 5–7, 10–20 как раз была обусловлена тем, что в них перечислены люди определённых занятий, а не отдельные социальные категории (как в титулах 1–4).

Следовательно, согласно логике построения RSP, который начинался с перечисления повинностей гезита, генита, котсетла и гебура (они были весьма разнообразны) и заканчивался слугами глафорда, выполнявшими его конкретные поручения (по охране урожая, ограды или лесных угодий, выпасу скота), и *folgere*, и *bydel* могли иметь достаточно узкую «специализацию», связанную с поездками вместе с господином (по крайней мере, в пределах ближайшей округи) или доставкой его поручений (как внутри поместных земель, так и за их пределами).

Однако таких представителей зависимого населения манора, как сторожа и изготовители сыра, нельзя просто приравнять к «рабам высшей категории» VII – начала X в. только по причине отсутствия у них чётко

быть готовым [к разъездам?]. А равно пусть ему будет предоставлен за его службу небольшой участок земли»). Ср.: Ibid. 2 – выполнение генитом поручений глафорда.

²⁸¹ Ibid. 11 (сеятель); 12–15 (пастух волов, коров, овец); 16 (о женщине, изготавливающей сыр); 17 (о хранителе амбаров).

выраженной обязанности по обработке земли (даже наличие у них земельных участков нередко вызывает серьёзные сомнения). Более того, в случае с зависимыми людьми из RSP, выполнявшими функции посыльных и сопровождавших своего глафорда, имеются обратные свидетельства: обе категории были наделены небольшими участками земли, с которых они не только кормились сами, но и были обязаны исполнять повинности в пользу глафорда (надо полагать, прежде всего по заготовке зерна для господских амбаров).

В данном случае необходимо обратиться к опыту анализа «Капитулярия о поместьях»: там было указано на множество профессий в разной степени зависимых от господина слуг (*ministeriales*), управлявших поместьем, проживавших под одной крышей с управляющим в господском доме или трудившихся неподалёку, в специальных хозяйственных и жилых постройках (кузнях, горницах и т.п.). Практически ни одна из них (кроме старост) не была прямо или опосредованно связана с обработкой земли; их профессиональной специализацией было именно управление поместьем или же производство специальных работ, исключавших возделывание собственного участка как в рамках господского поместья, так и за его пределами. Напротив, принадлежность категорий *folgere* и *bydel* к англосаксонскому поместью выражалась именно в распоряжении небольшими участками, на которых они вели собственное хозяйство и с которых могли уплачивать владельцу поместья натуральные подати.

Подводя итоги развития рабского и зависимого статусов англосаксонского общества второй половины X – начала XI в., необходимо ещё раз отметить тенденцию к постепенному «смешиванию» и слиянию различных статусов, наборов прав и обязанностей отдельных групп лично и поземельно зависимого населения. Появление новых категорий зависимости в источниках (например, *hiredman* у Этельреда, *kotsetl* и множества более мелких в *Rectitudines singularum personarum*) вовсе не означало дробления правового статуса зависимости и возвращения к социальным градациям

периода варварского общества; наоборот, в зависимом слое раннесредневековой Англии происходило выравнивание этих статусов, что явилось предпосылкой формирования слоя лично зависимого крестьянства (вилланства), отражённого впоследствии в Domesday book.

У бывших рабов, находившихся прежде в полной власти глафорда, исчезали или размывались некоторые черты прежнего статуса: они участвовали в торговых операциях, могли подбирать себе поручителей на суде и выступать ответчиками, даже принимали участие в праздновании церковных дат и могли обрабатывать свой участок земли в то время, которое ранее считалось заповедным для работ. Вместе с тем, и бывшие свободные англо-саксы, и лично зависимые категории населения (например, бывшие рабы – hiredmann) сохраняли важные отличия от статуса прежней, полноправной и «позитивной» свободы. Прежде всего, это выражалось в постепенном переходе к глафорду ответственности за своего человека в случае его обвинения на суде: господин мог даже укрывать его от разбирательства.

Однако то же положение дел, которое позволяло рабу или бывшему свободному англо-саксу, сидевшему на земле крупного светского или церковного землевладельца, пребывать в рамках его иммунитетных прав и избегать судебной ответственности перед сотней, делало его социально-правовой статус очень низким. В частности, и бывший свободный человек, и бывший раб, пойманные вне пределов господской земли за кражу дважды, должны были быть казнены. Ранее такой вид наказания не применялся к бывшим обезземелившимся свободным, которые всё-таки сохраняли остатки «позитивной свободы» (например, право быть выкупленными из заключения родственниками до обращения в рабство).

Данных о том, чтобы говорить о полной тождественности статуса всех зависимых жителей поместья в том виде, в котором оно предстаёт перед нами в Rectitudines Singularum Personarum, не слишком много. Но такой вывод можно сделать, применив метод аналогии: «Капитулярий о

поместьях» короля Людовика закреплял в каролингском законодательстве новый термин, которым обозначалось всё население поместья – *familia* или *homines nostri*; все они были подсудны единому поместному суду, все они могли быть (по примеру рабов, а не свободных франков) призваны к телесному наказанию по величине своего проступка. Есть все основания предполагать, что подобным образом и всё население того манора, которое послужило основой для составления RSP, также было уравнено перед судом своего господина и его управляющих (герэф); по крайней мере, в законах Этельреда такие сведения относительно категорий «свободных» людей и рабов, подчинявшихся одному человеку, присутствовали.

В конечном итоге, в англо-саксонском законодательстве конца X – начала XI в. существенным критерием для определения правового статуса того или иного человека (так же, как и в империи Карла Великого) становился не его достаток, а степень его «негативной свободы». Это привело к окончательному обособлению полностью или частично сохранивших свои свободу и независимость от другого человека англосаксов, которых к началу XI в. больше всего оставалось в Области датского права²⁸², и бывших рабов и лично зависимых от более богатого и влиятельного землевладельца людей, которые рассматривались как зависимые держатели на землях его поместий. Последние в равной степени подчинялись поместной администрации и несли натуральные и отработочные повинности, которые были опосредованы наличием у них соответствующих площадей земли, скота, орудий труда и уровня квалификации, в пользу своего сеньора. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что они представляли собой полный аналог континентальным *servi casati* IX в., личность которых было опосредована их принадлежностью к поместью того или иного человека и которые выступали

²⁸² Согласно «Книге Страшного суда», всего их было до 50 % от общего населения некоторых графств Денло в 1086 г. (например, Линкольна). *Maitland F.W.* Op. cit. P. 137. По подсчётам Д.М. Петрушевского, свободное население в этом памятнике не превышало 15 %: *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 2003. С. 66.

прямыми «предками» средневекового зависимого крестьянства (в случае с Англией XI–XIII вв. именуемого «вилланами»).

§ 6. Отпуск англо-саксонских рабов на волю в начале VII – начале XI в. и его правовые последствия.

Представляя себе картину рабства в англо-саксонской Англии, сопоставляя различные термины и выясняя их значение, прослеживая изменения в статусе зависимого населения в Англии раннего Средневековья в целом и его рабской прослойки – в частности, невозможно обойти молчанием тему освобождения рабов от зависимости, которое проходило у англо-саксов, как и в меровингских королевствах, а затем – в империи Каролингов, различными путями.

К сожалению, правовые источники англо-саксов дают очень немного информации об отпуске на волю рабов, и даже те свидетельства, которые могут быть в них обнаружены, имеют скорее косвенный характер. Основным типом памятников, предоставляющим нам сведения об отпуске на волю различных категорий зависимого населения раннесредневековой Англии, являются завещания (в англо-американской историографии – wills). Этот тип источников, тем не менее, несёт на себе достаточно сильный отпечаток индивидуальности того или иного светского или духовного землевладельца, тем самым ограничивая возможность его использования по отношению к более широким территориям (скирам, бывшим племенным королевствам англо-саксов).

По этой причине в данном параграфе внимание будет сосредоточено на правовых памятниках, в которых условия получения рабами свободы были закреплены королевской санкцией; лишь изредка они будут дополняться наблюдениями, почерпнутыми из нарративных источников или завещаний.

Очень велика была в деле освобождения рабов и отпуска пленных на волю роль церкви. Это чётко прослеживалось на примере как правовых памятников, так и нарративных источников. Повествование Беды Достопочтенного подчёркивало тот факт, что отпуск рабов на волю в VII – начале VIII вв., практиковавшийся в качестве проявления христианского

идеи милосердия правителем и высшими чинами королевства, имел хождение в англо-саксонском обществе. Порой он приобретал массовый характер.

Например, король Сассекса Эдильвальд даровал изгнанному из своих владений епископу Вилфриду земли площадью 78 фамилий. При этом епископ занимался не только проповедью Евангелия и крещением рабов на подвластных землях, но также и их телесным освобождением от «оков рабства»²⁸³. Многие короли специально оговаривали то обстоятельство, что они предоставляли послабления рабам и зависимым людям именно в рамках политики христианского милосердия (древнеангл. *mildheortnes*, лат. *misericordia*); отпуск рабов на волю также должен был приводить к улучшению их положения в рамках общественного устройства, где свобода ещё была неразрывно связана со многими очень важными правами древнегерманского происхождения (такими как участие в ополчении и сотенном собрании, возможность иметь землю, пасти скот и распоряжаться результатами труда по своему собственному усмотрению).

В древнейшей части англо-саксонских законов, принятых до времени Альфреда, лишь однажды можно найти прямое упоминание процедуры освобождения раба по воле господина – в законах Вихтреда²⁸⁴. Исходя из терминологии, закрепившейся в отечественной историографии со времени А.И. Неусыхина, упомянутый им тип освобождения можно назвать «неполным» (в отличие от «полного», представленного у салических франков

²⁸³ *Beda. Hist. IV, 13: Et quoniam illis [illi] rex cum praefata loci possessione omnes quae [qui] ibidem erant facultates cum agris et hominibus donavit, omnes fide Christi institutos unda baptismatis abluit, inter quos servos et ancillas ducentos quinquaginta; quos omnes ut baptizando a servitute daemónica salvavit, etiam libertate donando humanae iugo servitutis absolvit («Поскольку король даровал ему земли со всем, что на них было, с полями и людьми, он наставлял их в вере Христовой и омывал в водах крещения. Среди них было 250 рабов, мужчин и женщин, которых он освободил не только из плена дьявола, но и от оков земного рабства, даровав им всем свободу»).*

²⁸⁴ *Wi. 8: Gif man his mæn an wiofode freols gefe, se sie folcfry; freolsgefa age his erfe ænde wergeld 7 munde þare hina, sie ofer mearce ðær he wille («Если кто-либо даст свободу своему [зависимому] человеку на алтаре, пусть тот будет folcfry; пусть даритель свободы владеет его наследством, и вергельдом, и правом на мунд его родичей, даже если он будет находиться по ту сторону границы [Кента], там, где он пожелает»).*

в виде «вышибания денария»)²⁸⁵: бывший господин продолжал выполнять по отношению к бывшему рабу функции патрона (владельца мундебюрда), замещая в этой роли его ближайших родственников. Логично, что при этом он сохранял права и на получение вергельда этого человека (в случае его насильственной смерти), и на получение выморочного имущества в обход последних. Таким образом, уже не будучи рабом, такой вольноотпущенник, обозначенный как *folcfry*, в течение своей жизни не мог стать и полноправным свободным, продолжая сохранять определённую зависимость от бывшего хозяина даже за пределами Кента (т.е. не находясь на земле своего патрона или в его доме).

Для этого титула, как и для некоторых других установлений англо-саксонского права, существовали параллели в архаичном континентальном законодательстве. В Эдикте Ротари, записанном в конце VII в., и более поздних лангобардских законах Лиутпранда присутствовал сходный термин для получившего полную свободу вольноотпущенника²⁸⁶.

Тем не менее, лангобардского отпущенника–*fulcfree* нельзя приравнивать к англо-саксонскому *folcfry*: Эдикт Ротари предполагал наличие в практике правоприменения четырёх различных способов отпуска человека на волю. Из них путь, который предполагал полный отпуск на волю, приводил к переходу раба в категорию *a se extraneus, id est haamund*²⁸⁷. Для того, чтобы сделать раба свободным, было необходимо передать его другому свободному человеку и подтвердить своё решение на местном народном собрании (*gairthinx*); этот человек передавал *fulcfree* третьему, а тот – четвёртому, который отводил вольноотпущенника на перекрёсток и предоставлял ему право идти на все четыре стороны. Такому человеку

²⁸⁵ *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества... С. 182–187.

²⁸⁶ Ed. Roth. 216; 224, III; 225; 257; Liutp. a. V, 9–10; a. IX, 23; a. XII, 55; a. XXII, 140 (также *fulcfrea*, *-freal*, *-free*).

²⁸⁷ В Ed. Roth. 216 к *fulcfrea* прямо приравнивалась «свободная женщина» (*libera uxor*), причём она напрямую была противопоставлена в этом титуле альдию (лангобардский вариант лита).

давалась грамота о свободном состоянии, которую господин уже не мог оспорить; если он умирал без детей, то выморочное имущество переходило в пользу королевской казны, но не его бывшего патрона²⁸⁸. То же состояние получал ребёнок (*infans*), которого отпускали по воле короля (*votum regis*)²⁸⁹. Третий вариант освобождения предполагал то, что *fulcfree* получал право идти на все четыре стороны, но не получал статус *haamund a se, id est extraneus*, т.е. оставался под мундом своего патрона и жил вместе с ним «подобно брату или другому его родичу». Если он не давал детям *fulcfree* полной свободы, то он наследовал выморочное имущество своего бывшего раба²⁹⁰. Наконец, можно было отпустить на волю также альдия (*haldius* – южногерманский аналог лита), но ему не давали право уйти на все четыре стороны: он должен был продолжать жить на земле своего патрона²⁹¹.

Как видно из вышесказанного, наибольшее сходство наблюдалось между древнеанглийским *folcfrý* и третьим по счёту (от начала титула) видом лангобардских вольноотпущенников²⁹². Поэтому очень осторожно (в силу отсутствия бесспорных свидетельств источников) можно предположить и то, что вольноотпущенники раннесредневековой Англии обладали правами, примерно сходными с правами *fulcfree* у лангобардов (например, могли жениться на свободных женщинах, как указано в Ed. Roth. 216). Также очевидно и то, что и у лангобардов, и у англо-саксов законодатели уже в VII в. понимали разницу между вольноотпущенниками и другой категорией неполноправных членов общества – лэтами, наделяя их разными правами и различным статусом.

²⁸⁸ Ibid. 224.

²⁸⁹ Ibid. 224, II.

²⁹⁰ Ibid. 224, III.

²⁹¹ Ibid. 224, IV.

²⁹² Дэвид Пелтрэ предполагал заимствование категории *folcfrý* англо-саксами у лангобардов через посредство Теодора или Адриана, прибывших из Италии, но у нас нет других примеров подобного переноса лангобардского права на землю Британии посредство миссионерской деятельности. Кроме того, тексты этих установлений двух племенных союзов ни в чём не совпадают, кроме одного термина (при этом лангобардский гораздо более подробен). См. подробнее: *Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 138.*

К сожалению, в отношении лэтов были зафиксированы только выплаты за убийство трёх категорий, составлявших данную прослойку в королевстве Кент²⁹³. Безусловно, такое обилие рангов у социальной группы (сравнимое только с наличием четырёх рангов у вдов и трёх – у рабынь)²⁹⁴ определялось наличием достаточного количества её представителей в королевстве Кент начала VII в.²⁹⁵ Поскольку этимология этого слова имела западногерманские корни (*lātan* – «отпускать, освобождать»), к этому институту вполне могут быть применимы континентальные параллели (впрочем, без прямого отождествления лэтов с франкскими, саксонскими или фризскими литами).

Д. Пелтрэ полагал, что англо-саксонские лэты наследовали статус своих родителей–отпущенников на протяжении трёх поколений, после чего они становились свободными, полноправными подданными короля²⁹⁶. Впоследствии этот термин надолго пропал из юридических текстов, что Пелтрэ обосновывал отсутствием прослойки лэтов в англо-саксонском обществе. Несмотря на то, что мы не можем согласиться со многими положениями, которые защищал канадский автор²⁹⁷, несомненным является то, что подобный социальный институт снова появлялся в правовых памятниках только во времена нашествий викингов на Британские острова и образования области датского права (Денло) в виде термина *lieseng*²⁹⁸. Тем не

²⁹³ Abt. 26: Gif læt ofslæhð, þone selestan LXXX scill' forgelde; gif þane oþerne ofslæhð, LX scillingum forgelde; ðane þridan XL scilling forgelde.

²⁹⁴ Abt. 10–11, 75–75,1.

²⁹⁵ См. о происхождении этой категории зависимых в глоссарии, составленном Д. Пелтрэ: *Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 294–296.*

²⁹⁶ *Ibid. P. 295; Oliver L. Op. cit. P. 207.*

²⁹⁷ В первую очередь, нельзя согласиться с его взглядом на лэтов как на германский вариант вольноотпущенников. Довольно давно также устарела оценка лэтов в качестве института, название которого римляне заимствовали у германцев в начале н.э. и который впоследствии завоевавшие Империю и Британские острова варвары перенесли на собственных вольноотпущенников. Кроме того, отсутствие сведений в правовых памятниках Уэссекса об этой категории вовсе не означало того, что она не существовала только у племени ютов (*Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 295–296.*)

²⁹⁸ AGu. 2 (в рукописи B): ... Gif man ofslægen weorðe, ealle we lætað efen dyrne Engliscne 7 Deniscne, to VIII healfmearcum asodenes goldes, buton ðam ceorle ðe on gafollande sit 7 heora liesengum, ða syndan eac efen dyre: ægðer to CC scill. («Если кто-то будет убит, мы оцениваем каждого равной ценой, англичанина и датчанина, в 8 полумарок чистого золота, кроме того кэрла, который сидит на податной земле, и его отпущенников, которые

менее, последний правовой статус лишь отчасти походил на социальную категорию, дошедшую до нас в составе законов Этельберта.

Во-первых, категория *lieseng*, судя по ценности жизни её представителей, относилась уже не к общегерманскому или римскому наследию, а конкретно к норвежской правовой культуре²⁹⁹. Во-вторых, у норвежцев она была связана с двумя ступенями перехода зависимого человека (раба) в свободное состояние (которое подтверждено равенством его *вергельда* плате за жизнь сидящего на податной земле). В-третьих, судя по *вергельду*, который был предписан в отношении *кэрлов* и *вольнотпущенников* (по 200 шилл.), и те, и другие относились к свободной части жителей *Денло*; этого нельзя сказать о *folcfrý* (*вергельд* которых продолжал принадлежать их покровителю) и *лэтах* (плата за жизнь которых, хотя и приближалась к сумме *вергельда* за жизнь свободного подданного кентского короля – *medume leodgeld*, однако всё же не приравнивалась к нему).

Таким образом, необходимо отметить тот факт, что исторических данных о категории *лэтов* и *отпущенников* (*lieseng*) в захваченных скандинавами землях Нортумбрии и Восточной Англии недостаточно для однозначных выводов об их правовом статусе и конкретном месте в англосаксонском обществе³⁰⁰.

будут равной цены: те и другие – по 200 шилл.»). В *Quadripartitus* термин *seorl* переведён как «*rusticus... in terra censaria*».

²⁹⁹ См. подробнее о норвежской категории «*leysíngar*» и процессе освобождения у северных германцев в целом: *Pelteret D.A.E.* Op. cit. P. 46, 297–298; *Wergeland A.M.* *Slavery in Germanic Society during the Middle Ages*. Chicago, 1916. P. 132–135, 140–145, 153. А.М. Вергеланд писала о том, что полное освобождение «*leysíngar*» становилось возможным только через 5 поколений, а сама процедура получения прав состояла из двух этапов: безвозмездного дарования части прав и «выкупа» *вольнотпущенником* оставшейся части позднее.

³⁰⁰ Вывод Д.М. Петрушевского о том, что *лэты* произошли от покорённых англо-саксами племён и «мало чем отличались от простых свободных, от *кэрлов*», на основании имеющихся источников кажется не вполне корректным. Также неясно, из каких памятников он почерпнул сведения о том, что *лэты* не имели собственной земли и сидели на чужих наделах на правах арендаторов, внося особый взнос за *mund* (т.е. покровительство) своему господину. См.: *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М., 2003. С. 32.

Однако в законах Этельстана всё же встречался очень необычный фрагмент, который позволял говорить о сохранении в Англии начала – середины X в. категории, подобной континентальным литам и альдиям и, возможно, отдалённо напоминавшей лэтов начала VII в. Совершенно необычный казус, встречающийся в *Iudicia civitatis Lundoniae* – наличие у зависимых людей (*þeowe menn*) неких работников, в свою очередь зависимых от них³⁰¹. В случае с установлениями Этельстана слово *þeow*, как правило, указывало на рабский статус человека (в *Quadripartitus* такой человек прямо назван *servus noster*); следовательно, он сам должен был подчиняться кому-то. Этот господин, которому подчинялся *þeow mann*, в данном титуле обозначен в первом лице мн. ч. (*we*); такое обращение могли применять по отношению к себе упомянутые в прологе король и его приближённые (светская и духовная власть). Следовательно, «рабы» вместе с их зависимыми людьми в равной степени были зависимы от богатых землевладельцев.

³⁰¹ VI As. 6,1–6,4: *Syhte, emban urne ceapgild: hors to healfan punde, gif hit swa god; 7 gif hit mætre sy, gilde be his wlitnes weorðe... 7 oхан to mancuse 7 cu to XX 7 swyn to X 7 sceap to scll. 7 we cwædon be urum þeowum mannum þa men hæfdon: gif hine man forstæle, þæt hine man forgulde mid healfan punde; gif we ðonne gyld arærdon, þæt him man yhte ufon on þæt be his wlitnes weorðe; 7 hæfdon us þone ofereacan þe we þær abædon. Gif he hine þonne forstalede, þæt hine man lædde to þære torfunge, swa hit ær gecwædan wæs; 7 scute ælc man þe man hæfde swa rænig swa healfne be þæs geferscipes mænio, swa man þæt weorð uparæran mihte. Gif he þonne oðseoce, þæt hine man forgulde be his wlitnes weorðe; 7 we ealle hine axodan. Gif we him þonne tocuman moston, þæt him man dyde þæt ylce þe man þam Wyliscean þeofe dyde, oððe hine man anho. 7 þæt ceapgild arise a ofer XXX ræng oð healf pund... 7 beo sy æsce forð, swa hit ær gecwæden wæs, þeah heo læsse sy («Шестое – о наших [т.е. в пользу короля] возмещениях [за кражи]: конь – половина фунта, если он настолько хорош; и если он менее хорош, пусть его оценивают по стоимости... И бык – 1 манк [Quadr. – 30 денариев, т.е. пенсов?], и корова – 20 пенсов, и свинья – 10 пенсов, и овца – 1 шилл. И мы приказываем о наших зависимых людях, которые имеют [зависимых] людей: если [у них] украдут человека, чтобы уплатили половину фунта [Quadr. – 10 сол.]; если мы затем получим возмещение, пусть ему [т.е. владельцу раба], кроме того, добавят согласно его стоимости; и пусть у нас будет та надбавка, которую мы при этом взимаем. И если он сам украдёт себя [т.е. сбежит, приказываю], чтобы его привели к побиванию камнями, как это ранее было предписано; и пусть кинет каждый, у кого будет [зависимый] человек, либо пенс, либо половину в силу солидарности с братством так, чтобы можно было собрать эту цену. Если он затем убежит, пусть уплачивается [возмещение] согласно его ценности; и мы все его будем разыскивать. Если мы затем сможем его найти, пусть ему сделают то же самое, что сделали бы вору-валлийцу, или же пусть его повесят. И возмещение [за раба] пусть всегда возрастает от 30 пенсов до половины фунта... и пусть всё же будут начаты поиски, как мы приказали об этом ранее, даже если [возмещение] будет меньше [30 шилл.]»).*

Как мы уже отмечали в переводе, возмещение за кражу или бегство зависимого от такого «раба» причиталось как владельцу «раба», так и самому «рабу». Для категории рабов (*esne, þeow*) и даже для многих лично зависимых от глафорда людей, ранее бывших свободными (вспомним категории RSP), такое положение дел не было характерно ни при одном короле ни до, ни после Этельстана: во всех законах человек либо обладал ограниченными правами на владение имуществом и получение возмещения, либо штраф за преступление против личности такого человека полностью отходил его глафорду. Кроме того, более нигде в англо-саксонских правовых источниках не встречалась категория рабов–*þeow*, у которых были бы зависимые работники.

Здесь кажется уместным вспомнить о континентальных литах и альдиях, которые также могли обладать рабами (обозначенными в варварских правдах как *servi* или *mancipia*). При этом неполная свобода литов (из-за которой они получили в немецкой историографии XIX в. неточное обозначение «полусвободных») предполагала наличие у них ограниченной правоспособности (право судебного представительства, сбора поручителей; наличие вергельда, меньшего, чем у свободных; право участвовать в походе; распоряжение некоторым имуществом и право владеть рабами) при сохранении личной зависимости от господина. При совершении преступления против раба, принадлежавшего литу, провинившийся нес ответственность перед последним; о его ответственности перед господином лита нет сведений. Поэтому представленная аналогия между литами и «рабами» (*þeow mann*) из VI As. 6,1 весьма условна и не даёт оснований приравнять одних к другим.

После правления Альфреда первым королём, который требовал отпуска на волю ежегодно от каждого своего подданного хотя бы по одному рабу, был также король Этельстан. В своём «Предписании по выплате милостыни» (925–940) он требовал освобождать бывших преступников, которые были обращены в рабский статус в наказание за свои деяния, руководствуясь

«божественным милосердием и христианской любовью». Роль церкви как посредника в процессе освобождения также подчёркивалась тем, что для отпуска на волю было необходимо присутствие епископа³⁰². Тот же Этельстан предполагал запретить казни воров в случае, если они крали до 12 пенсов и не пытались уйти от правосудия³⁰³.

В ряде документов, относившихся к концу IX – началу XI в., также говорилось о порядке отпуска на волю рабов³⁰⁴. Д. Пелтрэ указывает на то, что в обществе середины IX в. впервые проявилась мысль о том, что раб мог самостоятельно выкупить свою свободу у господина (в т.ч. у церкви или у церковного служителя). Такой случай был зафиксирован в церкви св. Хада (диоцез Личфилд, на границе с Уэльсом): валлийский документ об отпуске на волю был составлен около 840 г. и включён в рукопись Евангелия св. Хада. Автор не исключает и того, что впоследствии на основании этого примера началось включение англо-саксонскими писцами документов об отпуске на волю рабов именно в кодексы, содержавшие в себе списки Евангелий (поскольку «святость книги освящала запись [об отпуске на волю] и тем самым подтверждала её достоверность»); правда, его вывод о том, что в Уэссекское королевство эта традиция пришла вместе с Ассером, валлийцем по происхождению, носит скорее спекулятивный характер³⁰⁵. Гипотеза Пелтрэ о том, что титул 43 законов Альфреда связан с предоставлением рабам права накапливать средства на выкуп своей личности у господина³⁰⁶, напротив, кажется вполне обоснованной: уже в кентском и уэссекском обществе ряд лично зависимых категорий обладали определённым

³⁰² As. Alm. 2: ...7 þæt ge alysaþ an witeðeowne. 7 ðæs ealle sie gedon for Drihtnesse mildheortnesse 7 mine lufu under þæs bisceopes gewitnesse, on ðæs rice is sie.

³⁰³ VI As. 2,3: 7 se cyng cwæð eac, þæt man nænne ne sloge for læssan yrfe þonne XII pænig weorð, buton he fleon wille oððe hine werian... («Также король приказал, чтобы никто не убивал за меньшую цену [кражи], чем 12 пенсов, если только он не захочет бежать или запираяться...»).

³⁰⁴ Основная масса таких документов относится к жанру завещания. В силу того, что они исчерпывающим образом описаны Дэвидом Пелтрэ в его капитальном труде, в данной работе все выводы относительно данного типа источников приводятся на основе его выводов: *Pelteret D.A.E.* Op. cit. P. 140–163.

³⁰⁵ *Ibid.* P. 139–140.

³⁰⁶ *Ibid.* 140.

имуществом, а к середине – концу X в. количество таких категорий (только по материалам RSP) заметно увеличилось.

Отчасти под влиянием континентальных германских обычаев, отчасти – при посредничестве церкви, в англо-саксонском обществе к X–XI вв. сформировалось несколько способов отпуска на волю³⁰⁷. Одной из главных форм отпуска на волю в документах этого времени был отпуск перед алтарём или же в других святых местах (в частности, перед мощами или могилами святых), а также во время церковных праздников (например, в день св. Михаила или канун рождественского поста, как в пп. 3.13 и 3.30 по классификации Пелтрэ). Такие акты милосердия со стороны церкви обязательно сопровождалась угрозой религиозной санкции за нарушение распоряжения того, кто отпускал человека на волю³⁰⁸.

Один из документов (п. 3.25) предписывал отпустить зависимого человека на некоем дворе (*on tune*; Пелтрэ предполагает, что на перекрёстке двух дорог), отсылая к форме отпуска на волю «*in quadrivio*» в Эдикте Ротари; другое англо-саксонское завещание конца X в. требовало освободить по жребию (*sors*) из двух поместий близ Уитчфорда (Кембриджшир) по 13 человек из каждых тридцати рабов³⁰⁹. Кроме того, в числе документов об отпуске зависимых людей на волю X в. встречались сведения о выкупе ими своей свободы у господ. В отличие от предоставления свободы перед алтарём, эти грамоты «не зафиксировали никаких мотивов милосердия со стороны господина, отпускавшего раба» и «обязательной, следующей за

³⁰⁷ Пелтрэ рассматривает документы с первой половины X до начала XII вв., тем самым переходя границу нормандского завоевания. В данной диссертации внимание будет сосредоточено только на тех грамотах о предоставлении свободы (*manumission-documents*, *wills*), которые относятся ко времени, предшествующему правлению Кнута Великого. Наиболее полный список грамот с датировкой и ссылкой на их публикации см.: *Ibid.* P. XIII–XVI. Издание самого крупного корпуса англо-саксонских грамот было предпринято ещё Кемблем: *Codex diplomaticus aevi Saxonici* / Ed. J.M. Kemble. London, 1846. P. 308–317. В классификации Пелтрэ последняя цифра в номере грамоты соответствует номеру позиции, под которой текст грамоты встречался у Кембля.

³⁰⁸ *Ibid.* P. 142–143, 147. Однако при этом имелась возможность добровольного отпуска «за грехи господина» (*libertatem suorum dona(tor) consequi percipere mereamur peccatorum*).

³⁰⁹ *Ibid.* P. 143–145.

юридической сделкой (legal transaction) религиозной церемонии, [подтверждающей отпуск на волю]»³¹⁰.

Мотивы отпуска рабов на волю в подобных грамотах были различны. Первоочередной причиной являлась забота глафорда о своей душе: многочисленны факты дарования свободы рабам знатными людьми «во спасение своей души» (pro redemptione animae suae). Ещё одним вариантом был отпуск лично зависимой женщины в случае, если она впервые или повторно выходила замуж³¹¹. Очевидно, что королевская власть была заинтересована в выкупе рабами своей свободы (или продаже раба с последующим его освобождением) по причине получения пошлины с этой сделки. В этом отношении грамоты XI в. придавали сходство сделкам по выкупу раба из поместья продаже раба другому человеку: в том и другом случае с этой сделки с начала X в. королевскими агентами (например, герефой) бралась пошлина в пользу правителя Англии³¹².

Однако вместе с тем Дэвид Пелтрэ предостерегает от поспешных выводов относительно статуса отпускаемых на волю людей: среди них вполне могли быть не только полностью бесправные рабы, но и поземельно и лично зависимые жители поместий светских и церковных землевладельцев; кроме того, на протяжении X–XII вв. абсолютная величина выкупа за свободу имела тенденцию к снижению. Это объяснялось тем, что часть освобождаемых могла иметь статус «свободных» людей, попавших в зависимость от богатого землевладельца; у таких людей, как указывает Пелтрэ, продолжал сохраняться архаический «племенной статус кэрла, даже если этот статус становился всё менее уместным в новых экономических условиях». Кроме того, на отдельные суммы выкупа могли влиять ценность профессиональных навыков раба, благородство или скупость его владельца,

³¹⁰ Ibid. 152–156.

³¹¹ Ibid. P. 150–151. В англо-саксонском обществе мотив благочестия и реализация королевской политики милосердия (mildheortness), видимо, всё же превалировали: недаром большую часть дарителей свободы составляли короли, высшие церковные чины, элдормены и другие королевские чиновники. Ibid. P. 148–150.

³¹² Ibid. P. 155–156.

общее количество отпускаемых на волю и некоторые другие экономические и неэкономические факторы (в частности, обычай этого поместья)³¹³.

Отчасти эти выводы Пелтрэ подтверждает наблюдение над рукописью VL. Ms. Add. 9381*, содержащей список 51 грамоты об отпуске на волю зависимых людей в корнуоллской церкви св. Петрока (на латинском и древнеанглийском языке)³¹⁴. Надо заметить, что при всех различиях во времени написания и несистематичности они обнаруживали одно сходство: ни в одном из англо-саксонских документов не содержалось указания на то, что освобождали от зависимости именно раба³¹⁵. Во всех грамотах встречалось только имя освобождаемого, иногда – указание на его потомство и родственников, которые освобождались вместе с ним в присутствии свидетелей (лат. *liberare*, древнеангл. *freodan*). Уже с конца VII в. слово *freols*, которое также употреблялось в отношении нескольких освобождённых, не всегда означало полную и окончательную свободу от власти патрона или господина; такой статус не всегда давал основания даже покидать поместье. Не следует забывать и о том, что освобождённые на алтаре люди при кентском короле Вихтреде в конце VII в. продолжали быть частично зависимыми от своего патрона, получая статус *folcfrý*; если процедура отпуска в англо-саксонской Англии за три столетия кардинально не менялась, то, возможно, резко не изменялся и статус *folcfrý*, отпущенного на волю на алтаре раба.

Лишь в одном случае тот, кто отпускал своих людей на волю, оговаривал их статус как «колонов» (очевидно, вилланов?) короля на

³¹³ Ibid. P. 154–155.

³¹⁴ Оцифрованная копия этой рукописи доступна на сайте Британской библиотеки: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?index=26&ref=Add_MS_9381 (дата обращения: 07.03.2014 г.). *Manumission-documents* относятся ко второй четверти X – началу XI вв. Из них ко времени до конца англо-саксонского периода относятся 46.

³¹⁵ Единственное исключение в данном корпусе – нормандская грамота п. 3.33: здесь *freols* 7 *saccles* («свободным и безвинным») признавался человек по имени Путрел (*Putrael*), который ранее поступил в услужение к своему господину (Эльффрику) в результате наказания (*nyddæowetling*).

основании такого же статуса их отцов³¹⁶. Неудивительно, что материал такого рода грамот, весьма разрозненный и неполный, нужно использовать в тесной связи с законодательными памятниками.

Однако даже неполные сведения о статусе отпущенных на волю людей могут многое сказать об их дальнейшей судьбе. Так, категория *folcfrý* не получала полной свободы от власти своего господина (в частности, свободы перемещения в пределах Англии) и даже не могла в первом поколении самостоятельно распорядиться имуществом из бывшего *пекулия* вольноотпущенника. Сведения о «свободных» людях, а также людях, «не имевших своего глафорда», имевшиеся в законодательстве конца VII – начала XI в., наводят на мысль о том, что многие вольноотпущенники, не имея средств к самостоятельному существованию, вынуждены были обращаться за судебной и материальной помощью к бывшему глафорду, вновь становясь его подопечными, но уже на новых условиях – не как бесправные рабы, а как обедневшие «свободные» люди, добровольно передавшие себя под покровительство сильного человека. Тот факт, что законодательство Этельреда II даже в начале XI в. было не в силах решить проблему обнищания свободных и их коммендации к крупным землевладельцам, говорил о вероятности такого развития событий для многих вольноотпущенников со времён короля Вихтреда.

Таким образом, в англо-саксонском обществе VII–X вв. наблюдались две связанные между собой тенденции: с одной стороны – почти ничем не ограниченное использование глафордами рабочей силы своих подчинённых, приводившее тех порой к полному разорению и даже физической смерти; с другой стороны – провозглашение политики милосердия, помилование преступников и должников, отпуск на волю рабов с целью демонстрации

³¹⁶ Грамота n. 3.50: *Haec sunt nomina filiorum ... quorum filii et nepotes posteritasque omnis defenderunt se per iuramentum, Eadgari regis permisu, quoniam accusatione Malebit dicebantur patres eorum fuisse coloni regis...* («Вот имена сыновей [далее перечень], дети которых и племянники, а также всё потомство пусть защищаются посредством присяги, с разрешения короля Эдгара, поскольку в жалобе Malebit'a утверждалось то, что их отцы были колонами короля...»).

могущества королевской власти и христианской церкви раннего Средневековья. Нередко они сталкивались между собой и приводили к правовым коллизиям; но в целом общий вектор королевской политики был направлен именно на превращение основной массы населения Британских островов в людей, зависимых от короля, его магнатов и приближённых, церковных иерархов, крупных землевладельцев и просто влиятельных персон. Вплоть до начала XI в., несмотря на постоянные военные столкновения и политические перипетии, эта тенденция оставалась неизменной.

В таком случае англо-саксонские вольноотпущенники, равно как и франкские категории неполноправного населения (литы, либерты, трибутарии), становились одним из источников пополнения прослойки лично и поземельно зависимого населения в XI в., тем самым, наряду с рабами, обезземелившимися рядовыми кэрлами и бывшими свободными англо-саксами, пожалованными вместе с землями по праву бокленда королями Англии IX–X в. крупнейшим земельным владельцам того времени (придворным чинам, дружинникам, церкви), образуя социальную основу для единого слоя средневекового вилланства в Англии более позднего времени.

Заключение.

Картина эволюции рабства, которая вырисовывается при анализе законодательных памятников эпохи раннего Средневековья, относившихся к территории проживания франков (Салическая и Рипуарская правды, Правда франкская хамавов, капитулярии эпохи Меровингов и Каролингов VI – начала IX в.) и англо-саксов (кентские законы VII в., Судебник короля Альфреда, законы английских королей и юридические компиляции X – начала XI в.), весьма многообразна.

Проведённый в диссертации анализ института рабства у германских племён раннего Средневековья позволяет рассмотреть феномен германского рабства на примере варварских обществ франков начала VI – начала IX в. и англо-саксов VII – начала XI в., разделив его на несколько ключевых составляющих, которые определяли социальную, хозяйственную и правовую роль рабов. Подобный подход даёт возможность оценить место франкских и англо-саксонских рабов в раннесредневековых королевствах Западной Европы.

Каждый этнический массив, каждое государственное образование, которые были рассмотрены в диссертации, имели свою специфику источников пополнения рабской прослойки, поскольку в разные исторические периоды в государствах франков и англо-саксов возможности для этого были неодинаковыми. Однако проведённый анализ свидетельствует о принципиальном сходстве источников пополнения слоя рабов для Северной Галлии, Среднего Рейна и Англии на протяжении всего периода существования германского рабства как самостоятельного института, до его растворения в рамках серважа и вилланства.

Такой источник, как захват пленных в ходе военных походов, был наиболее актуален в периоды активизации военной экспансии или противостояния агрессии соседних племён. Подобные пики военной активности на континенте наблюдались, прежде всего, в правление Хлодвига

(486–511), его наследников – королей Австразии, Нейстрии и Бургундии (начало VI – начало VII в.), а затем при создании каролингской Империи (середина VIII – первая половина IX в.). В ходе междоусобных столкновений франкских королевств VI вв. их правители также активно прибегали к порабощению пленённых воинов противника. В то же время VII в. (период создания протографа Рипуарской правды) стал веком «ленивых королей» и в отношении завоевательных походов: общее ослабление меровингской династии сопровождалось невозможностью захвата крупных масс людей и их порабощения, поэтому нарративные источники после 620-х гг. и до начала VIII в. практически умалчивают о подобной практике.

Важным выводом при анализе правовых памятников Северной Галлии и Среднего Рейна стало то, что даже при захвате бывших галло-римских вилл далеко не каждый сидевший на его землях колон или раб автоматически был обращён в рабство; многие из них обретали свободу и закрепляли право на свой пекулий. Это, в свою очередь, привело к формированию в Салической и Рипуарской правдах VI–VII вв. податных категорий римского населения (*homo Romanus, conviva regis, possessor, tributarius*), которые рассматривались как составная часть правовой системы варварского общества, обладавшая имущественными правами и вергельдом (в отличие от бесправных рабов). Данные о включении завоёванных бриттов и пиктов в число рабов имеются и в англо-саксонских источниках. Однако, как можно убедиться из текстов англо-саксонских законов VII–X вв., процент обращения в рабство завоёванного кельтского населения здесь был более значителен, чем на континенте: в отличие от «римлянина» в Салической и Рипуарской правдах, который принадлежал к варварскому обществу, «кельт» (*wealh*) англо-саксонской Англии изначально рассматривался как раб-иноплеменник, отличаясь даже более низким статусом по сравнению с бесправными англо-саксонскими рабами в Кенте и Уэссексе VII в., а затем в Англии X в.

Большую роль в формировании прослойки рабов в королевствах франков и англо-саксов играла продажа людей в рабство соседним племенем.

Ко времени VI–VIII вв. относились свидетельства нарративных источников о торговле франков рабами как в Южной Галлии (Марсель), так и на побережье Северного моря (земли фризов, Доррестада); англо-саксы сосредоточили куплю-продажу захваченных кельтов на территории Уэльса (Кардифф, Суонси), а также в Бристоле. Как показывают редакция Салической правды 511 г., Фризская правда, а также англо-саксонские законы VII–XI вв. (законы королей Вихтреда и Инэ VII в.; законы Этельреда II конца X – начала XI в.), запреты на продажу человека «за море» повторялись регулярно и свидетельствовали об активном взаимном обмене англо-саксонскими и франкскими рабами на протяжении всего раннего Средневековья.

В середине VIII – начале IX в. каролингские правители вновь активизируют завоевания, что приводит к изменению рынка: Каролингская империя активно начинает торговать арабскими и славянскими пленниками. В это же время в истории Англии происходят кардинальные изменения – начиналось норманнское вторжение, определившее её историю на столетия вперёд. Дублин стал крупнейшим рынком викингов-работорговцев в Северном море; в результате постоянных столкновений происходил захват пленников с обеих сторон. Оценить число порабощённых англо-саксами пленников-данов становится затруднительно, но очевидно, что военный способ получения рабов в IX – начале XI в. (особенно после поражения английских войск Этельреда II) не идёт ни в какое сравнение с числом захваченных франками славян в IX в.

Менее важным, чем предыдущий, источником пополнения рабской прослойки в законодательных памятниках франков VI–VII вв. было порабощение преступников. Салическая и Рипуарская правды, прежде всего, требовали в качестве наказания за попытку свободного франка заключить брак с зависимым от другого человека порабощение его самого или их совместного потомства. Прочие преступления (кражи, убийства, поджоги) не были отмечены в этом ряду; впервые они проявляются во франкском

законодательстве в качестве предлога для порабощения *ingenui* только в эпоху Каролингов, в капитуляриях конца VIII в. Напротив, англо-саксонские законы умалчивали о запрете браков между рабами и свободными (что было обусловлено отсутствием правовой традиции классического римского права), однако прочие категории преступлений – кража имущества, ограбление и убийство, в одинаковой степени влекли за собой лишение преступника имущественных и личных прав и его порабощение; по частоте упоминания и важности этот источник рабства с VII в. и до 1016 г. не уступал всем прочим.

То же соотношение наблюдалось на примере долгового рабства: ни в одной редакции Салической и Рипуарской правд VI–VII вв. не присутствовало прямого указания на такой вид обращения в личную зависимость (хотя в реальности определённый вес такая практика имела)¹. Каролингские капитулярии середины VIII – начала IX в. и Фризская правда начала IX в. выводили эту практику на первый план и подчёркивали значительную роль закабаления и обращения в рабство свободных земледельцев светскими и духовными землевладельцами. Точно такой же подход к долговому рабству, как в законах фризов, наблюдался и в праве англо-саксов, начиная с VII в. (законы Инэ). Причём в законах и англо-саксов, и фризов приводился широкий спектр вариантов не только насильственного, но и добровольного перехода «под руку» кредитора с целью отработки своего долга.

У салических и рипуарских франков в редакциях их законов VI–VII вв. (а также в меровингских капитуляриях VI в.) была подробно разработана система наследования земли и движимого имущества, но не рабов; это говорит о том, что в эпоху Меровингов эта правовая практика была ещё не столь значимой. Впервые касались этого процесса напрямую только установления Каролингов с конца VIII в., а также правды хамавов и тюрингов начала IX в., чётко разграничивая различные категории рабов –

¹ Сама процедура взыскания долга, вызова должника на суд и пр. занимает в *Pactus legis Salicae* очень значительное место.

сидевших на земле (*servi casati*) и не имевших своей земли (*mancipia non casata*), относившихся к движимому и недвижимому имуществу. Напротив, законы Инэ уже в конце VII в. разрабатывали проблему наследования рабов и преследования за попытку похищения и перепродажи чужого раба именно после смерти его владельца (хотя прямого противопоставления рабов как движимого имущества и недвижимости у англо-саксов в X – начале XI в. не наблюдалось).

Социально-правовой статус рабов франков и англо-саксов во многом зависел от их занятий. Основным занятием рабов на протяжении раннего Средневековья было земледелие и пастьба скота; связанными с землёй и скотом работами в крупных и средних хозяйствах занималась основная часть людей с рабским статусом. Некоторые работы, напротив, требовали частичного или полного освобождения от земледельческого труда, а также наличия специальных навыков и умений; сюда относятся различные ремёсла, такие как кузнечное и ювелирное дело, ткачество и плотницкое дело, уход за племенным скотом при дворе короля и знати.

Кроме того, определённая часть рабов рассматривалась как рабы более высокого статуса, имевшая бóльшую близость к господину или управляющим, которые представляли его интересы в конкретном поместье. Обязательным условием было особое доверие с их стороны. Начиная с VI–VII вв. специальная терминология, связанная с такими лично зависимыми людьми, активно использовалась во франкских правдах и англо-саксонских законах: так, нам известно о стольниках и виночерпиях, личных служанках и слугах светских земельных магнатов; посланниках короля (древнеангл. *laadrincman*, лат. *puer regius*); старших рабах, отвечавших за организацию всех работ в поместье (древнеангл. *gerefa*; лат. *maior(domus)*, *maiorissa*, *infertor*, *senescalcus*); надсмотрщиках за конюшнями королей и богатых землевладельцев (древнеангл. *horswealh*; франк. *mariscalcus*; лат. *comes stabuli*, *servus puledrus*). Жизнь такого «раба высшей категории» ценилась гораздо выше, чем жизнь простого раба-земледельца или скотовода;

впоследствии некоторые из них достигали высоких придворных или административных должностей. Достаточно привести примеры франкских маршала, сенешаля и майордома, англо-саксонского герефы.

Не все категории квалифицированных рабов у франков и англо-саксов совпадали. Так, в Северной Галлии VI–IX вв. высоко ценились виноградари (которых не было в Англии по причине более сурового климата), тогда как англо-саксы специально выделяли в особую категорию служанок рядовых свободных, подносящих им вино, и кормилиц дружинников, которые обеспечивали пропитание их детей при переездах. Тем не менее, все они подходили под определение «рабов высшей категории» по критерию близости к своим господам.

Первоначальный статус рабов, не относившихся к «высшей прослойке» и обозначенных латинскими терминами *servus*, *ancilla*, *mancipium*, древнеанглийскими *þeow* и *esne*² (они составляли большинство рабской прослойки), в конкретных правовых источниках варьировался в зависимости от исторических условий.

Так, положение обычного, не обладавшего какими-то привилегиями раба у салических франков к началу VI в. фактически означало полное бесправие. Преступления против них рассматривались как факт оскорбления их господина и нарушения его власти над рабами (мундебюрда)³, но не как преступление против личности раба. В рукописях семей А и В раб был даже приравнен по своему статусу не просто к «говорящему орудию», а к упряжному скоту и коням; при помощи текстологического анализа удалось доказать наличие этого положения в протографе *Pactus legis Salicae* начала VI в.

² Как показывает латинский перевод древнеанглийских законов начала XII в. (*Quadripartitus*), эти категории вполне соответствовали в правосознании раннего и развитого Средневековья латинскому термину *servus*.

³ Именно по этой причине для законодателя было не важно, был ли чужой раб украден или убит полноправным франком, что отразилось в текстах семей рукописей С, Н, К и S (*Pact. leg. Sal.* 10,2).

Салические рабы в VI в. были полностью лишены судебных и имущественных прав. Рабы не могли вступать в имущественные сделки со свободными людьми без ведома своего господина, поскольку их операции со своим пекулием или другим имуществом, принадлежавшим хозяину, считались незаконными. Раб не мог быть свидетелем или ответчиком по делу: господин раба признавался ответственным лицом как за его доставку в распоряжение судьи, так и за возмещение причинённого ущерба истцу; господин возмещал украденное имущество, судебные издержки и пр. Сам раб лишь в крайних случаях мог самостоятельно возмещать ущерб от своего преступления. К рабам активно применялись пытки в виде бичевания⁴. Кроме того, они могли быть кастрированы за кражу на 40 сол. или изнасилование рабыни со смертельным исходом.

Меровингские капитулярии VI в. в основном касались судебного положения рабов. В отношении раба так же, как и при Хлодвиге, применялись телесные наказания и даже казнь; господин продолжал нести ответственность за предоставление своего раба на суд и платить высокие штрафы (вплоть до величины своего вергельда) в случае отказа. Однако раб перестал быть бесправным участником процесса: его начали привлекать к ордалии, к выплате штрафа за убийство представителей других лично зависимых категорий франкского общества.

Социально-правовое положение раба в обществе рипуарских франков VII–VIII вв. уже значительно отличалось от того положения, которое ему было отведено в *Pactus legis Salicae* и капитуляриях VI в., но ещё было противоречиво. Раб продолжал оставаться частью движимого имущества. Его судебная ответственность всё ещё предполагала смертную казнь, например, за кражу женщины. Господин продолжал нести ответственность за преступления своего раба, выплачивая штрафы и возмещения.

⁴ Ключевым в нём является подразделение ответственности раба по «стоимости» его кражи – 15, 35 и 45 сол. И если в первых двух случаях законодательство салических франков начала VI в. ограничивалось выбором между телесными наказаниями (поркой, кастрацией) и штрафом, то в последнем случае обвинитель обладал правом лишить раба его жизни.

Однако Рипуарская правда опускала любые коннотации рабского статуса к положению скота. У рабов появлялась также частичная правоспособность: в частности, они оказались включены в систему начисления штрафов за телесные повреждения различного характера наряду со свободными франками и зависимыми от церкви и короля людьми. Одновременно господин мог исключить свою ответственность за проступки раба, доказав с помощью церковной клятвы и соприсяжников отсутствие факта преступления. За кражу стада животных раб нес материальную ответственность (очевидно, из пекулия), возмещающая убытки потерпевшему и суду.

Вместе с тем, Рипуарская правда перечисляла значительное количество лично зависимых от крупных землевладельцев бывших полноправных свободных, которые теряли свои права и начинали сближаться по статусу с рабами без окончательного перехода в статус последних. В первую очередь, это *homo regius vel ecclesiasticus* – королевский или церковный зависимый человек, сидевший на земле короля или монастыря и выполнявший в его пользу определённые повинности. О них мало известно; тем не менее, по своему статусу они были ещё близки к свободным (например, по величине вергельда, возмещений за телесные повреждения, ответственности перед судом), поэтому их зависимость никоим образом не может быть сравнима с рабским бесправием.

Близким к юридическому положению рипуарского раба было и положение англо-саксонских рабов VII в. Их статус нигде в кентских законах или законах Инэ не был приравнен к скоту; более того, они везде упоминались как отдельный вид господского имущества с особым статусом и процедурой розыска. Запрещалось связывать чужого раба: в этом отношении он резко отличался от салического раба, в отношении которого не было зафиксировано подобной санкции. В отдельных случаях (например, в законах Этельберта) при совершении кражи рабов обязывали возмещать стоимость

похищенного, что говорило о наличии у них возможности распоряжаться своим пекулием без посредничества господина.

Тем не менее, в области судопроизводства правовой статус англосаксонских рабов во многом был так же невысок, как и статус рабов в *Pactus legis Salicae*: в случае убийства раб (*esne*) передавался родственникам убитого, подобно салическому рабу; господин был обязан контролировать процедуру передачи. Рабы-*esne* не могли самостоятельно приносить церковную клятву, чтобы очистить себя от обвинения: за них это делал господин. К рабам англо-саксов (*esne* и *þeow*), как и в *Lex Salica*, применялись телесные наказания (в случае нарушения запрета работать в воскресенье или в церковный пост).

В судебнике Альфреда конца IX в. мы встречаемся с иным правовым и имущественным положением рабов, закреплённым в уэссекской традиции VII–IX вв. Эти изменения были во многом обусловлены тем же процессом, что происходил в Австразии VII в., а именно – расширением крупного землевладения в результате королевских пожалований (*бокленда*) и увеличением в королевстве Альфреда доли зависимого населения, статус которого начинал приближаться к статусу рабов. На основе источниковедческого анализа судебного становится понятным, что законы Инэ, датированные концом VII в. и записанные Альфредом, подверглись на рубеже IX–X вв. значительной правке и частично отражали реалии уже альфредовского времени.

Начиная с законов Инэ, за рабом-*esne* были закреплены право брать в аренду различные предметы вооружения и обязанность самостоятельно нести материальную ответственность за их сохранность. Хотя рабы до конца IX – начала X в. продолжали претерпевать суровые телесные наказания за некоторые преступления (кастрация за прелюбодеяние с чужой рабыней), другие проступки они могли, подобно рипуарским рабам VII в., выкупать. К последним относились, прежде всего, нарушения рабами запрета на работу в воскресный день или во время церковных праздников без ведома господина.

По результатам проведённого в диссертации текстологического анализа становится ясно, что замена телесного наказания штрафом появлялась в судебнике на протяжении X в.; в «Договоре Эдварда с Гутрумом» (920–930-е гг.) замена бичевания раба штрафом уже выглядит «общим местом». Тем не менее, ни Инэ в VII в., ни Альфред в IX в. не порицали саму практику работы раба на своего господина в воскресные дни, в то время как свободным людям работать было запрещено под угрозой обращения в рабство⁵; запрет принуждения хозяином раба к воскресному труду появился лишь в законодательстве англо-саксонских королей первой половины X в. (законы Эдварда).

В первой половине и середине X в., в период правления королей Эдварда, Этельстана и Эдмунда, социально-правовой статус англо-саксонского раба оставался во многом противоречивым, близким к бесправию. В судебной сфере господин продолжал нести ответственность за его доставку на суд, а также платил штраф за невыдачу раба судье. При наличии свидетелей того, что господин знал о краже раба, тот выплачивал свою виру или даже всё имущество. К рабам продолжали применяться суровые кары: троекратное бичевание, отрубание мизинца и даже смертная казнь в случае воровства и бегства поодиночке или в составе группы таких же рабов. Скорее всего, такие жестокие наказания были связаны с необходимостью разгона разбойничьих шаек, число которых значительно увеличилось с момента образования Денло.

Тем не менее, англо-саксонский раб также обладал в начале X в. такими правами, которые были связаны в варварском обществе с состоянием «позитивной свободы». Так, он участвовал в сделках с движимостью (купля, продажа, обмен) без посредничества господина (хотя, по-видимому, с его согласия). Сам факт участия раба в ордалии говорил о том, что он, подобно франкским рабам из меровингских капитуляриев VI в., постепенно

⁵ Единственным исключением в составе судебного Альфреда выглядит титул Af. 43, где рабам разрешалось работать на себя (а не на господина) либо вовсе быть свободными от работ в течение 4 дней в году.

становился субъектом права. Законы королей Англии в начале X в. ещё более отчётливо демонстрировали ту же самую тенденцию, которая была характерна для Рипуарской правды тремя веками ранее – переход обширных масс бывших свободных земледельцев в число лично зависимых крестьян, сидевших на землях светской и церковной знати. Категориальный аппарат англо-саксонского права гораздо подробнее, чем Рипуарская правда, описывает основные категории таких людей: обезземелившихся, оставшихся без судебного покровительства, попавших в долговую зависимость, – которые через столетие станут основой для формирования слоя вилланов в английском маноре.

Последний период эволюции института рабства, длившийся у франков и англо-саксов сопоставимое количество времени (около 100 лет), неразрывно связан с началом образования нового социального слоя – средневекового зависимого крестьянства, сформировавшегося из имевшихся прослоек неполноправного и лично зависимого населения раннесредневековых королевств. Для франков этот период протекал раньше (с середины VIII до середины IX в.), для англо-саксов – позднее (с середины X до начала XI в.); для обоих народов он ознаменован фиксацией первых в своём роде законодательных источников, «инструкций» по ведению хозяйственной деятельности в поместье («Капитулярий о поместьях» конца VIII в. и «Трактат об управлении вотчиной» середины X – середины XI в.).

Согласно данным каролингских капитуляриев середины VIII – начала IX вв. и англо-саксонских законов второй половины X – начала XI в., господин, как и ранее, отвечал за преступления рабов, но сам раб получал новые судебные права: право требовать вмешательства в своё дело императора (очевидно, в лице его агентов) для установления справедливости, право давать судебную клятву и т.д. Данные о постепенном подъёме

«стоимости» жизни рабов во франкском обществе начала IX в.⁶ и допуске рабов к свидетельским показаниям содержит и Правда франкская хамавов.

Напротив, не имевшие своих участков бывшие свободные франки лишались права выступления в суде в качестве свидетелей; в этом они приближались по своему статусу к рабам *Pactus legis Salicae*, что вынуждало их, подобно англо-саксонским «людям без глафорда», поступать под покровительство богатых землевладельцев. Бывшие свободные, попавшие под власть крупнейших англо-саксонских магнатов, достигли ещё большего сходства с рабами салических франков эпохи правления Хлодвига в сфере ответственности за кражи и другие преступления в конце X в.: при вызове их к ордалии и уличении в краже во второй раз (а в некоторых случаях – даже в первый раз) их казнили так же, как и рабов.

Наличие у франков и англо-саксов в этот период общих тенденций эволюции социального и правового статуса рабов неоспоримо: они выражались в «прикреплении» всех зависимых от земельного магната людей (как ранее бесправных рабов, так и ранее свободных членов варварского общества) к земле его поместья или конкретной профессии и сфере деятельности (кузнеца, плотника, посыльного и т.п.); обязательной выплате господину натуральных и денежных податей вкупе с отработкой в его пользу дополнительных повинностей (извозной, посыльной службы и т.п.); фактическом изъятии всех судебных полномочий владельцем поместья у короля и его агентов (или их даровании королём землевладельцу в рамках иммунитета); проведении судебной процедуры по жалобам или обвинениям рабов и зависимых крестьян только в поместном суде; требовании беспрекословной выдачи беглых людей (начиная со «свободных» и заканчивая рабами) прежнему хозяину. В наибольшей степени статус

⁶ *Lex Francorum Chamavorum* выражает эту тенденцию не только увеличением размера компенсации господину за убитого до 50 сол. (по сравнению с редакциями *Lex Salica VIII* в. – D и E, где он составлял 20–35 сол., и *Lex Ribvaria* – 36 сол.), но и беспрецедентным для варварского общества шагом – взиманием штрафа в пользу короля («королевского мира»), тем самым признавая за франкскими рабами правовой статус членов племени и подданных короля.

принадлежности к определённому поместью на правах его движимости и недвижимости выражен в праве франков конца VIII – начала IX вв.: рабы и вольноотпущенники получали право создавать свою семью с рабынями (при условии, что у них был один и тот же патрон); за ними закреплялись некоторые сельскохозяйственные инструменты и скот. В конечном итоге, франкские рабы получили от Карла Великого право на передачу участка своим родичам через несколько поколений, что говорило об устойчивости их социальных связей в структуре светских и церковных поместий IX в.

В рамках королевских (в первую очередь) и монастырских поместий, а также владений крупнейших земельных магнатов, процессы слияния рабов с прочими категориями лично и поземельно зависимых людей (бывших свободных, попавших под опеку, получивших от сеньора землю в пользование) в обеих правовых традициях – франкской и англо-саксонской, – стали настолько отчётливыми и стремительными, что их социально-правовой статус практически перестал различаться законодателем.

Вольноотпущенники, обозначенные различными терминами в разных правовых традициях (франки – *litus*, *libertus*, *cives Romanus*; англо-саксы – *laet*, *folcfrý*, *liesenga*), и во франкских королевствах, и в англо-саксонской Англии играли примерно одинаковую роль. Несмотря на неоднократные попытки исследователей определить этническую специфику отдельных категорий (разделение «германских» и «римских» способов отпуска на волю у франков; предположение о заимствовании англо-саксами термина *folcfrý* из Эдикта Ротари середины VII в. и *liesenga* – из правовых традиций данов), необходимо отметить, что в действительности основным коррелятом для определения места вольноотпущенника в раннесредневековом обществе были его отношения с патроном – своим прежним хозяином.

Некоторая часть отпущенных на волю людей получала полную свободу. Такая категория в праве салических и рипуарских франков VI–IX вв. носила название *homo denariatus* или *homo cartularius*. По-видимому, некоторая часть франкских и англо-саксонских литов в VI–VII вв. также

получала через одно или несколько поколений полную свободу от бывшего хозяина. Примечательно и то, что «полный» отпуск был единственным известным видом освобождения в *Pactus legis Salicae* семьи А (т.е. времени Хлодвига).

Однако гораздо значительнее было число тех отпущенников, которые получали неполную свободу при отпуске на волю, оставаясь под покровительством своего патрона. К ним у рипуарских франков и хамавов в VII–IX вв. относились такие категории, как *cives Romanus*, *tabularius*, *libertus*, *tributarius*, бóльшая часть прослойки литов; у англо-саксов – *folcfry*, большинство литов с самым низким вергельдом (т.е. вольноотпущенники в первом поколении). Все они в той или иной степени были привязаны к персоне своего господина, не получив полноправия: так, выморочное имущество и вергельд *folcfry* доставались не его родственникам, а его патрону; *tabularius* считался свободным человеком в рамках рипуарского общества VII в. лишь формально, в действительности передавая весь свой доход в пользу церкви, на алтаре которой получил «свободу».

Вместе с тем, даже не обладая полноправием и многими элементами «позитивной свободы», все перечисленные категории не могли быть определены по своему социально-правовому статусу как полностью бесправные рабы. Многие из таких вольноотпущенников (как, например, литы, табулярии во франкском праве VI–VIII вв.; трибутарии в «Капитулярии о поместьях» конца VIII в.) обладали землёй, движимым имуществом, нередко – даже рабами и зависимыми работниками, которыми они могли в ограниченном масштабе распоряжаться.

Таким образом, они фактически приближались по своему статусу к лично зависимому населению франкских поместий начала IX в. и английского манора X – начала XI в. При определённых условиях они могли выкупиться на волю, но большинству, как прочим обедневшим и обезземелившимся жителям Северной Галлии, Среднего Рейна и Английского королевства, приходилось искать материальную опору и

поддержку, судебную защиту у наиболее влиятельных светских и церковных земледельцев. В результате после формирования империи Каролингов и Английского королевства в IX–X вв. вольноотпущенники недолго оставались самостоятельной прослойкой: основная их масса по мере развития крупного землевладения, роста королевских земельных пожалований и иммунитетов попала в личную и поземельную зависимость от владельцев поместий, пополнив тем самым социальную базу формирующегося крестьянства (сервов – в Империи Карла Великого, вилланов – в Английском королевстве второй половины X – первой половины XI в.).

Положения, выносимые на защиту:

1) На территории проживания франков и англо-саксов сформировались пять основных источников пополнения рабской прослойки. В разное время их удельный вес был неодинаков. Захват пленных франками в военных походах был основным источником при завоевании Хлодвигом галльских территорий, в ходе междоусобиц Меровингов в VI – начале VII в., а затем – в ходе завоеваний Каролингов (середина VIII – первая половина IX в.). Англо-саксы захватывали рабов при заселении Британских островов, начиная с середины V в., а затем – в ходе стычек с валлийцами в VII–X вв., при этом удельный вес рабов кельтского происхождения у них превышал число захваченных франками галло-римских рабов. Постоянной также была продажа людей франками и англо-саксами в рабство на территории Галлии и Англии: уже к VI–VIII вв. здесь сформировалась развитая сеть работорговли. По мере увеличения числа зависимого населения поместий наследственная передача рабов и добровольный переход под чужое покровительство обедневших свободных приобретали всё бóльшую значимость.

2) Преобладающим занятием рабов у франков и англо-саксов было земледелие и выпас скота; выполнявшие их рабы обладали самым низким социальным статусом. Напротив, работы, требовавшие наличия особых

навыков, напрямую влияли на повышение статуса и ценности жизни раба. Отдельные рабы входили в состав администрации поместий; впоследствии некоторые из них достигали высоких придворных или административных должностей (майордом, сенешаль, маршал).

3) Положение простого раба у салических франков в начале VI в. фактически означало полное бесправие: он был лишён личности, имущественных и судебных прав; разрешались пытки рабов. Постепенно, в меровингских капитуляриях, раб получал ограниченную ответственность перед судом. Рипуарская правда VII в. уже включала рабов в состав категорий, за телесные повреждения которых (наряду со свободными) начислялся штраф. Вместе с тем, уже на этом этапе происходило сближение положения рабов и статуса лично зависимого населения Северной Галлии и Нижнего Рейна, что получило своё окончательное завершение в каролингских капитуляриях VIII–IX вв. В конечном счёте, те и другие прикрепляются к своему участку, будучи обязанными выплатой податей и исполнением различных повинностей.

4) Англо-саксонский раб в Кентском королевстве VII в. был отчасти похож на раба рипуарского: он уже не был приравнен к скоту, а в отдельных случаях мог выплатить штраф за своё преступление из собственных средств. Тем не менее, к нему так же, как и к рабу Салической правды VI в., могли быть применены телесные наказания, и он являлся частью комплекса движимого имущества. В законах Альфреда конца IX в. отмечены новые реалии в статусе раба, который получает право «выкупать» своё телесное наказание, а также право участия в сделках при помощи своих средств, а во второй половине X – начале XI в. также в выплате податей наряду с прочими зависимыми категориями. В конечном счёте, рабы и лично зависимые люди и в державе Каролингов первой половины IX в., и в англо-саксонской Англии рубежа X–XI вв. становятся органической частью единого слоя средневековых сервов (вилланов).

Список используемых сокращений.

ВДИ – Вестник древней истории.

ВИ – Вопросы истории.

СВ – Средние века.

Abt. – Aethelberht.

Af. – Ælfred.

AGu. – Ælfred und Guthrum.

As. – Æthelstan.

Atr – Æthelred.

Annales Lauresh. – Annales Laureshamenses.

Annales Xant. - Annales Xantenses.

Beda. Hist. – Baedae Venerabilis Historia ecclesiastica gentis Anglorum.

Cap. – Capitulum, Capitula, Capitulare.

Cod. Eur. – Codex Euricianus.

Conc. Aurel. a. 511 – Concilia Aurelianense anno 511.

DA – Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.

Ed. Chloth. – Edictum Chlotharii II.

Ed. Roth. – Edictum Rothari.

EGu. – Eadweard und Guthrum (Eadweards Gesetz nach Erwerbung von Guthrums Gebiet).

Fredeg. – Fredegarii et aliorum chronica.

Ger. – Gerefa.

Greg. Tur. Hist. – Gregorius, episcopus Turonensis. Historiarum libri X.

Hl. – Hlothære und Eadric.

Ine. – Ine.

Inscr. – Inscriptio.

L. Alam. – Leges Alamannorum.

L. Baiuv. – Lex Baiuvariorum.

L. Franc. Chamav. – Lex Francorum Chamavorum.

L. Fris. – Lex Frisionum.
L. Sal. – Lex Salica.
L. Thuring. – Lex Thuringorum.
NA – Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur
Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellenschriften deutscher Geschichten des
Mittelalters.
MGH – Monumenta Germaniae Historica.
MGH. Capit. – MGH. Capitularia regum Francorum.
MGH. Capit. N.S. – MGH. Capitularia regum Francorum. Nova series.
MGH. Conc. – MGH. Concilia.
MGH. LL – MGH. Leges.
MGH. LL nat. Germ. – MGH. Leges nationum Germanicarum.
MGH. SS. – MGH. Scriptores.
MGH. SS rer. Germ. – MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum
separatim editi.
Pact. leg. Sal. – Pactus legis Salicae.
Prol. – Prologus.
Tac. Germ. – Cornelii Taciti Germania.
Wer. – Wergeld.
Wi. – Wihtræd.
Rect. – Rectitudines Singularum Personarum.
ZSSR. GA – Zeitschrift der Savigny–Stiftung für Rechtsgeschichte.
Germanistische Abteilung.
ZSSR. RA – Zeitschrift der Savigny–Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische
Abteilung.
ZSSR. KA – Zeitschrift der Savigny–Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische
Abteilung.

Литература и источники.

Неопубликованные источники.

А. Список рукописных материалов:

- 1) Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 173 [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/E/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 2) Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 201 [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/D/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 3) Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 265 [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/C/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 4) Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 383 [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/B/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 5) Gotha. Forschungsbibliothek. Membran. I. 84 [Bibliothek der MGH. Fotoabzüge. Signature: MGH K 028,45].
- 6) Ivrea. Biblioteca Capitolare, XXIII [Bibliothek der MGH. Fotoabzüge. Signature: MGH A 0350, 10-11].
- 7) Leiden, Universiteitsbibliotheek, V.P.L. 2005 [Bibliothek der MGH. Fotoabzüge. Signature: MGH K 028,46].
- 8) London. British Library. Ms. Add. 9381. [Электронный документ. Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?index=26&ref=Add_MS_9381. Дата обращения: 07.03.2014].
- 9) London. British Library. Ms. Cotton Domitian VIII [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/Dm/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015].

- 10) London. British Library. Cotton Nero A.I [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/manuscripts/G/?tp=ob>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 11) Modena. Biblioteca Capitolare. Ord. I. 2 [Bibliothek der MGH. Fotoabzüge. Signature: MGH K 028,44].
- 12) München. Bayerische Staatsbibliothek. Clm. 4115 [Электронный документ. Режим доступа: <http://daten.digital-sammlungen.de/~db/0006/bsb00060127/images/index.html>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 13) Paris. BNF. Lat. 4404 [Электронный документ. Режим доступа: <http://gallicalabs.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8426042t.r=Lat.%204404>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 14) Paris. BNF. Lat. 4629 [Электронный документ. Режим доступа: <http://gallicalabs.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84386755/f1.item>. Дата обращения: 21.02.2015].
- 15) Strood. Medway Archive and Local Studies Centre, MS DRc/R1 (A.3.5) [Электронный документ. Режим доступа: <http://enriqueta.man.ac.uk/luna/servlet/media/book/showBook/Man4MedievalVC~4~4~990378~142729>. Дата обращения: 21.02.2015].

Опубликованные источники.

В. Переводы источников на русский язык:

- 1) Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З.Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. 282 с.
- 2) *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В.В. Эрлихмана; отв. ред. С.Е. Фёдоров. СПб.: Алетейя, 2003. 361 с.
- 3) *Григорий Турский*. История франков / Пер. с лат., примеч. В.Д. Савуковой; общ. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1987. 462 с.

- 4) Сборник законодательных памятников древнего западно-европейского права / Под ред. П.Г. Виноградова и Д.Н. Егорова. Киев: Типогр. Ун-та св. Владимира, 1906. Вып. 1. Lex Salica. 326 с.
- 5) Фрагменты эдикта короля Эвриха / Вступ. ст. и пер. О.В. Аутова // Древнее право. 2007. № 2 (20). С. 244–263.
- 6) Капитулярий о поместьях // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. I. Раннее средневековье. С. 437–446.
- 7) Трактат об управлении вотчиной // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. I. Раннее средневековье. С. 431–636.

С. Опубликованные источники.

- 1) Annales Laureshamenses / Ed. G.H. Pertz. Hannover: Hahn, 1826 (MGH. SS. 1). P. 22–39.
- 2) Annales regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829 qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi / Ed. G.H. Pertz et F. Kurze. Hannover: Hahn, 1895 (MGH. SS rer. Germ. 6). XX, 204 p.
- 3) Annales Xantenses a. 640–874 / Ed. G.H. Pertz. Hannover: Hahn, 1829 (MGH. SS. 2). P. 217–235.
- 4) Archaionomia, sive de priscis anglorum legibus libri: sermone Anglico, vetustate antiquissimo... Londinum: I. Daij, 1568. [143 fol.].
- 5) Asega-Buch, ein altfriesisches Gesetzbuch der Rüstringer / Hrsg. von T.D. Wiarda. Berlin, Stettin: F. Nicolai, 1805. XC, 368 S.
- 6) Bede's Ecclesiastical History of the English people / Ed. B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford: Clarendon press, 1969. LXXVI, 618 p.
- 7) Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius. Hannover: Hahn, 1883 (MGH. Capit. 1). XII, 462 p.
- 8) Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannover: Hahn, 1897 (MGH. Capit. 2). XXXVI, 726 p.

- 9) Capitularia regum Francorum / Ed. G.H. Pertz. Hannover: Hahn, 1835 (MGH. LL. 1). XXXVI, 578 p.
- 10) Capitularia regum Francorum: Additae sunt Marculfi Monachi & aliorum Formulae veteres & Notae doctissimorum Virorum / Ed S. Baluzius. Paris, 1780. T. I. VIII, 84 p., 1456 col.; T.II. VIII, 1664 col.
- 11) Codex diplomaticus aevi Saxonici / Ed. J.M. Kemble. London, 1846. T. IV. XX, 318 p.
- 12) Concilia aevi merovingici / Ed. F. Maasen. Hannover: Hahn, 1893 (MGH. Conc. 1). XVI, 282 p.
- 13) Constitutiones regum Germaniae / Ed. G.H. Pertz. Hannover: Hahn, 1837 (MGH. LL. 1). Pars I. XX, 582 p.; Pars II. 218 p.
- 14) Cornelii Taciti Germania in usum scholarum recognita a Mauricio Hauptio. Berlin, 1855. 54 S.
- 15) Corpus iuris civilis / Ed. P. Krueger et Th. Mommsen. Hildesheim: Weidmann, 1872. T. I. Institutiones. Digesta. 58 S.; XXXII, 904 S.
- 16) Corpus iuris Germanici antiqui / Ed. F. Walter. Berlin: G. Reimer, 1824. T. II. Capitularia regum Francorum usque ad Ludovicum Pium continens. VIII, 867 p.; T. III. Capitularia regum Francorum et imperatorum post Ludovicum Pium continens. VIII, 803 p.
- 17) Einhardi Vita Karoli Magni / Curavit O. Holder-Egger. Hannover, Leipzig: Hahn, 1911 (MGH. SS rer. Germ. 25). XXIX, 60 p.
- 18) Formulae Merovingici et Karolini aevi / Ed. K. Zeumer. Hannover: Hahn, 1886 (MGH. Formulae Merovingici et Karolini aevi. 5). XX, 782 p.
- 19) Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Halle a. S., 1903–1916. Bd. I. Text und Übersetzung. LXII, 676 S.; Bd. II. Wörterbuch. Rechts- und Sachglossar. VIII, 758 S.; Bd. III. Einleitung zu jedem Stück; Erklärungen zu einzelnen Stellen. 356 S.
- 20) Die Gesetze der Angelsachsen in der Ursprache mit Übersetzung, Erläuterungen und einem antiquarischen Glossar / Hrsg. von R. Schmid. 2. Aufl. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1858. LXXXIII, 680 p.

- 21) *Heptateuchus, Liber Job, et Evangelium Nicodemi; Anglo-Saxonice. Historiae Judith Fragmentum; Dano-Saxonice / Ed. E. Thwaites. Oxonia, 1698. 168; [32] p.*
- 22) *Herold J.B. Originum ac Germanicarum antiquitatum libri, Leges videlicet, Salicae, Allemannorum, Saxonum, Angliorum, Thuringorum, Burgundionum, Francorum, Ripuariae, Boioariorum, Vuestphalorum, Vuerinorum, Frisionum, Langobardorum, Theutonum... Basileae: H. Petri, 1557. 347 p.*
- 23) *The Institutes of Gaius and Rules of Ulpian: The former from Studemund's Apograph of the Verona Codex / With Transl. and Notes, Critical and Explanatory, and copious Alphabetical Digest by J. Muirhead. Edinburgh: T. & T. Clark, 1880. XXII, 632 p.*
- 24) *Die Kapitulariensammlung des Ansegis / Hrsg. von G. Schmitz. Hannover: Hahn, 1996 (MGH. Capit. N.S. 1). X, 771 S.*
- 25) *Die Landgüterordnung Kaiser Karls des Grossen (Capitulare de villis vel curtis imperii). Text-Ausgabe mit Einleitung und Anmerkungen / Hrsg. von K. Gareis. Berlin: F. Guttentag, 1895. 68 S.*
- 26) *Laws of the Salian and Ribvarian Franks / Transl. by T. Rivers. N.Y.: AMS Press, 1986.*
- 27) *The Laws of the Salian Franks / Ed. by K.F. Drew. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1991. IX, 256 p.*
- 28) *Leges Saxonum. Lex Thuringorum. Edictum Theoderici regis. Remedii Curiensis episcopi capitula. Lex Ribuaria. Lex Francorum Chamavorum. Lex Romana Raetica Curiensis. Hannover: Hahn, 1875–1889 (MGH. LL. 5). VII, 452 p.*
- 29) *Lex Baiwariorum / Ed. E. de Schwind. Hannover: Hahn, 1926 (MGH. LL nat. Germ. 5,2). VI, [177–492] p.*
- 30) *Lex Ribuaria et Lex Francorum Chamavorum ex Monumentis Germaniae Historicis recusae / Ed. R. Sohm. Hannover: Hahn, 1883 (MGH. Fontes iuris. 6). 146 p.*

- 31) Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle und R. Buchner. Hannover: Hahn, 1954 (MGH. LL nat. Germ. 3,2). 217 S.
- 32) Lex Salica / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover: Hahn, 1969 (MGH. LL nat. Germ. Bd. 4,2). VIII, 264 S.
- 33) Lex Salica emendata nach dem Codex Vossianus Q. 119 / Hrsg. von A. Holder. Leipzig: Teubner, 1879. 64 S.
- 34) Lex Salica. 100-Titel Text / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Weimar: H. Böhlau Nachfolger, 1953 (Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Westgermanisches Recht. Bd. 3). 318 S.
- 35) Lex Salica: The Ten Texts with the Glosses, and the Lex Emendata / Ed. by J.H. Hessels and H. Kern. London: J. Murray; Trübner & Co., 1880. XLIV, 692 col.
- 36) Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen: Musterschmidt, 1954. Bd. I. Einführung und 80-Titel Text (Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Westgermanisches Recht. Bd. 1). 287 S.
- 37) Pactus legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen, Berlin, Frankfurt: Musterschmidt, 1957. Bd. I, 2. Systematischer Text (Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Westgermanisches Recht. Bd. 1). [298–379] S.
- 38) Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Göttingen: Musterschmidt, 1956. Bd. II, 2. Kapitularien und 70-Titel Text (Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Westgermanisches Recht. Bd. 2). [361–612] S.
- 39) Pactus Legis Salicae / Hrsg. von K.A. Eckhardt. Hannover: Hahn, 1962 (MGH. LL nat. Germ. 4,1). XLII, 327 S.
- 40) The Parker chronicle and laws (Corpus Christi College, Cambridge, MS. 173). A facsimile / Ed. by R. Flower and H. Smith. London: Oxford Univ. Press, 1941 (Early English Text Society. Original series. Vol. 208). [56 fol.].
- 41) Two of the Saxon Chronicles with supplementary extracts from the others (787–1001 A.D.) / Ed. with introduction and glossary by Ch. Plummer and J. Earle. Oxford: Clarendon Press, 1889. XV, 136 p.

42) *Quadripartitus*, ein Englisches Rechtsbuch, nachgewiesen und soweit bisher ungedruckt / Hrsg. von F. Liebermann. Halle a. S.: M. Niermeyer, 1892. VIII, 168 S.

D. Словари и учебные пособия. Справочная литература.

- 1) *Бах А.* История немецкого языка / Пер. с нем. Н.Н. Семенюк; ред., предисл. и примеч. М.М. Гухман. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 343 с.
- 2) *Гуревич А.Я.* Крестьяне // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 240–241.
- 3) *Гурычева М.С.* Народная латынь: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 190 с.
- 4) *Доза А.* История французского языка / 4-е изд. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 472 с.
- 5) *Дубровский И.В.* Свобода и несвобода // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 451–455.
- 6) *Милль Дж.* О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26.
- 7) *Монтескьё Ш.Л.* Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина. М.: Политиздат, 1955. 799 с.
- 8) *Пухта Г.-Ф.* Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. С. 423–510.
- 9) *Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Филологический фак-т, 1998 [Репринт]. 318 с.
- 10) *An Anglo-Saxon Dictionary* / Ed. by J.D.D. Bosworth; enlarg. by T.N. Toller. Oxford: Clarendon Press, 1882. T. I. XIV, 1302 p.
- 11) *A Gothic Etymological Dictionary* / Ed. by W.P. Lehmann. Leiden: Brill, 1986. XIX, 712 p.

- 12) *Ker N.R.* Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford: Clarendon Press, 1957. LXIII, 567 p.
- 13) *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 6. Aufl. Straßburg, 1899. XXVI, 510 S.
- 14) *Miller J.C.* Slavery and Slaving in World History. A Bibliography. N.Y.: M.E. Sharpe, 1999. Vol. I: 1900–1991. XIX, 568 p.; Vol. II: 1992–1996. XXI, 244 p.
- 15) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch / Hrsg. von W. Müller, mit Benutzung des Nachlasses von G.F. Benecke.* Leipzig: S. Hirzel, 1854. Bd. I (A–L). XXII, 1061 S.
- 16) *Mordek H.* Bibliotheca capitularium regum Francorum manuscripta: Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse. München: MGH, 1995 (MGH. Hilfsmittel. Bd. 15). XLV, 1158 S.
- 17) *Nehlsen H.* Mancipia // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Berlin: E. Schmidt, 1978. Bd. III. Lfg. 17. Sp. 219–229.
- 18) *Schönfeld B.* Laeti // Pauly–Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1924. Halbband 23. Sp. 446–448.
- 19) *Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch / 3. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1981. XXXVII, 250 S.

Е. Исследовательская литература.

- 1) *Ауров О.В.* Государство и право в Королевстве вестготов (Тулузский и Толедский периоды) // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. С. 60–95.
- 2) *Бессмертный Ю.Л.* Формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Галлии (VI–X вв.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1985. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 216–244.

- 3) *Блок М.* Феодальное общество / Пер. с франц. М.Ю. Кожевниковой; под. ред. Н.С. Мавлевич. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
- 4) *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории / Пер. с франц. И.И. Фроловой; ред. и предисл. А.Д. Люблинской. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 313 с.
- 5) *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб.: Типогр. В.С. Балашёва, 1887. 260 с.
- 6) *Глебов А.Г.* Англия в раннее Средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 288 с.
- 7) *Грацианский Н.П.* О разделах земель у бургундов и у вестготов // СВ. 1942. Вып. 1. С. 7–19.
- 8) *Гуревич А.Я.* Английское крестьянство в X – нач. XI вв. // СВ. 1957. Вып. 9. С. 69–131.
- 9) *Гуревич А.Я.* Королевские пожалования и феодальное подчинение английского крестьянства // СВ. 1953. Вып. 4. С. 49–73.
- 10) *Гуревич А.Я.* Становление английского крестьянства в донормандский период // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1985. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 276–295.
- 11) *Гуревич А.Я.* Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 11–49.
- 12) *Данилевский И.Н.* Какая текстология нужна историкам? [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.worldhist.ru/Files/Danilevsky.Text.rtf>. Дата обращения: 15.03.2015].
- 13) *Данилова Г.М.* О списках и редакциях «Салической правды» и описание рукописи “*Leninopolitanus*” // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 68. Кафедра истории древнего мира и кафедра истории средних веков (Сборник памяти А.Е. Кудрявцева / Отв. ред. А.М. Розенберг). С. 101–114.

- 14) *Данилова Г.М.* Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников). Петрозаводск: Карелия, 1974. 232 с.
- 15) *Земляков М.В.* А.И. Неусыхин и его концепция переходного периода: восприятие и интерпретации // Вестник Православного Свято – Тихоновского гуманитарного университета. 2014. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. Вып. 1 (56). С. 113–136.
- 16) *Земляков М.В.* «Варварские правды» как источник легитимации королевской власти V–IX вв.: соотношение исторического и мифологического контекстов // Исторический факт как аргумент политической полемики. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2011. С. 49–70.
- 17) *Земляков М.В.* Законы кентских королей VII в. в Рочестерском кодексе (Textus Roffensis): обстоятельства появления и структура // История. Электронный научно – образовательный журнал. Вып. 6 (39) [Электронный документ. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840001198-6-1>. Дата обращения: 06.10.2015 г.].
- 18) *Земляков М.В.* Категории зависимости в древнеанглийских правовых источниках VII – начала X в. (анализ Textus Roffensis) // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. Мат-лы конф. М., 2013. С. 108–113.
- 19) *Земляков М.В.* Правовой статус франкского раба: опыт текстологического анализа Pactus legis Salicae // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура. Мат-лы Всеросс., с межд. участием, науч. конф. молодых учёных. Ижевск, 2–3 декабря 2014 г. Ижевск: Ижевский ин-т компьютерных исследований, 2014. С. 21–27.
- 20) *Земляков М.В.* Рукопись Lat. Q. v. II. 11 из собрания Российской национальной библиотеки как сборник правовых текстов раннего Средневековья: принципы и этапы составления // История. Электронный

научно – образовательный журнал. Вып. 11 (34) [Электронный документ. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840000962-7-1>. Дата обращения: 02.02.2015 г.].

21) *Земляков М.В.* Социально-правовой статус людей короля и церкви в Рипуарской правде: между рабством и свободой // Средние века. 2015. Вып. 76 (3–4). С. 76–100.

22) *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII в. // Средние века. 2014. Вып. 75 (1–2). С. 262–298.

23) *Золотарёв А.Ю.* Правовой статус раба в раннесредневековой Англии // Известия Саратовского университета. Научный журнал. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер. История. Международные отношения. Вып. 3. С. 3–9.

24) *Золотарёв А.Ю.* К вопросу об источниках рабства и характере эксплуатации рабов в раннесредневековой Англии // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. Мат-лы конф. М., 2013. С. 113–119.

25) *Ингрэм Дж.К.* История рабства от древнейших до новых времён с дополнениями их трудов Валлона, Турманя, Рамбо и Лависса. СПб., 1896. 334 с.

26) *Капранова Е.Ю.* Раб каролингской эпохи: объект или субъект права? // Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 103–119.

27) *Корсунский А.Р.* О статусе франкских колонов // СВ. 1969. Вып. 32. С. 26–47.

28) *Корсунский А.Р.* Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1985. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 178–215.

- 29) *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во МГУ, 1984. 256 с.
- 30) *Кривицына Е.С.* Вольноотпущенники Церкви в соборном законодательстве Толедского королевства // *Древнее право*. Вып. 1 (26). С. 126–142.
- 31) *Лампрехт К.* История германского народа / Пер. с нем. П. Николаева. СПб.: Типогр. В. Рихтер, 1894. Т. I. Ч. 1–2. XXII, 608 с.
- 32) *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI – VIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 420 с.
- 33) *Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // *ВИ*. 1967. № 1. С. 75–88.
- 34) *Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // *СВ*. 1968. Вып. 31. С. 45–63.
- 35) *Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Отв. ред. Л.В. Данилова. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 596–616.
- 36) *Неусыхин А.И.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 1 // *СВ*. 1960. Вып. 17. С. 394–409.
- 37) *Неусыхин А.И.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 2 // *СВ*. 1962. Вып. 21. С. 212–237.
- 38) *Неусыхин А.И.* Новые данные по источниковедению Салической правды. Очерк 4 // *СВ*. 1967. Вып. 30. С. 41–60.
- 39) *Неусыхин А.И.* Общественный строй древних германцев. М.: РАНИОН, 1929. 229 с.

- 40) *Неусыхин А.И.* Собственность и свобода в варварских правдах (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V–VIII вв. (1946)) // Он же. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М.: Наука, 1974. С. 35–210.
- 41) *Неусыхин А.И.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1985. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 137–176.
- 42) *Неусыхин А.И., Данилов А.И.* О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиевистике ФРГ // СВ. 1960. Вып. 18. С. 114–137.
- 43) *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. 338 с.
- 44) *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. 4-е изд. М.: Изд-во УРСС, 2003 [Репринт]. 224 с.
- 45) *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. 6-е изд. М.: Изд-во УРСС, 2003 [Репринт]. 298 с.
- 46) *Савело К.Ф.* Раннефеодальная Англия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. 144 с.
- 47) *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 240 с.
- 48) *Свердлов М.Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 319 с.
- 49) *Соколова М.Н.* Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII–X вв. // СВ. 1955. Вып. 6. С. 34–55.
- 50) *Филиппов И.С.* От раба к работнику: история слова *mancipium* и имени *mancip* в Средние века // Именослов: история языка, история культуры.

Труды центра славяно-германских исследований / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 64–98.

51) *Филиппов И.С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье: проблема становления феодализма. М.: Изд-во «Скрипторий 2000», 2000. 799 с.

52) *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 512 с.

53) *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. СПб.: Литотипогр. Альтшулера, 1907–1910. Т. 3. Франкская монархия. XVI, 814 с.; Т. 4: Аллод и сельское поместье в меровингскую эпоху. XXVI, 562 с.; Т. 5. Начала феодального строя. XXX, 542 с.

54) *Шервуд Е.А.* От англо-саксов к англичанам (К проблеме формирования английского народа). М.: Наука, 1988. 240 с.

55) *Abel W.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart: E. Ulmer, 1962 (Deutsche Agrargeschichte / Hrsg. von G. Franz. Bd. 2). 336 S.

56) *Airlie St.* "For it is written in the law": Ansegis and the writing of Carolingian royal authority // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. by St. Baxter [a.o.]. Farnham: Ashgate, 2009. P. 219–235.

57) *Allard P.* Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'église jusque à la fin de la domination romaine en Occident. 5ème éd., entière. repondue. Paris: Lecoffre, 1914. XIII, 484 p.

58) *Baldamus A.* Das Heerwesen unter den späteren Karolingern. Breslau: W. Koebner, 1879. 93 S.

59) *Balon J.* Traité de Droit Salique. Etude d'exégèse et de sociologie juridique. Namur: Les Anc. Ets Godenne, 1965. Т. 2 (Ius medii aevi. Т. 3). [376–766] P.

60) *Banniard M.* Genèse culturelle de l'Europe V^e–VIIIe siècles. Paris: Éd. du Seuil, 1989. 254 p.

- 61) *Below G., von.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft des Mittelalters in ihren Grundzügen / Aus dem hinterlassenen Manuskript hrsg. von F. Lütge. 2. Aufl. Jena: Fischer, 1937. VI, 114 S.
- 62) *Below G., von.* Probleme der Wirtschaftsgeschichte: eine Einführung in das Studium der Wirtschaftsgeschichte. Tübingen: Mohr, 1920. XX, 710 S.
- 63) *Beyerle F.* Das Gesetzbuch Ribvariens. Volksrechtliche Studien III // ZSSR. GA. 1935. Bd. 55. S. 1–80.
- 64) *Beyerle F.* Die süddeutschen Leges und die merowingische Gesetzgebung. Volksrechtliche Studien II // ZSSR. GA. 1929. Bd. 49. S. 264–432.
- 65) *Beyerle F.* Über Normtypen und Erweiterungen der Lex Salica // ZSSR. GA. 1924. Bd. 44. S. 216–261.
- 66) *Bloch M.* Comment et pourquoi finit l’esclavage antique? // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1947. Vol. 2. No 1. P. 30–44.
- 67) *Bloch M.* L’origine et la date du Capitulaire de villis // Revue historique. 1923. T. 143. Fasc. 1. P. 40–56.
- 68) *Bloch M.* Les “Colliberti”. Essai sur la formation de la classe servile // Revue historique. 1928. T. 157. Fasc. 1. P. 1–48.
- 69) *Bloch M.* Rois et serfs: un chapitre d’histoire capétienne. Paris: Honoré Champion, 1920. 224 p.
- 70) *Bloch M.* Seigneurie française et manoir anglais. Paris: A. Colin, 1960 (Cahiers des Annales: Publ. avec de concours de Centre national de la recherche scientifique. Vol. 16). 159 p.
- 71) *Bloch M.* Serf de la glebe. Histoire d’une expression toute faire // Revue historique. 1921. T. 136. Fasc. 2. P. 220–242.
- 72) *Bloch M.* Une probleme d’histoire comparée: la ministerialite en France et en Allemagne // Revue historique du droit français et étranger. 1928. Année 7ème. P. 46–91.
- 73) *Bondue D.* De servus à sclavus: La fin de l’esclavage antique (371–918). Paris: PUPS, 2011 (Cultures et civilisations médiévales. No 53 / Dir. par D. Boutet, J. Verger et F. Joubert). 525 p.

- 74) *Bonnassie P.* Marc Bloch, historien de la servitude. Réflexions sur le concept de la „classe servile“ // *Idem.* Les sociétés de l'an mil: Un monde entre deux âges. Bruxelles: DeBoeck Université & Larcier, 2001. P. 23–50.
- 75) *Bonnassie P.* Survie et extinction du régime esclavagiste dans l'Occident du Haut Moyen Âge // *Idem.* Les sociétés de l'an mil: Un monde entre deux âges. Bruxelles: DeBoeck Université & Larcier, 2001. P. 85–142.
- 76) *Bosl K.* Anfänge und Ansatzpunkte deutscher Gesellschaftsentwicklung. Eine Strukturanalyse // *Idem.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa: Ausgewählte Beiträge zu einer Strukturanalyse des mittelalterlichen Welt. München; Wien: Oldenbourg, 1964. S. 11–61.
- 77) *Bosl K.* Das „ius ministerialium“. Dienstrecht und Lehnrecht im deutschen Mittelalter // *Idem.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa: Ausgewählte Beiträge zu einer Strukturanalyse des mittelalterlichen Welt. München; Wien: Oldenbourg, 1964. S. 277–326.
- 78) *Bosl K.* Die Gesellschaft in der Geschichte des Mittelalters. 3. erw. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1975. 90 S.
- 79) *Bosl K.* Freiheit und Unfreiheit. Zur Entwicklung der Unterschichten in Deutschland und Frankreich während des Mittelalters // *Idem.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa: Ausgewählte Beiträge zu einer Strukturanalyse des mittelalterlichen Welt. München; Wien: Oldenbourg, 1964. S. 180–203.
- 80) *Bosl K.* Eine Geschichte der deutschen Landgemeinde // *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie.* 1961. Jg. 9. Heft 2. S. 129–142.
- 81) *Bosl K.* Über soziale Mobilität in der mittelalterlichen «Gesellschaft». Dienst, Freiheit, Freizügigkeit als Motive sozialen Aufstiegs // *Idem.* Frühformen der Gesellschaft im mittelalterlichen Europa: Ausgewählte Beiträge zu einer Strukturanalyse des mittelalterlichen Welt. München; Wien: Oldenbourg, 1964. S. 156–179.

- 82) *Brady R.* A Complete History of England from the First Entrance of the Romans under the Conduct of Julius Caesar, unto the End of the Reigh of King Henry III... London: Tho. Newcomb, 1685.
- 83) *Bromberg E.I.* Wales and the medieval slave trade // *Speculum. A Journal of Medieval Studies.* 1942. January. Vol. XVII. No 1. P. 263–269.
- 84) *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig: Duncker & Humblot, 1906–1928. 2. Aufl. Bd. 1. XIV, 629 S.; Bd. 2. XVI, 934 S. (Systematisches Handbuch der Deutschen Rechtswissenschaft. 2. Abt. Teil 1. Bd. 1–2).
- 85) *Brunner H.* Die uneheliche Vaterschaft in den älteren germanischen Rechten // *ZSSR. GA.* 1896. Bd. 17. S. 1–32.
- 86) *Buchner R.* Zu Text und Handschriftenstammbaum der Lex Ribvaria // *ZSSR. GA.* 1963. Bd. 80. S. 306–315.
- 87) Burgundionum leges Gundobada et Papianus vulgo dictae edente Friderico Bluhme ICto [Praefatio] // *Leges Alamannorum. Leges Baiuvariorum. Leges Burgundionum. Lex Frisionum.* Hannover: Hahn, 1863 (MGH. LL. 3). P. 497–524.
- 88) *Carella B.* The Source of the Prologue to Laws of Alfred // *Peritia.* 2005. No 19. P. 91–118.
- 89) *Chauvot A.* Approche juridique de la notion de barbare // *Le Bréviaire d'Alaric: Aux origines du Code civil / Dir. par M. Rouche et B. Dumézil.* Paris: PUPS, 2008 (Cultures et civilisations médiévales. No 44 / Dir. par C. Tomasset, M. Rouche, J. Verger et F. Joubert). P. 27–40.
- 90) *Clement K.J.* Die Lex Salica und die Text-Glossen in der Salischen Gesetzsammlung, germanisch, nicht keltisch; mit Beziehung auf die Schrift von Dr.H. Leo: "Die Malbergische Glosse, ein Rest altkeltischer Sprache und Rechtsauffassung". Ein Versuch. Mannheim: Fr. Bassermann, 1843. 79 S.
- 91) *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Ein Lehrbuch. Karlsruhe: C.F. Müller, 1954. Bd. 1. Frühzeit und Mittelalter. XXVII, 639 S.
- 92) *Da Silva M.C.* Le prince, la Lex et la Iustitia: Le Bréviaire d'Alaric et l'Édit attribué à Clotaire II // *Le Bréviaire d'Alaric: Aux origines du Code civil / Dir. par*

- M. Rouche et B. Dumézil. Paris: PUPS, 2008 (Cultures et civilisations médiévales. No 44 / Dir. par C. Tomasset, M. Rouche, J. Verger et F. Joubert). P. 199–212.
- 93) *Dannenbauer H.* Königsfreie und Ministerialen // *Idem.* Grundlagen der mittelalterlichen Welt. Skizzen und Studien. Stuttgart: Kohlhammer, 1958. S. 329–353.
- 94) *Davis D.B.* The Problem of Slavery in Western Culture. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 1966. 505 p.
- 95) *Davoud-Oghlou G.A.* Histoire de la législation des anciens germains. T. II. Langobards, thuringiens, frisons, saxons, anglo-saxons. Berlin: Reimer, 1845. IV, 799 p.
- 96) *Doehaerd R.* Le Haut Moyen Âge occidental. Économies et sociétés. Paris: Presses universitaires de France, 1971. 380 p.
- 97) *Doehaerd R.* The early Middle Ages in the West: Economy and Society / Transl. by W.G. Deakin. Amsterdam [a.o.]: North–Holland Pub. Co., 1978 (Europe in the Middle Ages. Selected Studies. Vol. 13). XVII, 307 p.
- 98) *Dopsch A.* Die Wirtschaftsentwicklung in der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland. 2. veränd. u. erweit. Aufl. Weimar: H. Böhlau Nachfolger, 1921. Bd. I. XIV, 402 S.
- 99) *Du Cange, Ch. du Fresne.* Glossarium mediae et infimae latinitatis / Conditum a Carolo Dufesne Domino du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis S. Benedicti. Parisiis: F. Didot, 1844. T. III. 969 p.
- 100) *Duby G.* L'Économie rurale et la vie des campagnes dans l'occident médiéval (France, Angleterre, Empire, IX–XV siècles). Essai de synthèse et perspectives de recherches. Paris: Aubier, 1962. 822 p.
- 101) *Duby G.* Rural Economy and Country Life in the Medieval West / Trans. by C. Postan; foreword by P. Freedman. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1998. XIX, 601 p.
- 102) *Dumville D.N.* On the dating of the early Breton lawcodes // *Idem.* Britons and Anglo-Saxons in the early Middle Ages. Great Yarmouth: Variorum, 1993 (Variorum Collected Studies Series. Vol. 379). P. 207–221.

- 103) *Filippov I.* La naissance du servage russe. Un survol de l'historiographie contemporaine // Nouveaux servages et société en Europe (XIIIe–XXe siècle). Actes du colloque de Besançon, 4–6 octobre 2007 / Ed. N. Carrier. Caen: AHSR, 2010 (Bibliothèque d' Histoire Rurale. Vol. 11). P. 333–382.
- 104) *Finley M.I.* Ancient Slavery and Modern Ideology. N.Y.: The Viking Press, 1980. 202 p.
- 105) *Fossier R.* Histoire sociale de l'Occident médiévale. Paris: A. Colin, 1970. 382 p.
- 106) *Fournier M.* Essai sur les formes et les effets de l'affranchissement dans le droit gallo-franc. Paris: F. Vieweg, 1885 (Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Sciences philologiques et historiques. Fasc. 60). XIII, 177 p.
- 107) *Fournier M.* Les affranchissement du Ve au XIIIe siècle influence de l'église, de la royauté et des particuliers sur la condition des affranchis du Ve au XIIIe siècle // Revue Historique. 1883. T. 21. Fasc. 1. P. 1–58.
- 108) *Ganshof F.L.* Was waren die Kapitularien? Weimar: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1961. 186 S.
- 109) *Garnsey P.* Ideas of Slavery from Aristotle to Augustine. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. XV, 269 p.
- 110) *Gaupp E. Th.* Das alte Gesetz der Thüringer oder die Lex Angliorum et Werinorum, hoc est, Thuringorum, in ihrer Verwandtschaft mit der Lex Salica und Lex Ripuaria dargestellt und mit erklärenden Anmerkungen herausgegeben. Breslau: J. Max und Co., 1834. XII, 422 S.
- 111) *Gaupp E. Th.* Lex Francorum Chamavorum oder das vermeintliche Xantener Gaurecht. Breslau: J. Max und Co., 1855. VI, 83 S.
- 112) *Gaupp E. Th.* Recht und Verfassung der alten Sachsen. In Verbindung mit einer kritischen Ausgabe der Lex Saxonum. Breslau: J. Max und Co., 1937. XVI, 228 S.
- 113) *Goldberg E.* Popular Revolt, Dynastic Politics, and Aristocratic Factionalism in the Early Middle Ages: The Saxon “Stellinga” Reconsidered // Speculum. 1995. July. Vol. 70. No 3. P. 467–501.

- 114) *Grimm J.* Deutsche Rechtsalterthümer. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. Bd. I. XXXIII, 675 S.; Bd. II. 723 S.
- 115) *Guillot O.* Brèves remarques sur l'esprit de quelques interprétations fondamentales du Bréviaire d'Alaric et sur sa réception par les rois mérovingiens // Le Bréviaire d'Alaric: Aux origines du Code civil / Dir. par M. Rouche et B. Dumézil. Paris: PUPS, 2008. (Cultures et civilisations médiévales. No 44 / Dir. par C. Tomasset, M. Rouche, J. Verger et F. Joubert). P. 179–198.
- 116) *Halsall G.* Social identities and social relationships in early Merovingian Gaul // Franks and Alamanni in the Merovingian Period. An ethnographical perspective / Ed. by I. Wood. Woodbridge: The Boydell Press, 1998 (Studies in Historical Archaeoethnology / Ser. ed. Giorgio Asenda. Vol. 3). P. 141–175.
- 117) *Hamp E.P.* Germanic *skalkaz // NOWELE = North-Western European Language Evolution. 1990. September. Vol. 16. P. 99.
- 118) *Harvey P.D.A.* Rectitudines singularum personarum and Gerefa // The English Historical Review. January 1993. No. 426. P. 1–22.
- 119) *Helten W., van.* Zu den malbergischen Glossen und den salfränkischen Formeln und Lehrwörtern in der Lex Salica // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle a. S.: Niemeyer, 1900. Bd. 25. S. 225–542.
- 120) *Hempl G.* G. skalks, NHG. schalk, etc., G. kalkjo, ON. skækja, OHG. karl, NHG. kerl, kegel, etc. // The Journal of Germanic Philology. 1897. Vol. I. No 3. P. 342–347.
- 121) *Herman J.* Spoken and Written Latin in the last centuries of the Roman Empire. A contribution to the linguistic history of the western provinces // Latin and the Romance languages in the early Middle Ages / Ed. by R. Wright. London; N.Y.: Routledge, 1991. P. 29–43.
- 122) *Heymann E.* Zur Textkritik der Lex Salica (Aufsätze A und B) // NA. 1919. Bd. 41. S 419–524.
- 123) *Heywood S.* A Dissertation upon the Distinction in Society, and Ranks of the People, under the Anglo-Saxon Government. London: W. Clarke and Sons, 1818. LVII, 435 p.

- 124) *Holdsworth W.* A History of English Law. 5th ed. London: Methuen & Co, 1936. Vol. II XXXI, 661 p.
- 125) *Inama-Sternegg K. Th., von.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. I: Bis zum Schluß der Karolingerperiode. 2. Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot, 1909. XXXVIII, 755 S.
- 126) *Janson T.* Language change and metalinguistic change: Latin to Romans and other cases // Latin and the Romance languages in the early Middle Ages / Ed. by R. Wright. London; N.Y.: Routledge, 1991. P. 19–28.
- 127) *Jastrow I.* Zur strafrechtlichen Stellung der Sklaven bei Deutschen und Angelsachsen. Breslau: Koebner, 1878 (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte / Hrsg. von Otto Gierke. Bd. II). 83 S.
- 128) *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford: B. Blackwell, 1964. Vol. I. XV, 522 p.; Vol. II. [523–1068] P.
- 129) *Kemble J.M.* The Saxons in England. A History of the English Commonwealth till the period of the Norman Conquest. London: Longman, 1849. Vol. I. IX, 535 p.; Vol. II. 562 p.
- 130) *Kern H.* Die Glossen in der Lex Salica und die Sprache der salischen Franken. Beitrag zur Geschichte der deutschen Sprachen. Haag: M. Nijhoff, 1869. 186 S.
- 131) *Kincl J.* Nesvobodni ve franckých formulářových textech // Právněhistorické Studie. Praha, 1967. S. 5–43.
- 132) *Krammer M.* Forschungen zur Lex Salica (I) // NA. 1914. No. 39. S. 601–691.
- 133) *Krammer M.* Kritische Untersuchungen zur Lex Salica (Erster Theil) // NA. 1905. No. 30. S. 263–319.
- 134) *Krammer M.* Zur Textproblem der Lex Salica (Eine Erwiderung) // NA. 1919. No. 41. S. 105–156.
- 135) *Krusch B.* Die Lex Salica: Textkritik, Entstehung, Münzsystem // Historische Veierteljahrschrift. 1937–1939. Bd. 31. S. 417–437.

- 136) *Lamprecht K.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Untersuchungen über die Entwicklung der materiellen Kultur des platten Landes aus Grund der Quellen zunächst des Mosellandes. Leipzig: A. Dürr, 1886. Bd. I, 1. Darstellung. XVI, 663 S.
- 137) *Landau P.* Die Lex Thuringorum – Karls des Großen Gesetz für die Thüringer // ZSSR. GA. 2001. Bd. 118. S 23–57.
- 138) *Landau P.* Die Lex Baiuvariorum. Entstehungszeit, Entstehungsort und Character von Bayerns ältester Rechtsbuch und Geschichtsquelle. München: Verl. der Bayerischen Akademie der Wissenschaften; C.H. Beck, 2004 (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch–historische Klasse. Sitzungsberichte. Jg. 2004. Heft 3). 51 S.
- 139) *Leges Burgundionum [Praefatio] / Ed. Ludovicus Rudolfus de Salis.* Hannover: Hahn, 1892 (MGH. LL nat. Germ. 2,1). P. 3–27.
- 140) *Lehmann H.* Bemerkungen zur Sklaverei im frühmittelalterlichen Bayern und zu den Forschungsmethoden auf dem Gebiet germanischer Sozialgeschichte // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1965. Bd. 13. S. 1378–1387.
- 141) *Leseur P.* Des Conséquences du délit de l'esclave dans les "leges barbarorum" et dans les capitulaires. Paris: L. Larose et Forcel, 1889. VIII, 127 p.
- 142) *Letourneau Ch.* L'Évolution de l'esclavage dans les diverses races humaines. Paris: Vigot, 1897. XXI, 538 p.
- 143) *Lex Francorum Chamavorum ex editione Rudolphi Sohm [Praefatio] // Leges Saxonum. Lex Thuringorum. Edictum Theoderici regis. Remedii Curiensis episcopi capitula. Lex Ribuaria. Lex Francorum Chamavorum. Lex Romana Raetica Curiensis.* Hannover: Hahn, 1875–1889 (MGH. LL. 5). P. 269–271.
- 144) *Lex Frisionum edente Karolo libero barone de Richthofen... [Praefatio] // Leges Alamannorum. Leges Baiuvariorum. Leges Burgundionum. Lex Frisionum.* Hannover: Hahn, 1863 (MGH. LL. 3). P. 631–655.
- 145) *Lex Ribuaria ex editione Rudolphi Sohm [Praefatio] // Leges Saxonum. Lex Thuringorum. Edictum Theoderici regis. Remedii Curiensis episcopi capitula. Lex*

Ribuaria. Lex Francorum Chamavorum. Lex Romana Raetica Curiensis. Hannover: Hahn, 1875–1889 (MGH. LL. 5). P. 185–204.

146) *Liebs D.* Die im spätantiken Gallien verfügbaren römischen Rechtstexte Literaturschicksale in der Provinz zwischen dem 3. und 9. Jh. // Recht im frühmittelalterlichen Gallien. Spätantike Tradition und germanische Wertvorstellungen / Hrsg. von H. Siems, K. Nehlsen-von Stryk, D. Strauch. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1995 (Rechtsgeschichtliche Schriften. Bd. 7). S. 1–28.

147) *Lindenbrogius F.* Codex legum antiquarum in quo continentur Leges Wisigothorum, Edictum Theodorici, Lex Burgundionum, Lex Allamannorum, Lex Bayuvariorum, Decretum Tassilonis, Lex Ripuariorum, Lex Saxonum, Lex Angliorum, Lex Frisionum, Lex Langobardorum... Francofurti: I. & A. Marnius & consortes, 1613. 1570 p.

148) *Lintzel M.* Die Capitulatio de partibus Saxoniae // *Idem.* Ausgewählte Schriften. Bd. I. Zur altsächsischen Stammesgeschichte. Berlin, 1961. S. 380–389.

149) *Lloyd P.M.* On the name of languages (and other things) // Latin and the Romance languages in the early Middle Ages / Ed. by R. Wright. London; N.Y.: Routledge, 1991. P. 9–18.

150) *Lyon B.D.A.* A Constitutional and legal History of Medieval England. 2nd ed. N. Y.; London: W.W. Norton & Co, 1980. XVIII, 669 p.

151) *Lütge F.* Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Ein Überblick. Berlin, Göttingen; Heidelberg: Springer, 1952. XIV, 433 S.

152) *Lütge F.* Die Agrarverfassung des frühen Mittelalters im mitteldeutschen Raum vornehmlich in der Karolingerzeit. Jena: G. Fischer, 1937. XX, 370 S.

153) *Lütge F.* Geschichte der deutschen Agrarverfassung. Stuttgart: E. Ulmer, 1963 (Deutsche Agrargeschichte. Bd. 3). 269 S.

154) *Maitland F.W.* Domesday Book and beyond. Three essays in the early history of England. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1897. XIV, 257 p.

155) *Maurer K., von.* Über das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme in seiner Verhältniß zur gemeiner Freiheit. München: Verlag der literarisch-artistische Anstalt, 1846. XI, 228 S.

- 156) *Mayer E.* Zur Entstehung der Lex Ribuariorum. Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. München: M. Rieger'sche Universitäts-Buchhandlung, 1886. 182 S.
- 157) *Mayer Th.* Bemerkungen und Nachträge zum Problem der freien Bauern // *Idem.* Mittelalterliche Studien. Gesammelte Aufsätze. Konstanz: Jan Thorbecke, 1959. S. 164–186.
- 158) *Mayer Th.* Das Capitulare de villis // ZSSR. GA. 1962. Bd. 79. S. 1–31.
- 159) *Mayer Th.* Die Königsfreien und der Staat des frühen Mittelalters // Vorträge und Forschungen / Hg. vom Institut für geschichtliche Landesforschung des Bodenseegebietes in Konstanz, geleit. von Theodor Mayer. Lindau, Konstanz: Jan Thorbecke, 1955. Bd. II. S. 7–56 [Rez.: Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1957. Bd. 7. Heft 2. S. 222–225].
- 160) *Mayer Th.* Königtum und Gemeinfreiheit im frühen Mittelalter // *Idem.* Mittelalterliche Studien. Gesammelte Aufsätze. Konstanz: Jan Thorbecke, 1959. S. 139–163.
- 161) *McDorman G.L.* Governing the Post-Roman Burgundian Kingdom (Diss.). Chicago: Ann Arbor, 2008. 91 p.
- 162) *McDorman G.L.* Slaves and Slavery in the Burgundian Settlement // Essays in history: The Annual Journal. 2010 [Электронный документ. Режим доступа: <http://www.essaysinhistory.com/articles/2011/3>. Дата обращения: 06.11.2014].
- 163) *McKitterick R.* Charlemagne's missi and their books // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. By St. Baxter, С. Карпов, J.L. Nelson, D. Pelteret. Farnham: Ashgate, 2009. P. 253–267.
- 164) *McKitterick R.* Latin and Romance: an historian's perspective // Latin and the Romance languages in the early Middle Ages / Ed. by R. Wright. London; N.Y.: Routledge, 1991. P. 130–145.
- 165) *McCormick M.* New Light of the 'Dark Ages': How the Slave Trade fuelled the Carolingian Economy // Past and Present. 2002. No 177. P. 17–54.
- 166) *McCormick M.* Origins of the European economy. Communications and commerce. AD 300–900. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. XXVIII, 1101 p.

- 167) *McMullen R.* Corruption and the decline of Rome. New Haven [a.o.]: Yale Univ. Press, 1988. XII, 319 p.
- 168) *Meyer G.* Die Gerichtsbarkeit über Unfreie und Hintersassen nach ältestem Recht // ZSSR. GA. 1881. Bd. 2. S. 83–114.
- 169) *Meyer G.* Die Gerichtsbarkeit über Unfreie und Hintersassen nach ältestem Recht (Schluss) // ZSSR. GA. 1882. Bd. 3. S. 102–126.
- 170) *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa: Iskry, 2004. 516 S.
- 171) *Nehlsen H.* Bayern und die Langobarden – zugleich ein Beitrag zur Genese der Lex Baiuvariorum // *Idem.* Bayerische Rechtsgeschichte vom frühen Mittelalter bis zum 20. Jahrhundert. Frankfurt a/M. [u.a.]: P. Lang, 2011. S. 11–28.
- 172) *Nehlsen H.* Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter. Germanisches und Römisches Recht in den germanischen Rechtsaufzeichnungen. Göttingen, Frankfurt, Zurich: Musterschmidt, 1972. Bd. I. Ostgoten, Westgoten, Franken, Langobarden. 432 S.
- 173) *Nieboer H.J.* Slavery as an industrial system. Ethnological researches. The Hague: M. Nijhoff, 1900. XXVII, 474 p.
- 174) *Niermeyer J.F.* Mediae Latinitatis Lexicon minus: Lexique latin médiéval – français / anglais; A Medieval Latin – French / English dictionary. Leiden: Brill, 1976. Fasc. I. XVI, 1138 p.
- 175) *Olberg G., von.* Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges Barbarorum. Berlin; N.Y.: W. de Gruyter, 1991. VI, 335 S.
- 176) *Oliver L.* The beginnings of English Law. Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Press, 2002 (Toronto medieval texts and translations. Vol. 14). XIV, 297 p.
- 177) *Oliver L.* The Body Legal in Barbarian Law. Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Press, 2011 (Toronto Anglo-Saxon Series. Vol. 9). XV, 304 p.
- 178) *Patterson O.* Freedom in the making of Western Culture. N.Y.: BasicBooks, 1991. XVIII, 487 p.
- 179) *Patterson O.* Slavery and Social Death. A Comparative Study. Cambridge (Mass.); London, 1982.

- 180) *Pelteret D.A.E.* The Image of the Slave in Some Anglo-Saxon and Norse Sources // *Slavery and Abolition: A Journal of Slave and Post-Slave Studies*. 2002. Vol. 23. Issue 2. P. 75–88.
- 181) *Pelteret D.A.E.* Slave raiding and slave trading in early England // *Anglo-Saxon England* / Ed. by P. Clemoes [a.o.]. Cambridge [a.o.]: Cambridge Univ. Press, 1981. Vol. 9. P. 99–114.
- 182) *Pelteret D.A.E.* Slavery in the Danelaw // *Social Approaches to Viking Studies* / Ed. R. Samson. Glasgow: Cruithne Press, 1991. P. 179–188.
- 183) *Pelteret D.A.E.* Slavery in the early Medieval England from the Reign of Alfred until the Twelfth Century. Woodbridge: The Boydell Press, 1995 (Studies in Anglo-Saxon History. Vol. VIII). XVI, 375 p.
- 184) *Phillips W.D.Jr.* Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade. Minneapolis: Manchester Univ. Press, 1985. XI, 286 p.
- 185) *Phillips W.D.Jr.* Slavery in Medieval and Early Modern Iberia. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2014. 257 p.
- 186) *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law before the Time of Edward I. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1911. Vol. I. XXXVIII, 678 p.
- 187) *Poly J.-P.* La corde au cou. Les Francs, la France et la Loi salique // *Gènese de l'État moderne en Méditerranée. Approches historiques et anthropologiques des pratiques et des représentations. Actes des tables rondes internationales tenues à Paris (24–26 septembre 1987 et 18–19 mars 1988)*. Rome: École Française de Rome, 1993 (Collection de l'École française de Rome. Vol. 168). P. 287–320.
- 188) *Potthast A.* Bibliotheca historica medii aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500. Vollständiges Inhaltsverzeichnis zu “Acta sanctorum” Boll. – Bouquet – Migne – Monum. germ. hist. – Muratori – Rerum Brittan. scriptores etc. Anhang: Quellenkunde für die Geschichte der europäischen Staaten während des Mittelalters. 2. verbesserte und vermehrte Aufl. Berlin: W. Weber, 1896. Bd. I. CXLVIII, 800 S.

- 189) *Richards M.P.* Elements of a Written Standart in the Old English Law // Standartizing English: Essays in the History of Language Changing in honour of John Hurt Fisher / Ed. by J.B. Trahern Jr. Knoxville: Univ. of Tennessee Press, 1989 (Tennessee Studies in Literature. Vol. 31). P. 1–22.
- 190) *Rio A.* Legal Practice and the Written Word in the Early Middle Ages. Frankish Formulae, c. 500–1000. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. XII, 299 p.
- 191) *Rio A.* The Formularies of Angers and Markulf: Two Merovingian legal handbooks. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2008. VI, 310 p.
- 192) *Rösener W.* Agrargeschichte an der deutschen Universitäten // Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 1999. Bd. 47. Heft 2. S. 111–122.
- 193) *Rösener W.* Agrarwirtschaft, Agrarverfassung und ländische Gesellschaft im Mittelalter. München: Oldenbourg, 1992. VIII, 144 S.
- 194) *Rösener W.* Landwirtschaft im Mittelalter // Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: Arbeitsgebiete – Probleme – Perspektiven / Hrsg. von G. Schulz [u.a.]. München: Fr. Steiner, 2005. S. 19–39.
- 195) *Schmauder M.* The Relationship between Frankish "Gens" and "Regnum": a Proposal based on the archaeological evidence // Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl. Leiden: Brill, 2003. P. 271–306.
- 196) *Schmidt-Wiegand R.* Fränkische und frankolateinische Bezeichnungen für soziale Schichten und Gruppen in der Lex Salica. Göttingen, 1972 (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Jg. 1972. No 4). 42 S.
- 197) *Schmitz G.* Hunger und Wucher. Zur konziliaren Wahrnehmung gesellschaftlicher Wirklichkeit im 9. Jahrhundert // DA. 2014. Jg. 70. Heft 1. S. 121–142.
- 198) *Seebohm F.* The English Village Community examined in its Relations to the Manorial and Tribal Systems and to the Common or Open Field System on

Husbandry. An Essay in Economic History. London [a.o]: Longmans, Green & Co, 1915. XXI, 464 p.

199) *Siems H.* Asyl in der Kirche? Wechsellagen des Kirchenasyls im Mittelalter // Das antike Asyl. Kultische Grundlagen, rechtliche Ausgestaltung und politische Funktion / Hrsg. von M. Dreher. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2003 (Akten der Gesellschaft für Griechische und Hellenistische Rechtsgeschichte. Bd. 15). S. 263–299.

200) *Siems H.* Studien zur Lex Frisionum. Ebelsbach: Gremer, 1980 (Abhandlungen zur rechtswissenschaftlichen Grundlagenforschung. Bd. 42). XVI, 431 S.

201) *Simone G.* LS vs. LF: La traduzione frammentaria in antico alto tedesco della “Lex Salica” e la sua base latina. Bologna: Pàtron, 1991. 174 S.

202) *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. Oxford: Clarendon Press, 1943. VII, 748 p.

203) *Stubbs W.* The Constitutional History of England in its origin and development. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1875. Vol. I. VIII, 638 p.

204) *Thijs Ch.B.* Early Old English Translation: Practice before Theory? // Neophilologus. 2007. No 91. P. 149–173.

205) *Tourmagne A.* Histoire de l’esclavage ancien et moderne. Paris: Guillaumin et Co, 1880. IV, 460 p.

206) *Van Uytfanghe M.* The consciousness of a linguistic dichotomy (Latin–Romance) in Carolingian Gaul: the contradictions of the sources and of their interpretation // Latin and the Romance languages in the early Middle Ages / Ed. by R. Wright. London; N.Y.: Routledge, 1991. P. 114–129.

207) *Verhulst A.* The Carolingian Economy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 160 p.

208) *Verlinden Ch.* L’Esclavage dans l’Europe médiévale. Brugge, Gent: De Tempel, 1955–1977. T. I: Péninsule Ibérique – France. 929 p.; T. II. Italie, colonies italienne du Levant, Levant latin, Empire byzantin. 1067 p.

- 209) *Verlinden Ch.* L'origine de sclavus = esclave // Bulletin du Cange. Archivum Latinitatis Medii Aevi. 1942. Vol. 17. P. 97–128.
- 210) *Verlinden Ch.* Wo, wann und warum gab es einen Großhandel mit Sklaven während des Mittelalters? // Kölner Vorträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Köln, 1970. Heft 11. S. 3–26.
- 211) *Vinogradoff P.* The Growth of the Manor. 3rd ed. London, N.Y.: G. Allen & Unwin, 1920. IX, 384 p.
- 212) *Vinogradoff P.* Villainage in England. Essays in English Medieval History. N.Y.: Russell & Russell, 1967. XII, 464 p.
- 213) *Vinogradoff P.* Wergeld und Stand // ZSSR. GA. 1902. Bd. 23. S. 123–192.
- 214) *Waas A.* Die alte deutsche Freiheit. Ihr Wesen und ihre Geschichte. München, Berlin: Oldenbourg, 1939. 122 S.
- 215) *Waitz G.* Das alte Recht der Salischen Franken. Eine Beilage zur Deutschen Verfassungsgeschichte. Kiel: Schwers, 1846. X, 303 S.
- 216) *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel: E. Homann, 1844. Bd. 1. XXVII, 296 S.; Kiel: Schwers, 1847. Bd. 2. XVI, 668 S.; Kiel: E. Homann, 1960. Bd. 3. X, 534 S.
- 217) *Wallon H.* L'Histoire de l'esclavage dans l'Antiquité. Paris: Dezobry, E. Magdeleine & Co, 1847. T. II. 493 p.; T. III. 578 p.
- 218) *Wergeland A.M.* Slavery in Germanic Society during the Middle Ages. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1916. XVI, 158 p.
- 219) *Westermann W.L.* The Slave System of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia: American Philosophical Society, 1955 (Memoirs of the American Philosophical Society. Vol. 40). XII, 180 p.
- 220) *Whitelock D.* Archbishop Wulfstan, homilist and statesman // Transactions of the Royal Historical Society. 4th series. 1942. Vol. 24. P. 25–45.
- 221) *Whitelock D.* The Beginnings of English Society (The Anglo-Saxon Period). Harmondsworth: Penguin Books, 1952 (The Pelican History of England. Vol. 2). 257 p.

- 222) *Wilda W.E.* Geschichte des deutschen Strafrechts. Halle a. S.: C.A. Schwetschke und Sohn, 1842. Bd. I. XXIV, 997 S.
- 223) *Wolff Ph.* Sprachen, die wir sprechen: ihre Entstehung aus dem Lateinischen und Germanischen: von 100 bis 1500 n. Chr / Aus dem Französ. von A. Simon. München: Kindler, 1971. 256 S.
- 224) *Wormald P.* In search of King's Offa 'Law-Code' // *Idem.* Legal Culture in the Early Medieval West: Law as Text, Image and Experience. London; Rio Grande: Hambledon Press, 1999. P. 201–223.
- 225) *Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the twelfth century. Oxford: Blackwell, 1999. Vol. I. Legislation and its limits. XVIII, 574 p.
- 226) *Wormald P.* 'Quadripartitus' // *Idem.* Legal Culture in the Early Medieval West. Law as Text, Image and Experience. London; Rio Grande: Hambledon Press, 1999. P. 81–114.
- 227) *Wright J.* On slavery as it existed in England during the Saxon era, and the substitution of villenage after the Norman conquest, until its gradual extinction // Transactions of the Historic Society of Lancashire and Cheshire. 1857 / 1858. Vol. 10. P. 207–230.
- 228) *Wright R.* Late Latin and Early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool: F. Cairns, 1982. XII, 322 p.
- 229) *Yanovsky J.* De l'abolition de l'esclavage ancien du Moyen Âge et sa transformation en servitude de la glébe. Paris: Impr. impériale, 1860. IV, 154 p.
- 230) *Yorke B.* Wessex in the Early Middle Ages. London [a.o.]: Leicester Univ. Press, 1995. XIII, 367 p.
- 231) *Zeumer K.* Leges Visigothorum [Praefatio]. Hannover, Leipzig: Hahn, 1902 (MGH. LL nat. Germ. 1). P. XI–XXVIII.